

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
КАФЕДРА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Материалы
XVI Международного конгресса
«Блищенковские чтения»

В трех частях

ЧАСТЬ I

Москва, 14 апреля 2018 г.

Москва

Российский университет дружбы народов
2019

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ»
Юридический институт
Кафедра международного права

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Материалы
XVI Международного конгресса
«Блищенковские чтения»

В трех частях

ЧАСТЬ I

Москва, 14 апреля 2018 г.

Москва
Российский университет дружбы народов
2019

УДК 341(063)
ББК 67.412
А43

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

А43 Актуальные проблемы современного международно-го права : материалы XVI Международного конгресса «Блищенковские чтения» : в 3 ч. / отв. ред. А. Х. Абашидзе, Н. Н. Емельянова, А. М. Солнцев. Москва, 14 апреля 2018 г. – Москва : РУДН, 2019.
ISBN 978-5-209-09480-7
Ч. I. – 582 с.
ISBN 978-5-209-09481-4 (ч. I)

Издание представляет собой сборник выступлений участников XVI Международного конгресса «Блищенковские чтения», состоявшегося в РУДН 14 апреля 2018 года.

Первая часть сборника включает доклады, представленные на пленарном заседании, а также материалы секций «Международное право: новые угрозы и вызовы», «Теория международного права», «Международное экономическое право», «Интеграционное право в системе международного права». Во *второй части* сборника представлены материалы секций «Международное морское право», «Международное воздушное право», «Африка и международное право», «Международно-правовые проблемы миграции», «Международно-правовые проблемы снижения риска бедствий», «Международное спортивное право. Олимпийские игры». *Третья часть* сборника включает материалы секций «Международная защита прав человека», «Региональные системы защиты прав человека», «Образование в области прав человека», «ООН, международные организации и другие международные структуры. Многосторонняя дипломатия», «Международное гуманитарное право», «Международное уголовное право».

Часть материалов Конгресса издана в виде отдельных сборников «Современные проблемы международного космического права» и «Защита окружающей среды: взаимодействие международного и национального права» (на английском языке).

Материалы данного научного форума отражают исследования известных, а также молодых учёных-правоведов, которые, несомненно, будут полезны для преподавателей, научных сотрудников, аспирантов и студентов юридических вузов, практических работников и всех интересующихся актуальными проблемами международного права и международными отношениями.

ISBN 978-5-209-09481-4 (ч. I)
ISBN 978-5-209-09480-7

© Коллектив авторов, 2019
© Российский университет
дружбы народов, 2019

**PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
(RUDN UNIVERSITY)
LAW INSTITUTE
DEPARTMENT OF INTERNATIONAL LAW
ACTUAL PROBLEMS
OF CONTEMPORARY
INTERNATIONAL LAW**

*Proceedings
of the XVI Blischenko Congress*

In three parts

PART I

April 14, 2018, Moscow

Edited by

prof. Aslan Abashidze,

prof. Natalia Emelyanova, ass. prof. Aleksandr Solntsev

The edition is a collection of papers of the participants of the XV International Congress commemorating professor Igor Blischenko, held in the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) on April 14, 2018.

The *first part* of the collection contains materials of the plenary session and sections "International law: New threats and challenges", "Theory of international law", "International economic law", "Integration law in the system of international law". The *second part* of the collection contains materials of sections "International law of the sea", "International air law", "Africa and international law", "International legal problems of migration", "Disasters and international law", "International sports law. Olympic games". The *third part* of the edition contains materials of sections "International protection of human rights", "Regional protection of human rights", "Human rights education", "The UN, international organizations and other international structures. Multilateral diplomacy", "International humanitarian law", "International criminal law".

Some materials of the Congress are published in the separate collections "Contemporary Issues of International Space Law" and "Protection of environment: interaction between international and national law" (in English).

The proceedings of this scientific forum reflect the papers of well-known academics and young researchers, which will certainly be useful for professors, researchers, students of law schools and Ph.D. students, practitioners and everyone interested in contemporary issues of international law and international relations.

**Moscow
2019**

ПРЕДИСЛОВИЕ

14 апреля 2018 года кафедра международного права юридического института Российского университета дружбы народов провела ежегодный XVI по счету Международный конгресс «Блищенковские чтения».

Всего в Конгрессе в рамках 18 секций и круглых столов приняли участие 415 человек, из которых 324 выступили с докладами и сообщениями. Данный, по истине международный научный форум собрал 142 зарубежных участника из 48 государств, а также 57 участников из 24 регионов Российской Федерации.

Пленарное заседание было посвящено 70-летию Всеобщей декларации прав человека, 25-летию Венской декларации и Программы действий и 25-летию Конституции Российской Федерации. Основным докладчиком на тему «Всеобщая декларация прав человека: исторические итоги и перспективы» выступил известный ученый-международник и практик, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры международного права РУДН, главный научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права РАН Владимир Алексеевич Карташкин, на трудах которого выросло не одно поколение отечественных специалистов по международной защите прав человека.

На открытии Блищенковских чтений с приветственным словом выступили Нур Серикович Кирабаев — первый проректор Российского университета дружбы народов – проректор по научной работе, д-р филос. наук, профессор; Анна Ивановна Отке — Член Комитета по социальной политике Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, канд. юрид. наук; Ирина Игоревна Романова — заместитель директора департамента государственной политики в сфере защиты прав детей Министерство образования и

науки Российской Федерации; Степан Юрьевич Кузьменков — начальник отдела по общеевропейскому сотрудничеству и правам человека Министерства иностранных дел Российской Федерации; Иван Николаевич Соловьев — Руководитель рабочего аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор; Рашид Алуаш — Ответственный за Совместную программу Российской Федерации и Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, канд. юрид. наук; Евгений Витальевич Угринович — Генеральный директор межправительственной организации «Международный центр научной и технической информации»; Иван Николаевич Тимофеев — Программный директор Российского совета по международным делам, доцент кафедры политической теории Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, канд. полит. наук. Традиционно на ежегодных конгрессах «Блищенковские чтения» участвуют ведущие зарубежные ученые. В 2018 г. на конгрессе выступили: Марьян Питерс — профессор экологической политики и права, Маастрихтский университет (Нидерланды) и Веран Эджахарян-Канаа — профессор юридического факультета, Университет «Гренобль-Альпы» (Франция).

Основная работа «Блищенковских чтений» прошла в 18 секциях, ориентированных по основным отраслям и направлениям международного права. В рамках секции «Интеграционное право» была проведена презентация двух томов учебника «Право международных организаций», а в секции «Международное воздушное и космическое право» презентация учебника «Международное воздушное право». Данные учебники подготовлены коллективом кафедры международного права РУДН.

Соорганизаторами Международного конгресса «Блищенковские чтения» выступили Региональное представительство Международной Федерации обществ Красного Кре-

ста и Красного Полумесяца, Международная организация космической связи «ИНТЕРСПУТНИК», Московское отделение Управления Верховного комиссара по делам беженцев (УВКБ), Российский Красный Крест (РКК), Международный Комитет Красного Креста (МККК), Российская Ассоциация содействия ООН (РАС ООН), Всемирный фонд дикой природы (WWF), Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (АКМНСС и ДВ РФ), Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, Министерство образования и науки Российской Федерации.

Данный широкоформатный и представительный научный форум был организован при грантовой поддержке: Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) по теме «Проблемы и международная практика в сфере защиты детей от эксплуатации и насилия: история, политика, право», номер проекта №16-03-00467; «БРИКС и мирное использование космического пространства», номер проекта № 17-03-00427; «Дискриминация христиан: генезис и международно-правовое противодействие» №18-011-00292; гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых ученых – кандидатов наук по теме «Система договорных органов по правам человека: вчера, сегодня, завтра» (МК-1952.2017.6); Российского научного фонда: проект № 16-18-10315 «Нормативные рамки, политический процесс и структурные изменения в Организации Объединенных Наций: международный институт в сплетении мегатрендов XXI века».

В завершении работы международного конгресса «Блищенковские чтения» были подведены итоги работы всех секций, а студентам и аспирантам были вручены дипломы и памятные подарки за лучшие выступления.

Кафедра международного права юридического института РУДН благодарит всех участников за проявленный интерес и активное участие в работе Международного конгресса «Блищенковские чтения», а также модераторов всех сек-

ций и круглых столов, которые вели соответствующие секции и подготовили итоговые отчеты.

Необходимо выразить особую благодарность старшему преподавателю кафедры международного права Денису Андреевичу Гугунскому за его неоценимую роль в организации и проведении данного форума. Мы, сотрудники кафедры международного права РУДН, преисполнены решимости и дальше укреплять все необходимые предпосылки для новых свершений уже известного международного научного форума – Международного конгресса «Блищенковские чтения». До встречи 13 апреля 2019 года на следующем XVII Международном конгрессе «Блищенковские чтения».

Аслан Хусейнович Абашидзе

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Заведующий кафедрой международного права юридического института Российского университета дружбы народов, профессор Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, Председатель Комиссии международного права Российской Ассоциации содействия ООН, Член Экспертного совета по праву Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, Член Экспертного совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации, Член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации, Член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

United Nations
Educational, Scientific and
Cultural Organization

Organisation
des Nations Unies
pour l'éducation,
la science et la culture

Organización
de las Naciones Unidas
para la Educación,
la Ciencia y la Cultura

Организация
Объединенных Наций по
вопросам образования,
науки и культуры

منظمة الأمم المتحدة
للترية والعلم والثقافة

联合国教育、
科学及文化组织

The Assistant Director-General for Education a.i.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ
ОТДЕЛ
ВХ 01-01/1773
ОТ "17-АПР 2018"

Mr Vladimir M. Filippov
Rector of RUDN University
Peoples' Friendship University of
Russia
6 Miklukho-Maklaya St.
Moscow, 117198
Russian Federation

Ref. : ED/PSD/GCP/18/2316

4 April 2018

Dear Mr Filippov,

I wish to acknowledge, with thanks, your letter of 6 March 2018, whereby you request UNESCO to consider including the XVI Annual Blisichenko Congress, to be held on 14 April 2018, as part of the Organization's activities on youth, and for UNESCO to deliver welcoming remarks to the participants of this Congress.

At the outset, allow me to express how much UNESCO welcomes learning about this meeting and its focus on the issues of human rights education. We are also encouraged to note the intentions of establishing an expert working group to prepare a textbook on international protection of human rights. While we commend all these activities, I regret to inform you that UNESCO is not in a position at this stage to include the Congress as a designated UNESCO activity. However, we wish by this letter to send a message to welcome participants to this meeting, which is especially important in this year when we celebrate the Universal Declaration of Human Rights, for which human rights education is essential. In this spirit, we thank all participants to this important Congress and wish you rich and fruitful discussions.

In this same spirit, rest assured that we remain very attentive to your leading work on human rights education, both as Rector of the People's Friendship University of Russia (RUDN University) and as UNESCO Chair in Policies of Higher Education for which we are deeply grateful. We hope the Congress and the working group will contribute to supporting our common effort on delivering human rights education, and we look forward to receiving information on the outcomes of the meeting.

With my best wishes for a successful Congress, I remain,

Yours sincerely,

Firmin E. Matoko

7, place de Fontenay
75352 Paris 07 SP, France
Tél. : +33 (0)1 45 68 14 67
Fax : +33 (0)1 45 68 56 26

www.unesco.org

Education
2030

Приветственное слово
Ответственного за Совместную программу
Российской Федерации и Управления Верховного
комиссара ООН по правам человека
Рашида Алуаша

Принятие в 1948 г. ВДПЧ изменило взгляд людей на их место в мире и их отношения с государством и друг с другом. Это уже само по себе является ценным вкладом, независимо от обеспечения прав, фактически перечисленных в документе. В течение десятилетий с 1948 г. ВДПЧ закладывало основы "общей совести" человечества. Международное сообщество продолжает опираться на нее, и ВДПЧ должна рассматриваться как один из столпов развивающейся глобальной этики для нашего все более взаимосвязанного мира.

ВДПЧ представляет собой основополагающий документ в процессе последовательного развития прав человека. С 1948 г. был достигнут исторический прогресс в поощрении и защите прав, включая разработку совокупности правовых норм в области прав человека и создание механизмов, которые просто нельзя было представить в 1920-х и 1930-х годах. Однако, несмотря на достижения, мы должны признать и отреагировать на реальность, в которой права человека продолжают нарушаться в тревожных масштабах по всему миру. Весь потенциал прав человека будет достигнут только посредством многочисленных пересекающихся и скоординированных механизмов, которые функционируют как на международном, так и на национальном уровнях, и которые взаимодействуют одновременно с правительственными и неправительственными учреждениями.

В этом отношении в рамках Всемирной конференции по правам человека, проводившейся в 1993 году в Вене, было единогласно заявлено о приверженности мирового сообщества правам человека через принятие Венской декларации и Программы действий (ВДПД). На основе Всеобщей декларации прав человека ВДПД признала, что поощрение и защита прав человека должны быть приоритетной задачей как для государств, так и для между-

народного сообщества. Она предусматривает укрепление норм и учреждений в области прав человека на национальном и международном уровнях. Кроме того, именно в Вене были предприняты шаги для создания мандата Управления Верховного комиссара по правам человека как признание того, что поощрение и защита всех прав человека правомерно заслуживают внимания международного сообщества. Новому Управлению был предоставлен широкий мандат, и на него была возложена основная ответственность за поощрение, координацию, укрепление и оптимизацию работы в области прав человека и связанных с ней видов деятельности в рамках всей системы Организации Объединенных Наций. Тринадцать лет назад, на Всемирном саммите ООН 2005 года главы государств со всего мира выразили приверженность расширению программы ООН в области прав человека, тем самым признав центральную роль и важность применения правозащитного подхода во всех аспектах работы ООН. В то же время были признаны взаимосвязанными три столпа системы ООН, а именно мир и безопасность, развитие и права человека.

Краеугольным камнем Декларации является понятие человеческого достоинства: "признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира". К сожалению, для миллионов людей признание их неотъемлемого достоинства остается далеким от реальности. Для нас это значит не поражение ВДПЧ, а необходимость продолжать оценивать актуальность этих стандартов и продолжать искать более эффективные пути для достижения нашей общей цели уважения человеческого достоинства.

**Приветственное слово
Генерального директора межправительственной организации
«Международный центр научной и технической информации»
Евгения Угриновича**

Уважаемые организаторы и участники Конгресса,
Позвольте тепло приветствовать вас от лица 22 государств-членов Международного центра научной и технической информации (далее МЦНТИ). Мы высоко ценим вклад Блищенковских чтений и кафедры международного права РУДН в развитие лучших традиций юридической научной мысли, воспитание молодых поколений юристов мира на великом творческом наследии предшественников.

16-й Конгресс посвящен 70-летию Всеобщей декларации прав человека, в том числе провозглашенному в ней праву: «...Искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ»¹. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах требует признания права каждого человека на «пользование результатами научного прогресса, ... пользование защитой моральных и материальных интересов, возникающих в связи с любыми научными... трудами, автором которых он является»². Статья 15 Пакта призывает государства охранять, развивать и распространять достижения науки, «уважать свободу, безусловно необходимую для научных исследований».

Но разве эта статья не предполагает свободу развития науки на своем национальном языке и при этом признание мирового сообщества?

¹ Всеобщая декларация прав человека. Принята ГА ООН 10 декабря 1948 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr (дата обращения: 12 апреля 2018 г.).

² Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят ГА ООН 16 декабря 1966 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon. (дата обращения: 12 апреля 2018 г.).

В полной ли мере защищены международным правом современный научно-технический прогресс и трансграничный трансфер научной и технической информации, права ученого и изобретателя?

Не доминируют ли в этой сфере в ущерб вышеупомянутым свободам экономические интересы крупных мировых издателей-монополистов?

Международный центр научной и технической информации готов участвовать в решении этих вопросов и открыт для самого широкого взаимодействия, «поощрения и развития международных контактов и сотрудничества»³ в соответствии с духом и буквой Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах.

20 сентября 2017 года МЦНТИ учредил Целевую группу для достижения целей устойчивого развития, включая охрану интеллектуальной деятельности средствами международного права. И в рамках ее работы мы готовы эффективно участвовать как в теоретическом осмыслении новелл международного права (в частности, предложенных премьер-министром Великобритании), так и в практике правоприменения, включая защиту прав личности, авторского права на научные и культурные ценности, технологии и ноу-хау.

Искренне желаю всем плодотворной деятельности!

³ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят ГА ООН 16 декабря 1966 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon (дата обращения: 12 апреля 2018 г.).

70-ЛЕТИЕ ВСЕОБЩЕЙ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Владимир Алексеевич Карташкин

*Доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
главный научный сотрудник Института государства и права
Российской академии наук*

Всеобщая декларация прав человека, принятая в 1948 году, 70 лет тому назад, основана на уроках Второй мировой войны и неисчислимым бедствиях, с которыми столкнулось человечество: глобальным конфликтом, массовыми зверствами и разрушениями, атомной бомбардировкой, преступлениями геноцида. 70 лет – это сравнительно короткий промежуток времени. Однако он дает нам основание для того, чтобы подвести некоторые итоги сотрудничества государств в сфере прав человека и развитии международного права за прошедший период и поразмыслить об их перспективах.

Разработка Всеобщей декларации прав человека проходила в годы «холодной войны», когда отношения между государствами резко обострились, а их подход к обсуждаемым вопросам носил, зачастую, не только различный, но и противоположный характер¹.

Во Всеобщей декларации говорится о таких категориях, как «свобода», «равенство», «справедливость», «социальный прогресс» и многих других. Советский Союз считал, что нет свободы вообще, так же как равенства и демократии, они носят классовый характер, а права и свободы человека, как и социальный прогресс, можно обеспечить лишь путем построения социализма и коммунизма. Тем не менее, противоположные позиции государств по

¹ Мовчан А.П. «Международная защита прав человека». М., 1958. С. 41-145; Островский Я.А. «ООН и права человека». М., 1968. С. 40-122; Карташкин В.А. «Холодная война и развитие международного права». Обозреватель. № 5. 2016. С. 3-6.

этим и многим другим вопросам не мешали сторонам идти на взаимные уступки и существенные компромиссы, чтобы согласовать свои противоречивые позиции. Они закрепили во Всеобщей декларации вышеупомянутые так называемые «классовые» категории при понимании того, что все они должны осуществляться в рамках существующего строя. Этот документ впервые в истории человечества провозгласил широкий перечень как гражданских и политических, так и социально-экономических прав, которые ранее не закреплялись в международных документах.

Каким же образом участникам переговоров удалось принять Всеобщую декларацию прав человека? Этому способствовало ряд факторов. Во-первых, государства исходили из того, что документ будет принят в виде резолюции Генеральной Ассамблеи, носящей только рекомендательный характер. Во-вторых, в преамбуле Декларации прямо отмечалось, что она провозглашается в качестве лишь «задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства». В-третьих, состав Комиссии по правам человека ООН, которой было поручено разработать этот документ, состоял из видных ученых, дипломатов, государственных и общественных деятелей, известных склонностью к поиску компромиссов и высоким уровнем знаний.

Немаловажным обстоятельством было привлечение к работе над проектом Декларации сотрудников отдела прав человека ООН во главе с канадским профессором Дж. Хамфри, который наряду с французским ученым Рене Кассеном подготовил один из проектов Декларации. Все они первоначально обсуждались группой в узком составе, поскольку разработать и согласовать такой документ Комиссией в составе 18 человек было практически невозможно. Окончательный проект Декларации, голосовался в Комиссии по-статейно и не все статьи документа принимались единогласно. Окончательная редакция Всеобщей декларации прав человека была одобрена 10 декабря 1948 года. 48 странами-членами ООН. Социалистические страны, а также ЮАР и Саудовская Аравия при голосовании воздержались. Западные страны единодушно голосовали за принятие Декларации, хотя многие перечисленные в ней права, там не соблюдались. Особенно это относится к США, где не только на практике, но и в законодательном порядке существовала

расовая дискриминация, а негритянское население страны было лишено элементарных прав.

Глава советской делегации Вышинский А.Я., объясняя мотивы голосования, ссылаясь на то, что Декларация нарушает суверенитет государств и может быть использована для вмешательства в их внутренние дела². ЮАР воздержалась при голосовании в связи политики геноцида, проводимой в стране, а Саудовская Аравия не могла поддержать документ, признающий равенство мужчин и женщин.

Принятие Всеобщей декларации стала итогом рассмотрения и согласованная различных мнений и точек зрения. В ее разработке и одобрении принимали участие не только европейские страны, но и такие развивающиеся государства как Китай, Египет, Индия, Ливан, Уругвай, Чили и многие другие. Это особо важно отметить и потому, что некоторые ученые и государственные деятели высказывают мнение, что принципы и нормы, закрепленные в Декларации, отражают, в основном, западную позицию, а сам документ основан на «европейских ценностях» и не является «всеобщим», поскольку содержит права и свободы, возникшие и развивающиеся, главным образом, на европейском континенте³.

В разработке Декларации, как отмечалось, принимали участие западные, социалистические и развивающиеся страны, которые выработали компромиссный документ, отражающий, в целом, их общую точку зрения. Ценности и права, содержащиеся в нем, являются отражением вклада различных цивилизаций и культур. Этот вклад отмечали представители многих государств при принятии Декларации.

Так, делегация Бразилии заявила, что «Декларация не представляет собой отражение взглядов какого-либо одного народа или какой-либо группы народов. Она не является и продуктом какого-

² Вышинский А.Я. «Вопросы международного права и международной политики». М., 1951. С. 379-390.

³ Шестаков Л.Н. «Ислам и права человека». / Вестник МГУ, серия 11, Право. 1977. № 5. С. 60-68; Лукашева Е.А. «Конфликт культур: универсализм прав человека и традиционные ценности / Диалог культур: социальные, культурные, политические и ценностные аспекты». М. 2015. С. 68-73.

либо конкретного политического учения или философской системы. Она была выработана в результате интеллектуального и духовного сотрудничества представителей многих народов. Этим определяются ее ценность и интерес, и это придает ей большой моральный вес»⁴.

Представители Китая, Пакистана и ряда других развивающихся стран отмечали, что их страны и соответствующие цивилизации оказали влияние на эволюцию идей о правах человека⁵.

Как подчеркивается в Программе развития Организации Объединенных Наций, Всеобщая декларация прав человека, закрепив «общие ценности человечества», вобрала в себя разнообразные культурные и политические традиции и воззрения и, будучи принята консенсусом, представляет собой «общий для всех народов и всех государств наивысший стандарт»⁶.

Следует признать, что во время принятия Декларации большинство в Организации Объединенных Наций составляли западные страны. Однако Пакты о правах человека, в договорном порядке закрепившие каталог прав человека, провозглашенный во Всеобщей Декларации, разрабатывались и принимались Организацией Объединенных Наций, когда подавляющее большинство в ней составляли развивающиеся страны. Многие статьи этих документов содержат положения, которые были предложены именно развивающимися странами и отражают содержание Декларации.

Эта Декларация оказала влияние на содержание ключевых международных конвенций по правам человека, ее положения подтверждались и развивались на различных международных форумах. В этой связи следует отметить Вторую Всемирную Конференцию по правам человека, которая проходила в Вене 25 лет назад, в 1993 году. Принятая на этой конференции Венская декларация и Программа действий подчеркивают. «что все права человека универсальны, неделимы, взаимозависимы и взаимосвязаны.

⁴ Study on promoting Human rights and fundamental freedoms through a better understanding of traditional Values of humankind, Human Rights Council, Geneva 1 June 2012. P. 10-12.

⁵ Ibid. P. 10 – 12.

⁶ UNDP. Doing Justice: How informal justice systems can contribute, December 2006. P. 33 – 35.

Международное сообщество должно относиться к правам человека глобально, на справедливой и равной основе, с одинаковым подходом и вниманием. Хотя значение национальной и региональной специфики и различных исторических, культурных и религиозных особенностей необходимо иметь в виду, государства, независимо от их политических, экономических и культурных систем, несут обязанность поощрять и защищать все права человека и основные свободы»⁷.

Как известно, Всеобщая декларация не содержит положений о наблюдательном, контрольном или ином механизме за соблюдением ее положений. Этот вопрос частично был решен на Венской конференции по правам человека, которая рекомендовала Генеральной Ассамблее учредить пост Верховного комиссара по правам человека. Генеральная Ассамблея ООН в том же 1993 году приняла резолюцию, учреждающую такую должность⁸, одной из целью которой явилась «необходимость соблюдения Всеобщей декларации прав человека».

Принятая 70 лет назад в качестве стандарта, к достижению которого должны стремиться все народы и все государства, Всеобщая декларация является сегодня одним из важнейших источников права, служит моделью, которая широко используется многими странами для разработки отдельных положений конституций, различных законов и документов, относящихся к правам человека. Ее положение в результате обычной и договорной практики государств стали обязательными для всех участников международных отношений. В настоящее время более чем 100 национальных конституций, принятых после 1948 года, содержат перечень фундаментальных прав, которые или воспроизводят положения Декларации, или включены в них под ее воздействием.

Большое влияние оказала Декларация и на содержание многих статей Конституции нашей страны, принятой 25 лет назад, в 1993 г. Глава 2 Конституции «Права и свободы человека и гражданина» содержит практически весь перечень норм в области прав

⁷ Всемирная конференция по правам человека. Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 1995, С. 25.

⁸ См. Резолюция Генеральной Ассамблеи 48/141 «Верховный комиссар по поощрению и защите всех прав человека» от 20 декабря 1993 г.

человека, которые были закреплены во Всеобщей декларации. Она впервые в истории нашей страны провозгласила естественный характер прав человека, который был закреплен в ст. 1 Всеобщей декларации. Особо примечательным является то, что Конституция России признала общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры составной частью ее правовой системы, которые имеют преимущество перед национальным законодательством (п. 4 ст. 15 Конституции РФ). В этой связи важно отметить, что Всеобщая декларация содержит нормы, ставшие в настоящее время *jus cogens*, то есть обязательными для всех государств.

Выполняя свои международные обязательства согласно Конституции, Россия должна соблюдать все принципы и нормы, закрепленные во Всеобщей декларации.

Годы, прошедшие после принятия Всеобщей декларации, свидетельствуют о том, что этот документ оказал и оказывает все возрастающее воздействие на развитие международного права.

Во Всеобщей декларации не получили закрепление принципы и нормы, относящиеся к созданию и функционированию механизма контроля за соблюдением прав человека. Однако эти вопросы под воздействием Декларации были разрешены в процессе разработки и принятия Пактов о правах человека и ключевых международных конвенций о правах человека.

Длительное время государства не могли договориться о создании развернутого контрольного механизма применительно к Пакту об экономических, социальных и культурных правах. Это в основном объяснялось тем, что многие участники международных отношений относили социально-экономические права не к юридическим нормам, а только к необязательным стандартам, к достижению которых должны стремиться государства. Однако вскоре, после крушения колониальной системы и качественного изменения состава ООН, произошло кардинальное изменение позиции мирового сообщества. Новый подход, исходящий из того, что все права человека универсальны, неделимы, взаимосвязаны и взаимозависимы, находит свое закрепление во многих международных документах.

Признание международным сообществом неделимости и взаимозависимости всех прав человека имело решающее значение

в их межгосударственной защите. Это признание привело к принятию в 2008 г. Факультативного протокола к Пакту об экономических, социальных и культурных правах.

Таким образом, членам ООН потребовалось почти 60 лет после принятия Всеобщей декларации, чтобы одобрить принципы и нормы деятельности контрольного механизма применительно к социально-экономическим и культурным правам.

Деятельность контрольного механизма, учрежденного после принятия Всеобщей декларации, свидетельствовала о том, что многие государства, не являющиеся участниками договоров в сфере прав человека, не попадают под контроль существующего механизма. Между тем признание принципов и норм, содержащихся во Всеобщей декларации в качестве обязательных, потребовало универсализации такого механизма.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 60/251 от 15 марта 2006 г. «Совет ООН по правам человека» создала механизм универсального периодического обзора за соблюдением прав и свобод человека всеми государствами-членами ООН⁹.

Согласно этому механизму государства должны выполнять свои обязательства не только на основании Устава ООН и международных договоров по правам человека, но и также исходя из положений Всеобщей декларации¹⁰.

Под влиянием Декларации изменяется содержание ряда принципов международного права. В современном мире происходит, в частности, сужение внутренней юрисдикции государств и ограничение их суверенитета. Приняв Всеобщую Декларацию, а затем Пакты о правах человека, государства взяли на себя международно-правовые обязательства, которые ранее полностью относились к их внутренней компетенции и, тем самым, вывели такие дела из сферы действия п. 7 ст. 2 Устава ООН. Последующее принятие ключевых международных соглашений в рассматриваемой сфере и Статута Международного Уголовного Суда свидетельствуют о том, что многие вопросы, которые ранее относились к внутренней компетенции государств и исключительно к их суве-

⁹ См. подробнее: Абашидзе А.Х., Гольтяев А.О. «Универсальные механизмы защиты прав человека». М., 2013. С. 44-54.

¹⁰ Резолюция Совета ООН по правам человека 5/1 от 18 июня 2007 г.

ренитету, стали подвергаться международно-правовому регулированию. Сфера действия внутренней юрисдикции государств постоянно сужается, а их суверенитет ограничивается принципами и нормами международного права¹¹.

Всеобщая декларация оказала осязаемое влияние на развитие многих отраслей международного права. Провозгласив основные права и свободы, а также такие принципы как принцип недискриминации, принцип равенства прав мужчин и женщин и другие, она предвосхитила многие нормы заключенных в последствии международных договоров.

Свобода действий государств во внешних отношениях и внутренних делах стала ограничиваться принципами и нормами международного права, их договорными обязательствами. Государства не имеют права в противовес взятых на себя обязательств принять, например, законы нарушающие Всеобщую Декларацию или Пакты, и ограничивать тем самым права и свободы граждан.

В настоящее время на основе Декларации создана разветвленная система международных договоров, охватывающие основные права и свободы человека, накоплен значительный нормативный пласт, сформировалось большое число принципов и норм, многие из которых стали общепризнанными и приобрели характер *jus cogens*. В то же время выявились серьезные недостатки в функционирующей системе, массово нарушаются права и свободы человека, недостаточно плодотворно функционирует конвенционный контрольный механизм.

Опыт обсуждения Всеобщей декларации, а затем и Пактов, показывает, что даже в период «холодной войны», когда разрабатывались эти документы, государствам удавалось достигать соглашений, казалось бы, по неразрешенным проблемам. При этом государства не отказывались вести по ним переговоры и в, конечном счете, достигали компромиссов.

При разработке Всеобщей декларации западным и социалистическим странам не удалось, например, достигнуть согласия о включении в документ право каждого на собственность.

¹¹ Карташкин В.А. «Права человека и принципы международного права в XXI веке». М., 2018. С. 49-67.

Однако, в последствии после длительных согласований, почти в течение 20 лет, им удалось включить это право в Пакт об экономических, социальных и культурных правах.

История международных отношений показывает, что в самых сложных ситуациях, когда между странами существуют даже непримиримые противоречия, можно достигнуть согласия по самым сложным вопросам. Для этого необходимо идти на взаимные уступки и взаимоприемлемые компромиссы, учитывающие интересы всех участников переговорного процесса. И, самое главное – не отказываться от переговоров, ссылаясь на «решенность» того или иного спора или невозможность достичь по нему взаимоприемлемого решения. Для этого нужна политическая воля вовлеченных в конфликт сторон и готовность искать взаимоприемлемые решения на основе учета интересов всех сторон.

В текущем столетии мир вступил в новую эпоху своего развития. Международные отношения второй половины XXI века будут радикальным образом отличаться от современных. Нынешнее обострение межгосударственных отношений, как это бывало неоднократно в прошлом, сменится разрядкой международной напряженности. Есть все основания полагать, что усилия государств будут сосредоточены на обеспечение прав и свобод человека.

Если предыдущие столетия характеризовались борьбой государств за раздел, а затем за передел уже разделенного мира, то текущий век может стать столетием прав человека. Для этого надо совершенствовать всю систему международных отношений и уже сейчас приступить к обсуждению ряда важных документов в данной сфере.

На наш взгляд, настало время для разработки Декларации универсальных прав человека, а затем на ее основе – единого Пакта или Хартии прав человека. Особое внимание следует уделить развернутому определению ряда прав и свобод и наметить четкие пределы их ограничений. Особенно это важно в связи с научно-техническим прогрессом и внедрением новых технологий. Это, в первую очередь, относится к свободе слова, неприкосновенности личности, праву на образование и многим другим.

Всеобщую декларацию прав человека необходимо привести в соответствие с текущими реалиями. За 70 лет мир во многом из-

менился. Устарели многие положения, не только этого документа, но и целого ряда международных договоров, включая Устав ООН. Так, расширился перечень принципов, закрепленных в ст. 2 Устава ООН, а ее цели, перечисленные в первой же статье этого основополагающего договора, стали общепризнанными принципами современного международного права.

Поэтому в будущей Декларации необходимо зафиксировать не только права и свободы человека, провозглашенные в целом ряде международных документов за прошедшие 70 лет, но и новые принципы и нормы международного права в этой сфере. К ним относятся те, которые зафиксированы в ключевых международных соглашениях по правам человека, как, например, принцип защиты прав ребенка, принцип защиты прав инвалидов и многие другие.

В этой связи следует иметь в виду, что ряд принципов международного права в рассматриваемой сфере только складываются и не нашли еще закрепления в международных соглашениях. В первую очередь, речь идет о принципе международной защиты прав неграждан, принципе уважения лиц пожилого возраста и целого ряда других. Их развернутое определение в новой Декларации несомненно будет способствовать улучшению положения с осуществлением вышеупомянутых прав.

Представляется, что отдельный раздел Декларации целесообразно посвятить принципам деятельности международного контрольного механизма в сфере прав человека.

Совершенно очевидно, что в предлагаемой Декларации должен быть развернутый перечень международных преступлений, совершение которых влечет за собой преступные нарушения прав человека. В этом отношении в современном международном праве есть определенные пробелы. Показателен в данном случае является Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятая 70 лет назад, 9 декабря 1948 года, накануне одобрения Всеобщей декларации¹². Совершенно неприемлемыми в настоящее время являются статьи о денонсации Конвенции (ст. XIV), возможности прекращения ее действия (ст. XV), право государств не распространять закрепленные в ней положения «на все

¹² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 260А (III) от 9 декабря 1948 г.

или некоторые территории, за ведение внешних отношений, которых она ответственна» (ст. XII).

В настоящее время общепризнанно, что геноцид представляет собой международное преступление, а принцип уголовной ответственности физических лиц закреплен в Статуте Международного Уголовного Суда и других международных соглашениях. Этот принцип распространяется на все государства, независимо от каких-либо причин, в том числе неучастия в указанной Конвенции.

Естественно, что сложный и многогранный процесс разработки и принятия Декларации универсальных прав человека может занять длительный промежуток времени. На данный момент многие государства не готовы приступить к его реализации. Но ситуация в мире стремительно меняется. И то, что кажется нереальным сегодня может осуществиться в ближайшее время. И в этом отношении исключительно важно, что на основе такой Декларации легче будет разработать и принять единую Хартию прав человека.

Мировому сообществу следует добиваться, чтобы XXI век вошел в историю как столетие всеобщего и повсеместного соблюдения основных прав и свобод личности, торжества демократии и всеобщего мира, принципов и норм международного права.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Татьяна Николаевна Москалькова

*Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации,
Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор
юридических наук, доктор философских наук, профессор*

Многие годы аппарат Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации сотрудничает с Российским университетом дружбы народов (РУДН). 8 ноября 2016 года состоялась пролонгация соглашения о сотрудничестве Уполномоченного с РУДН. Это соглашение положило начало нового этапа продуктивной совместной деятельности между институтом государственного правозащитника и одним из ведущих образовательных центров страны.

Сотрудничество аппарата Уполномоченного с университетом предусматривает работу по четырём направлениям: обмен информационными материалами, совместные научно-практические и просветительские мероприятия, в том числе по международной тематике, организация стажировок студентов в аппарате Уполномоченного, в также сотрудничество в рамках магистерской программы «Международная защита прав человека» для студентов Консорциума вузов.

Мы работаем с Магистерской программой по правам человека плотно уже четвертый год: наш аппарат проводит для магистрантов, участников этой программы, лекционные и практические занятия, мастер-классы, семинары и даже экскурсии. Наш спецкурс носит в основном прикладной характер: он посвящен практическим вопросам деятельности федерального Уполномоченного и особенностям отечественной системы прав человека.

У магистрантов есть возможность не только ознакомиться с работой государственного правозащитника, с самой актуальной повесткой правозащитной ситуации в России, но и прийти к нам на стажировку. Число практикантов постоянно растет: если в 2016

году учебную и преддипломную практику в аппарате Уполномоченного прошли 26 студентов московских и региональных вузов, то в 2017 -м – их было 90, в 2018 году – только с января по апрель – 66 человек.

Кроме этого, уже четвертый год мы поддерживаем и активно участвуем в программе стажировок для коренных народов (ПСКН), специализированной учебной программе в области прав человека, учрежденной также Управлением Верховного комиссара по правам человека (УВКПЧ). Представители коренных малочисленных народов во время московской части стажировки знакомятся с работой аппарата Уполномоченного по правам человека в РФ. Посредством видео-конференцсвязи на вопросы участников программы отвечают мои коллеги, уполномоченные в субъектах Российской Федерации и уполномоченные по правам коренных малочисленных народов (в наших мероприятиях участвовали уполномоченные в Республике Бурятия, Красноярском крае, Ханты-Мансийском автономном округе).

Уже второй год подряд, начиная с 2017 года, аппарат Уполномоченного становится одной из площадок работы Всероссийской студенческой научной конференция «Право, общество, государство: проблемы теории и истории», которую проводит Юридический факультет РУДН.

2018 год, надеюсь, станет годом развития нашего плодотворного сотрудничества, расширения научно-методического, информационного и образовательного взаимодействия.

Этот год – особый, он является торжеством прав человека во всем мире, поскольку мы отмечаем 70-летие Всеобщей декларации прав человека и 25-летие Конституции нашей страны. Всеобщая декларация прав человека является важным документом для всех нас. Закрепленные в ней принципы и права не потеряли своей актуальности и по сегодняшний день, ее положения позволяют выстроить нравственные ориентиры в отношениях уровня «власть — личность», «гражданин — государство». На основе Всеобщей декларации были разработаны многие другие международные и региональные соглашения, позволяющие защитить права всех людей вне зависимости от происхождения и вероисповедания.

Приоритетам международного права созвучны положения Конституции Российской Федерации. Статья 2 Основного закона

гласит, что «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»¹. Должность Уполномоченного по правам человека закреплена в статье 103 Конституции Российской Федерации².

Статья 1 Федерального Конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» устанавливает, что Уполномоченный способствует восстановлению нарушенных прав, совершенствованию законодательства Российской Федерации о правах человека и гражданина и приведению его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права, развитию международного сотрудничества в области прав человека, правовому просвещению по вопросам прав и свобод человека, форм и методов их защиты³. Таким образом, закон наделяет Уполномоченного самыми широкими компетенциями в правозащитной и правообеспечительной деятельности, как на внутригосударственном уровне, так и на международном уровне.

В 2017 году к Уполномоченному поступило 41841 обращение граждан и их объединений, из них 2385 коллективных. В ходе личных приемов граждан Уполномоченным и работниками аппарата Уполномоченного принято 4698 человек, в том числе во время организованных выездных приемов граждан в г. Казани, г. Хабаровске, г. Грозном, г. Симферополе. В режиме видеоконференцсвязи были проведены приемы жителей Кабардино-

¹ «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993)(с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ)// «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, № 31, ст. 4398.

² «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993)(с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ)// «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, № 31, ст. 4398.

³ Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 N 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»// «Собрание законодательства РФ», 03.03.1997, № 9, ст. 1011.

Балкарской и Чеченской республик, Свердловской, Ярославской и Ивановской областей и Еврейской автономной области.

Из числа принятых к рассмотрению 10123 обращений положительные решения приняты по каждому десятому, защищены права более 250 тыс. граждан и неопределенного круга лиц: инвалидов, пенсионеров, многодетных семей, переселяемых жителей домов, находящихся в аварийном состоянии, работников и жителей населенных пунктов с неблагоприятной экологической обстановкой. Такие результаты стали возможными благодаря поддержке со стороны государственных органов. Без их действенной помощи невозможно было бы решить системные проблемы защиты прав "валютных ипотечников", бывших военнослужащих на территории Республики Крым и города Севастополя, граждан России на космодроме Байконур.

В то же время по обращениям Уполномоченного за допущенные нарушения прав граждан привлечены к административной ответственности 34 должностных лица и 32 юридических лица, к дисциплинарной ответственности - 40 должностных лиц. Отменены 155 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, 50 процессуальных решений о приостановлении предварительного следствия или дознания, 6 постановлений судебного пристава-исполнителя. Вынесено 12 постановлений о прекращении уголовного дела, возобновлено предварительное расследование по 62 уголовным делам, органами предварительного следствия и дознания возбуждено 14 уголовных дел. Отменены 7 вступивших в законную силу решений судов.

Что касается совершенствования законодательства о правах человека, то в течение 2017 года Уполномоченный принимал непосредственное участие в законотворчестве о правах и свободах человека, используя предоставленный ему инструментарий: вносил предложения и правовые заключения о совершенствовании законодательства субъектам права законодательной инициативы, а также в государственные органы, полномочные разрабатывать проекты федеральных законов. Всего в адрес соответствующих органов было направлено более 100 обращений. Предложения основывались на анализе поступающих писем граждан, мнений региональных уполномоченных, результатов изучения общественно-го мнения и международного правового поля.

В 2017 году Уполномоченным и его аппаратом осуществлялось сопровождение около трех десятков проектов федеральных законов, непосредственно затрагивающих права и свободы человека и гражданина, которые находились на рассмотрении Государственной Думы. Эти законопроекты касались жилищных и трудовых прав, прав в области здравоохранения и социального обеспечения, гарантий прав инвалидов, защищенности человека в уголовном судопроизводстве, реализации права на свободу собраний и других прав и свобод человека и гражданина.

Уполномоченным внесено 32 предложения по совершенствованию законодательства, из них 15 учтены при рассмотрении законопроектов в Государственной Думе во втором чтении, 5 поправок учтены при принятии проектов постановлений Государственной Думы.

Совместно с Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации продолжалась законотворческая работа по совершенствованию правового регулирования освобождения от наказания тяжело больных граждан и предоставления права отбывания наказания ближе к месту жительства родственников. В течение года совместно с Комитетом Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству велась напряженная работа по разработке законопроекта, регламентирующего статус, законодательные гарантии и основы деятельности региональных уполномоченных, принятие которого позволит преодолеть существенные различия правового положения уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации.

В январе 2017 года поддержав позицию Уполномоченного, Совет при Председателе Совета Федерации принял решение о создании при Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству рабочей группы по подготовке проекта федерального закона «Об общих принципах организации и деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации». Текст законопроекта, подготовленный в аппарате Уполномоченного, был вынесен на широкое обсуждение и затем дорабатывался с учетом предложений и замечаний, поступивших от государственных органов и

должностных лиц. В октябре и декабре 2017 года состоялись расширенное заседание Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству и парламентские слушания, в которых приняли участие федеральный и региональные уполномоченные. Результатом стало принятие за основу доработанного текста проекта федерального закона «Об общих принципах организации и деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» с учетом поступивших предложений и замечаний.

На повестке Уполномоченного актуальным остается принятие и других законов, направленных на укрепление гарантий прав и свобод человека и гражданина. Так, к числу проблемных вопросов, требующих правового регулирования, относятся: защита нарушенных прав собственников при изъятии жилых помещений для государственных или муниципальных нужд; расширение на федеральном уровне перечня льготных категорий граждан, имеющих право на бесплатную юридическую помощь; защита прав и интересов детей-сирот; совершенствование порядка использования в местах принудительного содержания видеорегистраторов, увеличение сроков хранения материалов видеорегистраторов; постепенный контроль; определение места регистрации бездомных, оплаты их труда, предоставления преференций организациям, занимающимся их ресоциализацией; защита прав добросовестных приобретателей жилья; создание гарантийных фондов долевого строительства и выплаты заработной платы при банкротстве предприятия; противодействие насилию в семье; развитие рынка социального жилья и льготного кредитования для молодых и многодетных семей; квотирования рабочих мест для молодежи и пенсионеров; издание закона о порядке принятия нормативных правовых актов и другие.

В целях повышения эффективности правотворческой деятельности, качества и обоснованности принимаемых законодательных инициатив Уполномоченный предлагает Государственной Думе рассмотреть вопрос о возвращении к практике всенародного обсуждения комплексных законопроектов, затрагивающих права и свободы человека и гражданина.

Несмотря на то, что возможность всенародного обсуждения законопроекта, принятого в первом чтении Государственной Ду-

мой, закреплена в части 6 статьи 119 Регламента Государственной Думы⁴, в современной России данный механизм, к сожалению, практически не используется, а его порядок получил недостаточное правовое регулирование. Представляется целесообразным разработать целостную концепцию всенародного обсуждения законопроектов и закрепить ее в специальном законе «О нормативных правовых актах в Российской Федерации».

Законодательство предусматривает, что Уполномоченный вправе вносить предложения субъектам права законодательной инициативы. Однако оно не говорит о механизме обратной связи, поэтому Уполномоченный обращается к депутатскому корпусу о закреплении в Регламенте Государственной Думы обязанности отражать предложения Уполномоченного в заключениях профильных комитетов на законопроекты. Следующим шагом могло бы стать введение экспертизы Уполномоченным комплексных законопроектов в сфере прав и свобод человека и гражданина и направление экспертного мнения в Государственную Думу для приобщения к законопроекту и обязательного учета при его рассмотрении.

Что касается других приоритетных направлений деятельности государственного правозащитника, то знаковым событием в области международного сотрудничества по защите прав и свобод человека и гражданина стало создание в 2017 году Евразийского альянса омбудсменов, объединившего уполномоченных по правам человека Армении, Кыргызстана, Ирана и России. Данное международное интеграционное объединение позволит более эффективно использовать инструментарий Уполномоченного по защите прав соотечественников за рубежом. Активно развивалась и двусторонняя правозащитная дипломатия, что позволило защитить интересы многих граждан, попавших в трудную ситуацию за пределами России.

Анализ поступающих обращений свидетельствует о том, что не теряет актуальности проблема недостаточного правового просвещения граждан, особенно молодежи, по вопросам защиты прав

⁴ Постановление ГД ФС РФ от 22.01.1998 № 2134-П ГД (ред. от 23.03.2018) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

и свобод человека и гражданина. Я, как Уполномоченный, вижу, к каким трагическим последствиям может привести низкий уровень правовой грамотности и неумение отстаивать свои права и интересы. Многих бед, с которыми приходится разбираться мне и сотрудникам моего аппарата, можно было бы избежать, если бы люди обладали элементарными познаниями в области своих прав и пониманием того, каким образом их можно защитить.

Российская Федерация как государство-участник ряда международных договоров в сфере образования взяла на себя обязательства по информированию и просвещению всех слоев населения в области прав человека, в том числе представителей органов государственной власти и профессиональных сообществ, таких как сотрудники правоохранительных органов, военнослужащие, судьи, омбудсмены, журналисты и многие другие.

В августе 2014 года Генеральная Ассамблея ООН приняла «План действий на третий этап (2015 – 2019 годы) Всемирной программы образования в области прав человека». Мы все надеемся, что Россия сделает ожидаемый от нее шаг в реализации этой программы и принимаем в этой работе самое активное участие.

К сожалению, у нас в стране до сих пор нет утвержденной государственной программы по образованию в области прав человека, несмотря на ряд попыток её разработки и положительный опыт соседних государств. Подобные планы и государственные программы приняты в настоящее время или пролонгированы примерно в 50 государствах, в том числе в ряде стран СНГ (например, Национальный план действий по образованию в области прав человека в Республике Казахстан, Национальный план развития образования в области прав человека в Республике Беларусь и Государственная программа «Государственная система образования в области прав человека в Республике Таджикистан»).

А в России Федеральной целевой программы правового просвещения и образования в области прав и свобод человека, форм и методов их защиты до сих пор нет. Работа над этим стратегическим документом была одним из приоритетных направлений в деятельности моих предшественников. Огромную работу в этой области проделал Олег Орестович Миронов. Под его руководством еще в 2002 году был разработан проект Федеральной целевой программы «Правовое просвещение и образование в области

прав и свобод человека, форм и методов их защиты». Эта работа была продолжена при Владимире Петровиче Лукине.

Я также убеждена в том, что одной из приоритетных задач Уполномоченного по правам человека является создание единой стратегии правового просвещения.

Мы совместно с Министерством образования и науки Российской Федерации начали работу над вопросом включения курса «Права человека» в учебные планы высших и средних специальных учебных заведений, по подготовке образовательных стандартов и программ «Права человека». Впервые в стране по инициативе Уполномоченного и при поддержке Президента Российской Федерации В.В. Путина и Председателя Правительства Российской Федерации Д.А. Медведева развернута целенаправленная работа по подготовке образовательной программы «Права человека» для школьников и студентов. В течение 2017 года совместно с Федеральным учебно-методическим объединением в системе высшего образования по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки 40.00.00 Юриспруденция проводилась работа по разработке проектов примерных программ по дисциплине «Права человека» (уровни бакалавриата, специалитета). Разработаны учебные программы уровня магистратуры и для педагогов.

Наряду с этим, в прошлом году был запущен проект для учащихся общеобразовательных школ всех уровней во всероссийском масштабе: это – Единый урок по правам человека. Он был приурочен к 20-летию принятия Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации». 1 декабря, в канун Международного Дня прав человека, в МГИМО я провела Всероссийский открытый урок «Права человека» для семисот школьников из г. Москвы и Московской области, этот открытый урок транслировался через интернет и в регионы.

Я благодарна своим коллегам – уполномоченным в субъектах Российской Федерации, которые активно поддержали это начинание. В рамках Единого урока были организованы встречи с уполномоченными по правам человека в регионах, проведены семинары, конкурсы, викторины, фестивали для детей и многие другие очные и дистанционные интерактивные внеклассные мероприятия. По итогам проведенных мероприятий, проходивших во всех

регионах, в Едином уроке было задействовано 28 664 школ, 6 с половиной миллионов (6 414 650) детей; в нем приняло участие 262 тысячи (261 930) учителей.

В 2018/2019 учебном году планируется продолжить проект Единый урок по правам человека и посвятить его 25-летию действующей Конституции Российской Федерации, а также 70-летию Всеобщей декларации прав человека.

Правовое просвещение и образование в области прав человека должно стать важной составляющей правовой политики государства, а также занять достойное место среди механизмов защиты прав человека и гражданина. Острой необходимостью является создание системы не просто правового просвещения и образования, а системы непрерывного образования и просвещения именно в области прав и свобод человека и гражданина, форм и методов их защиты.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Иван Николаевич Соловьев

*доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист
Российской Федерации, Руководитель аппарата Уполномоченного
по правам человека в Российской Федерации*

Международное сотрудничество является одним из приоритетных направлений деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (далее – Уполномоченный), поскольку зачастую защита прав человека с использованием механизмов, предусмотренных исключительно национальным законодательством, не всегда бывает достаточной. Особенно, если вопросы касаются прав россиян, находящихся за рубежом и иностранных граждан, пребывающих на территории Российской Федерации.

Действуя в рамках своего мандата, Уполномоченный проводит активную международную деятельность на площадках уставных, договорных и других органов ООН и Совета Европы.

Уполномоченный обладает высшим аккредитационным статусом «А» как института, полностью соответствующего Парижским принципам¹, что позволяет Уполномоченному высказывать свою позицию на международной арене, представлять в международных договорных органах комментарии о выполнении Российской Федерацией основополагающих международных договоров в сфере защиты прав человека. В них освещается деятельность

¹ Принципы, касающиеся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека. Приложение к резолюции 48/134 Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1993 года.

Уполномоченного в соответствии с положениями международных нормативно-правовых актов, представлена статистика по поступившим жалобам, отражены наиболее актуальные проблемы и предложены пути их решения.

Используя эти механизмы, в октябре 2017 года Уполномоченный представил Параллельный доклад Рабочей группе Периодического обзора Совета по правам человека ООН в рамках прохождения третьего цикла Универсального периодического обзора Российской Федерацией, который состоится в мае 2018 года.

В 2017 году мнение Уполномоченного по различным аспектам защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации было представлено в рамках целого ряда механизмов системы ООН по правам человека, в том числе в ходе участия в 34-й сессии Совета по правам человека ООН, посвящённой правам детей; на 93-ей сессии Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации, где был представлен комментарий российского правозащитного института по вопросу возможных проявлений и профилактики расовой дискриминации; а также направлен Параллельный доклад о выполнении Российской Федерацией положений Пакта об экономических, социальных и культурных правах.

В феврале 2018 года Уполномоченный представил свой Параллельный доклад 19-й сессии Комитета ООН по правам инвалидов (26-28 февраля 2018 года). В докладе была освещена деятельность Уполномоченного в соответствии с положениями Конвенций и Пакта, представлена статистика по поступившим жалобам, отражены наиболее актуальные проблемы и предложены пути их решения.

Уполномоченный ведет совместную работу с Советом Европы в рамках «Программы приоритетных направлений сотрудничества Российской Федерации и Совета Европы», в том числе проекта «Международные стандарты и механизмы в области прав человека для сотрудников федеральных и региональных администраций уполномоченных по правам человека в Российской Федерации».

Ежегодно Уполномоченный принимает активное участие в собраниях и конференциях Глобального альянса национальных учреждений по защите прав человека (ГАНРИ). На последней конференции в феврале 2018 года были обсуждены проблемы за-

щиты прав инвалидов и пожилых людей, где Уполномоченный поделился имеющимся российским опытом.

Необходимо отметить, что, Уполномоченный взаимодействует не только с международными межправительственными и неправительственными организациями, но и в двустороннем формате сотрудничает с зарубежными национальными правозащитными учреждениями.

На сегодняшний день заключены 12 соглашений о сотрудничестве с омбудсменами Азербайджана, Аргентины, Армении, Ирана, Киргизии, Нидерландов, Приднестровья, Таджикистана, Турции, Украины, Узбекистана и Чехии. В рамках этих соглашений, кроме оказания содействия гражданам по их обращениям о нарушенных правах, обсуждаются актуальные вопросы правозащитной повестки в целом. Так, например, в Узбекистане в 2017 году на международной конференции было рассмотрено выполнение различными государствами и омбудсменами мер по реализации целей устойчивого развития ООН до 2030 года.

Конструктивное взаимодействие налажено с государственным правозащитным институтом Турецкой Республики. Так, во время встречи с Главным омбудсменом Турецкой Республики Ш. Малкочем в г. Анкаре в 2017 году были затронуты вопросы защиты прав детей, родившихся в смешанных браках, в случае православного вероисповедания, освобождения их от обязательного изучения ислама в школах, а также конкретные кейсы по защите прав граждан, обратившихся в российскому Уполномоченному.

В рамках Международного форума² в Кыргызской Республике поднимались вопросы реализации гражданами избирательных прав, пенитенциарной реформы и судебной системы.

В силу своей независимости от органов государственной власти, сотрудничество омбудсменов зачастую является наиболее эффективным в плане взаимодействия со странами, которые по тем или иным причинам испытывают затруднения в межгосударственных отношениях. Речь идет об Украине. Уникальным результатом этой работы можно назвать факт передачи украинской сто-

² Международный форум «Роль Омбудсмена в совершенствовании нормативно-правовых актов в области прав человека: ожидание и перспективы», который состоялся 6 сентября 2017 года.

роне 12 граждан Украины, отбывавших наказание в Крыму на момент его воссоединения с Россией.

Важным событием 2017 года стало подписание в Москве на полях международной научно-практической конференции³ Меморандума о создании Евразийского альянса омбудсменов (далее – Альянс). Учредителями нового регионального интеграционного сообщества выступили омбудсмены Армении, Киргизии, Ирана и России.

Это стало большим шагом, направленным на повышение эффективности защиты прав граждан и укрепления авторитета стран-участниц, а также институтов омбудсменов на Евразийском континенте. Основными задачами Альянса являются распространение знаний о способах и методах защиты прав и свобод человека и гражданина; осуществление сотрудничества Альянса с международными и региональными правозащитными организациями, зарубежными омбудсменами и ассоциациями омбудсменов; совместное проведение научно-исследовательских и просветительских работ в области прав человека.

Сегодня, в стремительно развивающемся и изменяющемся мире, права человека призваны стать фактором, способствующим сближению различных государств и народов, и в этой связи необходимо продолжать конструктивный диалог по вопросам защиты и поощрения прав человека, не допускать двойных стандартов в этой области, что зачастую позволяет отдельным участникам на международной площадке навязывать свою систему ценностей и вмешиваться во внутренние дела других государств.

По роду своей деятельности Уполномоченный уделяет большое внимание правовому обучению и правовой пропаганде, особенно среди молодежи. Низкий уровень правовой грамотности и неумение отстаивать свои права и интересы зачастую приводят к весьма неблагоприятным последствиям.

В настоящее время образование в области прав человека - жизненно необходимое условие предотвращения многочисленных нарушений прав и свобод человека и гражданина, важнейшая ос-

³ Научно-практическая конференция «Проблемы защиты прав человека на евразийском пространстве: обмен лучшими практиками омбудсменов», которая состоялась в г. Москве 05 декабря 2017 года.

нова для формирования высокого уровня культуры прав человека в российском обществе.

2017 год стал знаковым для начала масштабной работы по подготовке образовательных стандартов и программ «Права человека». Предложение Уполномоченного о включении в рабочие программы образовательных организаций юридического и неюридического профиля, а также в школьные образовательные стандарты в качестве учебной дисциплины предмета «Права человека» было поддержано Президентом Российской Федерации В.В. Путиным, также Правительством Российской Федерации.

На сегодняшний день по просьбе Уполномоченного федеральным учебно-методическим объединением в системе высшего образования по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки «Юриспруденция» разработаны проекты примерных программ по дисциплине «Права человека» (уровни бакалавриата и специалитета). Параллельно велась работа вместе с Московским городским педагогическим университетом по разработке специального курса для педагогов. В 2018 году совместно с институтом права Башкирского государственного университета разработана рабочая программа дисциплины «Актуальные проблемы теории прав человека» уровня магистратуры для юридических вузов.

Кром этого, сегодня силами экспертов и ведущих специалистов рабочего аппарата Уполномоченного ведется работа по подготовке учебника «Права человека и гражданина» для студентов неюридических вузов.

Важно подчеркнуть, что Уполномоченный придает огромное значение повышению качества юридического образования, развитию правопросветительских компетенций. Идеальной была бы ситуация, в соответствии с которой учебный курс «Права человека» был бы введен в каждом вузе, на каждом факультете, вне зависимости от специализации.

В свою очередь, для эффективного развития науки о правах человека, совершенствования методики преподавания основ и методов защиты прав человека, формирования культуры уважения прав человека в современном российском обществе, необходимы целенаправленные усилия по правому просвещению, обмену опытом в данной сфере, успешное, а главное эффективное взаимодей-

ствие с вузами, специализирующимися на подготовке бакалавров и магистров в сфере прав человека, а также с органами государственной власти и институтами гражданского общества.

СЕКЦИЯ

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО:
НОВЫЕ УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ**

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ХИМИЧЕСКИХ ОТРАВЛЯЮЩИХ ВЕЩЕСТВ В ОТНОШЕНИИ С. СКРИПАЛЯ И ЕГО ДОЧЕРИ В Г. СОЛСБЕРИ

Владимир Сергеевич Акимов

Магистрант 2 курса

Российский государственный университет правосудия

Произошедший в г. Солсбери (Великобритания) 04 марта 2018 года трагический случай, в результате которого оказались отравленными веществом нервно-паралитического действия и госпитализированы в бессознательном состоянии бывший сотрудник ГРУ, работавший на британские спецслужбы, Сергей Скрипаль, имеющий гражданство России и подданство Великобритании, и его дочь Юлия, прилетевшая из Москвы навестить отца. Британские власти, в том числе премьер-министр Тереза Мэй, утверждают, что отравление было произведено российскими спецслужбами с помощью разработанного в СССР боевого отравляющего вещества класса «Новичок»¹. Генеральный директор Организации по запрещению химического оружия (далее ОЗХО) Ахмет Узюнджю выступил 13 марта 2018 года на заседании исполнительного совета организации, высказав «серьезную озабоченность» тем, что «химические вещества всё ещё используются для нанесения вреда людям», и призвал наказать виновных.

В связи с отравлением Скрипалей Великобритания созвала экстренное совещание в Совете Безопасности ООН, которое состоялось 14 марта 2018 года. Заместитель постоянного представителя Великобритании при ООН Джонатан Аллен заявил, что Великобритания не имеет другой альтернативы, кроме как считать Россию ответственной в отравлении Скрипаля и его дочери. Аллен

¹ PM Commons statement on Salisbury incident: 12 March 2018 // <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-commons-statement-on-salisbury-incident-12-march-2018>(дата обращения 12 апреля 2018 г.).

обвинил Россию в нарушении Конвенции о запрещении химического оружия (далее КХО)², так как она не сообщила о существовании программы «Новичок»³, основным источником информации о данном веществе и способах его производства являются мемуары советского учёного Вила Мирзаянова, имевшего доступ к разработкам химического оружия и эмигрировавшего в США в 1995 году. Согласно ему, вещество принадлежит к четвёртому поколению боевых отравляющих веществ, созданных в Советском Союзе. Постпред России при ОЗХО Александр Шульгин заявил, что в России никогда не было программы под кодовым названием «Новичок». По его словам, все работы по химическому оружию были прекращены Россией в 1992 году, и разработки химического оружия подобного действия проводили США и Великобритания.

Если обратиться к истории вопроса, то необходимо отметить тот факт, что запретить химическое оружие пытались несколько раз. В 1899 и 1907 годах, в Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны⁴ уже говорилось о запрете использования отравляющих живую силу противника боеприпасов. Но история показала, что данный запрет не повлиял на использование химического оружия в Первую Мировую Войну. Второй попыткой запрещения химоружия выступило принятие Женевского протокола 1925 года⁵, но и данный документ не смог остановить использование химического оружия во время Второй Мировой Войны. Международное обсуждение вопроса о запрещении химического и оружия активизировалось в 1968 году при Комитете по разоруже-

² Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (заключена в г. Париже 13.01.1993) // Бюллетень международных договоров, № 4, 1998.

³ Британия против России: главные аргументы в Совбезе ООН // <https://www.bbc.com/russian/features-43411361>

⁴ Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (Вместе с Положением о законах и обычаях сухопутной войны), заключена в г. Гааге 18.10.1907 г. // Действующее международное право. Т. 2.- М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 575 - 587.

⁵ Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств (Женева, 17 июня 1925 год) // <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/protocol-gases-170625.htm> (дата обращения 12 апреля 2018 г.).

нию, состоящий из 18 государств, который после многочисленных изменений названия и состава был преобразован в 1984 году в Конференцию по разоружению⁶.

Важным шагом в становлении подлинно многостороннего права, касающегося разоружения, стала Конвенция о химическом оружии 1993 года, которая в результате длительных переговоров закрепила всеобщий запрет на владение и производство химического оружия⁷. Уже 13 января 1993 в Париже Генеральный секретарь ООН открыл её для подписания. Конвенция вступила в силу 29 апреля 1997 года спустя 180 дней после того, как была ратифицирована 65-м её участником (Венгрия). Почти все страны в мире присоединились к Конвенции о запрещении химического оружия. В настоящее время 190 из 193 государств-членов ООН являются участниками КХО. Из 6 оставшихся государств 2 подписали, но ещё не ратифицировали Конвенцию (Мьянма и Израиль). 13 стран на момент подписания заявили о наличии у себя заводов по производству химического оружия: Босния и Герцеговина, КНР, Франция, Индия, Иран, Ирак, Япония, Ливия, Сербия, Россия, Великобритания и США. После распада СССР Россия осталась обладательницей крупнейших в мире запасов химического оружия — 40 тыс. тонн. Наша страна подписала Конвенцию 5 декабря 1995 года и полностью ликвидировала свои запасы химического оружия 27 сентября 2017 года. При этом США выполнили свои обязательства только на 75%.

КХО представляет собой соглашение по контролю за вооружениями, которое запрещает производство, накопление и применение химического оружия. Конвенция предусматривает уничтожение имеющегося химического оружия, ликвидацию помещений для производства такого оружия и запрещает владение, разработку, производство и развитие его. Контроль за соблюдением статей

⁶ The 1993 Chemical Weapons Convention (CWC) // <https://sites.fas.harvard.edu/~hsp/chemical.html> (дата обращения 12 апреля 2018 г.)

⁷ Кузнецова Ю.Е. Сотрудничество Российской Федерации с иностранными государствами в области уничтожения химического оружия: истоки, современность, проблемы: дис ... канд. полит.наук: 23.00.04. / Ю. Е. Кузнецова. — Москва, 2004 —С. 5-9.

Конвенция осуществляется ОЗХО, которая также проводит инспекции военно-промышленных объектов с целью обеспечить выполнение требований КХО странами-участницами.

Положения о контроле исполнения Конвенции являются важнейшей ее частью, в них предусмотрено несколько режимов проверки: обычный контроль и выборочные инспекции. Первый вид включает декларирование, первоначальные визиты и систематические инспекции мест складирования химического оружия, его производства и объектов по уничтожению, а также предприятий военно-химической промышленности. Второй заключается в выборочных инспекциях, которые позволяют государству-участнику запросить и провести международную инспекцию любого предприятия и объекта на территории другого государства с целью выявления возможных нарушений Конвенции. Вместе с тем предусматриваются такие меры, которые позволяют инспектируемой стороне сохранить секретность конфиденциальной информации и защитить интересы национальной безопасности государств-участников.

28 апреля 2004 года Совет Безопасности ООН в соответствии с главой VII Устава ООН⁸ единогласно принял Резолюцию 1540 (2004)⁹, в которой подтверждено, что распространение ядерного, химического и биологического оружия, а также средств его доставки представляет угрозу для международного мира и безопасности. Общеизвестно, что источниками принципов международного права являются Устав ООН, Декларация о принципах международного права 1970 года¹⁰ и Хельсинкский заключитель-

⁸ Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, Вып. XII, - М., 1956, с. 14 – 47.

⁹ Резолюция 1540 (2004) Совета Безопасности ООН // <https://www.un.org/disarmament/ru/wmd/резолюция-1540-2004-совета-безопасности-орг/> (дата обращения 12 апреля 2018 г.).

¹⁰ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-ем пленарном заседании Генеральной

ный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года¹¹. Российскую Федерацию обвиняют в нарушении требований КХО, несмотря на то, что выполнение ее требований проходило под контролем и мониторингом ОЗХО.

Исходя из того, что конвенционные преступления, или преступления международного характера предусмотрены международными договорами и относятся к деяниям с универсальной юрисдикцией¹², данные преступления посягают на законные интересы и прерогативы нескольких или всех государств, вследствие чего представляющие международную общественную опасность, признаваемые таковыми по договоренностям между государствами, получая в многосторонних конвенциях советующую международную квалификацию¹³. Как правило, конвенционные преступления должны быть имплементированы в нормы национального законодательства, как например это сделано в ст. 355 УК РФ (Разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения), п. «а» ч.3 ст. 205 УК РФ, ст. ст. 225, 226, 247 УК РФ¹⁴. Основными признаками конвенционных преступлений являются то, что их противоправность обусловлена запретом, предусмотренным положениями соответствующих международных правовых актов; наряду с виновностью конкретного причинителя вреда присутствует и производная вина государства за допущение, непресечение такого поведения; в качестве допол-

Ассамблеи ООН) // Действующее международное право. Т. 1.- М.: Московский независимый институт международного права, 1996. С. 65 - 73.

¹¹ Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (годописан в г. Хельсинки 01.08.1975) // Действующее международное право. Т. 1.- М.: Московский независимый институт международного права, 1996. С. 73 - 79.

¹² Арямов А.А. Актуальные направления развития современного международного уголовного права: курс лекций. – М.: Юрлитинформ, 2015. С. 38.

¹³ Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право. М., 2003. С.242.

¹⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 19.02.2018) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

нительного объекта преступления всегда выступают международные интересы или отношения.

Рассмотрим отдельные составы преступлений, предусмотренные нормами международного права, за которые гипотетически может нести ответственность страна или конкретные лица в случае применения и распространения ими химического оружия. Согласно правилам, установленным в главе VII Устава ООН (Действия в отношении угрозы миру, нарушений и мира и актов агрессии)¹⁵, привлечение к ответственности возможно в рамках Международного Суда ООН¹⁶, но Великобритания до сих пор не обратилась в данный международный юрисдикционный орган. Кроме этого, Совет Безопасности ООН может определить существование угрозы и потребовать от заинтересованных сторон выполнение необходимых и желательных мер для устранения этой угрозы, а также принять решение о применении вооружённых сил, для чего создается Военно-Штабной Комитет.

Необходимо также отметить, что большинство военных операций по вторжению в некоторые государства, проводились без Резолюции Совета Безопасности ООН, а лишь на основании решений руководителей ряда западных стран. Наиболее яркими примерами таких бомбардировок могут послужить действия стран НАТО в Югославии 1999 г., Ираке в 2003 г., Ливии 2011 г., Сирии в 2014 г. Все эти военные операции проходили в нарушении Устава ООН и общепризнанных принципов и норм международного права.

Другим возможным вариантом привлечения к международному наказанию мог послужить Римский Статут Международного Уголовного Суда¹⁷, предусматривающий реализацию ответствен-

¹⁵ Устав ООН. Указ соч.

¹⁶ Статут Международного Суда (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII.- М., 1956. С. 47 - 63.

¹⁷ Римский статут Международного уголовного суда (принят в г. Риме 17.07.1998 Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда) // <http://www.consultant.ru/>

ности за преступления против человечности и военные преступления, но обвинение в совершении этих преступлений должностных лиц России невозможно, во-первых, по причине отсутствия состава преступления и, во-вторых, с 2016 года Российская Федерация не участвует в Римском Статуте, поэтому ее лица не могут быть привлечены в рамках данного международного института.

Выдвинутое обвинение в отношении Российской Федерации о нарушении Конвенции о запрете химического оружия, по мнению представителей западных стран, означает совершение нашей страной «преступления против международного мира и безопасности». Однако, заключающееся только в отдельных заявлениях глав иностранных государств обвинение, само по себе не может служить основанием для международно-правовой ответственности России за нарушение Устава ООН и международных Конвенций. При этом, необходимо отметить, что на протяжении последнего времени некоторые страны международного сообщества последовательно нарушают «принцип невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государства», предусмотренный Декларацией о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 г. Содержание этого принципа составляет «ни одно государство не может ни применять, ни поощрять применение экономических, политических мер или мер любого иного характера с целью добиться подчинения себе другого государства в осуществлении им своих суверенных прав и получения от этого каких бы то ни было преимуществ». Более того, некоторые из западных партнеров нарушают ст. 2 Устава ООН, закрепляющую, что все Члены ООН воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций.

В заключении стоит отметить, что британские эксперты из секретной химической лаборатории «Портон-Даун» идентифици-

ровали тип использовавшегося вещества, но не определили страну происхождения и, по словам главы лаборатории, не ставили перед собой такой задачи. Отсутствие конкретных доказательств и заявление о причастности России к покушению на преступление «с большой долей вероятности», не может свидетельствовать о компетентности лиц, которые утверждают об этом. Однако, в связи с якобы предполагаемой причастностью России к этой трагедии, случившейся с ее гражданами на территории иностранного государства – Великобритании, это событие привело к серьезному дипломатическому конфликту. Великобритания, Евросоюз объявили о высылке российских дипломатов, США, Канада, Норвегия, Австралия, Молдавия, Албания, Македония и Украина из солидарности предприняли аналогичные шаги.

По своему характеру и последствиям произошедшее событие является беспрецедентной попыткой западных стран обвинить Россию в совершении серьезного международного преступления, однако достаточные правовые основания и доказательства этого отсутствуют. Следовательно, говорить о причастности России к преступлению в отсутствие надлежаще проведенного расследования и достаточности подтвержденных доказательств, а также решения специализированного судебного органа, невозможно.

На сегодняшней день главным вызовом, который брошен всему международному праву и установившемуся после Второй Мировой Войны миропорядку, является попытка ряда западных стран нивелировать роль и значение Устава ООН, созданных на его основе институтов, международно-правовых актов и обычаев. Действия ряда стран по нанесению военных ударов, принятию односторонних политических и экономических санкций, выдвижению необоснованных и бездоказательственных обвинений в совершении тяжких преступлений, носят противоправный характер, так как не имеют, как правило, под собой никаких, санкционирующих их действия, законных решений. Представляется, что роль Российской Федерации на современном этапе состоит не в создании нового международного права, аналогично попыткам некоторых стран Запада, а в восстановлении действия ранее принятых международным сообществом норм, правил и сформированных обычаев. Только обеспечив неукоснительное соблюдение международного права всеми странами, выступающими участниками

международных отношений, Россия вместе с государствами, входящими в состав ООН и на протяжении всего времени соблюдавшими, а в некоторых случаях даже защищавшими международное право, уважая сформированные на основе закона судебные органы, сможет выступить гарантом мира и правопорядка в каждой отдельной части нашей планеты.

ПОДДЕРЖАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СООТВЕТСТВИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРАВОМ

Георгий Романович Блинков

Студент кафедры международного права РУДН

В современном мире развитие человечества набрало огромные обороты во всех сферах деятельности, где механизмом регулирования отношений между государствами является Международное Право и добровольное желание самих государств жить в мире и безопасности.

Но с развитием появляются как новые положительные средства улучшения жизни на планете, так и негативные. И те, и другие должны иметь правовую основу, в рамках которой будут определяться условия использования и других действий с ними. К одной из таких новых областей относится Международная информационная безопасность.

Информация – это одна из самых важных ценностей мира. Прогрессивное развитие информационно-коммуникационных технологий (Далее- ИКТ) и увеличение количества информации в миллиарды раз, как следствие, поставило перед человечеством новые вопросы по регулированию и поддержанию безопасности в информационной сфере.

На данный момент, существует достаточно приближённый документ по регулированию информационной безопасности и кибератак. Он не имеет юридической силы и находится в статусе «научного исследования проблематики обеспечения информационной безопасности».

Таллинское руководство (Tallinn manual), первоначальное название которого было: Таллинское руководство по международному праву в области Кибервойн. Этот документ состоит из 216 страниц научного, необязательного по своему характеру исследования того, как международное право (в частности, международное гуманитарное право и *jus ad bellum* (правила ведения или

неведения войны)) применяется к кибервойнам и киберконфликтам. В период с 2009 по 2012 год Таллинское руководство было написано группой приглашённых экспертов в Таллиннский центр НАТО по совместной киберобороне (NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence). В апреле 2013 года Таллинское руководство было опубликовано издательством Cambridge University Press.

В конце 2009 года Центр по киберобороне НАТО создал международную группу юристов теоретиков и практиков для разработки руководства по вопросам толкования международного права в контексте кибервойн и кибер-операций. Это была первая попытка всесторонне и конструктивно проанализировать эту тему и внести ясность в связанные с ней сложности в урегулировании правовых вопросов.

Группа назвала себя: «Международной группой экспертов», авторами Таллиннского руководства которой были авторитетные юристы- теоретики и юристы-практики с опытом работы в киберпространстве, с которыми на протяжении всего проекта консультировались специалисты в области информационных технологий. Её возглавил профессор Майкл Н. Шмитт, председатель департамента международного права Военно-Морского колледжа Соединённых Штатов, который также выполнял функции директора проекта.

На протяжении всего процесса подготовки проекта наблюдателями были представлены три организации: НАТО через свое командование по трансформации в связи с отношениями центра киберобороне НАТО совместно с НАТО; Международный Комитет Красного Креста в связи с его защищающей ролью в международном гуманитарном праве; Киберкомандование США из-за его способности обеспечить перспективу дать исчерпывающий ответ. Чтобы повысить научный статус Таллиннского руководства, перед его публикацией оно было рецензировано 13 международными правоведами.

Когда проект Таллиннского руководства был размещен на веб-сайте центра передового опыта совместной Киберзащиты НАТО, он сразу же привлек внимание юридического сообщества, а также интернет-СМИ, освещающих в основном вопросы технологии. Кроме того, после его официального опубликования 15 марта

2013 года в Chatham House, вопрос о международном праве и о том, как он регулирует кибервойну, широко обсуждался в международных средствах массовой информации со ссылками на руководство.

Хотя часто это руководство упоминается, как руководство НАТО, что неверно. Таллинское Учебное пособие-это самостоятельный научно-исследовательский продукт, представляющий только взгляды его авторов в их личном качестве. Руководство не отражает мнения ни НАТО, ни какой-либо другой организации или государства, в том числе, представленных наблюдателями. Вместе с тем, поскольку это первое авторитетное подтверждение применения и толкования международного права в контексте киберпространства, можно ожидать, что руководство окажет влияние на то, как государства и организации будут формулировать свои подходы и позиции в этих вопросах.

Практика подготовки не имеющих обязательной силы руководств по применению международного гуманитарного права не нова. Таллинское руководство последовало по стопам аналогичных усилий, таких, как руководство Международного института гуманитарного права по Сан-Ремо по международному праву, Применимому к вооруженным конфликтам на море, и руководство Гарвардской программы по гуманитарной политике и исследованию конфликтов по международному праву, Применимому к воздушной и ракетной войне.

Руководство разделено на разделы, называемые "правилами черной буквы", и сопровождающие их комментарии. По сути, эти правила являются пересмотром норм международного права в кибер-контексте, как они понимаются и согласовываются всеми авторами. Поскольку принятие любого правила требует консенсуса среди авторов (не включая наблюдателей), комментариев, прилагаемых к каждому правилу, служит важнейшей целью изложения разногласий в отношении точного применения этого правила. В комментарии также определяется правовая основа правил, разъясняется их нормативное содержание и рассматриваются практические последствия в контексте киберпространства.

Tallinn 2.0, который следовал оригинальному руководству, был разработан, чтобы расширить сферу применения руководства

Tallinn. Tallinn 2.0 был выпущен в феврале 2017 года и опубликован издательством Cambridge University Press в виде книги.

В центре внимания оригинальный Таллинском руководстве на самых разрушительных и деструктивных киберопераций—те, которые квалифицируются как вооруженное нападение и, следовательно, позволяет Штатам для того чтобы ответить самооборонной и которые происходят во время вооруженного конфликта. Поскольку угроза кибер-операций с такими последствиями особенно тревожна для государств, большинство научных исследований сосредоточено на этих вопросах. Tallinn 2.0 относится к кибер - "операциям" в отличие от кибер - "конфликта" из оригинального Таллиннского руководства.

В заключении к данной теме хотелось бы отметить тот факт, что в области международной информационной безопасности практически отсутствуют механизмы и процедуры определения и их решения. В 21 веке данный вопрос является особенно серьезным с точки зрения правового регулирования и юристам-практикам стоит задуматься о том, чтобы данная область права стала защищённой со всех сторон.

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В ТУРИСТИЧЕСКОЙ
СФЕРЕ НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВА
ДОМИНИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА**

Кристина Александровна Жгельская

*Студент кафедры международного права
Российский университет дружбы народов
kz922@me.com*

В настоящее время неоспоримым является тот факт, что решение современных экологических проблем возможно только при наличии широкого международного сотрудничества. Несмотря на то, что уже в 1982 г. была принята Всемирная хартия природы, в которой отмечалась важность поддержания баланса между экономическим и социальным развитием и сохранением природы, природных ресурсов и экосистем¹, сейчас в 2018 г., уже по прошествии более 30 лет, необходимо обеспечить более эффективные механизмы решения глобальных экологических проблем. Одной из таких проблем является глобальное потепление, катализатором которого, помимо всего прочего, являются традиционные источники энергии, такие как нефть, газ, которые загрязняют атмосферу, тепловые электростанции, оказывающие влияние на климат, а также атомные электростанции. Проблема глобального потепления стоит настолько остро, что необходимо уже сейчас осознать ее как реальную угрозу. Только осознание остроты этой проблемы приведет к грамотной политике по решению уже существующих проблем и по предотвращению последствий. В настоящее время поиск эффективного международного механизма является достаточно

¹ Всемирная хартия природы от 28 октября 1982 г.// Официальный сайт ООН URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/charter_for_nature.shtml (дата обращения: 12 апреля 2018 г.).

серьезным вызовом современности, особенно в условиях научно-технического прогресса.

Понимая важность поиска эффективного механизма решения вопросов глобального потепления, государства в 2009 г. договорились о создании Международного агентства по возобновляемым источникам энергии (далее ИРЕНА), которое призвано помогать государствам-участникам в переходе на новые виды энергетики, а также служит платформой для международного диалога, обмена информацией и опытом по внедрению возобновляемых источников энергии. В деятельность этой международной организации входит также мониторинг по внедрению возобновляемой энергетики в различные регионы и отдельно в государствах-членах. Помимо этого ИРЕНА публикует доклады о перспективах развития возобновляемых источников энергии в отдельных взятых государствах, что, на наш взгляд, является очень важным в условиях трансграничности, присущей экологии. Таким образом, можно проследить следующую цепочку: деятельность государств или региона в целом влияет на общую экологическую обстановку, появляются международно-правовые механизмы, которые обеспечивают защиту окружающей среды, они внедряются в национальное законодательство заинтересованных государств и, впоследствии, успешное использование которых, положительно влияет на общее экологическое благополучие.

Рассмотрим данную связь на примере деятельности ИРЕНА в рамках региона Латинская Америка и Карибский бассейн, и на примере внедрения возобновляемых источников энергии в Доминиканской Республике.

Специфика Доминиканской Республики, как малого островного развивающегося государства, состоит в первую очередь в экономической зависимости от туризма.

«Каждый год Карибский регион посещают более 21 миллиона туристов. Если бы регион можно было сравнить с одной страной, то он занял бы третье место во всем регионе Северной и Южной Америки»². Сфера туризма, которая так «привлекательна» для

²

Сайт

ООН.

URL:

<http://www.un.org/ru/events/islands2014/didyouknow.shtml> (дата обращения 10 апреля 2018 г.).

Доминиканской Республики с точки зрения экономики, имеет прямое влияние на изменение климата посредством больших затрат тепловой энергии для обслуживания гостиничных комплексов. Кондиционирование номеров, освещение территории и всего гостиничного комплекса, затраты электричества на подогрев воды, приготовление пищи, - все это сопровождается большим потреблением электричества, которое, как правило, сопровождается использованием углеводородного топлива.

Для снижения влияния выброса углекислого газа в атмосферу межправительственной организацией ИРЕНА совместно с Всемирной туристической организацией (ЮНВТО) на третьей Международной конференции ООН по малым островным развивающимся государствам в Самоа сделали заявления по обновляемым источникам энергии и туризму на островах. «ИРЕНА и ЮНВТО взяли на себя обязательство поощрять инвестирование решений, направленных на повышение энергоэффективности и использование возобновляемых источников энергии, которые способствуют снижению их зависимости от ископаемых видов топлива, порождающих выбросы углерода»³.

Как мы уже писали выше, ИРЕНА систематически выпускает доклады с обзором практик по внедрению возобновляемых источников энергии (далее ВИЭ), с анализом перспектив внедрения ВИЭ и прочее. Продолжая тему значимости туристической сферы для островных государств, к которым относится рассматриваемое государство Доминиканская Республика, и ее влияние на климатические изменения, стоит упомянуть доклад ИРЕНА 2014 года «*Renewable Energy Opportunities for Island Tourism*», в котором рассматриваются перспективы внедрения всех видов возобновляемых источников энергии. В данном докладе подробно описан принцип действия различных видов альтернативной энергетики, включая иллюстрации и схемы. Согласно данным метеорологическим данным более количество солнечных и частично облачных дней в Доминикане составляет 80%, поэтому использование сол-

³ Сайт ЮНВТО. URL: <http://themis.unwto.org/ru/press-release/2014-09-03/irena-i-yunvto-budut-pooshchryat-ispolzovanie-vozbobnylyaemykh-istochnikov-> (дата обращения 10 апреля 2018 г.).

нечной энергии, на наш взгляд будет являться одной из самых практичных.

Очень важно, что в упомянутом докладе отражена польза внедрения возобновляемых источников энергии, как в частном порядке, так и в глобальном, что явно отражает принцип трансграничности. Польза использования ВИЭ, согласно докладу ИРЕНА, проявляется в экономической, социальной и экологической сферах⁴, однако в данной работе мы упомянем только экологическую пользу. Широкое применение отелями установок для выработки солнечной, ветровой и океанической энергетики позволит привлечь больше туристов и, как следствие, увеличит прибыль дохода. За последнее десятилетие уровень экологической осведомленности населения разных стран значительно повысился, тем самым повысилась обеспокоенность о здоровой экосистеме. Согласно докладу, туристов может привлечь экологический подход оснащения гостиницы, а также здоровая среда обитания. Глобальная польза будет состоять в уменьшении выбросов в атмосферу и улучшение качества воздуха.

По существу в Доминиканской Республике сфера туризма недостаточно оснащена установками альтернативной энергетики, однако первые шаги на пути перехода к ВИЭ сделаны. Некоторые гостиницы в частном порядке устанавливают ветровые генераторы и солнечные батареи, однако мотивированы они скорее экономическими соображениями, а не экологической обеспокоенностью. Но есть и более глобальные шаги, например в 2013 году доминиканский отель «*Dominican Fiesta*» оснастили 1088 солнечными панелями разом. Мощность этих панелей составила почти 400 тысяч киловатт-часов электричества в год. Это событие сопровождалось презентацией, на которой присутствовал Президент Национальной энергетической комиссии (далее *CNE*), Энрике Рамирес, который отметил, что «сейчас это крупнейшая в гостиничной индустрии установка. Солнечные батареи хороши для экологии страны, они

⁴ Доклад ИРЕНА «Перспективы внедрения ВИЭ в сферу туризма на островах» (Renewable Energy Opportunities for Island Tourism) от 2014 г.

URL:

http://www.irena.org/documentdownloads/publications/irena_re_island_tourism_report_2014.pdf (дата обращения: 3 апреля 2018 г.).

уменьшают количество выбросов углекислого газа (CO_2) в атмосферу и сберегают не возобновляемые энергоресурсы»⁵. В торжественной речи Президент *CNE* подчеркнул, что подобная установка солнечных батарей содействует развитию и модернизации национальной энергосистемы Доминиканской Республики⁶.

Использование установок альтернативной энергетики поддерживается правительством Доминиканской Республики. Это отражено в законодательстве государства. Существует Закон 57-70 (исп. *Ley 57-07*) о налоговых освобождениях и государственной помощи по инвестиционным проектам альтернативной энергетики⁷.

На Доминиканскую Республику распространяется программа ИРЕНА *REmap*. Цель этой программы состоит в значительном увеличении доли возобновляемой энергетики в мире до 2030 года. «Программа включает в себя изучение потенциала развития экологически чистой энергетики на основе анализа 40 стран, которые потребляют порядка 80% всей энергии, получаемой на планете, и тесную работу с правительствами этих стран»⁸. В 2016 году ИРЕНА выпустила доклад о программе *REmap* в Доминиканской республике, в котором предлагались варианты использования установок различных видов альтернативной энергии в зависимости от места использования (жилой сектор, промышленный сектор, коммерческий сектор). Например, было предложено оснастить здания коммерческого сектора (в основном отели и гостиницы) солнечными водонагревателями. Согласно докладу ИРЕНА, такая мера поможет сократить использование традиционной энергии на 35%.

⁵ Сайт журнала «Гостичный Бизнес Пять Звезд». URL: <http://5stars-mag.ru/news/651.html> (дата обращения: 10 апреля 2018 г.).

⁶ Сайт журнала «Гостичный Бизнес Пять Звезд». URL: <http://5stars-mag.ru/news/651.html> (дата обращения: 10 апреля 2018 г.).

⁷ Доклад ИРЕНА «Программа Remap: Доминиканская Республика» (Renewable Energy prospects: Dominican Republic) от 2016 г. URL: <http://www.irena.org/events/2016/Jul/REmap--Dominican-Republic-report-launch> (дата обращения: 10 апреля 2018 г.).

⁸ Новостной портал о возобновляемой энергетике «Возобновляемая энергия и ресурсы». URL: <http://renewnews.ru/irena/> (дата обращения: 10 апреля 2018 г.).

Анализируя деятельность ИРЕНА совместно с другими международными организациями, а также совместно с отдельными регионами и государствами, можно отметить особый подход к решению проблемы, который заключается в проработке вопроса со всех сторон: проводится мониторинг и работа не только в отдельных регионах и государствах, но и принимаются меры для сокращения выброса углеводорода в отдельно взятых сферах, как, например, туризм.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Марианна Викторовна Ильяшевич

*к.ю.н, доцент кафедры международного права
Российский университет дружбы народов (РУДН)
iliashevich_m@pfur.ru*

В настоящее время проблема обеспечения безопасности государств не потеряла своей актуальности, а, наоборот, встала перед международным сообществом еще более остро – в первую очередь, в связи с появлением новых угроз и вызовов. Последние порождают необходимость принятия мер не только в традиционных сферах взаимодействия государств, но и в относительно новых областях, таких, как, в частности, киберпространство, информационные технологии и т.д. В этом смысле именно международное право, как гибкая правовая система, должно послужить объединяющим началом для усилий государств в попытке обеспечить и укрепить международный правопорядок. Вместе с этим, нельзя не отметить, что информационные технологии все чаще стали использоваться государствами в качестве инструмента защиты собственных интересов и получения стратегических преимуществ. Было бы неправильно отрицать тот факт, что государства в качестве независимых суверенных единиц всегда будут стремиться к доминированию в той или иной сфере, особенно, если другие государства в этом отстают. Сложность решения проблемы определяется также тем фактом, что источником угроз в области информационной безопасности являются действия не только государств, но и негосударственных образований, включая различного рода организации, частные группы и организованные преступные группы, обслуживающие, в том числе, международные террористические объединения. Таким образом, возникла потребность регулирования отношений между субъектами международного права в области обеспечения информационной безопасности с целью установ-

ления баланса интересов и построения справедливого и устойчивого правопорядка.

Многие вопросы, связанные с обеспечением информационной безопасности, в настоящее время уже нашли отражение в актах национального законодательства. В частности, в Российской Федерации среди наиболее значимых можно отметить следующие: Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»¹, Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»², Указ Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 года «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»³, Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации»⁴, «Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года»⁵; № Пр-1753, утверждены 24.07.2013. и иные.

¹ Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности». Принят Государственной Думой 7 декабря 2010 года, одобрен Советом Федерации 15 декабря 2010 года. URL: <https://rg.ru/2010/12/29/bezopasnost-dok.html>.

² Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Принят Государственной Думой 20 июня 2014 года, одобрен Советом Федерации 25 июня 2014 года. URL: <https://rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html>.

³ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Подписан 31 декабря 2015 г., опубликован 31 декабря 2015 г., вступил в силу 31 декабря 2015 г. URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации». Подписан 5 декабря 2016 г., опубликован 6 декабря 2016 г. URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html>.

⁵ «Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года», № Пр-1753, утверждены 24.07.2013. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document114/>.

Указанные выше нормативные акты содержат положения, отражающие подход Российской Федерации к пониманию проблемы и содержание мер, являющихся наиболее целесообразными в свете угроз безопасности государства. В частности, информационная безопасность включается наряду с другими видами в понятие национальной безопасности⁶, в качестве одной из угроз указывается оказание на Российскую Федерацию информационного давления со стороны США и их союзников⁷, манипулирование общественным сознанием и фальсификация истории⁸, нарушение устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры⁹, распространение идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма¹⁰ и иные. Отдельно указывается на неравное распределение между государствами возможностей для обеспечения безопасного и устойчивого функционирования

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Подписан 31 декабря 2015 г., опубликован 31 декабря 2015 г., вступил в силу 31 декабря 2015 г. Пункт 6. URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>.

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Подписан 31 декабря 2015 г., опубликован 31 декабря 2015 г., вступил в силу 31 декабря 2015 г. Пункт 12. URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>.

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Подписан 31 декабря 2015 г., опубликован 31 декабря 2015 г., вступил в силу 31 декабря 2015 г. Пункт 21. URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>.

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Подписан 31 декабря 2015 г., опубликован 31 декабря 2015 г., вступил в силу 31 декабря 2015 г. Пункт 43. URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>.

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Подписан 31 декабря 2015 г., опубликован 31 декабря 2015 г., вступил в силу 31 декабря 2015 г. Пункт 43. URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>.

сети «Интернет»¹¹. В этой связи, следует отметить, что в настоящее время сеть «Интернет» не может более рассматриваться как пространство для обмена свободными информационными потоками в силу возникновения транснациональных корпораций, обладающих по сути монополией на то, какую именно информацию предоставлять пользователям. В частности, по мнению ученого и одного из создателей сети «Интернет», Тима Бернерс-Ли, особенно страшно то, что централизованный Интернет начинают использовать в качестве информационного оружия¹². Указанные угрозы более детально раскрываются в Доктрине информационной безопасности 2016 г., среди прочего содержащей и меры, которые Российская Федерация планирует предпринимать с целью адекватного ответа. В качестве мер по обеспечению информационной безопасности указываются правовые, организационные, оперативно-розыскные, разведывательные, контрразведывательные, научно-технические, информационно-аналитические, кадровые, экономические и иные меры по прогнозированию, обнаружению, сдерживанию, предотвращению, отражению информационных угроз и ликвидации последствий их проявления¹³.

Безусловно, для того, чтобы обеспечивать информационную безопасность, мер, предпринимаемых на уровне отдельных государств, недостаточно в свете того, что, ввиду развития технологий, распространение информации более не ограничивается границами конкретного государства. Тем не менее, сознавая опасность сложившейся ситуации, государства не спешат приступать к разработке международно-правовых положений в рассматриваемой об-

¹¹ Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации». Подписан 5 декабря 2016 г., опубликован 6 декабря 2016 г. Часть III, пункт 19. URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html>.

¹² Создатель интернета рассказал, почему он в ужасе от современной всемирной паутины. Информационный сайт, новость от 14 марта 2018 г. URL: <https://www.5-tv.ru/news/189509/>.

¹³ Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации». Подписан 5 декабря 2016 г., опубликован 6 декабря 2016 г. Пункт 2 (г). URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html>.

ласти и тем более к разработке конкретных прозрачных международно-правовых механизмов для обеспечения контроля за соблюдением принимаемых на себя государствами международно-правовых обязательств. В качестве международно-правовых актов, отдельно затрагивающих вопросы международной безопасности, можно указать лишь резолюции Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН), в частности, Резолюция ГА ООН от 8 декабря 2010 г. «Достижения в сфере информатизации и коммуникаций в контексте международной безопасности»¹⁴, Резолюция ГА ООН от 20 ноября 2000 г. «Роль науки и техники в контексте международной безопасности и разоружения»¹⁵. В этих документах отмечается опасность использования информационных технологий с целью нанесения ущерба интересам и безопасности государств, а также в террористических и преступных целях, что обуславливает необходимость принятия дальнейших мер на основе сотрудничества между государствами. В этой связи целесообразно отметить, что государства участвуют в международных конференциях, а также создают межгосударственные группы для исследования и обмена опытом в рассматриваемой сфере. В частности, на основе Резолюции ГА ООН A/RES/60/45.¹⁶ в 2009 году была создана Группа правительственных экспертов¹⁷ по достижениям в сфере информатизации и

¹⁴ Резолюция Генеральной Ассамблеи «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». Документ ООН A/RES/65/41 от 8 декабря 2010 года. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/65/41>.

¹⁵ Резолюция Генеральной Ассамблеи «Роль науки и техники в контексте международной безопасности и разоружения». Документ ООН A/RES/72/28 от 4 декабря 2017 года. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/72/28>.

¹⁶ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». Документ ООН A/RES/60/45 от 8 декабря 2005 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/60/45>.

¹⁷ Группа была создана на основе принципа справедливого географического распределения. Были назначены эксперты из 15 государств: Беларуси, Бразилии, Германии, Израиля, Индии, Италии, Катара, Китая, Республики Корея, Российской Федерации, Соединенного Королевства Ве-

телекоммуникаций в контексте международной безопасности, которая подготовила доклад, представленный Генеральным секретарем ООН¹⁸ в 2010 году. В документе угрозы в области информационной безопасности отнесены к наиболее фундаментальным в XXI веке и требующим принятия мер на самой широкой основе в различных сферах функционирования государств. В этом смысле, большую проблему представляет обнаружение источника угрозы, а также ее непосредственный инициатор и исполнитель – вопросы, которые требуют обязательного разрешения в целях реализации ответственности и предотвращения нарушений в будущем. В этом контексте имеющиеся положения международного права относительно ответственности за международно-противоправные деяния не могут служить единственной основой для привлечения к ответственности государств – положения относительно присвоения деяния государству, закрепленные в Проекте статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г., во многом носят характер прогрессивного развития, так и не получив признание в качестве международно-правового обычая, а с другой стороны, большой проблемой является обнаружение и доказывание факта участия государства в совершении деяния в информационной сфере. Помимо этого, подобная неясность ставит проблему применимого стандарта доказывания совершения соответствующих действий конкретным субъектом с целью присвоения деяния и реализации ответственности. В качестве примера можно привести ситуацию вокруг Российской Федерации, когда ее обвинили¹⁹ в осуществлении кибератаки на информационные ресурсы Эстонии, указывая лишь на то, что использовались российские IP-адреса и не предъявив никаких достоверных доказа-

ликобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатов Америки, Франции, Эстонии и Южной Африки.

¹⁸ Доклад правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. Документ ООН A/65/201 от 30 июля 2010 г. URL: http://www.un.org/ga/search/viewm_doc.asp?symbol=A/65/201.

¹⁹ Ruus K. Cyber War I: Estonia Attacked from Russia. The Website of the European Institute (European-American cooperation). URL: <https://www.europeaninstitute.org/index.php/component/content/article?id=67:cyber-war-i-estonia-attacked-from-russia>.

тельность²⁰. В отсутствие договоренности между государствами относительно того, какие доказательства являются приемлемыми и какие стандарты доказывания следует применять с учетом особенностей деяния в области информационной среды, на месте Российской Федерации, которая даже не имеет возможности защититься, может оказаться любое государство.

Авторы доклада справедливо отмечают, что государства активно создают информационные технологии с целью использования их для ведения войны, разведки и применения в политических целях²¹ – это позволяет говорить о том, что во многом решение проблемы зависит от добросовестности и желания со стороны самих государств, в первую очередь. В качестве рекомендаций предлагается создание систем для обмена опытом, технологиями, а также принятия мер с целью выработки единообразной терминологии для повышения эффективности борьбы с все возрастающими угрозами.

Исходя из вышесказанного, очевидно, что в настоящее время государствам следует предпринять усилия, направленные на разработку и принятие международного договора универсального характера. Это необходимо, в первую очередь, для урегулирования разногласий и двусмысленных ситуаций в свете имеющегося правового вакуума в отношении регламентации поведения в киберпространстве, что ставит под угрозу сложившийся после Второй мировой войны международный правопорядок.

²⁰ McGuinness D. How a cyber-attack transformed Estonia. The Website of the BBC News. URL: <http://www.bbc.com/news/39655415>.

²¹ Доклад правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. Документ ООН A/65/201 от 30 июля 2010 г. С. 6. URL: http://www.un.org/ga/search/viewm_doc.asp?symbol=A/65/201.

КОРРУПЦИЯ – УГРОЗА СУВЕРЕНИТЕТУ СТРАН – УЧАСТНИЦ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Тимур Мэлсович Камолов

*аспирант кафедры теории государства и права им. Г.В. Мальцева
Института права и национальной безопасности Российской
академии народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации
t_one777@mail.ru*

Усиление угроз для стран-участниц Шанхайской Организации Содружества (ШОС) получило более интенсивную динамику, что побудило активизировать все имеющиеся ресурсы, а также явилась предпосылкой для создания самой ШОС. Первоначальные и основные задачи ШОС были установлены и закреплены в виде борьбы с активизацией «трех зол» на пространстве ШОС, представляющих терроризм, сепаратизм и экстремизм. То есть, ШОС позиционировала себя, как партнерский механизм между государствами-членами в достижении обеспечения безопасности и стабильности в евразийском регионе. Благополучие и совместное процветание явились стимулом как для молодых республик — Таджикистана, Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана, так и для сверхдержав — России и Китая, для которых безопасность евразийского региона является приоритетным направлением.

Угрозы безопасности и причины активизации «трех зол» в виде терроризма, сепаратизма и экстремизма в зоне деятельности ШОС достаточно разнородны и специфичны. Это религиозный и националистический фактор, бедность и необразованность, а также вмешательство третьих стран. Однако, из существенных угроз можно выделить коррупцию, которая является достаточно серьезной проблемой в государствах входящих в ШОС. В Евразийском регионе проблема коррупции на сегодняшний день недооценена. Актуально существует необходимость противодействия коррупционной угрозе в деятельности ШОС, в целях развития евразий-

ских интеграционных процессов и укрепления суверенитета стран-участниц ШОС.

Коррупция представляет собой категорию, под которой понимается: «корыстный произвол лиц, наделённых властными полномочиями, с обращением чужих и/или общественных благ в свою пользу; элемент неофициального (теневого, нелегального) механизма перераспределения материальных и нематериальных благ в государственно организованном обществе с использованием служебных возможностей; коррупционное явление – порицаемое социальными нормами деяние лиц, наделённых властными полномочиями»¹.

При этом вопросы борьбы с коррупцией в современности явились не только внутригосударственной проблемой, заключающейся в противоречии социальным и государственным нормам, в виде присвоения чужих благ в свою пользу при наличии служебного положения в данном государстве, но и получили межгосударственный характер.

Развитие таких тенденций, в частности, для государств-членов ШОС, обосновано тем, что коррупционные действия явились прямыми факторами, как стагнации евразийских интеграционных процессов на пространстве ШОС, так и вспомогательными факторами для терроризма, экстремизма и сепаратизма, что представляет угрозу для суверенитета и стабильности государств, входящих в ШОС.

Большое значение в современных условиях приобретает комплексная разработка системы мер и государственно-правовых механизмов для защиты конституционных прав и законных интересов граждан, субъектов федерации, предотвращения злоупотребления государственными органами своими правами². При этом разработка таких мер и борьба с коррупцией на межгосударственном уровне, с использованием потенциала ШОС, будет во многом эффективнее.

¹ Прокопович Г.А. Артемьев А.Б. Коррупция и меры её ограничения: теоретико-правовое исследование. Монография – М.: Издательство Московского Университета им. С.Ю. Витте, 2016. С. 81.

² Комарова С.А. Основы государства и права. Учебное пособие..М., Мюнхенский университет, Русь-90, 1996. С. 87.

В стратегии развития Шанхайской Организации Сотрудничества до 2025 года в разделе, касающемся сферы сотрудничества в области безопасности, зафиксировано: «приоритетами ШОС в области обеспечения региональной безопасности и стабильности будут оставаться противодействие терроризму, сепаратизму, экстремизму, незаконному обороту наркотиков, оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, ядерных и радиоактивных материалов, а также других компонентов оружия массового уничтожения, трансграничной организованной преступности, обеспечение международной информационной безопасности, укрепление безопасности границ, совместная борьба с незаконной миграцией и торговлей людьми, отмыванием денег, экономическими преступлениями, коррупцией»³. Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что коррупция неспроста поставлена в один ряд с перечисленными угрозами.

Неспособность государства эффективно противостоять коррупции и обеспечить гражданам основные общественные блага влияет на их повседневную жизнь, создавая почву для преступной деятельности в самых тяжких её проявлениях в виде терроризма и экстремизма, и в конечном итоге трансформируется в глобальную угрозу.

В действительности сложилась такая ситуация, что коррупционная деятельность органов государственной власти способствует террористическим и экстремистским группам в осуществлении терактов и иных незаконных деяний. Государства, сотрудничающие в области борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом по линии ШОС, оставляя без должного внимания вопросы противодействия коррупции, рискуют своим суверенитетом.

Отметим, что реализация задач ШОС в поддержании мира, обеспечения безопасности и процветания евразийского региона во многом зависит от успешной борьбы с такими незаконными явлениями, указанными в стратегии развития ШОС до 2025 года. При

³ Стратегия развития Шанхайской Организации Сотрудничества до 2025 года // Официальный сайт председательства Российской Федерации в Шанхайской организации сотрудничества в 2014-2015 годах: [сайт]. URL: <http://sco-russia.ru/documents/>

этом эффективность деятельности по ликвидации незаконных явлений во многом обусловлена уровнем коррупции в странах, участвующих в ШОС.

Повышение уровня распространения коррупции ухудшает антитеррористическую деятельность государственных и межгосударственных структур, что выражается в ослаблении эффективности государственного аппарата и ограничение верховенства закона на всей территории страны, что является важным для концепции суверенитета, так как понимание сущности и значения государственного суверенитета в условиях членства страны в межгосударственном объединении сохраняет свою актуальность.

Суверенитет есть признак государства, который означает независимость и самостоятельность в определении и проведении политики как внутри, так и вне государства⁴. На текущий момент эффективность борьбы с коррупцией в странах, участвующих в ШОС представляется показателем уровня развития всего региона, его инвестиционной привлекательности, оценкой внутреннего правопорядка и легитимности власти, а также авторитетом деятельности ШОС. В условиях евразийской интеграции коррупция из внутригосударственной проблемы превращается в угрозу демократическим ценностям и правам человека, оказывая негативное влияние на политические институты национального и интернационального уровня, подрывая доверие гражданского общества.

Отсутствие ответственности государственных органов перед народом, дискриминация по политическому и иному признаку, несоблюдение прав и свобод человека, отсутствие свободы прессы, необразованность и низкий уровень жизни - все это связано с проблемой коррупции в государствах входящих ШОС, при этом последствия таких явлений используются различными силами для дестабилизации всего Евразийского региона в целом.

Коррупционная деятельность стала средством для преступников в приобретении, хранении и транспортировке оружия и взрывчатых веществ, незаконном пересечении границ, передаче оперативной информации, подкупом сотрудников правоохран-

⁴ Прокопович Г.А. Артемьев А.Б. Коррупция и меры её ограничения: теоретико-правовое исследование. Монография – М.: Издательство Московского Университета им. С.Ю. Витте, 2016. С. 44.

тельных органов и т.д. Социальная незащищённость, безработица, низкий уровень жизни, как результат коррумпированности государства, позволяют с лёгкостью вербовать новых сторонников. Сочетание коррупции, терроризма, экстремизма и сепаратизма ведет к разрушению основ государства и общества, суверенитет ослабевает, а государство теряет доверие народа и авторитет на международной арене.

Евразийские интеграционные процессы в рамках ШОС направлены на совместную выработку и реализацию программ и проектов для развития и процветания всего региона с участием всех государств-членов ШОС. Если рассмотреть каждое государство, участвующее в ШОС по отдельности, то все они имеют различные антикоррупционные программы и нормативную базу. При всем этом, коррупцию в полной мере на пространстве ШОС устранить пока невозможно, но улучшить положение представляется возможным.

Суверенитет есть состояние полновластия государства на своей территории и его независимости от других государств⁵, но в случае коррумпированности государственного механизма, независимость государства ставится под сомнение. Коррупция в таком государстве будет не только стимулировать проявления преступных деяний, но также возможно будет определять её политико-правовой курс.

Таким образом, актуальным представляется обоснованная направленность процессов евразийской интеграции в совместной деятельности в сфере борьбы с коррупцией. Так как для Евразии в целом проблематика коррупции трансформировалась из внутринациональной проблемы в комплексную угрозу для межгосударственных отношений и государственного суверенитета стран региона, считаем целесообразным для решения стратегических задач ШОС уделять должное внимание антикоррупционной борьбе. Существует необходимость выработки единой обще-евразийской антикоррупционной стратегии в рамках ШОС, которая включала бы правовые, политические, экономические, организационно-

⁵ Прокопович Г.А. Артемьев А.Б. Коррупция и меры её ограничения: теоретико-правовое исследование. Монография – М.: Издательство Московского Университета им. С.Ю. Витте, 2016. С. 64.

технические аспекты. Создание общей стратегии станет предпосылкой создания активных механизмов противодействия коррупции на пространстве ШОС, а также даст импульс в формировании и развитии новых проектов ШОС для совместного процветания и развития.

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОРГАНОВ КАК ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

Анастасия Алексеевна Козлова

*адъюнкт третьего года обучения
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

Новым вызовом XXI века стало такое преступление транснационального характера как незаконный оборот человеческих органов. Признание факта существования такого явления, свидетельствует о том, что соответствующие противоправные деяния часто совершаются транснациональными преступными организациями, в силу чего проблема незаконного оборота человеческих органов в настоящее время приобрела международный масштаб. Незаконный оборот человеческих органов представляет собой риск не только для здоровья людей, но также является серьезным нарушением прав человека и достоинства.

По оценкам Всемирной организации здравоохранения, 5-10% всех пересадок почек, проводимых ежегодно во всем мире, связаны с незаконно приобретенными органами¹.

В марте 2018 года Генеральный секретарь Совета Европы Турбьёрн Ягланд подчеркнул, что «грязный бизнес - незаконный оборот человеческими органами - является серьезным нарушением прав человека, и мы должны это предупреждать и активно с этим бороться. Эти преступления часто совершаются организованными преступными группами и имеют многонациональное измерение. Правительствам необходимо принимать быстрые меры и эффек-

¹ Convention against trafficking in human organs set to enter into force with Malta's ratification // Официальный сайт Совета Европы.URL: <https://www.edqm.eu/en/news/convention-against-trafficking-human-organs-set-enter-force-maltas-ratification> (дата обращения: 24.03.2018 г.).

тивно сотрудничать, используя преимущества тех юридических рамок, которые обеспечиваются Конвенцией»².

В информационном бюллетене по трансплантации за 2016 год было отмечено, что к концу 2016 года более 142 000 пациентов в государствах-членах Совета Европы ждали пересадки почки, печени, сердца, легких, поджелудочной железы или кишечника. Каждый день 19 пациентов в листе ожидания умирали из-за того, что нет доступных органов³.

Дефицит и большой спрос на донорские органы, а также нерегулированность на национальном и международном уровнях многих вопросов трансплантологии, приводит к тому, что отчаявшиеся пациенты нередко обращаются к черному рынку человеческих органов для трансплантации. Каждая страна должна продвигаться к глобальной цели удовлетворения потребностей пациентов на основе их индивидуальной доступности ресурсов и уровней развития экономики и системы здравоохранения, а также посредством регулируемого регионального или международного сотрудничества, когда это необходимо.

Также в СМИ часто встречаются сведения о совершении преступлений в сфере незаконного оборота человеческих органов. Так, в марте 2018 года по данным службы государственной безопасности Азербайджана, был задержан гражданин данной республики, который совместно с другими гражданами из других стран занимался торговлей человеческими органами на территории Азербайджана⁴. В этом же году в Египте была задержана группировка врачей и посредников, которая занимались торговлей

² Торговля человеческими органами: Конвенция Совета Европы вступает в силу. // Официальный сайт Совета Европы. URL: <https://www.coe.int/ru/web/portal/-/trafficking-in-human-organs-council-of-europe-convention-enters-into-force> (дата обращения: 25.03.2018 г.).

³ Newsletter transplant. International figures on donation and transplantation 2016//Официальный сайт Совета Европы. URL: <https://www.edqm.eu/en/background-mission> (дата обращения: 26.03.2018 г.).

⁴ В Азербайджане продавали человеческие органы. URL: <http://azinform.com/ru/news/20180316/05815.html> (дата обращения: 14.03.2018 г.).

человеческими органами. К продаже своих органов были подвержены наименее защищенные слои населения⁵.

В настоящее время многие государства, как на международном, так и на региональном уровне уделяют большое внимание деятельности в сфере противодействия незаконному обороту человеческих органов, что, главным образом, проявляется в принятии ряда основополагающих документов в указанной области. 25 марта 2015 года государствами-членами Совета Европы была подписана Конвенция против торговли человеческими органами⁶ (далее – Конвенция 2015 г.). Конвенция 2015 года представляет собой международно-правовой акт, принятый в развитии Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины от 04.04.1977 г.⁷ Конвенция 2015 года определяет различные виды деяний, которые представляют собой торговлю человеческими органами. Положения данной Конвенции против торговли человеческими органами от 25.03.2015 г. обязывают государства, подписавших и ратифицировавших их, внести в свое уголовное законодательство составы этих преступлений. Важно отметить, что Конвенция 2015 года имеет международный характер, поскольку она открыта для любой нации и ограничивается не только государствами-членами Совета Европы.

В настоящее время Конвенция подписана 21 страной. 1 марта 2018 года данная Конвенция вступила в силу в первых пяти государствах, которые ее ратифицировали: Албания, Республика Молдова, Чешская Республика, Норвегия, Мальта.

⁵ В Египте задержали торговцев человеческими органами. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2018/03/13/n_11275879.shtml (дата обращения: 14.03.2018 г.).

⁶ Конвенция Совета Европы против торговли человеческими органами от 25 марта 2015 г. // Официальный сайт Совета Европы. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/216> (дата обращения: 24.03.2018 г.).

⁷ Конвенция Совета Европы о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине от 4 апреля 1997 г. // Официальный Сайт Совета Европы. URL: <https://rm.coe.int/168007d004> (дата обращения: 24.03.2018 г.).

В сфере противодействия незаконному обороту человеческих органов принято большое количество актов soft law, то есть актов рекомендательного характера (резолюций, рекомендаций), которые содержат сведения и предложения государствам как действовать в борьбе с данным видом транснациональной преступности.

В Резолюции 59/156 от 20 декабря 2004 г. под названием «Предупреждение незаконного оборота органов человека, борьба с ним и наказание за него», Генеральная Ассамблея ООН выразила сожаление по поводу коммерциализации человеческого тела и настоятельно призвала принимать необходимые меры для предупреждения незаконного изъятия и оборота органов человека, борьбы с такой деятельностью и наказания за нее, а также обмениваться опытом и информацией о предупреждении незаконного изъятия и оборота органов человека, борьбе с такой деятельностью и наказании за нее⁸.

Комиссия по предупреждению преступности и уголовному правосудию в резолюции 23/2 от 16.05.2014 г. «настоятельно призывает государства-члены бороться с незаконным оборотом органов путем принятия мер, которые могут включать предупреждение несанкционированного извлечения или имплантации органов и незаконной продажи, посреднических услуг, закупки и других незаконных операций в связи с органами человека, а также торговли людьми с целью извлечения органов, и наказание за такую деятельность»⁹.

В 2016 году на двадцать пятой сессии, Комиссией по предупреждению преступности и уголовному правосудию, по инициа-

⁸ Резолюция 59/156 от 20 декабря 2004 г. «Предупреждение незаконного оборота органов человека, борьба с ним и наказание за него». // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/documents/> (дата обращения: 15.01.2017 г.).

⁹ Резолюция Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию 23/2 от 16.05.2014 г. «Предупреждение незаконного оборота органов человека, включая торговлю людьми с целью извлечения органов, а также борьбы с ним» // Официальный сайт Управления ООН по наркотикам и преступности. URL: https://www.unodc.org/documents/commissions/CCPCJ/CCPCJ_Sessions/CCPCJ_23/Report/E2014_30_r_V1403810.pdf (дата обращения: 15.01.2018 г.).

тиве Республики Беларусь была принята резолюция 25/1 от 27.05.2016 г. «Предупреждение и пресечение незаконного оборота органов человека и торговли людьми с целью изъятия органов», в которой «настоятельно призывает государства-члены предупреждать и пресекать незаконный оборот органов человека и поддерживать ответственность с помощью мер, которые могут включать предупреждение несанкционированного изъятия или имплантации органов, незаконной купли-продажи, посредничества и других незаконных сделок с органами человека, а также торговли людьми с целью изъятия органов и, согласно соответствующему национальному законодательству, расследование такой деятельности, уголовное преследование и наказание»¹⁰.

8 сентября 2017 года Генеральной Ассамблеей ООН была принята Резолюция 71/322 «Усиление и поощрение эффективных мер и международного сотрудничества в сфере донорства и трансплантации органов с целью препятствовать и противодействовать торговле людьми для изъятия органов и торговле человеческими органами»¹¹, в которой настоятельно призывает государства-члены препятствовать и противодействовать торговле людьми в целях изъятия органов и торговле человеческими органами, руководствуясь своими обязательствами по международному и национальному праву, и добиваться соблюдения установленных норм путем принятия таких мер, которые могут включать предупреждение несанкционированного изъятия или имплантации челове-

¹⁰ Резолюция Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию 25/1 от 27.05.2016 г. «Предупреждение и пресечение незаконного оборота органов человека и торговли людьми с целью изъятия органов» // Официальный сайт Управления ООН по наркотикам и преступности. URL: <https://www.legal-tools.org/doc/c64897/pdf/> (дата обращения: 15.01.2018 г.).

¹¹ Резолюция 71/322, принятая Генеральной Ассамблеей 8 сентября 2017 года «Усиление и поощрение эффективных мер и международного сотрудничества в сфере донорства и трансплантации органов с целью препятствовать и противодействовать торговле людьми для изъятия органов и торговле человеческими органами». // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/281/79/PDF/N1728179.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.03.2018 г.).

ских органов, их незаконной купли-продажи, посредничества в такой купле-продаже и других незаконных сделок с человеческими органами, равно как и торговли людьми в целях изъятия органов, и, согласно соответствующему национальному законодательству, также расследование таких деяний и уголовное преследование и наказание за них

Таким образом, каждое государство должно стремиться к выполнению уже существующих международных Конвенций и соглашений, и в первую очередь Конвенции 2015 г., а также принимать дополнительные внутригосударственные акты, подчеркивая важность юридических инструментов в сфере противодействия незаконному обороту человеческих органов.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

Асель Алмазбековна Масакова

*Студентка 3 курса, юридический факультет,
ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан
masakova.shakima@mail.ru*

Терроризм вышел за рамки одной определенной страны. Его жертвами может стать любая страна, любой человек. Сегодня мы можем сказать, что государственный терроризм более или менее контролируем, когда преступное развитие международных террористических организаций в условиях глобализации, расширяющейся свободы передвижения, интенсивных миграционных и коммуникационных процессов становится труднее отслеживать. Международный терроризм представляет опасность не только для отдельных стран, но и для международного правопорядка. На сегодняшний день насчитывается приблизительно 500 нелегальных террористических организаций. Опасность вызывает объединение внутреннего терроризма с международным.

К вопросу о терроризме необходимо подходить с криминологической стороны. Единственным способом в борьбе с терроризмом является истребление его причин. Потому что действительный организатор террористического акта может остаться вне досягаемости правосудия. Еще одной причиной для обращения внимания именно на международный терроризм является то, что почти невозможно доказать, что акт терроризма произошел при содействии или даже организован официальными органами или должностными лицами государства, поскольку фактическими исполнителями акта терроризма остаются отдельные лица, которые не действуют от имени государства¹. Проводя анализ системы

¹ Самович Ю.В. О понятии «международный терроризм» // Вестник Томского государственного университета – 2012. URL:

предупреждения после сентябрьских событий 2001 года, можно сделать вывод, что все-таки доминируют силовые и военные мероприятия. На выявление причин не уделяется внимание. Наряду с этим нарушаются фундаментальные права человека (массовые задержания и обыски, прослушивание телефонных разговоров, поощрение националистических и расовых тенденций, подозрительности и доносительства, ковровые бомбардировки и другие насильственно-военные действия).

Меры по борьбе с терроризмом:

- жесткий социально-правовой контроль за хранением и оборотом любого вида оружия;
- выявление и ликвидация источников финансирования террористической деятельности;
- осуждение насилия, применяемого в политических, экономических, национальных и религиозных целях, а также пресечение распространения в печати технологий изготовления и применения взрывных устройств и других средств террористической деятельности;
- международное сотрудничество на различных уровнях в общей борьбе с национальной и транснациональной террористической деятельностью; (это может быть обмен информацией и совместные действия спецслужб разных стран);
- Важное место в антитеррористическом просвещении должны занимать телевидение и другие средства массовой информации, так как большая часть совершаемых терактов специально рассчитана на массовый отклик СМИ. Они не должны выступать вольными или невольными пособниками террористов и распространять их идеи, как это было на НТВ во время первой антитеррористической операции в Чечне, когда под флагом критики военных действий федеральных властей телеканал систематически представлял трибуну чеченским террористам.
- Необходимо решение внутренних и международных социальных, религиозных, этнических, экономических про-

<https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-mezhdunarodnyy-terrorizm> (дата обращения 08.04.2018)

блем, которые могут вызвать террористические проявления. Нужна социальная программа нейтрализации негативных последствий глобализации. В ней особое внимание должно быть уделено слаборазвитым странам с традиционным укладом жизни².

Нельзя не сказать, что международное право на уровне законодательства не регулирует этот вопрос. С 1963 года ООН было принято 12 конвенций и протоколов³. Но каждая из 12 Конвенций содержит нормы только для договаривающихся стран. Понятно, что при приготовлении к теракту преступник вряд ли думает о какой-нибудь из этих конвенций, потому что она носит рекомендательный характер.

Важным документом является резолюция VIII конгресса ООН «Меры по ликвидации международного терроризма». В этом документе рассмотрены вопросы, связанные с международным сотрудничеством, юрисдикцией, а также выдача, взаимная помощь, неприменимость оправдательных аргументов, действия государств, потенциальные объекты нападений с высокой степенью уязвимости, контроль за оружием, боеприпасами и взрывчатыми веществами и судей и работников уголовного правосудия, защита жертв, защита свидетелей, обращение с правонарушителями, роль средств массовой информации, кодификация международного уголовного права и учреждение международного уголовного суда⁴. В основном нормы резолюции реализованы. Однако это не останавливает терроризм в мире и отдельных регионах.

По мнению Юрия Мирановича Антоняна: «Целесообразно принять новый международный документ, в котором акты международного терроризма следует отнести к числу преступлений против человечества, а следовательно, подлежащих Наказанию, в том

² Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. – М.:Логос, 2004. С 325-344

³ Сайт Организации Объединенных наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_terrorism.shtml (дата посещения 09.04.2018)

⁴ Резолюция ГА. Меры по ликвидации международного терроризма. 12 декабря 2001 г. A/56/593. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901941377> (дата обращения 09.04.2018)

числе и международным сообществом, действующим при посредстве созданных им в соответствии с международным правом органов и учреждений. Нельзя согласиться с точкой зрения, в соответствии с которой преследование актов терроризма, как и других уголовных преступлений, относится только к компетенции суверенных государств»⁵.

Отсутствие в той или иной стране борьбы с каким-то видом преступной деятельности, например с отмыванием «грязных» денег, организованной преступностью, наркобизнесом, терроризмом и так далее, делает данную страну желательной не только для «своих», но и «чужих» преступников. Необходим комплексный подход к борьбе с терроризмом, т.е. нельзя акцентировать все внимание на международный терроризм, когда государственный терроризм все равно рано или поздно перейдет на международный уровень. Причины, из-за которых преступники расширяют свои границы довольно так и просты. Например, это может быть страна с неустойчивой экономикой или нестабильным положением, что оказывает влияние на социальное положение или расслоение общества. Это является выгодной почвой для террористов к привлечению к террористической деятельности. Второй причиной может являться разные меры наказания за одно и то же преступление.

К террористической деятельности могут прибегнуть люди, которые в безнадежной жизненной ситуации и которые ищут активной справедливости. Люди должны знать, что есть другие способы борьбы за справедливость, что государство может им помочь. Государство, в свою очередь в лице государственных органов должно отслеживать тех, кто в религии, отслеживать интернет. Государство показывает, что оно готово наказывать родственников преступников, например, уничтожением зданий. Родственники знают, что если они предоставят дом террористам, дом будет уничтожен. Социальная ответственность родственников помогает бороться с террористами. Многое зависит и от того, что люди услышат на молитве по пятницам. Если говорить об образовании, то ведется работа над богословными книгами, по которым будут обу-

⁵ Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. – М.: Логос, 2004. С. 345

чаться и которые несут действительный смысл религии. Это – удар по терроризму.

Мною в течение двух недель был проведен социологический опрос, результаты которого показали, что на сегодняшний день люди не боятся терактов. Люди напуганы только первое время после крупных терактов, когда главная идея в совершении терактов это устрашении. Подводя итог можно сказать, что к терроризму необходимо относиться как к преступлению против всего человечества. Ни одно государство не может с уверенностью сказать, что она защищена от подобных преступлений. Это и затронуло мою родину Республику Казахстан. 5 июня 2016 года в городе Актобе началась масштабная контртеррористи по задержанию групп лиц радикального исламского движения операция⁶. Необходимо с корня истреблять неправильное понимание религии. Самое страшное то, что террористы считают, что совершают преступление во благо. Именно поэтому необходимо с корня уничтожить неправильное понимание религии. Ведь ни одна религия в реальном смысле не несет за собой смерть и страх. Существует множество путей решить данную проблему, только общими усилиями можно достичь большего результата.

⁶ Теракт в Актобе: Хронология 5 и 6 июня. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/terakt-v-aktobe-hronologiya-5-i-6-iyunya-295954/ (дата посещения 09.04.2018)

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМУ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Ксения Юрьевна Мельшина

*Аспирант кафедры международного права
Российский университет дружбы народов
kseniya.melshina@mail.ru*

Конец XX – начало XXI века отличается, прежде всего, ростом новых угроз международному миру и безопасности, прежде всего терроризма и экстремизма. Террористические нападения на башни Центра международной торговли в Нью-Йорке и на другие объекты в США 11 сентября 2001 года показали невозможность самостоятельного противостояния международному терроризму, даже таких могущественных держав, как США.

В августе 2011 года Администрация Барака Обамы вместе с Советом национальной безопасности США представила свою первую в истории стратегию по противодействию радикализации – Стратегия по борьбе с насильственным экстремизмом¹, которая содержит три раздела:

- 1) усиление взаимодействия с местными общинами;
- 2) проведение государственной и местной экспертной деятельности по противодействию насильственному экстремизму;
- 3) борьба с насильственными экстремистскими действиями.

Согласно Стратегии, США руководствуются следующими началами: осознанием угрозы, исходящей от радикализованных групп и насильственного экстремизма; необходимостью защиты американского народа от насильственного экстремизма и защиты

¹ Empowering Local Partners to Prevent Violent Extremism in the United States. August 2011, The White House. URL: https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/empowering_local_partner_s.pdf (дата обращения: 03.12.2017).

гражданских прав и свобод каждого американца; необходимостью построения партнерских отношений и оказания поддержки местным сообществам на основе взаимного доверия и уважения; использованием широкого спектра программ эффективного управления, которые способствуют интеграции иммигрантов, повышению гражданской активности по социальным услугам; расширением местных возможностей и программ поддержки по решению проблем насильственного экстремизма; необходимостью осуществлять стратегию по обеспечению принципа недискриминации по этническим, религиозным и национальным различиям.

Стратегия по борьбе с насильственным экстремизмом 2011 г. определяет насильственных экстремистов как: «лиц, которые поддерживают или совершают идеологически мотивированное насилие для достижения дальнейших политических целей. В декабре 2011 г. эта Стратегия была дополнена Стратегическим планом осуществления², рассчитанным на 5 лет. Данный документ представляет широкий перечень мероприятий, проводимых с целью усиления государственного взаимодействия с населением и борьбы с пропагандой экстремистского насилия.

Серьезным шагом в этом вопросе следует считать Саммит государств по противодействию насильственному экстремизму - «Вашингтонский саммит», который состоялся в феврале 2015 года в Белом доме, и был посвящен объединению усилий в борьбе с насильственным экстремизмом³.

На Саммите было определено, что устранение коренных причин экстремизма возможно через участие общин и посредством реализации следующих шагов: повышения осведомленности к проблеме, включая проведение брифингов; противодействия вербовке со стороны экстремистских организаций; расширения

² Strategic Implementation Plan for Empowering Local Partners to Prevent Violent Extremism in the United States. 2011. URL: <https://publicintelligence.net/us-violent-extremism-strategic-plan> (дата обращения: 05.12.2017).

³ Fact sheet: The White House Summit on Countering Violent Extremism. 2015. URL: <https://obama.whitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/02/18/fact-sheet-white-house-summit-countering-violent-extremism> (дата обращения: 12.12.2017).

прав и возможностей общества в борьбе с процессом радикализации.

По итогам Саммита на национальном уровне в США была утверждена должность координатора по противодействию насильственному экстремизму в рамках Министерства внутренней безопасности, было создано специальное бюро в Лос-Анджелесе для содействия обмену информацией, взаимодействия с местными общинами, для сотрудничества правоохранительных органов. Также Национальным институтом юстиции были выделены 3,5 млн дол. на исследования явлений радикализации и насильственного экстремизма как внутри США, так и за пределами государства. Благодаря этому власти США заявили о своем намерении вместе с Канадой и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии начать исследования состоящее из четырех всеобъемлющих программ по подготовке материала (анализа данных, статистики) для практиков. По их мнению такая международная компиляция гарантирует повышение результативности работы, а результаты исследований будут распространены среди тех, кто в них больше всего нуждается⁴.

Как было отмечено в рамках данного Саммита – противодействие насильственному экстремизму включает превентивные меры по борьбе с экстремизмом, а также меры по подрыву идеологических стратегий экстремистских организаций.

В целом данное мероприятие носило в основном политический характер и вопросы деятельности спецслужб, присутствующих государств не обсуждались. Как отмечает ГА ООН, еще в сентябре 2014 г. на сессии ГА ООН президент Б. Обама призвал всех государств-членов вносить более весомый вклад в борьбу с насильственным экстремизмом в своих регионах, и Саммит Белого дома по борьбе с насильственным экстремизмом является одним из первых шагов в этих международных усилиях. В данном контексте возникает закономерный вопрос: почему данная встреча была организована не под эгидой ООН?

⁴ Fact sheet: The White House Summit on Countering Violent Extremism. 2015. URL: <https://obama.whitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/02/18/fact-sheet-white-house-summit-countering-violent-extremism> (дата обращения: 12.12.2017).

Поскольку на Саммите в позиции США неоднократно подчеркивалась активная заинтересованность в оказании поддержки другим странам в искоренении насильственного экстремизма, в качестве примера можно привести программу Государственного департамента по расширению возможностей студентов в университетах США, Северной Африке, на Ближнем Востоке, в Европе, Австралии и Азии для разработки цифрового контента, которая направлена на учет насильственных экстремистских сообщений и их активность. После проведения Саммита США организовали несколько «технологических лагерей», которые работали с правительствами, гражданским обществом и религиозными лидерами для разработки нового цифрового контента, с целью дискредитации насильственного экстремизма и усиления позитивных альтернатив.

Из всех этих действий складывается впечатление, что власти США заинтересованы в проникновении в разные сферы жизни других государств под предлогом самых благих намерений, при этом оценив сложившиеся правила и порядки государств, а вместе с тем и их слабые места. Данный вывод был бы голословным, не будь он подкреплён фактами, которые свидетельствуют о том, что где-бы не участвовали США и к какому бы государству не прикоснулась их «рука-помощи» – внутренняя ситуация в этих странах дестабилизируется, а иногда приводит к массовым протестам и вооруженным конфликтам.

После проведения Вашингтонского саммита был опубликован документ под названием «Руководящие принципы и передовая практика для разработки национальных стратегий по противодействию насильственному экстремизму»⁵. В этом документе содержится руководство для национальных правительств, заинтересованных в разработке или совершенствовании национальной стратегии противодействия насильственному экстремизму или его компонентов, в рамках более широкой стратегии борьбы с терроризмом. Он включает передовую практику, которая возникла из

⁵ Guidelines and Good Practices for Developing National CVE Strategies. 2016. URL: <http://toolkit.thegctf.org/sites/default/files/document-sets/source-document-uploads/2016-09/guidelines-and-good-practices-for-developing-national-cve-strategies.pdf> (дата обращения: 15.12.2017).

опыта в этой области в течение последних нескольких лет, а также предусматривает первоначальные шаги, которые можно было бы предпринять, чтобы заложить основу для разработки национальной стратегии противодействия насильственному экстремизму. Согласно Документу национальные стратегии должны отражать контекст и культуру каждой страны, но в их разработке следует учитывать следующие руководящие условия, такие как: создание четких ролей и обязанностей различных министерств, ведомств в отношении разработки и реализации национальной стратегии, в том числе внутриведомственных механизмов координации и коммуникации; обозначение ролей и обязанностей между центральным, региональным и местным правительством, а также между правительственными и неправительственными организациями, организациями гражданского общества, сообществами и частным сектором, когда речь заходит о противодействии насильственному экстремизму; включать механизмы, позволяющие различным субъектам привлекать друг друга к ответственности; рассмотреть потенциал непредвиденных последствий и оценить риск для подходов, которые могут усугубить насильственный экстремизм или уязвимость к насильственным экстремистским действиям; определить конструктивные средства рассмотрения жалоб (реальных или предполагаемых).

Процесс исследования заставил нас обратить внимание на выделение отдельного пункта в международной повестке дня - насильственный экстремизм, инициатором чего выступают США. Сам процесс, как показывают обстоятельства, был запущен после Вашингтонского саммита, когда США инициировали процесс принятия резолюции Резолюции 30/15 «Права человека и предупреждение насильственного экстремизма и борьба с ним» в Совете ООН по правам человека.

Что именно скрывается за продвижением внешнеполитических инициатив США по борьбе с «насильственным экстремизмом», является ли активность антиэкстремистской тематики в международных отношениях на самом деле отражением объективного нарастания угроз экстремизма, и, следовательно, результатом искренней обеспокоенности или это политическая игра ряда государств, и их очередная попытка навязывания своих геополитических интересов в погоне за мировым лидерством? Анализ их ини-

циатив усиливает такое подозрение, однако, при этом трудно обозначить цели этих инициатив из-за разнообразия их проявления в виде обращений из вне. Очевидно, что так называемые «цветные революции» являются проектами по свержению легитимной власти в странах третьего мира. История засвидетельствовала более десятка таких случаев, например, в Грузии (2003 г.), Ираке (2003–2005 гг.), Украине (2004 г.), Мьянме (2007 г.), Иране (2009–2011 гг.) и др. Все эти события связаны с намерениями изменения политического курса государств и приведения к власти угодных им режимов. В этих условиях борьба с «насильственным экстремизмом» может быть использована в качестве предлога для вмешательства во внутренние дела государств и стать одним из легитимных инструментов по свершению «цветных революций».

Данное утверждение могло бы считаться некорректным, однако обращаясь к законодательству США мы можем увидеть, что уже в 2002 г. Министерством внутренней безопасности США был принят Закон о внутренней безопасности⁶, основной целью которого является укрепление безопасности, содействие экономическому процветанию США, распространение демократии за рубежом, сохранения территориальной целостности, суверенитета и независимости государства, борьба с международным терроризмом, защита граждан США внутри страны и за ее пределами, а также сохранение политической свободы. Как видно из этого перечня, «внутренняя безопасность» трактуется шире и выходит за пределы США в виде, например, «распространение демократии за рубежом».

Именно поэтому при разработке документов международно-правового уровня, направленных на борьбу с экстремизмом, должны учитываться основные принципы международного права и запрет на вмешательство во внутренние дела суверенных государств.

⁶ Homeland Security Act. 2002. URL: <http://www.legislationline.org/download/action/download/id/1402/file/8aff07a0623363292e-bd410e689915a4.pdf> (дата обращения: 30.11.2017).

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Анастасия Андреевна Орлова

*Студентка 3 курса
Всероссийский государственный Университет Юстиции
(РПА Минюста России)*

Вопрос о различных аспектах международной безопасности является объектом научного и практического внимания, что подтверждается изысканиями философов начиная с древних времен и заканчивая нашим временем. Однако, наиболее острой эта тема стала после окончания второй мировой войны.

В попытках решить данный вопрос впервые в истории международных отношений была создана Организация Объединенных Наций, которая в своем уставе официально закрепила понятие международной безопасности: ООН преследует одной из своих целей поддержание международного мира и безопасности, в связи с чем принимает эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проводит мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира¹.

Классификацию угроз международной безопасности традиционно проводят только по одному критерию – геополитическому, в соответствии с которым выделяется три категории международной безопасности: национальная, региональная и глобальная безопасность. Однако, данный признак упускает множество угроз международной безопасности, возникших по причине очень высокого роста научно-технического прогресса и общества в целом.

¹ "Устав Организации Объединенных Наций" (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) – КонсультантПлюс.

Актуальность данной темы довольно высока ввиду непрерывного и быстрого развития международных отношений между государствами на мировой арене, резкого повышения уровня глобализации, компьютеризации общества во всех развитых странах. Ввиду данных процессов различные сферы жизни мирового сообщества оказываются в состоянии незащищенности от новых, инновационных угроз, порождаемых научно-техническим прогрессом. Проблема развития международной безопасности с такой же скоростью, с какой возникают угрозы данной безопасности в международном праве является одной из наиболее острых тем для различных дискуссий. Наше мнение состоит в том, что решить данный вопрос можно, своевременно расширяя классификацию угроз международной безопасности, где наравне с традиционными видами будут выделены в соответствии с развитием современных технологий новые, ранее оставленные без внимания категории угроз безопасности мирового сообщества.

Мы предлагаем выделить следующий критерий классификации: виды международной безопасности по времени существования угроз в истории. В соответствии с данным критерием международная безопасность будет иметь следующие виды:

1. Традиционные;
2. Современные.

Под традиционными следует понимать такие виды международной безопасности, которые выделялись различными учеными еще до научно-технического прогресса и развития международного права в целом. К ним можно отнести безопасность военную (особенная острота данного вопроса была одной из причин создания ООН), политическую (проблемы сепаратизма и суверенитета государств затрагивались различными учеными еще до выделения международного права как отдельной науки) и другие.

Современные виды международной безопасности – это такие виды, угрозы нарушения которых возникли в связи с развитием НТР, глобализацией, компьютеризацией и другими динамическими изменениями в обществе. Прежде всего к ним следует отнести следующие категории:

- Демографическая;
- Информационная;
- Продовольственная;

- Технологическая;
- И другие.

Демографическая безопасность затрагивает прежде всего такие вопросы как перенаселение, следствием которого являются следующие процессы:

- Миграция;
- Проблема старения;
- Перенаселение;
- И другие.

Каждая из этих проблем является существенной угрозой в международных отношениях. Так, по вопросам перенаселения в 1994 году состоялась международная конференция по народонаселению и развитию, на которой была представлена программа действий по соответствующей проблеме. В ней также указывались проблемы, являющиеся следствием данной темы: нищета, проблемы с окружающей средой, урбанизация, репродуктивное здоровье населения и другие².

Информационная безопасность в настоящее время становится все более актуальной ввиду компьютеризации как общества, так и государства. Данную точку зрения поддерживает ООН, которая в октябре 2016 года безоговорочно приняла проект резолюции Российской Федерации «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». Анализируя данный документ, можно выделить определенные подгруппы угроз международной безопасности:

- Телекоммуникационная;
- Глобализационная;
- Безопасность социальных сетей;
- Безопасность СМИ;
- И другие.

Кроме того, в резолюции указывается необходимость дальнейшего изучения данной проблемы для выявления как существующих, так и потенциальных угроз информационной безопасности.

² Доклад Международной конференции по народонаселению и развитию, Каир, 5-14 сентября 1994 г. // ООН, Нью-Йорк, 1995, 195 С.

Продовольственная безопасность включает в себя проблемы голода, нищеты, устойчивости сельского, лесного и рыбного хозяйства. Однако самая главная задача, на которую направлено большинство сил международных организаций данного направления – борьба с голодом и недоеданием в мире. Согласно исследованиям³ в 2016 году страдающих от хронического голода в мире увеличилось с 777 миллионов до 815 миллионов человек. Для решения данного вопроса в Квебеке, Канада в 1945 году была создана «Продовольственная и сельскохозяйственная организация (ФАО)» в качестве специализированного учреждения ООН. Ее основной задачей стало обеспечить продовольственную безопасность для всех и гарантировать регулярный доступ населения к высококачественной пище⁴.

На данный момент все проекты ФАО возможно разделить по территориальному признаку, а именно – по территории отдельных государств, имеющих проблемы, связанные с деятельностью организации, а также определенных местностей в данных странах.

Как уже утверждалось ранее, перечень угроз международной безопасности нуждается в постоянном мониторинге и дополнении ввиду особой динамичности развития общества, государств и отношений между ними, что, в свою очередь, порождает все новые и пока неизученные угрозы миру и безопасности.

³ Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире // Продовольственная и сельскохозяйственная Организация Объединенных Наций, - Рим, 2017. 132 С.

⁴ Продовольственная и сельскохозяйственная Организация Объединенных Наций, - <http://www.fao.org/about/ru/> [Загл. с экрана].

БОРЬБА С КИБЕРТЕРРОРИЗМОМ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

Аль Али Насер Абдель Рахим

*канд. юрид. наук, доцент кафедры публичного права и
третейского правосудия Российского государственного
социального университета
drnasernimer@yahoo.com*

Информационная технология в современном мире оказывает огромное влияние на совершение террористических актов в разных уголках нашей планеты. Развитие и распространение высокой технологии и в том числе глобальных сетей во многих государствах привело к появлению новой формы терроризма под названием «кибертерроризм». От кибератак и от деятельности кибертеррористов в виртуальном пространстве могут пострадать тысячи люди.

Внимание к кибертерроризму сильно возросло во всем мире, когда стали использовать компьютеры и информационно-коммуникационные системы во всех сферах деятельности человека и государства, а именно в области обеспечения национальной безопасности, предоставления государственных услуг, здравоохранения, образования, ЖКХ, управления аэро- и железнодорожным транспортом, торговли, финансов, а также межличностного общения и др¹.

Современные террористические организации активно используют информационно-коммуникационные технологии для вербовки и подготовки новых членов в свои ряды, сбора средств и разведывательных данных, для запуска серии террористических атак, запугивания общественности, нарушения работы государ-

¹ Прокопьева В.А. Политика противодействия кибертерроризму в современной России. Вестник социально-гуманитарного образования и науки.2016.№ 4. с. 31.

ственных и банковских компьютерных систем, компьютерных систем международных органов.

Одним из наиболее актуальных вопросов на международном уровне является отсутствие конкретного определения международного терроризма в целом и кибертерроризма в частности. Международное сообщество еще не выработало всеобъемлющего определения, это объясняется разнообразием его форм и проявлений, разнообразием его методов и моделей, различиями в международных взглядах и политических тенденциями вокруг него, некоторые и вовсе не видят в отдельных действиях признаков правонарушения. Поэтому определение международного терроризма и кибертерроризма до сих пор является главной проблемой международного сообщества.

Мировое сообщество пока не уделяет должного внимания указанной проблеме. Термин кибертерроризм легально не закреплен ни в одном международно-правовом акте. К сожалению, международное право пока не знает точного определения этого понятия. Хотя на международном уровне действуют более 13 универсальных антитеррористических договоров по борьбе с терроризмом, но, к сожалению, до сих пор нет специальной договоренности по вопросам кибертерроризма.

Само понятие «кибертерроризм» состоит из слияния двух слов: «кибер» («киберпространство») и «терроризм».

На уровне доктрины были сформулированы различные определения кибертерроризма.

На XXXI-ой Международной конференции Красного Креста и Красного Полумесяца, состоявшейся в Женеве 2011 г. «Международное гуманитарное право и вызовы современных вооруженных конфликтов» дали определение кибервойна под ней МККК понимает «операции, при помощи потока данных направленные против компьютера или компьютерных систем, предназначенные для достижения целей проникновения в информационную систему или сбора, передачи, шифрования, изменения данных или манипулирования ими посредством процесса проникновения и использования этих средств для уничтожения или отключения различных

систем в реальном мире, таких как промышленные отрасли и инфраструктура»².

Адель Абед Садек один из арабских специалистов в области кибертерроризма определил его как «Преднамеренная, политически мотивированная атака в целях оказания влияния на решения правительства или общественное мнение с использованием компьютеров и средств связи для воздействия на производство, переработку и хранение информации или отключения служб, которые приводят к запугиванию населения и разрушению жизненно важной инфраструктуры»³.

В.А. Голубев определяет кибертерроризм как «преднамеренную, политически мотивированную атаку на информацию, обрабатываемую компьютером, компьютерную систему или систему в целом, которая создает угрозу для здоровья и жизни людей или наступления иных тяжких последствий, если данные действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения или провокации любого рода конфликта»⁴.

Профессор Габриэль Вейманн, один из исследователей в области кибертерроризма определяет его как «использование компьютерных сетевых инструментов для уничтожения или закрытия национальной инфраструктуры (например, энергетики, транспорта, государственных операций и т.д.)»⁵.

Таким образом, понятие кибертерроризм может быть сформулировано следующим образом: использование глобальных компьютерных сетей в целях совершения любого акта насилия или угрозы, невзирая на мотивы или цели, который совершается в угоду одного лица или преступной группы, направленный на наведе-

² Доклад XXXI Международной конференции Красного Креста и Красного Полумесяца Женеве 2011г. «Международное гуманитарное право и вызовы современных вооруженных конфликтов» с 67.

³ عادل عبد الصادق ، هل يمثل الارهاب شكلاً جديداً من اشكال الصراع الدولي، ملف الازهرام الاستراتيجي، مركز الازهرام للدراسات السياسية والاستراتيجية، اكتوبر 2010 .

⁴ Голубев В.А. Кибертерроризм как новая форма терроризма. URL: http://www.crime-research.ru/library/Gol_tem3.htm (дата обращения: 13.04.2018).

⁵ Вейманн Г. Как современный терроризм использует Интернет: специальный доклад № 116// Владивостокский центр исследования организованной преступности.2004.

ние ужаса среди населения, нанесение вреда этому населению, создание угрозы жизни, свободе и безопасности людей, а также нанесение вреда окружающей среде, государственному и частному имуществу или нанесение вреда всему народу.

Из предыдущих определений видно, что кибертерроризм отличается от других форм терроризма использованием информационных ресурсов и глобальных компьютерных сетей для совершения атаки на информацию, хранящуюся на компьютерах и в компьютерных системах, создающей опасность для жизни и здоровья людей и для мирового сообщества в целом.

Характеристика кибертерроризма заключается в следующем:

- Кибертерроризм не нуждается в применении силы, для его совершения требуется лишь компьютер, подключенный к провайдеру информационной сети и некоторое необходимое программное обеспечение.

- Кибертерроризм является транснациональным террористическим преступлением и не подпадает под юрисдикцию конкретного государства.

- Сложность раскрытия преступления кибертерроризма заключается в отсутствии необходимого для борьбы с этим видом преступления опыта у правоохранительных органов и служб безопасности многих государств.

- Сложность доказательства кибертерроризма обусловливается легкостью уничтожения и разрушения улик и фактов его совершения.

- Лицо, совершившее кибертерроризм, обычно компетентно в области информационных технологий или, либо это лицо имеет специальные знания и опыт в области компьютерных информационных сетей.

Кибертерроризм направлен на достижение ряда противоправных целей, наиболее важных из них:

1. Устрашение населения разных государств.
2. Нарушение общественного порядка и информационной безопасности.
3. Создание угрозы безопасности общества и государства.

4. Повреждение информационных структур, разрушение и повреждение телекоммуникаций и информационных технологий, а также государственных и частных объектов.

5. Шантаж государственных органов и международных организаций.

6. Мечь соперников.

7. Пропаганда, привлечение к себе внимания, провоцирование общественного мнения.

8. Сбор средств для финансирования террористических атак.

Кибертерроризм проявляется в обмене и распространении информации о терроризме через Интернет. С помощью глобальной сети террористы могут обмениваться мнениями и информацией между собой, привлекать последователей и сторонников посредством распространения своих идей и принципов через веб-сайты, форумы и электронные диалоги. В последнее время электронная почта была средством обмена и передачи информации между организаторами и исполнителями террористических атак.

Через информационную сеть террористические организации и экстремистские группы могут распространять свои экстремистские идеи, пропагандировать свои принципы для достижения своих незаконных целей, противоречащих интересам мирового сообщества в целом.

Террористы используют Интернет для общения и координации между собой из-за низкой стоимости связи, по сравнению с другими средствами коммуникации. Кроме того, сеть представляет террористам ценную возможность скрытно взаимодействовать через электронную почту или сайты, форумы и комнаты для электронного общения.

Террористы могут использовать Интернет также и для сбора информации об объектах терроризма. Интернет богат информацией, и представляет собой всеобъемлющую электронную энциклопедию, огромный массив конфиденциальной информации, которую террористы стремятся получить и использовать для достижения своих целей.

Террористы могут использовать Интернет для планирования и координации террористических операций. Глобальная информационная сеть позволяет им тщательно планировать и коорди-

нирывать конкретные террористические атаки в спокойной обстановке, вдали от глаз свидетелей.

Террористы могут использовать Интернет для сбора финансовых средств от физических и юридических лиц, для мобилизации и вербовки новых террористов, а также для обучения террористов. Информационная сеть стала важным инструментом для обучения и подготовки террористов для совершения террористических операций, включая подготовку, планирование, исполнение и сокрытие.

Террористические организации используют информационные сети для распространения различных террористических заявлений посредством веб-сайтов, сообщений электронной почты и форумов, спутниковых каналов. Интернет-технологии ускоряют и упрощают доступ к таким террористическим данным, и к возможности их публикации через средства массовой информации.

Террористы создают и разрабатывают свои веб-сайты для трансляции своих идей, пропаганды своих принципов, мобилизации и привлечения новых террористов, обучения подготовки и совершения террористических атак. Примеры некоторых веб-сайтов, созданных и разработанных некоторыми террористическими организациями, включают следующее:

- «Аль-Нида»: официальный сайт «Аль-Каиды» был создан после событий 11 сентября 2001 года, через который выходят заявления СМИ «Аль-Каиды».

- Аль-Снам: электронный журнал отдела средств массовой информации Аль-Каиды.

- «Голос джихада»: двухмесячный журнал, выпущенный так называемым AQAP, выпущенный как: (pdf), (слово) и содержит набор данных и диалогов с руководителями организации и ее перспективами.

Эти сайты стали наиболее заметным проявлением кибертерроризма.

Итак, террористические атаки в информационную эпоху нацелены на уничтожение сайтов, электронных данных и информационных систем путем внедрения вирусов, программных закладок, преодоления системы защиты.

Усилия международного сообщества в выработке и принятии мер по предотвращению кибертерроризма и борьбы с ним яв-

ляются очень слабым. При ООН на уровне Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности были приняты резолюции посвященные терроризму вообще, а по кибертерроризму отдельных актов и вообще нет. В 2006 году ГА ООН приняла резолюцию «Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций» в пункте 12 говорится о «координации усилий, предпринимаемых на международном и региональном уровнях в целях борьбы с терроризмом во всех его формах и проявлениях в сети Интернет; b) использования сети Интернет в качестве инструмента борьбы с распространением терроризма, признавая при этом, что государствам может потребоваться помощь в этих вопросах»⁶.

Для усиления эффективности действий международного сообщества в борьбе с кибертерроризмом необходимо:

- Принятие соответствующей правовой базы на национальном, региональном и универсальном уровнях для борьбы с этим преступлением. Законодательство большинства государств не выделяет кибертерроризм как самостоятельное преступление. Однако на уровне некоторых государств стали принимать специальные законы о преступлениях информационных систем и об установлении ответственности за кибертерроризм. Законодатель Иордании криминализировал кибертерроризм в законе об «уголовной ответственности за преступления информационных систем» № 30 от 2010 г. Статья 10 этого закона предусматривает, что: «Любой, кто использует информационную систему или информационную сеть, или создает электронный сайт для содействия совершению террористических актов или поддержки группы, организации или ассоциации, осуществляющей террористические акты, или продвигает их идеи или финансирует их, наказывается временными каторжными работами».

Английский закон о терроризме 2000 г. выделяет возможность использования компьютерных систем для совершения террористических актов.

⁶Резолюция ГА ООН. Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций. 8 сентября 2006 г. A/RES/60/288. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/60/288&referer=/english/&Lang=R (дата обращения: 12.04.2018г.).

На сегодняшний день на национальном уровне не делается конкретных шагов для разработки специального внутреннего законодательства о кибертерроризме и борьбе с ним.

На международном уровне, для противодействия кибертерроризму необходимо активизировать международное сотрудничество посредством принятия международного соглашения для обеспечения мирного использования киберпространства и сотрудничества между государствами в борьбе с кибертерроризмом.

В 2011 РФ предложила проект Конвенции о международной информационной безопасности, но к сожалению она пока не принята. Статьи 8-9 данного проекта посвящены основными мерами противодействия использованию информационного пространства в террористических целях.

Сотрудничество государств в борьбе с кибертерроризмом осуществляется в основном на региональном уровне, были приняты соглашения о киберпреступности, под эгидой Совета Европы была принята Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации 2001 г. К данной Конвенции присоединились 54 страны, в том числе США и Великобритания. В ней нечего не говорится о кибертерроризме. Единственным международным договором регионального характера, который частично затрагивает вопросы противодействия кибертерроризма является Арабская конвенция по борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий от 21 декабря 2010 г. В статье 15 данной конвенции закреплены преступления, связанные с терроризмом, совершенным информационными технологиями:

- 1) Распространение и пропаганда идей и принципов террористических групп;
- 2) Финансирование террористических операций и обучение террористов для облегчения связи между террористическими организациями;
- 3) Распространение методов изготовления взрывчатых веществ, которые используются в террористических операциях;
- 4) Распространение экстремистских идей с целью разжигания религиозной и национальной розни⁷.

⁷ Арабская конвенция по борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий от 21 декабря 2010г URL:

На сегодняшний день, проводимые меры на национальном, региональном и международном уровнях по борьбе с кибертерроризмом носят скорее формальный характер и нередко оказываются неэффективными в практической деятельности. Это подтверждают повторяющиеся с каждым годом факты кибератак на крупнейшие компании и государственные органы различных государств.

Для того чтобы определить надлежащие правовые средства противодействия такому противоправному деянию, следует дать ему международно-правовую квалификацию, выявить возможность его отнесения к международным преступлениям или преступлениям международного характера.

При этом для эффективного противодействия кибертерроризму необходимы совместные усилия всех членов мирового сообщества по разработке единого понятийного аппарата, включая универсальное определение кибертерроризма и дальнейшей его кодификации; разработке международных критериев, определяющих признаки террористических интернет-ресурсов.

Необходимо внести кибертерроризм в разряд уголовных преступлений и создать всеобъемлющую правовую базу для борьбы с этим явлением, создать национальные и международные подразделения по борьбе с кибертерроризмом, а также специальные центры по оказанию помощи в нейтрализации последствий кибератак.

Требуется расширение международного сотрудничества в сфере правовой взаимопомощи в области борьбы с кибертерроризмом.

Особую роль в борьбе с кибертерроризмом играет переподготовка и регулярное повышение квалификации кадров, которые специализируются на борьбе с кибертерроризмом, их поиск из числа профессионалов только на конкурсной и контрактной основе. Такое обучение будет способствовать повышению их эффективности в противостоянии новым видам сетевых атак и компьютерных преступлений.

http://www.lasportal.org/ar/legalnetwork/Pages/agreements_details.aspx?RID=73 (дата обращения: 13 апреля 2018г.).

Важное значение имеет осуществление межгосударственного взаимодействия по линии правоохранительных органов непосредственно по вопросам противодействия кибертеррористических атак.

Необходимо укрепление механизмов сотрудничества, координации и обмена информацией и опытом между специализированными и глобальными и региональными организациями, а также между странами и учреждениями, занимающимися борьбой с кибертерроризмом.

Требуется активное сотрудничество в области преследования террористов путем разработки процедур для проверки информации, содержащейся на отдельных компьютерах, контроля за передачей информации, а также предоставление возможности инспекционным органам контролировать и фиксировать компьютерные программы и информацию, содержащиеся в программах, в соответствии с условиями обычных проверок, путем активизации международных конвенций о контроле и выдаче преступников и террористов.

Также важно осуществлять постоянное сотрудничество и координацию с Интерполом в области обмена информацией и технической экспертизе в области мониторинга и контроля за преступной деятельностью, особенно в отношении кибертерроризма, который постоянно растет, благодаря своим профессиональным преступным элементам, широкому распространению по всему миру и связи с международной информационной сетью.

В завершение, необходимо принять согласованные международные стандарты для определения концепции кибертерроризма, использования международной информационной сети и обеспечения защиты компьютерных сетей.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОРУЖИЯ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ

Александра Евгеньевна Симонова

*Канд. юрид. наук, Доцент кафедры прав человека и
международного права Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
for-alex.07@mail.ru*

Созданное в эпоху научного и промышленного переворота человеческой цивилизации, как развитие выдающихся открытий человечества, таких как деление ядра, радиоактивность, микробиология и т.п. оружие массового уничтожения явилось уникальным продуктом человеческой цивилизации. Прежде всего его исключительность проявилось в том, что уже его наличие, зачастую без практики применения, определяется как фактор кардинальным, особым образом позиционирующее государство им обладающее. Вместе с тем, несмотря на длительное и непрекращающееся противостояние и соперничество, противоположные, подчас диаметрально, интересы и направления развития государств, мировое сообщество достигло в деле нераспространения и ликвидации значительных успехов. Запрещены и последовательно уничтожаются запасы бактериологического и химического оружия, регламентировано и упорядочено существование ядерного оружия, функционирует механизм по его нераспространению и ограничению. Первоочередным будет является повышение оперативности и профилактики со стороны международно-правового регулирования, исключения практики значительной затратности времени и ресурсов в сфере политики нераспространения. Немаловажным обстоятельством, влияющим на результативность политики нераспространения и характеризующих действенность международно-правовых регуляторов, является и то, что в следствие неконтролируемого и недопустимого пересмотра основ международного права, фундаментальных норм и принципов международных отношений, обла-

дание оружием массового уничтожения для многих государств мира является зачастую единственной гарантией национального суверенитета и надежной преградой от вмешательства во внутренние дела, тем более что современная мировая политика к сожалению содержит примеры использования фактора оружия массового уничтожения, в качестве циничного предложения для осуществления агрессии против независимого государства. Серьезной угрозой сегодняшнего дня, напрямую связанной с оружием массового уничтожения, является опасность террористических атак с его использованием. Как отмечалось, уровень технического развития, информационного обеспечения и доступности компонентов и технологий в сфере массового уничтожения сегодня таков, что попадание оружия и что более вероятно материалов массового уничтожения в руки различных негосударственных деструктивных сил реальность с которой необходимо считаться.

Химическое оружие, массовое применение которого и открыло эпоху оружия массового оружия, несмотря на свою относительную по историческим меркам «молодость» в применении и процесса развития в привычном нам современном виде, тем не менее имеет давнюю историю происхождения. Советский военный историк и теоретик 1930-х гг. А.Н. Де-Лазари, отмечал, что попытки боевого применения различных веществ, таких как сера, селитра, смола, растительные масла, яды растительного и животного происхождения с целью отравления атмосферы, воды в лагере противника были известны уже при описании осады таких древних городов как Платея во время греко-персидских войн, Белиум во время войны Афин со Спартой, морском сражении в заливе Амбрация во время войны между Августом и Октавием за объединение Рима¹.

Одной из определяющих вех в развитии мировой цивилизации и в первую очередь оружия в самом широком смысле слова стала Первая мировая война 1914-1918 гг. Взрывной характер роста самых разнообразных типов, видов, родов вооружений, тактики и стратегии ведения войн, и именно с того момента мы можем говорить о дебюте химического оружия как оружия массового

¹ См.: Де – Лазари А.Н. Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914-1918 гг. – М.: Государственное военное издательство, 1935 – С.14.

уничтожения, оружия характеризующегося прежде всего масштабностью применения и массовостью жертв.

Одним из последствий этого явилось включение норм касающихся химического оружия в международные акты заключенные после окончания войны. Версальский мирный договор с Германией от 28 июня 1919 года, Сен-Жерменский мирный договор с Австрией от 10 сентября 1919 года, Нейский мирный договор с Болгарией от 27 ноября 1919 года, Трианонский мирный договор с Венгрией от 4 июня 1920 года, Севрский мирный договор с Турцией от 10 августа 1920 года содержали положения, касавшиеся запрета производства и ввоза удушливых, ядовитых и иных газов, а также всех аналогичных жидкостей и веществ на том основании, что их использование не допускается в соответствии с действующими нормами. Также была введена практика инспектирования объектов по производству химического оружия в Германии. Как отмечает С.М. Пунжин, определение химического оружия, приводимое в статье 171 Версальского мирного договора 1919 года, было имплементировано в последующие международно-правовые акты касающиеся химического оружия². К их числу следует отнести Вашингтонскую конференцию по разоружению, в рамках которой между США, Великобританией, Францией, Италией и Японией 6 февраля 1922 года был подписан соответствующий договор, включивший положение о запрете использования удушающих, отравляющих или иных газов и всех подобных жидкостей, материалов и устройств³. Наиболее законченный вид в рассматриваемый период, нормы касающиеся химического оружия приобрели в рамках Женевского протокола 1925 года.

После окончания Второй мировой войны, в мире произошло более ста локальных вооруженных конфликтов различного масштаба. Одним из наиболее крупных столкновений произошло в Корее в 1950-1953 гг⁴. Однако масштабы и разнообразие примене-

² См.: Пунжин С.М. Химическое оружие и международное право – М.: Волтерс Клувер, 2009. – С.5-6.

³ Пунжин С.М. Химическое оружие и международное право – М.: Волтерс Клувер, 2009. – С.12.

⁴ См.: Локальные войны: История и современность / Под ред. И. Шаврова – М.: Воениздат, 1981. – С. 115.

ния химического оружия были многократно превышены в ходе войны во Вьетнаме в 1964-1975 гг.

В 1970-е гг. были разработаны различные проекты конвенции о запрете химического оружия. В 1984 году на Конференции по разоружению в Женеве, была проведена работа по непосредственной подготовке текста будущего документа. Несмотря на сложности согласования текста, и учета позиций сторон, процесс подготовки Конвенции о запрещении химического оружия подходил к завершению, для чего в 1992 году был создан специальный Комитет *ad hoc* по химическому оружию, доклад которого с прилагавшимся текстом Конвенции был принят Конференцией по разоружению 3 сентября 1992 года а также был направлен на 47-ю сессию Генеральной Ассамблеи ООН.

Кроме указанных международно-правовых актов о запрещении оружия массового уничтожения государствами предпринимаются попытки контроля за исполнением субъектами международного права существующих норм в исследуемой области. Одной из таких международных организаций является ИБОР – Инициатива по борьбе с распространением оружия массового уничтожения⁵.

Политика нераспространения, её становление, развитие и современное состояние постоянно находится в жесткой раздвоенности: декларируемая и безусловно поддерживаемая подавляющим большинством участников процесса нераспространения конечная цель – полная ликвидация оружия массового уничтожения как вида вооружений и в тоже время принципиальная невозможность исключения сверхмощного и разрушительного оружия как неременного и на сегодня неизбежного элемента политических отношений и в первую очередь на международной арене. Человеческая история неотделима от войн, которые, к сожалению сопровождают нашу цивилизацию на каждом этапе своего развития. Классический принцип о войне как продолжении политики иными средствами находит свое подтверждение и в наши дни, несмотря на очевидный прогресс в урегулирования сложнейшей области меж-

⁵ См. подробнее: А.Е. Симонова. Инициатива по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения (ИБОР): история и современное состояние // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2017. № 15-1. С. 260-261.

дународных отношений по различным направлениям. Кроме того развитие оружейных технологий это отражение технического прогресса которые невозможно приостановить а следовательно появление и совершенствование все более мощного оружия является лишь вопросом времени. Регресс в данной области просто невозможен. На состояние и перспективы политики нераспространения как элемента мировой политики воздействуют более глубинные и всеобъемлющие факторы, которые необходимо принимать во внимание.

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕТЕВОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ И РОССИИ

Армен Жоресович Степанян

*к.ю.н., доцент кафедры интеграционного и европейского права
МГЮА им. О.Е.Кутафина.
armen@stepanyan.com*

К началу 2018 года проникновение интернета в России достигло 72,8%¹ для жителей старше 16 лет. Примечательно, что из них около 56% пользуются интернетом на мобильных устройствах, а 13,2% пользуются только мобильным интернетом, причем среди пользователей 16-29 лет, молодежи, такая доля составляет 18,4%. Показатель России значительно обгоняет средний по миру показатель проникновения – 53%² (который, однако, в абсолютном значении сам по себе впечатляет – более 4 миллиардов человек пользуются интернетом). Более низкие показатели в Африке, особенно в Центральной и в Азии, особенно в Юго-Восточной, однако, там же и самые большие показатели роста.

Эти цифры дают возможность понять, какому огромному количеству людей каждый момент времени дается возможность доступа к информации и доставляется информация. Каждую единицу времени эта возможность обеспечивается операторами связи, которые давно уже осознали свою важность и роль.

Интернет давно является практическим средством обеспечения реализации права на информацию, права на свободу выраже-

¹ Исследование GfK, январь 2018.
URL:https://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Reports/2018/GfK_Rus_Internet_Penetration_in_Russia_2017-2018.pdf // Доступ 01.04.2018

² Исследование We are Social URL:
<https://wearesocial.com/blog/2018/01/global-digital-report-2018> // Доступ 01.04.2018

ния и права на частную жизнь. Верховный Комиссар ООН по правам человека неоднократно подтверждал это в своих докладах³.

Свобода выражения состоит в том числе в том, где, как и при каких условиях выражаться личности. Обыкновенно сейчас такое массовое обывательское выражение происходит в социальных сетях (Facebook, Instagram, VK.com, YouTube и т.д.). В условиях, когда оператор связи давал бы предпочтение одному из сервисов, к которому получает доступ пользователь (включая упомянутые выше), перед другим, оператор связи не был бы нейтрален. В связи с достаточно большой маржинальностью (прибыльностью) интернет-сервисов, последние пользуются большей свободой перед операторами связи и предлагают последним попросту купить для себя преимущества перед своими конкурентами: обеспечить преимущественное размещение серверов, ограничить полосу пропускания для трафика конкурентов и т.д. В такой ситуации пользователь бы, фактически, сам бы не выбирал, где именно ему выражать свое мнение или что-то иное, за него выбирал бы оператор связи, что, по существу, составляло бы нарушение права на выражение, и, возможно, даже частично цензуру.

Весь трафик может делить в зависимости от различных критериев. Различные сервисы и качество их предоставления достаточно разнятся, в зависимости от того времени за которое получается доступ, длительности такого доступа и скорости, на которой оказываются услуги связи. Проще говоря, некоторые сервисы нам важны именно в ту секунду, в которую к ним обращаешься, некоторые – желательно быстро, чтобы это было комфортно, некоторые – без перерыва. Более того, качество потребления часто напрямую зависит от того, с какого устройства получается доступ, из какого места, города, страны, какое программное обеспечение установлено на устройстве и от других критериев.

³ The right to privacy in the digital age. Годовой доклад на заседании ООН Верховного Комиссара по правам человека 30 июня 2014 года, п I.1., III.13

URL:

http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/RegularSessions/Session27/Documents/A.HRC.27.37_en.pdf // Доступ 01.04.2018

Но не стоит забывать, что есть и объективные критерии относительно времени и скорости доступа, и более всего они зависят от неизменных (на протяжении последних нескольких веков) законов физики, а именно от физической среды распространения сигнала (искусственной и естественной), а также технологии. Однако, и технологии тоже не стоят на месте, а за последние 50 лет очень развились, передавая массивы данных с очень высокой скоростью. Поэтому за исключением некоторых сегментов рынка (например, профессиональная радиосвязь⁴) можно сказать, что этот фактор во многом в массовом сегменте нивелирован. То есть пользователь сам принимает недостатки своей среды распространения и технологии, сам их терпит и при желании пытается устранить (иногда с помощью другой технологии, иногда с помощью другой физической среды, а иногда и в совокупности). Конечно, не всегда удается преодолеть естественные причины низких проникновений и скоростей (отсутствие культуры потребления интернета в развивающихся странах, трудности организации канала связи и агрессивная среда в труднодоступных или сложноклиматических условиях, низкая скорость при монополизме и отсутствии конкуренции на общем рынке). Однако, это случаи не большинства, а меньшинства.

Таким образом, в связи с бурным развитием технологий, этим фактором в условиях в достаточной степени развивающихся или развитых стран можно фактически пренебречь при рассмотрении вопроса о сетевой нейтральности и ее влиянии на цифровую экономику. Поэтому рассматривая возможность неравного рассмотрения пользователей в зависимости от технологии доступа, которую использует пользователь, необходимо указать на то, что такое рассмотрение пользователя в зависимости от технологии доступа служило бы, фактически, инструментом цензуры, а не, наоборот, свободы выражения. Так как одному пользователю да-

⁴ Так, в частности можно указать на некоторые достоинства телефонов стандарта TETRA перед телефонами стандарта GSM, что, однако, не привело к широкому распространению таких телефонов, но, тем не менее получило, фактически, стандарт в области профессиональной радиосвязи. В настоящее время стандарт TETRA может быть вытеснен телефонами стандарта LTE, обладающего достоинствами обоих стандартов.

валась бы свобода выражения в любой форме, давая ему высокую скорость подключения (доступа), а другому – фактический отказ в реализации права на выражение путем отказа в должном (быстром, то есть комфортном) доступе.

“Позволить провайдерам широкополосного доступа контролировать то, что люди читают, видят или создают онлайн, - значит нарушить фундаментальные принципы, сделавшие интернет таким популярным”, - выразил свое мнение Винтон Серф, «отец-основатель» интернета в своем выступлении на слушаниях в Сенате США о сетевой нейтральности⁵.

Представляется, что среди всех причин вмешательства в интернет-трафик можно выделить три основных цели. Первая была упомянута выше и составляет извлечение дополнительной прибыли (некоторые называют ее «сверхприбыль», то есть та прибыль, которая не была бы доступна при обычных условиях конкуренции) при заключении соглашений с некоторыми приложениями или сервисами. Вторая – фактическая цензура. Развитие технологий дает возможность операторам идентифицировать и изучать трафик даже при применении технологий его защиты и шифрования. Таким образом, например, принадлежащий холдингу Virgin Media провайдер использовал технологии DPI⁶ именно с целью выяснения, кто из его пользователей нарушает авторские права на аудио- и визуальные произведения, права на которые принадлежат Virgin Media. Третья цель – исполнение законодательства, предусматривающего вмешательство с целостность трафика. Самым нагляд-

⁵ Prepared Statement of Vinton G. Cerf Vice President and Chief Internet Evangelist Google Inc. U.S. Senate Committee on Commerce, Science, and Transportation Hearing on “Network Neutrality” February 7, 2006 // <https://www.commerce.senate.gov/pdf/cerf-020706.pdf> Доступ 01.04.2018

⁶ От англ. Deep Packet Inspection – глубокое исследование пакетов – технология, пытающаяся структурировать и идентифицировать передаваемый и принимаемый пользователем трафик по известным сигнатурам сервисов, а также внося помехи в передачу пакетов с целью перехода приложений пользователя на незащищенную передачу с целью глубокого изучения. Используется не только с целью обезличенной статистики, но и, наоборот, для исполнительного правоприменения и преследования пользователей

ным примером такого исполнения является блокировка сайтов во множестве стран, включая Российскую Федерацию.

В век цифровой экономики стоит рассмотреть тезисы, выдвигаемые сторонниками сетевой нейтральности с тем, чтобы понять, действительно ли экономические мотивы могут победить голос разума и главенство фундаментальных прав человека? Однако, они напрямую не являются предметом рассмотрения в настоящей статье, поэтому их рассмотрение будет предметом дальнейших исследований автора.

Фактическая же ситуация свидетельствовала о том, что до 2010 года проблемы с нейтральностью наблюдались и в США, и в ЕС, и в Китае – в трех ведущих экономиках мира. В Китае была провозглашена официальная цензура, которая существует и в настоящее время, поэтому регулирование в данной стране не является предметом рассмотрения в настоящей статье. В США сетевая нейтральность косвенно была провозглашена в 1976 году путем признания деления услуг на базовые и расширенные, в феврале 2015 года также косвенно переклассификацией услуг, а спустя чуть более, чем 2 месяца в апреле 2015 прямо разъяснена приказом FCC⁷.

В Европейском союзе активные шаги по законопроектной работе пошли после массовых жалоб пользователей и заявлений провайдеров услуг о блокировке OTT-сервисов⁸ в 2009-2010 году. Несколько лет шли дискуссии, пока все же под воздействием Европейского Парламента Комиссией ЕС не был подготовлен законопроект, прямо направленный на установление принципов свободного доступа к интернету. Принятая в 2015 году Директива 2015/2120⁹, позволила на первое время запретить провайдерам

⁷ Federal Communications Commission. In the Matter of Protecting and Promoting the Open Internet. REPORT AND ORDER ON REMAND, DECLARATORY RULING, AND ORDER // URL: http://transition.fcc.gov/Daily_Releases/Daily_Business/2015/db0312/FCC-15-24A1.pdf. Доступ 01.04.2018

⁸ OTT, от англ On The Top, поверх. То есть приложений, которые передают традиционные голос, видео но «поверх» (то есть через) трафика данных, интернет.

⁹ REGULATION (EU) 2015/2120 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 25 November 2015 laying down measures con-

устанавливать приоритезацию трафика для своих пользователей исходя из желания получения прибыли. Однако, юридическая техника акта несовершенна (что связано прежде всего с возможностью управления трафиком вообще и в частности для работоспособности сети), и до сих пор жаркие дебаты сопровождают попытки изменить текст и сделать его более жестким, не позволяющим провайдерам манипулировать формулировками, которыми они стали злоупотреблять по прошествии какого-то времени.

В Российской Федерации с 2011 года операторами связи, их отраслевыми организациями рассматривались вопросы сетевой нейтральности вместе с компетентным государственным органом – Федеральной антимонопольной службой. До настоящего времени нет прямого закрепления этого принципа в законодательстве, при этом ФАС указывалось, что возможные случаи ограничения сетевого нейтралитета могут быть пресечены в рамках действующего антимонопольного законодательства¹⁰. При этом, риторика документов свидетельствует о толерантности регулятора к возможности злоупотреблений операторов связи по отношению к трафику для пользователей.

Представляется, что при таком росте количества и качества технологий, слиянии телекоммуникационных компаний с провайдерами приложений и сервисов трудно найти ту грань, где можно четко отделить либо полностью открытый (нерегулируемый недобросовестно самим провайдером) доступ в интернет, либо

cerning open internet access and amending Directive 2002/22/EC on universal service and users' rights relating to electronic communications networks and services and Regulation (EU) No 531/2012 on roaming on public mobile communications networks within the Union. Регламент (ЕС) 2015/2120 Европейского Парламента и Совета от 25 ноября 2015 года, устанавливающий меры касательно открытого доступа в интернет и изменяющего Директиву 2002/22/ЕС об универсальных услугах и правах пользователей относительно сетей и сервисов электронных коммуникаций, и Регламент (ЕС) № 531/2012 о роуминге в публичных мобильных коммуникационных сетях внутри Союза. OJ L310, 26.11.2015, p. 1

¹⁰ Доклад о сетевом нейтралитете ФАС России

URL:

http://yaroslavl.fas.gov.ru/sites/yaroslavl.f.isfb.ru/files/analytic/2014/11/13/doklad_otpravka_1.pdf // Доступ 01.04.2018

оставленные полностью на усмотрение оператора связи возможности регулировать трафик пользователей интернета. Возможно разумным в этой сфере путем решения будет предоставления доступа по принципу FRAND¹¹, распространенному в сфере лицензирования прав на интеллектуальную собственность, и особенно на изобретения (и полезные модели), которые могут войти или входят в стандарты. Это позволит соблюсти конкуренцию на рынке, не нарушить антимонопольные принципы и обеспечить пользователям, которые выступают в роли лицензиатов технологии, доступ к интернету, хоть и регулируемый оператором связи, но только в той мере, в которой это необходимо, но не для целей извлечения прибыли или цензуры.

В заключение хотелось бы сказать, что американский профессор Стенфордского университета Лоуренс Лессиг определял архитектуру интернета как причину экономического успеха интернета¹². Его коллега Тим Ву, профессор Колумбийского университета также определял теорию инноваций как следствие телекоммуникационных политик и, в частности, открытого доступа в интернет¹³. Возможно, свободный интернет – это все-таки то, что стоит оставить для поколений будущего?

¹¹ FRAND, от англ. аббрев. fair, reasonable, and non-discriminatory – свободный, разумный и недискриминирующий. Иногда используется аналог – RAND, reasonable and non-discriminatory – свободный разумный и недискриминирующий.

¹² Lawrence Lessig, *The Future of the Ideas.*, p.p. 82, 333 // URL: http://www.the-future-of-ideas.com/download/lessig_FOI.pdf Доступ 01.04.2018

¹³ Wu, Tim, *Network Neutrality, Broadband Discrimination.* *Journal of Telecommunications and High Technology Law*, Vol. 2, p. 141, 2003. URL: <https://ssrn.com/abstract=388863> // Доступ 01.04.2018

ИНКОРПОРАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ В СИСТЕМУ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Андрей Сергеевич Тертичный

Студент

*Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)
dryhman@mail.ru*

Введение

Трудно не согласиться, что международные нормы, так или иначе, касаются каждого государства на планете. Однако, степень их влияния на страны различается. Некоторые государства в конституции закрепляют международные нормы как «составную часть права своего государства»¹, другие же прямо включают международные нормы в систему своего национального законодательства², а третьи провозглашают приоритет данных норм³. В Конституции Российской Федерации подход в отношении международных норм сформулирован в статье 15 части 4 следующим образом: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем

¹ Конституция Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 г.. Статья 25 // Сборник «Конституции зарубежных государств: Учебное пособие» / Сост. проф. В.В.Маклаков. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Волтерс Клувер, 2003.

² Конституция Испании от 6 декабря 1978 г.. Статья 96.1 // Сборник «Конституции зарубежных государств: Учебное пособие» / Сост. проф. В.В.Маклаков. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Волтерс Клувер, 2003.

³ Конституция Туркменистана от 26 сентября 2008г.. Статья 6 // Конституции государств Азии. Том 2. Средняя Азия и Индостан.- М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 792 - 812.

предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»⁴. Однако при анализе законодательства РФ можно наблюдать ситуацию, когда в кодифицированных правовых актах положения данной статьи трактуются и переносятся по-разному: где-то расширительно, а где-то с ограничениями. Это создает определенные проблемы в правоприменении. Этим обусловлена актуальность данного исследования.

Целью исследования ставится необходимость понять, чем обусловлены данные расхождения.

Задачами исследования для достижения данной цели будут:

- 1) Анализ положений, касающихся международных норм в отраслевых законодательствах;
- 2) Сравнение данных положений;
- 3) Выявление и рассмотрение факторов влияющих на возможные расхождения;
- 4) Обобщение и выводы, касающиеся поставленной цели;

Частное и публичное законодательство

Гражданское законодательство

Гражданское право, как отрасль российского законодательства, безусловно, на протяжении истории, являлась самой стремительно-развивающейся отраслью. Поэтому подойти к разбору статьи 7 Гражданского Кодекса Российской Федерации, регулиющей соотношение гражданского законодательства с нормами международного права, следует особенно тщательно. Данная статья сформулирована следующим образом:

«1. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются в соответствии с Конституцией Российской Федерации составной частью правовой системы Российской Федерации.

2. Международные договоры Российской Федерации применяются к отношениям, указанным в пунктах 1 и 2 статьи 2 настоящего Кодекса, непосредственно, кроме случаев, когда из междуна-

⁴ «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, № 31, ст. 4398.

родного договора следует, что для его применения требуется издание внутригосударственного акта. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены гражданским законодательством, применяются правила международного договора»⁵.

Положения пункта первого данной статьи полностью воспроизводят положения статьи 15 части 4 Конституции РФ. Стоит отметить, что в пункте первом данной статьи, как и в Конституции РФ, идет речь о двух разновидностях «общепризнанных» норм — об общепризнанных принципах международного права и об общепризнанных нормах международного права. И те и другие, несмотря на определенное различие в их содержании, являются императивными и образуют так называемое «общее международное право» (*jus cogens*), по выражению И.И. Лукашука — «ядро международного права». Их отличительным признаком является то, что они считаются созданными по согласию всех государств (хотя и не требуют формального выражения такого согласия) и в силу этого становятся обязательными для всех субъектов международного права (*ergo omnes*)⁶. Международными договорами признаются соглашения, заключаемые Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами) либо с международной организацией в письменной форме и регулируемые международным правом, независимо от того, содержатся ли такие соглашения в одном или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от их конкретного наименования⁷. В пункте втором подразумеваются именно обязательные для РФ

⁵ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2017) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301, «Российская газета», № 238-239, 08.12.1994.

⁶ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: Учебник для студентов юридических факультетов и вузов. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005 с. 147.

⁷ Федеральный закон от 15.07.1995 N 101-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «О международных договорах Российской Федерации» статья 2 // «Собрание законодательства РФ», 17.07.1995, № 29, ст. 2757, «Российская газета», № 140, 21.07.1995.

международные договоры (согласие на обязательность которых было выражено определенными способами).

Первый абзац пункта второго содержит норму, почти не имеющую аналогов в других российских законах. Норма о непосредственном применении в отечественном законодательстве впервые появилась именно в ГК РФ. Пунктом вторым определяется круг международных договоров РФ, которые, следуя терминологии ст. 3 ГК, содержат нормы гражданского права и потому относятся к предмету гражданско-правового регулирования.

Уголовное законодательство

Анализируя публичное право Российской Федерации и в частности уголовное законодательство, можно наблюдать совершенно другой подход к роли норм международного права в национальном законодательстве. Этот подход можно заметить в статье 1 Уголовного Кодекса Российской Федерации, которая сформулирована следующим образом:

«1. Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс.

2. Настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права»⁸.

Из анализа данной статьи следует, что для применения норм международного договора, устанавливающего какие-либо новые основания уголовной ответственности или изменяющие их, они должны быть включены в УК РФ. Это положение также подтверждается в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года N 5 "О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации" в пункте 6: «Международные договоры, нормы которых

⁸ «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954, «Российская газета», № 113, 18.06.1996, № 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996.

предусматривают признаки составов уголовно-наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных договором обязательств путем установления наказуемости определенных преступлений внутренним (национальным) законом...»⁹.

Также стоит отметить, что в данной статье нет упоминания о возможности непосредственного применения международных норм и принципов как это закреплено в гражданском законодательстве РФ. Упоминается лишь такая формулировка «...разрешается в соответствии с нормами международного права»¹⁰

Ну и, наконец, важно отметить, что в сравнении с ГК РФ, Уголовный Кодекс лишь «основывается на Конституции РФ и общепризнанных принципах и нормах, а не прямо цитирует Конституцию РФ и включает их в систему уголовного законодательства. Это также прослеживается из анализа части первой рассматриваемой статьи, в которой закреплено, что уголовное законодательство состоит исключительно из Уголовного Кодекса РФ. Гражданское же законодательство состоит из ГК и «...принятых в соответствии с ним иных федеральных законов (далее - законы), регулирующих отношения, указанные в пунктах 1 и 2 статьи 2 настоящего Кодекса»¹¹. Под принятыми в соответствии с ГК ФЗ понимаются, в том числе, и международные договоры, ратифицированные в данной

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. N 5 г. Москва «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» 2 декабря 2003 г. Российская газета - Федеральный выпуск №3358 (0).

¹⁰ «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017). Статья 11 ч. 4 // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954, «Российская газета», № 113, 18.06.1996, № 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996.

¹¹ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2017). Статья 3 // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301, «Российская газета», № 238-239, 08.12.1994.

форме. С этим обстоятельством возникает определенная проблема. Как известно, Российская Федерация подписала Протокол № 6 от 22 ноября 1984 г. к Европейской Конвенции по правам человека, согласно которому «Смертная казнь отменяется. Никто не может быть приговорен к смертной казни или казнен»¹². Однако подписание этого протокола произошло параллельным изданием Президентом РФ Указа от 16 мая 1996 года «О моратории на исполнение смертной казни». Указ главы государства не является федеральным законом, а мораторий на исполнение смертной казни не означает ее отмены как вида наказания. В силу этих обстоятельств надо признать, что только ратификация Государственной Думой РФ данного Протокола позволит говорить об изменении системы наказаний в российском уголовном праве путем изъятия из нее смертной казни как таковой, то есть отмены ст. 59 УК РФ»¹³.

Заключение

Подводя итог, стоит сказать, что подход к месту международных норм и принципов в российском законодательстве неоднозначный. С одной стороны, Конституция отводит, безусловно, важную роль для них, включает их в правовую систему государства и отдает приоритет международным договорам при возникновении коллизий. С другой стороны, отраслевые законодательства сами устанавливают свой подход к влиянию международных норм и принципов на регулируемые ими отношения. В ходе исследования был выполнен анализ отдельных положений, касающихся международных норм и принципов, проведено сравнение этих положений, были выявлены и рассмотрены факторы, влияющие на различия в подходах к международным нормам в отраслевых законодательствах, и делаются выводы, касательно причин данных различий.

¹² «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) Протокол №6. Статья 1 // «Собрание законодательства РФ», 08.01.2001, N 2, ст. 163.

¹³ И. Г. Соломоненко, Кибальник А. Г.. Современное международное уголовное право: понятие, задачи и принципы / Под науч. ред. док. юрид. наук А. В. Наумова. — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс». — 252 с.. 2003

Прежде всего, такие различия можно объяснить спецификой регулируемых отраслевым законодательством отношений.

На примере уголовного законодательства можно усмотреть его публичный, государственный характер. Правоотношения, регулируемые им, носят, прежде всего, властный, императивный «окрас». Регулируются исключительно государством. Данные правоотношения особенно важны для государства в целом и людей в частности. Исходя из этого, можно сделать вывод о простой невозможности приоритета международных норм в вопросах уголовного характера, так как каждое государство, исходя из собственной истории и политики, решает, какие деяния преступны, а какие нет и, что для одного государства будет преступлением, для другого может им не быть. Также данный подход обуславливается международным общепризнанным принципом суверенитета государств. Он сформулирован в Уставе ООН следующим образом: «Организация основана на принципе суверенного равенства всех ее Членов»¹⁴. Суверенитет выражается, помимо всего прочего, в способности государства в пределах собственной территории осуществлять законодательную, исполнительную, административную и судебную власть без какого-либо вмешательства со стороны других государств.

Гражданское же законодательство характеризуется диспозитивным подходом. Оно нацелено на регулирование самими участниками возникающих между ними правоотношений. И хотя роль государства в их регулировании присутствует, тем не менее, она значительно меньше в сравнении с уголовными правоотношениями. Также стоит отметить, что участники в праве сами определять, на что им ссылаться: на международные нормы, на нормы отечественного законодательства или же на все сразу при защите. Эти обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что подход законодателя, выражающийся в возможности непосредственного применения международных норм, оправдан.

¹⁴ «Устав Организации Объединенных Наций» (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) опубликован «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами», Вып. XII, - М., 1956, с. 14 – 47 Статья 2.

ПРОБЛЕМЫ ТОРГОВЛИ ОРУЖИЕМ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Евгений Михайлович Фролов

*Студент кафедры международного права
Российский университет дружбы народов
eugenefrolov@bk.ru*

В настоящее время в целях поддержания международного мира и безопасности нужно поддерживать дискуссию касательно международно-правового регулирования в области права международной безопасности. В рамках международного права необходимо полно и своевременно противостоять всему тому, что угрожает мировому правопорядку и стабильности. Одним из самых проблемных вопросов здесь является вопрос о регулировании торговли обычным вооружением в мире.

Система правового регулирования торговли обычным вооружением лишь начинает проявляться на уровне международного права. Первый обязательный универсальный документ в этой области, международный Договор о торговле оружием (далее МДТО или Договор), был принят только 2 апреля 2013 года, после многолетней упорной борьбы множества неправительственных организаций по всему миру¹, и вступил в силу 25 сентября 2014 года, будучи подписан 50 государствами.

МДТО однозначно запрещает государствам-участникам разрешать передачу вооружений или боеприпасов в случаях, когда это становится нарушением обязанностей по осуществлению мер, принятых Советом Безопасности ООН, действующим на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций, или когда на момент принятия решения о выдаче разрешения государство-участник обладает достоверным знанием о том, что передаваемые вооружения будут использованы для совершения актов гено-

¹ Сайт Организации Control Arms. URL: <https://controlarms.org/controlarms/> (дата обращения 10 апреля 2018г.).

цида, преступлений против человечности, серьезных нарушений Женевских конвенций 1949 года, нападений на гражданские объекты или других военных преступлений.

Целью МДТО является укрепление мира, безопасности и стабильности и уменьшение человеческих страданий. Как и до принятия Договора, так и после, эта проблема остается очень актуальной. «Оружие передаётся безответственно, ежедневно убивают, ранят, насилуют, принудительно выгоняют из дома сотни людей. Недостаточное регулирование международной торговли обычными вооружениями и боеприпасами способствует развитию конфликтов, нищете и нарушениям прав человека. Эти проблемы усугубляются всевозрастающей глобализацией рынка оружия: комплекующие поставляются со всех концов света, производство и сборка осуществляются в разных странах, где контроль за ними порой оказывается крайне слабым»². В своем докладе Совету Безопасности ООН от 6 декабря 2017 года Генеральный Секретарь ООН отмечал, что «слабое регулирование стрелкового оружия является основным фактором, который приводит к возникновению и сохранению вооруженных конфликтов. Легкая доступность такого оружия и отсутствие надлежащих систем контроля за ним являются одной из причин совершения самых разных нарушений прав человека, усугубляют нищету и препятствуют устойчивому развитию»³.

В свете этого, чрезвычайная необходимость эффективного регулирования международной торговли обычным вооружением очевидна. На данный момент Договор подписан 130 государствами, 94 государства ратифицировали МДТО или присоединились к нему⁴. Но будучи первым и единственным универсальным обяза-

²Сайт Организации Amnesty International.

URL: https://amnesty.org.ru/sites/default/files/control_arms_brochure2009.pdf (дата обращения 10 апреля 2018г.)

³ Доклад Генерального Секретаря. Стрелковое оружие и легкие вооружения. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/392/32/PDF/N1739232.pdf?OpenElement> (дата обращения 10 апреля 2018г.).

⁴Сайт Организации Объединенных Наций.

URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXVI-8&chapter=26&clang=_en (дата обращения 10 апреля 2018г.)

вающим международным документом в этой сфере, МДТО имеет множество недостатков, которые ставят под сомнение его достаточность для урегулирования данного вопроса. Договор остается малоэффективным вследствие множества проблем, касающихся его содержания и выполнения государствами. В дальнейшем мы перейдем к анализу этих проблем.

Одним из фатальных недостатков МДТО в настоящее время является то, что крупнейшие экспортеры оружия, занимающие большую часть мирового рынка обычных вооружений, а именно, Соединенные Штаты Америки (далее США), Россия и Китай не являются его участниками. И хотя Соединенные Штаты подписали Договор, они не были изначально нацелены на его ратификацию. Ранее США негативно подходили к Договору, называя его «неэффективным» и считая, что он не сможет достигнуть своей цели⁵. В настоящее время в США принимаются нормативные акты, которые препятствуют развитию МДТО, и звучат официальные призывы выйти из Договора⁶. Это позволяет предполагать, что крупнейший экспортер обычных вооружений в мире, в лице Соединенных Штатов, не в скором времени ратифицирует МДТО.

Российская Федерация ещё более критично подходит к Договору. По мнению российской стороны, МДТО не способен «внеести сколь-нибудь ощутимый вклад в укрепление международной безопасности, снизить риски перетока оружия в незаконный оборот. Такое положение дел – закономерное следствие как присущих МДТО концептуальных недостатков, так и неоднозначного, недобросовестного толкования государствами-участниками взятых на себя обязательств. С учетом данных обстоятельств, а также более высоких стандартов, установленных в российской системе военно-технического сотрудничества с зарубежными государствами, присоединение России к МДТО представляется нецелесообраз-

⁵ Сайт Государственного Департамента США. URL: <https://2001-2009.state.gov/t/isn/rls/fs/112223.htm> (дата обращения 18 апреля 2018г.).

⁶ Rep. Kelly Calls on President Trump to Withdraw US from UN Arms Trade Treaty. URL: <https://kelly.house.gov/press-release/rep-kelly-calls-president-trump-withdraw-us-un-arms-trade-treaty> (дата обращения 18 апреля 2018г.).

ным»⁷. Отдельное внимание Россия уделяет положению, которое не было включено в заключительный текст Договора. Оно касается поставок вооружений организациям, несанкционированным тем государством, в котором они расположены. Это позволило бы сократить или вовсе избавиться от поставок вооружений, осуществляемым некоторыми государствами для обеспечения повстанческих и иных формирований, ведущим незаконную деятельность на территории отдельных государств. В свою очередь, это могло бы уменьшить количество жертв внутригосударственных конфликтов и обеспечить стабильность в странах с риском рождения подобного конфликта. Той же позиции придерживались представители таких государств как Сирия, Иран и Северная Корея, озабоченные тем, что без этого положения Договор не сможет достигнуть какого-либо результата. Однако в МДТО это положение включено не было.

Другой проблемой МДТО является отсутствие какого-либо механизма ответственности за невыполнение положений Договора. Это ведёт к постоянным нарушениям со стороны государств – участников Договора, которые не всегда исполняют его так, как должно. Таких нарушений множество. Однако, лучшим примером тому служит ситуация вокруг поставок вооружений Саудовской Аравии. В ходе компании в Йемене вооруженные силы Саудовской Аравии множество раз совершали действия, запрещенные международным гуманитарным правом. В настоящее время в Йемене разворачивается гуманитарная катастрофа: ежедневные жертвы среди мирного населения от военных действий, эпидемия, блокада страны от внешнего мира и угроза голода, разрушение инфраструктуры страны – это лишь малый список гуманитарных проблем, вызванных военными действиями Саудовской Аравии. Управление по координации гуманитарных вопросов ООН, а также продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН сообщают, что ситуация в Йемене является крупнейшим гуманитарным кризисом и крупнейшей продовольственной чрезвычайной

⁷ Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/eksportnyj-kontrol/-/asset_publisher/UhKoSvqyDFGv/content/id/1125404 (дата обращения 18 апреля 2018г.).

ситуацией в мире⁸. Тем не менее, несмотря на многократные призывы общественных и неправительственных организаций, поставки обычных вооружений Саудовской Аравии некоторыми странами-экспортерами не прекращаются. В частности, Великобритания занимает позицию, что у них наличествует один из самых надёжных режимов контроля экспорта вооружений в мире, и что вооруженные силы Великобритании не вовлечены напрямую в военные действия, осуществляемые Саудовской Аравией, а потому нарушений положений Договора нет. Схожая проблема существует и в Канаде, где, несмотря на участие в МДТО, поправки в законодательстве оставляют множество лазеек для неисполнения Договора⁹, а поставки вооружений Саудовской Аравии продолжают.

Другая проблема исходит от балканских стран. Те, хотя и являясь участниками МДТО, осуществляют поставки вооружений, вызывающие сомнения в соответствии действий этих государств взятым на себя международно-правовым обязательствам в сфере контроля и регулирования торговли обычными вооружениями. По данным Проекта по расследованию коррупции и организованной преступности оружие¹⁰, произведенное балканскими странами, зачастую оказывается в Сирии или Йемене. С 2012 года более 8 балканских государств, а именно, Босния, Болгария, Хорватия, Черногория, Румыния, Сербия и Словакия одобрили продажу вооружений Саудовской Аравии стоимостью 800 миллионов долларов США.

Эти примеры являются не единичными случаями. Таких случаев намного больше и все они требуют отдельного расследования. Однако, они наиболее полно показывают, что множество

⁸ Сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://news.un.org/en/story/2017/04/555932-un-led-conference-mobilize-global-action-avert-humanitarian-catastrophe-yemen> (дата обращения 18 апреля 2018г.).

⁹Сайт Организации Rideau Institute. URL: <http://www.rideauinstitute.ca/wp-content/uploads/2017/10/Bill-C-47-and-Canadian-Accession-to-the-Arms-Trade-Treaty-Civil-Society-Concerns-and-Recommendations.pdf> (дата обращения 18 апреля 2018г.).

¹⁰Сайт Проекта по расследованию коррупции и организованной преступности. URL: <https://www.occrp.org/en/makingakilling/making-a-killing/> (дата обращения 18 апреля 2018г.).

стран, являющихся участниками МДТО, всячески избегают должного выполнения своих обязательств по Договору.

Тем не менее, для более объективной картины стоит упомянуть также и некоторые успехи, сопутствовавшие Договору. Так, например, в рамках Европейского Союза проводится политика по призыванию государств – членов Евросоюза к прекращению поставок обычных вооружений в конфликтные зоны и, в частности, в Саудовскую Аравию в связи с ситуацией в Йемене. Несмотря на то, что Европейский Союз юридически не способен заставить государства отказаться от этих поставок, Европейский Парламент активно призывает к этому¹¹. Так, вследствие давления, осуществляемого Европейским Парламентом, неправительственными организациями и гражданским обществом, в январе 2018 года три государства объявило о прекращении поставок вооружений Саудовской Аравии¹². Среди них есть и Германия, одно из самых крупных государств - экспортеров. Это позволяет нам говорить о некотором успехе МДТО как документа, закрепляющего обязательства государства в сфере торговли обычными вооружениями, несмотря на его малую эффективность в целом в настоящее время.

Из-за множества пробелов и недостатков МДТО, позволяющим государствам не придерживаться своих обязательств по Договору, возникает вопрос о перспективах, которые ожидают МДТО в будущем. И так как на данный момент никаких разговоров о заключении более совершенного договора не ведется, следует обозначить, как именно МДТО будет развиваться в дальнейшем. Одним из ключевых направлений является улучшение транспарентности государств в сфере экспорта обычных вооружений. «Для полноценной реализации МДТО крайне важно, чтобы страны предоставляли всеобъемлющую информацию о своей торговле лёгким вооружением... Также крайне необходимо, чтобы предоставлялась информация о целях приобретения и конечном потре-

¹¹ Сайт Европейского Парламента. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+TA+P8-TA-2017-0473+0+DOC+PDF+V0//EN> (дата обращения 18 апреля 2018г.).

¹² Сайт Организации Control Arms. URL: <https://controlarms.org/controlarms/> (дата обращения 18 апреля 2018г.).

бителе оружия, и чтобы она была общедоступна. Вопросы о том, к кому и каким образом попадает оружие, имеют огромное значение»¹³. Другим важным направлением является мягкое право, а именно работа в Генеральной Ассамблее ООН в рамках Первого Комитета и иных надгосударственных международных органах с целью принятия резолюций, подчеркивающих важность Договора. Третьим – вовлечение государств - крупнейших экспортеров обычных вооружений в работу с МДТО. Со временем ситуация может измениться, и такие страны как США, Россия и Китай могут пересмотреть свои позиции в отношении Договора о торговле оружием. Как подчёркивает Генеральный Секретарь в своем Докладе о стрелковом оружии от 22 августа 2013 года: «как это бывает с любым многосторонним договором, и в данном случае для достижения цели универсального участия потребуются годы, если не десятилетия»¹⁴.

¹³ Марчиньский М. Международный договор о торговле оружием может провалиться // Amnesty International. 13 июля 2015 г. URL: <https://amnesty.org.ru/ru/2015-07-14-att/> (дата обращения 18 апреля 2018г.).

¹⁴ Доклад Генерального Секретаря. Стрелковое оружие. URL: <https://undocs.org/ru/S/2013/503> (дата обращения 18 апреля 2018г.).

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ

Аслан Севаевич Харебов

*Студент Юридического института
Российский Университет Дружбы Народов*

Одновременно с общим мировым прогрессом наблюдается также процесс «прогрессирования» преступного мира. С развитием технологий у правонарушителей появилось новое поле для реализации преступного замысла, имея возможность максимально скрыть свою личность. В частности, подходящим местом для этого стало киберпространство.

XXI век принято считать веком информационных технологий, который, помимо череды глобальных открытий, подарил миру новую категорию особо опасных преступников. В конце XX века в доктрине уже сформировалось понятие киберпреступления. Под ним понимаются уголовно наказуемые действия, подразумевающие несанкционированное проникновение в работу компьютерных сетей, компьютерных систем и программ с целью видоизменения данных. В наши дни данный вид преступлений приобрел немалый масштаб. Ущерб, который в силах нанести киберпреступник, в некоторых случаях соизмерим с ущербом, который может причинить государство.

В соответствии с принципом *nullus crimen sine lege* («нет преступления без закона, определяющего его как преступление»), который нашел отражение в ст. 22 Римского статута Международного уголовного суда (далее - Римский статут)¹, государствам потребовалось разработать нормы в целях борьбы с такой динамично-развивающейся категорией преступлений, как киберпреступления. Одной из первых стран, столкнувшихся с проблемой проти-

¹ Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. URL: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\)](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r)) (дата обращения 12 апреля 2018 г.).

водействия киберпреступлениям, стала Великобритания. В 1984 году судебные органы Великобритании не смогли добиться обвинительного приговора в отношении Стивена Гоулда и Роберта Шифрина, которые получили несанкционированный доступ к принадлежащему компании *British Telecom* сервису. После этого, в 1990 году был принят Закон о неправомерном использовании компьютерных технологий, который частично восполнил пробелы законодательства в сфере борьбы с киберпреступлениями².

Широкий резонанс вызвало также распространение вируса «ILOVEYOU». Он был создан и разослан с IP-адресов на территории Филиппин в ночь с 4 на 5 мая 2000 года. Результатом стало заражение компьютеров миллионов пользователей по всему миру. Специфичным в данном случае было то, что уголовное законодательство Филиппин не предусматривало такого преступления, как распространение вредоносного программного обеспечения, ввиду чего и возникли трудности с проведением каких-либо следственных действий на месте и привлечением виновных к ответственности.

Законодательные разработки в сфере борьбы с киберпреступностью ведутся преимущественно на национальном и региональном международно-правовом уровне. Роль международного права в борьбе с преступлениями в киберпространстве обусловлена тем, что зачастую киберпреступник, находясь на территории одного государства, наносит ущерб интересам другого государства. Наиболее эффективным инструментом по решению данного вопроса стала Конвенция Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации (далее – Конвенция по киберпреступлениям), подписанная 23 ноября 2001 г. в Будапеште. Данная Конвенция представляет собой комплексный документ, содержащий положения в области уголовного, уголовно-процессуального, гражданского права, а также положения в области защиты прав интеллектуальной собственности. Также, в 2003 г. в Страсбурге был принят Дополнительный протокол к Конвенции по киберпре-

² Computer Misuse Act 1990. First published 1990, reprinted in the United Kingdom by The Stationery Office Limited. London 1997. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/18/section/1> (дата обращения 12 апреля 2018 г.).

ступлениям в отношении криминализации деяний расистского и ксенофобского характера, осуществляемых при помощи компьютерных систем³. Данный протокол пополнил перечень преступлений. В частности, криминализировано было распространение информации, подстрекающей к ненависти, дискриминации или насилию против любого лица на основе расовой, национальной, религиозной или этнической принадлежности⁴. Таким образом, Конвенция и принятый к ней Протокол выделяют следующие виды киберпреступлений:

- преступления против конфиденциальности, целостности компьютерных данных и систем;
- преступления, связанные с компьютером;
- преступления, связанные с содержанием компьютерных данных;
- преступления, связанные с авторским правом;
- преступления, связанные с распространением информации подстрекающей к ненависти⁵.

В силу особенностей такой категории преступлений, как киберпреступления, Конвенция дополнила некоторые процессуальные нормы, предполагая, что они будут включены в законодательство стран, борющихся с киберпреступностью. В частности, ст. 19 «Обыск и изъятие компьютерных данных» регламентирует одноименные следственные действия с добавлением технологической

³ Дополнительный протокол к Конвенции по киберпреступлениям в отношении криминализации деяний расистского и ксенофобского характера, осуществляемых при помощи компьютерных систем от 28 января 2003 г. URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=4593> (дата обращения 12 апреля 2018 г.).

⁴ Дополнительный протокол к Конвенции по киберпреступлениям в отношении криминализации деяний расистского и ксенофобского характера, осуществляемых при помощи компьютерных систем от 28 января 2003 г. URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=4593> (дата обращения 12 апреля 2018 г.).

⁵ Дополнительный протокол к Конвенции по киберпреступлениям в отношении криминализации деяний расистского и ксенофобского характера, осуществляемых при помощи компьютерных систем от 28 января 2003 г. URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=4593> (дата обращения 12 апреля 2018 г.).

специфики, присущей этому виду преступлений. Пункт 3 той же статьи гласит «Каждая из сторон должна принять такие меры законодательного или иного характера, которые могут понадобиться для того, чтобы позволить ее компетентным органам конфисковать или изымать компьютерные данные...»⁶.

В соответствии со ст. 37 Конвенции по киберпреступлениям, к ней может присоединиться любое государство, не являющееся членом Совета Европы⁷. Например, участниками данной Конвенции являются США и Япония, обладающие статусом наблюдателей в Совете Европы. Россия же отказалась от подписания Конвенции по причине того, что нашей стране не удалось договориться о положениях, касающихся трансграничного доступа к компьютерным системам. Несмотря на открытость присоединения, данная процедура все же имеет оговорки, содержащиеся в ст. 37 Конвенции. Страны, не входящие в Совет Европы, могут присоединиться к Конвенции по киберпреступлениям только после консультационного решения, которое принимается большинством голосов стран-участниц Совета Европы⁸.

В целях гармонизации законодательства, такие страны как Филиппины, не являясь участниками Конвенции, привели свое законодательство в соответствие с положениями Конвенции по киберпреступлениям. Правовая гармонизация, безусловно, является наиболее важным аспектом в борьбе с киберпреступностью. Отсутствие единых стандартов в данном вопросе между различными странами создает безопасное пространство для киберпреступников. Возможна ситуация, когда государство М. определяет какое-либо деяние как киберпреступление, а государство К. нет. В таком случае, преступник, находясь на территории государства К. может произвести кибератаку на государство М. и избежать ответ-

⁶ Европейская Конвенция по киберпреступлениям от 23 ноября 2001 г. URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=4603> (дата обращения 12 апреля 2018 г.).

⁷ Европейская Конвенция по киберпреступлениям от 23 ноября 2001 г. URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=4603> (дата обращения 12 апреля 2018 г.).

⁸ Европейская Конвенция по киберпреступлениям от 23 ноября 2001 г. URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=4603> (дата обращения 12 апреля 2018 г.).

ственности. Произойдет это ввиду того, что стороны, по причине разногласий в своих внутренних законодательных базах, не станут сотрудничать в расследовании и оказывать содействие в выдаче преступника. Помимо этого, немаловажным пунктом будет унификация наказаний. Одна сторона может квалифицировать деяние как тяжкое преступление, в то время как другая сторона определит его как преступление средней тяжести, что в некоторых случаях существенно повлияет на итог следственных действий.

Еще одной проблемой, которую частично решила Конвенция по киберпреступлениям, является вопрос содействия государств при расследовании киберпреступлений. Глава III Конвенции посвящена международному сотрудничеству. Особое внимание стоит уделить статье 35, которая обязывает Стороны создать коммуникационный пункт, работающий 24 часа в сутки для обеспечения быстрого содействия между сторонами, имеющими отношение к расследованию киберпреступления⁹. Многие государства уже организовали подобные коммуникационные пункты, в том числе это было сделано Российской Федерацией. Данный пункт был создан на базе Министерства внутренних дел Российской Федерации. Также, каждая из Сторон обязуется обеспечить в таких пунктах соответствующее оборудование и персонал, отвечающий за бесперебойную работу сети.

После того, как Российская Федерация не смогла прийти к соглашению в отношении Конвенции по киберпреступлениям, в 2017 году Министерство связи и массовых коммуникаций (Минкомсвязь России) предложило «Концепцию конвенции ООН (или концепцию безопасного функционирования и развития сети интернет)». Особое внимание здесь стоит уделить принципам управления сетью Интернет. Концепция определила управление сетью Интернет как открытый демократический процесс, основанный на общепризнанных нормах и принципах международного права, обеспечивающий также личную информационную безопасность.

Федеральным законом от 1 октября 2008 года № 164-ФЗ Российской Федерацией было ратифицировано Соглашение о со-

⁹ Европейская Конвенция по киберпреступлениям от 23 ноября 2001 г. URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=4603> (дата обращения 12 апреля 2018 г.).

трудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (далее – Соглашение СНГ по киберпреступлениям). Для России оно вступило в силу 17 октября 2008 года¹⁰. Данное Соглашение конкретизировало условия сотрудничества между сторонами в отношении расследования киберпреступлений. Возвращаясь к необходимости гармонизации законодательства, п. 3 ст. 2 Соглашения Содружества Независимых Государств (СНГ) по киберпреступлениям отмечает, что Стороны должны стремиться к гармонизации законодательства в области борьбы с киберпреступлениями¹¹. Соглашение также закрепляет то, в каких формах возможно сотрудничество между государствами, а именно: обмен информацией; исполнение запросов о проведении оперативно-розыскных мероприятий; планирование и проведение мероприятий по расследованию киберпреступлений; оказание помощи в подготовке кадров для борьбы с киберпреступностью; создание соответствующих информационных систем; обмен нормативными правовыми актами¹². Ст. 12 того же Соглашения устанавливает, что при осуществлении сотрудничества между сторонами рабочим языком является русский¹³.

¹⁰ Федеральный закон «О ратификации Соглашения о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации» от 12 сентября 2008 г. Собрание законодательства Российской Федерации, №40, 06.10.2008. Ст. 4499.

¹¹ Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 1 июня 2001 г. Собрание законодательства Российской Федерации, №13, 30.03.2009. Ст. 1460.

¹² Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 1 июня 2001 г. Собрание законодательства Российской Федерации, №13, 30.03.2009. Ст. 1460.

¹³ Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 1 июня 2001 г. Собрание законодательства Российской Федерации, №13, 30.03.2009. Ст. 1460.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно определить, что основным аспектом, который затрагивается в международно-правовых документах в сфере борьбы с киберпреступлениями, является гармонизация национального законодательства и сотрудничество. В свою очередь, оба этих вопроса связаны между собой, так как эффективное сотрудничество, как следует из практики, является невозможным, если государства отходят от общих стандартов борьбы с киберпреступностью.

ПРОБЛЕМЫ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Анастасия Геннадьевна Холодилина

Студентка

*Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)
kholodilina.nastya@mail.ru*

Право как нормативная система призвано регулировать социально значимое поведение участников общественных отношений, основываясь на балансе их интересов и согласии воле. Международное же право представляет собой систему юридических норм, регулирующих отношения между государствами.

Ядерная проблема является весьма актуальной для всего мирового сообщества. Развитие ядерного оружия, его применение и, как следствие, возможность ядерной войны может привести не только к уничтожению всего человечества, но и сделать Землю вовсе непригодной для жизни. На данный момент существует восемь официальных ядерных держав: Россия, США, Великобритания, Франция, Китай, Индия, Пакистан, КНДР. И поэтому в настоящее время в международном праве сложился широкий комплекс норм по ограничению ядерного оружия и разоружению.

Одним из достижений XX века стало появление атомной энергии как результата научно-технической революции. Научно-технический прогресс повлиял на образование новых проблем, требующих международно-правового урегулирования, расширения сферы применения норм международного права, появления новых норм права.

Наука стремится к практическому применению и развитию внутриядерной энергии, примеров использования которой множество. Например, ядерное топливо является альтернативным источником энергии (запасы органического топлива не безграничны).

В настоящее время атомная энергия имеет широкое применение. Она используется как для производства ядерного оружия,

так и в мирных целях. Поэтому международное право большое внимание оказывает именно этой сфере. Существуют как многосторонние, так и двусторонние соглашения в отношении атомной энергии, участники которых выступают за то, чтобы ядерная энергия использовалась исключительно в мирных целях.

Сопоставляя международное право и ядерное оружие, необходимо определить, что из них является причиной, а что следствием.

Впервые атомная энергия была применена 6 и 9 августа 1945 года, когда американскими бомбардировщиками был произведён сброс атомных бомб по японским городам Хиросима и Нагасаки, в результате чего погибли сотни тысяч людей. Правовых норм, регулирующих данный вопрос, на тот момент не было.

Атомная бомбардировка японских городов никак не повлияла на выработку норм, которые смогли бы урегулировать данную область. Но после окончания войны ученые и государственные деятели осознали необходимость в международном контроле ядерной энергии. Поэтому первая резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, принятая 24 января 1946 года, призывала к мирному использованию атомной энергии и ликвидации всех видов оружия массового уничтожения. Была учреждена Комиссия для рассмотрения проблем, возникших в связи с открытием атомной энергии. С появлением Комиссии ООН по атомной энергии (далее КАЭ ООН) атомная проблема была поставлена под международный контроль. КАЭ ООН просуществовала до 29 июля 1948 года, хотя формально она была распушена в 1952 году¹.

29 августа 1949 года СССР провел успешные испытания атомной бомбы и стал обладателем ядерного оружия. Но по-прежнему никаких нормативных изменений в международном праве не последовало.

¹ Д-р Джон А. Холл. Тематические сообщения: 30-летний юбилей. Международное агентство по атомной энергии: История создания и ранние годы. Постоянная цель – способствовать сохранению мира путем развития научного сотрудничества. БЮЛЛЕТЕНЬ МАГАТЭ, том 29, №2, 1987г. С. 55.

В этом же году СССР принимает решение о строительстве первой атомной электростанции, работа которой была запущена 27 июня 1954 года в городе Обнинске.

С 1950-х годов начинается активное использование внутриядерной энергии в мирных целях (в сфере энергетики). В данный период велись работы по созданию двухцелевых реакторов.

Широкомасштабное использование атомной энергии послужило установлению многостороннего и двустороннего сотрудничества по поводу использования атомной энергии в мирных целях, обеспечения безопасного использования ядерной энергии. С 1955 года начали проводиться международные конференции под эгидой ООН по мирному использованию атомной энергии. Так, в 1955 году прошла Женевская конференция по мирному использованию атомной энергии, в которой приняли участие более двух тысяч делегатов из 73 государств. Она создала техническую основу для предполагаемого международного агентства по атомной энергии².

В 1957 году была создана атомная и независимая международная организация – Международное агентство по атомной энергии (далее МАГАТЭ). 26 октября 1956 года рядом государств был подписан Устав МАГАТЭ, который вступил в силу 29 июля 1957 году. Цели Агентства представлены во 2 статье Устава, основной смысл которых заключается в том, чтобы использовать атомную энергию в мирных целях. Агентство должно «содействовать научно-исследовательской работе в области атомной энергии», «е практическому применению в мирных целях»³.

Осознание чрезвычайной опасности применения ядерного оружия и понимание, к каким трагичным и ужасным последствиям может привести процесс дальнейшего распространения ядерного

² Д-р Джон А. Холл. Тематические сообщения: 30-летний юбилей. Международное агентство по атомной энергии: История создания и ранние годы. Постоянная цель – способствовать сохранению мира путем развития научного сотрудничества. БЮЛЛЕТЕНЬ МАГАТЭ, том 29, №2, 1987г. С. 56.

³ Устав Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) по состоянию 28 декабря 1989 г. // Действующее международное право. Т. 3.- М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 291 - 309.

оружия, привели в конце 50-х начале 60-х годов XX века к идее нераспространения ядерного оружия.

Во время работы Лондонского подкомитета Комиссии ООН по разоружению в 1956-1957 гг. Советский Союз, обеспокоенный размещением США ядерного оружия в Западной Европе, предложил 27 марта 1956 года образовать в Европе зону ограничения и инспекций вооружений с запретом атомных военных соединений, атомного и водородного оружия. На пленарном заседании XII сессии Генеральной Ассамблеи ООН 2 октября 1957 г. польский министр иностранных дел Адам Рапацкий выступил с идеей создания безъядерной зоны в Центральной Европе. Данные события послужили созданию зон, свободных от ядерного оружия. Так, 1 декабря 1959 года был открыт для подписания договор об Антарктике, согласно которому данная область может быть использован только в мирных целях. Антарктика была признана свободной от ядерного оружия⁴. Первым соглашением, провозгласившим зону, свободную от ядерного оружия в населенном регионе Земли, стал подписанный 14 февраля 1967 г. Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке⁵.

1 ноября 1952 года США взорвали первый в мире термоядерный заряд. А 12 августа 1953 года в СССР была взорвана первая в мире водородная бомба. В 1961 году была испытана самая мощная бомба (тротиловый эквивалент 50 Мт). В связи с изобретением и испытанием термоядерного оружия была принята Декларация ООН о запрещении применения ядерного и термоядерного оружия резолюцией 1653 (XVI) Генеральной Ассамблеи от 24 ноября 1961 года⁶.

В 1959г. в СССР появился первый в мире атомоход (атомный ледокол Ленин). В 1961г. в США появился первый в мире бо-

⁴ Договор об Антарктике от 1 декабря 1959 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 31. Ст. 329.

⁵ Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке от 14 февраля 1967 г. // Действующее международное право. В 3т. М.: МНИМП, 1996 том 2.

⁶ Резолюция ГА ООН. Декларация о запрещении применения ядерного и термоядерного оружия. 24 ноября 1961 года. A/RES/1653 (XVI). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/nuc_prohibition.shtml (дата обращения: 3 февраля 2018 г.).

евои корабль с ядерной силовой установкой (ракетный крейсер «Лонг Бич»). В 1962 году была заключена Международная конвенция об ответственности операторов ядерных судов, ставшая следствием активного развития строительства судов с атомными энергетическими установками и возникающих в связи с этим рисками возникновения значительного ущерба⁷.

12 апреля 1961 года был совершен первый полет человека в космос. Чтобы предотвратить использование ядерного оружия в космосе, 5 августа 1963 года был подписан договор о запрете ядерных испытаний в атмосфере, водном и космическом пространстве⁸.

Опасение ядерной войны и увеличение стран, имеющих ядерное оружие (Великобритания с 1952 г., Франция с 1960 г., КНР с 1964 г.), привело к заключению Договора о нераспространении ядерного оружия (далее ДНЯО), одобренному резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 года. Суть Договора заключается в том, что государства, обладающие ядерным оружием, не передают это оружие и технологии его производства странам, не обладающим им; последние обязуются его не приобретать и не производить⁹.

26 апреля 1986 года на четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС произошла авария. В результате происшествия было загрязнено около 200 тыс. км². Следствиями данной аварии были разработка и подписание Конвенции об оперативном оповещении о ядерной аварии 1986 г. и Конвенции о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации 1986 г.

Авария также повлияла на то, что в 1987 году СССР и США заключили соглашение, согласно которому ракеты сторон, нахо-

⁷ Международная конвенция об ответственности операторов ядерных судов от 25 мая 1962 г. // Материалы по морскому праву зарубежных стран Вып.3.

⁸ Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой от 5 августа 1963 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1963. № 41. Ст. 431.

⁹ Резолюция ГА ООН. Договор о нераспространении ядерного оружия. 12 июня 1968 г. A/RES/2373 (XXII). URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/240/75/IMG/NR024075.pdf?OpenElement> (дата обращения: 3 февраля 2018 г.).

дившиеся на территории Европы, полностью ликвидировались. 7 декабря 1987г. в Вашингтоне был подписан Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД). Результатом договора стала ликвидация каждой из сторон всех своих ракет меньшей дальности (свыше 500 до 1000 км) и пусковых установок таких ракет, а также всех вспомогательных сооружений и оборудования. Спустя 3 года после вступления договора были ликвидированы ракеты средней дальности (свыше 1000 до 5500 км)¹⁰.

В 1991 году между СССР и США был подписан Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений, по которому страны обязались сократить свои вооружения в течение следующих 7 лет до 6 тысяч единиц¹¹.

В мае 1998 г. Индия, а вслед за ней и Пакистан провели серию ядерных испытаний, после которых официально объявили всему миру о наличии у них ядерного оружия. Резолюция Совета Безопасности ООН 1172, принятая 6 июня 1998 года, потребовала от Индии и Пакистана воздержаться от дальнейшего ядерного испытания и призвала все государства не проводить никаких ядерных взрывов¹².

В 2003 г. Северная Корея вышла из ДНЯО, а в феврале 2005 г. объявила о наличии у нее ядерного оружия. В 2009 г. КНДР произвела несколько запусков баллистических ракет большой дальности, способных доставлять ядерное оружие, а 25 мая 2009 г. в нарушение резолюции СБ ООН 1718 от 14 октября 2006 г. провел второе испытание ядерного оружия.

¹⁰ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности от 08 декабря 1987 г. // Ведомости Верховного Совета СССР прил. к N 28, 13.07.88.

¹¹ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1) от 31 июля 1991 г. // Вестник МИД СССР. 1991. № 19. С. 7-28.

¹² Резолюция СБ ООН. Ответственность Совета Безопасности за поддержание международного мира и безопасности. 6 июня 1998 г. S/RES/1172 (1998). URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N98/158/62/PDF/N9815862.pdf?OpenElement> (дата обращения 3 февраля 2018 г.).

В 2017 году в результате совершенствования КНДР своего ядерного потенциала возник северокорейский кризис. Северная Корея успешно провела серию испытаний межконтинентальных баллистических ракет (МБР), создала водородную бомбу и получила возможность доставки ядерных боеголовок до территории США.

Данная ситуация послужила открытию в ООН к подписанию Договора о запрещении ядерного оружия, который поддержали 122 страны. Текст договора был принят 7 июля прошлого года. Договор был открыт для подписания 20 сентября 2017 года и вступит в силу через 90 дней после того, как его ратифицируют не менее 50 стран.

Таким образом, развитие международного права и ядерного оружия можно разделить на два этапа. На первом этапе большое влияние на международное право оказало появление ядерного оружия. Применение данного оружия послужило созданию новых норм международного права, которые стали регулировать ядерную сферу, стали проводиться международные конференции, посвященные ядерной проблеме. А на втором этапе уже международное право начало воздействовать на развитие ядерного оружия (появилась концепция нераспространения данного оружия).

На сегодняшний день ядерная проблема является одной из ключевых проблем всего мирового сообщества. В связи с чем необходимо призвать все страны мира к ликвидации и уничтожению ядерного оружия, чтобы обеспечить безопасность как нынешнего, так и будущего поколения человечества.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ И ОХРАННЫХ КОМПАНИЙ: «ШВЕЙЦАРСКАЯ ИНИЦИАТИВА»

Юрий Александрович Черкасов

*Студент Всероссийского государственного
университета юстиции
tscherkassov@gmail.com*

Анализируя последние мировые события, можно заметить, что государства всё чаще для решения определенных задач привлекают частные военные и охранные компании (далее ЧВОК).

На сегодняшний момент ЧВОК являются субъектами международных отношений. Эти компании действуют во многих частях планеты и предоставляют широкий спектр различных услуг (защита лиц и объектов, проведение разведывательной деятельности и операций по поддержанию мира (*peacekeeping*) и силовому установлению мира (*peace enforcement*), консультирование и обучение представителей местных сил и сил безопасности)¹.

Правовое регулирование деятельности частных военных компаний является непростым вопросом, так как «ЧВОК находится на стыке международного частного права (как субъект частных экономических факторов заключают контракты и сделки) и публичного права (действуют в военно-политической сфере)»².

Например, при рассмотрении деятельности ЧВОК не всегда можно понять, нормы какого именно законодательства следует применять для их регулирования. Также затруднительным являет-

¹См., Камерон Л. Частные военные компании: их статус по международному гуманитарному праву и воздействие МГП на регулирование их деятельности // Международный журнал Красного Креста. 2006. №863. С. 67.

²Небольсина М.А, Никитин А.И. Перспективы международного регулирования деятельности частных военных компаний // «Вестник МГИМО Университета» 2016 №: 2 (47). С. 146.

ся вопрос об ответственности за противоправные действия, совершаемые частными военными компаниями или их сотрудниками. Сложно разграничить правонарушения, совершенные компанией, и незаконные действия отдельных сотрудников. Еще более трудным представляется вопрос о том, кто несет ответственность за совершение частными военными компаниями или их сотрудниками противозаконной деятельности: государства, в которых они зарегистрированы; государства, в которых они действуют, или правительства, которые нанимают ЧВОК.

Международно-правовой статус ЧВОК остаётся на сегодняшний момент неопределённым. В 1989 г. была принята ООН «Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников»³. Однако эта Конвенция мало подходит для регулирования деятельности ЧВОК, так как применима лишь к наёмникам, а не к международным компаниям, работающим по контрактам с правительствами стран и международными организациями.

В последнее время делаются определенные шаги к правовому урегулированию деятельности ЧВОК как на национальном, так и международном уровне. Так, например, статус сотрудников военных компаний во время вооруженного конфликта определяется Международным гуманитарным правом (далее МГП)⁴. При этом учитывается характер их функций и обстоятельств, при которых они работают. В 2008 г. было предпринято обобщение правового регулирования международно-правовых обязательств и передовых практических методов, касающихся функционирования ЧВОК в период вооруженного конфликта. Таким образом, был создан ряд документов, получивших название «Швейцарская инициатива»⁵.

³Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников. // Действующее международное право. Т. 2. - М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 812 - 819.

⁴См., Котляров И.И. Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов. М., 2013. С. 173-176.

⁵См., Небольсина М.А., Никитин А.И. Перспективы международного регулирования деятельности частных военных компаний // «Вестник МГИМО Университета» 2016 №: 2 (47). С. 153.

«Швейцарская инициатива» представляет собой комплекс мероприятий и документов, направленных на определение и обеспечение соблюдения норм МГП и стандартов в области прав человека в период вооруженного конфликта, а также предоставление разъяснений по различным юридическим вопросам, возникающим в связи с деятельностью ЧВОК. «Швейцарская инициатива» включает в себя три документа: «Документ Монтре», Международный Кодекс поведения, разработанный для ЧВОК; Ассоциация Международного Кодекса поведения ЧВОК.

Документ Монтре⁶ является сводом международных юридических обязательств государств в отношении деятельности ЧВОК. Был принят в 2008 г. представителями 17 государств (Россия его не подписала). Документ состоит из двух частей. Для решения проблем с определением ответственности за использование ЧВОК в первой части проводится разделение государств на несколько категорий: государств-контрагентов (*contracting states*), государств территориальной юрисдикции (*territorial states*) и государств происхождения (*home states*). Для каждой категории Документ предусматривает соответствующие международно-правовые обязательства в сфере международного гуманитарного права и законодательства в области прав человека. Во второй части содержатся разделы, касающиеся соответствующих международно-правовых обязательств «всех других государств», обязанностей ЧВОК и их персонала, а также вопросов ответственности по линии командования.

Документ объединяет все категории государств обязательством «обеспечивать уважение международного гуманитарного права ЧВОК, действующими на их территории или имеющих их государственную принадлежность»⁷.

⁶Документ Монтре о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта от 17 сентября 2008 г. // МККК: сб. документов. М., 2009.

⁷Документ Монтре о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период во-

Документ Монтре предусматривает практику принятия и выработки совместных решений между государствами - контрагентами и государствами территориальной юрисдикции для выявления и разрешения многих проблем, связанных с деятельностью ЧВОК. Также содержатся рекомендации по налаживанию сотрудничества между государствами и ЧВОК с целью обмена информацией. Еще в нем указывается обязательства ЧВОК, которые они несут в соответствии с нормами МГП. За любое ненадлежащее поведение со стороны военных компаний возникает ответственность на нескольких уровнях: во-первых, это индивидуальная уголовная ответственность сотрудников и руководителей ЧВОК, во-вторых, ответственность ложится на государство, инициировавшее ненадлежащее поведение или руководившее данной компанией.

В целом Документ Монтре, не имея в строгом смысле обязательной юридической силы, содержит ряд рекомендаций и передовых практических методов, направленных помочь государствам осуществлять свои международные обязательства во время вооруженных конфликтов, а также разработать меры по правовому регулированию ЧВОК на национальном уровне.

Еще одним документом, вошедшим в комплекс «Швейцарской инициативы» в 2010 году, стал Международный кодекс поведения частных охранных компаний⁸. Подписавшие его стороны обязуются уважать права человека и выполнять гуманитарные обязательства перед теми, кто оказался затронутым их коммерческой деятельностью.

Целью этого Кодекса стало формулирование принципов деятельности ЧВОК, а также создание основы для реализации этих принципов в необходимых нормах и стандартах, механизмов управления и надзора.

оруженного конфликта от 17 сентября 2008 г. // МККК: сб. документов. М., 2009. С. 13.

⁸International Code of Conduct for Private Security Companies. // International Code of Conduct Association (ICoCA) 9 ноября 2010 г. URL: https://icoca.ch/sites/all/themes/icoca/assets/icoc_english3.pdf. (дата обращения: 20 марта 2018 г.).

Важной особенностью Кодекса является применение норм МГП к действиям юридических лиц. Кодекс оказывает влияние на внутренние правила ЧВОК, тем самым регулируя не только деятельность таких компаний, но и их внутренние процедуры. В нем указываются предписания по отбору и проверки персонала и субподрядчиков, регламентируются процедуры компаний по составлению трудовых договоров, справочных документов, а также прописываются конкретные принципы, касающиеся поведения персонала.

В разделе, посвящённом особым принципам поведения персонала ЧВОК, Кодекс формулирует положения о регулировании в области применения насилия и контроля над применением огнестрельного оружия, которое может быть разрешено в исключительных случаях самообороны или для защиты третьих лиц. Кодекс предусматривает процедуру подачи жалоб в отношении ЧВОК, нарушивших его положения. Предполагается, что каждая из ЧВОК должна создать на своём сайте механизм подачи жалоб, а также сохранять информацию о каждом случае жалобы.

Таким образом, Кодекс позволяет определить суть принятых на себя ЧВОК обязательств, а также разъясняет, что ожидается от компаний в отношении уважения прав человека и норм МГП.

Еще один элемент, входящий в состав «Швейцарской инициативы», - Ассоциация международного кодекса поведения ЧВОК⁹. Ассоциация была создана в 2013 году по инициативе самих компаний.

Есть несколько основных задач и функций Ассоциации. Первое — это сертификация ЧВОК, которые приняли на себя обязательства следовать принципам «Международного кодекса поведения частных военных и охранных компаний». Второе - мониторинг деятельности и анализ данных финансовой отчетности в период вооруженного конфликта во время исполнения контрактов. Третье - создание и обеспечение механизма рассмотрения жалоб и

⁹The International Code of Conduct for Private Security Service Providers. // Geneva Academy of International Humanitarian Law and Human Rights, August 2013 URL: https://www.geneva-academy.ch/joomlatools-files/docman-files/Publications/Academy%20Briefings/Icoc_web_final.pdf (дата обращения: 20 марта 2018г.).

претензий по деятельности ЧВОК. Предусматривается также ответственность за серьезные нарушения. Совет Ассоциации уполномочен приостановить или заблокировать членство компании, если она не применяет мер по урегулированию сложившейся ситуации.

Таким образом, проанализировав документы, можно сказать, что создание «Швейцарской инициативы» стало значительным шагом к обобщению и нормированию правового регулирования, связанного с деятельностью компаний, представляющих военные и охранные услуги. В ней достаточно четко приведены характеристика ЧВОК, их права и обязанности, механизмы по контролю за деятельностью ЧВОК в период вооруженных конфликтов. На основе «Швейцарской инициативы» возможно создание национального законодательства по регламентации деятельности ЧВОК в соответствии с положениями МГП и прав человека. Также инициатива может способствовать расширению и развитию общественного контроля за деятельностью военных компаний.

**СОВЕТ ЕВРОПЫ И ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ:
ПООЩРЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПЕРЕДАЧИ
ТЕХНОЛОГИЙ И ЗНАНИЙ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ¹**

Марк Владимирович Шугуров

*Докт. филос. наук, доцент
Профессор кафедры международного права
Саратовской государственной юридической академии
shugurovs@mail.ru*

В современных условиях одним из важнейших и перспективных направлений научно-технического сотрудничества государств становится обеспечение перехода к устойчивому развитию на основе соответствующих научно-технических средств, среди которых особая роль принадлежит технологиям как разновидности охраняемых результатов интеллектуальной деятельности. В условиях интенсивной научно-технологической и инновационной глобализации возрастает роль международных организаций, в рамках которых происходит координация сотрудничества государств и всех заинтересованных сторон в деле разработки технологий и их международной передачи, особенно в развивающиеся страны, в рамках различных правовых режимов межгосударственного взаимодействия. Большой интерес представляет деятельность Совета Европы (далее – СЕ), которая, будучи международной межправительственной организацией общей компетенции, накопила большой опыт координации международного научно-технологического сотрудничества европейских государств на основе международно-правовых инструментов.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-03-00400-ОГН «Международно-правовое регулирование передачи технологий в контексте глобальной стратегии устойчивого развития: состояние и перспективы»).

С принятием Повестки дня в сфере устойчивого развития на период до 2030 года (далее – Повестка-2030) международные межправительственные организации стали включать предусмотренные в ней Цели устойчивого развития (далее – ЦУР) и целевые задачи в стратегии своей работы и конкретизировать свою деятельность, продумывать свой вклад в их достижение (ЮНЕП, ФАО, ЮНИДО, ЮНЕСКО и др.). Этот процесс затронул международные организации региональной экономической интеграции (ЕС, ЕАЭС).

Известно, что в Повестке-2030, характеризуемом как Глобальная программа действий, большое внимание придается охране окружающей среды, но именно в контексте согласования данной охраны с потребностями экономического и социального развития (ЦУР № 11, 13, 14, 15). При этом в преемственной связи с Повесткой дня на XXI век, принятой в 1992 г., большое внимание уделяется научно-техническим средствам обеспечения перехода к устойчивому развитию, – научным знаниям, технологиям, ноу-хау и т.д., в том числе в природоохранном контексте.

Процесс корректировки деятельности, т.е. ее большего сопряжения с целевыми задачами и показателями устойчивого развития, затронул также и СЕ², который ранее предпринимал усилия по достижению Целей развития тысячелетия (ЦРТ). В п. 4 Резолюции 1975 (2014) «Активизация борьбы с неравенством в мире: вклад Европы в достижение ЦРТ»³ среди современных глобальных проблем специально была выделена проблема деградации природной среды. Далее обращает на себя внимание п. 6, где говорится о том, что Европа обладает доступом к некоторым решениям важнейших проблем XXI век. К данного рода проблемам, как известно, относится неравенство между странами, в том числе неравенство технологическое. Одновременно с этим говорится о вкладе

² The Council of Europe contribution to the UN Agenda 2030 for Sustainable Development. URL: <https://www.coe.int/en/web/un-agenda-2030/home> (дата обращения 15 марта 2018 г.).

³ Resolution of PACE 1975 (2014) Stepping up action against global inequalities Europe's contribution to the Millennium Development Goals (MDGs) process. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=20502&lang=en> (дата обращения 1 апреля 2018 г.).

СЕ в решение проблем в развивающихся странах через содействие наращиванию потенциала (что также предполагает оказание научно-технического содействия), в том числе посредством продвижения принципов Европейской конвенции о ландшафтах 2000 г.

Как следует из письма Генерального Секретаря Европы Генеральному Секретарю ООН от 17 мая 2017 г.⁴, активность организации на 2018-2019 гг. будет направлена на внесение непосредственного вклада в имплементацию Повестки-2030. Данное намерение подтверждается ориентирами, заложенными в программе деятельности и бюджете, которые прямо привязаны к ЦУР, в том числе к указанным целям инвайронментального характера. Конечно, в силу правозащитного характера СЕ большинство привязок секторов ее деятельности осуществляется к ЦУР, в которых достаточно выпукло проступают гражданско-политические и социально-экономические права. И тем не менее, такой сектор работы, как предотвращение техногенного загрязнения окружающей среды также непосредственно привязано к указанным целям.

В целом в поле внимания организации – воздействие НТП и экономического развития на окружающую среду сквозь призму устойчивого развития. Однако в перечне текущих проектов, адресованных ЦУР, можно увидеть перечень проектов, привязанных только к ЦУР № 11 (устойчивые города)⁵. Из этого, конечно же, не следует, что организация пренебрегает остальными целями. Это видно из ориентации такого сектора деятельности СЕ, как «культура, природа и наследие» к ЦУР № 11 (города), 13 (климат), 14 (морья), 15 (окружающая среда и биоразнообразие)⁶.

⁴ Letter of 17 May of the Secretary General of the Council of Europa to the UN Secretary General Antonio Guterres on the Council of Europa contribution to the UN 2030 Agenda for Sustainable Development. URL: <https://www.coe.int/en/web/un-agenda-2030/home> (дата обращения 2 апреля 2018 г.).

⁵ Council of Europe. On-going Co-operation at the Council of Europe Addressing Sustainable Goals of the UN (prepared by the Office of the Directorate General of Programmes) // <https://rm.coe.int/un-sdg-list-of-going-coe-projects/1680714b21> (дата обращения 15 апреля 2018 г.).

⁶ Council of Europe Programme and Budget 2018-2019 - Appendix II- Council of Europe's contribution to UN 2030 Agenda for Sustainable Development.

В целом внимание к указанным секторам перехода к устойчивому развитию, коррелятивных тем или иным тематическим направлениям, функционирования организации, связано с ее вниманием к экологическим правам человека, что проявилось в инициативах по включению права на здоровую окружающую среду в ЕКПЧ⁷. В соответствующей резолюции ПАСЕ подтвердила свою приверженность вопросам охраны и защиты окружающей среды и подчеркнула, что считает право на благоприятную окружающую среду в качестве одного из основных прав, а именно в качестве права жить в благоприятной среде. Одновременно было указано, что данное право предусматривает обязанность общества в целом и каждого его члена в частности перейти к жизнеспособной и благоприятной окружающей среде.

Подчеркнем, что СЕ не является организацией, которая осуществляет деятельность в сфере распространения технологий, знаний, инноваций, такой, которую осуществляют, например, ФАО, ЮНИДО, ЮНЕП. Здесь имеет место решение задачи по выработке в ходе межправительственного сотрудничества согласованного подхода к правовому, а также политическому воздействию на направленность НТП, затрагивающего права и свободы человека. Думается, что выработка согласованного видения баланса прав человека и достижений НТП – это не менее важный предмет, чем совместные проекты, проекты, передача технологий и т.д. И все это самым непосредственным образом относится к проблематике устойчивого развития как широкой социально-экономической и экологической концепции, предусматривающей более полную реализацию права человека на науку, элементом которого является право на доступ к технологиям, реализуемое посредством участия в их передаче.

URL: <https://www.coe.int/en/web/un-agenda-2030/home> (дата обращения 4 апреля 2018 г.).

⁷ Recommendation of PACE 1885(2009) «Drafting an Additional Protocol to the European Convention of Human Rights Concerning the Right to a Healthy Environment». URL:

<http://assembly.coe.int/Main.asp?link=/Documents/AdoptedText/ta09/EREC1885.htm> (дата обращения 16 апреля 2018 г.).

Организации принадлежит важное место в формировании баланса между правами человека и современным научно-технологическим прогрессом при одновременном акцентировании того факта, что новые технологии создают новые возможности для решения многих проблем, в том числе экологического характера, на что было обращено внимание в Меморандуме о применении науки и технологии для решения экологических проблем (1972). Думается, что этот баланс вполне можно отнести к так называемым европейским ценностям, которые включают концептуальное (философское) представление о человеке, в основе которого находится парадигма достоинства человеческой личности, а также концептуальное представление о предназначении науки и границах научного поиска.

Так, в п. рекомендации ПАСЕ 2102 (2017) «Технологическая конвергенция, искусственный интеллект и права человека»⁸ была высказана обеспокоенность о том, что законодателям становится все сложнее адаптироваться к скорости эволюции науки и техники, размывающей грань между реальным и виртуальным, и разрабатывать необходимые правила и стандарты: она убеждена, что гарантия человеческого достоинства в XXI веке предполагает разработку новых форм управления, новых форм открытой, осознанной и состязательной публичной дискуссии, новых законодательных механизмов, и, прежде всего, установления международного сотрудничества, позволяющего более эффективно решать эти новые задачи. Следует учитывать, что отмеченная проблематика тесным образом соприкасается с вопросами устойчивого развития, которые организация рассматривает в качестве приоритета в программе своей работы. Так, организация придерживается подхода о том, что экономический прогресс не должен ухудшать качество окружающей среды и ландшафтов, не говоря уже о том, что он не должен ухудшать состояние прав человека, культурного многообразия и социального равенства.

⁸ Рекомендации ПАСЕ 2102 (2017) «Технологическая конвергенция, искусственный интеллект и права человека». URL: <https://rm.coe.int/sessionalapril-17ru/16807161f2> (дата обращения 11 апреля 2018 г.).

ПАСЕ был принят целый ряд резолюций и рекомендаций экологической направленности в рамках ориентации на устойчивое развитие, в которых привлекает внимание к выполнению содержащихся в них рекомендаций, но и обязательств по природоохранным конвенциям СЕ и универсальным природоохранным конвенциям. Ряд резолюций и рекомендаций был посвящен конкретным вопросам охраны окружающей среды: Рекомендация 1430 (1999) «О доступе к информации, участии населения в принятии решений в природоохранной сфере и доступе к правосудию – применение Орхусской конвенции», Рекомендация 1863 (2009) «Окружающая среда и здоровье», Резолюция 1444 (2005) «Охрана дельт европейских рек», Рекомендация 1837 (2008) «Предотвращение вреда окружающей среде Черного моря», Резолюции 1802 (2011) «Необходимость оценки хода выполнения Бернской конвенции) и т.д.

Вполне очевидно, что деградация окружающей среды происходит под воздействием хозяйственной деятельности человека, основанной на определенной технологической базе. Поэтому действия по сохранению окружающей среды предполагают изменение данной базы не только индивидуальными усилиями, но и в порядке международного сотрудничества, предполагающего не только разработку, но и обмен технологиями в форме их передачи. Вопросам международного научного и научно-технического сотрудничества и в его составе – международной передаче технологий и знаний – посвящены положения конвенций организации и положения источников «мягкого» права.

К одному из важнейших направлений природоохранной деятельности данной организации, подчас ускользающей из поля внимания аналитиков⁹, относится деятельность по сохранению лесов и биоразнообразия. В рамках данного направления ПАСЕ выступает с призывом к государствам членам и государствам не-членам активизировать работу по развитию устойчивых методов лесопользования. Этот момент нашел свое отражение в резолюции ПАСЕ 1753(2010) «Лесные ресурсы: будущее нашей планеты». Технологическим аспектам устойчивого лесопользования посвя-

⁹ See, for example: The Council of Europa: Its law and Policies. Ed. by S. Schmahl and M. Breur. Oxford: Oxford University Press, 2017.

щены п. 10.6, 10.10, 10.13. Речь здесь идет об ресурсосберегающих технологиях, а именно об использовании более эффективных технологий обработки, которые обеспечивают использование меньшего количества сырья. Вполне понятно, что условием широкого использования данных технологий является их трансграничная передача и распространение.

На региональном уровне в рамках СЕ отсутствует специальная конвенция, аналогичная Конвенции ООН по биоразнообразию 1992 года. Однако данная проблематика поднимается в конвенциях организации, связанных с охраной окружающей среды, животного и растительного мира. Например, можно упомянуть Конвенцию о сохранении живой природы и природной среды обитания, или Бернскую конвенцию 1979 года (CDCE № 104)¹⁰, в которой многообразии видов флоры и фауны и многообразии форм жизни рассматривается как имеющее экономическое и рекреационное значение. Бернская конвенция не содержит прямого упоминания об обязательстве осуществлять международное научно-техническое сотрудничество. Однако такое положение вполне можно вывести из упоминающегося в п. 3 ст. 3 указания на обязательство Договаривающихся Сторон поощрять образование и распространение общей информации о необходимости сохранения видов дикой природы и фауны, а также среды их обитания.

Напомним, что КБР предусматривает активное сотрудничество по обмену технологиями в целях сохранения и устойчивого использования биоразнообразия и их правовое регулирование. По сути, эта проблематика представлена во всей своей актуальности в Совместном заявлении ПАСЕ, Конгресса местных и региональных властей и Конференции МНПО СЕ (Страсбург, 28 апреля 2010 г.). В качестве предполагаемых усилий особо выделена необходимость улучшения состояния биоразнообразия и сокращения выбросов парниковых газов путем поощрения адаптированного образа жизни и изменения соответствующей политики, *стимулирования инноваций и разработки экологически чистых технологий*

¹⁰ Convention on the Conservation of European WildLife and Natural Habitats (Bern, 19.IX.1979). URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Word/104.doc> (дата обращения 24 марта 2018 г.).

(курсив мой – М.Ш.), а также тщательного управления землей и природными ресурсам¹¹.

Как известно, одним из основополагающих компонентов устойчивого развития является сбережение ландшафтов, что возможно только при гармонизации экономической деятельности и охраны окружающей среды. Европейская конвенция о ландшафтах 2000 года (CDCE № 176)¹² направлена на формирование согласованной политики в области устойчивого развития, основанного на сбалансированных и гармоничных отношениях между социальными потребностями, экономической деятельностью и окружающей средой. Особо ценной с точки зрения установления обязательств в сфере международного научно-технологического сотрудничества является ст. 8 «Взаимная помощь и обмен информацией». В ней содержится указание на обязательство Договаривающихся Сторон сотрудничать в целях повышения эффективности мер, принимаемых в соответствии с другими статьями конвенции, а именно – оказывать техническую помощь друг другу по вопросам сбора и обмена опытом и результатами реализации научных проектов, содействовать обмену специалистами по ландшафту, в частности в целях профессиональной подготовки и информации, обмениваться информацией по всем вопросам, которые оказались затронутыми положениями Конвенции. Известно, что в процессе обмена специалистами происходит неформальная передача технологических знаний.

Другим направлением в охране окружающей среды от загрязнений выступает борьба с ее шумовым и световым загрязнением, вызываемым развитием техники¹³. В объяснительной записке, входящей в состав доклада по данной проблеме, специальный

¹¹ PACE President calls on parliamentarians to mobilize for the preservation of biodiversity (28/04/2010). URL: http://assembly.coe.int/ASP/NewsManager/EMB_NewsManagerView.asp?ID=5495 (дата обращения 25 марта 2018 г.).

¹² European Landscape Convention (Florence, 20.X.2000). URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Word/176.doc> (дата обращения 15 марта 2018 г.).

¹³ Recommendation of PACE 1947 (2010) «Noise and light pollution». URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-EN.asp?FileID=17997&lang=en> (дата обращения 9 марта 2018 г.).

раздел посвящен мерам по борьбе с шумом (Раздел Ш). Помимо экономических мер рассматриваются возможности, предоставляемые новыми технологиями в сфере снижения шумового загрязнения (пп. 95 – 100)¹⁴. Не меньшую обеспокоенность у организации вызывает электромагнитное загрязнение. В частности, в Рекомендации 1815 (2011) «Потенциальные опасности электромагнитных полей и их воздействие на окружающую среду»¹⁵, специально посвященной данным вопросам, признается, что открывается новая область научных исследований. Помимо этого, предлагаются технические решения, касающиеся превентивных пороговых значений для уровней долгосрочного воздействия микроволн.

Как известно, проблематика биоразнообразия прямым и обратным образом связана с проблемой изменения климата под влиянием технологической деятельности человека. Это в очередной раз находит свое подтверждение в рекомендации от Rec 1918(2010) «Биоразнообразие и изменение климата»¹⁶. Среди достаточно внушительного комплекса мер Ассамблея рекомендует в не только поощрять согласование и взаимодействие между национальными, региональными и местными экологическими проектами и политикой в области изменения климата и целями таких соглашений, как КБР (п. 14.4), но и содействовать более эффективной передаче опыта в области предотвращения утраты биоразнообразия, что имеет важное значение для обеспечения скоординированных ответных мер и что может быть разработано и внедрено на европейском уровне (п. 14.5).

¹⁴ PACE. Doc. 12179 (2010) «Noise and Light Pollution. Report Committee on the Environment, Agriculture and Local and Regional Affairs». Rapporteur: R. Huseynov. P. 15. URL: <http://assembly.coe.int/Documents/WorkingDocs/Doc10/EDOC12179.pdf> (дата обращения 27 марта 2018 г.).

¹⁵ Resolution of PACE 1815 (2011) «The potential dangers of electromagnetic fields and their effect on the environment». URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17994> (дата обращения 15 марта 2018 г.).

¹⁶ Recommendation of PACE 1918(2010) «Biodiversity and Climate change». URL: <http://assembly.coe.int/Main.asp?link=/Documents/AdoptedText/ta10/EREC1918.htm> (дата обращения 15.03. 2018).

В преддверии Копенгагенского саммита по вопросам окружающей среды и изменения климата (2009 г.) Ассамблея приняла очень важную резолюцию 1682(2009) «Вызовы, связанные с изменением климата»¹⁷, в которой было указано на дефицит финансовых и технологических возможностей. Пункт 23.4 данной резолюции, в основе которой лежал одноименный доклад Комитета ПА-СЕ по окружающей среде, подготовленный специальным докладчиком Д. Прескоттом¹⁸, указывает на необходимость распределения развивающимся государствам низкоуглеродных технологий, чему соответствует обязательство развитых государств исследовать, демонстрировать, распределять новые технологии и информацию о существующих технологиях (для ветровых электростанциях, солнечного нагрева воды и т.д.), создания прорывных технологий использования солнечной энергии, энергии из отходов и т. д. В сущности, подобного рода предложения, обращенные к государствам-членам, были воспроизведены в резолюции 1976 (2014) «Изменение климата: основа для глобального соглашения в 2015 году»¹⁹, где в п. 15.8 ПАСЕ напомнила об обязательстве осуществлять исследования и разработки, демонстрировать новые климатические технологии и обмениваться ими, а также, что для нас наиболее важно, – обмениваться наиболее эффективными существующими технологиями, в том числе в контексте, как об этом можно сделать вывод, оказания развивающимся и наиболее бедным странам финансовой и технической помощи в адаптации к изменению климата (п. 15.9).

С проблематикой «сохранение биоразнообразие – изменение климата» теснейшим образом соотносится такой сектор устойчивого развития, как сельское хозяйство. Сегодня оно развивается в

¹⁷ Res 1682(2009) «Challenges Posed by Climate Change». URL: <http://assembly.coe.int/Main.asp?link=/Documents/AdoptedText/ta09/EREC1682.htm> (дата обращения 16 марта 2018 г.).

¹⁸ PACE. Doc. 12002 (2009) «Challenges Posed by Climate Change». URL: <http://assembly.coe.int/Documents/WorkingDocs/Doc09/EDOC12002.htm> (дата обращения 15 апреля 2018 г.).

¹⁹ Resolution of PACE 1976 (2014) «Climate change: a framework for a global agreement». URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=20504&lang=en> (дата обращения 10 апреля 2018 г.).

условиях утраты биоразнообразия, в том числе агробиоразнообразия в силу увлеченности монокультурами, что наблюдалось в ЕС, а также изменения климата. В настоящее время признано, что т.н. интенсивное сельское хозяйство, наряду с промышленность, является одним из существенных источников загрязнения окружающей среды и выбросов парниковых газов. В п. 5 резолюции 1814 (2011) «Реформа общей политики в области рыболовства и общей сельскохозяйственной политики»²⁰ прямо указывалось на то, что вклад в процесс загрязнения почвы, воды и воздуха привнесло интенсивное сельское хозяйство. С тем, чтобы перейти на новую модель развития в организация рекомендовала «вкладывать средства в исследования и инновации для формирования точных научных баз данных с целью достижения рационального управления рыбными запасами и природными ресурсами» (п. 11.12.3), и далее – «исключить практику сброса путем внедрения инновационных орудий улова и технологий промысла, а также ввести требования доставлять на сушу весь улов и засчитывать его в квоты» (п. 11.12.4).

Итак, альтернативой интенсивного сельского хозяйства является устойчивое ведение сельского хозяйства, основанное на экологически чистых технологиях, сохраняющих природную среду и биоразнообразия. Эффективной в этом плане является модель агроэкологии, предполагающая разработку и широкое использование соответствующих технологий, что возможно только при уделении должного внимания такому звену, как их передача, на что должно быть направлены разные меры стимулирования. Об этом прямо говорится в п. 8.1.2 резолюции 1957 (2013) «Продовольственная безопасность – постоянный вызов всем»²¹.

Одним из важнейших секторов перехода к устойчивому развитию является энергетика, технологическое перевооружение которой также находится в поле внимания организации. Так, в Де-

²⁰ Resolution of PACE 1814 (2011) «Reforms of the Common Fisheries Policy and the Common Agricultural Policy». URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-EN.asp?FileID=17997&lang=en> (дата обращения 18 апреля 2018 г.).

²¹ Resolution of PACE 1957 (2013) «Food security – a permanent challenge for us all». URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=20227&lang=en> (дата обращения 20 апреля 2018 г.).

кларации «Право на окружающую среду требует новой энергетики»²² в контексте подтверждения права человека на благоприятную окружающую среду, содержался призыв к членам СЕ ускоренным образом переходить к использованию возобновляемых источников энергии, что в свою очередь могло бы содействовать предотвращению глобального потепления. К этому же призывает и доклад этой же Комиссии – «Энергетическая сеть и окружающая среда»²³. Аналогичной проблематике были посвящены рекомендация ПАСЕ 1879(2009) по возобновляемым источникам энергии и окружающей среде, резолюция (1679)2009 по вопросам ядерной энергетики и устойчивого развития.

Большой интерес в плане усилий СЕ по обеспечению перехода к «зеленой экономике» выступает резолюция ПАСЕ 1737(2010)²⁴, подготовленная на основе текста, предоставленного Комитетом по окружающей среде. Она посвященная развитию геотермальной энергетики в русле интереса к возобновляемым источникам энергии, положительно влияющим на изменение климата. Примечательно, что в п. 9.3 содержится призыв к членам СЕ поощрять международное сотрудничество в области передачи технологий и финансирования развития геотермальной энергетики. В п. 9.4 Ассамблея призывает государства повышать степень осведомленности общественности и потенциальных инвесторов о преимуществах геотермальных технологий для устойчивой энергетической инфраструктуры. Далее предлагается предпринимать все необходимые шаги в целях создания стратегических научно-исследовательских программ и поощрять использование геотермальных источников энергии (п. 9.5), а также в рамках сотрудни-

²² Declaration by the Committee AS/ENA (2010)30 «The Right to a Healthy Environment Demands a New Energy», 17 June 2010. URL: http://assembly.coe.int/CommDdocs/2010/100624_AENA10_30.pdf (дата обращения 3 апреля 2018 г.).

²³ PACE. Doc. 12332(2010) «Energy Network and the Environment». URL: <http://assembly.coe.int/Documents/WorkingDocs/Doc10/EDOC12332.pdf> (дата обращения 14 апреля 2018 г.).

²⁴ Resolution of PACE 1737(2010) «Geothermal Energy – a Local Answer to a Hot Topic?». URL: <http://assembly.coe.int/Main.asp?link=/Documents/AdoptedText/ta10/EREC1737.htm> (дата обращения 18 апреля 2018 г.).

чества между органами, ответственными за геологические исследования в каждой стране, составить карту геотермальных ресурсов.

Более общий подход был далее представлен в Резолюции 1977 (2014) «Энергетическая диверсификация – основополагающий вклад в устойчивое развитие»²⁵, в п.9.1.8 которой государствам-членам было рекомендовано в процессе развития «чистой» энергетики обмениваться опытом в сфере соответствующих технологий, которые позволяют использовать устойчивых источников энергии, в том числе возобновляемых. Кроме этого, предусматривается сотрудничество не только в сфере исследований, но и ее законодательного регулирования.

Подводя итоги отметим, что положения, содержащиеся в источниках права СЕ разной юридической силы, в которых затрагиваются вопросы не только разработки технологий в порядке международного сотрудничества, но и их передачи, вполне могут рассматриваться как совокупность международно-правовых и политико-правовых обязательств, которые являются основой для достижения ЦУР № 17, в рамках которой предусматриваются задачи, связанные с разработкой и передачей новых технологий и инноваций в качестве средства достижения ЦУР. При этом особенностью подхода СЕ является то, что широкое распространение соответствующих технологий, особенно в развивающиеся и наименее развитые страны, в качестве разновидности научно-технических средств нацелено не только на согласование трех измерений развития, но и предусматривает согласование НТП и прав человека в качестве важнейшего аспекта стратегии устойчивого развития.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-03-00400-ОГН «Международно-правовое регулирование передачи технологий в контексте глобальной стратегии устойчивого развития: состояние и перспективы»).

²⁵ Resolution of PACE 1977 (2014) «Energy diversification as a fundamental contribution to sustainable development». URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-EN.asp?fileid=20505&lang=en> (дата обращения 11 марта 2018 г.).

НАГОРНО-КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Элина Мартиновна Язулян

*Студентка 4 курса
Юридический институт РУДН
e.yazulyan@mail.ru*

После распада Советского Союза Нагорно-Карабахский конфликт стал одним из неразрешенных и пролонгированных конфликтов между государствами Южно-Кавказского региона. В основе конфликта лежит притязание Армении и Азербайджана на Нагорный Карабах с выдвижением территориальных, этнических и национальных доказательств, тем самым обосновывая свое право на данный регион. Результатом стал армяно-азербайджанский конфликт конца XX – начала XIX века. История данного пограничного региона между Азербайджаном и Арменией является предметом для дебатов, особенно в связи с обстоятельствами, связанными с его населением и его государственной принадлежностью¹.

Азербайджанская сторона оценивает карабахский конфликт исключительно в ракурсе территориальных требований Армении, настаивая на том, что данный вопрос в контексте международного права не имеет никаких противоречий или же столкновений принципов, и должен рассматриваться исключительно в рамках международного принципа территориальной неприкосновенности в тех границах.

¹ Для обзора споров азербайджанских и армянских историков см. в книгах: Astourian S. H. In Search of Their Forefathers: National Identity and the Historiography and Politics of Armenian and Azerbaijani Athnogenesis // Donald D. Schwartz and Razmik Panossian. Nationalism and History: The Politics of State-Building in Post-Soviet Armenia, Azerbaijan and Georgia. Toronto: University of Toronto Press. 1994.

Позиция Азербайджанской Республики (далее – АР) заключается в том, что конфликт, начавшийся в 1988 году, стал результатом «агрессии, оккупации и террора со стороны Армении» против с целью отторжения и присоединения части азербайджанской территории к Республики Армения (далее – РА). АР требует в качестве первоочередных мер вывода армянских вооруженных формирований из оккупированных территорий, а также возвращения беженцев к местам своего проживания. Согласно этой позиции, главное – сохранение территориальной целостности АР. Что касается де-факто независимости НК (наличия непризнанной НКР), то АР рассматривает ее исключительно в качестве результата агрессии со стороны РА, отмечая в своем письме от 9 мая 1992 года на имя Председателя Совета Безопасности, что «массированное наступление, осуществленное при поддержке авиации и танков, являлось вопиющим нарушением суверенитета и территориальной целостности Азербайджана и представляет собой исключительно серьезную угрозу миру»².

Пункт 4 ст. 2 Устава ООН закрепляет, что «все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций»³. Принцип территориальной целостности государств, является общепризнанным принципом (императивной нормой⁴) современного общего между-

² Письмо постоянного представителя Азербайджана при ООН от 9 мая 1992 года на имя Совета Безопасности. Решим доступа: [https://documents-dds-](https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N92/199/39/IMG/N9219939.pdf?OpenElement)

³ Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 года // Правовая система Консультант Плюс. Режим доступа: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>

⁴ Императивная норма общего международного права (лат. «*jus cogens*») - согласно ст.53 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (вступила в силу 27 января 1980 г.; для СССР – 29 мая 1986 г.), это норма, «которая применяется и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой

народного права, суть которого - «запрещение насильственного захвата, присоединения или расчленения территории иностранного государства»⁵.

Значительным дипломатическим успехом АР в переговорном процессе по урегулированию нагорно-карабахского конфликта следует считать то, что ему в значительной мере удалось заполучить поддержку мирового сообщества во главе с ООН⁶, в принятых четырех резолюциях СБ ООН: 822 (1993) от 30 апреля 1993 года; 853 (1993) от 29 июля 1993 года; 874 (1993) от 14 октября 1993 года и 884 (1993) от 12 ноября 1993 года, которой подтверждается уважение суверенитета и территориальной целостности АР.

В переговорном процессе по урегулированию конфликта Баку требует: 1) отмены нормативных правовых актов Армении и непризнанной НКР, меняющих статус спорной территории, которую Азербайджан продолжает считать своей территорией; 2) безоговорочного возвращения семи прилегающих к НК районов, оккупированных армией непризнанной НКР; 3) разоружения и роспуска армии непризнанной НКР.

Основываясь на нормах международного права, с начала конфликта, азербайджанская сторона категорически исключает возможность применения принципа «самоопределения народов» к ситуации в НК, аргументируя это следующим образом. Во-первых, позиция Азербайджана заключается в том, что НК – территориальный регион Азербайджана. Как суверенное государство, АР является результатом выражения воли и самоопределения всего азербайджанского народа, проживающих на территории Азербай-

общего международного права, носящей такой же характер» // Международное право: Сборник документов / Сост.: Исполинов А.С., Коробова М.А., Кремнев П.П. и др. Отв. ред. Талалаев А.Н. М. Юрид. лит. 2000. С.93.

⁵ Додонов В.Н., Панов В.П., Румянцев О.Г. Международное право. Словарь-справочник / Под общ. ред. Трофимова В.Н. М. Инфра-м. 1997. С.269.

⁶ Аллахвердиев К. Приоритеты стратегического обеспечения этнополитической безопасности Азербайджанской республики в контексте модернизации страны // Кавказ и глобализация. Журнал социально-политических и экономических исследований. 2010. Том 4. Выпуск №1-2.

джана, а не его части. Основываясь на нормах Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятой резолюцией 1514 (XV) ГА ООН от 14 декабря 1960 года, АР считает, что правом на самоопределение обладают только колониальные народы, народы государствообразующие (титульные нации), «конститутивные единицы», которым право на выход предоставлено законодательством и Конституцией соответствующего государства⁷. Таким образом, азербайджанская сторона утверждает, что термин «народ» не применим к населению НК⁸.

Позиция Армения по урегулированию конфликта, заключается в обеспечении безопасности армянского населения НК и закреплении за ним государственной территории в статусе НКР, состоявшейся в результате реализации этим населением права наций на самоопределение и иных прав народов. В письме от 11 мая 1992 года на имя Председателя Совета Безопасности представитель Армении препроводил письмо президента Армении от 9 мая с просьбой созвать срочное заседание Совета Безопасности для обсуждения вопроса об эскалации конфликта в Нагорном Карабахе, отмечая, что Азербайджан совершает нападения на нее с другой стороны границы и устанавливает в отношении нее незаконную блокаду. Поэтому Армения обращается к СБ ООН с конкретной просьбой: а) направить силы по поддержанию мира в Нагорный Карабах; и б) распорядиться о принятии таких других мер с целью добиться снятия экономической блокады, поддержания и установления международного мира и безопасности и защиты прав человека, какие он сочтет необходимыми. Армения просила Совет Безопасности также принять меры к обеспечению того, чтобы все государства — члены ООН соблюдали свои обязательства по Уставу и воздерживались от какого бы то ни было вмешательства в этом районе.

Согласно пункту 2 статьи 1 Устава ООН одной из целей ООН является развитие дружественных отношений между госу-

⁷ Барсегов Ю. Г. Народ Нагорного Карабаха – субъекты права на самоопределение. Серия «Нагорный Карабах». Выпуск №3. М. 1993.

⁸ Алиев Н. Армян-Азербайджанский Нагорно-Карабахский конфликт контексте международного права // Кавказ и глобализация. 2007. Том 1 (2). С. 19-26.

дарствами на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов. Ю.Г. Барсегов, комментируя нормы устава ООН, отмечал: «запрет на нарушение территориальной целостности международное право адресует только государствам, ибо само нарушение возможно только со стороны государства. Эта норма права имеет целью защиты одного государства от другого»⁹.

Важно также учитывать, что нынешняя Армения в большей степени заинтересована в установлении долговременного и прочного мира с Азербайджаном¹⁰. Во-первых, это уменьшило бы ее политическую зависимость от ключевых геополитических игроков на Кавказе (США и России). Во-вторых, это позволило бы ей нормализовать отношения с иными странами «ближнего зарубежья» (Грузией, Турцией и Ираном) и мировым сообществом в целом.

Степанакерт стремится убедить мировое сообщество в том, что НКР оформилась в результате многовековой упорной и тяжелой борьбы армянского населения Нагорного Карабаха за этническую и культурную самобытность, реализации его права на самоопределение. Что касается исторических предпосылок конфликта то позиция Степанакерта, практически идентична позиции Еревана, однако в отношении нынешней ситуации и относительно переговорного процесса у Баку несколько иное видение конфликта. По мнению властей НКР, демократические государства обязаны уважать право народа НКР на свободный и демократический выбор своего независимого будущего, основанный на проведенном согласно международному праву и законодательству СССР референдуме о независимости 10 декабря 1991 года и референдуме о Конституции НКР 2006 года. Решение референдума как результата прямого всенародного волеизъявления обладает высшим правовым авторитетом. Нагорно-Карабахская Республика стала субъектом международного права в силу факта своего появления в качестве суверенного государства.

Таким образом, исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что для урегулирования нагорно-карабахского конфликта

⁹ Барсегов Ю.Г. Народ Нагорного Карабаха – субъекты права на самоопределение. Серия «Нагорный Карабах». Выпуск №3. М., 1993. С. 19.

¹⁰ Минасян С. Республика Армения. Общая характеристика //Центральная Азия. Аналитический ежегодник. - 2008.

необходимо взять за основу обновленные Мадридские принципы, с учетом их корректировки, а именно: - соблюдение Азербайджаном и Арменией перемирия 1994 года и воздержание от применения силы, прекращение увеличения военных бюджетов Азербайджана и Армении, а также пресечение воинствующей риторики; - согласование позиций сторон, участвующих в международных организациях, в рамках между народной конференции по Нагорному Карабаху; - проведение референдума по вопросу статуса Нагорного Карабаха; - обеспечение участия в переговорном процессе представителей Нагорного Карабаха; - возвращение депортированного населения; - введение миротворческих сил (возможно, российских); - разработка поэтапных шагов в рамках обновленных Мадридских принципов по согласованию интересов противоположных сторон конфликта.

THE ROLE OF THE WORLD TOURISM ORGANIZATION AT THE UNITED NATIONS IN THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL TOURISM LAW

Preslav Dimitrov

PhD, Assoc. Prof.
South-West University "Neofit Rilski"-Blagoevgrad

Nikolay Marin

PhD, Assoc. Prof.
South-West University "Neofit Rilski"-Blagoevgrad

The tourism sphere is one of the fastest growing industries in the world. According to the UN World Tourism Organization, the psychological limit of one billion people traveling for tourism within a year is passed. Because of these fast-moving and changing objective indicators, it is necessary to note the following important challenges to the legal regime of tourism:

- The fast-growing tourism sector should be regulated by an up-to-date legal framework, which leads to the gradual formation of a new branch of public international law.

- International Tourism Law, which aims to respond adequately to the tendencies for a more flexible legal framework providing solutions for the whole complex of accompanying tourism issues.

Particularly, the problems such as:

- Issuing of visas for tourism - this activity of consular representations should be maximally facilitated.

- Air transport problems and in particular low-cost airlines.

- Questions about ensuring security in tourist resorts, as turbulence in tourism is causing a significant decline in the tourist market.

- Finding a balance between the development of the tourism sector and sustainable development, which has as a leading task the protection of the environment and its more prudent and rational use, enabling its natural recovery.

- Cultural and historical heritage and enhancement of the role of international intergovernmental organizations. On these issues, it is imperative to improve the coordination between the World Tourism Organization at the United Nations and UNESCO as well as the national authorities and committees related to the work of the above-mentioned organizations responsible for the preservation of the cultural and historical heritage.

Generally, on these leading components, you need to build and systematize international tourism law, which establishes a specific legal framework and provides solutions to the problems facing tourism, especially in the context of a progressively growing tourism sector.

In the course of these issues and as a part of the project and research activity at the South-West University "Neofit Rilski" - Blagoevgrad, Bulgaria, there is realized an Erasmus+ project with the title Bachelor's and Master's program with professional orientation for open and distance learning for development of sustainable tourism in China, Vietnam and Kyrgyzstan¹.

Developing such educational programs and sharing European experience is one of the appropriate tools for engaging science with practice. It is not accidental to the target of the project because of the tourism potential that exists in the Central and South-East Asian region. This, however, also raises serious questions about the future role of international tourism law in regulating these problems and combining in the legal regime the customs and traditions of these regions that can successfully be used to create a new legal framework because they are formed for an extended period of time and recognized as one of the most important sources of international law, including the Statute of the International Court of Art. 38². The project activity and the legal regu-

¹ Licence, Master professionnels en formation ouverte et à distance pour le développement du tourisme durable en Chine, au Vietnam et au Kirghizstan ERASMUS + LMPT n°573897-EPP-1-2016-BG-EPPKA2-CBHE-JP, available in Internet – www.lmpt.eu

² Art. 38 Statute of the International Court of Justice 1. The Court, whose function is to decide in accordance with international law such disputes as are submitted to it, shall apply: a. international conventions, whether general or particular, establishing rules expressly recognized by the contesting states ; b. international custom, as evidence of a general practice accepted as law...”, available at http://legal.un.org/avl/pdf/ha/sicj/icj_statute_e.pdf

lation of the tourism sector are directly related and they can be very effectively complemented by approbating results in a truly functioning environment by transferring good practice from the mentioned regions. In the context of sustainable development, we should monitor the environment protection, good waste management, and recycling. These two elements need more precise regulation, especially in terms of the expansion of different types of tourism. One of the solutions is making a mandatory environmental impact assessment. In fact, this practice is well-developed within the EU and could be shared in other less widespread regions. In most of the Bachelor's and Master's programs are included compulsory legal disciplines such as Environmental legal regime, International Tourism Law, Activities of the International Organizations in Tourism.

The systematization of a new industry, such as International Tourism Law³, is also necessary as a consequence of progressively increasing tourist activity. Regulating major tourism issues is justified at an international level because it is one of the possible ways of cooperating between states, but also for feedback and prioritization of sectoral initiatives by international organizations to countries to apply high standards to the management of the tourism sector. Optimistic data for the increase in the number of travelers will provoke problems that will be faced by both legal science and tourism and air traffic. That is why multilateral diplomacy and specialized international organizations need to be intensified because there is also an increase in the catalog of different types of tourism -and offering joint tourism products involving two or more countries. Ultimately, these are strong reasons for a dynamic approach to the development and application of international tourism law to provide a flexible regime of tourism industry and to protect the priorities of the international organization with focus of conception of sustainable development and its implementation of this important area.

³ Кръстева, Р., Международен туризъм, изд. Авангард-прима, С. 2018 г. 78 (Krsteva, R., International Tourism, Publishing House "Avangard Prima", S. 2018. 78).

NEW DIMENSIONS FOR THE DIPLOMATIC SERVICE OF THE EU MEMBER STATES

Nikolay Marin

*PhD, Assoc. Prof.
Vice-Dean of the Faculty of Law and History
South-West University "Neofit Rilski"
Blagoevgrad, Bulgaria*

Foreign policy activity within the European Union and as a whole within the system of international relations in the last 10 years has developed with exceptional dynamics, which directly reflects the diplomatic service and its priorities. There is a need for a more up-to-date and contemporary legal framework for the diplomatic service, which is in line with the dynamic environment for the development of the system of international relations. In this regard, the expanding dimensions and forms of the diplomatic service, which in turn change by enriching the content of cooperation on both bilateral and multilateral basis, can be pointed out. These processes are particularly visible in the European Union.

The entry into force of the Treaty of Lisbon of 1 December 2009 created positive preconditions for the institutionalization of the Common Foreign and Security Policy (CFSP).

The creation of the European External Action Service in 2010¹ and the rightful involvement of the High Representative for Foreign Affairs as Vice-President of the European Commission is a serious step that gives a positive signal of fostering coordination and deepening of the political integration in the EU. The first High Representative for the Common Foreign and Security Policy (CFSP) was Catherine Ashton, from whom there were great expectations for stepping up the CFSP and building new diplomatic service models, given that she is from the

¹ Council Decision of 26 July 2010 establishing the organization and functioning of the European External Action Service (2010/427/EU), Official Journal of the European Union, L 201/30, 3.08.2010.

United Kingdom, which was expected to become more active and empowered with the problems of European political integration.² At the moment, after almost two terms - one by Catherine Ashton and one by Federica Mogherini - it is time to ask urgent questions concerning the functioning of the diplomatic service, including the diplomatic missions, permanent representations to international intergovernmental organizations, especially within the context of their interaction in the CFSP perspective.

The diplomatic service in the EU differs significantly from the traditionally functioning external relations bodies that are non-EU members. This is due to the fact that there has been established an institutional network of foreign policy institutions – COREU³, dating back to the mid-1970s - and its subsequently developed and renewed CORTESY. Strengthening the political integration has led to the creation of the CFSP with specific institutions and instruments. At the same time, new institutions have been introduced, such as the regulation of primary law regarding EU citizenship requiring the organization of diplomatic activities in the implementation of diplomatic and consular protection from diplomatic and consular/relevant representations, in particular in third countries where there is no representation of the Member State, whose individuals are

² Марин, Н., Христова, А., Анализ на правната уредба на Общата външна политика и политика на сигурност на Европейския съюз според Договора от Лисабон, Изследване на Общата външна политика и политика на сигурност и съседство на Европейския съюз след Лисабонския договор, Университетско издателство „Неофит Рилски“, Благоевград, 2010 г., с. 41 (Marin, N., Hristova, A., Analysis of the Legal Framework of the Common Foreign and Security Policy of the European Union under the Treaty of Lisbon, Study of the Common Foreign and Security Policy and Neighborhood of the European Union after the Treaty of Lisbon, University Publishing House “Neofit Rilski”, Blagoevgrad, 2010, p. 41).

³ COREU is an EU communication network between the 28 EU countries, the Council, the EEAS and the Commission. By providing a regular flow of information, it facilitates the cooperation on foreign policy issues. In particular, COREU allows rapid decision-making in emergencies. Available at <http://eur-lex.europa.eu/summary/glossary/coreu.html?locale=bg>

citizens.⁴ The latter is a very powerful legal instrument in the foreign policy area because it allows the EU to have a very high degree of interaction in third countries. It turns out that all EU Member States are represented in only three countries - the United States, China and Russia.⁵

The modern development of international relations has also influenced the diplomatic service since within a decade the international relations system has suffered a number of crises and international politics has undergone serious trials and shocks, starting with the 2008 World Financial and Economic Crisis and leading to the increased tensions in a number of regions in the Middle East and North Africa, such as the Arab Spring of 2011. The negative consequences of these shocks triggered the migration and refugee crisis⁶, which affected Europe and raised issues of particular sensitivity regarding the national identity. The escalation of tension, distrust and a sense of insecurity led to the legitimization of extreme political currents, which also had a negative impact on the diplomatic service in the EU. The increased terrorist activity and committed acts of terrorism in France, Sweden, Germany and other countries, the continuing civil war in Syria has also complicated the relation between the leading states by shaping a geopolitical confrontation and interfering with the interests of a number of global and regional factors.

As a failure and weakness of a diplomatic co-operation could be the allowance of ISIS to be created, which also indicates underestimation or even ignorance of the processes in the Middle East. The strong disproportionate migratory pressure has created a crisis in the area of free movement of people, which calls into question the further functioning of the Schengen area and its achievements. This crisis deepened in the wake of the introduction of temporary border

⁴ See Art. 20, letter "c" of the Treaty on the Functioning of the European Union, Luxembourg, 2010, p. 57.

⁵ Communication from the Commission to the European Parliament and the Council - Consular protection for EU citizens in third countries: state of play and prospects COM (2011) 149, Brussels, p. 3

⁶ Marin, N., Disproportionate Migration Pressure as a Challenge for the National Security of the Republic of Bulgaria, Economic, Social and Administrative Approaches to the Knowledge-Based Organization, biu, 2016, p. 133

controls between Member States that had almost forgotten border checks and had to build border facilities and fences that were characteristic of other historical periods.

Essential practical issues are raised, such as - what is the impact of small and medium-sized countries on foreign policy activity, including when the state is chairing the Council of the EU. The Republic of Bulgaria is currently presiding for the first time over the Council of the EU, and foreign policy issues have been identified as part of its priorities⁷, including the integration of the Western Balkan countries into the EU in a medium-term perspective.

An important meeting with undoubted foreign-policy influence was also the EU-Turkey one held in Varna on March 26, 2018, where despite tense relations, success was achieved by restoring the EU-Turkey dialogue and the continuation of the EU-Turkey agreement of March 2016 regarding refugees and migrants.

Brexit's results also have an impact on the diplomatic service because from the process of negotiation between the EC and the UK and mutually resolving the controversial issues it will be clear what Brexit will be like – a “hard“ Brexit, which means limiting EU-UK relations to typical bilateral relations or “soft“ Brexit, retaining in a number of areas the close cooperation and interests of the EU and the UK.

Britain's expected exit from the EU will also change aspects of foreign policy relations between the EU, the United Kingdom, and the United States. The British position is not very clear, although there is an exit procedure as London declares its willingness to participate in the future European Defense Union by 2025. What is ultimately the impact and the possibilities of small and medium-sized Member States on forming the foreign policy process? Can a state of this kind influence the foreign policy processes and change the foreign policy position?

The new dimensions of the diplomatic service in the EU are as follows:

⁷ The priorities of the Bulgarian presidency of the Council of the EU are: The future of Europe and young people, the Western Balkans, Security and Stability, Digital Economy. For more information, see the official website of Bulgaria's EU Council Presidency: <https://eu2018bg.bg/en/28>.

- Need for a more precise regulation on the interaction between national foreign policy and the CFSP;
- In the relations between the various diplomatic missions and the Ministry of Foreign Affairs of the respective state, which does not have its own diplomatic representation, to organize such protection and under such conditions as for the citizens of the respective state
 - Increased need for a European dimension of consular protection⁸;
 - Diplomatic activity and interaction between the national authorities for external relations and the European institutions;
 - Diplomatic tools and technologies for cybersecurity development, taking timely joint actions on preventing and counteracting cyber-threats.

It is undoubtedly true that the diplomatic service in the EU will continue to take place in a bright dynamic environment. The main challenges facing states at a national and European level are related to the formulation of truly achievable objectives and more active implementation of the CFSP. In the medium term, the interests between Western and Eastern European countries should be balanced with a view to implementing common foreign policy priorities. Solving contradictions in the foreign policy sphere could be achieved by adopting a strategic approach to reduce tensions in neighboring regions and improve relations between strategic partners.

⁸ Communication from the Commission to the European Parliament and the Council - Consular protection for EU citizens in third countries: state of play and prospects COM (2011) 149, Brussels, p. 4.

EXTREMISM AND TERRORISM: INDIGENCE AND COUNTERMEASURES

Yessirkepova Madina Meirbekovna

*associate professor, PhD, International Law Department
L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Astana, Kazakhstan
madina_e85@mail.ru*

Extremism and terrorism in all forms of its manifestations have become one of the most dangerous problems of today, and poses a real threat to national security: kidnapping, hostage-taking, bombings in public institutions and public places, etc. Therefore, the problem of combating terrorism and extremism is one of the most important tasks in ensuring security at the state level.

Unfortunately, the threat of terrorism and extremism has not been bypassed by Kazakhstan, there have also been terrorist acts on the territory of Kazakhstan, and in news reports one can often hear about the disclosure and cessation of the activities of another extremist religious group¹.

Of course, considerable work has been done to create and improve the legislative and organizational base for identifying and suppressing the preconditions for extremism and terrorism, and a system of measures has been developed to ensure the security of society against the threat of terrorism, the effectiveness of which is consistently increasing².

The State Program on Counteracting Religious Extremism and Terrorism in the Republic of Kazakhstan for 2013-2017, approved by the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated Sep-

¹ The Republic of Kazakhstan President's Decree of September 24, 2013 № 648 «On State program on combating religious extremism and terrorism in the Republic of Kazakhstan for 2013 - 2017 years».

² Shibutov M., Abramov V. Terrorism in Kazakhstan - 2011-2012. Report. - Almaty, 2012. - P. 13, 23.

tember 24, 2013, No. 648, was adopted. The main objective is to ensure the safety of the individual, society and the state by preventing manifestations of religious extremism and preventing threats of terrorism.

At the same time, despite the measures taken, every year extremist and terrorist activities are becoming more organized and new people are being drawn into the ranks of such groups under the influence of destructive forces.

Extremism in all its manifestations is one of the main problems destabilizing the sustainable development of any modern society, including Kazakhstan. In practice extremism manifests itself mainly in the sphere of political, ethnic, religious, and social relations. As a rule, three main forms are singled out: political, national and religious, which are intertwined.

National and political extremism, in our view, is a most dangerous phenomenon, contributing to the disintegration of state power and the system of state administration, inciting intolerance that ignores public interests, expressing claims to power in society by illegal and contrary methods of morality and social behavior. Ethnic-national and political extremism at the present stage is the most serious threat to the social and political stability of not only the Republic of Kazakhstan, but of all countries of the world as a whole, the challenge of destructive forces both inside the country and abroad³.

Modern terrorism is a powerful structure with due equipment and weapons. Examples of Syria, Iraq, show that modern terrorism with the help of sponsors and donors can conduct subversive and terrorist war, taking part in large-scale armed conflict. Today, terrorism is the most immediate threat to the national security of any country⁴. Acts of terrorism is at its core international crimes cause irreparable damage to the international legal order as a whole.

In addition, terrorism has become a very profitable business on a global scale. In this area, there was developed «the labor market»,

³ Kumyspaeva N. 29 people were convicted for extremism and terrorism since the beginning of the year // Kazakhstan's Pravda, September 29, 2014. P. 35-40.

⁴ Asiyatilov, S. Islam and terror incompatible / C Asiyatilov. - Makhachkala:»Jupiter» Publisher, 2002. – P.200.

which fall into professional mercenaries recruited and fanatics in terrorism profitable to invest (supply of arms, drug trafficking, etc.).

Today we know that it is through the active centers of terrorist organizations laid the channels through which global markets are huge volumes of drugs worth billions of dollars. The tenth part, or even more, world exports of arms and military equipment accounted for terrorist organizations.

Growth in the world's social and economic contradictions, confrontation between developed and backward countries, all this makes the situation worse.

The most important condition for the fight against terrorist threats is intransigence, decisiveness and toughness response to the threat of terrorism.

Kazakhstan has developed and gradually improved the system of measures to ensure the security of society and the state from terrorist threats, which made it possible to accumulate a certain experience in the detection and suppression of terrorist organizations.

In recent years our country has considerable work to establish and improve the legal and institutional framework for the detection and suppression of the prerequisites of terrorism and extremism. In July 1999, the Law «On combating terrorism» was adopted in Kazakhstan, which established the legal and organizational basis for combating terrorism in the country, the order of the activities of state bodies and organizations, regardless of ownership, as well as the rights, duties and guarantees of citizens in connection with the implementation of the fight against terrorism.

To date, the Head of our state Nursultan Nazarbayev approved the State Program on combating religious extremism and terrorism in the Republic of Kazakhstan for 2013 - 2017 years.

Since gaining independence, Kazakhstan has not done enough to counter religious extremism and terrorism. State bodies, organizations and institutions of all forms of ownership, public and religious organizations, people have been working on prevention of religious extremism and terrorism and improve measures aimed at increasing tolerance of religious consciousness and immune to radical ideology; improve the efficiency of detection and suppression of religious extremism and terrorism, including by improving the system of ensuring the activities

of special government and law enforcement agencies; minimize and eliminate the consequences of the extremist and terrorist activities.

So, the government pays attention to the improvement of religious freedom legislation. In January 1992, a law was passed «On Freedom of Conscience and Religious Associations», which created the conditions for a real implementation of the citizens' constitutional right to freedom of conscience.

But after a few years it became clear that the law in some states too liberal. This has contributed to the aggressive penetration of many non-traditional religions in Kazakhstan, which caused a negative reaction among many citizens.

In 2005, the law norm on compulsory registration of religious organizations was introduced, and in the Code of Administrative Offenses published an article providing for penalties for working without registration. In 2011 it adopted a law «On religious activity and religious associations».

During this period, the state bodies of the Republic and non-governmental organizations are striving in every way to strengthen tolerance and harmony in inter-confessional and inter-ethnic relations, to prevent the spread of religious extremism.

It is no accident, as the idea of building a new state was formulated. Kazakhstan - the Motherland of all Kazakhstanis, regardless of their nationality and religion; there was an idea of Kazakhstan patriotism.

To address emerging issues in international relations, on the initiative of President Nazarbayev N.A., March 1, 1995, a new public organization was created - the Assembly of Peoples of Kazakhstan (currently - the Assembly of People of Kazakhstan), uniting all national cultural centers of the republic .

Since 2008, the Committee for Religious Affairs has been established. In 2016, Presidential Decree created the Ministry of Religious Affairs and civil society of the Republic of Kazakhstan.

At the state level it recognized the need to disseminate scientific knowledge about religions, universities given the state order for training of religious scholars. Since 2010, the course «Foundations of Religious Studies» is introduced into the school curriculum.

In general, it is clear that in Kazakhstan there are clandestine extremist groups, Islamist orientation, including those related somehow with foreign associates.

This in itself is a serious threat to national security and public safety. At the same time, the disadvantages mentioned above do not contribute to citizens' participation in the process of combating terrorism and extremism, and their constructive cooperation with law enforcement agencies in this direction.

Under these conditions, the improvement of anti-extremist activity in Kazakhstan, it is advisable to carry out, with emphasis on prevention and transparency. In the first case, you should pay special attention to young people, shifting priorities to address specific practical issues.

First of all, most of the responsibility for the nurture and development of children and adolescents is imposed on the family as the first and key social institution in which people are born, and gradually formed as a person. In this regard, Kazakhstan should develop and implement a national family policy as a set of measures to support, strengthen and protect the institution of family and marriage values.

Another important direction of the relevant activities is the improvement of the state youth policy. In this case, the state, on the one hand, it should give priority to the development of affordable housing system, especially for young families, providing affordable and quality education, creation of conditions for employment of young people and support for the most vulnerable categories of young people.

On the other hand, we need to create and maintain the conditions and incentives for self-determination of their own youth issues. As part of the outreach advisable to systematically hold meetings of pupils in upper secondary school, college and university students with representatives of various religious groups.

In addition, the National Security Committee of Kazakhstan as the coordinator of the activities of state bodies to combat extremism and terrorism, it is advisable to take the lead in organizing and carrying out regular complex situation, according to research threats. Based on the results of this activity it is necessary on an annual basis to develop and publish a subsequent submission of the republic's leadership and the publication in the public domain of the national report «Extremism and terrorism in Kazakhstan».

СЕКЦИЯ

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

«ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ» КАК КАТЕГОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА¹

Людмила Петровна Ануфриева

*Доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
lyu-anufrieva @yandex.ru*

Выступая на ежегодной (VIII) международной Московской конференции по международной безопасности 4 апреля 2018 г., глава внешнеполитического ведомства Российской Федерации С.В.Лавров отметил: «Такого неприкрытого глумления над международным правом ... мы давно не видели»². Вместе с международным правом в целом подвергаются нападкам и неотъемлемая его часть – основные принципы.

Таким образом, в настоящих условиях международной жизни особо настоятельным становится всестороннее теоретическое рассмотрение всех **категориальных** составляющих системы международного права. Проблема принципов в современном международном праве как его руководящих, основополагающих норм императивного, обязательного и неоспоримого характера, именуемых в отечественной доктрине преимущественно "основными принципами", является краеугольной в теории международного права. Будучи основными, главенствующими, они обладают системообразующим качеством. Это означает, что основные принципы пронизывают всю систему международного права (далее – МП), обеспечивают ее сущность, единство, целостность и устойчивость. Наличие у принципов этой квалификации вследствие

¹ Подготовлено при финансовой поддержке РФФИ научного проекта № 18-011-01060 А.

² См.: доступ из электронного ресурса: URL: <https://360tv.ru/news/mir/lavrov-schitaet-delo-skipalej-glumleniem-nad-mezhhdunarodnym-pravom/>(дата последнего обращения –13.04.2018).

формирования МП как системы лишь во второй половине XX века не должно приводить к выводу о том, что ранее какая-либо фундаментальная основа вообще не была свойственна международному праву. Есть немало свидетельств понимания того, что правовое регулирование отношений между государствами – суверенами – должно строиться на определенных устоях, признаваемых всеми участниками. Например, государства, образовавшие по окончании наполеоновских войн после Аахенского конгресса (1818 г.), пентархию (Россия, Пруссия, Австрия, Франция и Англия), объявили, что признают своей обязанностью как в своих взаимных отношениях, так и по отношению к остальным государствам руководствоваться началами международного права³.

Однако в нынешнем российском правоведении, в том числе и в международно-правовой науке, категориальное значение понятия «основные принципы международного права» недостаточно представлено. С учетом сказанного, думается, выявление в целом признаков категории международного права, с одной стороны, и качества основных принципов МП служить ведущей категорией международно-правовой науки, позволяющей продемонстрировать, помимо системообразующей их роли, разнообразие функций, отличия от иных понятий, используемых в науке и практике международного права, в том числе от понятия «*jus cogens*», или императивных норм (*peremptory norms*), – с другой, оказывается ныне как нельзя более своевременным.

Помещая проблему основных принципов МП в русло «категорий», закономерно следует установить сущность последних, а также разобраться с самим содержанием «предмета», т.е. основных принципов. В связи с этим важно отметить, что и в отечественной, и особенно в зарубежной теории и практике широко распространен альтернативный термин (иногда даже как «заменитель» понятия «основные принципы»), который в свою очередь может претендовать на статус служить категорией МП, – понятие

³ См.: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890-1907//доступ из электронного ресурса: URL:././https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/78254/%D0%9F%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%B8%D1%8F (дата последнего обращения – 13.04.2018).

«*jus cogens*». Причем ныне, пожалуй, в материи МП нет других, столь же неясных, спорных и «тайнственных» понятий, чем а) «основные принципы», б) «общепризнанные принципы и нормы», или в) «*jus cogens*». К тому же их применение имеет место в различных сферах, областях и целях, как международными судебными учреждениями, так и национальными судами; исполнительными и законодательными органами власти государств, дипломатами и журналистами, международными и внутригосударственными чиновниками, юристами и неюристами и т.д. Вряд ли вообще и тем более специалистам стоит доказывать необходимость осторожного и тщательно продуманного отношения к используемым позитивным правом и доктриной понятиям. С учетом этого нелишними оказываются некоторые из общих позиций, касающихся права или оперируемых в связи с ним понятий, крайне значимых для юриспруденции. В частности, напомним мнение Р. Дворкина, согласно которому правопонимание содержит не только абстрактно-познавательный, но и насущный практический интерес. Представление о природе прав и обязанностей является основой практической деятельности юриста, знание общих принципов дает уверенность в правильности применения правовых норм. Оспаривая представление о праве как искусственной конструкции, которая создает лишь ненужные осложнения в познавательной деятельности юриста, Р. Дворкин подчеркивает: «Чтобы отказаться от понятия права, необходимо, по меньшей мере знать, каково его содержание, в противном случае нельзя высказаться о нем ни в положительном, ни в отрицательном смысле⁴». Таким образом, хоть это и может выглядеть навязчивой дидактикой, принимая или отвергая ту или иную категорию, в том числе и связанную с принципами МП, нужно досконально изучить ее содержание. Между тем перечень терминов, так или иначе фигурирующих в науке и практике в связи с рассматриваемым в настоящем вопросом, весьма внушителен и, что характерно, не является исчерпывающим: «основные принципы», «основополагающие принципы», «обязательные нормы» (руководящие нормы), «общепризнанные прин-

⁴ Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ.; ред. Л. Б. Макеева // Р. Дворкин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 392с. С. 36-37.

ципы и нормы», *jus cogens*, «императивные нормы», а иногда даже «сверхимперативные нормы», «когентные нормы» (противоположность: «некогентные» нормы), "уставные принципы", "внеуставные принципы", «общие принципы права», «общие принципы международного права», «основные начала международного права»⁵. Встречаются и вовсе «экзотические варианты»: «общие нормы (основные принципы)»⁶, разобраться с которыми не пред-

⁵ Об «основных начала международного права» нередко писали и дореволюционные российские правоведы-международники (см.: Ивановский И.А. Определение, основные начала, задачи и значение международного права. Одесса, 1884; Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2-х томах/Под редакцией и с биографическим очерком доктора юридических наук, профессора В.А. Томсинова. (Серия «Русское юридическое наследие»). Том 1. М.: Изд-во Зерцало, 2008. -368с. С. 155; Камаровский Л.А. О международном суде / отв. ред. Л.Н. Шестаков; автор биографического очерка В.А.Томсинов; автор вступительной статьи: У.Э.Батлер. Серия «Русское юридическое наследие». М.: Изд-во «Зерцало», 2007. -488с.; Камаровский Л.А. Основные вопросы науки международного права//Ученые записки Императорского Московского университета по Юридическому отделу. Выпуск 8. М., 1892; и др.

⁶ См.: Каширкина А.А., Морозов А.Н. Россия, Евразийский экономический союз и Всемирная торговая организация: монография. М.: ИЗИСП, ИНФРА-М, 2014. -295с. Помимо лингвистического своеобразия в некоторых предлагаемых наименованиях соответствующих понятий, встречается и весьма «оригинальная» трактовка генезиса и сущности «основных принципов» международного права (см.: Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование): монография / Н.М. Бевеликова, Н.Г. Доронина, О.О. Журавлева и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: ИЗИСП, ИНФРА-М, 2014. -333с.). Так, ссылаясь на мнение А.Л. Колодкина, о том, что "принцип свободы открытого моря есть принцип императивный, высший принцип *jus cogens*" (Колодкин А.Л. Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы. М., 1973. С. 63), С. В. Шульга пишет в главе 3 «Развитие интеграционных процессов в современном мире» указанной монографии по экономико-правовым вопросам глобализации и интеграции: «Сотрудничество этих стран и интеграционное сближение в сфере освоения, использования и исследования морских пространств имеют естественный характер. ... Этот принцип предполагает, прежде всего, свободу судоходства и рыболовства, т.е. то, что состав-

ставляется возможным, по крайней мере с первого взгляда распознать, «что есть что».

Почти такая же «сумятица» присутствует и в части роли, значения, места и т.д. основных принципов в системе МП, которые именуется как: «фундамент», «костяк», «остов», «спинной хребет», «стержень». «несущая конструкция» МП и т.п. Здесь, как видно, в разнообразии превалирует лингво-метафорический подход к выбору квалификаций, хотя нельзя отрицать и наличия все же попыток сущностного определения искомого понятия.

При подходе к основным принципам как к категории международного права закономерно отталкиваться от трактовки этого явления со стороны философской науки. «Категории» в философии – это «предельно общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания. Будучи формами и устойчивыми организующими принципами процесса мышления, категории воспроизводят свойства и отношения бытия и познания во всеобщей и наиболее концентрированной форме»⁷. Не все понятия какой-либо науки (включая и юридическую, в том числе и международно-правовую науку) способны быть категориями. Иными словами, категории составляют лишь специфическую часть понятий науки. «Понятие» и «категория» соотносятся друг с другом как «общее» и «конкретное»: все категории являются понятиями, причем понятиями особого рода, но не все понятия становятся категориями. С учетом этого правовые категории – это наиболее общие, фундаментальные и глубокие правовые понятия, являющиеся наивысшим пределом научного обобщения в определенной области юридических знаний, в правоведении и юридической практике

ляло основу существования народов Северной Европы, поддерживало их жизнедеятельность и стало решающим фактором формирования их государственности». Как видим, «естественно-правовая» квалификация природы принципа намного более широкое распространение –на естественно-правовое объяснение происхождения «государственности» анализируемых государств, что, конечно же, выглядит по меньшей мере «специфично».

⁷ Философский энциклопедический словарь/Гл. редакция: Л.Ф.Ильичев, П.Н.Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г.Панов. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1983. – 840с. С. 251 и сл.

в целом⁸. Вместе с правовыми понятиями правовые категории составляют общий понятийный аппарат юридической науки и юридической практики, выполняют не только информационную, но и методологическую функцию. *Категории и понятия* позволяют познать сущность, содержание и формы права и государства, совершенствовать их служебную роль в обществе, управленческие, регулятивные и охранительные функции, наконец, использовать право и государство в целях реформирования экономических основ общественной жизни, преобразования общественно-политических процессов, ориентиров и ценностей⁹.

Вместе с тем не стоит абсолютизировать пребывание категорий и понятий в одном «кластере» – важна необходимость их дифференциации ввиду того, что «категории», будучи общими, фундаментальными понятиями научного осмысления мира, включая и правовую действительность, если говорить о правовой науке и правовых категориях, отвечают прежде всего требованиям собственной системности и качеству содействовать системности науки, изучающей конкретную область объективной реальности. Очевидно, что этому могут соответствовать далеко не все понятия. В свое время, предпринимая специальное исследование правовых категорий в контексте общей теории права, А. М. Васильев пояснил цель своего уникального научно-теоретического труда, которая состоит «в обосновании и конкретизации гипотезы логической структуры теории права. Эту структуру выражает *система основных понятий данной теории – категорий* (выделено мной – Л.А.). Изучение правовых категорий и выяснение понятийной структуры теории права ... помогают совершенствовать инструментарий юридической науки, а, следовательно, увеличивают возможности

⁸ См.: Епифанова Е.В. Понятие правовой категории в теории и истории государства и права//Доступ из электронного ресурса: URL: <https://www.sworld.com.ua/konfer28/234.pdf> (дата последнего посещения - 13.04.2018); см. также: URL: <http://determiner.ru/termin/pravovye-kategorii.html> (дата последнего посещения - 13.04.2018).

⁹ См.: Епифанова Е.В. Понятие правовой категории в теории и истории государства и права//Доступ из электронного ресурса: URL: <https://www.sworld.com.ua/konfer28/234.pdf> (дата последнего посещения - 13.04.2018); см. также: URL: <http://determiner.ru/termin/pravovye-kategorii.html> (дата последнего посещения - 13.04.2018).

успешного решения стоящих перед ней задач»¹⁰. В свете этого можно констатировать, что основные принципы общего международного права, действительно, отвечают требованию обладания способностью выражать сущность системы и обеспечивать ее стройность и единство составных частей: ни одна из имеющихся в международном праве норм не должна противоречить основным принципам. Они так же, как и все нормы международного права вообще (уместно заметить здесь, что и нормы *jus cogens*) всецело демонстрируют главную специфическую черту системы – согласительный характер. Это применимо как к возникновению их нормативной субстанции, так и к наличию в их существовании качества иерархического преимущества – более высокого по своей юридической силе правила поведения. Иными словами, восприятие международным сообществом некоего правила поведения как основного принципа в свою очередь выражается процессами согласования воли субъектов международного права. Основные принципы воспринимаются не изолированно, а в единстве и взаимосвязи друг с другом. Каждый из основных принципов не может толковаться в отрыве от содержания другого (других) принципа МП. Это касается всех сегментов и звеньев (элементов) системы международного права, включая и специальные – отраслевые – принципы. Указанные признаки основных принципов и факторы функционирования достаточно изучены в международно-правовой литературе. Некоторой пробельностью в этом плане обладает, пожалуй, вопрос обоснования отдельных свойств основных принципов, обеспечивающих последним категориальный характер.

Едва ли не то же самое касается и понятия *jus cogens*. Несмотря на весьма предметное изучение международно-правовой наукой международного права (особенно западной) вообще явления *jus cogens*, солидную базу научных исследований, посвященных нормам *jus cogens*, можно без преувеличения и без опасений допустить искажение реальности, констатировать, что ни зарубежное, ни отечественное правоведение не поднимало проблему *jus*

¹⁰ См.: Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. -264с. С. 9.

cogens в международном праве на уровень категориального подхода¹¹.

В частности, Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., не используя понятие «основные принципы», а применяя термин «императивные нормы» – *jus cogens*, устанавливает, что *jus cogens* – «это императивные нормы общего международного права, которые признает международное сообщество государств в целом и отклонение от которых недопустимо, пока их не изменит последующая норма такого же характера» (ст. 53). В свете этого оправданно возникает дилемма: какое же из двух понятий: «основные принципы МП» или «*jus cogens*» – обладает признаками «категории» международного права и международно-правовой науки? Иными словами, какое из них логично встраивается в структуру и систему права – международного права, – будучи способным в свою очередь образовать систему основных понятий данной теории – категорий. Какие наиболее общие понятия, свойственные международному праву и выражающими его как систему, могут быть порождены «основными принципами» или *jus cogens*, если они будут признаны «категорией»?

Комиссия международного права ООН (КМП), которая неоднократно занималась изучением *jus cogens* (во 2-ой половине XX века в связи с кодификацией норм права международных договоров и в настоящее время, включив тему *jus cogens* в свою повестку как специальный предмет), в первом докладе специального докладчика подчеркнула особую деталь: несовпадение предмета нынешней повестки дня Комиссии – «*jus cogens*» – и Конвенции 1969 г., использующей наименование «императивные нормы общего международного права (*jus cogens*)». Таким образом, даже в сегодня, в XXI веке, понятие *jus cogens* само по себе еще не представляет исчерпывающе точного обозначения предмета. Сопостав-

¹¹ См., например: Conklin W. The peremptory norms of the international community// European Journal of International Law. 2012. Vol. 23, No. 3; Whiteman M. Jus cogens in international law, with a projected list// Georgia Journal of International and Comparative Law. 1977. Vol. 7, No. 2; Janis M. The nature of jus cogens.// Connecticut Journal of International Law. 1988. Vol. 3, No. 2; Danilenko G. International jus cogens: issues of law-making// European Journal of International Law. 1991. Vol. 2, No. 1.

ляя далее в категориальном отношении два понятия: основные принципы и *jus cogens*, – следует отметить также, что второе в меньшей мере отражает сущность системы и самого явления «международное право», хотя бы потому, что понятие *jus cogens* известно и *внутригосударственному* праву, причем издревле: оно порождено именно римским правом – правом Римской империи. На этот аспект обращалось внимание некоторыми членами КМП¹². Вдобавок к сказанному императивные нормы присутствуют и в отдельных отраслях МП, но не все они могут быть причислены к *jus cogens* как отражение всей системы международного права. В частности, запрет пыток и недопустимость унижения человеческого достоинства в сфере защиты прав человека или принципы «загрязнитель платит», требования «предосторожного подхода» и «устойчивого развития» как **принципы** охраны окружающей среды (международного экологического права), несомненно, являются императивными нормами и составляют тем самым *jus cogens*. Например, в деле «Обвинитель против Фурунджия» Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ пришел к выводу о том, что запрет пыток ввиду важности ценностей, которые он защищает, превратился в императивную норму или *jus cogens*, то есть норму, которая имеет более высокий статус в международной иерархии, чем договорное право и даже “традиционные” общеправовые нормы. Наиболее заметным следствием этого является то, что государства в принципе не могут отступать от *jus cogens* посредством международных договоров или локальных либо специальных обычаев или даже общих обычных норм, если они не наделены такой же нормативной силой»¹³. Однако неоспоримо, что вышеупомянутый принцип есть принцип международного права прав человека, который отнюдь не формирует фундаментального принципа всей системы международного права – он неприменим в международном, воздушном или морском, космиче-

¹² Cf.: International Law Commission. Sixty-ninth session. Geneva, 1 May-2 June and 3 July-4 August 2017: Report of the International Law Commission on the work of its sixty-sixth session, Official Records of the General Assembly, Sixty-ninth session, Supplement No. 10 (A/69/10), para. 268 and annex.

¹³ См.: Prosecutor v. Furundžija. Judgement, Case No. IT-95-17/1-T, T.Ch., 10 December 1998, para. 153.

ском, экологическом и т.д. праве, как это имеет место в случае с основными принципами. И хотя принцип запрета пыток входит неотъемлемой частью в «общий» – основной принцип МП – принцип уважения прав человека и тем самым в состав норм, образующих современный правопорядок, как императивная норма он не распространяется на всю систему (и, что немаловажно, – структуру и все элементы) международного права в целом. Это отчетливо подтверждается текстом анализируемого решения МТБЮ (пп.153-154): в то время как характеристика императивности запрета пыток в качестве *jus cogens* рассматривается через призму обязательств *erga omnes* с четким указанием на ограниченность сферы – международное правоприменение в широком смысле (*lato sensu*), указанное так или иначе касается регулирования определенной части отношений, но не всей их массы¹⁴.

Наконец, понятие «принцип», и прежде всего «основной принцип», не только имплицитно подразумевает иерархию норм международного права, но и в этом качестве *эксплицитно* выражает его более высокую юридическую силу по сравнению с иными нормами. Хотя свойство «иерархичности» получило разработку в рамках КМП применительно и к понятию *jus cogens*, его нормы, как было показано выше, не во всей своей полноте являют собой принадлежность всей системе международного права. Тем не менее прошлые и нынешние предварительные выводы Комиссии в этом плане, предложенные ее специальным докладчиком, заслуживают внимания, поскольку они одновременно применимы и к основным принципам. Так, предусматривается, что, во-первых, императивные нормы международного права (*jus cogens*) – это те нормы общего международного права, принятые и признанные международным сообществом государств в целом как такие, в отношении которых не допускается изменение, отклонение или отказ». Во-вторых, нормы *jus cogens* защищают фундаментальные ценности международного сообщества и выступают иерархически более высокими по сравнению с другими нормами международного права, обладая универсальной силой¹⁵. В том, что касается

¹⁴ Prosecutor v. Furundžija. Judgement, Case No. IT-95-17/1-T, T.Ch., 10 December 1998, paras. 151-154.

¹⁵ См.: Doc. A/CN.4/693, para. 74.

иерархического положения норм *jus cogens* как их важнейшего отличительного признака, то во втором докладе Комиссии специальный докладчик Д. Глади признает, что предшествующий текст, принятый Комиссией, основывается на значительно менее объемной практике государств. Однако впоследствии специальным докладчиком был представлен дополнительный материал по официальным позициям государственных властей в поддержку того, что очевидно должно составлять признак более высокой юридической силы в качестве характерного элемента *jus cogens*. Доклад содержит ссылки не только на заявления государств, но и на судебную практику и доктрину¹⁶.

¹⁶ См. в этой связи выводы Исследовательской группы Комиссии международного права ООН по изучению фрагментации международного права (Study Group on fragmentation of international law)//Yearbook of the International Law Commission, 2006, vol. II, Part Two (United Nations publication, Sales No. 12.V.13 (Part 2)), chap. XII, sect. D.2, paras. (33) and (34); заявления государств: Нидерландов («*Jus cogens*» иерархически выше в системе международного права вне зависимости от того, какую форму принимали его нормы – писаного или обычного права» (Doc.A/C.6/68/SR.25, para. 101); Великобритании («... В надлежаще организованном международном сообществе существует потребность в нормах международного права более высокого порядка, нежели просто правила, имеющие диспозитивную природу, от которых государства могут отклониться посредством своего соглашения» (см.: Official Records of the United Nations Conference on the Law Treaties, First Session, Vienna, 26 March-24 May 1968, Summary records of the plenary meetings and of the meetings of the Committee of the Whole (United Nations publication, Sales No. E.68.V.7), 53rd meeting, para. 53); решение Международного трибунала по бывшей Югославии по делу «Prosecutor v. Furundžija» (см.: Prosecutor v. Furundžija, Judgement, Case No. IT-95-17/1-T, T.Ch., 10 December 1998, paras. 153 and 154), в котором Трибунал отчетливо связал статус запрета пыток как нормы *jus cogens* с важностью защиты ценностей, которую она обеспечивает (доступ из электронного ресурса: URL//<http://www.icty.org/fr/case/furundzija/4> – дата последнего обращения 04.05.2018). Данное положение поддержано ЕСПЧ в постановлении по делу Al-Adsani v. United Kingdom (см.: Application No. 35763/97, judgement of 21 November 2001, para. 30; Судом ЕС в деле «Kadi v. Council and Commission»; а также в теоретических исследованиях: Den Heijer M., van der Wilt H. *Jus Cogens and the humanization and fragmentation of interna-*

Фундаментальным является общее заключение 2-го доклада специального докладчика Комиссии о сущности *jus cogens*: «Как и идея о том, что *jus cogens* отражает фундаментальные ценности, позиция, что нормы *jus cogens* иерархически превосходят другие правила и нормы международного права, является общепризнанной¹⁷. Комиссия действительно пришла к выводу, что *jus cogens* является превалирующим по отношению к другим нормам, и этот вывод должен быть достаточным основанием для включения иерархическую силу в качестве характерного элемента «*jus cogens*» (para. 23).

В заключение следует подчеркнуть, что по причине ограниченности отпущенного объема за рамками рассмотрения в настоящем остается немало важных для оценки принципов международного права с позиций категориального подхода проблем, в том числе, имеющая первостепенное значение для отечественного правоведения категория «общеизвестных принципов и норм международного права», заслуживающая специального анализа ввиду особых масштабов ее современного использования в доктрине и практике, продиктованных несомненно положениями Конституции РФ.

tional law”// Netherlands Yearbook of International Law: Jus Cogens — Quo Vadis? 2016. Vol. 46. T.M.C. Asser Press.

¹⁷ В известном деле «Kadi v. Council and Commission» Суд первой инстанции Суда справедливости ЕС квалифицировал *jus cogens* как «свод норм высшего порядка публичного международного права». Европейский суд по правам человека аналогичным образом обозначил *jus cogens* как «нормы, которые пользуются наивысшим статусом международно-правовой иерархии по сравнению с договорными или даже «ординарными обычно-правовыми нормами». Межамериканская комиссия по правам человека в решении по делу «Микаэль Домингес против Соединенных Штатов» констатировала, что *jus cogens* происходит от «норм высшего правопорядка» (cf.: Case No. 12.285 (2002), Inter-American Commission on Human Rights, Report No. 62/02, para. 49). См. также: Hassan v. Council of the European Union and Commission of the European Communities. Judgment of the Court of First Instance; Judgment of 12 July 2006. Para. 92.

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ

Борис Матвеевич Ашавский

*Кандидат юридических наук
Старший научный сотрудник, профессор кафедры
международного права
Дипломатическая академия МИД России
t89163069740@yandex.ru*

Вначале обратимся к концепции «международной межгосударственной системы». Она была разработана и выдвинута Г.И. Тункиным в 70-е годы XX века. В это же время соответствующее понятие вошло в международно-правовую науку и практику.

Анализируя понятие «международная межгосударственная система» (далее межгосударственная система), он включает в нее «государства и государственно подобные образования, народы и нации, борющиеся за независимость, то есть государственные образования в процессе становления, межгосударственные международные организации, международные конференции, объединения государств, не являющиеся международными организациями (например, движение неприсоединения, «группа 77» и т.д.), различные международные органы (например, международные комиссии, международные суды и арбитражи и т.д.), международное право и другие социальные нормы, действующие в этой системе связи между этими компонентами¹.

Очевидно, что название «межгосударственная» является условным, так как рассматриваемая система включает не только государства и их отношения.

¹ См.: Тункин Г.И. XXV съезд КПСС и основные проблемы советской науки международного права. – СЕМП, 1976 г. М., 1978 г., с. 12.; его же. Право и сила в международной системе, М., 1983. С. 14.

Все компоненты этой системы взаимодействуют между собой. Говоря об интегративных качествах глобальной международной системы, Г.И. Тункин имел в виду, что речь идет не о международной системе вообще, а о современной глобальной международной системе. Развитие же этой системы, прежде всего ее интегративных качеств, по его мнению, определяется закономерностями общественного развития соответствующей эпохи². Эти закономерности влияют на развитие рассматриваемой системы иногда в различных направлениях. Так, интернационализация экономической и других аспектов общественной жизни, существование глобальных проблем действуют в основном в направлении усиления интеграционных связей в международной системе. А существование суверенных государств, являющиеся одной из закономерностей современной эпохи, сдерживает эту тенденцию. Тем не менее, взаимодействие глобальной международной системы, а также ее подсистем со средой происходит в основном через государства. Они, как отмечал Григорий Иванович, лишь частично интегрированы как в глобальной международной системе, так и в ее подсистемах, и в то же время являются частью среды³.

В современных условиях происходит длительный исторический переход от эпохи интернационализации хозяйственной, политической и культурной жизни с преобладающими взаимоотношениями между самостоятельно развивающимися странами к глобализации, ведущей к формированию нового системного уровня организации глобальной международной системы с новыми закономерностями, движущими силами и механизмами регулирования.

Мировое экономическое сообщество трансформируется в целостную экономическую систему, во многом определяющую «правила игры» для национальных хозяйств, в том числе и российского. Современная мирохозяйственная система настолько усложнилась, что на нее уже нельзя воздействовать из единого центра. На системообразующую роль на мировом рынке претендует не только более широкий круг государств, но и глобализирующийся капитал (транснациональные корпорации (далее – ТНК) и международные финансовые центры) и международные экономические

² См.: Тункин Г.И. Право и сила в международной системе, с. 19.

³ См.: Там же, с. 20 – 23.

организации. Интенсивно происходит унификация «правил игры», обеспечивается прозрачность экономического пространства и т.п.

В экономике под воздействие глобализации попала, прежде всего, финансовая сфера. Продолжающаяся интернационализация производственных и торговых транзакций преимущественно связана с внутрирегиональными процессами, а также с ТНК и операциями, осуществляемыми между их филиалами. Однако главное – находящаяся в стадии становления система глобального регулирования ресурсов планеты, перераспределением мирового дохода, а также всей экономической деятельности⁴.

Очевидно, что за время, прошедшее с момента разработки и выдвижения концепции международной межгосударственной системы, многое в содержании этой концепции изменилось. Это касается как каждого из ее компонентов, так и их количества.

Наиболее общая характеристика этих изменений содержится в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640. В частности; «Современный мир переживает период глубоких перемен, сущность которых заключается в формировании полицентричной международной системы. Структура международных отношений продолжает усложняться. В результате процесса глобализации складываются новые центры экономического и политического влияния. Происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение в Азиатско-Тихоокеанский регион. Сокращаются возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике. Отчетливо проявляются многообразие культур и цивилизаций в мире, множественность моделей развития государств.

Обостряются противоречия, связанные с неравномерностью мирового развития, углублением разрыва между уровнем благосо-

⁴ См.: подробнее: Ашавский Б.М. Глобализация: ее плюсы и минусы для России (правовой аспект). – Московский юридический форум «Глобализация, государство, право, XXI век»: По материалам выступлений. М., 2004 г., с. 34-39.

стояния государств, усилением борьбы за ресурсы, доступ к рынкам сбыта, контроль над транспортными артериями»⁵.

Далее говорится: «Борьба за доминирование в формировании ключевых принципов организации будущей международной системы становится главной тенденцией современного этапа мирового развития»⁶.

Затем подчеркивается: «На передний план, наряду с военной мощью, выдвигаются такие важные факторы влияния государств на международную политику, как экономические, правовые, технологические, информационные»⁷.

И, наконец, отмечается: «В эпоху глобализации финансовых, информационных, миграционных потоков возрастающее влияние на международные отношения оказывают внутрисоциальные процессы»⁸.

Поскольку международная межгосударственная система состоит из неоднородных компонентов, то и влияние каждого из их видов на эту систему и обратно неодинаково. Определяющим является воздействие основных компонентов – государств.

Говоря и о системе, и о среде, следует, конечно, постоянно помнить об условности этого разделения, которое носит в большей или меньшей мере теоретический характер и абсолютизация которого недопустима. «Однако в интересах анализа условное выделение обоих комплексов оправдано, ибо открывает дополнительные возможности изучения тех связей, которые формально разрываются»⁹.

Так как компоненты любой исследуемой системы обычно выступают как системы более низкого порядка¹⁰ в отношении государств как компонентов международной межгосударственной

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 // <http://Kremlin.ru/acts/bank/41451>.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Бурлацкий Ф., Галкин А. Социология. Политика. Международные отношения. – М., 1974. – С. 240.

¹⁰ См.: Исследования по общей теории систем. Общая редакция и вступительная статья В.Н.Садовского и Э.Г.Юдина. – М., 1969. – С. 12.

системы можно сказать, что они не абстрактные точки, а тоже также сложные системы.

Действительно, современная международная межгосударственная система состоит из более чем 200 государств, отличающихся друг от друга размером территории, народонаселением, географическим положением, уровнем экономического развития и военной мощью, в каждом из которых во многом индивидуальный социально-экономический строй, многие из которых связаны обязательствами, вытекающими из их участия в различного рода объединениях, союзах, международных организациях и международных договорах. Все эти факторы оказывают то или иное воздействие на формирование их внешнеполитических, внешнеэкономических и международно-правовых позиций.

Важнейшим изменением в международной межгосударственной системе, которое произошло в ней около трех десятилетий назад, был уход с политической арены СССР, социалистической системы и, как следствие, биполярности.

Современный период развития международных отношений являет собой далеко не самый лучший пример их состояния. Действительно, с одной стороны, он характеризуется наличием ряда вооруженных конфликтов, а с другой – снижением уровня сотрудничества между государствами и введением экономических санкций США и других стран НАТО против России. В отношениях с Западом вместо укрепления доверия – рост враждебности времен «холодной войны». США фактически возводят политику «с позиции силы» в статус государственной.

Здесь уместно привести рассуждения отечественного дореволюционного юриста-международника, профессора Д.И. Каченовского.

«Теперь понятно, – пишет он в своем курсе международного права, – что твердая политическая система есть самое живое и верное доказательство силы и господства международного права в сношениях независимых обществ. Она не существует там, где вместо порядка, устроенного по общему согласию, мы находим всемирную монархию или диктатуру, то есть тяготение одних племен

над другими, или, напротив, беспорядочный хаос и бесконечные войны»¹¹.

Не видим ли мы сейчас возврат на 150 лет назад. С одной стороны, гегемонистские устремления США к роли «всемирного монарха», а с другой – их же стремление к бесконечной череде вооруженных конфликтов и созданию на их месте «управляемого хаоса».

Тем не менее, за тот же период появился ряд новых международных организаций, параорганизаций, а также других структур и диалоговых площадок для совместной и согласованной деятельности государств в различных областях. Среди них: Всемирная торговая организация (ВТО), БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), Содружество независимых государств (СНГ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), РИК (Россия, Индия, Китай), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), «Большая двадцатка» (Группа 20-ти, G-20) и другие.

Иными словами, не только изменилось и расширилось содержание деятельности международных организаций и других международных структур, но и увеличилось их количество.

То же самое можно отнести и к различным международным органам (международным комиссиям, международным судам и арбитражам). В частности, в этот период были созданы Международный уголовный суд (МУС), Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ), Международный уголовный трибунал по Руанде и другие.

Особо следует выделить появившуюся международную террористическую организацию, запрещенную на территории Российской Федерации «Исламское государство» и подобные ей объединения. Они подняли насилие на невиданный уровень жестокости и претендуют без каких-либо оснований на создание собственного государственного образования. Успешные боевые операции правительственных вооруженных сил Сирии при поддержке российских ВКС против этой террористической организации завершились полной победой и разгромом бандформирований.

¹¹ См.: Золотой фонд российской науки международного права. Т. 1. 2007. С. 158.

Такого рода объединения представляют собой чужеродный, нелегитимный компонент международной межгосударственной системы. Главным направлением борьбы с ними должно стать создание широкой международной антитеррористической коалиции на международно-правовой базе, на основе эффективного взаимодействия государств.

И, наконец, необходимо сказать о международном праве и других социальных нормах как компонентах международной межгосударственной системы, в частности, о тех изменениях, которые претерпело международное право за прошедший период (прежде всего, в отношении основных принципов международного права). И главное, о проблемах его функционирования в современной межгосударственной системе.

Основные принципы международного права по существу представляют собой «принципы мирного сосуществования, за укрепление которых вело борьбу Советское государство, и Декрет о мире был их исходным документом»¹². Именно таким образом они рассматривались в отечественной доктрине международного права¹³.

Мирное сосуществование государств независимо от их социально-экономических различий представляет собой многогранное понятие. Одноименным термином обозначаются, по меньшей мере, четыре глубоко взаимосвязанных, но не однозначных аспекта мирного сосуществования: реальная необходимость и возможность, существующая в современную эпоху, один из руководящих принципов внешней политики государств, фактически существующие отношения и центральный принцип (обобщающая норма) современного общего международного права.

Очевидно, что одна из важных характеристик содержания этого принципа в современных условиях изменилась. До начала 90-х годов прошлого века центр тяжести в его содержании был на

¹² См.: Кузнецов В.И., Тузмухамедов Р.А., Ушаков Н.А. От Декрета о мире к Декларации мира. – М., 1972. С. 5.

¹³ См., например: Ашавский Б.М. Принципы мирного сосуществования как правовая основа развития отношений долговременного взаимовыгодного сотрудничества государств // СССР и проблемы межгосударственного сотрудничества. – М., 1980, С. 49-88.

отношениях между государствами с различным социальным строем. В настоящее время в связи с существенными изменениями в международной межгосударственной системе (от биполярности через однополярность к формированию многополярности), как результате изменения социально-экономических характеристик значительной части основных компонентов этой системы – государств, можно говорить уже не о мирном сосуществовании государств с различным социальным строем (в основном, социалистических и капиталистических), а о мирном сосуществовании государств независимо от их политических и социально-экономических различий. Иными словами, речь идет уже о более широком аспекте отношений между государствами. Если мы говорим о всемирных международных отношениях, то речь идет о мирном сосуществовании государств «независимо от их социального строя».

Как отмечал Г.И. Тункин, «мирное сосуществование как состояние отношений между государствами не является чем-то застывшим, данным раз и навсегда. Мирное сосуществование в один период может значительно отличаться от мирного сосуществования в другой период развития международных отношений как с точки зрения широты и глубины сотрудничества, так и в отношении надежности мирного сосуществования и т.д.»¹⁴. Несмотря на это, необоснованным и искусственным является противопоставление «мирового сосуществования» и «активного мирного сосуществования»¹⁵.

Современное состояние международных отношений, как уже отмечалось, фактически привело к возврату к «холодной войне».

Понятно, что «состояние международных отношений оказывает решающее влияние на развитие международного права. Для создания норм общего международного права требуется сотрудничество и соглашение государств»¹⁶.

Именно сотрудничество и соглашение государств представляют собой единственно правильный вектор в движении к мирно-

¹⁴ Тункин Г.И. Теория международного права. – М., 2006. С. 36.

¹⁵ См.: там же. С. 34.

¹⁶ См.: там же. С. 37.

му сосуществованию государств независимо от их политических и социально-экономических различий.

Вся система основных принципов современного общего международного права может быть названа системой принципов мирного сосуществования. То же самое можно сказать и о международном праве современной эпохи уже во многом многополярного мира, призванном служить основой обеспечения мирного сосуществования государств, независимо от политических и социально-экономических различий: его также можно назвать правом мирного сосуществования.

К настоящему времени принцип мирного сосуществования государств независимо от их политических и социально-экономических различий и неразрывно связанные с ним принципы, среди которых прежде всего следует назвать запрещение применения силы и угрозы силой, мирное разрешение международных споров, невмешательство во внутренние дела, территориальную целостность и неприкосновенность, обязанность государств сотрудничать друг с другом, равноправие и самоопределение народов, уважение и соблюдение основных прав и свобод человека, суверенное равенство государств, добросовестное выполнение международных обязательств, зафиксированы во многих международно-правовых актах, принятых по инициативе и при участии Советского Союза. Эти принципы зафиксированы в наиболее авторитетном международно-правовом документе современности – в Уставе ООН, в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных взаимоотношений и сотрудничества государств в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, принятой на юбилейной XXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН 24 октября 1970 г., в ряде других резолюций Ассамблеи и в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Это обозначало важный, по сути дела исторический рубеж в развитии международных отношений.

Мирное сосуществование как центральный принцип современного общего международного права предполагает два основных взаимных обязательства всех государств: поддержание международного мира и безопасности и развитие взаимовыгодного сотрудничества друг с другом независимо от политических и социально-экономических различий.

Государства – члены ООН уже в новых условиях подтвердили свою приверженность мирному сосуществованию и сотрудничеству¹⁷.

А в самое последнее время все более обостряющейся международной обстановки мирное сосуществование и сотрудничество становятся особенно важным императивом для выживания человечества.

Что касается отдельных отраслей и институтов международного права, то следует отметить, что за последние десятилетия сформировались такие новые отрасли международного права как международное экономическое, международное экологическое и международное трудовое право. Коренные изменения претерпело международное морское право. Кроме этого можно говорить и о прогрессивном развитии многих других отраслей и институтов международного права.

Новая Концепция внешней политики Российской Федерации, как и другие внешнеполитические документы, пестрит ссылками на международное право в целом и на отдельные его принципы и нормы.

«Международное право, – как отмечал профессор Г.И. Тункин, определяя юридические обязанности государств, – устанавливает определенные рамки для их внешней политики и дипломатии. С другой стороны, фиксируя права государств, оно открывает перед государствами возможность использования международного права в интересах их внешней политики и дипломатии»¹⁸.

В последние годы появились неадекватные оценки той роли, которую играет международное право в международных отношениях и во внешней политике.

Несмотря на то, что официальная позиция Российской Федерации по этому вопросу не вызывает сомнений, в средствах массовой информации (в печати, на радио и телевидении) и в публичных выступлениях неоднократно делались заявления о кризисе международного права и даже о его полной несостоятельности.

¹⁷ См.: Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г., Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН на 63-й сессии 15 января 2009 г.// Док.ООН A/RES/60/1.

¹⁸ Тункин Г.И. Теория международного права. – М., 1970. – С. 330.

Основой для них были систематические нарушения международно-правовых принципов и норм.

Что же касается якобы кризиса международного права, то речь идет не о содержании международного права, а о его соблюдении, при том, что в большинстве отраслей международного права нормы соблюдаются.

Основная проблема – соблюдение международно-правовых норм, касающихся поддержания международного мира и безопасности, что в значительной мере зависит от соотношения сил в мире.

Именно эта проблема должна находиться в центре внимания при исследовании функционирования международного права в современной межгосударственной системе.

Нарушение международно-правовых норм в сфере международной безопасности начинается, как правило, с принятия одностороннего решения отдельными государствами о применении вооруженной силы в нарушение Устава ООН, без санкции Совета Безопасности (СБ) ООН. Сейчас это делается обычно на основе сфальсифицированных фактов о нарушении прав человека, применении химического оружия и т.д.

Так было в Югославии, Ираке, Ливии и сейчас в Сирии.

Такое впечатление, что установление фактов не интересует ни ООН, ни ее членов. Особенно «убедительными» представляются в связи с этим «доказательства» наличия химического оружия в Ираке, «доказательства» насилия и неизбирательного применения силы в Ливии, постановочные сцены применения химического оружия в Сирии.

Во всех этих случаях действиям СБ ООН на основании главы VII Устава ООН должно было предшествовать установление фактических обстоятельств. Ничего подобного не было. Например, Комиссия по установлению фактов, созданная для этих целей Генеральным секретарем ООН, не успела приступить к работе, т.к. еще до этого начались бомбардировки НАТО территории Ливии¹⁹. В Сирии – тот же сценарий: ракетный удар США, Великобритании

¹⁹ См. об этом подробнее: Мезяев А. Агрессия против Ливии: некоторые международно-правовые вопросы// Казанский журнал международного права . 2011. № 4. С. 22 – 29.

и Франции по Сирии еще до начала работы комиссии ОЗХО в сирийской Думе.

Концепция «ответственности по защите» («R2P»), активно продвигаемая западными государствами для обоснования своих акций, лишь словесно «передела» концепцию «гуманитарной интервенции», которая стала весьма непопулярной. На практике новая концепция создает дымовую завесу при осуществлении все той же гуманитарной интервенции. Действительным намерением западных стран при осуществлении этой концепции является смена неугодного им режима, а не защита прав человека²⁰.

Вызывает крайнее изумление, что международное право во всех этих ситуациях молчит.

Никаких официальных шагов государствами не было предпринято ни в отношении Джорджа Буша, ни в отношении Тони Блэра, ни в отношении Колина Пауэлла за обман международного сообщества и последовавшие за этим агрессии и гуманитарные катастрофы.

А ведь принцип неотвратимости наказания в международном праве никто не отменял. Тем более, что упомянутые персонажи уже не являются должностными лицами и поэтому не обладают иммунитетом.

Континуум оценок роли международного права в современном мире простирается от полного отрицания до явного завышения. В этих условиях более чем необходим реалистичный подход. Он нашел отражение прежде всего в новой Концепции внешней политики Российской Федерации и, что еще важнее, в самой внешней политике России. За время, прошедшее с момента утверждения предыдущей версии Концепции, международная обстановка и расстановка сил на международной арене коренным образом изменилась. Соответственно Концепция подверглась серьезной корректировке. Особое внимание при этом было уделено роли международного права.

Международное право, являясь регулятором международных отношений, выполняет две неразрывно связанные и взаимо-

²⁰ См. подробнее об этом: Ашавский Б.М. Концепции относительно обязанности защищать в контексте международного права // Евразийский юридический журнал. 2012. № 12 (55). С. 41 – 45.

проникающие функции: стабилизирующую и созидательную. Оно закрепляет уже сложившиеся отношения, а также служит их изменению и перестройке. При этом необходимо учитывать объективные пределы его действия, связанные со спецификой создания и действия международно-правовых норм.

На это, фактически, указывал Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации Ю.А. Квицинский. В частности, в 2010 году он говорил, что «в своих отношениях с Западом мы вступаем сейчас в очень сложный период... Соответственно, будет требоваться и другой подход к концептуальным вопросам нашей дальнейшей внешней политики, к инструментам ее осуществления, включая международное право... Наша внешнеполитическая доктрина – это своеобразный документ. С одной стороны, в ней уже прослушиваются мотивы, которые звучали в мюнхенской речи Путина (а эта речь была признанием того, что интересы России не обязательно совпадают с интересами Запада и что за них предстоит неизбежная и, видимо, жесткая борьба). С другой – это очередная вариация известного призыва кота Леопольда: «Ребята, давайте жить дружно, все, в общем хорошо, дела идут, и жизнь мила». Превалирует, пожалуй, второй мотив. Явно все более немодный»²¹. Как показывают прошедшие семь лет, он оказался прав.

Важным в контексте рассматриваемой темы является также четкое разграничение международно-правовых и неправовых актов. В связи с этим необходимо дать адекватную оценку актам международных организаций, которые условно относят к «международному мягкому праву». Здесь со всей определенностью следует сказать, что эти акты нельзя отнести к международно-правовым. Тем не менее существуют два пути придания обязательной силы правилам поведения, содержащимся в этих актах. Во-первых, такой акт (резолюция, декларация) может служить основой будущего международного договора. Во-вторых, положения, содержащи-

²¹ Квицинский Ю.А. Кризисные ситуации и новая доктрина правового обеспечения внешней политики Российской Федерации // Россия и пути решения современных международно-правовых вопросов. Сборник материалов научно-практической конференции, посвященной 60-летию кафедры международного права МГИМО (У) МИД России. Под ред. проф. А.Н. Вылегжанина. М., 2010. С. 64 – 70.

еся в таких актах, могут приобрести обязательный характер путем их превращения в обычную норму международного права, т.е. в международно-правовой обычай²².

К этому вопросу примыкает оценка той роли, которую играют в современной и межгосударственной системе судебные органы.

Наряду с адекватной оценкой существует и гипертрофирование роли судебных органов, продвижение т.н. «судейского активизма», судебных прецедентов как источника международного права.

Безосновательным представляется вывод о том, что судьи осуществляют правотворческие функции. Преждевременным также является утверждение о том, что судебный прецедент является источником международного права. Использование в этом качестве судебного прецедента отдельными судебными органами (ЕСПЧ, ОРС ВТО) не дают достаточных оснований для общего вывода. Тем более, что в ст. 59 Статута Международного Суда ООН определено закреплено: «Решение Суда обязательно лишь для участвующих в деле сторон и лишь по данному делу».

Таковы, в основном, проблемы, связанные с функционированием международного права в современной межгосударственной системе.

²² См. об этом подробнее: Ашавский Б.М. Юридическое значение актов ООН относительно нового международного экономического порядка (НМЭП): международное экономическое мягкое право, международное экономическое «мягкое право», или... неправо?//Евразийский юридический журнал. – 2014, № 4 (71).

ПОНЯТИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРОТИВОПРАВНОГО ДЕЯНИЯ В СВЕТЕ РАБОТЫ КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ООН

Павел Андреевич Банис

*Аспирант кафедры международного права
Российский университет дружбы народов
bpavel24@gmail.com*

Вопросы международно-правовой ответственности государств, имея фундаментальное значение в теории международного права, получили пристальное внимание со стороны международного сообщества еще в начале прошлого столетия, что повлекло за собой многочисленные исследования и попытки кодификации не только доктринальные, но и официальные. Лига Наций включила эту тему в повестку своей работы с целью кодификации, которая, однако, успехом не увенчалась. Главная причина состояла в отставании государствами своих позиций и нежелании пойти на компромиссы. Впоследствии, уже в 1948 году, вопрос международно-правовой ответственности за противоправные деяния нашел свое место среди первых 14 тем, подходящих для кодификации и прогрессивного развития, учрежденной в том году Комиссии международного права (КМП) Организации Объединенных Наций (ООН). В результате в 2001 году был согласован и принят Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния¹ (Проект статей 2001).

Всего над темой в качестве специальных докладчиков последовательно работали: Гарсия Амадор, Роберто Аго, Виллем Рифаген, Гаэтано Аранжио-Руис и Джеймс Кроуфорд. Исследова-

¹ Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with commentaries 2001. Text submitted to the General Assembly as a part of the International Law Commission's report (A/56/10). URL: http://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_6_2001.pdf (дата обращения: 25.03.2018).

ние первого докладчика, Гарсии Амадора, было сконцентрировано вокруг проблемы ответственности государств за ущерб, причиненный иностранцам и/или их собственности, и его итоги не получили со стороны государств полностью положительной оценки. Второй докладчик, Роберто Аго, следовал иному подходу, сосредоточив свое внимание на определении общих положений, регулирующих международную ответственность государств. В этой связи, следует отметить, что работа именно второго докладчика стала определяющей основой для формулирования последующих статей Проекта.

Как известно, международно-противоправное деяние состоит из двух элементов: поведение, «состоящее в действии или бездействии, которое присваивается государству по международному праву; и представляет собой нарушение международно-правового обязательства этого государства²». Однако, такое понимание существовало не всегда, что связано с различиями в подходах к определению понятия международно-правового деяния, а также «причинно-следственной связи» между деянием и государством, к установлению того, действия каких именно лиц присваиваются (на ранних этапах работы в рамках КМП – «вменяются») государству, а также к решению других вопросов.

Первым докладчиком, избранным для работы над проектом документа об ответственности государств за международно-противоправные деяния, был Гарсия Амадор, который ограничил свою работу вопросами ответственности государств за ущерб, причиненный на их территории собственности иностранных граждан, и тем самым продолжив работу по теме, рассматриваемой еще во время Лиги Наций, «поставив под сомнение достижение успеха»³.

За время своей работы, в период между 1956 и 1961 годами первому докладчику удалось представить 6 докладов по теме, ко-

² Доклад Комиссии международного права ООН. Пятьдесят третья сессия. Тексты проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, С. 26-27. Статья 2. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/responsibility.pdf (дата обращения: 25.03.2018).

³ The Law of International Responsibility. / Ed. by James Crawford, Alain Pellet, Simon Olleson. – Oxford University Press, 2010. P. 76.

торые, среди прочего, затрагивали вопросы относительно элементов противоправного деяния. Докладчик считал, что поведение может вменяться государству в следующих случаях: если деяние совершено законодательным, судебным или исполнительным органом государства; его территориальной единицей, колонией или иной зависимой единицей; индивидами, в том числе во время внутренней нестабильности; если действие было совершено на его территории третьим государством или международной организацией⁴.

Определяя понятие «международное обязательство», докладчик опирался на единственную существовавшую в то время кодификацию, содержащуюся в документе Гаагской Конференции, одобренную Третьим комитетом Лиги Наций⁵. «Международное обязательство» представляло собой такое обязательство, которое вытекает из договора, обычая или общих принципов права, призванных обеспечить такое обращение по отношению к иностранцам и их собственности, которое принято в международном сообществе⁶. Однако, такое определение его не вполне устроило, ввиду чего оно было расширено и включило в себя «обязательства, проистекающие из любых источников международного права», с тем, чтобы внести большую ясность в то, какие именно обязательства существуют у государств по отношению к иностранцам⁷. Такое

⁴ Report on International Responsibility by Mr. F.V. Garcia-Amador, Special Rapporteur. UN Document A/CN.4/96. P. 186, para. 68. URL: http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/documentation/english/a_cn4_96.pdf&lang=EFS (дата обращения 25.03.2018).

⁵ International responsibility. Second report by F. V. Garcia Amador, Special Rapporteur. UN Document A/CN.4/106. P. 107, para. 8. URL: http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/documentation/english/a_cn4_106.pdf&lang=EFS (дата обращения: 25.03.2018).

⁶ International responsibility. Second report by F. V. Garcia Amador, Special Rapporteur. UN Document A/CN.4/106. P. 107, para. 8. URL: http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/documentation/english/a_cn4_106.pdf&lang=EFS (дата обращения: 25.03.2018).

⁷ International responsibility. Second report by F. V. Garcia Amador, Special Rapporteur. UN Document A/CN.4/106. P. 107, paras. 9, 11. URL: http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/documentation/english/a_cn4_106.pdf&lang=EFS (дата обращения: 25.03.2018).

расширение представляется полностью оправданным, в первую очередь, ввиду того, что обязательства для государств могут возникать, в том числе, на основе решений, принимаемых в рамках деятельности международных судебных органов в результате рассмотрения спора, актов органов международных межправительственных организаций, если это предусмотрено в их уставах (в частности, резолюций Совета Безопасности ООН, принятых на основе гл. VII Устава ООН), односторонних актов государств.

Результатом работы первого докладчика явился Проект о международной ответственности государства за ущерб, причиненный на его территории иностранным лицам или их собственности⁸. В соответствии со статьей 1 указанного Проекта, ««международная ответственность государства за ущерб, причиненный на его территории иностранным лицам или их собственности» предполагает обязанность возмещения вреда (*reparations*) в случае, если такой ущерб явился следствием какого-либо действия или бездействия со стороны органа или представителя государства и противоречит международным обязательствам государства⁹». Международно-противоправное деяние понималось в Проекте как «указанное в соответствующих положениях этого Проекта», к которым, среди прочего, относились обязательства, вытекающие из «контрактов», «основных прав человека», а также; обязательство, вытекающее из любого источника международного права»¹⁰.

Подход, избранный первым докладчиком для работы над проектом статей, подвергся серьезной критике со стороны развивающихся государств и государств Восточной Европы, хотя и ос-

⁸ Third Report on International Responsibility by Mr. F.V. Garcia-Amador, Special. UN Document A/CN.4/111. P. 71. URL: http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/documentation/english/a_cn4_111.pdf&lang=EFS (дата обращения: 25.03.2018).

⁹ Third Report on International Responsibility by Mr. F.V. Garcia-Amador, Special. UN Document A/CN.4/111. P. 71. URL: http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/documentation/english/a_cn4_111.pdf&lang=EFS (дата обращения: 25.03.2018).

¹⁰ Third Report on International Responsibility by Mr. F.V. Garcia-Amador, Special. UN Document A/CN.4/111. P. 71. URL: http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/documentation/english/a_cn4_111.pdf&lang=EFS (дата обращения: 25.03.2018).

новывался на практике арбитражей XIX и XX веков и был направлен на кодификацию общепризнанных в то время норм в области ответственности государств¹¹. Следующим докладчиком по теме был назначен Роберто Аго, который продолжил работу над проектом в существенно отличающемся от прежнего направлении.

Уже в своем первом докладе Р. Аго указывает на необходимость наличия двух элементов для возникновения международно-правовой ответственности, которые существенным образом отличаются от элементов, предлагаемых первым докладчиком: «элемент, обычно называемый «субъективным элементом»» - поведение государства как субъекта международного права, которое должно присваиваться именно ему, а не лицу или группе, и «элемент, как правило, называемый «объективным элементом»» - вменяемым поведением государство должно было нарушить возложенное на него международно-правовое обязательство¹². Подтверждение существования этих двух элементов автор доклада находит в практике международных судов, в частности, в Деле о «Фосфатах Марокко», которое рассматривалось в Постоянной палате международного правосудия в 1938 г. и в международно-правовой доктрине¹³. Докладчик также использует термин «вменение», однако, указывает, что государство не способно физически совершать определенные действия, и что вменены государству могут быть деяния лиц или их групп¹⁴. Ссылаясь на Д. Анцилотти,

¹¹ The Law of International Responsibility. / Ed. by James Crawford, Alain Pellet, Simon Olleson. – Oxford University Press, 2010. P. 76 - 77.

¹² Second report on State responsibility, by Roberto Ago, Special Rapporteur - the origin international responsibility. UN Document A/CN.4/233. P. 187, para. 31. URL: http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/documentation/english/a_cn4_233.pdf&lang=EFS (дата обращения: 25.03.2018).

¹³ Second report on State responsibility, by Roberto Ago, Special Rapporteur - the origin international responsibility. UN Document A/CN.4/233. P. 187 - 188, paras. 32 - 33. URL: http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/documentation/english/a_cn4_233.pdf&lang=EFS (дата обращения: 25.03.2018).

¹⁴ Second report on State responsibility, by Roberto Ago, Special Rapporteur - the origin international responsibility. UN Document A/CN.4/233. P. 189, para. 37. URL:

он указывает, что «вменение» должно пониматься лишь как установление связи между деянием и его автором¹⁵. Впоследствии термин «вменение» был заменен на «присвоение» по предложению, среди прочих, представителя от СССР Н. Ушакова. Подобная замена терминологии была связана с тем, что, по мнению Комиссии международного права, понятие «вменение» не соответствует юридической природе государств¹⁶, которые, в отличие от индивида, не могут «испытывать вину». Одобрение получила также инициатива со стороны докладчика, согласно которой «субъективным элементом» состава деяния следовало считать «невыполнение международно-правового обязательства» или «нарушение международно-правового обязательства»¹⁷.

В итоге, положение проекта статьи 2 – об элементах международно-противоправного деяния государства – именовалось как «Условия для существования международно-противоправного деяния» и было сформулировано следующим образом: «Международно-противоправное деяние существует в случае: а) поведения, состоящего из действия или бездействия, присваиваемого государству в соответствии с международным правом; б) если такое пове-

http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/documentation/english/a_cn4_233.pdf&lang=EFS (дата обращения: 25.03.2018).

¹⁵ Second report on State responsibility, by Roberto Ago, Special Rapporteur - the origin international responsibility. UN Document A/CN.4/233. P. 189, para. 37. URL:

http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/documentation/english/a_cn4_233.pdf&lang=EFS (дата обращения: 25.03.2018).

¹⁶ Third Report on State responsibility, by Mr. Roberto Ago, Special Rapporteur. The internationally wrongful act of the State, source of international responsibility. UN Document A/CN.4/246 and Add.1-3. P. 214, para. 50. URL: http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/documentation/english/a_cn4_246.pdf&lang=EFS (дата обращения: 25.03.2018).

¹⁷ Third Report on State responsibility, by Mr. Roberto Ago, Special Rapporteur. The internationally wrongful act of the State, source of international responsibility. UN Document A/CN.4/246 and Add.1-3. P. 214, para. 51. URL: http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/documentation/english/a_cn4_246.pdf&lang=EFS (дата обращения: 25.03.2018).

дение представляет собой невыполнение международного обязательства государства»¹⁸.

Роберто Аго завершил работу над первой частью проекта статей об ответственности, состоявшей из 35 статей, которая впоследствии была одобрена с некоторыми изменениями и ныне представлена статьями с 1 по 33 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г., и название которой не претерпело изменений с тех пор – «Общие принципы».

Третьим докладчиком по вопросу об ответственности государств был назначен Виллем Рифаген, представивший 7 докладов в период с 1980 по 1986 гг. Как указано выше, первая часть проекта статей была выполнена Роберто Аго, в связи с чем В. Рифаген работал над его второй частью. Докладчик в представленном им проекте в статье 7 описывал международно-противоправное деяние как «нарушение (*breach*) международного обязательства, касающегося обращения, которого государство должно придерживаться в отношении иностранных физических или юридических лиц, находящихся под его юрисдикцией, и в случае, если государство, осуществившее неправомерное деяние, не вернет ситуацию к тому положению вещей, которое существовало до нарушения, потерпевшее государство может потребовать такое государство выплатить сумму денег, требуемую для восстановлению ситуации к тому положению вещей, которое существовало до нарушения»¹⁹.

Четвертым докладчиком был избран Гаэтано Аранжио-Руис, который в период с 1988 по 1996 гг. успел подготовить для Комиссии 8 докладов, касающихся второй и третьей частей готовящегося

¹⁸ Fifth report on State responsibility by Mr. Roberto Ago, Special Rapporteur - the internationally wrongful act of the State, source of international responsibility (continued). UN Document A/CN.4/291 and Add.1 & 2 and Corr.1. P. 223-224. URL:

http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/documentation/english/a_cn4_291.pdf&lang=EFS (дата обращения: 25.03.2018).

¹⁹ Fifth report on the content, forms and degrees of international responsibility (part two of the draft articles), by Mr. Willem Riphagen, Special Rapporteur. UN Document A/CN.4/380 and Corr.1. P. 3. URL: http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/documentation/english/a_cn4_380.pdf&lang=EFS (дата обращения: 25.03.2018).

проекта статей. В связи с тем, что вопрос относительно элементов международно-противоправного деяния рассматривался в первой части проекта, указанный докладчик не касался его в своей работе.

Пятым и последним докладчиком по теме ответственности государств за международно-противоправные деяния стал Джеймс Кроуфорд, начавший работу в 1998 году и окончивший ее в 2001 году в связи с утверждением окончательного варианта Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Всего Дж. Кроуфорд успел представить КМП ООН четыре доклада, в основном касавшиеся внесения некоторых изменений и корректировок в текст Проекта в соответствии с комментариями государств.

Первый доклад Дж. Кроуфорда касался пересмотра и, где необходимо, изменения соответствующих положений²⁰. В отношении положения, касающегося элементов международно-противоправного деяния, докладчик предпочел оставить его без изменений²¹ в том виде, как оно было сформулировано еще вторым докладчиком – Роберто Аго.

В завершение можно сказать, что во время работы над соответствующими проектами ссылки на практику были не столь частыми, как после принятия финальной версии Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния в 2001 году и издания комментариев к этому проекту, ввиду ее незначительных объемов. Соответствующие вопросы затрагивались в практике Постоянной палаты международного правосудия и иных судебных органов. К таким можно отнести, например, Дело о фабрике в Хожуве 1928 года²², Дело о фосфатах в Марокко 1938 года²³, Дело Габчиково-Надьмарош 1997 года²⁴.

²⁰ First report on State responsibility, by Mr. James Crawford, Special Rapporteur. UN Document A/CN.4/490 and Add. 1–7. P. 5. URL: http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/documentation/english/a_cn4_490.pdf&lang=EFSX (дата обращения: 25.03.2018).

²¹ First report on State responsibility, by Mr. James Crawford, Special Rapporteur. UN Document A/CN.4/490 and Add. 1–7. P. 5. URL: http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/documentation/english/a_cn4_490.pdf&lang=EFSX (дата обращения: 25.03.2018).

²² Case concerning the Factory at Chorzow (claim for indemnity). Merits. PCIJ Collection of Judgments, Series A, 13 September 1928. URL: <http://www.icj->

Во время попыток кодификации права международной ответственности соответствующими докладчиками предлагались различные подходы и варианты формулировок элементов международно-противоправного деяния, однако в итоге возобладал подход второго докладчика, в связи с чем некоторые ученые ознаменовывают вклад, внесенный им, как революцию²⁵.

[cij.org/files/permanent-court-of-international-justice/serie_A/A_17/54_Usine_de_Chorzow_Fond_Arret.pdf](http://www.icj-cij.org/files/permanent-court-of-international-justice/serie_A/A_17/54_Usine_de_Chorzow_Fond_Arret.pdf) (дата обращения 13.03.2018).

²³ Phosphates in Morocco. Preliminary objections. PCIJ Judgments, Orders and Advisory opinions. Series A./B., 14 June 1938. URL: http://www.icj-cij.org/files/permanent-court-of-international-justice/serie_AB/AB_74/01_Phosphates_du_Marsoc_Arret.pdf (дата обращения 13.03.2018).

²⁴ Case concerning the Gabcikovo-Nagymaros Project (Hungary / Slovakia). Judgment of 25 September 1997. ICJ Report 1997. URL: <http://www.icj-cij.org/files/case-related/92/092-19970925-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения 13.03.2018).

²⁵ The Law of International Responsibility. / Ed. by James Crawford, Alain Pellet, Simon Olleson. – Oxford University Press, 2010. P. 77.

БОРЬБА С МОШЕННИЧЕСТВОМ В ОТНОШЕНИИ ФИНАНСОВ ЕС: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

Павел Николаевич Бирюков

*доктор юридических наук, профессор
заведующий кафедрой теории государства и права, международ-
ного права и сравнительного правоведения
Воронежский государственный университет
birukovpn@yandex.ru*

«Мошенничество, затрагивающее финансовые интересы ЕС», и связанная с этим незаконная деятельность (далее – мошенничество) представляет собой серьезную проблему в ущерб бюджету Союза и европейских налогоплательщиков. По сведениям Еврокомиссии, размер потерь бюджета ЕС в 2017 году от «мошенничества» превысил 1 млрд. евро. Очевидно, что фактическая сумма еще больше ввиду высокой латентности данного рода деяний¹. Воруют, как видим, в «просвещенной» Европе.

Правда, в ЕС считают, что ущерб бюджету требует единых действий для обеспечения эффективной защиты финансовых интересов ЕС, в том числе в сфере уголовного права. Конечно, государства-члены ЕС давно криминализовали в своих уголовных кодексах (далее – УК) либо специальных законах «мошенничество в отношении финансов ЕС».

Так, в УК Австрии² за указанные деяния предусмотрены: § 146 - лишение свободы до 6 месяцев; 3 года - § 147 (1) и (2); 10 лет

¹ Report from the Commission to the European parliament and the Council Evaluation of the application of Regulation (EU, EURATOM) No 883/2013 of the European Parliament and of the Council of 11 September 2013 concerning investigations conducted by the European Anti-Fraud Office (OLAF) and repealing Regulation (EC) No 1073/1999 of the European Parliament and of the Council and Council Regulation (Euratom) No 1074/1999 // COM/2017/0589 final.

² Das Strafgesetzbuch von Österreich. URL: <https://www.jusline.at/gesetz/stgb> (дата обращения 2 марта 2018 г.).

- § 147(3), 148 УК. В § 7 Федерального закона об осуществлении возмещения экспорта в соответствии с правилами регулирования рынка Европейского Сообщества³ закреплено лишение свободы от 3 лет до 5 лет и штраф в размере двойной суммы похищенного.

По ст. 640.1 УК Италии⁴ это преступление наказывается лишением свободы на срок от 6 месяцев до 3 лет и штрафом от 51 до 1 032 евро. Статья 640bis УК (мошенничество при получении бюджетных средств) влечет лишение свободы сроком от 1 года до 6 лет.

В Люксембурге: за совершение деяния по ст. 490 УК⁵ предусмотрено лишение свободы от 1 месяца до 1 года или штраф от 500 до 30 000 евро; по ст. 498 УК - лишение свободы от 1 месяца до 1 года или штраф от 500 до 10 000 евро.

В УК Финляндии⁶ закреплены: штраф или лишение свободы на срок от 14 дней до 2 лет (п. 36, раздел 1); от 4 месяцев до 4 лет в отягченной форме (глава 29, разделы 1 и 5).

Во Франции по ст. 313-1 УК⁷ предусмотрено лишение свободы до 5 лет и штраф в размере 375 000 евро; по ст. 313-3 УК - до 7 лет и штраф 750 000 евро.

³ Bundesgesetz über die Durchführung der Ausfuhrerstattungen im Rahmen des Marktordnungsrechts der Europäischen Gemeinschaft (Ausfuhrerstattungsgesetz - AEG). URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10004912> (дата обращения 2 марта 2018 г.).

⁴ Codice Penale. URL: <http://www.altalex.com/documents/codici-altalex/2014/10/30/codice-penale> (дата обращения 2 марта 2018 г.).

⁵ Code pénal. URL: https://www.unodc.org/res/cld/document/lux/2014/criminal_code_of_luxembourg_html/CodePenal_PageAccueil.pdf.

⁶ The Criminal Code of Finland (39/1889, amendments up to 766/2015 included). URL: <https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/1889/en18890039.pdf> (дата обращения 2 марта 2018 г.).

⁷ Code pénal. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCodeArticle.do?idArticle=LEGIARTI000006417198&cidTexte=LEGITEXT000006070719&dateTexte=20171130&fastPos=2&fastReqId=1152792968&oldAction=rechCodeArticle> (дата обращения 2 марта 2018 г.).

Как видим, в государствах ЕС действуют расходящиеся правила и неодинаковые уровни защиты. Соответственно, в рамках национальных правовых систем нет эквивалентной защиты финансовых интересов Союза⁸. Кроме того, нужно учитывать различные подходы в отношении юрисдикции и определения места совершения преступления⁹. Такие различия негативно влияют на эффективность политики Союза по защите своих финансовых интересов. Как отмечают в самом ЕС, национальные меры против мошенничества не достигли необходимого уровня сдерживания¹⁰.

В этой области сегодня Союз располагает широким набором инструментов в области защиты финансовых интересов Союза. Политика ЕС в данной сфере уже стала предметом мер гармонизации (например, Регламент № 2988/95). Для обеспечения реализации политики ЕС в этой области важно продолжать приближаться к уголовному праву государств-членов, дополняя защиту финансовых интересов Союза в рамках административного и гражданского права в отношении наиболее серьезных видов, связанных с мошенничеством в этой области, избегая несоответствий.

Статья 325 Договора о функционировании ЕС устанавливает компетенцию ЕС принимать необходимые меры в области предотвращения и борьбы с мошенничеством и другой незаконной деятельностью, затрагивающей финансовые интересы Союза. При этом термин «мошенничество» понимается в широком смысле, включая также некоторые уголовные преступления, связанные с мошенничеством.

5 июля 2017 г. Европарламентом и Советом была принята новая Директива 2017/1371 о борьбе против мошенничества в отношении финансовых интересов ЕС средствами уголовного пра-

⁸ Proposal for a Directive of the European parliament and of the Council on the fight against fraud to the Union's financial interests by means of criminal law // COM/2012/0363 final - 2012/0193 (COD).

⁹ Proposal for a Directive of the European parliament and of the Council on the fight against fraud to the Union's financial interests by means of criminal law // COM/2012/0363 final - 2012/0193 (COD).

¹⁰ URL: <https://www.eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52012PC0363> (дата обращения 2 марта 2018 г.).

ва¹¹. Директива 2017/1371 заменяет Конвенцию 1995 г.¹² (и Протоколы к ней) для всех государств ЕС (кроме Дании и Великобритании, в отношении которых Конвенция продолжит действовать). Таким образом, европейцы перешли с конвенционных на коммунитарные рельсы в борьбе с преступностью в этой сфере. Тенденция, однако.

После решения Суда ЕС по делу Тарико и др. С-105/14¹³, в котором уточняется, что мошенничество с НДС уже охвачено Конвенцией 1995 г., Совет и Европарламент нашли компромисс. Директива охватывает мошеннические действия в отношении «общей системы НДС» в соответствии с Директивой Совета 2006/112/ЕС¹⁴. Преступления в отношении НДС должны рассматриваться в качестве серьезных, если они связаны с территорией двух или более государств-членов, являются результатом мошеннической схемы с целью уклонения от уплаты НДС, и общая сумма ущерба составила не менее 10 000 000 евро. В размер ущерба включаются все суммы - результат всей схемы мошенничества в отношении всех заинтересованных государств ЕС и самого Союза (за исключением процентов и штрафов).

Директива устанавливает правила, касающиеся определения преступлений и наказаний в отношении борьбы с незаконными действиями против финансов ЕС (в соответствии с коммунитарными документами в этой сфере). Директива предусматривает ми-

¹¹ Directive (EU) 2017/1371 of the European Parliament and of the Council of 5 July 2017 on the fight against fraud to the Union's financial interests by means of criminal law // OJ L 198, 28.7.2017, p. 29–41.

¹² Council Act of 26 July 1995 drawing up the Convention on the protection of the European Communities' financial interests // URL: <http://www.eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:C:1995:316:TOC> (дата обращения 2 марта 2018 г.).

¹³ Judgment of the Court (Grand Chamber) of 8 September 2015. Criminal proceedings against Ivo Taricco and Others. URL: <http://www.curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-105/14> (дата обращения 2 марта 2018 г.).

¹⁴ Council directive 2006/112/EC of 28 November 2006 on the common system of value added tax. URL: <http://www.eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2006:347:0001:0118:en:PDF> (дата обращения 2 марта 2018 г.).

нимальные правила; государства-члены могут принимать или поддерживать более строгие правила.

Согласно ст. 3 Директивы должны быть криминализованы деяния:

«(А) в отношении расходов, не связанных с закупками, любые действия или бездействия, связанные с:

(I) использованием или представлением ложных, неправильных или неполных сведений, или документов, которые влекут за собой незаконное присвоение или противоправное удержание средств или активов из Союзного бюджета или бюджетов, управляемых Союзом, либо от его имени;

(II) неразглашением информации в нарушение конкретного обязательства с таким же эффектом; или

(III) неправильным использованием таких средств или активов для целей, отличных от тех, для которых они были первоначально предоставлены;

(В) в отношении расходов, связанных с закупками, по крайней мере, когда они совершаются в целях совершения незаконной выгоды для исполнителя или другого, причинив ущерб финансовым интересам Союза, любые действия или бездействие, связанные с:

(I) использованием или представлением ложных, неправильных или неполных сведений, или документов, которые влекут за собой незаконное присвоение или противоправное удержание средств или активов из союзного бюджета или бюджетов, управляемых Союзом, или от его имени;

(II) неразглашением информации в нарушение конкретного обязательства с таким же эффектом; или

(III) неправильным использованием таких средств или активов для целей, отличных от тех, для которых они были первоначально предоставлены, что наносит ущерб финансовым интересам Союза;

(С) в отношении выручки, отличной от выручки, вытекающей из собственных средств НДС, указанных в пункте (d), любого действия или бездействия, относящихся к:

(I) использованию или представлению ложных, неправильных или неполных сведений, или документов, что влечет за собой

незаконное сокращение ресурсов бюджет Союза или бюджетов, управляемых Союзом, или от его имени;

(II) неразглашению информации в нарушение конкретного обязательства с таким же эффектом; или

(III) неправильному применению юридически полученного пособия с таким же эффектом;

(D) в отношении доходов от НДС, любые действия или бездействие, совершенные в трансграничных мошеннических схемах в отношении:

(I) использования или представления ложных, неправильных или неполных сведений, или документов, связанных с НДС, что влечет за собой уменьшение ресурсов бюджет Союза;

(II) неразглашения информации, связанной с НДС, с нарушением конкретного обязательства с таким же эффектом; или

(III) представления правильных заявлений, связанных с НДС, в целях мошеннической маскировки неуплаты или неправомерного создания прав на возмещение НДС».

В Директиве закреплено не только «мошенничество», но и другие формы незаконной деятельности, наносящие вред бюджету ЕС (отмывание денег, препятствование процедурам государственных закупок и др.). Решающим признаком является то обстоятельство, что они финансируются за счет бюджета ЕС и, следовательно, за счет всех европейских налогоплательщиков.

Криминализованы многие преступления, затрагивающие финансовые интересы Союза. В частности, отмывание денег (ст. 1(3) Директивы 2015/849¹⁵), полученных в результате нарушения Директивы 2017/1371 г. Наказуема и коррупция (активная пассивная), связанная с бюджетом ЕС. Криминализовано и «незаконное присвоение».

Понятие «государственного должностного лица» включает в себя несколько групп лиц. В их числе:

¹⁵ Directive (EU) 2015/849 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2015 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing, amending Regulation (EU) No 648/2012 of the European Parliament and of the Council, and repealing Directive 2005/60/EC of the European Parliament and of the Council and Commission Directive 2006/70/EC // OJ L 141, 5.6.2015, p. 73–117.

а) должностное лицо Союза или национальное должностное лицо, в том числе другого государства-члена ЕС либо третьей страны;

б) «официальный представитель Союза», охватывающий как:

- официальных чиновников ЕС или других служащих по контракту в свете Регламента Совета № 259/68¹⁶ или

- лицо, прикомандированное к ЕС государством-членом или любым государственным либо частным органом, который выполняет функции, эквивалентные, выполняемым должностными лицами ЕС или другими служащими.

«Национальное должностное лицо» понимается со ссылкой на законодательство государства-члена или третьей страны. Этот термин включает любое лицо, имеющее исполнительную, административную или судебную должность на национальном, региональном или местном уровне. Субъектами преступления также признаются: а) депутаты законодательного органа на национальном, региональном или местном уровне; б) «любое другое лицо, назначенное и осуществляющее функцию государственной службы, связанную с управлением или решениями относительно финансовых интересов Союза в государствах-членах или третьих странах».

В государствах ЕС должно быть криминализовано нечестное поведение участников торгов в государственных закупках. Он охватывает поведение, в соответствии с которым искажается истинная информация в ходе торгов. Такое положение уже закреплено в ряде государств ЕС, однако уровень наказаний значительно варьируется.

Государства-члены принимают необходимые меры для обеспечения того, чтобы юридические лица могли нести ответственность за любое из вышеуказанных преступлений, совершенных в их интересах любым лицом, действующим либо индивиду-

¹⁶ Regulation (EEC, Euratom, ECSC) No 259/68 of the Council of 29 February 1968 laying down the Staff Regulations of Officials and the Conditions of Employment of Other Servants of the European Communities and instituting special measures temporarily applicable to officials of the Commission // OJ L 56, 4.3.1968, p. 1–7

ально, либо как часть органа юридического лица и занимающий лидирующие позиции в организации на основании: а) право представительства юридического лица; б) полномочия принимать решения от имени юридического лица; или в) полномочие осуществлять контроль в пределах юридического лица.

Юридические лица должны нести ответственность, если отсутствие контроля сделало возможным совершение лицом, находящимся под его руководством, любого деяния в интересах этого юридического лица. При этом ответственность юридических лиц не исключает возможности уголовного преследования индивидов, непосредственно виновных в «мошенничестве».

Преступления, упомянутые в ст. 3 и 4 Директивы, должны наказываться лишением свободы на срок не менее четырех лет (когда они влекут значительный ущерб или преимущество). Ущерб или преимущество считаются «значительными», если они составляют более 100 000 евро. В тех случаях, когда вред менее 10 000 евро государства могут предусматривать иные санкции, кроме уголовных».

Введение минимальных санкций обеспечит согласованность наказаний, применяемых в любом государстве ЕС за соответствующие деяния, в результате чего финансовые интересы Союза будут защищены эффективным и эквивалентным образом. Минимальная санкция (шесть месяцев лишения свободы) остается пропорциональной по отношению к серьезности правонарушений, а также гарантирует, что Европейский ордер на арест может быть выдан и исполнен за преступления, перечисленные в ст. 2 Рамочного решения о Европейском ордере на арест¹⁷, таким образом, что сотрудничество судов и правоохранительных органов будет эффективным.

¹⁷ Council Framework Decision 2002/584/JHA of 13 June 2002 on the European arrest warrant and the surrender procedures between Member States - Statements made by certain Member States on the adoption of the Framework Decision // OJ. L 190, 18.07.2002. P. 1-20.

При этом, если преступление, упомянутое в ст. 3-5 Директивы, совершено в составе организации, это считается отягчающим обстоятельством (в смысле Рамочного решения 2008/841/ЈНА¹⁸).

Юридические лица, которые использовались для совершения преступления, должны подвергаться «действительным, пропорциональным и сдерживающим санкциям». Это может включать штрафы и другие санкции: а) исключение из состава лиц, получающих право на публичные льготы либо помощь; б) исключение из процедур открытых торгов; в) дисквалификация от коммерческой деятельности; г) помещение под судебный контроль; д) ликвидация по решению суда.

Статья 10 Директивы требует использования таких мер, как замораживание и конфискации доходов и средств, полученных от преступлений, и указывает на необходимость применения Директивы 2014/42/ЕС¹⁹.

В ст. 11 Директивы определены правила осуществления юрисдикции. Оно основано на принципах территориальности и личности. Он применим ко всем правонарушениям, что требует наличия у правоохранительных органов компетенции, которая позволит им инициировать расследования и привлекать к ответственности соответствующих лиц. Ввиду того, что Директива не допускает судебного преследования случаев мошенничества, когда государства-члены не могут осуществлять юрисдикцию, государства-члены и Комиссия будут делиться доказательствами мошеннического поведения, совершенного за пределами территории Союза гражданами третьих стран с соответствующими государствами и сотрудничать с целью преследования таких лиц.

Директива требует от государств-членов установления минимального срока давности за «мошенничество» (не менее пяти лет с момента совершения преступления).

В ст. 14 регламентировано сотрудничество между государствами-членами и ОЛАФ, а также другими институтами, органа-

¹⁸ Council Framework Decision 2008/841/JHA of 24 October 2008 on the fight against organised crime // OJ L 300, 11.11.2008, p. 42–45

¹⁹ Directive 2014/42/EU of the European Parliament and of the Council of 3 April 2014 on the freezing and confiscation of instrumentalities and proceeds of crime in the European Union // OJ L 127, 29.4.2014, p. 39.

ми, офисами или агентствами ЕС. Государства-члены ЕС, Евроюст, Европейская прокуратура и Комиссия сотрудничают друг с другом в борьбе с «директивными» преступлениями. Еврокомиссия и Евроюст оказывают соответствующую техническую и оперативную помощь компетентным национальным органам в координации расследований. В рамках правил трансграничного сотрудничества и взаимной правовой помощи по уголовным делам компетентные органы государств-членов могут обмениваться информацией с Комиссией с соблюдением конфиденциальности и норм о защите данных.

Счетная палата и аудиторы, ответственные за проверку бюджетов союзных институтов, органов, ведомств и агентств, раскрывают ОЛАФ в соответствии с Регламентом Европарламента и Совета № 883/2013²⁰ и компетентным органам любые факты, которые могут квалифицироваться как «мошенничество».

Таким образом, ЕС защищает деньги своих налогоплательщиков, используя все возможности, предлагаемые Договором о ЕС. По мнению институтов ЕС, общие правила во всех государствах ЕС уменьшают риски различной практики. Они также укрепляют «сдерживающий эффект» и уменьшают желание потенциальных преступников перейти к более мягким юрисдикциям в рамках Союза. Как видим, расхищают бюджет и в Европейском союзе. Однако ЕС пытается бороться с этими явлениями. Получается, правда, не очень. Но заслуживает внимания разграничение юрисдикции при расследовании трансграничных преступлений и использование коммунитарных инструментов в борьбе с ними. Думаю, к опыту ЕС в этой сфере следует присмотреться, поскольку в рамках ЕАЭС могут возникнуть аналогичные проблемы.

²⁰ Regulation (EU, Euratom) No 883/2013 of the European Parliament and of the Council of 11 September 2013 concerning investigations conducted by the European Anti-Fraud Office (OLAF) and repealing Regulation (EC) No 1073/1999 of the European Parliament and of the Council and Council Regulation (Euratom) No 1074/1999. URL: <https://www.publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/d1866152-203f-11e3-8d1c-01aa75ed71a1/language-en> (дата обращения 2 марта 2018 г.).

ДЕЙСТВИЯ ПОВСТАНЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ В СВЕТЕ ПРИСВОЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВУ

Иван Артемович Визиров

*Студент кафедры международного права
Российский университет дружбы народов
vizirow@rambler.ru*

В современном мире, в эпоху, которая характеризуется стремительным развитием глобализационных процессов и тесным сотрудничеством государств по широкому кругу вопросов, с одной стороны, и нестабильным или стабильно критическим положением некоторых регионов земного шара – с другой, важная роль отведена международному праву как главному регулятору отношений между государствами. «Необходимым условием повышения эффективности международного права является совершенствование механизма его действия»¹. Таким образом, огромное значение имеет исполнение международно-правовых обязательств, предусмотренных для государств договорными и обычными нормами международного права. Однако, государства не всегда следуют принятым на себя обязательствам. В таких случаях речь идёт о международно-противоправных деяниях, каждое из которых влечёт за собой международно-правовую ответственность для государства, его совершившего. Тема ответственности государств за международно-противоправные деяния всегда представляла собой большую значимость для развития и укрепления дружественных отношений и осуществления конструктивного сотрудничества между ними.

Основанием международной ответственности государства является совершение международно-противоправного деяния. Комиссией международного права (далее – КМП) было определено

¹ Лукашук И.И. Право международной ответственности. М., Волтерс Клувер, 2004. С. 1.

содержание международно-противоправного деяния – два его составляющих элемента, совокупное наличие которых позволяет говорить о деянии государства, как о международно-противоправном. Таковыми элементами являются: присвоение деяния (действия или бездействия) государству и нарушение международно-правового обязательства государства, причиненное этим деянием². Зачастую, именно вопрос о присвоении является камнем преткновения в реализации принципа ответственности и вызывает множество трудностей. В международной судебной практике существуют примеры, когда установление факта нарушения международно-правового обязательства не составляло проблем, однако, оспариваемыми моментами являлись вопросы присвоения поведения конкретному государству. Это четко просматривается в деле о Фосфатах в Марокко 1938 г.

Среди прочих оснований присвоения поведения государству, особый интерес вызывает присвоение поведения повстанческого движения. Примечательно, что изначально поведение всего движения или отдельных его членов рассматривается исключительно как действия физических лиц, которые ничего общего с государственной волей не имеют. Наоборот, такие действия противоречат официальной позиции государственной власти и мешают государству контролировать свою деятельность. Общий принцип, согласно которому деяния координационных органов повстанческих движений не могут присваиваться государству был подтвержден государствами на Гаагской конференции по кодификации международного права 1930 года³, проходившей под эгидой Лиги Наций. Также этот принцип находит подтверждение в ряде решений международных арбитражных органов, в частности в решении по делу

² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. Ответственность государств за международно-противоправные деяния. 12 декабря 2001 г. A/RES/56/83. URL: <http://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/477/99/PDF/N0147799.pdf?OpenElement> (дата обращения 10.04.2018 г.)

³ League of Nations, Conference for the Codification of International Law, Bases of Discussion ... (see footnote 88 above), p. 108; and ment to Volume III ... (see footnote 104 above), pp. 3 and 20.

«*Solis*» (*U.S.A. v United Mexican States*), в котором он характеризуется как «твердо устоявшийся принцип международного права»⁴.

Однако, нередко случаются ситуации, при которых повстанческое или иное движение достигает своих целей: становится новым правительством государства либо создает новое государство. В таком случае ситуация меняется кардинальным образом. Было бы несправедливо, если бы новая администрация или вновь созданное государство могли бы избежать ответственности за совершенные ими ранее действия⁵. Статья 10 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния (далее – Проект статей), подготовленного КМП, устанавливает, что государству присваивается поведение повстанческого или иного движения. Согласно части 1 указанной статьи, в качестве деяния государства рассматривается поведение повстанческого движения, ставшего новым правительством. В таком случае органы, которые являлись координирующими и направляющими для повстанческого движения, становятся органами государственной власти государства. При этом государство не перестает существовать как субъект международного права, несмотря на изменения, происходящие в его внутривнутриполитической жизни. Более того, государство будет нести ответственность как за действия повстанческого движения, совершенные во все время борьбы за власть, так и за действия предыдущего правительства. Важно отметить, что создание нового правительства подразумевает собой полную замену структуры предыдущего правительства на структуру повстанческого движения. Положения части 1 статьи 10 не распространяются на случаи формирования правительств национального примирения, которые являются следствием компромисса между действующим правительством и лидерами оппозиционного повстанческого движения. Такой компромисс зачастую достигается для мирного урегулирования конфликтных ситуаций путем включения в состав правительства представителей оппозиционных сил. При

⁴ UNRIIAA, vol. IV (Sales No. 1951.V.1), p. 358, at p. 361 (1928).

⁵ Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with commentaries. 2001. P. 50. URL: http://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_6_2001.pdf (дата обращения 10.04.2018 г.)

таких обстоятельствах отсутствует реальная и существенная преемственность между движением и образованным впоследствии правительством.

Часть 2 статьи 10 присваивает поведение повстанческого движения, которому удалось создать новое государство на части территории уже существовавшего государства или на какой-либо территории под его управлением, вновь созданному государству. Создание государства происходит путем сепарации или деколонизации определенной территории, которая либо принадлежала государству-предшественнику, либо имела другой правовой статус зависимой от него территории. В этом случае основанием присвоения также является преемственность между координационными и направляющими органами повстанческих движений и органами власти вновь созданного государства. С момента своего возникновения новое государство ответственно за всю деятельность повстанческого движения, которая была им осуществлена в борьбе за создание этого же государства. При этом государство-предшественник не несет ответственность за такого рода деяния.

В целом, положения о присвоении, закрепленные в статье 10 подтверждаются рядом решений международного арбитража. Например, в решении по делу железно-дорожной компании «Боливар», принятом англо-венесуэльской смешанной претензионной комиссией указано: «Государство несет ответственность за обязательства победоносной революции с самого начала этой революции, так как теоретически она выражает собой *ab initio* изменение национальной воли, окончательно сформированное в успешном исходе революции»⁶. Решение по делу французской компании венесуэльских железных дорог («*French Company of Venezuelan Railroads case*»), рассмотренного в рамках франко-венесуэльской смешанной претензионной комиссии, подчеркивает, что государство не может нести ответственность за действия революционных движений, если только революция не обрела успех. В противном случае такие деяния влекут ответственность государства в соответствии с общепризнанными нормами международного права. Принцип ответственности государств за деятельность повстанческого движения, в случае его успеха, государства признали на

⁶ UNRIAA, vol. IX (Sales No. 59.V.5), p. 445, at p. 453 (1903).

упоминаемой ранее Гаагской конференции по кодификации международного права 1930 года.

Практически всегда повстанческие движения сопряжены с нарушениями действующего законодательства государства. Сам по себе факт революционного свержения действующей власти порождает сомнения по поводу легитимности и законности нового правительства. Однако, осознавая специфику отрасли международной ответственности, КМП в комментариях к Проекту статей указала на нецелесообразность ссылаться на качество легитимности или законности правительства при решении вопроса о присвоении поведения. В целях международной ответственности основное внимание должно быть сосредоточено непосредственно на поведении и его законности по международному праву.

НОРМОТВОРЧЕСТВО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: АСПЕКТЫ ТЕОРИИ ПРАВА

Мария Александровна Герасимова

Студент

*Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)*

mariya.gerasimova2211@yandex.ru

Современную нормотворческую деятельность характеризуют сложившиеся потребности общественного развития, непосредственно — социальные права и назревшая необходимость правовых нововведений. Нормотворчество по своей природе представляет собой особую деятельность государства, которая непосредственно связана с потребностями общества, касается почти каждой сферы деятельности человека. Ставит перед собой цель придать воле общества нормативный характер, который, в свою очередь, выражается как результат обобщения и фиксации устойчивых, повторяющихся социально полезных отношений и поступков людей. В каждом государстве нормотворчество направлено на создание и совершенствование единой, внутренне согласованной и непротиворечивой системы норм права. И актуальным, и нуждающимся в рассмотрении остается основной вопрос: «распространяются ли данные аспекты теории права на систему международного права?».

В теории права нормотворчество предполагает деятельность управомоченных государственных органов, наделенных соответствующей компетенцией (правом на издание нормативных правовых актов), субъекты, заключающие договоры нормативного характера, органы местного самоуправления, которые являются негосударственными органами, но им государством дано право издавать нормативные правовые акты в рамках их компетенции и

народ при принятии законов в ходе референдума¹. А в международном праве заметны явные отличия, во-первых, особый порядок создания норм права. Нормы создаются самими субъектами, прежде всего, государствами. Это говорит о том, что в международном праве отсутствуют специальные нормотворческие органы, во-вторых, следовательно, отсутствуют и органы принуждения, главной функцией которых являлся бы контроль над исполнением закрепленных норм. Так, на международном уровне нормы права создаются следующими путями.

1. Согласование государствами волей (позиций) общих положений. В качестве такового выступает любой международный договор, являясь по своей сущности источником международного права. Например, Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД), который был заключен между США и СССР 1987г., где субъекты, участвующие в соглашении, абсолютно самостоятельны и юридически равны по отношению друг к другу, но согласование волей является одним из самых важных признаков, которое находит выражение в содержании самой нормы². Также обязывает субъектов соблюдать данную норму (от их воли зависит характер обязательной силы нормы) и, как правило, государства по своему усмотрению могут придать той или иной норме юридическую или морально-политическую силу. Исходя из этого нормотворчество международного права государствами (основными субъектами международного права) выполняется путем достижения соглашения о содержании нормы и о придании ей обязательной силы.

2. Тождественное восприятие целей. По отношению к международным договорам тождественное восприятие целей непосредственно связано с предыдущим аспектом — согласованием волей государств. Участники договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г. обязуются сотрудничать в целях содействия

¹ Протасов В. Н. Теория государства и права: учебник для бакалавров. М.: Издательство Юрайт, 2014. С. 254-255.

² Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности от 08 декабря 1987 г. // Ведомости Верховного Совета СССР прил. к N 28, 13.07.88.

применению гарантий Международного агентства по атомной энергии в отношении мирной ядерной деятельности³. Так, тождественное восприятие целей и согласование воле государств соприкасаются и являются одной из главных предпосылок нормотворчества.

Сложнее определить статус международных организаций по отношению к нормотворческой деятельности, так как не все акты международных организаций содержат нормоустановительные положения, ведь они носят, с одной стороны, «рекомендательный» (полномочия Генеральной Ассамблеи согласно ст. 10, 11, 13 Устава Организации Объединенных Наций (далее – Устав ООН), с другой стороны, правоприменительный характер (подчинение членов ООН решениям Совета Безопасности, связанные с правоприменительной деятельностью согласно ст. 25 Устава ООН)⁴.

Рекомендации/рекомендательный характер актов международного права не содержат юридически обязательных норм, но представляться в качестве таковых могут после их признания остальными участниками-членами международных организаций.

Правоприменительные акты/правоприменительный характер актов международных организаций содержат юридически обязательные индивидуально-конкретные нормы, которые распространяются только внутри той или иной организации (т.е. на государств-участников). Несмотря на формы и содержание актов международных организаций, они принимаются путем тождественного восприятия целей государствами-участниками международных организаций⁵. Например, в рамках Международного агентства по атомной энергии (англ. *International Atomic Energy Agency*, сокр. *IAEA*), (далее-МАГАТЭ), были приняты: Конвенция об оператив-

³ Резолюция ГА ООН. Договор о нераспространении ядерного оружия. 12 июня 1968 г. A/RES/2373 (XXII). URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/240/75/IMG/NR024075.pdf?OpenElement> (дата обращения: 3 февраля 2018 г.).

⁴ Морозов Г.И. Вопросы правовой природы ООН и их теоретическое и практическое значение / Г.И. Морозов // Ученые записки / Институт международных отношений. – М.: Издательство ИМО, 1962. – Выпуск 10. – С. 63 – 94.

⁵ Международное право: учебник / Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. 3-е изд. М., С. 59-66.

ном оповещении о ядерной аварии, принятая Генеральной конференцией МАГАТЭ на ее специальной сессии 26 сентября 1986г., где государства-участники, понимая важность решения данного вопроса (а именно: обеспечение высокого уровня безопасности), тождественно воспринимают следующую цель: сведение к минимуму трансграничных радиационных последствий⁶; Конвенция о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации 1986 г., согласно которому тождественно воспринимается следующая цель: смягчение последствий в случае, если произойдет ядерная авария или радиационная аварийная ситуация, и сведение к минимуму последствий любой такой аварии⁷. В рамках Международной Организации Труда (англ. *International Labour Organization, ILO*), (далее – МОТ), были приняты более 300 конвенций и рекомендаций, которые уточняют, дополняют конвенции и предоставляют широкую возможность для государств-участников при заимствовании международных норм. Например, одна из таких рекомендаций – положения Рекомендации Международной Организации Труда от 12 мая 1944 г. N 67 «Об обеспечении дохода» детализируют Конвенцию МОТ №168 «О содействии занятости и защите от безработицы»⁸, тождественно воспринимая такую же цель как в Конвенции: обеспечение благосостояния, лучших условий труда, экономическое развитие и социальное обеспечение⁹.

Так, резолюция, которая призвана соглашения международных организаций не толковать, а конкретизировать нормы, выра-

⁶ Конвенция об оперативном оповещении о ядерной аварии от 26 сентября 1986г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. №11. Ст. 168.

⁷ Конвенция о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации от 26 сентября 1986г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. №11. Ст. 169.

⁸ Рекомендации Международной Организации Труда от 12 мая 1944 г. N 67 «Об обеспечении дохода». // Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией труда. 1919 - 1956. Т. I". Женева, Международное бюро труда, 1991.

⁹ Конвенцию Международной Организации Труда №168 «О содействии занятости и защите от безработицы от 21 июня 1988г. // Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией труда. 1957-1990. Т. II". Женева, Международное бюро труда, 1991.

женные в этих соглашениях, есть не что иное, как нормотворчество¹⁰.

Из этого можно сделать определенный вывод по поводу споров оценки резолюций Генеральной Ассамблеи ООН: «Каким образом воспринимать резолюции Генеральной Ассамблеи в нормотворческой деятельности? Являются ли они нормативными актами?». Например, оценивая резолюцию Генеральной Ассамблеи, по поводу которого ведутся актуальные споры — Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 г., можно прийти к выводу, что нормы, содержащиеся в Декларации не толкуют, а конкретизируют нормы, раскрывающие принципы Устава¹¹. Так, небезосновательно можно утверждать, что данная Декларация является частью нормотворческой деятельности в международном праве.

Также интересно порассуждать о нормотворческой деятельности Совета Безопасности ООН, решения которого до сих пор ограничиваются правоприменением. Началом его нормотворческой деятельности является принятие 28 сентября 2001 г. после ряда террористических актов в Нью-Йорке (11 сентября 2001г.), Вашингтоне (округ Колумбия) и Пенсильвании резолюции 1373 «Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые террористическими актами». Целью резолюции является предотвращение и пресечение на своей территории, с использованием всех законных средств, финансирования и подготовки любых актов терроризма¹². Также ярким примером нормотворчества Совета Безопасности ООН выступает резолюция 1540 (*United Nation Security Council Resolution 1540*) от 28 апреля 2004г., которая направлена на установление барьеров от распространения орудий

¹⁰ Международное право: учебник / Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. 3-е изд. М., 2005. С. 65.

¹¹ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г. // Международное право. Сб. документов. М., 2000. 5.

¹² Резолюция Совета Безопасности ООН от 28 сентября 2001г. № 1373 (2001). URL: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2001> (дата обращения 28 января 2018г.).

массового уничтожения (далее – ОМУ) и его компонентов на террористические организации¹³. Особенностью данной резолюции является то, что она обязательна и для тех государств, которые не подписали такое соглашение, как Договор о нераспространении ядерного оружия (далее – ДНЯО). В частности, это Индия, Израиль, Пакистан, которые остались вне ДНЯО. Таким образом, данные акты распространяются не на отдельный ряд государств, а на все государства в интересах всего международного общества в целом.

Еще сложнее установить в сфере международного нормотворчества статус международно-правовых обычаев, которые представляют собой доказательство общей практики права, включающие 3 признака: общеобязательность, продолжительность применения и его единообразность. Легальное определение международного обычая закрепляется в ст. 38 Статута Международного Суда ООН¹⁴. Чтобы обычай начинал действовать в качестве общеобязательной нормы, необходимо его признание государствами (субъектами международного права). В данном случае признание обычая предполагает быть обусловленным историческим процессом, не противоречивым общеобязательным принципам и нормам международного права.

Особенность состоит в том, что сложно установить: «Признает ли то или иное государство юридическую обязательность правила?». Это можно определить из субъективного отношения государства к тому или иному правилу (исходить можно из выступления на конференции, принятия соответствующих или несоответствующих внутригосударственных актов, ссылки на резолюции Генеральной Ассамблеи и др.).

Из современной практики можно утверждать, что они появляются в качестве необходимых мер регулирования международного общества (существует международный обычай *«pacta sunt servanda»* -договоры должны соблюдаться»), и когда та или иная

¹³ Резолюция Совета Безопасности ООН от 28 апреля 2004г. № 1540 (2004). URL: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2001> (дата обращения 28 января 2018г.).

¹⁴ Статут Международного Суда ООН от 26 июня 1945г. URL: <http://www.un.org/ru/icj/statut> (дата обращения 30 января 2018г.).

необходимость не утверждена в официальных источниках международного права. Так, в силу намерений государств, придать международным обычаям нормативный характер, долгосрочность существования и продолжительное исполнение его государствами, международные обычаи занимают важное место в нормотворческой сфере международного права. К примеру, установление границ воздушного и космического пространства. В настоящее время существует такой международно-правовой обычай, устанавливающий воздушные границы суверенитета 100-110 км от уровня земли. Возникает вопрос: «Как возник данный обычай, как установилась его юридическая обязательность и почему высота выражается именно в российских километрах?». Отвечая на эти вопросы, следует вспомнить некоторые исторические моменты. Триумфальным событием 20 века стал запуск в космическое пространство первого искусственного спутника Земли 4 октября 1957 г., которое стало предпосылкой регулирования космической деятельности и решения правовых вопросов, связанных с воздушным пространством. В 1961 г. делегация СССР предложила в Комиссии по космосу, созданной в 1959 г., установить 100-110 км. Возражений не было. Следовательно, данное предложение установилось в качестве обычной нормы.

Таким образом, двумя важнейшими признаками международного обычая являются всеобщая практика и *opinio juris* (признание в качестве юридически обязательного). Так, допустим, обыкновения не признаются в качестве результата нормотворческой деятельности, так как обладают лишь одним признаком - длительное существование¹⁵.

3. Если же позиции государств не совпадают, цель достигается иными путями, как уступкой или с помощью компромисса. Каждое государство, заключая то или иное соглашение, действует в своих интересах и, конечно же, стремится извлечь из норм соглашения максимум пользы для удовлетворения своих целей. Но если государство не будет учитывать интересы другой стороны, а будет настаивать только на своей позиции, соглашения вовсе не достичь. Поэтому существует уступка — отказ от части своих

¹⁵ Международное право: учебник / Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. 3-е изд. М., 2005. С. 71-72.

требований и компромисс — соответствующий отказ от части своих требований другим государством. Это называется отказ от части своих интересов ради достижения соглашения. Любой международный договор, акт международной организации, международный обычай являются результатами уступки или компромисса¹⁶.

Обозначив цели, государства приступают к заключению договора, которая строится из нескольких стадий. В теории права законодательная процедура представляют собой сложную и длящуюся во времени деятельность и включает следующие стадии:

1. Реализации права законодательной инициативы (Например, в ст. 104 Конституции РФ, ч1. ст.76 Основного закона Германии перечислены субъекты законодательной инициативы, в США этим правом обладают только парламентарии),

2. Обсуждение законопроекта, который обычно проходит в три чтения, иногда в четыре, осуществляемое как на пленарных заседаниях палат, так и в постоянных комитетах.

3. Принятие законопроекта (путем голосования),

4. Промульгация и издание закона (осуществляется главой государства после принятия закона парламентом)¹⁷.

В международном праве нет таких однозначных стадий в процессе создания норм, так как в результате согласования волей/позиций государств, тождественного восприятия целей, производится баланс/сочетание их прав и обязанностей. В этом случае одно государство наделяется одним комплексом прав и обязанностей, а другое государство другим комплексом для достижения желаемого результата¹⁸.

В заключении еще раз отмечу, что аспекты теории права не распространяются на международное право, в том числе и на сферу нормотворчества. Государство. Вот главный субъект международного права, осуществляющий нормотворческие функции. Да, и в теории права объясняется, что государство осуществляет нормо-

¹⁶ Международное право: учебник / Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. 3-е изд. М., 2005. С. 59-66.

¹⁷ Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран: учебник. М.: Юристъ, 2002. С. 335.

¹⁸ Международное право: учебник / Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. 3-е изд. М., 2005. С. 39-41.

творческую деятельность, но ведь не само государство в целом, а его органы (законодательные, исполнительные, судебные), наделенные соответствующей компетенцией. А в международном праве нормотворчество осуществляется государствами путем согласования воли, тождественных восприятий целей, уступок и компромиссов, признавая юридическую обязательность содержания текста договора.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ РЕКИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Ф.Н. Джабборов

*Прикрепленное лицо сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской Академии наук, научный сотрудник отдела международного права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан
jabborovf@mail.ru*

Начиная с середины XIX века стало употребляться понятие «международная река». Парижский мирный договор 1814 г. является первым актом, в котором закреплено положение, касающееся международных рек. В соответствии со ст. 5 указанного договора, при установлении свободы судоходства по Рейну, Венскому конгрессу поручалось установить режим навигации для рек, в своем судоходном течении разделяющих или пересекающих различные страны¹. Но при этом не употребляется понятие «международная река». Положение о международных реках было закреплено и в ст. 108 Заключительного акта Венского конгресса и означало судоходные воды двух или более государств независимо от их расположения на одном берегу или на противоположных².

С.А. Гуреев и И.Н. Тарасова указывают, что в положениях названных актов два критерия позволяют признать реку международной и установить на ней международный режим судоходства:

- 1) физический, т. е. пригодность реки для судоходства;

¹ См.: Гуреев С.А., Тарасова И.Н. Международное речное право. — М., 2004. — С. 16.

² См.: Lawson F. Sustainable Development along International Watercourses: Is Progress Being Made? // Water Law Review. — 2009. — Vol. 16. — P. 323.

2) геополитический, т. е. факт пересечения или разделения рекой территории двух или более стран³.

Впервые понятие «международная река» ввел в доктрину французский ученый Э. Энгельгардт в 1879 г. Статья 1 его проекта, предоставленного Институту международного права, гласит: «Всякая река, которая разграничивает или пересекает несколько государств, будет рассматриваться и должна быть регулирована, что касается судоходства, как общее достояние этих государств», а в ст. 4 автор добавляет: «В состав общего достояния входят все верховные судоходные разветвления реки, а равно берега и все порты реки»⁴.

Следующие значительные события в данной области произошли после Первой мировой войны. После заключения Версальского мирного договора 1919 г. в международном праве появился третий критерий признания реки международной — это ее соединение с морем, хотя многие ученые указывали на данную проблему и раньше.

Как мы видим, регулирование водотоков вплоть до середины XX века было в общем спорадическим, отражая общее состояние международного права, а анализ международных правовых документов и доктрин XIX — первой половины XX веков показывает, что с самого начала «международная река» понималась как судоходная, а относительно геополитического критерия и критерия соединения с морем по крайней мере были разные трактовки⁵.

Современное развитие в данной области начинается фактически с Конвенции о режиме судоходства по Дунаю 1948 г.⁶ (далее — Конвенция о судоходстве по Дунаю), которая отражает признанные к тому времени принципы и нормы международного пра-

³ Lawson F. Sustainable Development along International Watercourses: Is Progress Being Made? // *Water Law Review*. — 2009. — Vol. 16. — P. 17

⁴ Цит. по: Казанский П. Договорные реки. Очерки истории и теории международного речного права. В 2 т. — Том 1. — Казань, 1895. — С. 53.

⁵ Например, по акту Барселонской конференции реки признались международными, если были судоходными и имели связь с морем, независимо от того, протекают ли они через территории двух или более государств.

⁶ См.: Конвенция о режиме судоходства по Дунаю // *Ведомости Верховного Совета СССР*. — 27.11.1949. — № 67.

ва⁷. Конвенция показывает, насколько изменился подход к пониманию международных рек. Согласно ст. 1 Конвенции «навигация на Дунае должна быть свободной и открытой для граждан, торговых судов и товаров всех государств, на основе равенства в отношении портовых и навигационных сборов и условий товарного судоходства».

М.В. Никотенева, оценивая содержание Конвенции о судоходстве по Дунаю, выделяет в ней четыре критерия отнесения рек к международным: если они, во-первых, судоходны, во-вторых, пересекают или разделяют территорию двух или более государств, в третьих, имеют непосредственную связь с морем, а в-четвертых, на основании договоренностей прибрежных государств открыты для плавания судов всех флагов. Согласие прибрежных государств на установление свободного судоходства на международных реках как четвертый критерий М.В. Никотенева называет «юридическим»⁸.

После этого в доктрине судоходные реки, которые по соглашению прибрежных государств использовались только прибрежными государствами⁹ и в которые не допускались суда не прибрежных государств⁹, и реки, протекающие по территории двух или более государств, но используемые в несудоходном режиме (ирригация, производство гидроэлектроэнергии, рыболовство, лесосплав и др.), стали называть «многонациональными»¹⁰. В связи с этим предлагалась классификация рек на международные и многонациональные.

В современном международном праве деление рек на международные и многонациональные предлагается несколькими ав-

⁷ См.: Шинкарецкая Г.Г. Советская договорная практика относительно разрешения споров в речной и морской деятельности // Советское государство и международное морское право. — М., 1997. — С. 127.

⁸ См.: Никотенева М.В. Правовые проблемы использования международных водотоков. — С. 34.

⁹ См.: Международное право / под ред. Блатовой Н.Т., Моджорян Л.А. — М., 1979. — С. 301.

¹⁰ См.: Международное право / под ред. Колосова Ю.М., Кривчиковой Э.С. — М., 2003. — С. 120.

торами, включая Ю.Я. Баскина¹¹, Н.А. Ушакова¹², И.И. Лукашука¹³ и др. На их взгляд, многонациональная река — это река, протекающая по территории нескольких государств и не имеющая выхода к морю, по которой плавание судов не прибрежных государств не допускается.

В частности, И.И. Лукашук считает многонациональные реки трансграничными в современном понимании и отмечает, что эти реки, протекающие по территории нескольких государств, либо не судоходны, либо судоходство носит местный характер, и эти реки не имеют выхода к морю¹⁴.

Противниками деления водотоков на международные и многонациональные выступают С.А. Гуреев, И.Н. Тарасова¹⁵, Б.М. Клименко¹⁶, Г.Н. Морозов¹⁷, М.В. Никотенева¹⁸ и др.

С.А. Гуреев и И.Н. Тарасова по этому поводу пишут: «Представляется, что такие не юридические критерии, лежащие в основе деления рек на международные и многонациональные, как судоходность и соединение с морем, в связи с достижением научно-

¹¹ См.: Баскин Ю.Я. Международно-правовые вопросы использования рек (судоходства, производство электроэнергии, ирригация) // Советский ежегодник международного права. — 1961. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — С. 253.

¹² См.: Ушаков Н.А. Международное право. — М., 2000. — С. 175.

¹³ См.: Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. — М., 2001. — С. 365.

¹⁴ См.: Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. — С. 365.

¹⁵ См.: Гуреев С.А., Тарасова И.Н. Международное речное право. — С. 19.

¹⁶ См.: Клименко Б.М. Международные реки. Правовые вопросы использования международных рек в промышленности и сельском хозяйстве. — М., 1969. — С. 16–17.

¹⁷ См.: Морозов Г.Н. Правовые аспекты гидростроения на внутренних водных путях международного значения: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1999. — С. 55.

¹⁸ См.: Никотенева М.В. Правовые проблемы использования международных водотоков. — С. 39.

технического прогресса в области гидротехники и транспортных средств становятся все более относительными»¹⁹.

Б.М. Клименко подтверждает, что судоходство не может быть единственным и решающим признаком международной реки, поэтому считает подразделение рек, пересекающих или разделяющих территории нескольких государств, на международные и многонациональные необоснованным. По его мнению, любая многонациональная река является международной.

С этими доводами можно согласиться. Действительно, если раньше судоходность понималась как естественная пригодность реки к судоходству, то после принятия ряда международных документов подход к пониманию термина «судоходность» был расширен. Так, статья 2 Правил пользования водами международных рек 1966 г.²⁰ (далее — Хельсинкские правила) устанавливает, что «реки и озера считаются “судоходными”, если они в их естественном или канализированном состоянии используются для коммерческого судоходства или благодаря их природному состоянию они могут быть использованы таким образом»²¹. Следует отметить, что до сих пор некоторые ученые под международными понимают только судоходные реки. В.И. Лисовский дает следующее определение международной реки: «Судоходная река, пересекающая территорию двух или нескольких государств и открытая для плавания торговых судов всех стран, согласно международным договорам,

¹⁹ См.: Гуреев С.А., Тарасова И.Н. Международное речное право. — С. 19.

²⁰ Хельсинкские правила являются результатом неофициальной кодификации обычных норм международного речного права, принятой профессиональной международной неправительственной организацией — Ассоциацией международного права. Хельсинкские правила предназначены для регулирования режима использования и охраны международного водосборного бассейна. Хотя Хельсинкские правила являются рекомендательным актом, принципы и нормы, установленные в них, носят обязательный характер в силу общепризнанности и обычного происхождения.

²¹ См.: Правила пользования водами международных рек // Основные международные правовые документы в области использования водных ресурсов. Материалы к проведению краткосрочных тренингов по международному водному праву для работников и специалистов государственных учреждений и НПО. г. Душанбе, 15–16 ноября 2011 г.

называется международной рекой»²². Аналогичное понятие дает В.Н. Гуцуляк, который пишет, что особую роль в развитии экономики играют крупные судоходные реки, пересекающие территории нескольких государств и имеющие судоходный выход в море. При этом он указывает, что если подобные реки открыты для плавания судов всех стран, их принято называть международными²³. В случае, когда подобные реки не являются судоходными, вышеизложенные авторы относят их к многонациональным рекам.

Г.Н. Морозов, признавая критерий соединения реки с морем, считает, что «международной» можно считать реку, протекающую по территории только одного государства и впадающую в море или озеро²⁴. При этом он приводит довод о том, что совместное использование рек и есть достаточное основание для признания реки «международной».

Более общее определение дал Я. Броунли: «Определение “международные” применительно к рекам означает лишь более общее наименование рек, которые географически и экономически связаны с территорией и интересами двух или более государств»²⁵.

Очевидно, слово «географически» в определении Я. Броунли означает, что река протекает по территории двух или более государств. Экономическая связь означает, что прибрежные государства заинтересованы в использовании реки с целью получения выгоды. Таким образом они укрепляют экономическое сотрудничество.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что в правовых актах и в литературе встречаются разные мнения по поводу определения международной реки. Авторы предлагают разные критерии для признания реки международной.

Проанализировав подобные источники, мы считаем, что геополитический критерий, т. е. факт пересечения водотоком терри-

²² См.: Лисовский В.М. Международное право. — Киев, 1955. — С. 150.

²³ См.: Международное публичное право / под ред. К.А. Бекяшева. — М., 2005. — С. 459 (автор параграфа — В.Н. Гуцуляк).

²⁴ См.: Морозов Г.Н. Правовые аспекты гидростроения на внутренних водных путях международного значения. — С. 55.

²⁵ См.: Броунли Я. Международное право в двух книгах. Книга первая. — М., 1977. — С. 390.

тории двух или более государств, или разделения рекой территории этих государств, является достаточным для признания реки «международной». Отсутствие интереса одной стороны в использовании водных ресурсов международной реки не означает, что ее следует считать национальной, поскольку в любом случае могут возникнуть интересы и согласно принципам и нормам международного права прибрежные государства имеют право ее использования. Можно согласиться с мнением С.А. Гуреева и И.Н. Тарасовой, которые предлагают толковать понятие международной реки в узком и широком смыслах²⁶. В узком смысле международная река — это река, которая используется в судоходном режиме. В свое время международные судоходные реки подразделялись на:

а) открытые международные реки, т. е. реки, в которых установлен свободный режим судоходства для плавания судов всех государств. Правовой режим этих рек устанавливается самими прибрежными государствами;

б) международные судоходные реки, в которых имеют право плавать только суда прибрежных государств. Правовой режим этих рек тоже устанавливается прибрежными государствами.

Понятие «международная река» в широком смысле появилось тогда, когда большее внимание уделялось несудоходному использованию водотоков, т. е. использованию рек для удовлетворения нужд населения, ирригации, производства гидроэлектроэнергии, рыболовства, лесосплава и т. д. В частности, Хельсинкские правила предусматривают принципы разумного и равноправного использования международных рек и международного водосборного бассейна в целом, ответственность государств в не нанесении существенного ущерба другим государствам единого бассейна, регулирует вопросы лесосплава и судоходства. Поэтому в широком смысле понятие «международная река» определяется как река, протекающая по территории двух или более государств, или по их границам, цель использования которой не имеет значения.

²⁶ См.: Гуреев С.А., Тарасова И.Н. Международное речное право. — С. 20.

РОЛЬ КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ООН В ЗАКРЕПЛЕНИИ ОСНОВ ТОЛКОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

Василий Сергеевич Зорин

*Студент Российского Университета Дружбы Народов
vsergzorin@gmail.com*

В современных международных отношениях роль и значение деятельности Организации Объединенных Наций (далее – ООН) сложно переоценить. В свете необходимости принятия усилий с целью кодификации и прогрессивного развития международного права следует отдельно остановиться роли Комиссии международного права (далее – КМП) в качестве вспомогательного органа Генеральной Ассамблеи ООН. КМП явилась тем органом, который сыграл наибольшую роль в повышении авторитета международного права, приданию ему большей системности, согласованию позиций многих государств, выступавших сторонами в процессе разработки важнейших международных конвенций, и в выработке надежного механизма обеспечения взаимопонимания большинства государств-членов ООН.

В соответствии с пунктом 1(а) статьи 13 Устава Организации Объединенных Наций Генеральная Ассамблея организует исследования и делает рекомендации в целях поощрения прогрессивного развития международного права и его кодификации¹. В целях выполнения своих обязательств согласно этому Положению Генеральная Ассамблея приняла решение об учреждении Комиссии международного права и утвердила Положение о ней в резолюции 174 (II) от 21 ноября 1947 года. Комиссия международного права является консультативным совещательным органом, который на глубокой научной основе принимает все меры для совер-

¹ Положение о Комиссии международного права от 21 ноября 1947 г. URL: <http://base.garant.ru/2541030/> (дата обращения 20.03.2018).

шенствования, правильного понимания, единого толкования, построения общей системы права.

В соответствии со ст. 17 Положения Комиссия международного права рассматривает переданные ей Генеральным секретарем предложения и проекты многосторонних конвенций, представляемые государствами – членами Организации Объединенных Наций, главными органами Организации Объединенных Наций (кроме Генеральной Ассамблеи), специализированными учреждениями или официальными органами, созданными по договоренности между правительствами для содействия прогрессивному развитию международного права и его кодификации. Если Комиссия сочтет целесообразным приступить к изучению таких предложений и проектов, то она предоставляет доклад и свои рекомендации Генеральной Ассамблее².

В современных условиях работа КМП особенно актуальна, когда, с одной стороны, есть необходимость опереться на международное право, как на универсальный инструмент регулирования международных отношений и фундамент международного правопорядка, а, с другой стороны, ввиду того, что положения международного права игнорируются государствами в силу политических амбиций.

Пренебрежение международным правом нередко связано с тем, какое содержание государства вкладывают в те или иные нормы международного права и как они толкуют положения, которые должны служить не разъединению, а установлению добрососедских отношений. Иными словами, институт толкования обладает фундаментальным значением и для теории международного права, и для практики.

В первую очередь, необходимо отдельно остановиться на целях толкования. В науке международного права общепринято выделять четыре школы, с точки зрения определения природы и целей толкования международных договоров.

Первая, школа намерений, предполагает, что целью толкования, в первую очередь, является выявление намерений сторон

² Statute of the International Law Commission, 21 November 1947. URL: <http://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/statute/statute.pdf> (дата обращения 10.03.2018).

при заключении договора. Основопологающее значение, при толковании данной школой, придается вспомогательным материалам – материалам конференций, на которых был принят и разработан данный договор, а также историческим предпосылкам и политическим условиям создания договора. Следует подчеркнуть, что сторонники данной школы отрицательно относятся или предельно занижают значение текста и последующей практики³.

Вторая школа – школа «текстуалистов». Ее основоположники исходят из того, что решающее значение также имеет воля субъектов, но только та воля, которая формально определена в самом тексте договора. Что же касается дополнительных средств толкования – подготовительных материалов и практики, то представители этой школы не рассматривают их в качестве средств толкования. Проф. И.И. Лукашук, критикуя учения данной школы, писал следующее: «Не отраженные в тексте намерения сторон лишены значения. Не учитывается и то обстоятельство, что нашедшая воплощение в тексте воля не остается неизменной, ее содержание развивается по взаимному согласию субъектов. Текст не может быть признан единственным объектом толкования уже в силу того, что школа «текстуалистов» характеризуется формализмом. Положительный момент лишь в том, что подчеркивается центральное положение текста среди средств толкования»⁴. Нельзя не согласиться с мнением проф. И.И. Лукашука. Действительно, центральное место в толковании занимает сам текст договора, так он как является итогом волеизъявления сторон, но также нельзя забывать о дополнительных средствах толкования, которые, когда толкование контекста оставляет значение двусмысленным и неясным, помогают прийти к действительному смыслу, заложенному сторонами договора. Это подтверждается и практикой Международного Суда ООН. Так, например, в решении о пограничных и трансграничных военных действиях 1988 года Суд определил, что результаты толкования подтверждаются последующей практикой

³ Лукашук И.И. Современное международное право. Москва, Волтерс Кувер, 2004. С. 613.

⁴ Лукашук И.И. Современное международное право. Москва, Волтерс Кувер, 2004. С. 613.

сторон⁵. Практике Международного Суда ООН также известны случаи, когда подготовительные материалы сыграли существенную роль в выяснении действительного содержания и смысла договора. В решении по делу о некоторых залежах фосфатов в Науру 1992 г. Суд, проанализировав материалы переговоров сторон, пришел к выводу, что выдвинутые в ходе переговоров претензии Науру сохраняют свою силу, так как ничто в заключенном не свидетельствует об отказе от них⁶.

Представители теологической школы толкуют международные договоры посредством установления их объекта и целей. По их мнению, подготовительные материалы, исторические условия принятия международного акта, последующее поведение сторон должны применяться для уяснения общей цели договора. При этом они не считают необходимым установление воли субъектов⁷.

Последняя школа, школа «эволюционистов», придает основополагающее значение при толковании последующей практике сторон договора и эволюции международного права в целом⁸.

Каждая из названных концепций, безусловно, имеет слабые и сильные стороны. Очевидно, что не следует пренебрегать ни одним из названных направлений.

Если обратиться к тексту статьи 31 Венской Конвенции о праве международных договоров 1969 года, которая содержит в себе положения о правилах толкования международных договоров, очевидно, что рассматриваемая статья именуется «Общее правило толкования». Не случайно данное название употреблено в единственном числе, поскольку Комиссия, разрабатывавшая Кон-

⁵ Border and Transborder Armed Actions (Nicaragua v. Honduras). Judgment. December 20, 1988. I.C.J. Reports. 1988. P. 87.

⁶ Certain Phosphate Lands in Nauru (Nauru v. Australia). Judgment. June 26, 1992. P. 247-248.

⁷ Дарда А.В. Основные школы толкования и их применение судами при толковании общепризнанных принципов международного права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2003. № 1. С. 79-82.

⁸ Викторова Н.Н. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.: толкование и применение национальными судами государств: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.03 / Моск. гос. юрид. акад. - Москва, 2006. – С. 19.

венцию, хотела подчеркнуть, что процесс толкования является единым, и что положения статьи образуют целостное объединенное правило⁹.

В пункте 1 статьи 31 Венская конвенция восприняла концепцию, согласно которой подлинные намерения сторон выражаются, прежде всего, в тексте международного договора¹⁰. Во втором пункте, рассматриваемой статьи, говорится о том, что для достижения целей толкования, помимо самого текста договора, который включает в себя также преамбулу и приложения, могут использоваться соглашения, а также односторонние документы, относящиеся к договору или составленные в связи с ним. Третий пункт гласит о том, что кроме «контекста» также учитывается любое последующее соглашение между участниками относительно толкования договора или применения его положений, последующая практика применения договора, относительно его толкования и нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками¹¹.

Таким образом, в данной статье прослеживаются все четыре доктрины о толковании международных договоров, которые наиболее распространены в настоящее время, в связи с чем с полным основанием можно заключить, что каждая из вышеназванных концепций имеет достаточно оснований на существование и успешное применение в международно-правовой практике.

Для определения дефиниции понятия толкования международных договоров, можно обратиться к ученым, исследовавшим данный предмет.

Так, в учебнике международного права под редакцией Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунова дается следующее понятие данного термина: «толкование договора — это уяснение его действитель-

⁹ Draft Articles on the Law of Treaties with commentaries 1966. URL: http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/texts/instruments/english/commentaries/1_1_1966.pdf&lang=EF (дата обращения 20.03.2018).

¹⁰Талалаев А.Н Венская конвенция о праве международных договоров (Комментарии). М.: Юрид. лит., 1997. С. 99.

¹¹ Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. Ст. 31. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1986. - №37. – Ст. 772.

ного смысла и содержания»¹². И.И. Лукашук под толкованием предлагал понимать «выяснение содержания нормы, ее целей, связей с иными нормами и ее юридических характеристик»¹³. А.Н. Вылегжанин рассматривает понятие толкования как «выяснение действительного смысла и содержания договора»¹⁴. И.В. Гетьман-Павлова пишет следующее: «Толкование договора – это выяснение того, о чем достигнуто соглашение сторон, т.е. установление результата согласования воли государств, выраженного в нормах договора»¹⁵.

Проанализировав вышеприведенные и некоторые определения, можно свести их суть примерно к следующему: толкование международных договоров – это процесс выяснения действительного содержания и смысла волеизъявления государств, формально-закрепленного непосредственно в положениях договора.

Несмотря на близость дефинитивного аппарата рассмотренных определений, необходимо иметь в виду, что ученые, давшие эти определения, раскрывая их содержание, опирались на те или иные учения школ, о которых говорилось ранее. КМП, изучив данные концепции, использовала все 4 доктрины и отразила это в проекте Конвенции, что потом и было воплощено в тексте данного документа. Данное явление логично, поскольку речь идет об институте толкования международных договоров, в отличие от толкования нормы в рамках одной национальной системы, из чего следует ряд особенностей. Так как международное право – это нахождение общего между суммой волеизъявлений, в то же время в национальном праве — это превалирующая воля, т.е. воля определенной группы людей, которой в настоящее время доверена власть, при этом, в зависимости от формы государственного прав-

¹² Игнатенко Г.В., Тиунов О.И. Международное право: Учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп./ М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 338.

¹³ Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов/ М.: Волтерс Клувер, 2005.С. 234.

¹⁴ Вылегжанин А.Н. Международное право. В 2 т. Т. 1: учебник для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 189.

¹⁵ Гетьман-Павлова И.В. Международное право: учебник академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2017. С. 143.

ления, степень волеизъявления населения различна. В этой связи, в национальном праве это не всегда консенсуальные правовые конструкции. Также государства в рамках национальной правовой системы имеют возможности институировать, с одной стороны, аутентичное толкование, а с другой стороны правоприменительную, а, следовательно, толковательную деятельность, целью которых является обеспечение наиболее адекватного толкования норм права, на международном уровне в связи с отсутствием какого-либо правотворческого органа, который мог бы инициировать принятие как толковательного решения, так и принятия правоприменительной практики, обеспечивающей соответствующее толкование, государствам необходимо достигать консенсуса между всеми участниками договора.

Таким образом, можно сделать вывод, что авторитет КМП весьма высок, и то, что Комиссия подготовила проекты таких конвенций, как Конвенцию о территориальном море и прилегающей зоне 1958 г., Венскую конвенцию о дипломатических сношениях 1961 г., Венскую конвенцию о праве международных договоров 1969 г. и другие, создающие основу международно-правового регулирования взаимоотношений государств по различным вопросам, говорит о том, что роль и значение Комиссии трудно переоценить.

Комиссия международного права, разрабатывая Конвенцию о праве международных договоров, внесла существенный вклад не только в создание самого текста договора, но и в разъяснение его положений, и в теорию института толкования в целом. Это следует, как из Комментария к проекту статьей 1966 (далее Комментарий)¹⁶, так и из иных материалов, касающихся разработки, обсуждения и принятия Конвенции.

Если обратиться непосредственно к Комментарию, очевидно, что в Статье, как уже указывалось выше, делается акцент на том, что текст должен считаться подлинным выражением намерений сторон; и, следовательно, отправной точкой толкования явля-

¹⁶ Draft Articles on the Law of Treaties with commentaries 1966. URL: http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/texts/instruments/english/commentaries/1_1_1966.pdf&lang=EF (дата обращения 12.03.2018).

ется выяснение смысла, заключенного непосредственно в тексте, а не исследование *ab initio* в намерениях сторон.

Кроме того, исходя из судебной практики Международного Суда ООН, представляется возможным сделать вывод, что текстуальный подход по отношению к толкованию договоров рассматривается Судом как незыблемое правило, и Суд неоднократно подчеркивал, что то, что присутствует в тексте, не должно толковаться иначе, или служить основанием для иного толкования¹⁷, то есть допускается только прямое толкование.

Пункт первый статьи 31 содержит в себе три отдельных принципа: первый – принцип добросовестности – вытекает непосредственно из принципа *pacta sunt servanda*; второй принцип – это принцип, отражающий непосредственно суть текстового подхода – сторона должна иметь намерение при подписании договора исходя из обычного значения используемых в нем терминов, то есть сторона не должна закладывать что-то иное, кроме прямо предусматриваемого в обычных ситуациях всеми при прочтении подобного текста (недопустимо завуалирование); третий принцип – принцип здравого смысла, предполагающий, что ни одна из сторон не должна определяться в договоре исходя из абстрактного понимания текста или какой либо части текста, а исключительно в контексте договора и в свете его объекта и целей¹⁸.

Эти принципы неоднократно подтверждались Судом. Международный Суд в своем Консультативном заключении в отношении приема государства в члены Организации Объединенных Наций указал следующее: «обязанность суда состоит в толковании договора исходя из естественного и обычного значения терминов для данного контекста»¹⁹.

Постоянная Палата Международного Правосудия в своем консультативном заключении подчеркнула, что контекст пред-

¹⁷ Rights of Nationals of the United States of America in Morocco. Judgment. August 27, 1952. I.C.J. Reports 1952. Pp. 196, 199.

¹⁸ Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. Ст. 31. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1986. - №37. - Ст. 772.

¹⁹ Competence of the General Assembly for the Admission of a State to the United Nations. Judgment. March 3, 1950. I.C.J. Reports 1950. P. 8.

ставляет из себя не только определенную статью или раздел, а договор в целом: «Рассматривая вопрос, стоящий перед Судом, по поводу формулировки Договора, очевидно, что Договор должен быть прочитан как единое целое и что его смысл не определяется только конкретными положениями, которые отдельно от контекста могут толковаться в двух и более значениях»²⁰.

Также Суд неоднократно обращался к предмету и целям договора, формально-закрепленным в преамбуле, с целью толкования конкретного положения²¹.

Пункт 2 статьи 31 раскрывает содержание понятия «контекст» для целей толкования договора. То, что преамбула и приложения к договору являются его составной частью и используются для целей толкования, считается общепризнанным и не требует отдельного комментария. Вопрос в том, какие другие документы, связанные с договором, должны рассматриваться как составляющая часть «контекста» для целей толкования. В пункте 2 предлагается рассмотреть два вида документов: а) любое соглашение, относящееся к договору, которое было достигнуто между всеми участниками в связи с заключением договора; и (б) любой документ, составленный одним или несколькими участниками в связи с заключением договора и принятый другими участниками в качестве документа, относящегося к договору²².

Принцип, на котором основывается это положение, заключается в том, что односторонний документ не может рассматриваться как составляющий часть «контекста» по смыслу статьи 31, если только он не был принят в связи с заключением договора, и был одобрен аналогичным образом другими сторонами.

С другой стороны, тот факт, что эти два класса документов признаны в пункте 2 как составляющие часть «контекста», не означает, что они обязательно должны рассматриваться как неотъ-

²⁰ Competence of the ILO to Regulate Agricultural Labour. P.C.I.J. (1922), Series B, Nos. 2 and 3. P. 23.

²¹ Rights of Nationals of the United States of America in Morocco. Judgment. August 27, 1952. I.C.J. Reports 1952. Pp. 183, 184, 197, 198.

²² Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1986. - №37. - Ст. 772.

емлемая часть договора, ключевым моментом будет являться намерение сторон в каждом конкретном случае²³.

Смысл пункта 2 заключается в том, что эти виды документов рассматриваются не как вспомогательные средства, при помощи которых устраняется двусмысленность или неясность, в случае наличия таковой, а как часть контекста, используемого для обычного толкования.

В пункте 3 (а) указывается, что наряду с контекстом, в качестве аутентичного элемента толкования учитывается «любое последующее соглашение между участниками относительно толкования договора или применения его положений»²⁴. Иногда может возникнуть вопрос о том, было ли понимание, достигнутое в ходе переговоров относительно значения положения, было или не предназначалось для того, чтобы составлять согласованную основу для его толкования²⁵. Однако, общепризнанно, что соглашение относительно толкования какого-либо положения, которое было принято до или во время заключения договора, рассматривается как составляющая часть договора. Так, при рассмотрении дела Амбатьелос Суд заявил следующее: «...положения Декларации носят характер толковательных статей и как таковые должны рассматриваться как неотъемлемая часть Договора»²⁶. Аналогичным образом, соглашение между участниками относительно толкования того или иного положения, достигнутое после заключения договора должно рассматриваться как составляющая договора для целей его толкования.

Затем пункт 3 (b) определяет «любая последующая практика применения договора, которая устанавливает понимание сторон в

²³ *Ambatielos case (Preliminary Objection)*. Judgment. May 19, 1993. I.C.J. Reports 1952. Pp. 43, 75.

²⁴ Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1986. - №37. -Ст. 772.

²⁵ *Conditions of Admission of a State to Membership in the United Nations (Article 4 of the Charter) case*. Judgment. April 9, 1949. I.C.J. Reports 1948. P. 63.

²⁶ *Ambatielos case (Preliminary Objection)*. Judgment. May 19, 1993. I.C.J. Reports 1952. P. 44.

отношении его толкования»²⁷, как элемент, который также необходимо учитывать вместе с контекстом. Важность такой последующей практики в применении договора как элемента толкования очевидна, поскольку это является объективным доказательством понимания сторонами смысла договора. Обращение к данному элементу в качестве средства толкования хорошо известно практике международных трибуналов. В своем заключении по вопросу о компетенции МОТ регулировать сельскохозяйственный труд Постоянная Палата Международного Правосудия заявила: «если бы существовала какая-либо двусмысленность, суд мог бы с целью придания подлинного значения рассмотреть меры, принятые в соответствии с договором»²⁸. В то же время Суд сослался на последующую практику в подтверждение значения, которое он вывел из текста, и которое он счел недвусмысленным²⁹.

Аналогичным образом в деле о проливе Корфу Международный суд заявил: «последующая практика сторон свидетельствует о том, что, заключив специальное Соглашение, они не намеревались препятствовать суду в установлении размера компенсации»³⁰. Ценность последующей практики варьируется в зависимости от того, насколько она отражает общее понимание сторонами смысла терминов. Комиссия Международного Права сочла, что последующая практика установления понимания сторонами в отношении толкования договора должна быть включена в пункт 3

²⁷ Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1986. - №37. -Ст. 772.

²⁸ Competence of the ILO in regard to International Regulation of the Conditions of the Labour of Persons Employed in Agriculture. Advisory Opinion. August 12, 1992. P.C.I.J. (1922), Series B, No. 2, p. 39; Interpretation of Article 3, paragraph 2, of the Treaty of Lausanne, P.C.I.J. (1925), Series B, No. 12, p. 24; the Brazilian Loans case, P.C.I.J. (1929), Series A, No. 21, p. 119.

²⁹ Competence of the ILO in regard to International Regulation of the Conditions of the Labour of Persons Employed in Agriculture. Advisory Opinion. August 12, 1992. P.C.I.J. (1922), Series B, No. 2, p. 39; Interpretation of Article 3, paragraph 2, of the Treaty of Lausanne, P.C.I.J. (1925), Series B, No. 12, p. 24; the Brazilian Loans case, P.C.I.J. (1929), Series A, No. 21, pp. 40 and 41.

³⁰ Corfu Channel Case. Judgment. April 9, 1949. I.C.J. Reports 1949. P. 25.

в качестве подлинного средства толкования наряду с соглашениями о толковании. Следует отметить, что в принятом в 1964 году тексте проекта Венской конвенции о праве международных договоров говорилось о практике, которая «устанавливает понимание всех сторон». Однако, в итоговой редакции проекта, слово «все» было исключено из контекста пункта 3. Данные изменения не были направлены на изменения смысла рассматриваемого нами пункта, целью являлось избежание возможного заблуждения, что каждая сторона должна индивидуально заниматься практикой, в то время, когда достаточно, чтобы она приняла эту практику.

Пункт 3 (с) добавляет в качестве третьего элемента, который необходимо учитывать вместе с контекстом любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками³¹. В проекте 1964 года данный элемент входил в первый пункт статьи, посвященной толкованию, в которой говорилось, что среди всего прочего, значение терминов должно определяться «в свете общих правил международного права, действующего на момент его заключения».

В процессе обсуждения данного положения на шестнадцатой сессии³² страны не смогли прийти к консенсусу. После пересмотра этого положения Комиссия Международного Права признала предложенную ранее формулировку неприемлемой, поскольку она лишь частично затрагивала проблемы интемпорального права, что могло привести к неточности. Комиссия пришла к тому, что актуальность норм международного права для толкования договоров в каждом конкретном случае зависит от намерений сторон, и что попытка сформулировать норму, охватывающую всеобъемлющий временной элемент, будет сложно выполнимой. В то же время было принято решение о переносе этого элемента толкования в пункт 3 в качестве элемента, не относящегося ни к тексту, ни к "контексту", как он определен в пункте 2.

Пункт 4 предусматривает случаи, когда, несмотря на очевидное значение термина в его контексте, установлено, что сторо-

³¹ Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1986. - №37. -Ст. 772.

³² Yearbook of the International Law Commission, 1964, vol. II. Pp. 202 - 203.

ны намеревались придать ему особое значение³³. Некоторые члены Комиссии выразили сомнение в необходимости включения специального положения по этому вопросу, хотя и признали, что участники договора нередко используют термин, имеющий техническое или иное специальное значение. Они указали на то, что техническое или специальное использование этого термина обычно вытекает из контекста, и что техническое или специальное значение становится, так сказать, обычным значением в конкретном контексте. Другие члены, не оспаривая того, что техническое или специальное значение этого термина часто может вытекать из контекста, сочли, что существует определенная полезность в установлении конкретной нормы по данному вопросу, хотя бы для того, чтобы подчеркнуть, что бремя доказывания лежит на стороне, ссылающейся на особое значение этого термина. Они отметили, что суд неоднократно ссылался на это исключение. Например, в деле «О правовом статусе Восточной Гренландии» Постоянная Палата заявила, что: «Географическое значение слова "Гренландия», т. е. название, которое обычно используется на картах для обозначения всего острова, должно рассматриваться как обычное значение этого слова. Если одна из сторон утверждает, что ей следует придавать какое-либо необычное или исключительное значение, то именно эта сторона должна обосновать свое утверждение»³⁴.

Учитывая все вышеизложенное, можно прийти к некоторым выводам. В современном мире для обеспечения нормальных взаимоотношений между государствами иного пути кроме следования выработанным и согласованным положениям международного права просто не существует. То, что положения и нормы международного права при этом должны всеми пониматься одинаково, является непреложной истиной, а вот как этого добиться, вероятно, одним из путей является еще большее усиление роли и значения деятельности Организации Объединенных Наций, придания ей еще большего авторитета и неукоснительное следование тем пред-

³³ Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1986. - №37. -Ст. 772.

³⁴ Legal Status of Eastern Greenland (Norway v. Denmark). Judgment. September 5, 1933. P.C.I.J. (1933), Series A/B, No. 53. P. 49.

ложениям и рекомендациям, которые комиссией в течении многих лет вырабатывались, систематизировались и предлагались в качестве инструментов всеобщего согласия.

БИПАТРИДЫ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Юлия Николаевна Прокудина

*Студент «Высшая школа юриспруденции и
судебно-технической экспертизы»
Санкт-Петербургский университет им. Петра Великого*

На сегодняшний день тема данной статьи как никогда актуальна, так как институт гражданства в последние годы становится, как никогда, важен. В государствах помимо его граждан, значительную часть населения составляют лица с двойным гражданством, с иностранным или лица без гражданства вовсе. Такое правовое явление как двойное гражданство влечет установление сложного правового статуса лиц, имеющих гражданство с другим государством, поскольку данная «устойчивая юридическая связь» порождает как взаимно обязывающие права, так и обязанности. В некоторых государствах данный институт отсутствует вовсе или не заключен ратифицирующий договор с иностранным государством, законодательно разрешающий возникновение второй юридической связи между личностью и государством. Поэтому зачастую возникают противоречия, когда лицо, имеющее двойное гражданство, пытается реализовать свои права и нести обязанность перед государством.

Цель данной работы: изучить противоречивые аспекты конституционно-правового института гражданства.

Задачи, поставленные в работе: разъяснить отличие двойного гражданства и второго гражданства, найти причины наличия проблем в данных институтах, а также попытаться найти решение проблем.

Объектом работы являются общественные отношения, сложившиеся между государством и гражданином, между государствами по поводу устойчивой юридической связи.

Предмет данной работы – всевозможные теоретические модели постижения природы двойного гражданства в международном праве.

В соответствии со ст. 15 Всеобщей декларации прав и свобод человека и гражданина каждый человек юридически наделен правом получения гражданства. При этом не исключается тот факт, что он может по своему собственному желанию его изменить или вступить в новое.¹ Конечно, процедура получения второго гражданства или двойного это особая, сложная процедура, которая зафиксировала в законодательстве своего государства.

Институт гражданства (устойчивая правовая связь лица с государством, которая устанавливает взаимно обязывающие права и обязанности) является неотъемлемо важным элементом правового статуса личности и частью конституционного строя любого государства. Родившись, человек в большинстве случаев, получает гражданство независимо от его воли, то есть по рождению. При этом не важно, являются ли его родители гражданами данного государства или на какой территории он появился на свет. Оно осуществляется автоматически на основе действующего законодательства. Однако существует масса условий признания государством гражданства у субъекта. Ведь в ряде стран (Белоруссии, Мальте, Польше, Хорватии, Эстонии, Японии, Китае, Индии и Южной Кореи) двойное гражданство запрещено.

Второй способ приобретения гражданства путем натурализации, то есть обращением с просьбой о предоставлении гражданства лицом, фактически проживающим в стране. Как правило, это возникает у людей, прибывших на территорию страны в соответствии с правилами иммиграционного законодательства, а также у лиц, вступивших в брак с гражданином другого государства или при усыновлении человека иностранным гражданином.

На сегодняшний день весьма распространено получение гражданства другого государства. Однако в разных государствах вопрос получения двойного гражданства носит значительные расхождения. Конституция Российской Федерации 1993 г., например, в ст. 62 гарантирует право на двойное гражданство, которое реализуется в соответствии с федеральным законом или международ-

¹ Резолюция 217 А (III) ГА ООН Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г.

ным договором². С принятием Федерального Закона «О гражданстве Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. институт двойного гражданства претерпел изменения. В ч. 1 ст. 6 данного закона установлено, что гражданин Российской Федерации, имеющий также иное гражданство, рассматривается Россией только как гражданин России, за исключением случаев, предусмотренных международным договором России или федеральным законом³. В Российской Федерации на 2018 г. разрешено двойное гражданство лишь с государством Таджикистан, а международный договор с республикой Туркменистан потерял свое юридическое значение, так как не был продлен. Таким образом, законодательство Российской Федерации не запрещает наличие второго иностранного паспорта. Но устанавливается иная юридическая связь, которая называется не двойное гражданство, а второе. В чем разница? Государство признает гражданство только своей страны и игнорирует факт того, что у лица, есть гражданство за рубежом. А при двойном гражданстве заключается международный договор, в котором регулируются вопросы двойного гражданства, и у человека возникают обязательства и права по отношению к обоим государствам. На основе взаимных договоренностей страны решают: какие права человек может реализовать в том или ином государстве, кто должен требовать от него каких обязанностей.

Так, например, в соответствии со ст. 4.1 «Международного договора между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства» дети

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.04.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Российская газета. - №7. – 21.01.2014.

³ Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 62-ФЗ «О Гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, № 22, ст. 2031; 2003, № 46, ст. 4447; 2006, № 2, ст. 170; № 31, ст. 3420; 2007, № 49, ст. 6057; № 50, ст. 6241; 2008, № 40, ст. 4498; 2009, № 1, ст. 9; № 26, ст. 3125; 2012, № 47, ст. 6393; 2013, № 27, ст. 3461, 3477; № 44, ст. 5638; 2014, № 16, ст. 1828, 1829; № 26, ст. 3363; № 42, ст. 5615; 2016, № 18, ст. 2500) №242, ст.8; ст.14.

граждан обеих стран имеют права при достижении совершеннолетнего возраста сохранять двойное гражданство или оставить лишь одно⁴.

Если вернуться к такому понятию как второе гражданство, то мы можем увидеть аналогию в законодательстве Израиля. В законе о гражданстве Израиля от 1 апреля 1952 г. сказано, что, если у гражданина Израиля есть иное гражданство, он все равно рассматривается в данном государстве как гражданин Израиля. Он имеет такие же права и обязанности и никакими привилегиями не обладает.

В международном сообществе складывается противоречивое отношение к институту двойного гражданства. Кто-то считает, что он имеет место быть, так как люди стремятся к культурным ценностям и наследиям своей страны, они смогут обладать равными правами и обязанностями с другими гражданами, также это значительно облегчает, например, гражданину, имеющему европейский паспорт, въезд и выезд за территорию своего государства. Еще это способствует развитию международного сотрудничества и объединению между державами на всемирной арене. С другой стороны, институт двойного гражданства носит ряд негативных факторов. По мнению немецкого юриста Й. Кунца, бипатризм означает нетерпимое явление, которое содержит в себе источник международных конфликтов. Двойное гражданство появилось в его стране относительно недавно, примерно в конце 1990-х годов. «До 2000 года немецкий паспорт выдавали только по праву крови. Реформа правительства Герхарда Шредера и Йошки Фишера ввела право рождения для детей, которые появились на свет на территории Германии от родителей-иностранцев. Они могли пользоваться двойным гражданством до 23 лет, после чего они были обязаны сдать один из двух паспортов. Однако принятый в 2014 году закон

⁴ Федеральный закон от 15 декабря 1996. -№ 152-ФЗ «О ратификации договора между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства» // Собрание законодательства Российской Федерации, 16.12.1996 г.

позволил сохранить двойное гражданство и после 23-летнего возраста»⁵.

Это подтверждает исторический случай с гражданкой Аргентины Роза Бисьон, которая летела самолетом к мужу в Нью-Йорк. Когда самолет взлетел в Рио-де-Жанейро, у женщины начались роды. На борту у нее родился мальчик Мауро. Так как воздушное пространство также относится к территории Бразилии, то ее сын автоматически стал бразильским гражданином. При повторной попытке покинуть страну у матери и ребенка возникли правовые проблемы. Чтобы покинуть страну новорожденный должен был выполнить все формальности, необходимые для бразильцев, выезжающих за границу. То есть иметь биометрические материалы, которые собираются с согласием отца, пребывающего в Нью-Йорке, иметь паспорт, поскольку в паспорт матери, гражданки Аргентины, вписать его было нельзя. Роза Бисьон жила с ребенком в отеле за счет авиакомпании три недели, пока бразильские власти подготовили бумаги. Когда документы были готовы, оказалось, что новорожденный должен заплатить 22 тыс. крузейро, как каждый покидающий родину бразилец⁶.

Данный случай демонстрирует наличие негативных последствий и проблем у лица, которое получило двойное гражданство. Также институт двойного гражданства приводит и к возникновению неопределенности фактического и юридического положения лица. У личности возникают противоречивые или несовместимые обязанности перед разными государствами. Ведь каждое государства считает человека своим гражданином, а значит нести воинскую обязанность, выплачивать налоги и выполнять иные обязанности, по их мнению, оно должно по закону своего государства. А как быть, если у тебя два гражданства? Можно ли обязанности разделить или вовсе не выполнять? Как быть гражданами, которые

⁵ Верне Д. // Германия: Двойное гражданство и «двойная лояльность» // ИНОСМИ. URL: <https://inosmi.ru/social/20160816/237561677.html> (дата обращения: 10.04.2018 г.).

⁶ Т.Шингирей // Двойное гражданство: ситуация и проблемы // Обозреватель. URL: http://old.nasledie.ru/oboz/N05-6_95/015.htm (Дата обращения: 27.03.2018 г.).

вступают в брак с уроженцами Бельгии или Мексики. Ведь при вступлении в брак с гражданами данных стран женщина имеет право «следовать гражданству мужа своего», но при этом не лишается своего гражданства, которое она имела до вступления в брак.

Чтобы устранить бипатризм, международные суды используют принцип эффективности гражданства, основанный на вопросе принадлежности к гражданству двух государств и вероятности устранения этой ситуации на основе установления постоянного места жительства, места работы или учебы, несения воинской или государственной службы, место, где лицо использует свои гражданские и политические права. Данную связь с государством Постоянная палата международного правосудия установила по делу Каневаро, который по праву крови получил итальянское гражданство, а по «праву почвы» - перуанское. Постоянная палата международного правосудия в 1912 году решила, что Каневаро обладает гражданством Перу, потому что он был избран в Сенат данного государства⁷.

Помимо судебных решений, граждане с наличием второго гражданства имеют право самостоятельно отказаться от одного из них, также в ряде стран вопрос гражданства у детей при смешанном браке решается в пользу «права крови». К примеру, это используется в Финляндии. А в Швеции данное право ограничивает только одним поколением.

Нельзя жить в двух государствах одновременно. Конечно, факт наличия двойного или второго гражданства в некоторых случаях может облегчить жизнь человеку, наделяя его большими правами. При этом не стоит забывать, что за правами следуют обязанности, которые не всегда люди стремятся соблюдать и выполнять. Соблюдая Всеобщую декларацию прав и свобод человек и гражданина, мы не можем запретить людям иметь гражданство. Но, если человек хочет стать гражданином другого государства, пусть он откажется от первого и, согласно законодательству другого государства, получит другое.

⁷ Т.Шингирей // Двойное гражданство: ситуация и проблемы // Обозреватель. URL: http://old.nasledie.ru/oboz/N05-6_95/015.htm (Дата обращения: 27.03.2018 г.)

ОБ ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЫЧАЯ

Юрий Сергеевич Ромашев

*доктор юридических наук, профессор
профессор кафедры международного публичного и
частного права факультета права
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
romashev_us@mail.ru*

Международный обычай, как известно, является одним из основных источников международного права. Его роль в современное время, несмотря на широкое распространение международных договоров, неуклонно возрастает. Вместе с тем эффективность международно-правового регулирования обычными нормами международного права существенно снижается в связи с отсутствием общего понимания термина «международный обычай». Нет единой точки зрения относительно его структуры и особенностей формирования. В настоящее время как в науке международного права, так и в практике государств, международном судопроизводстве преобладает точка зрения о двухэлементной структуре международного обычая. Она основана на ст. 38 Статута Международного суда ООН, согласно которой международный обычай определяется «как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы». Хотя есть и иные точки зрения. Проблемным вопросом также является выявление наличия обычной нормы международного права и установление ее содержания.

Несмотря на различные точки зрения в отношении сущности международного обычая, «практика» как его элемент, признается большинством ученых в области международного права. Однако, не любая практика в отношениях субъектов международного права может стать прообразом обычной нормы международного права. В науке международного права нет единого мнения о характеристике обычно-правовой практики, если ее так называть, а также о обя-

зательных к ней требований, придающих такой практике особое качество. Здесь важен анализ особенностей субъектов обычно-правовой практики, ее видов и форм, а также составляющих основу практики видов деятельности государства, его уполномоченных органов.

В доктрине международного права сложились ряд общих требований к обычно-правовой практике, среди которых важное значение отводится: общности практики, ее единообразию и определенности; устойчивости (стабильности) и постоянству (непрерывности). Нет необходимости раскрывать содержание этих требований. Однако заметим, что обычно-правовая практика не должна отражать сиюминутные потребности. Поэтому, еще одним из ключевых требований, которые должны предъявляться к такой практике, по нашему мнению, является *соответствие практики закономерностям общественного развития, потребностям развития межгосударственных отношений, общим интересам государств*. В противном случае практика не приживется. По мнению Ш. Вишера, обычная норма появляется тогда, когда практика в результате единообразного применения является достаточно стабилизовавшейся и в ней наблюдается выражение равновесия или хотя бы временной стабилизации существующих интересов¹. Во многих случаях, практика должна носить прогрессивный характер. Вместе с тем *прогрессивность* практики хотя и носит важный, но все же факультативный характер.

Много споров идет о требовании к продолжительности становления обычно-правовой практики. Здесь сталкиваются точки зрения сторонников «длительности формирования обычно-правовой практики»² и «возможности ее краткосрочности»³. Есть

¹ Ch. de Visscher. Coutume et traité en droit international public. Paris: Institut des hautes études internationales, 1955. P. 356.

² Например, Особое мнение Судьи В.М. Корецкого по делу об определении границ континентального шельфа между Данией и ФРГ и между ФРГ и Нидерландами. См.: Корецкий В.М. Избранные труды: в 2-х книгах. Киев: Наукова Думка, 1989. Кн. 2. С. 382.

³ См. Лукашук И.И. Источники международного права. Киев, 1966. С. 59; Международное право. Учебник для вузов / ответственные редакторы – проф. Г.В. Игнатенко и проф. О.И. Тиунов. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 1999. С. 109; Броунли Я. Международное право. В

точка зрения, что при условии, что практика является достаточно общей и последовательной, какой-либо конкретной продолжительности не требуется⁴. Как отмечал Международный суд ООН в деле о континентальном шельфе Северного моря, «непродолжительность существования не является обязательно или сама по себе препятствием для формирования новой нормы обычного международного права»⁵. По нашему мнению, когда произойдет стабилизация в единообразии практики, ее определенность, то это является свидетельством окончания становления обычно-правовой практики. При этом надо говорить о конкретном этапе развития общества.

Рассуждая о концепции «моментального обычая» и возможности ее существования, то, по нашему мнению, в короткий период времени формируется обычная норма, соответствующая практике в какой-либо новой области межгосударственных отношений, признаваемой мировым сообществом.

Таким образом, по нашему мнению, продолжительность во времени не следует относить к числу требований становления обычно-правовой практики, она является лишь ее характеристикой. Длительный период времени становления обычно-правовой практики свойственен процессу формирования нормы, для которой характерна противоречивая, нередко преследующая различные интересы государств, практика. О факторах, которые могут повлиять на сокращение времени становления обычно-правовой практики, можно говорить отдельно. Об этом уже много написано.

Перечисленные требования носят системный характер, они взаимосвязаны, неразрывны и составляют единое целое.

Вместе с тем становление обычной нормы международного права невозможно без признания всеобщей практики в качестве правовой нормы. Отсутствие единого мнения в отношении *opinio juris* (сокращение от *opinio juris sive necessitates* – убеждение в праве или в необходимости) на международном уровне и общей позиции в науке приводит к низкой эффективности правового ре-

2-х кн. М.: Издательство «Прогресс», 1977. Кн. I. С. 28; Курс международного права в 7-ми т. М.: Наука, 1989. Т. 1. С. 193.

⁴ Док. ООН А/CN.4/672. С. 52.

⁵ I.C.J. Reports, 1969. P.43.

гулирования межгосударственных отношений. Именно признание в качестве правовой нормы является именно тем, что отличает норму международного обычного права от простой привычки или обыкновения⁶. Различное понимание *opinio juris* приводит к тому, что у государств нет общей позиции о существовании соответствующей обычной нормы международного права. В научных трудах нередко используются не основанные на объективных реальностях подходы.

В отношении признания практики в качестве правовой нормы хотелось бы высказать следующее.

Наличие *opinio juris* является неотъемлемым субъективным элементом обычной нормы международного права, как и наличие практики, удовлетворяющей необходимым требованиям обычного нормообразования.

Субъектами признания могут быть только государства и иные субъекты международного права, которые участвуют в международном нормообразовании. Такие действия могут проявляться в действиях государственных органов и их должностных лиц, которые в соответствии с международным правом и (или) законодательством государств могут выступать от их имени. Это относится и к уполномоченным должностным лицам международных организаций в пределах, предусмотренных учредительными и иными документами этих организаций.

Opinio juris со стороны государств, как правило, осуществляется в ходе становления всеобщей практики. Всеобщий обычай, по нашему мнению, в большинстве случаев проходит стадию локального обычая, обязательного для ограниченного числа государств. Описывая процесс обычного нормообразования, Г.И. Тункин отмечал, что обычное правило может быть создано практикой ограниченного числа государств. Будучи признано в качестве правовой нормы, оно иногда является вначале обычной нормой, имеющей ограниченную сферу применения, которая путем признания этой нормы другими государствами постепенно расширяется, при-

⁶ Второй доклад по теме «Выявление международного обычного права», подготовленный Специальным докладчиком Майклом Вудом / Комиссия международного права. 66-я сессия. Женева, 5.05–6.06 и 7.07–8.08 2014. Документ ООН A/CN.4/672. С. 64.

ближая соответствующую норму к общепризнанной норме международного права⁷. Признание должно осуществляться правовыми способами и быть легитимным согласно законодательству государства, его международным обязательствам или не противоречить им. По нашему мнению, на внутригосударственном уровне может потребоваться принятие соответствующих законов, направленных на реализацию такого рода заявлений о признании новой практики (норм). В нашей стране в соответствии с Федеральным законом от 15.07.1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»⁸ даже международный договор, противоречащий законодательству или же требующий его изменения, требует ратификации в форме принятия соответствующего федерального закона. Кроме того, на наш взгляд, целесообразно законодательно закрепить механизм осуществления протестов относительно складывающихся или сложившихся обычных норм международного права. Данный вопрос мог бы найти отражение в федеральном законе «О международных обычаях в Российской Федерации», который важно было бы разработать. К числу основных форм признания наряду с молчаливым согласием можно отнести: одностороннее заявление главы государства (правительства), другого уполномоченного государством должностного лица, руководителя международной межправительственной организации, иного субъекта международного права; включение правила поведения в тот или иной внутригосударственный нормативный правовой акт; включение правила поведения в международный договор или иной основанный на нем юридически обязательный международный нормативный правовой акт, принятый его участниками, если рассматривать эти документы как акты одностороннего признания; при определенных условиях – судебное решение в государстве. Определение условий, при которых всеобщая практика приобретает статус «общепризнанной» нормы международного права имеет важное как теоретическое, так и прикладное значение. Существует много противоречивых мнений среди ученых в области междуна-

⁷ Тункин Г.И. Теория международного права / под общей ред. проф. Л.Н. Шестакова. М.: Издательство «Зерцало», 2000. С. 111.

⁸ Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ "О международных договорах Российской Федерации" // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

родного права и практических работников об этих условиях «общепризнанности», что затрудняет процесс выработки общей позиции и формализации данного процесса. В основном все рассуждения сводятся к качественной оценке признающих государств и расплывчатой их количественной характеристике. По нашему мнению, основным условием общепризнанности нормы международного права является ее признание большинством государств (значение которого установлено и формально закреплено мировым сообществом), интересы которых в наибольшей мере затрагиваются применением этой нормы. Это требует определенной правовой формализации и даже кодификации качественных и количественных критериев и соответствующих им показателей формирования обычной нормы международного права.

В заключение отметим, что обычная норма международного права – это не искусственное, несмотря на субъективный характер ее второго элемента, явление. Она является продуктом естественно-исторического процесса, объективной реальностью, отражающей всеобщую практику взаимоотношений государств по тем или иным вопросам, требующим нормативно-правового регулирования. Правовое признание государством практики, составляющей основу международного обычая, возможно тогда, когда оно не противоречит правовым установкам, существующим внутри государств и должно быть допустимым в отношении его международных обязательств. В противном случае это, наряду с официальными протестами государства, является свидетельством непризнания межгосударственного правила поведения в качестве обычной нормы международного права (указанное применяются *mutatis mutandis* для иных субъектов международного права). Чтобы исключить субъективные оценки при определении условий общепризнанности норм международного права, важно разработать и на международном уровне принять (признать) соответствующие методики, позволяющие определять условия становления обычных норм международного права, а также необходимо предпринять усилия по кодификации этого вопроса. Устранению разногласий в позициях государств, их должностных лиц и ученых, выработке единого подхода по этому вопросу будет способствовать разработка и принятие Конвенции о праве международных обычаев.

СПОР РАЦИОНАЛИЗМА И РЕФЛЕКТИВИЗМА КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Владимир Александрович Рыбаулин

*Студент Всероссийского государственного
университета юстиции
vovr98@yandex.ru*

Теория международных отношений, уходя корнями в глубокое прошлое, является весьма новой наукой, получившей своё полноценное выражение только в начале XX века как реакция на глобальные процессы в мире и Первую Мировую Войну, в частности. Как любая молодая наука, теория международных отношений в начале своего развития претерпела определённый набор кризисов и категориальных споров между различными направлениями мыслителей в своих рамках, однако феноменальность изучения данного процесса в современности заключается в том, что данная наука всё ещё формируется, её предмет и метод активно дискутируется в аспекте основополагающих своих элементов, что вынуждает рассматривать её относительно короткую историю как череду споров, конфликтов различных теорий, а не как гармоничное развитие, лишь изредка прерывающееся коренными сломами, являющимися прорывами. Такие споры получили название Великих (или Больших) Дебатов, последние из которых (Третьи, хотя некоторые исследователи выделяют и четвёртые) по одной из доминирующих версий состоялись между традиционными для Европы рационалистами и рефлексивистами, называемыми также пострационалистами, так как развитие они получили именно из рационализма и на его критике.

Прежде чем анализировать Третьи дебаты необходимо обратиться к истории возникновения и развития западной теории международных отношений. Для начала необходимо сказать, что сама концепция развития теории международных отношений через Великие Дебаты (или Большие споры, как их называет Цыганков П.

А.¹⁾ неоднократно подвергалась сомнению как не вполне отражающая реальность, но весьма удобная для изложения в учебном материале для более лёгкого усвоения, о чём, отсекая наиболее радикальные суждения, пишет Алексеева Т. А. в статье «Рождение мифа: начало «Великих дебатов» в теории международных отношений»²⁾. Однако сама история изучения международных отношений, несомненно, началась гораздо раньше XX в.

На начало же XX-ого века, когда как раз и начала зарождаться непосредственно теория международных отношений уже существовало как минимум три традиции, на которых уже могли базироваться теоретики в этом вопросе: классическая, либерально-идеалистическая и марксистская.

Сама же теория появилась в 1919 году, когда была открыта так называемая «Кафедра Вудро Вильсона» в университете Аберисвита (Уэльс, Великобритания). Открыта она была бароном Дэвидом Дэвисом, который дал начало идеалистической школе или школе политического идеализма, ставшей одной из сторон в Первых Великих Дебатах. Так почему же именно в этот момент появляется полноценная теория международных отношений? Дело в том, что только что отгремела Первая Мировая Война, которая не только дала почву для новых идей и материал для изучения, но и также напугала людей. В частности, Дэвис верил, что Лига наций может уберечь мир от последующей катастрофы, что вполне объяснимо в сложившейся ситуации. Но, как известно, Версальская система миропорядка долго не простояла и рухнула в 1939 году с началом Второй Мировой Войны. Предвидя это, достаточно быстро образовались оппоненты идеалистов - политические реалисты, которые настаивали на утопичности надежд на международные организации, а также на неизбежности конфликтности и нахождении порядка в слабoreгулируемом хаосе, тогда как идеалисты ис-

¹⁾ Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2003. С. 117.

²⁾ Алексеева Татьяна Александровна Рождение мифа: начало первых «Великих дебатов» в теории международных отношений // Вестник МГИМО. 2015. №6 (45). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rozhdenie-mifa-nachalo-pervyh-velikih-debatov-v-teorii-mezhdunarodnyh-otnosheniy> (дата обращения: 14.01.2018).

ходили из того, что хаос всё больше и больше приобретает свойства порядка, превращаясь в таковой. Очевидно, что в итоге победа досталась реалистам, ибо случилась ещё одна война. Однако идеализм всё же не исчез полностью, хоть и был объявлен наивным учением. Ещё на ранних стадия он разделился на три направления: реалисты-утописты, гоббсионисты и пацифисты. Реалисты-утописты полагались на естественный мирный прогресс через Лигу наций, гоббсионисты уже проявляли себя в кризисный период, а пацифисты (последователи Р. Кобдена) и вовсе достаточно объективно говорили о необходимости международного арбитража и сокращению вооружения, уделяя при этом большое внимание экономическим вопросам. Как можно заметить, последние уже были достаточно близки к реалистам, что и не удивительно, ведь обе школы зарождались на одной кафедре. Надо отметить, что существует мнение, что Первые Великие Дебаты не являлись состоявшимися из-за слабого информационного обмена между двумя противоборствующими сторонами, однако далеко не все исследователи согласны с этим³.

Вторые же Великие Дебаты состоялись в 1950-1960-е гг., и проходили они между традиционалистами и модернистами (Дэвид Сингер, Мотртон Каплан и другие). Главной особенностью этого спора было то, что он не носил категориального, доктринального характера. Речь шла о методологии изучения. Дело в том, что до того момента теория международных отношений опиралась, в основном, на умозрительные заключения исследователей, применение ими аналогии (опять же умозрительно, чисто по своему усмотрению), что в глазах модернистов, называемых также бихейвиористами (что по мнению П. А. Цыганкова является неточностью⁴), не позволяло говорить о теории международных отношений как о полноценной науке. Первым использовал методы так

³ Алексеева Татьяна Александровна Рождение мифа: начало первых «Великих дебатов» в теории международных отношений // Вестник МГИМО. 2015. №6 (45). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rozhdenie-mifa-nachalo-pervyh-velikih-debatov-v-teorii-mezhdunarodnyh-otnosheniy> (дата обращения: 14.01.2018).

⁴ Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2003. С. 117.

называемых строгих наук для изучения международных отношений К. Райт, который отверг априорные суждения и опору на детерминистские теории, развил идею общественного организма Спенсера: надлежало изучать функции участников, затем взаимодействие оных и уже после саму проблему адаптации данного организма (однако существовал и иной подход, основанный на учении Дарвина о борьбе за выживание). И именно это учение по Цыганкову принимает характер рационализма⁵.

Таким образом первые и вторые Большие Дебаты, являясь сначала концептуальными, а после методологическими, подготовили почву для Третьих, которые, фактически, делятся и по сей день и которые должны определить современный вид Теории международных отношений.

Однако прежде, чем переходить к рассмотрению непосредственно рационализма и рефлексивизма необходимо также сказать о современных течениях и парадигмах западной теории международных отношений, в которых данные учения существуют.

Надо сказать, что существующие в настоящее время парадигмы проистекают из уже названных выше традиций и отчасти продолжают их, хотя и основываются на указанных выше результатах Великих Дебатов. Таким образом выделяют либерально-идеалистическую, политико-реалистскую и марксистскую парадигмы, основывающиеся фактически на положениях своих традиций-предшественников. Цыганков называет их каноническими и приводит шесть критериев различия оных:

1. Кто является главными действующими лицами (актерами) международных отношений?
2. В чём состоит специфика (природа) этих отношений?
3. Что представляют собой основные международные процессы?
4. Какие главные цели преследуют участники международных отношений?
5. Каковы основные средства их достижения?

⁵ Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2003. С. 118

6. Как может выглядеть будущее международных отношений⁶?

Либерально-идеалистическую парадигму развивали такие учёные и деятели как И. Бентам и В. Вильсон, отстаивая следующие идеи:

1. Круг акторов достаточно широк и включает не только государства, но и прочих субъектов международного права (негосударственные организации, транснациональные компании и т.д.);
2. Природа международных отношений состоит в постепенном ограничении анархии миропорядка через усиление международных акторов, не являющихся государствами;
3. Среди процессов при этом главенствует глобализация, которая и создаёт необходимые условия стабилизации;
4. Цели же участников могут быть совершенно различны и исходить из весьма субъективных предпосылок конкретных акторов, которые тем не менее ориентированы на единые идеалы (зачастую, моральные);
5. Средствами достижения целей акторов выступает международное сотрудничество, в том числе и создание международных организаций для поддержания стабильного миропорядка;
6. Будущее же, так же, как и в начале XX века, идеалистам видится в создании так называемого вечного мира, некоего идеального состояния международных отношений, которое должно непременно наступить как итог постоянной и неуклонной стабилизации.

Парадигму политического реализма представляют Э. Карр и Г. Моргантау. Основными являются следующие положения:

- 1) Акторами являются только государства, которые рассматриваются как единственные настоящие субъекты, объективирующие свою волю через правительства;
- 2) Природа международных отношений является абсолютно анархической; в отличие от идеалистов реалисты не счи-

⁶ Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2003. С. 105.

тают её упорядочивающейся, а скорее бесконечно хаотичной, отрицая возможность создания эффективной системы миропорядка;

- 3) Процессы же в международных отношениях могут быть самые разные, но так или иначе они сводятся к войнам, как крайним их выражениям (в этом отношении интересно понятие гибридной войны, которое позволяет говорить о практически перманентной войне);
- 4) Цели же эти государства преследуют сугубо эгоистические, ибо только само государство может обеспечить свою безопасность;
- 5) Как средство выступает дипломатия в сочетании с военным паритетом, что, по сути, является лишь оттягиванием войны;
- 6) Прогнозы реалистов говорят всегда о неизменности природы международных отношений и постоянности природы самого человека, который будет всегда стремиться к конфликту.

Как можно увидеть, реализм включает международные процессы в рамки войны, постоянно привязывает к ней любые действия акторов, что видится преувеличением роли вооружённых сил при недостаточном анализе иных факторов.

Наконец, существует марксистская парадигма, по своему содержанию во многом совпадающая с соответствующей традицией. Наиболее видными её представителем в XX веке являлся В. И. Ленин, однако на данный момент марксизм трансформировался в неомарксизм, что выводит на передний план таких учёных как Л. Альтюссер. Основными положениями марксизма, перенятыми и преобразованными неомарксистами были:

1. Социальный класс является основным актором;
2. При этом природа международных отношений представляется эксплуататорской, происходящей от буржуазных государств;
3. Среди процессов в международных отношениях особо марксистами выделяются конфликты между классами и войны между буржуа, проистекающих из недостатков капитализма;

4. Цели акторов предстают весьма специфичными, так как согласно марксизму целью любого класса является свергнуть правящий класс, либо не дать угнетённому классу это совершить, что ставит международные отношения в подчинённое положение относительно классовой борьбы;
5. Для достижения указанных целей используется собственно классовая борьба, что практически замыкает цель и средства в одном понятии, и, соответственно, революции как апогей этой борьбы;
6. Будущее же предстаёт в виде торжества коммунизма на земле, что роднит марксистов с идеалистами-утопистами.

Как мы можем видеть, марксизм во многом является ортодоксальным и радикальным направлением, однако он смягчается в настоящее время.

Итак, как уже было указано рационализм был присущ ещё либертарной традиции, однако оформился как учение в рамках Теории международных отношений только во время Вторых Великих Дебатов в 1960-е гг., развившись из модернизма как противоположной стороны к традиционалистам. Как было отмечено выше, модернисты стремились к приближению теории международных отношений к естественным наукам, пытаясь дать ей такую же методологическую точность, что и породило собственно рационализм. Надо отметить, что рационализм не является единой стройной школой. Скорее это набор различных концепций (таких как модернизм), сходящихся на необходимости уточнения и структурирования науки. Сейчас ядром рационалистического направления являются неолиберализм и неореализм, сходящиеся в наличие у государства определённых объективных показателей, только основываясь на которых можно удачно анализировать и прогнозировать международные отношения, а также в анархичности миропорядка как такового. Неореализм представляет собой направление, сконцентрированное на значении иерархичности для стабильности системы. По утверждению К. Уотлца поскольку в международных отношениях такая система отсутствует, постольку международные отношения хаотичны, а акторы-государства склонны применять военную силу, что заставляет их постоянно

договариваться о методах взаимного сдерживания, что позволяет достичь стабильности при наличии военного паритета⁷. Неолиберализм, представленный Дж. Наем, является как бы смягчённой формой неореализма. Неолиберлисты придерживаются того же мнения об анархичности международных отношений, но при этом утверждают, что государства не настолько склонны к конфликтности и больше доверяют друг другу, нежели полагают неореалисты, за что обвиняются последними в чрезмерной идеалистичности представлений. В рамках данного направления появляются подтеории мягкой силы и сложной взаимозависимости, объясняющие реализацию интересов государств в конфликтных сферах невоенным путём, вводя при этом в систему международных отношений таких акторов как международные правительственные организации.

Таким образом рационализм представляет из себя совокупность учений, базирующихся на чётких естественнонаучных методах, применяемых для изучения международных отношений, и опирающихся на идею о восприятии международных акторов-государств, а также и самих международных отношений, как полностью эмпирически изучаемых объектов с определённым набором универсальных признаков, детерминирующих поведение субъектов, что и стало поводом к критике этого течения со стороны рефлексивизма.

Принято считать, что Третьи Большие Дебаты разгорелись между рационалистами и рефлексивистами в 1970-1980-е гг. и либо продолжаются до сих пор, либо повлекли за собой уже Четвёртые Большие Дебаты. В данной работе автор будет придерживаться первого мнения. Рефлексивизм развился на основе трёх основных научных направлений, как бы вобрав их в себя (так же, как и рационализм, рефлексивизм, фактически, является совокупностью направлений): постмодернизм, критическую теорию и конструктивизм. Рассмотрим основные аспекты, которые эти три направления привносят в рефлексивизм.

Постмодернизм опирается на идею Мишеля Фуко и Жака Дарриды, утверждая неизбежную контекстность любого явления.

⁷ Waltz K. N. Theory of International Politics. Boston: Addison-Wesley Publishing, 1979. P. 164.

С этой позиции рационализм критикуется за освещение только объективного и закрытие глаз на субъективное восприятие акторов этих процессов, хотя именно это восприятие, по мнению постмодернистов, и конструирует реальность. В частности Ричард Эшли применив метод деконструкции текста Дарриды к работе К. Уолтса «Человек, государство и война» приходит к выводу, что суверенитет (также как и мирное существование человека и человечества в целом) имеет не абсолютную, как утверждалось в более ранних учениях, а относительную природу, то есть без войны пропадает и ценность мира, причём сам Уолтс, являясь неореалистом, по мнению Р. Эшли, всего лишь опирался на уже имеющиеся исторические концепции, что противоречило эмпиризму самих рационалистов. Из этого делается вывод, что вся реальность, так как она воспринимается человеком, является полностью конструируемой для сознания этого конкретного человека окружающими его потоками информации (постмодернисты применяют термин тексты), из чего вытекает следующее рефлексивистское направление, именуемое конструктивизм⁸.

Основным понятием конструктивизма является так называемое соконституирование (англ. *coconstitution*), обозначающее взаимное формирование как действий акторов, так и явлений и акторов. То есть конструктивисты отказываются от спора о том, что первично, сама система или сами акторы, и приходят к заключению, что всё находится в постоянном взаимоформировании. В частности, анархию государства согласно Александру Вендту конструируют сами государства своим поведением, тогда как анархия международных отношений, сконструированная государствами, детерминирует их соответствующее поведение. Объясняется это через термины интерсубъективности, то есть совпадения мнений властвующей верхушки и населения по поводу международных отношений, и идентичности, то есть дифференциации себя как такового от чего-либо иного, внешнего, другого. Если интерсубъективность в данном контексте представляется относительно понятным явлением (речь идёт о конструировании воли государства как

8

Современные международные отношения и мировая политика /под ред. А.В. Торкунова М.: Просвещение, 2004. С. 467-494.

единого актора под влиянием внутренних факторов), то идентичность в данном случае требует дополнительных пояснений. Идентичность (также как интересубъективность) понимается здесь в терминах Э. Гуссерля, то есть речь идёт о взаимоотношении и взаимоформировании актора и того, что Гуссерль называет Другим⁹. Таким образом через идентичность актор-государство (то есть его правительство как объективатор воли) с одной стороны познаёт, как относится к нему окружающий мир, то есть другие акторы, а с другой - узнаёт интересы и чаяния этих других акторов, что позволяет тем или иным образом формировать своё поведение.

Наконец, критическая теория международных отношений (разработанная в основном Р. Коксом) представляется крайне схожей с двумя предыдущими направлениями, с тем отличием, что исходит она из классического марксизма, что выводит на первый план не восприятие мира как конструируемого текстом (что имеет место у постмодернистов), а в принципе схожую концепцию социальной контекстуальной обусловленности любого знания, что не позволяет говорить о чистом объективном познании, на котором зиждется рационализм. Но в отличие от двух других направлений единственным средством измерения реальности является полезность для освобождения от эксплуатации, что, с одной стороны, даёт относительно объективный критерий, но с другой стороны сильно идеологизирует и идеализирует данное учение.

Необходимо отметить, что, несмотря на мнение о завершённости Третьих Великих Дебатов, сам спор не остаётся закрытым (тем более, что концепция Четвёртых Великих Дебатов, фактически, и продолжает то же самое противостояние), что не даёт возможности объективно взглянуть на результаты данного спора. Однако можно с уверенностью сказать, что с начала XX в. маятник предпочтений в Теории международных отношений равномерно раскачивается от сухости рационализма, до различных проявлений утопизма или антиутопизма, от чёткой методологии с ясным объектом к сомнению в этом объекте и критике метода, как несовер-

⁹ Гуссерль, Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Мн., М., 2000. С. 433-515.

шенного. Так или иначе, можно сказать, что пока Теория международных отношений разбирается в своей методологии она, всё же, служит для осуществления внешней политики и её анализа, что говорит о наличии прикладной стороны теории, то есть, вполне вероятно возобладание в будущем соображений практической полезности над теоретической точностью, что, конечно, и в этом нельзя не согласиться с рефлексивистами, приведёт к детерминированию положений науки конъюнктурой, в том числе и политической, путь и не всегда из корыстных побуждений.

СОВРЕМЕННОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Ксения Андреевна Силуянова

Студент

Санкт-Петербургский Политехнический

Университет имени Петра Великого

kasesilu@gmail.com

Социально-экономические преобразования общественности сопровождаются уверенным ростом и видоизменением преступности, что усугубляется уверенным ростом миграции, активизацией транснациональной преступности, киберпреступности и неизбежными возникновением экономических споров между государствами. Использование общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации – залог развития правовой системы России, адаптированной к стремительно изменяющейся мировой обстановке.

Международное сотрудничество в сфере судебной экспертизы необходимо строить на основе развития и совершенствования международного права. Тесное взаимодействие по правовым вопросам и оказание содействия является основным направлением развития системы регулирования межгосударственных отношений. Для работы данной системы требуется оказание правовой помощи своевременно и в той мере, которая удовлетворит потребности мирового сообщества.

Судебная экспертиза развивается благодаря совершенствованию науки и техники и непосредственно связана со всеми отраслями науки, которые являются для неё обосновывающим знанием и позволяют совершенствовать методы судебной экспертизы. Специальные знания, требующиеся для установления обстоятельств по конкретному вопросу, не является обособленными этапами развития знаний судебной экспертизы, а представляет собой симбиоз заимствований из самых разных областей научного знания.

Для формирования и развития судебной экспертизы имеет ключевое значение экспоненциальный рост и усложнение научной информации, процессы интеграции и дифференциации научного знания. Цель исследования объектов судебной экспертизы – установление фактов по поставленным вопросам и в пределах компетенции судебного эксперта, а точность установления зависит от достаточного уровня развития техники, методологических рекомендаций и квалификации эксперта. Мировые объединения судебной экспертизы обеспечивают взаимодействие по этим вопросам между странами, которое в свою очередь базируется на нормативно-правовом регулировании.

Согласно Министерству юстиции Российской Федерации, в 98 международных договорах, заключенных в двустороннем и многостороннем порядке Россия является участником. Это создаёт возможность использовать процессуальные положения и оказывать помощь иностранным государствам¹. Еще 24 документа, оговаривающие договорные отношения, ожидают вступления в законную силу.

Большинство международных договоров устанавливают процессуальные нормы, а также положения, предписывающие участникам заключенного соглашения, использовать меры по включению в национальное законодательство процессуальных правил для максимально широкого сотрудничества в уголовном, гражданском и административном процессах.

Судебная экспертиза - процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем или прокурором, в целях уста-

¹Перечень международных договоров российской федерации по вопросам правовой помощи и правовых отношений по гражданским, семейным, уголовным и иным делам [Электронный ресурс]. <http://minjust.ru/ru/perechen-mezhdunarodnyh-dogovorov-rossiyskoy-federacii-po-voprosam-pravovoy-pomoshchi-i-pravovyh-28> (Дата обращения: 28.03.2018).

новления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу².

Как следствие, в мировой практике заключается все больше международных договоров (соглашений, конвенций), регулирующих вопросы оказания правовой и, в том числе, судебно-экспертной помощи. Создаются международные правоохранительные и судебные органы, объединения судебных экспертов.

Комиссией по предупреждению преступности и уголовному правосудию Экономического и Социального Совета ООН в 2010 году была принята резолюция «Международное сотрудничество в судебно-экспертной сфере». Из этого документа следует, что роль судебной экспертизы в отправлении правосудия возрастает и дальнейшего развития невозможно без устойчивых международных связей судебно-экспертных учреждений и обмена судебно-экспертной информацией и данными. Наличие этого положения стало реальной предпосылкой не только развития и укрепления международного сотрудничества в сфере обмена экспертной информацией и опытом, но и совершенствования законодательного регулирования.

Актуальные вопросы международного судебно-экспертного сотрудничества были отражены в Государственной программе Российской Федерации «Юстиция» на 2013–2020 годы, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации 4 апреля 2013 г. В ней поставлены задачи развития международного сотрудничества в сфере судебно-экспертной деятельности в целях укрепления положения российской судебной экспертизы в мире, расширения базы знаний экспертов, разработки новых методических комплексов, в том числе путем скорейшей адаптации современных зарубежных методик, продвижения современных российских методик среди экспертных лабораторий мира.

Международными образованиями в целях обеспечения качества и достоверности экспертных заключений все чаще ставятся вопросы о стандартизации, сертификации и оценке пригодности методов и методик судебно-экспертной деятельности, аккредита-

² Федеральный закон "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" от 31.05.2001 N 73-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/12123142/> (Дата обращения: 28.03.18).

ции судебно-экспертных лабораторий и судебно-экспертного сотрудничества в международных уголовных судах.

Одним из таких образований можно назвать «Европейскую сеть судебно-экспертных институтов» («*The European Network of Forensic Science Institutes*» - далее *ENFSI*) образованный в 1995 году с целью улучшения взаимного обмена информацией в области судебной экспертизы. Россия является постоянным участником *ENFSI* и наравне с другими участниками вносит свой вклад в разработку методических рекомендаций судебно-экспертного направления. За последние годы Российская Федерация приняла участие во множестве конференций экспертных групп, организованных *ENFSI*, некоторые из которых были проведены на Территории Российской Федерации³.

Опыт работы подобных организаций способствует дальнейшему развитию судебно-экспертной науки и укреплению международного сотрудничества экспертов и ученых в области судебной экспертизы.

Существуют множество академий и организаций:

- Международная академия судебно-экспертных наук (*International Academy of Forensic Sciences – IAFS*).
- Международная ассоциация судебно-экспертных наук (*International Association of Forensic Sciences*)
- Международная академия судебно-экспертных профессионалов (*International Academy of Forensic Professionals – IAFP*).
- Американская академия судебно-экспертных наук (*American Academy of Forensic Sciences – AAFS*)

Своей целью подобные организации ставят консолидацию совместных усилий для повышения эффективности использования судебных экспертиз в процессе отправления правосудия как на национальном, так и на международном уровне. А это в свою оче-

3 Байрамова Ф.О. О восемнадцатой ежегодной конференции рабочей группы ENFSI по судебной экспертизе речи и звука. / Ф.О. Байрамова // Теория и практика судебной экспертизы. М. 2016. № 4(44). С.116-118.

редь может стать базой для будущего плодотворного сотрудничества⁴.

Огромный вклад в развитие международных отношений России в области судебной экспертизы внесен Российским Федеральным центром судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. В данный момент центр сотрудничает с Евразийской судебно-экспертной сетью в области охраны дикой флоры и фауны, а также успешно работает со множеством международных государственных объединений в том числе и в рамках Шанхайской организацией сотрудничества.

Существенный пробел регулирования международного сотрудничества в Федеральном законе Российской Федерации «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» на данный момент компенсируется Международными соглашениями Российской Федерации. Однако в полной мере это будет возможно в тот момент, когда вступит в силу новый законопроект, находящийся на стадии второго чтения в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, в который включена глава о «Международном сотрудничестве в области судебно-экспертной деятельности». Из чего можно сделать вывод, что Российская Федерация заинтересована в будущем развитии судебной экспертизы и сотрудничестве с разными странами по вопросам данной отрасли. Очевидна необходимость более детального урегулирования процессуальных вопросов производства экспертизы на основании международного сотрудничества.

⁴ Хазиев Ш.Н., Теоретические основы и организация международного сотрудничества в области судебно-экспертной деятельности. / Ш.Н. Хазиев. // Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. М. 2016. URL: <http://www.sudexpert.ru/diss/khaziev.pdf> (Дата обращения: 29.03.2018)

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ЧЛЕН СЕМЬИ» РАБОТНИКА КОНСУЛЬСКОГО УЧРЕЖДЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРАХ И КОНСУЛЬСКОЙ ПРАКТИКЕ ГОСУДАРСТВ

Динар Рустемович Амиров

аспирант ИМПЭ им. А.С. Грибоедова

Один из наиболее неисследованных вопросов в консульском праве связан правовым статусом членов семей работников консульских учреждений (далее – члены семьи). Он устанавливается международными обычаями, универсальной Венской конвенцией о консульских сношениях 1963 г. (далее – ВККС), многочисленными двусторонними консульскими договорами, а также внутригосударственными правовыми нормами в части, не противоречащей положениям международных договоров.

Несмотря на то, что понятие «член семьи» неоднократно встречается в тексте ВККС, конвенция не раскрывает его содержания. Вместе с тем, на основе анализа отдельных норм ВККС, посвящённых привилегиям и иммунитетам членов семей (например, ч. 2 ст. 53 ВККС), всё же можно выделить один нормативно закреплённый признак, необходимый для признания за лицом статуса члена семьи – совместное проживание с работником консульства¹. Поскольку это обязательное требование также нашло своё отражение во многих двусторонних консульских договорах, подписанных после заключения ВККС, при исследовании содержания рассматриваемой категории оно будет подразумеваться.

Из более чем семидесяти двусторонних консульских договоров, заключённых нашим государством, лишь в семнадцати закреплено определение указанного понятия. Так, согласно дефиниции, данной в консульских конвенциях с Италией и Йеменом, член

¹ Венская конвенция о консульских сношениях (Заключена в г. Вене 24 апреля 1963 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLV. – М., 1991. С. 124–147.

семьи – это супруг(а) работника консульского учреждения, его несовершеннолетние дети и родители².

Несколько расширенное определение содержится в конвенции с Сербией и Черногорией, где рассматриваемая категория включает в себя супруга(у) работника, его детей и родителей при условии, что они находятся на его иждивении³. Аналогичную формулировку закрепили консульские соглашения с КНР, Румынией с той лишь разницей, что дети должны быть несовершеннолетними⁴.

По консульской конвенции с Турцией этот перечень лиц дополняется родителями супруга(и), находящимися на их иждивении, в то время как соглашения с Албанией, Мозамбиком, Туркменистаном, устанавливающие практически идентичную дефиницию, не указывают на возраст детей.

Некоторые договоры, по сути, содержат их открытый список, поскольку относят к членам семьи любых лиц, кто находится на иждивении у работников консульских учреждений (Тунис, Украина, Эквадор). При этом из общего ряда выбивается консульская конвенция с Египтом, так как в ней в отличие от других соглашений в определении исследуемой категории установлено изъятие: к членам семьи не могут относиться несовершеннолетние сыновья. Таким образом, действующие между Российской Федерацией и зарубежными странами консульские соглашения преду-

² Консульская конвенция между Российской Федерацией и Итальянской Республикой (Заключена в г. Риме 15 января 2001 г.) // Бюллетень международных договоров. 2004. № 7. С. 49–76; Консульская конвенция между Российской Федерацией и Йеменской Республикой (Заключена в г. Москве 25 апреля 2001 г.) // Бюллетень международных договоров. 2009. № 7. С. 48–69.

³ Консульская конвенция между Российской Федерацией и Сербией и Черногорией (Заключена в г. Белграде 7 ноября 2005 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 34. Ст. 3905.

⁴ Консульский договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (Заключён в г. Москве 25 апреля 2002 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 74. Ст. 244; Консульская конвенция между Российской Федерацией и Румынией (Заключена в г. Москве 4 июля 2003 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 6. Ст. 642.

смаатривают различные подходы к толкованию понятия «член семьи».

В двусторонних консульских договорах, заключённых иностранными государствами, также существуют многочисленные варианты дефиниции рассматриваемого понятия. Наиболее лаконичная формулировка содержится в двусторонних консульских договорах Великобритании с ФРГ; Литвы с Китаем, согласно которой членом семьи признаются его супруг(а) и несовершеннолетние дети. По договорам Великобритании с Китаем, Чехией и Словакией это перечень лиц дополняется любыми родственниками.

Достаточно большой блок консульских договоров, представленный, например, договорами Польши с Литвой, Узбекистаном; Казахстана с Молдавией; Узбекистана с Болгарией, Грецией; Украины с Италией, Македонией, содержит определение, согласно которому членом семьи – супруг(а) работника, его дети и родители, находящиеся у него на иждивении. Такой же подход используется в консульской конвенции между Латвией и Узбекистаном, но с одним уточнением: дети должны быть до 21 года.

Рассмотрение в качестве членов семей обозначенных в предыдущем абзаце лиц характерно также для консульских договоров Грузии с Казахстаном, Узбекистаном, за тем исключением, что статусом члена семьи наделяются не только родители указанного работника, но и родители его супруги (а).

Ещё большее расширение круга лиц, подпадающих под категорию «член семьи», происходит в консульских соглашениях Грузии с Литвой, Украиной; Казахстана с Туркменистаном; Узбекистана с Киргизией и др. В этих договорах под членом семьи понимаются его супруг(а), дети, родители, а также другие лица, находящиеся у него на иждивении.

И, наконец, наиболее объёмная и гибкая формулировка установлена в двустороннем консульском договоре между Великобританией и Румынией, согласно которой к членам семьи относятся супруг(а) работника консульского учреждения, его несовершеннолетние дети, а также другие лица, рассматриваемые государством пребывания в этом качестве. Такая дефиниция позволяет государствам значительно расширять круг лиц, признаваемых членами семьи.

Таким образом, можно констатировать, что как в отечественной, так и зарубежной договорной практике существует множество вариантов трактовки понятия «член семьи». При этом всё же имеется один признак, объединяющий все эти определения – необходимость совместного проживания с работником консульского учреждения. Иногда этот признак дополняется требованием о необходимости нахождения члена семьи на иждивении. В конечном итоге с учётом обозначенных особенностей в наиболее общем виде можно выделить следующие группы лиц, признаваемые в качестве членов семьи:

- 1) супруг (а), его дети;
- 2) супруг (а), его дети и родители;
- 3) супруг (а), его дети, его родители и родители супруга (и);
- 4) супруг (а), его дети и любые другие родственники;
- 5) супруг (а), его дети и любые другие лица.

Отсутствие нормативно закреплённого определения рассматриваемой категории в двустороннем консульском соглашении либо отсутствие такого соглашения в принципе позволяет государствам на основе сложившейся практики и принципа взаимности определять по своему усмотрению перечень лиц, которых они будут признавать членом семьи.

Следует отметить, что государства нередко, не взирая на положения двусторонних консульских договоров, самостоятельно устанавливают круг лиц, регистрируемых в качестве членов семей⁵. Им выдаются специальные документы – карточки (как правило, той же разновидности, что и самому работнику⁶), подтверждающие их личность и правовой статус. На сегодняшний день

⁵ Процедура оформления в МИД работников иностранных консульских учреждений и выдачи им подтверждающих их статус документов иногдаменуется аккредитацией, что не совсем корректно. Понятие «аккредитование» возникло от лат. *accrere* – «доверять» и подразумевает процесс назначения государством своего дипломатического представителя. В связи с этим представляется оправданным использование категории «регистрация».

⁶ В свою очередь, разновидность карточки работника консульского учреждения зависит от категории, к которой он принадлежит. Подробнее см.: Амиров Д.Р. Классификация работников консульских учреждений и ее содержание // Евразийский юридический журнал. 2016. № 1. С. 106–110.

значительное число государств, в частности Бельгия, Голландия, Испания, Казахстан, Словакия, Финляндия, осуществляют выдачу 3 видов рассматриваемых документов⁷. В то же время в Российской Федерации, а также в Белоруссии, Исландии, Киргизии и некоторых других странах для работников иностранных консульских учреждений предусмотрено лишь 2 вида карточек⁸.

Не предоставление отдельным категориям лиц соответствующих карточек не означает автоматического нераспространения на них статуса члена семьи и, в результате, соответствующих привилегий и иммунитетов, поскольку правовой статус этих лиц

⁷ The Federal Public Service Foreign Affairs, Foreign Trade and Development Cooperation Circular note of 1 March 2012. Administrative procedure for the accreditation of members of staff and their family members of career consular posts in Belgium; Protocol Guide for Diplomatic Missions and Consular Posts // The Ministry of Foreign Affairs of Netherlands; Model cards issued by the Ministries of Foreign Affairs of the Member States to accredited members of diplomatic missions and consular representations and members of their family; The Protocol Guide // Diplomatic Protocol Department of the Ministry of Foreign and European Affairs of Slovakia; Приказ Министра иностранных дел Республики Казахстан от 3 августа 2009 г. № 08-1-1-1/236 «Об утверждении Инструкции по регистрации дипломатического представительства, международной организации и/или ее представительства, консульского учреждения, аккредитации глав, членов персонала дипломатических представительств, международных организаций и/или их представительств, работников консульских учреждений; Update of model cards issued by the Ministries of Foreign Affairs of Member States to accredited members of diplomatic missions and consular representations and members of their families // Official Journal of the European Union. 2016. February.

⁸ Постановление Министерства иностранных дел Республики Беларусь от 15 июля 2010 г. № 11 «Об утверждении Инструкции о порядке аккредитации иностранных граждан в Министерстве иностранных дел Республики Беларусь»; Diplomatic handbook // Protocol Department Ministry for foreign affairs of Iceland; «Положение о порядке аккредитации сотрудников дипломатических представительств, консульских учреждений иностранных государств, а также представительств международных организаций и иных приравненных к ним представительств, осуществляющих деятельность на территории Кыргызской Республики». Утверждено постановлением Правительства Кыргызской Республики от 23 сентября 2015 г. № 659.

определяется в первую очередь двусторонним консульским договором, а не наличием или отсутствием у них указанных документов. Последние лишь позволяют идентифицировать владельца карточки как лицо, которое может обладать определёнными привилегиями и иммунитетами.

МИД России осуществляет регистрацию в качестве члена семьи супруга(и), детей (от 14 до 18 лет и старше 18 лет при условии, что они не состоят в браке и являются студентами дневной формы обучения), а также родителей работника консульского учреждения при наличии соответствующего положения двустороннего соглашения либо на основе принципа взаимности.

За рубежом, как правило, к членам семьи относятся супруг(а), а также дети в зависимости от их возраста, семейного положения и некоторых других факторов, связанных, например, с их обучением или состоянием здоровья⁹. Исходя из практики государств может дополняться и другими лицами. При этом в некоторых странах определён круг лиц, которые ни при каких условиях не могут претендовать на статус члена семьи. В частности, в Турции, – это однополые партнёры работников консульств¹⁰.

Всё больше западных государств (Австралия, Канада, Нидерланды, Швеция и др.), напротив, начинают признавать указанных лиц как членов семей. Можно предположить, что ввиду дальнейшей «либерализации» общественных ценностей в этой части, в будущем количество государств, следующих этой практике, будет увеличиваться. Тем не менее, не взирая на принцип взаимности, в Российской Федерации однополый партнёр работника иностранного консульства не рассматривается в качестве члена его семьи как в силу правил, установленных действующим законодательством, так и в связи с культурно-историческими особенностями

⁹ Так, по общему правилу Израиль признаёт членами семей работников иностранных консульств их детей в возрасте до 18 лет. Тем не менее, если совершеннолетние дети не состоят в браке, имеют проблемы в физическом или умственном развитии и находятся на иждивении родителей, они также рассматриваются в качестве членов семей // Being a Diplomat in Israel. Ministry of Foreign Affairs of Israel. 2008. P. 29.

¹⁰ Guide to diplomatic missions in Turkey. Ministry of Foreign Affairs of Turkey. 2015. P. 9.

развития нашего государства. Отнесение того или иного лица к члену семьи работника консульского учреждения имеет важное практическое значение ввиду привилегий и иммунитетов, которыми оно наделяется. Необходимо учитывать, что большая часть двусторонних консульских договоров содержит положение, согласно которому привилегии и иммунитеты не распространяются на работников консульских учреждений и членов их семей из числа граждан государства пребывания, а равно на граждан представляемого государства, постоянно проживающих на территории страны пребывания. Более того, как показывает сложившаяся международная практика, даже при отсутствии данного изъятия в двустороннем соглашении, государства не рассматривают указанных лиц как носителей привилегий и иммунитетов и не регистрируют их в качестве членов семей. Помимо обозначенных случаев привилегии и иммунитеты, как правило, не предоставляются членам семьи, которые сами занимаются в государстве пребывания частной деятельностью с целью получения доходов либо если работник консульства, с кем они состоят в родстве, сам занимается такой деятельностью. Нередко члены семей работников консульских учреждений трудоустраиваются в консульстве. Очевидно, что они не могут одновременно обладать двумя правовыми статусами: работника консульского учреждения и члена его семьи и, соответственно, пользоваться двойными привилегиями и иммунитетами. В таком случае указанные лица будут рассматриваться в том качестве, в котором были зарегистрированы в МИД страны пребывания. Проведённое исследование двусторонних консульских договоров и консульской практики различных государств позволило прийти к выводу об отсутствии единообразного подхода к определению круга лиц, признаваемых в качестве члена семьи. И если существующие в международных договорах варианты дефиниции рассмотренного понятия в наиболее общей форме могут быть объединены в несколько групп, то практика государств по этому вопросу настолько разнообразна, что с трудом поддаётся какой-либо систематизации. Закрепление в ходе дальнейшей кодификации норм консульского права универсальной дефиниции понятия «член семьи работника консульского учреждения» позволит сформировать по этому вопросу единообразную практику в мировом масштабе.

THE INTERACTION BETWEEN PRIVATE INTERNATIONAL LAW AND PUBLIC INTERNATIONAL LAW

Luc Thi Ly

Student of Department of Civil Laws, Law Institute, RUDN

“International law” is conception which can define by different ways. According the theory of **G. J. Starke** : “International Law may be defined as that body of law which is composed for its greater part of the principles and rules of conduct which States feel themselves bound to observe, and, therefore, do commonly observe in their relations with each other and which includes also :” the rules of law relating to the functioning of international institutions or organizations, their relations with each other, and their relations with States and individuals; and certain rules of law relating to individuals and non-state entities so far as the rights or duties of such individuals and non-state entities are the concern of the International community”¹. According to hall, “International Law consists in certain rules of conduct which the modern civilized states regard as being binding on them in their relation with one another.” Base on their theory I think “International Law” is the legal system which was created by the government to regulate the Public International relationships.

Private international laws are important laws which regulate the Private International relationships. There are different legal rules between nations do the Private International Laws is seemed the “conflict of laws” which refers to that part of the law that is administered between private citizens of different countries or is concerned with the definition, regulation, and enforcement of right I situations where both the person in whom the right inheres and the person upon whom the obligation rests are citizens of different nations ways.

Although the Public International Laws and Private International Laws are different parts of legal system but there are interaction be-

¹ <https://www.srdlawnotes.com/2015/11/some-important-definitions-of.html>

tween them. The article studies about the interaction between Public International Laws and Private International Laws (hereinafter called “Two part of International legal system”)

Comparative between private international laws and public international laws

1. The Similarities

Sources of Laws: There are so many common sources between Public International Law and Private International Law. They can be government International convention, of Private International conventions, the Agreements, e.t and specific regulation in legal system.

The object: "International Law" is generally a system of rules to regulate international relations, and the Public International Law and Private International Law is two major components of the international legal system. So both parts of the system are geared towards regulating international relations in practice. Although the nature of the two legal systems regulates two different parts of the international legal system, in terms of its basic function, the Public International Law and Private International Law has the object of regulating international relations.

The subject: The state is a fundamental subject in international public law, and the state can also become a subject in the Private International Law. Thus, in general, the state is the subject of Public International Law and Private International Law

General principles of International Law:

General principles of law are basic rules whose content is very general and abstract, sometimes reducible to a maxim or a simple concept. Unlike other types of rules such as enacted law or agreements, general principles of law have not been “posited” according to the formal sources of law. All of Public International Law and Private International Law shall be according the general Principles to ensure that legal system was harmonized.

2. The distinctions

Content	Public international law	Private international law
As to consents	Public international law based on the consent of the state.	Private international law is not based on the consent of the states.
As to objects	Public international law regulates relationship of	Private international law determines as to which

	states inter se and determines rights and duties of the subject states at international sphere.	law will apply of two conflicting in a particular case having foreign element
As to conflict of laws	Public international law does not involve in conflicts of laws.	Private international law involves in the conflicts of laws.
As to natures	Public international is same for all the states.	Private international may be different in various states.
As to legal sources	Public international law has its sources in treaties, custom etc. etc.	Private international law has its sources in the legislation of the individual state to which the litigant belongs.
As to application	Public international law applicable to criminal as well as civil cases.	Private international law is applicable to civil cases only, which present themselves for accession of courts of the state.
As to municipal law	Public international law is not part of municipal law.	Private international law is part of municipal law.
As to scope	Public international law has wider scope. It is of universe character.	Private international law has lessor scope.
As to jurisdictions	Public international law does not involve determination on the question of determination.	Private international law determines court which will have jurisdiction to decided issue in question

The interaction between private international laws and public international laws

1. Public International Principles influence Private International Law

The Public International principles have the compelling characters and the influence upon the Private International Law. There are eight basic principles of Private International Law:

- Every State must have a system of Private International Law: Private International Law or the conflict of Laws in United State is the field of procedural law dealing with choice of law rules when a legal action implicates the substantive laws of more than one jurisdiction and a court must determine which law is most appropriate to resolve the action. In the United States, the rules governing these matters have diverged from the traditional rules applied internationally. The outcome of this process may require a court in one jurisdiction to apply the law of a different jurisdiction.²

- States must not exclude the application of foreign law altogether: this principle plays important roles in the resolution of the conflict of law insurances the fairness in the application of law.

- States may exclude foreign law on grounds of public policy: The public policy doctrine or order public (lit. Fr. "public order") concerns the body of principles that underpin the operation of legal systems in each state.³ This addresses the social, ethical and economic values that connect one society to another: values differ in cultures and change over time. Laws of behavioral regulation reinforce current social expectations or encourage constructive change, and laws are more likely to be effective when they are consistent with the most widely accepted social norms and reflect. The collective morality of the society.

- No State may impose its own rules relating to status upon persons who are merely temporary residents: Not every country allows permanent residency. Rights and application may vary widely. These principles ensure that permanent residency will be protected by the general principles of International Law.

- Immovable is governed by the Lex situs, and rights in movables acquired in virtue of a previous Lex situs must be respected.

- Form is governed by the Lex loci actus: Lex loci actus is the law of the place where a legal action takes place. It is the place where the act occurred that gave rise to the legal claim. Generally, the form of

² https://en.wikipedia.org/wiki/Conflict_of_laws_in_the_United_States

³ https://en.wikipedia.org/wiki/Public_policy_doctrine

a contract is governed by *lex loci actus*. A compliance with the *lex loci actus* is all that is required to give validity to the will in a state.⁴

- Procedure is governed by the *Lex fori*: *Lex Fori* (Latin for the law of a forum) is a legal term used in conflicts of law to refer to the laws of the jurisdiction in which a legal action is taken. When a court determines that, in accordance with the principle of conflict of laws, certain legal disputes are settled by reference to the law of another jurisdiction, *lex causae* *lex fori* to manage the problems of procedure.

- Free choice is allowed for contracts: Freedom of contract is the freedom of individuals or groups of public or private (of any legal entity) to form contracts without government restrictions.⁵ This is in contrast to government restrictions such as minimum wage, competition law or price fixing. Contract freedom is the foundation of economic economics and is the foundation of free-market freedom. Through contractual freedom, individuals have the same freedom of choice to choose a contract, whether contractual or not, and on contract terms.

Of these eight principles, the first four are preliminary or directory rules of Public International Law. They indicate a certain tendency to be followed by States. They do not provide for the application of any specific rules of private international law, such as nationality or housing law, or the law applicable to contractor, An inheritance system as a whole or whether the next move to move is governed by the decedent's personal law (and, if so, whether this is a national law of its own or where their residence, while the next comes to a standstill is regulated by *lex situs*. Instead, the general accept. ce of the public. In fact, most countries have Private International Law which was influenced by the Private International Law

2. Collaborate to regulate the common object

Public International Law and Private International Law have the common object is the International relationship, even they were created to control two fields of this relationship but usually there are collaborations between them.

Public International law includes the rules and principles governing relations between sovereign states and intergovernmental organizations such as the United Nations, together with organizations dedicated

⁴<https://definitions.uslegal.com/l/lex-loci-actus/>

⁵ https://en.wikipedia.org/wiki/Freedom_of_contract

to the areas of particular interest. (WHO, FAO, UNESCO, etc.) or the Council of Europe. The public international laws define and determine the rights and responsibilities of the members of the international community following the principle that all sovereign states are equal and can enjoy the same scope of privileges and immunities.

Private international law refers to that part of the law that is administered between private citizens of different countries or is concerned with the definition, regulation, and enforcement of rights in situations where both the person in whom the right inheres and the person upon whom the obligation rests are private citizens of different nations. It is a set of rules and regulations established or agreed upon by citizens of different countries who are privately engaged in a transaction and will govern in the event of a dispute. In this respect, private international law differs from public international law, which is the set of rules introduced by the governments of different countries that determine the rights and regulates the relations of independent states.

Derived from the concept of two parts of the legal system, we can see that there are certain similarity and difference in their object. However, they are two parts of the International relationship so the influences between them are the basic factors to exist the interactions between Public International Law and Private International Law. The two parts of the legal system are always interdependent and complementary, and there is a reasonable distribution between the common object of international relationship.

3. Harmonization of Public International Law and Private International Law

In relation to the European Union, harmonization of law (or simply "harmonization") is the process of creating common standards across the internal market. Though each EU member State has the primary responsibility for the regulation of most matters within their jurisdiction and consequently each has its own laws. Harmonization aims to:

- Create a consistency of laws, regulations, standards and practices, so that the same rules will apply to businesses that operate in more than one Member State, and so that the businesses of one State do not obtain an economic advantage over those in another as a result of different rules.

- Reduced compliance and regulatory burdens for businesses operating nationally or trans-nationally.

An objective of the European Union to achieve uniformity in laws of member states aiming to facilitate free trade and protect citizens.⁶ Harmonization is a process of ascertaining the admitted limits of international unification but does not necessarily amount to a vision of total uniformity. Harmonization is dynamic and this is its most appealing feature.⁷ The instruments of harmonization aim at change, in particular improving and establishing consistent conditions for the operation of legal principles.⁸

In Vietnam the conception of harmonization of laws is a multi-faceted development and its basic objective is the suitability of Vietnamese law with international law.

In the author's view, harmonization of international law consists in reducing the differences and increasing similarities between national legal systems.

First of all, harmonization of international law is important to reduce the differences between legal systems, because the basic function of it is to resolve conflicts between national legal systems

- Private international law *sensu lato*, which comprises private international law *sensu stricto* (conflict of laws rules) and material legal norms which have direct extraterritorial character and are imperatively applied (material norms of law crossing the borders of State)—usually regulations on real property, consumer law, currency control regulations, insurance, and banking regulations.⁹

Secondly, harmonization of laws should increase the similarity between the laws of the countries and should create general principles to regulate social relations. Harmonization is usually not comprehensive but is relatively partial. That is, harmonization of law doesn't seek

⁶Peter E Nygh, Peter Butt (ed). (1997). "Butterworth Australian LEGAL Dictionary". page 543

⁷Menski, W. (2005). "Comparative Law in a Global Context". London: Cambridge University Press. page 39

⁸ Hesselink, M. The Ideal of Codification and the Dynamics of Europeanisation: The Dutch Experience in the book by Vogenauer, S and Weatherill, S (ed). (2006). "The Harmonization of European Contract Law Implications for European Private Laws, Business and Legal Practice". Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing. Page 50

⁹Walker, Janet. Conflict of Laws. Markham, Ont.: LexisNexis, 2006. ISBN 0-433-45427-X

to create a sole authority of law on a particular subject. This is because measures to harmonize law cannot go further than that which is necessary. So the similarity between the Public International Law and Private International Law is very important because it helps to limit conflict and to resolve disputes more effectively. But limitation of harmonization to the necessary and that sovereign legal systems are not willing to introduce any changes to national legislation as a result of harmonization unless they see this necessity.

Harmonization of Public International Law and Private International Law is most important factor to develop the Legal system.

THE SIGNIFICANCES OF THE INTERACTION

1. Development of legal system

Actually, the interaction between Public and Private International law always makes the law better and more complete. This interaction is also a way to balance the development of both parts of International Law. On the basis of that influence, a series of agreements came into force to regulate international relations. As a result, the legal system is improving.

Example:

European Convention on Human Rights is a convention of Public International legal system. This is an international treaty (Public International Law) to protect human rights and political freedoms in Europe. Drafted in 1950 by the then newly formed Council of Europe, the convention entered into force on 3 September 1953. All Council of Europe member states are party to the Convention and new members are expected to ratify the convention at the earliest opportunity.¹⁰

According to the European Convention on Human Rights, the Consumer Protection directive was created to protect the rights of consumers in European Union. Creating a new legal document is one way to improve the legal system; this is one of the significances of the Interaction between Public and Private International laws.

2. Harmonization of two parts of legal system

Harmonization/unification of international law consists in reducing the differences and increasing similarities and creates the general principles in legal systems. This is the result of the interaction between Public and Private International laws.

¹⁰ https://en.wikipedia.org/wiki/European_Convention_on_Human_Rights

Examples:

The United Nations Charter sets out the fundamental principles of modern public international law, notably: The strict prohibition on the acquisition of territory by force, the strict limitation on the right to use force against other states, Promotion of human rights. To harmonies with The United Nations Charter, in the Private International Laws have the principles: States may exclude foreign law on grounds of public policy; no State may impose its own rules relating to status upon persons who are merely temporary residents to protect rights of the temporary residents; Immovable is governed by the Lex situs, and rights in movables acquired in virtue of a previous Lex situs must be respected. These principles of Private International Law were created to harmonies with the common of the Public International Laws. In contrast, the rules of Public International Law are always amended and supplemented in time to comply with the law of Private International Law.

CONCLUSION

Economic development is the process by which a nation improves the economic, political, and social well-being of its people. The term has been used frequently by economists, politicians, and others in the 20th and 21st centuries. The concept, however, has been in existence in the West for centuries. Modernization, Westernization, and especially Industrialization are other terms people have used while discussing economic development. Economic development has a direct relationship with the environment. To encourage economic development, it is necessary to have a coherent system of laws regulating economic relations. The Public and Private International Law are playing important roles for the development of economic.

Therefore, when studying the relationship between the two parts of the legal system, it also aims to develop the legal system and develop the economic.

JUS COGENS AND THE LAW OF INTERNATIONAL TREATIES

Victor Serafimov

PhD student, South-West University "Neofit Rilski"

At the time of concluding of the Vienna Convention of the Law of Treaties¹, the international community has accepted that a treaty that conflicts peremptory norms of the general international law will be void and are to be terminated². In that respect, the validity of an international treaty is subjected to the lack of a peremptory norm that conflicts with it.

Thus, it is necessary to clarify the essence of peremptory norms and the process of their formation.

The doctrine of international *jus cogens* was developed under a strong influence of natural law concepts, which maintain that states cannot be absolutely free in establishing their contractual relations. States were obliged to respect certain fundamental principles deeply rooted in the international community³. The power of a state to make treaties is subdued when it confronts a super-customary norm of *jus cogens*⁴. In other words, *jus cogens* are rules, which correspond to the fundamental norm of international public policy and in which cannot be altered unless a subsequent norm of the same standard is established. This means that the position of the rules of *jus cogens* is hierarchically superior compared to other ordinary rules of international law⁵.

¹ United Nations, Vienna Convention on the Law of Treaties, 23 May 1969, United Nations, Treaty Series, vol. 1155, p. 331

² Argument based on Art. 53 and Art. 64 of the Vienna Convention on the Law of Treaties,

³ Wallace, R. International Law 33. 1994.

⁴ Danilenko, G. International Jus cogens: Issues of Law-Making, 1991.

⁵ Hossain, K. The Concept of Jus cogens and the obligation under the UN Charter. 2005.

The international community in general has gradually accepted that certain general principles of international law exist that allow no derogation under any circumstances⁶. One of the first scholars to research this legal matter is Johann Bluntschli⁷ who developed the concept that was later researched by prof. Lassa Oppenheim⁸. Both of them reached the conclusion that a treaty that regulates issues that are widely forbidden by the international community is not to be treated as a binding instrument of international law⁹.

The concept was officially recognized by the Permanent court of international justice (hereinafter – “the PCIJ”) in the 1923 Wimbledon case¹⁰. The court did not explicitly define which norms exactly are *jus cogens* but it could be derived that the prohibition of genocide, maritime piracy, slaving in general, torture, refoulement and wars of aggression and territorial aggrandizement fall within the scope of this concept¹¹.

The *jus cogens* concept was studied by the PCIJ but the court at no point developed or discussed the threshold that a general principle of international law should meet in order to qualify as a *jus cogens* norm. This issue was discussed by the International Law Commission when developing the final draft of the Vienna convention on the law of treaties¹². It was, however accepted that *jus cogens* norms meet a set of certain criteria¹³.

The norm should be derived from the general international law and should have a universal character¹⁴. It was discussed whether *jus*

⁶ Kolb, R. Peremptory International Law - Jus cogens: A General Inventory. 2017

⁷ Bluntschli, J. Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staaten als Rechtsbuch dargestellt. 1878.

⁸ Oppenheim, L. The Future of International Law. 1912

⁹ Czapliński, W. Jus cogens and the Law of Treaties. In C. Tomuschat and J. M. Thouvenin. 2006

¹⁰ The SS ‘Wimbledon’, United Kingdom and others v Germany. PCIJ. 1923

¹¹ Weatherall, T. Jus cogens: International Law and Social Contract. 2017.

¹² ILC Yearbook 1966. Vol. II. pp. 247-248. 1966.

¹³ Dörr, O. Vienna Convention on the Law of Treaties: A Commentary. 2012.

¹⁴ Лукашук, И. Договоры, противоречащие императивной норме общего международного права. 2005.

cogens inter partes norms could exist, but this concept was denied by the ILC¹⁵.

The norm should be accepted and recognized by the international community of states as a whole. It is important to note that the ILC discussed the possibility of one state vetoing the emergence of a *jus cogens* norm due to its national interests. In that sense, it was accepted that it would not be required to have an unanimous acceptance of the norm, but an acceptance of the states as a whole is needed¹⁶. In that sense, the *jus cogens* norms can be usually derived from general treaties that involve the majority of states, general international customs and general principles of international law¹⁷.

The norm should be one from which no derogation is permitted, and which can be modified only by subsequent norm of general international law of the same character. It could be stated that this is the most identifying feature and ‘essence’ of a *jus cogens* norm¹⁸. These norms, which have a fundamental bearing on the behaviour of the international community of States as a whole, and from which no derogation is permitted at all¹⁹. It should be noted that the threshold of this requirement is rather high as was pointed by the ICJ in the Barcelona Traction case²⁰.

In conclusion, it should be noted that *jus cogens* norms usually do not affect existing treaties, since it is not often that parties conclude a treaty that is in conflict with peremptory norms of international law. The importance of this institute however is in its preventative functions. The difficulties related to the process of emergence of *jus cogens* norms are rather substantive. In that sense this is an issue that should be re-

¹⁵ Schwarzenberger, G. The Problems of International Public Policy, Current Legal Problems, p. 191 and p. 194. 1965.

¹⁶ Sztucki, J. *Jus cogens* and the Vienna Convention on the Law of Treaties, p. 74. 1974.

¹⁷ Verdross, A., Josef Dobretberger, and Hans Kelsen. *Gesellschaft, Staat Und Recht: Untersuchungen Zur Reinen Rechtslehre*. Vaduz: Topos, 1983

¹⁸ Nieto-Navia, R. *International Peremptory norms (Jus cogens) and International Humanitarian Law*. 2001.

¹⁹ Kelsen, H. *General Theory of Law and State*, p. 486. 1945

²⁰ *Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited, Belgium v Spain*. ICJ. 1964

solved in order to have a fully understandable and functioning mechanism that could be applied in the law of international treaties.

СЕКЦИЯ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СПОРАХ НА ПРИМЕРЕ ДЕЛА «КОНОКО-ФИЛИПС ПРОТИВ ВЕНЕСУЭЛЫ»

Анастасия Борисовна Алексеева

*Студентка юридического института
Российский университет дружбы народов
alexeevaanastasia00@gmail.com*

Проблема национализации всегда являлась одним из ключевых вопросов инвестиционных споров, но вплоть до последнего десятилетия не выходила на первый план ни на практике, ни в научных работах¹. В данной статье будут освещены вопросы, возникающие при разрешении инвестиционных споров о законности национализации на примере весьма известного и противоречивого дела, рассмотренного в Международном центре по урегулированию инвестиционных споров («МЦУИС» или «Трибунал») – «КонокоФилипс против Венесуэлы».

Национализация в самых общих чертах понимается как изъятие имущества, находящегося в частной собственности, и передача в собственность государства². Данный термин широко используется в отечественной международно-правовой доктрине. Наряду с ним можно встретить такие термины, как «экспроприация», «принудительное изъятие» и иные³.

¹ Dolzer R. Case Comment, ConocoPhillips v Venezuela and Gold Reserve v Venezuela. Expropriation: A New Focus on Old Issues, ICSID Review, Vol. 30, No. 2 (2015). Pp. 378–383. URL: <https://academic.oup.com/icsidreview/article-abstract/30/2/378/759889> (дата обращения: 11.04.2018).

² Фархутдинов И.З. Международное инвестиционное право и процесс. – М.: "Проспект", 2010. С. 103.

³ Фархутдинов И.З. Принудительное изъятие иностранной собственности и его правовые последствия // Имущественные отношения в РФ. 2003. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prinuditelnoe-izyatie-inostrannoy-sobstvennosti-i-ego-pravovye-posledstviya> (дата обращения: 12.04.2018).

Экспроприация в определении Г.Ф. Шершеневича - это «принудительное возмездное отчуждение или ограничение прав, которое производится государственной властью ввиду общепользующей цели»⁴. Данное определение, по мнению И.З. Фархутдинова, не теряет свое значение и сегодня. Именно в таком значении термин «экспроприация» понимается в зарубежной доктрине. Стоит отметить, что в силу практической взаимозаменяемости вышеперечисленных терминов⁵, в данной статье будет использоваться только термин «национализация».

Право суверенных государств на национализацию имущества, находящегося на их территории признано как международным, так и национальным правом⁶. Стоит заметить, что национализация признается законной только при соблюдении некоторых стандартов. Как правило, данные стандарты предусмотрены в самих инвестиционных соглашениях. В попытке установить баланс справедливости между государством и иностранным инвестором, положения инвестиционных соглашений предусматривают, что национализация запрещена, кроме случаев, когда она произведена: (1) в целях публичного интереса, (2) не несет дискриминационный характер, (3) произведена в соответствии с должными процессуальными требованиями, (4) сопровождается надлежащей компенсацией⁷. Таким образом, подобные положения устанавливают вполне четкую, на первый взгляд, границу между законной и незаконной формами национализации. Тем не менее, при непосредственном рассмотрении проблемы законности национализации, возникает

⁴ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.), М.: Фирма «СПАРК», 1995. С. 56.

⁵ Юлов Д.В. Экспроприация собственности иностранных инвесторов в международном частном праве // Актуальные проблемы российского права. 2016. №12 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekspropriatsiya-sobstvennosti-inostrannyh-investorov-v-mezhdunarodnom-chastnom-prave>. С. 175 (дата обращения: 12.04.2018).

⁶ Vig Z. The Standard of Compensation for Taken Foreign Property in Major International Investment Dispute Cases, pp. 63–83, Acta univ. sapientiae, legal studies, 5, 1 (2016). P. 63. URL: <http://www.acta.sapientia.ro/acta-legal/C5-1/legal51-05.pdf> (дата обращения: 13.04.2018).

⁷ Фархутдинов И.З. Международное инвестиционное право и процесс. – М.: "Проспект", 2010. С. 67.

множество вопросов. Одними из самых противоречивых дел по вопросам национализации являются: некоторые споры, рассмотренные в рамках специального Трибунала между США и Ираном⁸, дело Десарролло против Коста-Рики⁹, рассмотренное МЦУИС и другие.

В связи с продолжающимся существованием противоречий в практике разрешения инвестиционных споров, необходимо рассмотреть процесс определения законности национализации по причине отсутствия компенсации на примере дела, рассматриваемого МЦУИС, - «Коноко-Филипс против Венесуэлы».

Процесс национализации компании Коноко-Филипс проходил в период с 2004 по 2007 гг. Разбирательство в МЦУИС началось в 2007 году по заявлению Коноко-Филипс. 3 сентября 2013 года по делу было вынесено решение, определяющее юрисдикцию спора и некоторые вопросы по существу. Тем не менее, Трибунал не определил финальный размер компенсации по данному делу, и поэтому оно продолжается до сих пор¹⁰.

Обстоятельства данного дела таковы: Венесуэла, после прихода к власти президента Уго Чавеса, начала политику национализации компаний, занимающихся разработкой углеводородных ресурсов страны¹¹. После национализации путем приобретения ма-

⁸ Khachvani D. Compensation for Unlawful Expropriation: Targeting the Illegality, ICSID Review, Vol. 32, No. 2 (2017). Pp. 385–403. URL: <https://academic.oup.com/icsidreview/article-abstract/32/2/385/3067234> (дата обращения: 13.04.2018).

⁹ Grund S. Case Analysis Compania del Desarrollo de Santa Elena S.A. v Republic of Costa Rica Case No. ARB/96/1, January 2016, University of Vienna. URL: https://deicl.univie.ac.at/fileadmin/user_upload/i_deicl/VR/VR_Personal/Reinisch/Internetpublikationen/grund.pdf (дата обращения: 16.04.2018).

¹⁰ ConocoPhillips Petrozuata B.V., ConocoPhillips Hamaca B.V., ConocoPhillips Gulf of Paria B.V. and ConocoPhillips Company v. Bolivarian Republic of Venezuela, ICSID Case No ARB/07/30, Case Details. URL: <https://icsid.worldbank.org/en/Pages/cases/casedetail.aspx?CaseNo=ARB/07/30> (дата обращения: 16.04.2018).

¹¹ Weisbrot M. Rebecca Ray and Luis Sandoval, The Chávez Administration at 10 Years: The Economy and Social Indicators, February 2009. URL:

жоритарного процента акций в капитале Коноко-Филипс, Венесуэла отказала в выплате полной компенсации компании, и вместо этого попыталась определить размер компенсации через переговоры. Когда переговоры провалились по причине выдвигания нереалистичных требований с обеих сторон, компания обратилась в МЦУИС с иском против Венесуэлы¹².

Основанием для разбирательства было двустороннее инвестиционное соглашение между Венесуэлой и Нидерландами. В частности, статья 6 данного договора содержит положения, касающиеся определения законности национализации. В этой статье приводятся вполне стандартные условия законности национализации, о которых уже говорилось ранее: часть «а» статьи указывает на соблюдение должных процессуальных требований при национализации, а также устанавливает требование о проведении национализации исключительно в публичных интересах. Часть «b» данной статьи устанавливает принцип недискриминации при проведении национализации, а часть «с» представляет условия должной компенсации¹³.

Арбитрами МЦУИС после определения надлежащей юрисдикции дела был рассмотрен вопрос дня полного перехода прав Венесуэлы на предприятие. Было решено, что этим днем будет день вынесения решения по данному делу. Стоит отметить, что решение по данному делу до сих пор не вынесено, так как МЦУИС не закрыл вопрос размера компенсации.

<http://cepr.net/documents/publications/venezuela-2009-02.pdf> (дата обращения: 16.04.2018).

¹² Dolzer R. Case Comment, *ConocoPhillips v Venezuela and Gold Reserve v Venezuela*. Expropriation: A New Focus on Old Issues, *ICSID Review*, Vol. 30, No. 2 (2015). Pp. 378–383. URL: <https://academic.oup.com/icsidreview/article-abstract/30/2/378/759889> (дата обращения: 11.04.2018).

¹³ Соглашение о взаимной поддержке и защите инвестиций между Королевством Нидерланды и Республикой Венесуэла от 22 октября 1991 (*Agreement on encouragement and reciprocal protection of Investments between the Kingdom of the Netherlands and the Republic of Venezuela*, 22 October 1991). URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/laws/italaw6198%282%29.pdf> (дата обращения: 16.04.2018).

Представители компании «Коноко-Филипс» в своем заявлении обозначили два нарушения, совершенные Венесуэлой в процессе национализации. Первое – нарушение принципа недискриминации – было отвергнуто арбитрами¹⁴. Второе – недостаточной размер компенсации со стороны Венесуэлы – было рассмотрено весьма необычным способом.

Мажоритарное большинство арбитров согласились на том, что национализация Коноко-Филипс, осуществленная Венесуэлой, была незаконной по причине недобросовестного со стороны Венесуэлы ведения переговоров по поводу размера компенсации за эту национализацию. Таким образом, на основании несоблюдения должного процесса, Венесуэла, по мнению арбитров, нарушила принцип добросовестного проведения переговоров.

Согласно особому мнению арбитра Аби-Сааба, Трибунал совершил несколько серьезных ошибок как в процессуальном ведении дела, так и в материальном обосновании данного решения. Говоря об обоснованности, Аби-Сааб раскритиковал решение большинства, утверждая, что несоблюдение Венесуэлой добросовестного порядка ведения переговоров не может быть основанием незаконности национализации Коноко-Филипс¹⁵.

Аби-Сааб критикует процессуальные действия Трибунала: использование разных стандартов определения добросовестности в разделе определения юрисдикции и в разделе рассмотрения заявления по существу, нарушения правил рассмотрения доказательств и другие нарушения в целях прихода к решению о незаконности национализации¹⁶.

¹⁴ ConocoPhillips Petrozuata B.V., ConocoPhillips Hamaca B.V., ConocoPhillips Gulf of Paria B.V. and ConocoPhillips Company v. Bolivarian Republic of Venezuela, ICSID Case No ARB/07/30, Decision on Jurisdiction and Merits (3 September, 2013). Para. 332.

¹⁵ ConocoPhillips Petrozuata B.V., ConocoPhillips Hamaca B.V., ConocoPhillips Gulf of Paria B.V. and ConocoPhillips Company v. Bolivarian Republic of Venezuela, ICSID Case No ARB/07/30, Dissenting opinion of Prof. Georges Abi-Saab on Jurisdiction and Merits (19 February 2015). Para. 245-265.

¹⁶ ConocoPhillips Petrozuata B.V., ConocoPhillips Hamaca B.V., ConocoPhillips Gulf of Paria B.V. and ConocoPhillips Company v. Bolivarian Republic of Venezuela, ICSID Case No ARB/07/30, Dissenting opinion of Prof. Georges Abi-Saab on Jurisdiction and Merits (19 February 2015). Para. 268-280.

В итоге арбитр Аби-Сааб приходит к выводу о том, что ввиду обоснования решения на основаниях, не представленных заявителем перед Трибуналом, данное решение является *ultra petita*, и, следовательно, *ultra vires*¹⁷.

После двух заявлений Венесуэлы, оспаривающих данное решение, ссылаясь на обстоятельства его вынесения, которые были указаны выше, Трибунал вынес еще одно – промежуточное решение от 17 января 2017 года. В данном решении Трибунал отказал в пересмотре дела, найдя основание заявления Венесуэлы недостаточными¹⁸.

При вынесении промежуточного решения один из арбитров – Андреас Бухер, остался с ним не согласен и дал особое мнение. Согласно особому мнению арбитра А. Бухера, вывод о незаконности национализации по причине недобросовестного ведения переговоров не был обоснован, так как у Трибунала не было юрисдикции на решение данного вопроса¹⁹. Бухер утверждает, что вопрос о недобросовестности проведения переговоров не поднимался стороной, представлявшей Коноко-Филипс в споре и информация о требованиях заявителя, данная в параграфе 334 решения от 3 сентября 2013, неверна²⁰. Как указано выше, вторым их аргументом

¹⁷ ConocoPhillips Petrozuata B.V., ConocoPhillips Hamaca B.V., ConocoPhillips Gulf of Paria B.V. and ConocoPhillips Company v. Bolivarian Republic of Venezuela, ICSID Case No ARB/07/30, Dissenting opinion of Prof. Georges Abi-Saab on Jurisdiction and Merits (19 February 2015). Para. 283.

¹⁸ ConocoPhillips Petrozuata B.V., ConocoPhillips Hamaca B.V., ConocoPhillips Gulf of Paria B.V. and ConocoPhillips Company v. Bolivarian Republic of Venezuela, ICSID Case No ARB/07/30, Interim Decision (17 January 2017). Para. 156.

¹⁹ ConocoPhillips Petrozuata B.V., ConocoPhillips Hamaca B.V., ConocoPhillips Gulf of Paria B.V. and ConocoPhillips Company v. Bolivarian Republic of Venezuela, ICSID Case No ARB/07/30, Dissenting Opinion in relation to the Application for Reconsideration of part of the Decision on the Merits by Andreas Bucher (February 9, 2016). Para. 14.

²⁰ ConocoPhillips Petrozuata B.V., ConocoPhillips Hamaca B.V., ConocoPhillips Gulf of Paria B.V. and ConocoPhillips Company v. Bolivarian Republic of Venezuela, ICSID Case No ARB/07/30, Dissenting Opinion in relation to the Application for Reconsideration of part of the Decision on the Merits by Andreas Bucher (February 9, 2016). Para. 11.

был недостаточный размер компенсации за национализацию, и это основание было бы более приемлемым для вывода о незаконности национализации. Также Бухер указал, что само решение по данному делу, касающееся существа дела – является *ultra petita* и вынесено с превышением полномочий на основаниях, которые не были представлены стороной заявителя²¹.

В общем и целом, аргументы Бухера в его особом мнении во многом повторяют, но также добавляют к аргументам Аби-Сааба насчет ошибок, совершенных при рассмотрении данного дела Трибуналом.

Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на явные ошибки в мотивации решения, которые подробно и обоснованно отмечают в особых мнениях некоторые арбитры, эти арбитры все равно остаются в меньшинстве. С академической же точки зрения, весьма интересно дальнейшее развитие данного спора, так как он еще не разрешен, решение о размере выплаты в качестве компенсации пока не было принято. Также, поднятый в данной статье вопрос не слишком широко освещен в научной литературе и нуждается в дальнейшем исследовании.

²¹ ConocoPhillips Petrozuata B.V., ConocoPhillips Hamaca B.V., ConocoPhillips Gulf of Paria B.V. and ConocoPhillips Company v. Bolivarian Republic of Venezuela, ICSID Case No ARB/07/30, Dissenting Opinion in relation to the Application for Reconsideration of part of the Decision on the Merits by Andreas Bucher (February 9, 2016). Para.14.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ В СВЕТЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МЕЖДУНАРОДНО-ПРОТИВОПРАВНЫЕ ДЕЯНИЯ

Анастасия Александровна Ботина

*Студент Юридического института
Российский университет дружбы народов
botina-anastasiya@mail.ru*

Список сфер влияния транснациональных корпораций в современном мире увеличивается в геометрической прогрессии. В последние годы они по праву стали называться главными акторами современной мировой экономики и торговли, ведь достигаемая некоторыми из корпораций прибыль нередко превышает объем внутреннего валового продукта ряда государств, а от их деятельности зависит около пятидесяти процентов промышленного производства, практически семьдесят процентов торговли, восемьдесят пять процентов изобретений и девяносто процентов иностранных инвестиций в мире¹. В сферу их влияния входит и купля-продажа пшеницы, кофе, кукурузы, табака, железной руды, меди, бокситов. Благодаря своим возможностям, эти компании и предприятия могут оказывать влияние на социальные, экономические, политические реалии и на условия жизни населения планеты в целом. При этом их существование позволяет решить проблему безработицы, проводить медицинские исследования, а также производить продукцию для жизнедеятельности человека. Тем не менее, положительная динамика развития транснациональных корпораций не исключает возможности злоупотребления ими своими правами и возможностями. Перемещение производства из индустриальных в развивающиеся государства нередко позволяет избежать обязательства соблюдения предписаний, действующих в индустриальных странах.

¹ Транснациональные корпорации: список крупнейших. URL: <https://businessman.ru/transnatsionalnyie-korporatsii-spisok-krupneyshih.html> (дата обращения 15.04.2018).

стриально-развитых государствах. В результате, налицо нарушение прав человека, норм трудового права, охраны окружающей среды. В этой связи, проблема ответственности транснациональных корпораций становится наиболее актуальной.

Как отмечает И.И. Лукашук, «...заключая договоры с правительствами иностранных государств и друг с другом, ТНК создают соответствующее именно их интересам квази-право»². Однако международное право не смогло ясно сформулировать обязанности транснациональных корпораций по соблюдению норм международного права и прав человека, в частности, более того, механизмы для регулирования их деятельности также остаются на стадии разработки³.

Вопрос встает наиболее остро в том случае, когда серьезные нарушения норм международного права возникают не на территории государства происхождения транснациональной корпорации, а на территории непосредственного места осуществления деятельности. В большинстве случаев дочерние компании создаются на территории развивающихся государств с целью обхода положений национального законодательства государства происхождения транснациональной корпорации или для снижения рисков собственной ответственности. В этой связи возникает логичный вопрос, несет ли материнская компания ответственность за деятельность дочерней по международному праву.

Встречаются ситуации, когда намеренно используется тот факт, что дочернее предприятие является самостоятельным юридическим лицом, следовательно, как может показаться на первый взгляд, ответственность материнской компании исключается *ab initio*. Однако материнская компания несет в данном случае ответственность не за деяния дочернего предприятия, а за свои собственные, а именно: за свои активные действия и бездействие, если, например, на материнской корпорации лежала обязанность повлиять на деятельность дочерней. Одним из известных примеров

² Лукашук И. И. Международное право: особенная часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. Изд. 3-е, 2005. С.77.

³ Натапов С.Л. Ответственность транснациональных корпораций за нарушение международного права прав человека // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2008. С.1.

подобного поведения материнской корпорации является дело компании *Shell*⁴, в котором против материнской корпорации, а впоследствии и против нигерийской дочерней фирмы, жителями Нигерии был подан иск о том, что данная компания разрушала природную среду обитания области Огони (*Ogoni*) путем загрязнения рек и водоемов, отравления воздуха продуктами сжигания природного газа, деструктуризации сельскохозяйственных земель. Более того, компании обвинялись в сотрудничестве с режимом военной хунты, чтобы подавлять любые протесты против нефтедобычи. Компания *Shell* возражала против иска, пытаясь применить оговорку *forum non conveniens* (ненадлежащее место рассмотрения дела)⁵. Окружной суд Соединенных Штатов Америки в качестве федерального суда первой инстанции сначала одобрил данное возражение, но апелляционный суд констатировал, что оговорка в данном случае не применяется, так как ответчик имел офис в Нью-Йорке. Вскоре *Shell* заявила о своей готовности выплатить компенсацию в размере 15.5 миллионов долларов. Однако, признавая за собой компетенцию по рассмотрению спора, национальный суд все-таки разрешает дело не на основе международного права, а в соответствии с национальным коллизионным правом. Объем ответственности устанавливается также и в международных нормах, в частности, в международном обычном праве, которое реализуется национальными судами на децентрализованной основе, что и подтверждает вышеуказанный пример.

Правовой основой для привлечения корпорации к ответственности послужил американский Закон «Об иностранных деликтных исках» (*Alien Tort Claims Act, ATCA*)⁶. Данный нормативно-правовой акт предусматривает, что окружные суды США яв-

⁴ *Kiobel v. Royal Dutch Petroleum Co.*, 569 U.S. __ (2013). Judgment. September 17, 2010. United States Court of Appeals, Second Circuit // 621 F.3d 111 (2010).

⁵ *Kiobel v. Royal Dutch Petroleum Co.*, 569 U.S. __ (2013). Judgment. September 17, 2010. United States Court of Appeals, Second Circuit // 621 F.3d 111 (2010).

⁶ The Code of Laws of the United States of America of June 30, 1926, 1 Stat. 77, Title 28, Part IV, Chapter 85, §1350. URL: <https://catalog.hathitrust.org/Record/009893092> (дата обращения 23.04.2018).

ляются судами первой инстанции по любому иску иностранного гражданина из гражданского правонарушения, совершенного в нарушение норм международного права и договоров, в которых США являются участниками. При этом иностранцем (*alien*) является любое лицо, не являющееся гражданином США (*any person not a citizen of or national of the United States*). Соединенные Штаты Америки являются единственным государством в мире, которое допускает подобные иски.

Истец, подавая исковое заявление против транснациональной корпорации, встречается с рядом процессуальных сложностей: установление предметной и персональной юрисдикции. *ATCA* предусматривает предметную юрисдикцию американских судов в отношении правонарушений, которые нарушают международное право и международные договоры США. Суды считают, что нарушение международного права должно быть «явным, запрещенным и осуждаемым всеми государствами»⁷. Данный подход сложился благодаря рассмотрению дела *Forti v. Suarez-Mason*, 1987, после вынесения решения по которому, суды США и приняли за основу вышеуказанные критерии, которые, в основном, ограничивают круг правонарушений, сводя их к тяжким нарушениям гражданских и политических прав. А ограничительное понимание судами международного права усложняет процесс доказывания истцами нарушений транснациональных корпораций в данной сфере.

Персональная юрисдикция нередко также становится существенной препоной в делах по *ATCA* против транснациональных корпораций. Главной сложностью при установлении такого вида юрисдикции является доказательство достаточной связи между транснациональной корпорацией и государством, в котором рассматривается дело. Так, в деле о компании *Total S.A.*⁸ суд отклонил

⁷ Рихтер Дж.. Привлечение корпораций к ответственности: Корпоративное поведение, международные кодексы и поведение граждан. 2001 // Zed Books.

⁸ *Kiobel v. Royal Dutch Petroleum Co.*, 569 U.S. _ (2013). Judgment. September 17, 2010. United States Court of Appeals, Second Circuit // 621 F.3d 111 (2010).

иск, в связи с тем, что истцом не была доказана существенная связь между корпорацией и штатом Калифорния.

Несмотря на то, что процесс установления юрисдикции нелегок и тернист, истцы, при положительном исходе событий, могут получить значительные компенсации, достигающие сотен миллионов и даже миллиардов долларов США⁹. Более того, угроза потери американских активов и репутации является достаточной мотивацией для транснациональных корпораций изменить свое поведение добровольно, остерегаться и переместить свое производство из государств, в которых систематически происходит нарушение норм международного права, в частности, нарушаются права человека, в другие, где данные явления не имеют места. Однако *АТСА* не является всеобъемлющим инструментом защиты прав. Проблемы, возникающие в процессе установления юрисдикции, могут оставить недобросовестные транснациональные корпорации безнаказанными. В этой связи представляется наиболее эффективным не расширять предметную юрисдикцию американских судов, а выработать на международном уровне единый, практически реализуемый, подход к проблеме нарушения транснациональными корпорациями норм международного права, основанный на распространении принципа универсальной юрисдикции на юридические лица, как это предусмотрено в Каирских принципах об универсальной юрисдикции (*The Cairo-Arusha principles on universal jurisdiction in respect of gross human rights*)¹⁰.

Такие попытки были предприняты еще в 1975 году, когда центром по транснациональным корпорациям, созданным под эгидой ООН, был разработан проект Кодекса поведения транснациональных корпораций, который хоть и не стал обязательным международным документом, но оказал влияние на национальное законодательство об инвестициях¹¹.

⁹ Натапов С.Л. Ответственность транснациональных корпораций за нарушение международного права прав человека // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2008. С.1.

¹⁰ *The Cairo-Arusha principles on universal jurisdiction in respect of gross human rights*. 30-31 July, 2001; 18-21 October, 2002.

¹¹ Кирсанова В.А. Тенденции развития международно-правовой ответственности транснациональных корпораций // Ученые записки Орлов-

Попытки унификации правового регулирования транснациональных корпораций были предприняты также в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ). Так, в 1998 году была принята конвенция СНГ о транснациональных корпорациях¹², однако, к сожалению, данный документ не устранил имеющиеся проблемы, касающиеся их деятельности.

В 2003 году рабочей группой ООН в виде резолюции был разработан проект норм, касающихся обязанностей ТНК в области прав человека, который был позже отклонен, как не имеющий правовой базы, что является обоснованным: ТНК по данному проекту наделялись государственными функциями по защите прав человека, что в результате принятия данного документа привело бы к нарушению суверенитета государств, на территории которых зарегистрированы корпорации.

Что касается юрисдикции Международного уголовного суда (МУС), то он, в соответствии с пунктом первым статьи двадцать пять его Статута¹³, обладает юрисдикцией только в отношении физических лиц, то есть, привлечение ТНК к ответственности через данный механизм исключается, хотя в процессе подготовительных работ были высказаны предложения по поводу привлечения к уголовной ответственности юридических лиц. Более того, в международном праве корпоративного уголовного права просто не существует. Привлечение корпораций к уголовной ответственности возможно только лишь на национальном уровне и только в отдельных государствах (где уже до ратификации Римского Статута признавалось корпоративное уголовное право, и где составы преступлений распространяются также и на юридические лица).

В 1999 году лауреат Нобелевской премии мира и Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан на Всемирном эконо-

ского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. С. 2.

¹² Конвенция о транснациональных корпорациях от 6 марта 1998 г. // URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=4723 (дата обращения 23.04.2018).

¹³ Римский статут Международного Уголовного Суда. 1 июля 2002 года. A/CONF.183/9. URL: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\)](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r)) (дата обращения 01.04.2018).

мическом форуме выдвинул идею, которая заключалась в создании единого этического кодекса поведения ТНК, который смог бы возложить на корпорации позитивную ответственность. На сегодняшний день данный проект реализован и оформлен в виде Глобального договора ООН (*UN Global Compact*), который состоит из десяти принципов в области прав человека, трудовых отношений, охраны окружающей среды и борьбы с коррупцией, основанных на Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Декларации Международной организации труда об основополагающих принципах и правах в сфере труда 1998 г., Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию 1992 г., Конвенции ООН против коррупции 2003 г.¹⁴ Несмотря на достаточно весомую правовую базу и ввиду добровольного присоединения организаций к Договору, положения данного документа не создают юридических обязательств для транснациональных корпораций. Более того, в рамках договора предусмотрен только лишь механизм представления отчета. Компании могут использовать Глобальный договор в качестве шага с целью улучшения своей репутации, получения определенных привилегий, которые дает участие, а также, гипотетически, для завышения цен на производимую продукцию, при этом никакой ответственности по международному праву за грубейшие правонарушения корпорации не несут. Единственной «серьезной» мерой ответственности является исключение корпорации из участников. Так, известные всему миру транснациональные корпорации, являющиеся участниками Глобального Договора: *Unilever*, *Nestle*, *Procter&Gamble* применяли в производстве своих товаров пальмовое масло с плантациями в Индонезии, где, согласно отчету международной правозащитной организации *Amnesty International*, использовался детский труд¹⁵. В результате, данные корпорации продолжают успешно функционировать на мировом рынке, и ни-

¹⁴ Десять принципов Глобального Договора. URL: <http://www.globalcompact.ru/10-princzipov.html> (дата обращения 01.04.2018).

¹⁵ Palm Oil: Global brands profiting from child and forced labour. URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2016/11/Palm-Oil-Global-brands-profiting-from-child-and-forced-labour/> (дата обращения 10.04.2018).

какие меры ответственности по отношению к ним не были применены, даже исключение из членов Глобального Договора.

Таким образом, вопрос ответственности транснациональных корпораций за международно-противоправные деяния остается все еще открытым. Его решение представляется возможным на международном уровне не путем расширения предметной юрисдикции конкретного государства и не через национальное законодательство, а с помощью создания постоянно функционирующего механизма контроля деятельности таких корпораций, установления конкретных положений об ответственности, например, уже в рамках существующего Глобального Договора, который показывает мировому сообществу, что Организация Объединенных Наций предпринимает все возможное, чтобы эффективно разрешать комплексные мировые проблемы во всех областях человеческой жизнедеятельности.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Святослав Игоревич Володин

*Студент кафедры международного права
Российский университет дружбы народов
svyatoslavvolodin@gmail.com*

На уровне взаимодействия между государствами не раз звучали вопросы касательно регулирования отношений, связанных с использованием и защитой прав интеллектуальной собственности. В XXI веке эти аспекты получили еще большую актуальность, поскольку технологии не стоят на месте, а регулирование отношений зачастую носит поспевающий характер. По этой причине было необходимо разработать и принять международный договор универсального характера, который бы позволил государствам установить единообразный режим защиты прав интеллектуальной собственности.

К актуальным вопросам, требующим разрешения, можно отнести: права патентования человеческих генов, статус регистрируемых доменов государственных органов, особенности реализации принципов *jus cogens* в сфере международно-правовой защиты прав интеллектуальной собственности, а также международно-правовые аспекты использования сети ИНТЕРНЕТ.

Ряд международных договоров содержит положения относительно защиты прав интеллектуальной собственности, в частности: Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) по авторскому праву 1996 года; Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности 1994 года; Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (Бернская конвенция); Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г. (Парижская конвенция); Всемирная (Женевская) конвенция об авторском праве 1952 г. (Женевская конвенция).

Для более полного понимания проблемы необходимо кратко осветить положения данных международно-правовых актов.

«Договор ВОИС по авторскому праву (ДАП) представляет собой специальное соглашение, заключенное в рамках Бернской конвенции, которая касается охраны произведений и прав их авторов в цифровой среде»¹. Как можно понять из данного определения, охват действия данного договора очень широк и, что немало важно, исполнение обязательств по этому договору обязывает государства действовать в соответствии с положениями Бернской конвенции 1886 года, о чем свидетельствует ст.1 и 3 данного договора².

Объекты регулирования описаны в ст. 4 и 5 к ним относятся: компьютерные программы, которые могут быть в любой форме и составлены любым путем; компиляция данных (базы данных), являющиеся результатом интеллектуального творчества³.

Договор устанавливает три категории прав, которые гарантируются государствами-участниками: право на распространение, право на прокат, право на сообщение для всеобщего сведения⁴.

Особо интересным, на наш взгляд, является право на доведение до всеобщего сведения, поскольку предметом регулирования выступают отношения, сопряженные с использованием всемирной сети *ИНТЕРНЕТ*. Данное право позволяет как физиче-

¹ Основные положения Договора ВОИС по авторскому праву (ДАП) (1996 г.) URL: http://www.wipo.int/treaties/ru/ip/wct/summary_wct.html (дата обращения 12.03.2018).

² Договор ВОИС по авторскому праву и согласованные заявления в отношении договора ВОИС по авторскому праву от 20 декабря 1996 г. Ст.1; Ст.3. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/text.jsp?file_id=295160 (дата обращения 12.03.2018).

³ Договор ВОИС по авторскому праву и согласованные заявления в отношении договора ВОИС по авторскому праву от 20 декабря 1996 г. Ст.4; Ст.5. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/text.jsp?file_id=295160 (дата обращения 12.03.2018).

⁴ Договор ВОИС по авторскому праву и согласованные заявления в отношении договора ВОИС по авторскому праву от 20 декабря 1996 г. Ст.6; Ст.7; Ст.8. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/text.jsp?file_id=295160 (дата обращения 12.03.2018).

ским, так и юридическим лицам такое «доведение произведений до всеобщего сведения, при котором представители публики могут иметь доступ к таким произведениям из любого места и в любое время по их собственному выбору»⁵. Данное положение, по нашему мнению, предоставляет право не только лицам, осуществляющим размещение информации, но и лицам, которые желают получить доступ к подобному рода информации.

Вторым источником по защите прав интеллектуальной собственности в международном праве является Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС). Указанное Соглашение было принято в 1994 году, оно регламентирует защиту прав интеллектуальной собственности, которые реализуются в соответствии и в рамках положений Всемирной торговой организации (ВТО)⁶. Основные принципы при регулировании отношений ТРИПС следующие: национальный режим, режим наибольшего благоприятствования⁷.

Сферу регулирования обязательств по данному договору составляют: объекты авторского права и смежных прав, товарные знаки, географические указания, промышленные образцы, патенты, топология интегральных микросхем.

Тем не менее, обратив внимание на задачи ВТО, данные предметы регулирования, можно отметить, что основной целью этого регулирования остается защита конкуренции на рынке и за-

⁵ Договор ВОИС по авторскому праву и согласованные заявления в отношении договора ВОИС по авторскому праву от 20 декабря 1996 г. Ст.8. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/text.jsp?file_id=295160 (дата обращения 12.03.2018).

⁶ Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС). ВТО, Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров, 15 апреля 1994 г. http://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/text.jsp?file_id=379915 (дата обращения 12.03.2018).

⁷ Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ 1947). URL: www.wto.ru/ru/content/documents/docs/gatt47ru.doc (дата обращения 12.03.2018).

конных интересов отдельных лиц, нежели полноценное регулирование защиты прав интеллектуальной собственности⁸.

Ввиду этого стоит также освятить ряд проблем, которые встают на сегодняшний день перед международным сообществом. К таким проблемам можно отнести: право патентования человеческого генома - Американский союз гражданских свобод декларирует, что 20% человеческого генома уже запатентовано⁹. В этой связи, могут возникнуть вопросы относительно пределов правомочий, имеющих у владельцев данных патентов: как владельцы могут защищать свои патенты или же они не обладают таким правом, не нарушают ли эти патенты права человека¹⁰.

Иной проблемой является доменное наименование адресов сайтов, таких как например «РФ». Регистрация домена, который схож с адресом государственных адресов, частным лицом, не обладающим какой-либо связью с данным органом, в дальнейшем представляет угрозу размещения недостоверной информации, которая способна причинить реальный вред или ущерб. В данной ситуации необходимо установить насколько правомочно обладание данным лицом подобного цифрового ресурса, ведь зачастую информация, содержащаяся на данных сайтах, носит официальный характер. Не менее интересным фактом является то, что Генеральная Ассамблея ООН в одном из своих докладов признала право на доступ в ИНТЕРНЕТ одним из неотъемлемых прав человека¹¹. В

⁸ Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС). ВТО, Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров, 15 апреля 1994 г. Ст.8. http://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/text.jsp?file_id=379915 (дата обращения 12.03.2018).

⁹ Сайт Американского союза гражданских свобод. URL: https://www.aclu.org/files/pdfs/freespeech/brca_qanda.pdf (дата обращения 12.03.2018).

¹⁰ Абашидзе А. А. Солнцев А.М. Новое поколение прав человека: соматические права // Московский журнал международного права. - №1. С. 69-82.

¹¹ Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Frank La Rue. 16 May 2011. URL: http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/17session/A.HRC.17.27_en.pdf (дата обращения 12.03.2018).

связи с этим, важно отразить, как минимум, два аспекта данного доклада.

Первым стоит отметить, что перечень прав человека в скором времени может быть расширен, однако закрепить это право можно только в международном договоре, поскольку есть основания утверждать, что право на доступ в ИНТЕРНЕТ может стать серьезной угрозой для международного сообщества.

Второй аспект, это разграничение права лиц на доступ в ИНТЕРНЕТ и базового принципа невмешательства во внутреннюю компетенцию государств. Конкретно в этой ситуации может возникнуть противоречие между двумя основополагающими принципами *jus cogens* – принципа уважения прав человека и основных свобод и принципа невмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государств. На наш взгляд, международному сообществу следует определиться с тем, каким образом эти принципы должны реализовываться.

Иной проблемой является установление режима использования всемирной сети ИНТЕРНЕТ. Использование данной сети затрагивает интересы всего международного сообщества. При этом на международно-правовом уровне отсутствуют положения относительно функционирования этой сети. Тем не менее, некоторые международно-правовые акты могут дать определенное представление о том, в каком виде должна использоваться сеть ИНТЕРНЕТ. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года в статье 19 указывает, что: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ¹²». Можно утверждать, что действие данной сети изначально предполагало международный уровень функционирования, исходя из чего можно сделать вывод о том, что правовой режим необходимо устанавливать на международном уровне и в соответствии с поло-

¹² Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 12.03.2018).

жениями Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Между тем, ряд государств уже отметили важное значение всемирной сети ИНТЕРНЕТ в Окинавской хартии Глобального информационного общества. Государства согласились с тем, что: «...все люди повсеместно, без исключения должны иметь возможность пользоваться преимуществами глобального информационного общества¹³». Для получения доступа к данной сети необходим ряд элементов: лица, осуществляющие предоставление услуг в сфере телекоммуникаций; программное обеспечение, позволяющее лицам использовать сеть, а также сам *контент* всемирной сети. Например, в качестве лиц, предоставляющих услуги, могут выступать физические и юридические лица со своими правами и обязанностями. Программное обеспечение выступает в качестве объекта интеллектуальной собственности. Содержание сети ИНТЕРНЕТ является отдельным видом интеллектуальной собственности, который защищается на национальном уровне. Тем не менее, само это содержание не регламентирует отношения в сфере пользования данной сетью. Делая вывод, можно утверждать, что совокупность вышеуказанных элементов в их взаимосвязи порождает то, что мы сейчас называем всемирной сетью ИНТЕРНЕТ, однако действия, производимые на территориях отдельных государств, напрямую затрагивают интересы других государств и их населения, тем самым подтверждая тезис о том, что использование всемирной сети ИНТЕРНЕТ нуждается в международном регулировании.

¹³ Окинавская хартия Глобального информационного общества от 21 июля 2000 года. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения 12.03.2018).

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА СУБСИДИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРАВЕ

Михаил Владимирович Глазатов

*Ведущий советник Минэкономразвития России
mglazatov@yandex.ru*

Изучение какой-либо проблемы всегда лучше начинать с применяемой терминологии, поскольку, иной раз, именно в этом кроются возможности ее решения или нахождение выхода из сложившегося тупика. Одинаково ли спорящие стороны понимают предмет спора? Дефиниции – тонкая материя и, порой, исход спора, особенно торгового, целиком зависит от того, насколько широка или узка база определения.

Слово «субсидия» используется достаточно разнообразно в общеупотребимом значении в очень многих областях человеческой деятельности, не только в торговой политике, и имеет латинские корни и происходит от термина «*Subsidium*». Анализ интерпретации данного термина в толковых словарях показывает, что использование данного инструмента связано, прежде всего, с государственным участием и военными действиями.

В Большом русско-латинском словаре приводится несколько общеупотребимых значений данного термина.

Первое относится к военному делу – тыловой эшелон, резерв, вспомогательный отряд, подкрепление. Второе касается экономики и политики – помощь, поддержка, защита, средство (помощи). Третье – практические решения – укрытие, убежище¹.

Немецкий энциклопедический словарь 1818 г. *Conversations-Lexicon* толкует субсидию как третью линию (шеренгу) боевого строя, которая в случае необходимости, приходила на помощь стоящим впереди линиям. Позже данный термин стал использоваться в значении денежных средств, которые одно государство выплачи-

¹ Большой Латинско-Русский словарь. URL: <http://linguaeterna.com/vocabula/>. (дата обращения 13 апреля 2018 г.).

вало другому, чтобы не участвовать в войне с третьим государством. Более распространенной ситуацией было предоставление оговоренного количества войск².

В Оксфордском словаре английского языка *Subsidium* толкуется как «обстоятельство (или любое лицо), которое предоставляет поддержку или содействие; помощь, поддержка»³.

В немецком словаре *DUDEN Subsidium* определяется как «помощь (материальная помощь) государству, ведущему войну, от государства-союзника [на основании соглашения]; государственная помощь; помощь, поддержка»⁴.

В словаре русского переводчика и просветителя XIX – XX века А.Н. Чудинова «субсидія» толкуется как «вспомоществование деньгами (или войсками) на ведение войны одним государством другому, союзному, также вообще денежная помощь государства отдельным лицам или обществам, поддерживающим его принципы»⁵.

² А.Ф. Macklot. Conversations-Lexicon oder encyclopädisches Handwörterbuch für gebildete stände. Stuttgart, 1816-1819, V. 9, P. 516.

³ Oxford English Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (дата обращения 13 апреля 2018 г.).

⁴ Duden online Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения 13 апреля 2018 г.).

⁵ Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. // Под редакцией Чудинова А.Н. / Издание книгопродавца В.И. Губинского, Типография С.Н. Худекова. Санкт-Петербург. 1894. С. 1004.

Рисунок 1. Толкование *Subsidium* (латынь) в словарях.

Таким образом, с эпохи Древнего Рима до XIX века под термином «субсидия» в основном понимались войска или денежные средства, которые государства выделяли своим союзникам для ведения войн.

Обращает не себя внимание разница в интерпретации понятия «субсидия» в англо-саксонской и романо-германской правовых семьях. Так, понятие субсидии в романо-германской правовой семье строится на том, что помощь материальна, то есть может выражаться в финансовых (денежная помощь) или материальных средствах (помощь войсками). Англо-саксонская семья предполагает, что субсидия может выражаться также и в нематериальных вещах – обстоятельство. Представляется, что обстоятельство абстрактно и не может быть четко количественно измерено. Помощь через обстоятельство практически невозможно спрогнозировать или запланировать.

Толкование современного термина «*subsidy*» вобрало в себя элементы латинской терминологии, но есть различия.

Оксфордский словарь определяет «*subsidy*» как «сумму денежных средств, предоставляемую государством или любым публичным органом для целей помощи какому-либо предприятию или

фирме для поддержки низких цен на товары или услуги».⁶ Юридическое толкование термина «*subsidy*» в специализированных английских словарях встречается редко. Одно из них можно найти, например, в юридическом словаре, составленном *Henry Campbell Black*. В данном словаре даются отдельные определения для английской, американской и международной правовых систем.⁷

В английском праве – это помощь, налоги или дань, предоставляемые Парламентом Королю для решения неотложных случаев королевства, которые взимаются с каждого дееспособного субъекта в зависимости от стоимости его земель или товаров.

В американском праве – это предоставление денег со стороны правительства в целях стимулирования какой-либо деятельности, работы или изобретения, в котором правительство желает участвовать или которое считается надлежащим предметом государственной помощи, поскольку, вероятно, оно может принести пользу обществу.

В международном праве – помощь, предоставляемая деньгами одной страной другой, чтобы она могла лучше вести войну, когда такая страна не присоединяется непосредственно к войне.

В целом данные толкования схожи с толкованиями в неспециализированных словарях.

В толковом словаре Ожегова под субсидией понимается «денежное или натуральное пособие со стороны государства, учреждения». «Пособие» Ожеговым рассматривается как «помощь, преимущественно денежная», то есть речь идет о финансовой помощи.⁸

В толковом словаре Даля под субсидией понимается «помощь, вспоможенье, подмога дружественному государству деньгами или войсками». Таким образом, вспоможение связано с предоставлением помощи как финансового, так и иного характера. Понятие субсидии по Далю, как можно увидеть, имеет самое ши-

⁶ Oxford English Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (дата обращения 13 апреля 2018 г.).

⁷ The Law Dictionary. URL: <https://thelawdictionary.org/> (дата обращения 13 апреля 2018 г.).

⁸ Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения 13 апреля 2018 г.).

рокое толкование и охватывает, помимо уже обозначенной помощи, помощь военную (войска).⁹

В Большом российском юридическом словаре под субсидией понимается «помощь, оказываемая бюджету другого уровня, физическому или юридическому лицу, на целевые расходы».¹⁰ Данное толкование расширяет понятийный аппарат «субсидии» до вопросов регулирования межбюджетных отношений бюджетов разного уровня. В соответствии в Бюджетным кодексом Российской Федерации под субсидией понимаются, в том числе, межбюджетные трансферы между бюджетами бюджетной системы Российской Федерации.¹¹

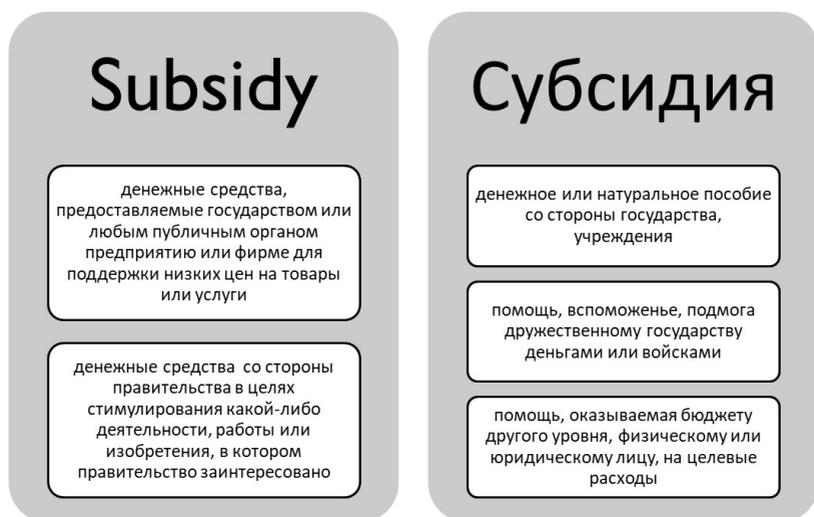

Рисунок 2. Толкование субсидии (*subsidy*) в словарях.

⁹ Толковый словарь Даля онлайн. URL: <http://slovardalja.net/> (дата обращения 13 апреля 2018 г.).

¹⁰ Сухарев А. Я., Крутских В. Е., Сухарева А.Я. Большой юридический словарь. М., Инфра-М, 2003. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/18542> (дата обращения 13 апреля 2018 г.).

¹¹ Федеральный закон РФ от 31.07.1998 № 145-ФЗ «Бюджетный кодекс Российской Федерации» (ред. от 28.12.2017) // Российская газета от 12 августа 1998 г. № 153-154.

На международном уровне понятийный аппарат субсидии появился в исторической ретроспективе совсем недавно. По итогам Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров в 1995 году было принято Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам (далее ССКМ).

В соответствии со статьей 1 ССКМ субсидия существует когда: оказывается финансовое содействие правительством или любым публичным органом в пределах территории члена, то есть когда: (i) правительство практикует прямой перевод денежных средств (например, в виде дотаций, займов или покупки акций) или принимает на себя обязательства по переводу таких средств (например, гарантии по займам); (ii) правительство отказывается от взимания или не взимает причитающиеся ему доходы (например, налоговые льготы, такие как налоговые кредиты); (iii) правительство предоставляет товары или услуги помимо общей инфраструктуры или закупает товары; (iv) правительство осуществляет платежи в механизмы финансирования или поручает, либо предписывает частному лицу выполнять одну или несколько функций из числа указанных в подпунктах (i) - (iii), которые обычно возлагают на правительство, причем на условиях, которые фактически не отличаются от обычной практики правительств; или существует любая форма поддержки доходов и цен в смысле статьи XVI ГАТТ 1994; и таким образом предоставляется преимущество¹².

¹² Результаты Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров: Правовые тексты. М.: МАИК «Наука/Интерпериодика». 2002. С. 498.

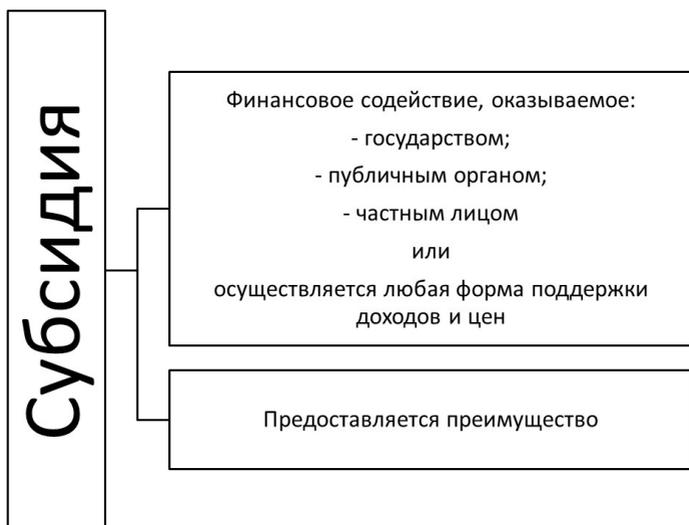

Рисунок 3. Толкование субсидии в многосторонней торговой системе.

Переговоры на многостороннем уровне в отношении понятия субсидии продолжались почти полвека. Изначально некоторые положения в отношении субсидий и компенсационных мер содержались лишь в Генеральном соглашении по тарифам и торговле 1947 года (далее ГАТТ). Статья XVI ГАТТ устанавливала общие положения о субсидиях, а статья VI ГАТТ – некоторые положения о применении компенсационных пошлин. ГАТТ не предусматривало каких-либо запрещений на применение субсидий, и в первоначальной редакции статья XVI обязывала членов ГАТТ только информировать друг друга о применяемых субсидиях.

Поскольку обмен информацией оказался недостаточным для устойчивого функционирования многосторонней торговой системы и идущих полным ходом процессов либерализации (что даже больше, чем проблема устойчивости повлияло на отношения к субсидиям), уже в 1955 году в ГАТТ были внесены изменения. Предусматривалось, что члены ГАТТ будут «стремиться избегать» предоставление субсидий в отношении сырьевых товаров. А в 1958 году был установлен системный запрет в отношении экспорта несырьевых товаров

Токийский раунд переговоров (1973 – 1979 гг.) еще более расширил понятийный аппарат субсидии. По итогам раунда был принят Субсидийный кодекс, который запретил применять членам ГАТТ экспортные субсидии в отношении сырьевых товаров. Тогда же установлен Иллюстративный перечень экспортных субсидий. Предоставление прямых экспортных субсидий, практика удержания валюты, льготные транспортные тарифы для экспорта оказались под запретом. Однако «Субсидийный кодекс» не вводил понятие субсидии. Оно было определено только в 1995 году в рамках ССКМ.¹³

Несмотря на то, что определение понятия субсидии в ССКМ очертило понимание субсидии на международном уровне, практика его применения показала, что некоторые элементы требуют большей детализации. Расширение и уточнение понятия субсидии довольно часто осуществляется в рамках разбирательств в Органе по разрешению споров ВТО.

Так, в деле Корея – Торговые суда¹⁴ Третьей группой рассматривала практику субсидирования корейского экспортно-импортного банка (*КЕХИМ*). Корейцы утверждали, что деятельность *КЕХИМ* не может рассматриваться в контексте ССКМ, поскольку *КЕХИМ* не является публичным органом и осуществляет коммерческую деятельность. По мнению корейцев, организация будет являться публичным органом, только если она действует в официальном качестве.

В ходе спора Третьей группой установлена, что при оценке, является ли организация публичным органом необходимо анализировать не факт того, действует ли она на основе коммерческих принципов, а скорее факт того что финансовое содействие, предоставляемое публичным органом, может быть предоставлено на более выгодных условиях, чем на рынке.

¹³ Глазатов М.В. Практика субсидирования: некоторые аспекты разрешения споров в ВТО. // Торговая политика 2017. № 1/9. С. 83-85.

¹⁴ Korea — Measures Affecting Trade in Commercial Vessels DS 273 (Korea — Commercial Vessels). Panel Report. March 7, 2005. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds273_e.htm (дата обращения 13 апреля 2018 г.).

Третьейская группа пришла к заключению, что организация будет считаться «публичным органом», если она контролируется со стороны правительства (или другим публичным органом) и, следовательно, любое его действие может быть приписано правительству.

Такое уточнение серьезно расширяет круг организаций, выдающих субсидии, и, фактически, переводит контекст рассмотрения спора в уже упоминаемую плоскость «обстоятельств», присущих англо-саксонской правовой системе.

В деле США – Антидемпинговые и компенсационные меры (Китай)¹⁵ рассматривался вопрос об интерпретации терминов «правительство» и «публичный орган».

Китай утверждал, что термин «публичный орган» необходимо читать в узком значении, как нечто функционально эквивалентное «правительственному органу» или «правительству», то есть как организации, уполномоченной по закону осуществлять функции государственного или общественного характера, которая действует при выполнении таких полномочий.

Третьейская группа, наоборот, отмечает, что в разных юрисдикциях определения отличаются в зависимости от положений национального законодательства и практик применения. Некоторые из них выходят за рамки правительственных учреждений или аналогичных органов государственной власти. Они могут охватывать, например, компании с государственным участием, вовлеченные в деятельность отличную от деятельности, носящий государственный характер.

Данный тезис находит свое подтверждение в толковании слов, например во французской версии ССКМ. Термин «*organisme public*» имеет следующий смысл: «орган или организация, учрежденная в соответствии с законодательством или распоряжением, большинство членов правления которого назначено правительством или министерством и которое имеет определенную автоно-

¹⁵ United States — Definitive Anti-Dumping and Countervailing Duties on Certain Products from China DS 379 (US – Anti-Dumping and Countervailing Duties (China)). Panel Report. October 22, 2010. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds379_e.htm (дата обращения 13 апреля 2018 г.).

мию, даже если большая часть финансирования осуществляется государством», то есть фактически речь идет о компании с государственным участием. Французский вариант «*Les sociétés d'État*» – компания, чья основная функция имеет коммерческую, финансовую и промышленную природу и имеет цель самофинансирования.¹⁶

Таким образом, в таком рассмотрении термин «публичный орган» не ограничивается лишь правительственными организациями, которые полностью принадлежат и финансируются государством. В него входят организации, которые хотя и имеют связь с государством, но их деятельность направлена на получение прибыли. С точки зрения субсидий их связь с государством может заключаться в получении дополнительного финансирования от государства на реализацию каких-либо проектов, которое будет иметь для них преимущество по сравнению с ситуацией в отсутствие такого финансирования.

Апелляционный орган внес уточнения¹⁷. Понятие «публичный орган» разделяет некоторые атрибуты с понятием «правительство». Поэтому, «публичным органом» в понимании статьи 1 ССММ должна являться организация, которая обладает, осуществляет или наделена полномочиями правительства. Факты, свидетельствующие о том, что организация выполняет государственные функции, являются доказательством того, что она наделена соответствующими полномочиями, особенно если речь идет о систематическом осуществлении государственных функций.

Вместе с тем, поскольку правительства стран отличаются, характеристики публичных органов также будут отличаться. В каждом конкретном случае необходимо проводить надлежащую

¹⁶ United States — Definitive Anti-Dumping and Countervailing Duties on Certain Products from China DS 379 (US – Anti-Dumping and Countervailing Duties (China)). Panel Report. October 22, 2010. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds379_e.htm (дата обращения 13 апреля 2018 г.).

¹⁷ United States — Definitive Anti-Dumping and Countervailing Duties on Certain Products from China DS 379 (US – Anti-Dumping and Countervailing Duties (China)). Appellate Body Report. March 11, 2011. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds379_e.htm (дата обращения 13 апреля 2018 г.).

оценку основных характеристик рассматриваемой организации и ее связи с правительством в узком смысле.

Дополнительное уточнение в определении «публичного органа» было привнесено в деле США – Компенсационные меры (Китай)¹⁸. Третейская группа, рассматривая вопрос о правомерности отнесения китайской компании с госучастием к публичным органам на основании исключительно того, что они принадлежат или контролируются государством, сделала вывод о неправомерности такого подхода. Простое владение или контроль организации со стороны правительства не является достаточными фактами для того, чтобы установить, что такая организация является публичным лицом.

Таким образом, обобщая изложенное, можно констатировать, что для того, чтобы организация считалась публичным органом она должна удовлетворять следующим критериям: (1) контролироваться со стороны правительства, то есть правительство должно участвовать в деятельности организации, и (2) осуществляться такие же функции, которые осуществляет правительство.

В деле США – Экспортные ограничения¹⁹ Третейская группа пришла к выводу, что не все меры правительства, которые предоставляют преимущество, могут рассматриваться в качестве субсидий.

История переговоров по статье 1 ССКМ показывает, что только те меры правительства, которые предоставляют финансовое содействие, подчиняются многосторонним правилам торговли.

В ходе переговоров рассматривались две основы для определения субсидии. С одной стороны основой было наличие выгоды, подтвержденной любым действием правительства (предложение США) (т.е., опять же, обстоятельств), а с другой – финансовое

¹⁸ United States — Countervailing Duty Measures on Certain Products from China DS 437 (US – Countervailing Measures (China)). Panel Report. July 14, 2014. URL:

https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds437_e.htm (дата обращения 13 апреля 2018 г.).

¹⁹ United States — Measures Treating Export Restraints as Subsidies DS 194 (US – Export Restraints). Panel Report. June 29, 2001. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds194_e.htm (дата обращения 13 апреля 2018 г.).

содействие со стороны правительства (предложения существенной части других переговорщиков). Например, по мнению ЕС субсидии в международной торговле существуют только тогда, когда финансовые расходы несет правительство или органы власти в пользу бенефициара. Поддержка американской концепции привела бы к ситуации, когда любая мера правительства, приводящая к получению реципиентами выгоды, считалась бы субсидией.

Вместе с тем, идея, заложенная в статье XVI ГАТТ, заключалась в предотвращении негативного влияния мер правительства на торговлю. Не все действия правительства имеют значительный негативный эффект на торговлю, а, наоборот, могут позитивно влиять и на производство, и на товарооборот.

Включение в определение субсидии двух элементов «финансовое содействие» и «преимущество» имело целью недопущение ситуации, когда компенсироваться будут любые меры правительства, предоставляющие преимущество.

Некоторые уточнения в отношении данных элементов были вынесены ОРС ВТО. В деле Бразилия – Самолеты²⁰ Апелляционный орган отметил, что финансовое содействие и преимущество – это два отдельных юридических элемента, совместно определяющих существование субсидии. Субсидия существует, когда правительство оказывает финансовое содействие, которое предоставляет, именно, преимущество.

Учитывая изложенное можно констатировать, что финансовое содействие является одним из ключевых элементов субсидии в понимании ВТО. Под этим термином понимаются действия (меры) правительства или любого публичного органа, которые приводят к получению преимущества бенефициаром. Список этих мер ограничен. Он включает расходы, понесенные правительством или любым публичным органом или даже частной организацией, действующей по указанию правительства, как в виде денежных средств или отказа от их взимания, так и предоставления товаров или услуг.

²⁰ Brazil — Export Financing Programme for Aircraft DS 46 (Brazil — Export Financing Programme for Aircraft). Appellate Body Report. August 2, 1999. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds46_e.htm (дата обращения 13 апреля 2018 г.).

С учетом изложенных фактов переговорного процесса над разработкой ССКМ, представляется, что наличие таких терминов, как «финансовое содействие» и «преимущество», в конечном тексте ССКМ, означает, что бенефициар субсидии всегда получает преимущество. Следовательно, субсидией не считаются меры правительства, которые не несут никакой выгоды для бенефициара.

В деле Канада – Самолеты²¹ Третьей группой установлено, что общепринятое значение «преимущества» связано с некой формой выгоды. Для того чтобы определить подтверждает ли финансовое содействие преимущество, то есть выгоду, необходимо определить предоставляется ли финансовое содействие на более выгодных условиях, чем в отсутствие финансового содействия.

Следовательно, финансовое содействие будет подтверждать получение преимущества, если предусмотрено, что такое содействие предоставляется на более выгодных условиях, чем, те которые доступны на рынке. Для определения наличия выгоды необходимо сравнить с рыночными условиями, в которых пребывало предприятие, получившее субсидию.

В деле Канада – Возобновляемая энергетика²² Апелляционный орган поддержал выводы, что «преимущество» предполагает сравнение. По мнению Апелляционного органа это так, поскольку получатель субсидии не может приобрести выгоду, если финансовое содействие не обеспечит получателю лучшие условия, чем в отсутствие финансового содействия. И именно рынок обеспечивает подходящую основу для сравнения при определении: было ли «предоставлено» преимущество?

Подводя итог толкования понятия субсидии можно выделить следующие элементы понятия субсидии. Во-первых, субсидия может быть выдана государством или публичным органом, действу-

²¹ Canada — Measures Affecting the Export of Civilian Aircraft DS 70 (Canada – Aircraft). Panel Report. April 14, 1999. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds70_e.htm (дата обращения 13 апреля 2018 г.).

²² Canada — Certain Measures Affecting the Renewable Energy Generation Sector DS 412 (Canada – Renewable Energy). Appellate Body Report. May 6, 2013. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds412_e.htm (дата обращения 13 апреля 2018 г.).

ющим от лица, государства. А также, толкование субсидии говорит, о том, что помощь от любого лица может быть рассмотрена в качестве субсидии. Во-вторых, получателем субсидии может выступать промышленность, отрасль, физические и юридические лица, государство, государь. Бюджет страны тоже может получать субсидии, однако эта схема характерна только для сложных и многоуровневых бюджетных систем, например, такой, какая используется в Российской Федерации.

Распорядитель

- Государство
- Публичный орган
- Любое лицо

Получатель

- Промышленность, отрасль
- Государство
- Государь. Император
- Физическое или юридическое лицо
- Бюджет

Рисунок 4. Основные элементы субсидии.

В-третьих, в качестве инструмента субсидий может выступать как нематериальная поддержка, так и финансовая (денежная) помощь. В-четвертых, субсидия всегда выдается на определенные цели, будь-то поддержка самих предприятий или цен на их продукцию.

Инструмент

- Поддержка
- Денежная помощь

Цель

- Поддержка предприятий
- Поддержка цен
- Целевые расходы

Рисунок 5. Основные элементы субсидии.

Несмотря на большое количество дел, уже рассмотренных в ОРС ВТО, понятийный аппарат субсидии, несомненно, требует уточнений некоторых элементов и детализации. Такая детализация возможна как в рамках ОРС, так и решений, принимаемых членами ВТО в ходе многосторонних переговоров. Поэтому актуальным является всестороннее и углубленное изучение данного вопроса для последующего формирования надлежащей переговорной позиции Российской Федерации.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТОРГОВЛИ НЕФТЬЮ: КОНЦЕПЦИЯ *LEX PETROLEA*

Антон Александрович Журков

*Магистрант кафедры международного права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
zh_anton1804@mail.ru*

В последние годы отмечается важная тенденция в международном экономическом праве как формирование особенностей правового режима торговли нефтью и нефтепродуктами как товара, как объекта биржевой торговли, как объекта отношений по транспортировке магистральными трубопроводами и как объекта внешнеэкономических сделок.

Говоря о регулировании отношений в сфере торговли нефтью, необходимо обратить внимание на концепцию *lex petrolea*, которая широко применяется в данной сфере.

Lex petrolea является частью *lex mercatoria* (*law merchant*) международной торговли, автономный правовой порядок, одним из самых ярких представителей которых является профессор Б. Голдман. Он рассматривает *law merchant* как автономную систему права международного сообщества коммерсантов, существующую независимо от конкретных национальных систем¹. Система созданный сторонами внешнеэкономических сделок и существующий независимо от национальных правовых порядков. Стороны могут при помощи контракта (договора) урегулировать свои отношения в правовом русле, используя тот источник права, который они выбирают самостоятельно.

¹ Goldman B. The Applicable Law: General Principles of Law – the *Lex Mercatoria*// Contemporary Problems in International Arbitration. Law ed. London, 1986. P. 113-126 / Цит по: Бахин С.В. Правовые проблемы договорной унификации // Московский журнал международного права. 2002. - № 1(45). - С. 129 - 143

Однако впервые идею об особенностях регулирования отношений между участниками нефтяной отрасли была высказана в 1975 году в Гаагской академии международного права египетским профессором Ахмедом Садеком Ель-Кашери в рамках лекций о транснациональном регулировании нефтяных контрактов: «Правовой режим, созданный нефтяными соглашениями»².

Поэтому, из-за отсутствия самостоятельного определения понятия *lex petrolea* в российской доктрине, предлагается подход к пониманию юридической природы *lex petrolea* как совокупности правил поведения, которые выработаны участниками международного коммерческого оборота, а именно торговли нефтью, при осуществлении своей деятельности и которые применяются при рассмотрении споров между ними международным коммерческим арбитражем.

Развитие концепции *lex petrolea* в международном инвестиционном праве, было обусловлено знаменитым решением арбитража по делу *Kuwait v Aminoil*³, в котором в 1982 г., впервые, в опубликованном арбитражном решении было употреблен сам термин *lex petrolea*. Данное решение является чрезвычайно значимым для дальнейшего развития международного инвестиционного права, так как в нем затрагивались такие вопросы как: 1) выплата инвестору компенсации за "законную" экспроприацию принимающим государством имущества иностранного инвестора; 2) определение применимого права, регулирующего арбитражное разбирательство и существо спора и др. Следует отметить, что во многом на правовую позицию правительства Кувейта, представленную им ходе арбитражного разбирательства, повлияла теория профессора Ель-Кашери, который указывается в самом арбитражном решении в качестве представителя со стороны правительства Кувейта⁴.

²El-Kosheri A.S. Le régime juridique créé par les accords de participation dans le domaine pétrolier, in Recueil des cours, Collected courses of the Hague Academy of International Law, 1975 IV, Tome 174, Sijthoff&Noordhoff, The Hague, 1978. P. 217 - 405

³ Government of the State of Kuwait v American Independent Oil Co (AMINOIL), Award of 24 May 1982, (1982) 21 International Legal Materials 976 (далее - Kuwait v Aminoil)

⁴ Kuwait v Aminoil. P.- 976

Арбитражное решение касалось расторжения концессионного соглашения, которое было заключено между правительством Кувейта и Американской Независимой Нефтяной Компанией в 1948 г.

Наиболее противоречивым и неопределенным аспектом анализируемого решения, является отсылка арбитражного трибунала к позиции правительства Кувейта. Правительство Кувейта указывало, что определение выплаты иностранным инвесторам компенсации в размере первоначальной стоимости активов за вычетом накопленной амортизации, приобрело "обычный и международный характер", применительно к нефтяной индустрии" - "*lex petrolea*"⁵. Правительство Кувейта также отмечало, что *lex petrolea* является "в какой-то мере специальной ветвью (отраслью) общего универсального *lex mercatoria*"⁶.

В качестве подтверждения существования такой нормы и ее обычно-правового характера, правительство Кувейта ссылалось на результаты проведения переговоров между правительствами ряда ближневосточных государств и иностранными инвесторами о выплате компенсации за проведенную национализацию, в ходе которых между участниками была достигнута договоренность о выплате иностранным инвесторам компенсации, сумма которой рассчитывалась по формуле "первоначальная стоимость активов за вычетом накопленной амортизации"⁷.

Арбитраж не поддержал такую аргументацию, указав, что: 1) имеются основания сомневаться в существовании такой нормы; 2) даже, если принять во внимание возможность существования такой нормы, то указанная норма не применима к обстоятельствам спора⁸. В обоснование своего решения арбитражный трибунал указал на то, что фактическая ситуация, сложившаяся между правительством Кувейта и компаний *Aminoil* существенным образом отличается от той сложившейся практики переговоров, имевшей место между иностранными инвесторами и правительствами ближневосточных государств, на которую ссылается правитель-

⁵ Kuwait v Aminoil. Par. 155. P.- 1036.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

ство Кувейта. В частности, арбитражный трибунал отметил, что отношения между правительством Кувейта и компанией *Aminoil* полностью прекращены, в то время как в иных случаях, между правительствами и иностранными инвесторами сохранились взаимоотношения в той или иной форме. Кроме того, в отличие от ситуации, сложившейся между правительством Кувейта и компанией *Aminoil*, иностранные инвесторы помимо получения компенсации, также получили те или иные привилегии, в частности, с ними были заключены долгосрочные контракты на поставку нефтепродуктов либо сервисные контракты.

Важно отметить, что обычаи, принятые в нефтяной отрасли, по факту представляют собой технические нормы, которые направлены на добросовестное исполнение своих обязательств транснациональными корпорациями при освоении и эксплуатации нефтяных месторождений. Однако встает вопрос о том, применяются ли эти нормы, только если они инкорпорированы в международный инвестиционный контракт, либо могут применяться вне зависимости от инкорпорации. Такие практики могут быть применены в качестве норм права только при наличии соответствующего положения в международном инвестиционном контракте, так как, в противном случае, нарушается принцип правовой определенности между сторонами, что дестабилизирует отношения между иностранным инвестором и принимающим государством.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА РЕГИСТРАЦИИ ТОВАРНОГО ЗНАКА: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Ольга Игоревна Иванова

*Студент кафедры предпринимательского,
конкурентного и экологического права
Южно-Уральский государственный университет
ivanova.o.7777@gmail.com*

Товарный знак представляет собой обозначение, которое служит для индивидуализации товаров юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Получив свидетельство на фирменное название, логотип, торговую марку, организация получает правовую защиту в границах России. Если планируется продвигать продукцию на рынки за рубежом, необходима международная регистрация товарного знака. За первый квартал 2018 года Роспатентом было предоставлено 19938 разрешений на международную регистрацию товарного знака в сфере промышленной собственности.¹

Основной системой регистрации товарных знаков за рубежом является Мадридская система регистрации товарных знаков. Процедуру регистрации согласно Мадридской системе, регламентируют несколько документов:

- Мадридское соглашение о международной регистрации товарных знаков 1891 г.;
- Протокол к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков 1989 г.;
- Общая инструкция, которая действует с 2004 года.

Основной принцип, упрощающий регистрацию товарного знака за рубежом, согласно Мадридской системе, заключается в том, что товарный знак, зарегистрированный в одной из стран

¹ Официальный сайт Федерального Института Промышленной собственности. URL: <http://www1.fips.ru/> (дата обращения: 12.04.2018 г.).

участниц (стране – происхождения), получает правовую защиту в других странах путем подачи заявки в международное бюро Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС). При этом не нужно подавать заявку в каждую из стран.²

Основные преимущества международной регистрации товарных знаков:

- товарный знак, зарегистрированный на территории стран – участниц, уже не может быть запрещен к использованию;

- при продаже прав на интеллектуальную собственность, есть возможность извлекать дополнительную прибыль;

- если товарный знак будет использоваться незаконно, то есть возможность защитить свои права, обратившись в суд и потребовав возмещения ущерба.

Перед подачей заявки на международную регистрацию товарного знака согласно Мадридской системе, необходимо получить разрешение на регистрацию товарного знака в стране происхождения. В России такую услугу предоставляет Роспатент.³ Россия является страной-участницей Мадридского соглашения и Протокола к Мадридскому соглашению. Всего стран-участниц Мадридского соглашения и Протокола - 99, включая Россию.⁴ В России регистрация товарных знаков регулируется в соответствии с Гражданским Кодексом РФ частью 4.⁵

Порядок государственной регистрации товарных знаков в России устанавливается в соответствии со статьёй 1503 ГК РФ. Основные этапы регистрации товарных знаков в России:

² Михалькевич Э. В. Правовое регулирование регистрации товарных знаков в соответствии с Мадридской системой //Статья в сборнике трудов конференции «Развитие современных цивилизаций: ответы на вызовы времени» / под ред. Э. В. Михалькевич, М., 2016. С. 452-457.

³ Официальный сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности. URL: <http://www.rupto.ru/ru> (дата обращения: 12.04.2018 г.).

⁴ Официальный сайт Сибирского Центра патентных услуг. URL: <https://www.tm-patent.ru> (дата обращения: 11.04.2018 г.).

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (Часть 1). Ст. 5496.

- классификационное обозначение товарного знака, определение его класса;
- проверка охраноспособности;
- информационный поиск на тождества и сходства;
- подача заявки;
- экспертиза заявки в Роспатенте;
- получение свидетельства на товарный знак.

Согласно Гражданского кодекса РФ, право на товарный знак действует 10 лет с последующим продлением на 10 лет неограниченное количество раз.

После получения разрешения на регистрацию товарного знака в России, правообладатель может подать заявку на международную регистрацию товарного знака.

Основные документы, регулирующие международную регистрацию товарных знаков – это Мадридское соглашение и Протокол к Мадридскому соглашению, между ними существует разница. Мадридское соглашение даёт право подать заявку на международную регистрацию только после получения национальной регистрации товарного знака. Протокол к Мадридскому соглашению даёт возможность подать заявку на международную регистрацию сразу после подачи первичной заявки, не дожидаясь национальной регистрации. Основное преимущество – заявитель выигрывает во времени, от 1 месяца до года.

Другое отличие между Мадридским соглашением и Протоколом к нему: вся документация в соответствии с Соглашением ведётся на французском языке, а документация Протокола к соглашению – на английском, это в значительной степени облегчает деятельность патентных ведомств ряда государств.⁶ Согласно правилам Мадридской системы регистрации товарных знаков, знак классифицируется в соответствии с международным классификатором товарных знаков.⁷

⁶ Щербачева Л. В. Оформление прав на интеллектуальную собственность за рубежом // Вестник Московского Университета МВД в России. №2. 2011. С. 225-228.

⁷ Соглашение о Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков (заключено в Ницце 15.06.1957) (ред. от 28.09.1979) // Публикация ВОИС. — 1992. — № 292(R).

Процедура регистрации товарных знаков в соответствии с Мадридской системой:

- подача заявки в международное бюро ВОИС, в заявке указываются страны, в которых испрашивается защита;

- проводится регистрация товарного знака (п. 4, ст. 3 Мадридского соглашения), сведения о регистрации подлежат публикации;⁸

- в патентные ведомства стран рассылаются уведомления;

- проверка товарного знака соответствующими ведомствами в странах, где заявитель намерен зарегистрировать свой товарный знак;

- при получении отказа в регистрации товарного знака, решение сообщается в Международное бюро.

Несмотря на упрощение процедуры подачи заявки, согласно Мадридской системе, остаются не решенными некоторые проблемы:

- международная регистрация зависит от национальной в течение 5 лет, т. е. становится независимой от национальной регистрации только по истечении 5 лет. В данном случае, если в этот период регистрация товарного знака по каким-либо причинам аннулируется, то и международная регистрация аннулируется тоже;

- факт предоставления правовой охраны, т. е. срок ожидания получения регистрации составляет до 2 лет и более.

Предполагается, что для ускорения сроков рассмотрения поданных заявок необходимо перевести на английский язык не только документацию Протокола, но и самого Мадридского соглашения. Чтобы сократить срок, от которого зависит международная регистрация, например, до 2 лет вместо 5, необходимо внести соответствующие поправки в Соглашение.

Помимо Мадридской системы регистрации товарных знаков, с 1996 года действует Европейская система товарных знаков, данная система регулируется Постановлением Совета Европейского

⁸ Соглашение о международной регистрации знаков (Заключено в Мадриде 14.04.1891) (ред. от 02.10.1979) (вместе с «Инструкцией к мадридскому Соглашению» от 01.04.1992) // Публикация ВОИС. — 1992. — № 260(R), 1992.

союза.⁹ Товарный знак стран – участник Европейского союза имеет аббревиатуру СТМ (Community Trade Mark). Основная цель создания Европейского Ведомства – охрана товарного знака на всей территории Европейского союза.¹⁰

Система регистрации товарного знака Европейского союза позволяет подать заявку и получить регистрацию товарного знака в 28 Европейских странах. Особенностью регистрации товарного знака в Европейском союзе является то, что невозможно его зарегистрировать в каких – либо странах и не зарегистрировать в других. Поэтому, если в регистрации откажет какая-либо одна страна, то и в целом по Евросоюзу будет отказано.

Для Российских компаний преимущество в том, что не нужно предварительно регистрировать знак у себя в стране (России). Так как Россия не является государством – участником Евросоюза, заявку можно подать через патентного поверенного какой-либо из стран Евросоюза, либо через профессиональные представительства, зарегистрированные Ведомством.

Таким образом, для получения Международной регистрации товарного знака существует две системы: Мадридская и система Евросоюза. Для России основной из них все же является Мадридская система, т. к. позволяет зарегистрировать товарный знак сразу в 98 странах, Европейская только в 28. Так как Россия входит в состав стран-участниц Мадридского соглашения и Протокола к нему, другие страны могут зарегистрировать свой товарный знак в нашей стране как в иностранном государстве, что очень важно для гармонизации и успешного взаимного экономического партнерства.

⁹ Постановление Совета Европейского союза. О создании Ведомства по гармонизации на внутреннем рынке и о товарном знаке Европейского союза. 20.12.1993 г. №40/94. URL: <http://base.garant.ru/2569255/> (дата обращения: 11.04.2018 г.).

¹⁰ Шишкарёв Ю. А. Законодательство Европейского союза в области товарных знаков // Биржа интеллектуальной собственности. Т. 8. №9. 2014. С. 10-12.

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СПОРОВ В МЦУИС: ПРОБЛЕМЫ ЮРИСДИКЦИИ

Екатерина Сергеевна Намойлик

*Студентка юридического института
Российский университет дружбы народов
ekaterinanamoylik@gmail.com*

Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) был создан в 1966 году в соответствии с Вашингтонской конвенцией об урегулировании инвестиционных споров между государствами и гражданами других государств (Вашингтонская конвенция 1965 г.)

Передача спора на рассмотрение в МЦУИС (Международный Центр по урегулированию инвестиционных споров) требует соблюдения ряда условий. Прежде всего, стороны должны прийти к согласию о том, что они передают возникший спор в МЦУИС, при этом согласие должно быть в письменной форме. Соглашение сторон может касаться как уже возникшего спора, так и споров, которые возникнут в будущем. Также, сторонами соглашения должны выступать договаривающееся государство и физическое или юридическое лицо другого договаривающегося государства. Наконец, спор должен носить правовой характер и возникнуть из инвестиционных отношений, осложнённых иностранным элементом¹.

Итак, предметную юрисдикцию МЦУИС составляют споры: 1) правового характера; 2) непосредственно относящиеся к инвестициям.

Закрепление правового характера спора имело своей целью исключить из компетенции МЦУИС моральные и политические разногласия и споры коммерческого характера. Вашингтонская Конвенция 1965 года о порядке разрешения инвестиционных спо-

¹ Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы: Монография. – М.: РУДН, 2012. С. 180.

ров между государствами и иностранными лицами не содержит определение «правового характера» спора. МЦУИС в своей практике зачастую толковал правовой характер спора через наличие и границы определенных прав и обязанностей сторон или возможность возмещений в случае нарушения сторонами определенных правовых обязательств.

Следующая часть предметной юрисдикции – отношения, возникающие из инвестиционных соглашений (*“any legal dispute arising directly out of investment”*). Сложность состоит в том, что Конвенция не содержит определения понятия «инвестиции», хотя это предусматривал первоначальный проект документа, и инвестиции определялись как «любой денежный или иной имущественный вклад, имеющий экономическую ценность, на неограниченный период времени, но не менее чем на пять лет»². Отсутствие данного понятия создаёт определённые трудности – сложно определить характер правоотношений, из которых возникает спор. Однако, Конвенция предусматривает право государств - участников в момент присоединения, ратификации, а также в любое время уведомить МЦУИС о категории или категориях споров, которые подпадают или не подпадают под юрисдикцию МЦУИС³. Некоторые государства сделали оговорки, например, Индонезия исключила из компетенции МЦУИС споры из административных решений органов правительства Индонезии; Саудовская Аравия исключила споры, касающиеся нефти и актов суверенитета.

Отметим, что стороны сами устанавливают критерии понятия «инвестиции», следовательно, бремя доказывания того, что спор есть следствие инвестиционной деятельности, лежит на самих сторонах. В случае убедительности данных критериев, состав арбитров устанавливает свою юрисдикцию и принимает спор к рассмотрению.

² History of the ICSID Convention. Documents Concerning the Origin and Formulation of the Convention on the Settlement of Investment Disputes between States and Nationals of Other States / The International Centre for Settlement of Investment Disputes. Washington D. C: World Bank, 1970. P. 123.

³ Вашингтонская Конвенция о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами 18 марта 1965 года. П.4 ст. 25. URL: <http://base.garant.ru/2540235/>.

И всё же проблема закрепления понятия инвестиций на международно-правовом уровне остаётся нерешенной. Практика показывает, что арбитр использует понятие «инвестиции» по смыслу национального законодательства принимающего государства или же из двусторонних соглашений о защите инвестиций. Иными словами, в настоящее время отсутствует единый подход при рассмотрении дел.

Интерес в этом вопросе представляют позиции, нашедшие отражение в доктрине международного права. Так, в своём Комментарии к Вашингтонской конвенции 1965 г. К. Шроер предложил следующие: определённый срок, регулярность получения прибыли, наличие риска, существенность обязательства и важность для развития государства, которое применяет инвестиции⁴. Впервые указанные критерии были применены арбитрами в деле *Salini Construttori S. P. A. и Italstrade S. P. A. Kingdom of Morocco* и были названы тестом Салини. В дальнейшем тест Салини получил широкое распространение и стал применяться при разрешении многих споров, что не могло не вызвать возмущения среди арбитров. Например, в деле *Biwater Gauff (Tanzania) Ltd. v. United Republic of Tanzania*⁵ арбитры пришли к выводу о том, что тест Салини не основан на каких-либо нормах международных актов и потому не может представлять собой жесткий критерий для определения инвестиций. Более того, руководство данными критериями может привести к исключению ряда сделок из сферы Вашингтонской конвенции.

Эти критерии являются своего рода доктринальным толкованием «инвестиции», они никак не закреплены на международно-правовом уровне, их нет и в самой Вашингтонской конвенции, следовательно, они не могут расцениваться как императивное предписание, которому должна соответствовать инвестиция для

⁴ Schreuer H. Christoph. *The ICSID Convention. A Commentary*. Cambridge, the United Kingdom: Cambridge University Press, 2001. P. 140.

⁵ *Biwater Gauff (Tanzania) Ltd. v. United Republic of Tanzania*. Award. (ICSID Case № ARB/05/22). URL: https://icsid.worldbank.org/ICSID/FrontServlet?requestType=CasesRH&actionVal=showDoc&docId=DC1589_En&casId=C67 (дата обращения: 07.04.2018).

того, чтобы у МЦУИС возникла юрисдикция на рассмотрение спора.

Рассмотрим субъектную юрисдикцию МЦУИС. Итак, сторонами спора выступают государства – участники Конвенции и лица договаривающихся государств. В соответствии с п. 2 ст. 25 Вашингтонской конвенции термин «физическое или юридическое лицо другого Договаривающегося государства» означает:

а) любое физическое лицо, которое имело гражданство иного государства, нежели государство-участник конвенции, являющееся стороной в споре, на дату, когда стороны согласились передать такой спор на примирение или арбитраж, но исключает любое лицо, которое на одну из указанных дат имело также гражданство государства-участника, являющегося стороной в споре⁶. Исходя из этого положения, можно прийти к выводу, что лица с двойным гражданством не могут передать на рассмотрение в МЦУИС спор против государства, гражданством которого они обладают.

б) любое юридическое лицо, которое имело национальность иного государства-участника, нежели государство, являющееся стороной в споре, на день, когда стороны согласились передать такой спор на примирение или арбитраж, и любое юридическое лицо, которое на этот день имело национальность государства-участника, являющегося стороной в споре, но которое ввиду иностранного контроля стороны согласилось рассматривать как юридическое лицо другого государства-участника.

Отметим, что юридическое лицо обладает национальностью договаривающегося государства, отличного от государства – реципиента, но и возможно применение так называемого принципа контроля в определённых случаях. Это исключение предусмотрено, когда юридическое лицо создано в соответствии с правом государства, которое принимает инвестиции, то есть компания получает национальность данного государства. В данном случае согласия государства – реципиента на передачу инвестиционного спора в МЦУИС будет недостаточно, поэтому должно быть заключено специальное соглашение между юридическим лицом

⁶ Вашингтонская Конвенция о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами 18 марта 1965 года. П.2 ст. 25. URL: <http://base.garant.ru/2540235/>.

принимающего государства, которое контролируется иностранным инвестором, и самим принимающим государством⁷. Например, в решении от 1 августа 1984 г. по делу *SOABI v. State of Senegal* МЦУИС⁸ признал свою компетенцию рассматривать спор между сенегальской компанией, принадлежащей панамскому совместно-му предприятию, которое, в свою очередь, принадлежало бельгийским инвесторам, несмотря на то, что Панама не являлась государством-участником Вашингтонской Конвенции, в отличие от Бельгии. Инвестиционный договор содержал следующее условие: «Стороны выражают явное согласие с тем, что арбитраж будет осуществляться по правилам, установленным Конвенцией по урегулированию споров между государствами и гражданами других государств, разработанной Международным банком реконструкции и развития. В этой связи правительство соглашается признавать национальность инвестора как соответствующую статье 25 конвенции».

Следующим элементом, позволяющим сторонам передать спор на рассмотрение в МЦУИС является согласие, заключенное в письменной форме. Совет директоров Всемирного Банка в своем отчете о принятии Конвенции отметил: «Согласие сторон наиболее важный элемент, утверждающий юрисдикцию Центра по рассмотрению возникающих между сторонами споров»⁹.

Как уже было отмечено, государство может согласиться на юрисдикцию МЦУИС по уже возникшему спору или же по кате-

⁷ См. Бабкина Е.В. Международный центр по урегулированию инвестиционных споров как эффективный механизм разрешения споров между инвестором и государством-реципиентом // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права: сб. науч. трудов. Вып. 8 / БГУ. С. 67.

⁸ *SOABI v. State of Senegal. Award* (ICSID Case № ARB/82/1) // International Centre for Settlement of Investment Disputes. URL: https://icsid.worldbank.org/ICSID/FrontServlet?requestType=CasesRH&actionVal=showDoc&docId=DC667_Fr&caseId=C128 (дата обращения: 07.04.2018).

⁹ Международный банк реконструкции и развития. Отчет исполнительного совета директоров по Конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и лицами других государств (18 Марта 1965 г.) // ICSID Reports № 1. — 1993.

гориям споров. Отметим, что государству недостаточно быть просто участником конвенции, чтобы МЦУИС имел право рассмотреть спор. В обязательном порядке государство должно выразить своё согласие либо в национальном законодательстве с указанием на юрисдикцию МЦУИС, либо в арбитражной оговорке или прямо прописать это в инвестиционном договоре.

Вопрос о способах достижения согласия между сторонами поднимался и при рассмотрении инвестиционных споров в МЦУИС. Так, в деле *Tradex Hellas S. A. v. Republic of Albania* Правительство Албании оспаривало юрисдикцию МЦУИС, письменное соглашение между Правительством Албании и греческой компанией *Tradex Hellas S. A.* о передаче спора в МЦУИС не было заключено.

В своем решении арбитражный суд отметил, что, во-первых, Вашингтонская конвенция не требует, чтобы согласие сторон было выражено в каком-либо отдельном документе. Во-вторых, включение в текст международного договора или акта национального законодательства положения о компетенции МЦУИС свидетельствует о согласии государства на передачу возможных споров МЦУИС. Тем не менее, суд МЦУИС отказал в своей юрисдикции, сославшись на то, что просьба на рассмотрение спора в МЦУИС поступила ранее вступления в силу двустороннего международного договора между Грецией и Албанией о поощрении и взаимной защите инвестиций, закрепляющего юрисдикцию МЦУИС¹⁰. Итак, юрисдикция МЦУИС может быть основана на двустороннем международном договоре о поощрении и защите капиталовложений или национальном законодательстве, в котором содержатся соответствующие положения¹¹.

Немаловажным является тот факт, что данное согласие на юрисдикцию МЦУИС нельзя отозвать. На практике это проявляется в том, что ни одна сторона не может передать возникший спор на рассмотрение в местный или международный орган. Стоит от-

¹⁰ Литовченко Д. В. Проблемы определения юрисдикции в Международном центре по урегулированию инвестиционных споров [Текст] // Актуальные проблемы права: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2016 г.). — М.: Буки-Веди, 2016. — С. 99-103.

метить, что согласие сторон носит абсолютный характер, об этом свидетельствует положение ст. 26 Конвенции: «Согласие сторон о передаче Центру спора для разрешения методом арбитража, согласно настоящей Конвенции, означает, если не предусмотрено иного, обязательность такого согласия и отказ от использования других средств разрешения споров»¹². Следовательно, данное согласие сторон обязует их рассматривать данный спор только в МЦУИС, если не предусмотрено иного в их соглашении.

В силу ряда экономических причин инвестор может передать часть своих прав другому лицу, в том числе и право на обращение в МЦУИС. В данном случае важным является вопрос правопреемства согласия на передачу спора в МЦУИС. Стороны должны заранее предусмотреть в своём соглашении положение о правопреемстве. Если правопреемник не является стороной арбитражного соглашения, то государство – реципиент может оспорить юрисдикцию МЦУИС¹³.

Таким образом, соблюдение рассмотренных выше условий ведёт к возникновению юрисдикции МЦУИС. Однако, выполнение сторонами этих условий может быть несколько затруднительно в силу ряда причин, например, разные критерии, определяющие понятие «инвестиции», вопрос о способах достижения согласия на передачу спора в МЦУИС, что свидетельствует о необходимости совершенствования правового регулирования в данном вопросе.

¹² Вашингтонская Конвенция о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами 18 марта 1965 года. Ст. 26. URL: <http://base.garant.ru/2540235/>.

¹³ Козменко А.В. Вопросы юрисдикции международного центра по урегулированию споров между государствами и иностранными лицами // Вестник Российского университета дружбы народов, 2011. С. 57.

ДОКТРИНА «RIGHT TO REGULATE» В МЕЖДУНАРОДНОМ ИНВЕСТИЦИОННОМ ПРАВЕ

Кайс Шаабанович Ал-Раджаб

*Аспирант кафедры международного права
Московского государственного юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
kays.alrajab@gmail.com*

В настоящий момент большую популярность приобрело заключение двусторонних соглашений о защите и поощрении иностранных инвестиций (далее - «ДИС»), закрепляющих определенный объем прав иностранных инвесторов, осуществивших инвестиции на территории одного из государств-сторон ДИС. Ввиду большого количества действующих ДИС и примерно одинакового объема прав и гарантий, предоставляемых иностранным инвесторам, можно говорить о формировании определенных международных стандартов защиты прав иностранных инвесторов. В подавляющем большинстве ДИС данные стандарты определены крайне абстрактно и лаконично, ввиду чего определение их конкретного содержания представляется затруднительным. Например, базовым стандартом защиты является запрет экспроприации инвестиции, при этом данное утверждение почти никогда не сопровождается пояснением, каковы основные признаки экспроприации и каковы условия для признания действий государства экспроприацией. Еще более неопределенными являются формулировки иных основных стандартов защиты инвесторов, например, гарантии предоставления «справедливого и равноправного режима» или «полной защиты и безопасности». Очевидно, что данная ситуация порождает неясность в вопросе о том, приведет ли то или иное действие государства к нарушению его обязательств по ДИС. А поскольку большинство ДИС также предоставляет возможность иностранному инвестору обратиться с иском напрямую к государству в международный арбитраж, у государств присутствует острая потребность осознавать, какие их действия составляют нару-

шение ДИС, а какие нет, а также установить четкие границы сферы, осуществление властных полномочий в которой не должно приводить к ответственности по ДИС. Отчасти в ответ на эту потребность в международно-правовой доктрине и практике органов по разрешению инвестиционных споров была разработана концепция «*right to regulate*» (в отсутствие адекватного эквивалента данного понятия на русском языке далее будет использоваться буквальный перевод - «право на регулирование»). Основная идея данной концепции заключается в том, что регулятивные меры, принятые государствами в публичном интересе и в отсутствие дискриминации, не влекут ответственности по ДИС.

Доктрину «права на регулирование» не следует смешивать с кажущимися сходными ситуациями, когда государства предусматривают в заключаемых ими международных договорах специальные положения, разрешающие государствам принимать односторонние регулятивные меры, не совместимые с принятыми на себя обязательствами по международным договорам. Данные положения-оговорки достаточно распространены как в международном праве в целом, так и в международном экономическом праве в частности. Например, положения ст. XX и XXI Генерального соглашения по тарифам и торговле (далее – «ГАТТ»), позволяющие государствам-участникам ГАТТ отступать от принятых от себя обязательств по ГАТТ в случае, если это необходимо для достижения публично значимой цели, например, для защиты общественной морали либо жизни или здоровья человека, а также для защиты существенных интересов своей безопасности¹. Кроме того, интерес представляют соглашения в рамках Всемирной торговой организации (далее – «ВТО»), имеющие более узкую сферу действия, например, Соглашение по применению санитарных и фитосанитарных мер или Соглашение по техническим барьерам в торговле, которые представляют государствам-членам ВТО право вводить необходимые санитарные или технические меры, ограничивающие торговлю. Похожие нормы содержатся и в праве Евро-

¹ Генеральное соглашение по тарифам и торговле от 30.10.1947 г. URL: <https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272897051/%D0%93%D0%90%D0%A2%D0%A2-47%20%28rus%29.pdf> (дата обращения 15.04.2018 г.)

пейского Союза, например, ст. 36 Договора о функционировании Европейского Союза говорит о том, что запреты количественных ограничений на экспорт и импорт могут быть нарушены по соображениям общественной морали, порядка, безопасности и так далее². Наконец, ст. 1 Дополнительного протокола к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1952 г. (далее – «ЕКПЧ») предусматривает, что закрепленное в ней право на защиту собственности не умаляет права государства-участника обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов³.

Основное отличие доктрины «права на регулирование» по сравнению с нормами упомянутых выше международно-правовых актов состоит в том, что она подлежит применению только в отсутствие прямо предусмотренной в международном договоре оговорки, предоставляющей государствам-участникам право осуществлять регулятивные меры, противоречащие положениям такого международного договора. Особенностью международного инвестиционного права является то, что ДИС довольно редко содержат подобные оговорки, ввиду чего государствам приходится апеллировать к доктрине «права на регулирование». В этой связи особое внимание следует обратить на существующие в практике международных инвестиционных арбитражей мнения в отношении того, существует ли «право на регулирование» в отсутствие соответствующих положений ДИС и каковы условия реализации такого права.

Начать следует с того, что в области рассмотрения инвестиционных споров отсутствует консенсус в отношении того, суще-

² Договор о функционировании Европейского союза (подписан в г. Риме 25.03.1957 г.). URL: <http://eulaw.ru/treaties/tfeu> (дата обращения 15.04.2018 г.)

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950 г.) (измененная и дополненная Протоколами №11 и №14, в сопровождении Дополнительного протокола и Протоколов №4,6,7,12, и 13) URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения 15.04.2018 г.)

ствует ли в принципе «право на регулирование» в отсутствие соответствующих положений ДИС. Для многих арбитров, рассматривающих международные инвестиционные споры, существование «права на регулирование» является бесспорным. Наиболее однозначно это было сформулировано в решении по делу *Methanex Corporation v. United States of America*: «В соответствии с общим международным правом регулятивная мера, принятая в отсутствие дискриминации, с соблюдением процедурных требований и при этом затрагивающая в том числе иностранного инвестора, не должна считаться экспроприацией и вести за собой обязанность возместить убытки при условии, что государство не взяло на себя каких-либо дополнительных обязательств в отношении конкретного инвестора в качестве условия осуществления инвестиции»⁴. Основываясь на данном тезисе, арбитраж в данном деле не признал принятие губернатором Калифорнии указа об ограничении производства метанола, что являлось основным видом деятельности истца, мерой, приравнивающейся к экспроприации. Схожей логики придерживался состав арбитража в деле *Parkerings-Compagniet AS v. Republic of Lithuania*, указав, что в отсутствие механизмов по типу «стабилизационной оговорки» государства обладают широкой дискрецией по принятию, изменению и отмене регулятивных мер и что любой инвестор должен учитывать возможность изменения законодательства с течением времени⁵. Далее, важной представляется формулировка общего принципа, являющего краеугольным для рассматриваемой проблематики, выведенная арбитрами в деле *Tecmed, S.A. v. The United Mexican States*: «Неоспоримым является принцип о том, что осуществление государством властных полномочий в публичной сфере, которые могут привести к экономическому ущербу лиц, которым адресованы эти меры, не

⁴ *Methanex Corporation v. United States of America*, UNCITRAL, Final Award of the Tribunal on Jurisdiction and Merits, 3 August 2005. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0529.pdf> (дата обращения 15.04.2018 г.)

⁵ *Parkerings-Compagniet AS v. Republic of Lithuania*, ICSID Case No. ARB/05/8, Award, 11 September 2007. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0619.pdf> (дата обращения 15.04.2018 г.)

влечет за собой обязанности возместить данный ущерб»⁶. Целесообразно также выделить позицию арбитража в деле *Marvin Roy Feldman Karpa v. United Mexican States*, в котором не только указано, что государства должны иметь возможность осуществлять необходимое регулирование в публичном интересе, чего невозможно было бы добиться, если бы у любого предпринимателя, понесшего убытки ввиду принятия такого регулирования, было бы право требовать их возмещения, но и отмечено, что данное положение является нормой обычного международного права⁷.

Следует подчеркнуть, однако, что далеко не во всех разбираательствах наличие у государства «права на регулирование» воспринималось как само собой разумеющееся. Впервые сомнения относительно существования данной концепции были высказаны в деле *Pope & Talbot v. Canada*, в котором арбитры не приняли аргумент Канады о том, что меры по контролю за экспортом мягкой древесины являются надлежащим использованием Канадой своего «права на регулирование», указав, что простая ссылка на «право на регулирование» является «зияющей лазейкой» для государств не соблюдать положения о защите от экспроприации⁸. Представляется, что идея арбитража заключалась в том, что доктрина «права на регулирование» является настолько неопределенной и абстрактной, что апеллирование к ней фактически нивелирует стандарты защиты иностранных инвесторов, содержащиеся в ДИС.

Несколько более категоричен был состав арбитража в деле *Compañía del Desarrollo de Santa Elena S.A. v. Republic of Costa Rica*, который постановил, что меры по экспроприации, принятые по соображениям защиты окружающей среды, независимо от их

⁶ *Técnicas Medioambientales Tecmed, S.A. v. The United Mexican States*, ICSID Case No. ARB (AF)/00/2, Award, 29 May 2003. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0854.pdf> (дата обращения 15.04.2018 г.)

⁷ *Marvin Roy Feldman Karpa v. United Mexican States*, ICSID Case No. ARB(AF)/99/1, Award, 16 December 2002. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0319.pdf> (дата обращения 15.04.2018 г.)

⁸ *Pope & Talbot Inc. v. The Government of Canada*, UNCITRAL, Interim Award, 26 June 2000. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0674.pdf> (дата обращения 15.04.2018 г.)

полезности для общества в целом остаются экспроприацией по смыслу ДИС, и поэтому обязательство государства по выплате компенсации сохраняется⁹. Данная логика была воспринята арбитрами в деле *Metalclad Corporation v. The United Mexican States*, которые отказались принимать во внимание соображения правительства Мексики, издавшего указ о защите редких видов кактусов, отметив лишь, что данный указ представляет собой акт косвенной экспроприации инвестиции истца, за которую полагается компенсация¹⁰. В литературе констатируется, что данное решение представляет собой яркий пример имплементации концепции «*sole effect*», суть которой состоит в том, что, если последствием введения государственной меры является прямая или косвенная потеря инвестором контроля над своей инвестицией, он имеет право на компенсацию независимо от того, какими соображениями руководствовало государство при введении таких мер¹¹. Отпечаток данной концепции также можно найти в решении по делу *Spyridon Roussalis v. Romania*, в котором содержится идея о том, что для решения вопроса о наличии признаков косвенной экспроприации ключевым является анализ эффекта, который имела мера, и при этом намерения, которыми руководствовало государство при принятии данной меры, не имеют решающего значения¹².

Характерными являются споры, в которых состав арбитража, не отрицая наличия «права на регулирование», анализировал конкретные обстоятельства дела с целью определить, подлежит ли

⁹ *Compañía del Desarrollo de Santa Elena S.A. v. Republic of Costa Rica*, ICSID Case No. ARB/96/1, Award, 17 February 2000. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw6340.pdf> (дата обращения 15.04.2018 г.)

¹⁰ *Metalclad Corporation v. The United Mexican States*, ICSID Case No. ARB(AF)/97/1, Award, 30 August 2000. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0510.pdf> (дата обращения 15.04.2018 г.)

¹¹ Pellet A. Chapter 32: Police Powers or the State's Right to Regulate// *Building International Investment Law: The First 50 Years of ICSID*. Kluwer Law International, 2015. P. 453.

¹² *Spyridon Roussalis v. Romania*, ICSID Case No. ARB/06/1, Award, 7 December 2011. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0723.pdf> (дата обращения 15.04.2018 г.)

доктрина «права на регулирование» применению. Арбитражные решения часто содержат крайне скупой анализ условий, при которых государство может воспользоваться «правом на регулирование». Удачным исключением является уже упоминавшееся дело *Tecmed*, в котором истец, являвшийся акционером мексиканской компании, осуществлявшей деятельность по захоронению опасных отходов, обратился в арбитраж после того, как ему было отказано в ежегодном продлении лицензии на осуществление деятельности. Состав арбитража счел, что, несмотря на общий тезис о возможности принятия государством регулятивных мер, за которые не полагается компенсация по ДИС, необходимо скрупулезно изучить обстоятельства дела с целью установления, соответствовали ли принятые меры важности защищаемых ими общественных интересов. В данном случае арбитры произвели глубокий фактический анализ ситуации и пришли к выводу, что нарушения мексиканского права, указанные в акте о непродлении лицензии в качестве основания данного действия, не связаны непосредственно с защитой окружающей среды и здоровья населения. Далее, состав арбитража выяснил, что основным поводом для отказа в продлении лицензии были не сколько выявленные нарушения, столько протесты местного населения против нахождения свалки отходов в близости от населенного пункта. Арбитры признали данные причины недостаточными для того, чтобы Мексика могла воспользоваться своим «правом на регулирование» и по сути закрыть свалку отходов, поскольку, во-первых, недовольство местного населения существовало и на момент совершения инвестиции, следовательно, у истца не было повода полагать, что этот факт негативным образом повлияет на инвестицию. Во-вторых, протесты не были, по мнению арбитров, достаточно массовыми и интенсивными, чтобы свидетельствовать о чрезвычайном характере проблемы, которое оправдало бы действия мексиканских властей. Таким образом, причины отказа в продлении лицензии и закрытия бизнеса истца не были соразмерны убыткам, которые понес истец, ввиду чего состав арбитража постановил, что действия Мексики являлись экспроприацией.

Еще один пример – это известное дело *Philip Morris v. Uruguay*, в котором Philip Morris, одна из крупнейших в мире табачных компаний, пыталась взыскать убытки, причиненные в связи с

принятием Уругваем требований о рекламировании только одного вида сигарет одного бренда и о размере изобразительного элемента с предостережением на пачках сигарет¹³. Арбитры, признавая принятие данных требований не нарушающим положения применимого ДИС, руководствовались следующим. Во-первых, состав арбитража указал, что доктрина «права на регулирование» эволюционно развивалась и на момент принятия решения (2016 год) являлась нормой общего международного права. Далее, требования были введены *bonae fidei* в целях защиты здоровья населения и в соответствии как с конституцией и иными законами Уругвая, так и с обязательствами Уругвая по международным договорам. Состав арбитража принял уменьшение количества курящих в Уругвае как доказательство эффективности вводимых требований, чего, по мнению арбитров, достаточно для обоснования пропорциональности вводимых мер, тем более что, с точки зрения арбитража, вводимые ограничения не являются столь существенно ограничивающими права истца. Наконец, требования были введены в отсутствие дискриминации, поскольку распространяются как на уругвайские, так и на зарубежные табачные компании.

Наиболее очевидным из предлагающихся в доктрине способов определения границ «права на регулирование» является максимально подробное правовое урегулирование данных аспектов заключаемыми ДИС либо внесение соответствующих изменений в уже заключенные ДИС. Следует отметить, что значительное число государств уже предприняли попытки для определения в своих ДИС границ той сферы, в которой за ними должно сохраняться право принимать регулятивные меры. Показателен пример изменений, которые внесли США в свой модельный ДИС в 2004 и 2012 году: в Приложении В к данному ДИС, содержащем разъяснения относительно гарантии защиты от экспроприации, прямо указано, что недискриминационные меры, принятые стороной для защиты легитимной публично значимой цели, не являются косвенной экс-

¹³ Philip Morris Brands Sàrl, Philip Morris Products S.A. and Abal Hermanos S.A. v. Oriental Republic of Uruguay, ICSID Case No. ARB/10/7, Award, 8 July 2016. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw7417.pdf> (дата обращения 15.04.2018 г.)

проприацией¹⁴. Что касается изменений, вносимых в уже существующие ДИС, то можно привести в пример Договоренность относительно понятия «справедливый а равноправный режим», разъясняющую положения ДИС между Великобританией и Колумбией, в которой стороны утвердили свое совместное понимание, что под гарантией предоставления справедливого и равноправного режима они не имели в виду стабилизационную оговорку, ввиду чего каждая из сторон вправе принимать необходимые регулятивные меры, если они осуществляются с соблюдением принципов справедливости и равноправия¹⁵. Существуют и иные способы определения условий применения концепции «права на регулирование» (так называемые «тест на пропорциональность», «тест на необходимость» и др.).

В заключение следует подчеркнуть, что несмотря на указанные выше прецеденты арбитражных решений, в которых существование доктрины «права на регулирование» отвергалось или ставилось под сомнение, следует обратить внимание на позицию известного французского юриста-международника А. Пелле, утверждающего, что на сегодняшний момент данная доктрина является *частью позитивного международного права* (выделено мною – *К.А.-Р.*)¹⁶. На наш взгляд, довольно убедительным является аргумент *ad absurdum*, заключающийся в том, что при отрицании данной доктрины нарушением ДИС будет являться, например, налогообложение или взимание иных сборов и обязательных платежей. Такое толкование представляется несовместимым как с целями, преследуемыми государствами при заключении ДИС, так и принципом суверенного равенства государств, и потому является

¹⁴ 2012 U.S. Model Bilateral Investment Treaty. URL: <https://ustr.gov/sites/default/files/BIT%20text%20for%20ACIEP%20Meeting.pdf> (дата обращения 15.04.2018 г.)

¹⁵ Understanding with regard to Fair and Equitable Treatment in the Bilateral Investment Agreement between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Republic of Colombia. URL: <http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/3255> (дата обращения 15.04.2018 г.)

¹⁶ Pellet A. Chapter 32: Police Powers or the State's Right to Regulate// Building International Investment Law: The First 50 Years of ICSID. Kluwer Law International, 2015. P. 456.

несостоятельным. Однако вышеприведенный тезис о том, что доктрина «права на регулирование» является частью позитивного международного права, остается недоказанным. В результате критерии и условия, при которых доктрина «права на регулирование» подлежит применению, четко не выработаны ни в теории, ни в судебной практике, что вносит большую долю неопределенности в отношения между государствами и иностранными инвесторами, а также в правотворческую и правоприменительную практику, ставя под сомнение обоснованность существования данной доктрины в принципе.

ФАКТОРЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ РЫНКА ГАЗА: QUO VADIS?

Александр Амиранович Карцхия

*к.ю.н., доцент, профессор кафедры гражданского права
РГУ нефти и газа
(НИУ) им. И.М.Губкина*

*«Золотой век» нефти и газа
“Каменный век закончился не из-за
отсутствия камня, и нефтяной век
закончится задолго до того, в мире
закончится нефть” (Шейх Ахмед За-
ки Ямани, бывший министр нефти
Саудовской Аравии, 2000г.)*

Современные энергетические рынки являются уникальной сферой мировой глобализации, в которой задействованы самые разнообразные факторы от формирования целей экономической политики (либерализация рынка, конкуренция предложений), геополитических и геоэкономических изменений политических процессов и структур на уровне государств и международных организаций до проблем энергетической и экологической безопасности.

Международные рынки природного газа в настоящее время претерпевают глубокие изменения. Следуя прогнозам так называемого «золотого века газа» и опираясь на растущие объемы добычи сланцевого газа в США, открытие новых месторождений газа (шельф Восточной Африки, восточного Средиземноморья и Австралии, шельф Арктики) в сочетании с переходом на другие виды топлива в промышленной энергетике и городском транспорте, потребление газа во всем мире выросло на 25 процентов в прошедшем десятилетии. Во многом рост мирового потребления газа обеспечен благодаря дерегулированию рынка, росту основных инфраструктурных инвестиций (в трубопроводы и газовые терминалы для импорта), усилению экологического регулирования в целях снижения вредных выбросов (преимущество газа перед углем или

нефтью). Существенное влияние оказывает бурное развитие новых революционных технологий в нефтегазовом секторе, а также подвижность рынков в условиях растущей добычи и торговли природным газом в форме сжиженного природного газа (СПГ), которая сопровождается более глубокими процессами интеграции, связанными с трансграничными производственными сетями для производства, продажи и транспортировки (цепочка поставок СПГ), а также технологических цепочек переработки, сжижения, отгрузки газа и регазификации.

Ранжирование мировых трендов развития энергетических рынков (в порядке убывания), по мнению экспертов¹, выглядит следующим образом: (1) Создание новых технологий и совершенствование уже существующих; (2) Растущий уровень жизни населения; (3) Ограничении монопольного влияния энергетических компаний в некоторых регионах; (4) Рост населения; (5) Урбанизация; (6) Замедление темпов роста мировой экономики; (7) Рост энергоэффективности; (8) Реорганизация оптового рынка газа в отдельных регионах; (9) Повышение цен квот на выбросы CO₂; (10) Растущая конкуренция между поставщиками энергоресурсов; (11) Переход к низкоуглеродной энергетике; (12) Усиление межтопливной конкуренции; (13) Продолжение мировой электрификации; (14) Дивергентные тренды экономического развития отдельных регионов; (15) Изменение психологии потребителя; (16) Растущий геополитический риск.

1. Экономика, конкуренция и технологии

В аналитическом исследовании Международного энергетического агентства (IEA) «Перспективы развития энергетических технологий 2014» (ЕТР 2014)² отмечается, что политика и технологии совместно станут движущей силой, а не инструментами реагирования и трансформации развития энергетического сектора в последующие 40 лет. Последние технологические разработки, рыночная ситуация и события, связанные с энергетикой, показывают

¹ См.: Телегина Е.А. Факторы неопределенности в развитии мировых энергетических рынков. Доклад на 4-ой Международной конференции «Мировые рынки нефти и газа: ужесточение конкуренции» ИМЭМО, Москва, 13 декабря 2016г.

² Energy Technology Perspectives 2014. OECD/IEA, 2014. С. 3-5

их способность оказывать влияние на глобальные энергетические системы. Они также подтвердили центральную роль, которую играет политика на фоне все более усиливающейся необходимости удовлетворения растущего спроса на энергию, с одновременным решением связанных с этим проблем энергетической безопасности, затрат и негативного воздействия на экологию. В настоящее время развитие технологий, использующих энергию солнца, воды и ветра, все дальше продвигается вперед, в то время как развитие других источников экологически чистой энергии остается непредсказуемым. Стабильность принимаемых политических мер остается жизненно важным фактором, создающим инвестиционные перспективы для развития энергетических технологий. Результаты анализа, приведенные в *«Перспективах развития энергетических технологий 2014»*, показывают, что, по мере своего совершенствования, энергетические технологии могут привести к появлению инновационных политических решений, нормативов и рынков, добавляя свой вклад в механизмы поддержки развития данных технологий.

Характерно, что современное развитие международных и региональных, и в определенной степени, национальных энергетических рынков проходит в условиях "гиперконкуренции между могущественными государствами в эпоху так называемого «стратегического капитализма»³, теория которого исходит из примата активности участников рынка, субъектов частного права. При этом роль государства заключается в содействии развитию институтов частного права - компаний, транснациональных корпораций и других «хозяйствующих субъектов», которые построены преимущественно на частном капитале. Концепция «стратегического капитализма» исходит из того, что бизнес открывает новые формы и методы гиперконкуренции, а государство содействует их осуществлению и посредством этого получает определенную роль в глобальных экономических и политических процессах.

³ См.: D'Aveni Richard A. *Strategic Capitalism: The New Economic Strategy for Winning the Capitalist Cold War* / McGraw Hill; New York; Chicago; San Francisco; Lisbon; L.; Madrid; Mexico City; Milan; New Delhi; San Juan; Seoul; Singapore; Sydney; Toronto, 2012.

Интеграционными факторами на пути создания международного энергетического рынка, построенного на унифицированных, единых правилах транспортировки и транзита энергоресурсов и энергетического оборудования⁴, стали Европейская Энергетическая Хартия (European Energy Charter, 1991г.) и Договор к Энергетической Хартии (Energy Charter Treaty, 1994г.), а в последние годы – Международная Энергетическая Хартия (International Energy Charter, 2015г.)⁵. На своем 27-м заседании, состоявшемся 25 ноября 2016 года в Токио, Конференция по Энергетической Хартии приняла Токийскую декларацию⁶ об Энергетической Хартии в связи с 25-летием начала процесса Энергетической хартии. В ней признается, что Договор по Энергетической Хартии (ДЭХ) стал все более важным инструментом обеспечения надежной правовой базы для обеспечения и поощрения стабильных и устойчивых инвестиций в энергетический сектор. Создание благоприятного инвестиционного климата в энергетическом секторе в рамках ДЭХ и Международной энергетической хартии способствует стабильному энергоснабжению, доступу к энергии, более широкому использованию чистой энергии и повышению энергоэффективности. В то же время, ДЭХ обладает потенциалом поощрять устойчивое развитие энергетики на глобальном уровне и укреплять глобальную энергетическую безопасность путем распространения его правовой базы на растущий список стран.

В настоящее время глобальная энергетическая картина, как отмечается в докладе МЭА⁷ за 2017 год, находится в состоянии стремительно движения, изменяющего баланс затрат целым рядом новых технологий, применяющих возобновляемые источники ветра и солнца, а также технологии сланцевой нефти и газа. Понима-

⁴ См.: Карцхия А.А. Современные технологии как основа стратегии развития России: национальный и международный аспект // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2017. № 2. С.23-31.

⁵ Договор к энергетической Хартии и связанные с ним документы. URL: <http://www.encharter.org> (дата обращения 10 апреля 2018г.).

⁶ International Energy Charter 2016 Annual Report. URL: <http://www.encharter.org> (дата обращения 04.04.2018г.).

⁷ Key World Energy Statistics 2017. International Energy Agency, 2017. URL: <http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/KeyWorld2017.pdf> p. 91-92. (дата обращения 04.04.2018г.).

ние динамичного взаимодействия энергетических рынков, технологий и политики никогда не было более столь важным как сейчас. Пристальное внимание направлено на перспективы Китая в энергетике. Влияние Китая уже давно ощущается в угольной, нефтегазовой и ядерной энергетике, но страна в настоящее время прочно удерживает глобальное лидерство в области возобновляемых источников энергии, эффективности и инноваций. В сфере природного газа перспективы рынков газа быстро развиваются под давлением двух революций: сланцевой революции в США и революции СПГ, которые продолжают оказывать давление на традиционный газовый бизнес и модели ценообразования. Кроме того, открываются широкие возможности и неопределенности в отношении газа при переходе к более чистой энергетической системе, в решении проблемы местного загрязнения, а также риска выбросов метана.

Не так давно, как отмечают эксперты⁸, рынок газа был фрагментированным и региональным – голубое топливо поставлялось в основном в соседние страны или в рамках региона по трубопроводам. Поставки определялись долгосрочными контрактами, в которых были прописаны жесткие условия – от привязки к цене нефти до запрета передавать газ другим покупателям. Но в последние годы ситуация стремительно меняется, в том числе благодаря новым технологиям. Сланцевая добыча в США привела к падению цен на углеводороды. СПГ-терминалы (наземные, плавучие) и танкеры обеспечивают быструю доставку сжиженного газа в порты поставки независимо от сети проложенных газопроводов. Ряд стран построили специальные мощности по сжижению (для экспорта) и разжижению (для импорта) газа, что увеличило предложение, снизило себестоимость таких проектов и стимулирует снижение цены на газ. Усиливается конкуренция между поставщиками природного газа (*conventional gas*) и шельфового газа (*shelf gas*). В настоящее время активно формируется международный спотовый рынок по торговле газом. Операции с ним все больше напоминают торги нефтью и другими углеводородами. В результате условия контрактов становятся более гибкими, и все меньше различаются в разных регионах цены, которые десятиле-

⁸ Р.Голд, Э.Сайдер. Рынок газа наконец стал глобальным. //The Wall Street Journal, 07.06.2017 (дата обращения 12.01.2018г.)

тиями зависели от местных факторов, таких как, климатические условия и погода.

В начале 2000-х годов в Европе сформировались новые газовые хабы по торговле краткосрочными контрактами на природный газ: National Balancing Point (NBP) в Великобритании, Zeebrugge в Бельгии и Title Transfer Point (ТТФ) в Нидерландах, - которые стали центрами ценообразования по газовым поставкам без привязки долгосрочных контрактов в индексам цен на нефть. Этому способствовали, во-первых, деятельность европейских регуляторов по развитию конкуренции на внутреннем рынке ЕС и запрету вертикально интегрированных энергетических компаний (разделение их активов), отказ от долгосрочных контрактов. Во-вторых, изменение ценовой политики на поставки газа и увеличение предложения СПГ из США на европейском рынке, что привело к снижению цен на поставляемый по трубопроводам природный газ на 20-30%, а также к пересмотру более половины долгосрочных контрактов после финансового кризиса и снижения потребления газа в Европе⁹.

Глобализации рынка газа в значительной мере способствуют и новые цифровые технологии, посредством которых создаются виртуальные торговые (биржевые) площадки по заключению краткосрочных производных контрактов (derivatives contracts) и их последующему трейдингу. Таким примером может служить созданная в 2016 году Сингапурская биржа (SGX).

На сегодня самый большой российский товарный рынок биржевой торговли продукцией нефтепереработки сосредоточен на Санкт-Петербургской Международной товарно-сырьевой бирже СПБМТСБ (SPIMEX)¹⁰. Основные товарные позиции на бирже - моторное топливо (бензин, дизельное и авиационный керосин) в разделе “Нефтепродукты”. Перспективное направление для биржевой торговли – рынок природного газа, но пока установлены

⁹ Perspectives on the Development of LNG Market Hubs in the Asia Pacific Region. U.S. Energy Information Administration (EIA) Report, March, 2018. URL : <https://www.eia.gov/analysis/studies/lng/asia/pdf/lngasia.pdf> (дата обращения 05.04.2018).

¹⁰ <http://spimex.com> (дата обращения 15.03.2018г.)

некоторые ограничения: не торгуются фьючерсные контракты, нет допуска иностранных трейдеров и брокеров.

2. Политические факторы

Существенным фактором, определяющим развитие энергетических рынков, а в ряде случаев – преобладающим фактором влияния, становятся политические факторы, которые самым непосредственным образом сказываются и на глобальном энергетическом рынке.

В частности, реализация решения о выходе Великобритании из ЕС («Brexit») уже оказывает серьезное влияние на энергетические рынки и в целом на глобальную инфраструктуру энергетики. Многие страны ЕС и Великобритания тесно связаны в сфере энергетической политики. В последние годы Великобритания по сути взяла на себя ведущую роль в формировании энергетической политики ЕС с ее ориентацией на открытость и прозрачность энергетических рынков, энергобезопасность, альтернативные источники энергии, повышении энергоэффективности, высокий уровень защиты окружающей среды. Но Brexit вносит свои коррективы. Большинство из этих проблем уйдет при выходе Великобритании из ЕС, но они остаются в пределах Европейской экономической зоны (ЕЭЗ), где Великобритания остается в качестве члена Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ).

Очевидно, Brexit повлиял и на ускорение принятия в 2016 году усовершенствованного Закона об энергетике Великобритании (Energy Act 2016), который узаконил создание независимого государственного регулятора в нефтегазовом секторе (UK Oil and Gas Authority (OGA) за счет выделения его из Министерства энергетики и изменения климата, и придал ему права осуществлять некоторые полномочия от лица Государственного секретаря (the Secretary of State). За регулятором сохраняются функции лицензирования разработки недр и шельфа, геологоразведочных работ, управления инфраструктурой, вопросы учета и коммерческих отношений, а также обработка и хранение информации и недр. OAG обладает функцией разрешения споров и применения санкций, предусмотренных законодательством о континентальном шельфе Великобритании.

Не мене серьезным фактором влияния на формирования мировых рынков служит энергетическая политика Еврокомиссии, США и других стран. Так, программа Quo Vadis Еврокомиссии по возможному изменению системы регулирования оптового рынка газа Евросоюза (ЕС)¹¹, опубликованная в начале 2018 года, имеет целью оценку эффективности и, при необходимости, подготовку предложений по корректировке комплексной системы регулирования рынка газа ЕС, сформированной на основе Третьего энергетического пакета ЕС (2009 г.) и Сетевых кодексов (2010–2016 гг.), а также с учетом вступившего в силу нового Регламента (ЕС) 2017/1938 Европейского парламента и Совета от 25 октября 2017 О мерах по обеспечению безопасности поставок газа и отмене Регламента (ЕС) № 994/2010¹².

Третий энергетический пакет ЕС (2009г.), как отмечают эксперты¹³, сформировал новую архитектуру европейского внутреннего газового оптового рынка, построенную как совокупность рыночных зон, которые образуются по принципу сообщающихся сосудов («бассейны», связанные трубопроводами-интерконнекторами) в рамках разделенных (undundled) рынков товарного газа (commodity) и газотранспортных мощностей (capacity), а газотранспортные тарифы – на основе принципа «вход-выход» (entry-exit). Доступ к мощностям ГТС на границах зон должен предлагаться грузоотправителям в виде связанных продуктов (bundled products), т. е. пакетом «вход-выход» на каждом пункте перехода границы зоны. Внутри этих зон ответственность за транспортировку газа будет возлагаться на европейский оператор ГТС. Предполагается, что продажа газа по новым кон-

¹¹ Quo Vadis EU gas market regulatory framework – Study on a Gas Market Design for Europe, (written by EY & REKK), February, 2018. European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/energy/en/studies/study-quo-vadis-gas-market-regulatory-framework> .

¹² Regulation (EU) 2017/1938 of the European Parliament and of the Council of 25 October 2017 concerning measures to safeguard the security of gas supply and repealing Regulation (EU) No 994/2010. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/>.

¹³ Конопляник А.А. Оценка эффективности применения третьего энергопакета Евросоюза и проект еврокомиссии QUO VADIS. //Газовая промышленность, Спецвыпуск . 2017. № 4 (762). С.33

трактам должна осуществляться на виртуальных торговых площадках (хабах) в рамках каждой зоны по формируемым на этих торговых площадках ценам на основе баланса спроса-предложения.

В результате в Программе Quo Vadis разработано несколько сценариев по радикальному реформированию системы регулирования рынка газа ЕС, реализация которых может привести к вытеснению российских трубопроводных поставок газа на периферию зоны применения законодательства ЕС и их замещению в зоне исторического доминирования советского/российского газа американским СПГ. К ним на основе экспертных оценок¹⁴ отнесены следующие варианты:

1) изменение существующей системы формирования тарифов на транспортировку газа внутри оптового рынка ЕС (их обнуление внутри ЕС и повышение тарифов между оптовым и розничным рынком ЕС, а также между оптовым рынком ЕС и внешними поставщиками газа);

2) реальное и виртуальное расширение границ рыночных зон, что в случае виртуального расширения применительно к России означает легализацию виртуального реверса российского газа на Украину;

3) перенос пунктов сдачи-приемки (ПСП) для импортного газа на внешнюю границу ЕС и/или стран Договора об Энергетическом сообществе (ДЭС), что в случае с поставками российского газа в ЕС означает перенос этих пунктов на границу России с Украиной;

4) строительство газотранспортной системы с береговых терминалов СПГ в Европе для поставки газа в глубь ЕС, к традиционным ПСП российского газа, что способствует его вытеснению на периферию ЕС (российско-украинскую границу). Первые три сценария в своей совокупности представляют собой взаимосвязанную систему действий по вытеснению российского газа на периферию зоны применения законодательства ЕС (на российско-украинскую границу).

¹⁴ Конопляник А.А. Оценка эффективности применения третьего энергопакета Евросоюза и проект еврокомиссии QUO VADIS. //Газовая промышленность, Спецвыпуск. 2017. № 4 (762). С.34-44..

В Программе выделены наиболее «чувствительные для благосостояния» Европы факторы газового рынка и отмечается, что общий уровень благосостояния на рынке газа очень чувствителен к потреблению газа и поставок СПГ в ЕС. Наиболее эффективная мера для оказания конкурентного давления на поставщиков трубопроводного газа в ЕС и улучшение благосостояния ЕС, по замыслу разработчиков Программы - это обеспечение беспрепятственный доступ для СПГ к единой газотранспортной системе ЕС, а также введение специального тарифного регулирования и оптовых цен на газ. Кроме того, отмечается, что введение в эксплуатацию газопровода «Nord Stream-2» поставит в зависимость благосостояние потребителей ЕС от односторонних решений России, в том числе при использовании или неиспользовании украинской транзитной трубопроводной системы.

Предлагаемая новая энергетическая стратегия для Европы с учетом сопротивления ряда европейских стран строительству новых газопроводов в обход территории Украины, активного санкционного давления со стороны США на основе закона о новых антироссийских санкциях¹⁵, а также раздуваемой политической кампании «дипломатического нажима» в связи со сфабрикованным «делом Скрипаля» проявляется стремление наиболее радикальной части «политического истеблишмента» наших «зарубежных партнеров» к созданию новой «линии Керзона» между Россией и Западом (и не только Европой). В этом смысле нельзя пренебрегать словами директора авторитетной в политических кругах США компании Strategic Forecasting Inc. (Stratfor)¹⁶, заявившего, что на территории между Балтийским и Черным морями необходимо воздвигнуть барьер, препятствующий «объединению немецкого капитала и технологий с русскими природными ресурсами и рабочей силой в одну непобедимую комбинацию». Строительство

¹⁵ Countering America's Adversaries Through Sanctions Act (CAATSA) от 02.08.2017 URL: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ44/PLAW-115publ44.pdf> (дата обращения: 06.04.2018).

¹⁶ Friedman G. Europe: Destined for Conflict? Presentation in The Chicago Council on Global Affairs, February 3, 2015 . URL: www.thechicagocouncil.org/event/europe-destined-conflict (дата обращения: 06.04.2018).

такого барьера г-н Фридман назвал более важной задачей, чем борьба с исламским радикализмом, которая является «проблемой, но не существенной угрозой для США». Единственной силой, представляющей существенную угрозу для Америки, директор Stratfor считает объединение экономических интересов России и Германии.

Другим примером, как считает автор, может послужить история с трансграничным энергетическим проектом строительства второй очереди газопровода «Северный поток» (Nord Stream-2). Несмотря на активное противодействие европейских парламентариев и брюссельской бюрократии завершению строительства трубопровода Nord Stream-2, юридическая служба Совета ЕС¹⁷ пришла к выводу, что в отношении Nord Stream-2 нет правового вакуума или столкновения юрисдикций. В юридическом заключении службы Совета ЕС указывается, что законодательство ЕС в сфере энергетики не может распространяться на импортные газопроводы из третьих стран, такие как Nord Stream -2, а морская часть трубопровода через Балтийское море регулируется международным морским правом, а сухопутные участки — законодательством России и Германии. Утверждение о том, что новый газопровод якобы угрожает безопасности поставок или увеличивает зависимость стран ЕС от внешних поставщиков, юридическая служба Совета ЕС сочла «как минимум противоречащим здравому смыслу». В Заключении утверждается, что любые меры Европейской Комиссии в отношении Nord Stream-2 могут касаться только вопросов работы газопровода, а не его строительства и ввода в эксплуатацию. Если же страны ЕС все же решат провести специальные переговоры по этому проекту с Россией из политических соображений, то им нужно предоставить Европейской Комиссии специальные полномочия, т.к. сфера энергетики относится к области совместной компетенции м ЕС и государств-участниц. Решение о расширении полномочий Еврокомиссии по данному вопросу может быть принято только всеми странами ЕС единогласно.

¹⁷ Opinion of Legal Service Council of the European Union of September 27th, 2017. URL: <http://www.politico.eu/wp-content/uploads/2017/09/SPOLITICO-17092812480.pdf> (дата обращения: 06.04.2018).

В качестве позитивного примера поддержания баланса интересов участников глобального энергетического рынка можно привести решение Правительства РФ¹⁸ об отмене согласованных видов контроля на государственной границе Российской Федерации с Республикой Белоруссия и Республикой Казахстан, т.е. отмене таможенного декларирования определенной номенклатуры товаров ТН ВЭД ЕАЭС в соответствии с правом Евразийского экономического союза и Федеральным законом "О таможенном регулировании в Российской Федерации" в случае вывоза из Российской Федерации в другие государства - члены Евразийского экономического союза товаров без взимания таможенных сборов за таможенные операции. При этом, этим постановлением сохранено декларирование нефти и нефтепродуктов, а также газа.

К политическим факторам глобализации следует отнести и выработку скоординированной политики по добыче нефти странами ОПЕК, Россией и другими экспортерами нефти.

3. Судебные прецеденты становятся, как показала судебная практика, самостоятельным и не менее существенным фактором влияния на развитие газового рынка. Неожиданно яркий пример – разбирательство в Арбитражном институте Торгово-промышленной палаты Стокгольма спора ПАО «Газпром» и «Нафтогаз Украины», окончательное решение по которому было вынесено 28 февраля 2018 года (спустя 4 года с начала процесса).

Арбитраж был одним из крупнейших в истории и подтвердил, по мнению экспертов¹⁹, две тенденции в отношении газовых рынков. Во-первых, решение о цене, включая другие заключения арбитража, стало еще одним ударом по принципу ценообразования в привязке к нефти на европейском газовом рынке. Это подтвердило тенденцию, что даже по долгосрочным контрактам цены бу-

¹⁸ Постановление Правительства РФ от 28.09.2017 № 1173 "О внесении изменения в пункт 4 постановления Правительства Российской Федерации от 1 июля 2011 г. N529". Официальный интернет-сайт <http://www.pravo.gov.ru> (02.10.2017).

¹⁹ Simon Pirani. After the Gazprom-Naftogaz arbitration: commerce still entangled in politics. Oxford Energy Insight: 31, March 2018. The Oxford Institute for Energy Studies. URL: <https://www.oxfordenergy.org/> (дата обращения 05.04.2018г.)

дут все больше переходить на те, что установлены на газовом рынке. Во-вторых, решение о том, чтобы оставить без учета правовые изменения в Украине, также подтверждает тенденцию, что международные контракты заменяют право ЕС и национальное законодательство. Третейский суд ограничился коммерческими вопросами и отказался рассматривать по существу политические вопросы, которые подкрепляли претензии обеих сторон. Однако первоначальная реакция сторон - и, в частности, критика решения трибунала ПАО «Газпром» за применение «асимметричных» выводов, решение ПАО «Газпром» не возобновлять прямой экспорт газа в Украину, обжаловать решение трибунала по процессуальным соображениям и начать разбирательство по расторжению контрактов, а со стороны Украины - приготовления к аресту активов ПАО «Газпром» за неисполнение решения арбитража - свидетельствует о сложности политических и коммерческих подходов к урегулированию этого конфликта. В конечном счете, коммерция не смогла вырваться из политики. Сам судебный прецедент заслуживает отдельного детального рассмотрения, что выходит за рамки настоящей статьи.

4. «Азиатские тигры»

Традиционно рынки природного газа были особенностью конкурентных рынков газа в Соединенных Штатах, Великобритании и Европе, где сформировались площадки (hub) для физической торговли газом и формирования цен на природный газ. В настоящее время ключевые хабы - Henry Hub (Луизиана, США), АЕСО-С (Альберта, Канада), National Balancing Point (NBP) Великобритания, Title Transfer Facility (TTF) Нидерланды, публично определяют индексы цен, которые являются ориентирами для стоимости газа на более крупном рынке. Эти индексы цен, в свою очередь, составляют основу для фьючерсных контрактов и управления ценовыми рисками.

Глобализация рынка природного газа обусловлена появлением новых мировых игроков вне традиционных регионов - Северная Америка и Европа. Помимо Японии как традиционного потребителя газа (включая СПГ) на первые позиции выходит Китай, а в Азиатско-Тихоокеанском регионе формируются новые торговые площадки (хабы), осуществляющие спотовую торговлю СПГ (физически или виртуально). В частности, Китай и Япония недав-

но установили газ/торговые платформы СПГ в Шанхае и Токио соответственно. На фоне растущей заинтересованности в разработке природного газа торговыми центрами в Азиатском регионе в январе 2016 года на Сингапурской Бирже (SGX) были запущены торги по краткосрочным производным контрактам (derivatives contracts) ФОб на СПГ (SLInG pricing index). Появление таких центров оказывает прямое воздействие на структуры закупок азиатских покупателей с акцентом на краткосрочные и спотовые закупки газа (прежде всего СПГ). В Азиатско-Тихоокеанском регионе, являющимся крупнейшим в мире потребителем сжиженного природного газа (СПГ) регуляторы также стремятся к либерализации (дерегулированию) внутренних рынков, стимулированию конкурентной торговли СПГ, обеспечению доступа третьих сторон к газотранспортной инфраструктуре.

Япония, по-прежнему, является крупнейшим в мире потребителем СПГ. Несмотря на то, что традиционно большинство импорта СПГ в Японии поставляется по цене с учетом импортных цен на нефть (“Японский сырой коктейль”, СТК), тем не менее, японский рынок движется в направлении развития биржевой торговли газом и СПГ с перспективой заключения «беспоставочных» форвардных контрактов СПГ при поддержке государства. Одновременно Япония проводит либерализацию национального газового рынка и разукрупнению трех главных газовых компаний страны, которые в совокупности формируют более 70% розничных продаж газа в Японии.

Сегодня Китай представляет собой быстро растущий газовый рынок, где преобладают вертикально-интегрированные энергетические компании (в основном государственные) и требуется развитие газовой инфраструктуры (прежде всего для импорта и использования СПГ).

Крупные азиатские рынки (Япония, Южная Корея, Тайвань, а также усиливающие позиции Китай и Индия) традиционно полагались на СПГ, цены на который по долгосрочным контрактам привязаны к ценам на сырую нефть. При значительном расширении глобального потенциала СПГ (в основном из новых проектов в Австралии и США) и изменениях в краткосрочных фьючерсных контрактах СПГ появляется более конкурентная рыночная торговля СПГ. По прогнозам, к 2020 году объем глобальной мощности

по сжижению СПГ увеличится на одну треть, а цены на нефть и быстрый рост спроса на природный газ (в основном в Азии) стимулировали крупные инвестиции в глобальную экспортную мощьность СПГ²⁰.

Процесс трансформации региональных рынков газа в сторону международного, глобального рынка газа в настоящее время претерпевает глубокие изменения, обусловленные рядом факторов, включая: развитие современных технологий, геополитические факторы, усиление правового регулирования сферы энергетики в части защиты интересов участников рынка, перераспределение рынков сбыта и источников производства, усиление конкуренции и протекционизм.

Автор стремился выявить важность оценки факторов, которые могут оказать влияние на перспективны принятия стратегических решений, применительно к определению российской национальной энергетической политики в её внутреннем (национальном) и внешнем (международном) масштабах, а также для сбалансированности подхода к выработке стратегической линии. Анализ факторов глобализации рынка газа (прежде всего, перспектив конкуренции поставок по трубопроводам природного газа и СПГ) позволит принимать заблаговременные меры для минимизации возможных негативных последствий дальнейшего развития событий в тех или иных областях российской энергетической политики. Это особенно важно, учитывая то, что Россия в 2018 году начала экспортные поставки СПГ с формирующегося первого российско-газового хаба «Ямал-СПГ» на базе проекта отечественной компании «НОВАТЭК». Такой подход целесообразен и при разработке Энергетической стратегии России, проект которой в течение ряда лет разрабатывается Минэнерго РФ. В главном это обеспечит не только энергетическую безопасность, но и соблюдения суверенных прав государств и интересов коммерческих участников в сфере международного энергетического сотрудничества.

²⁰ Perspectives on the Development of LNG Market Hubs in the Asia Pacific Region. U.S. Energy Information Administration (EIA) Report, March, 2018. URL: <https://www.eia.gov/analysis/studies/lng/asia/pdf/lngasia.pdf> (дата обращения 05.04.2018).

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ОФИЦИАЛЬНОГО И КОММЕРЧЕСКОГО ДОЛГА В ПРАКТИКЕ ВНЕШНИХ ЗАЙМСТВОВАНИЙ ГОСУДАРСТВ

Валерий Анатольевич Коннов

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

Проблема с возвратом внешнего долга Украины Российской Федерации в 2015 г. в очередной раз обнажила не только сильное влияние политической конъюнктуры на межгосударственные отношения, но и неурегулированность многих юридических аспектов внешних заимствований с точки зрения международного права. Проблема берет свое начало в декабре 2013 года, когда главы государств достигли принципиальных политических договорённостей о предоставлении кредита в размере 3 млрд. долл. По условиям сделки данный кредит был оформлен в виде процедуры выкупа Россией еврооблигаций Украины, которые были предварительно размещены на Ирландской фондовой бирже 20 декабря 2013 года. Срок обращения ценных бумаг составлял 2 года, и подлежал погашению в полном объеме. При этом какого-либо специального международного договора заключено не было. Хотя с момента возникновения спора прошло уже более двух лет, проблема не перестала быть менее актуальной. Несмотря на то, что в ее разрешении поучаствовали различные международные институты, и прежде всего Международный Валютный Фонд (далее – МВФ), международные долговые обязательства до сих пор не выполнены.

Одним из ключевых правовых вопросов в данном споре, как и во многих аналогичных ситуациях, является статус долга. В современной доктрине и практике международных финансово-кредитных отношений принято считать, что государственные долги могут быть или официальными (иногда их называют суверенные) или коммерческими. Первый тип долгов подлежит урегулированию в рамках процедур, разрабатываемых на платформе Па-

рижского клуба кредиторов, второй – Лондонского клуба кредиторов¹. Неформальный характер деятельности двух объединений, отсутствие в их основе единых правовых актов привело к формированию обычно-правовой практики урегулирования внешней задолженности. Вместе с тем, вопрос о статусе долга влияет не только на выбор процедуры, но и на взаимодействие государств-должников с международными финансовыми организациями. В частности, правила Международного валютного фонда (МВФ) долгое время не позволяли предоставлять новые заимствования государствам, которые не урегулировали прежние официальные (но не коммерческие) долги или допустили по ним дефолт.

Однако четких международно-правовых критериев статуса такого долга, которые были бы применимы к любым государствам и ситуациям, в настоящее время не закреплено ни в одном акте международного права, а также не имеет общепризнанной практики признания в рамках международных финансовых отношений. Что касается ситуации с задолженностью Украины перед Россией на 3 млрд. долл., то МВФ в данном деле выступил арбитром по части решения вопроса о статусе такого долга, став, таким образом, одним из инструментов в решении проблемы. В декабре 2015 г. после долгих споров совет директоров организации принял решение о том, что кредит Украине, выданный в 2013 г., следует признать официальным. Примечательно, что специального открытого очного разбирательства это решение не сопровождало, ограничившись заочным голосованием членов совета. Такое решение не было подкреплено какой-либо аргументацией, ссылкой на прецедентное право, а также на иные решения самого МВФ. По сути, мы имеем дело с решением, основанным не на правовых источниках, а на мнении отдельных экспертов, которыми выступили управляющие лица организации. Таким образом, несмотря на то, что МВФ вроде бы поставил точку в вопросе о статусе долга, остался открытым вопрос о том, какими аргументами эта позиция

¹ Лондонский клуб - неформальная организация банков-кредиторов, созданная для урегулирования вопросов задолженности иностранных заёмщиков перед членами этого клуба. Парижский клуб кредиторов - объединяет государства-кредиторы в лице представителей центральных банков и министров финансов государств-кредиторов.

подкреплена, а равно о том, что следует рассматривать в качестве критериев отнесения долга к суверенному или к коммерческому.

Представляется, что в определении критериев разграничения следует, как минимум, учитывать такие аспекты как: субъектов кредитных правоотношений; правовую основу заимствований, их цели, источники средств, из которых осуществляется кредитование, форма и условия осуществления заимствований.

Безусловно, форма, в которой были юридически оформлены такие правоотношения, является важным фактором. Как минимум следует учитывать, были это прямые заимствования на основе международного соглашения или кредитование через механизмы операций с государственными ценными бумагами. Главным является то, что и кредитор и должник являются публично-правовыми субъектами, представляющими свое государство. Также, представляется, что статус суверенного долга не должен зависеть от статуса властного института, который выступает от имени государства, если он имеет соответствующие полномочия в силу внутреннего законодательства.

Однако у такого вполне обоснованного взгляда на критерий субъектного состава есть определенные проблемы, порожденные частными случаями в практике международных заимствований:

А) Должен ли рассматриваться в качестве суверенного долг негосударственного субъекта, по кредитным обязательствам которого выданы государственные гарантии?

Б) Должен ли рассматриваться в качестве суверенного долг квазигосударственных субъектов, например российских государственных корпораций?

В) Должен ли рассматриваться в качестве суверенного долг, который образовался в рамках кредита, выданного публичным властям непризнанного государства?

Ответы на эти вопросы в современном международном экономическом праве неоднозначны, так как обусловлены различиями во внутреннем законодательстве государств, а также политически обусловленными решениями, которые нередко не находят полноценного юридического оформления.

Для определения статуса государственного долга важное значение должно уделяться тому, какую именно форму имеет правовой акт, послуживший основой для кредитных правоотношений.

Традиционной формой для межгосударственных кредитно-финансовых отношений являются межправительственные договоры. В силу того, что он был заключен между официальными и признанными на момент заключения правительствами государств, договор следует признать публично-правовым, а следовательно и обязательства, отраженные в нем, являются публично-правовыми. Указанные обстоятельства, относящиеся к правовым основам кредитных правоотношений между данными государствами, однозначно свидетельствуют в пользу того, что данный долг следует квалифицировать как суверенный.

В ситуации между Россией и Украиной ответ на вопрос о правовых основах возникших кредитных правоотношений неоднозначен – основанием выступает не международный договор, совместное заявление глав государств о решении выкупить еврооблигации Украины в порядке оказания международной финансовой помощи. Кроме того, правовой основой выступили внутренние акты, принятые правительствами двух стран, в соответствии с которыми Украина выпускает и размещает облигации, а Россия их приобретает в полном объеме. В частности, Постановлением Правительства РФ от 19 декабря 2013 г. № 1194 «О внесении изменений в Требования к финансовым активам, в которые могут размещаться средства Фонда национального благосостояния»², указывалось, что размещение средств Фонда национального благосостояния в долговые обязательства иных иностранных государств допускается на основании отдельных решений Правительства Российской Федерации. Таким образом, именно решение Правительства РФ, а не международный договор лежит в основе регулирования данного международного кредита. Такая форма носит скорее коммерческий характер, поскольку санкционирует, по сути, финансовую операцию на рынке ценных бумаг. Правительство РФ выступает здесь в качестве коммерческого агента, покупающего финансовые активы.

² Постановление Правительства РФ от 19 декабря 2013 г. № 1194 «О внесении изменений в Требования к финансовым активам, в которые могут размещаться средства Фонда национального благосостояния» - <http://government.ru/docs/all/89737/> (Дата обращения - 12.02.2018).

Важной стороной в разработке критериев отграничения суверенного коммерческого долга, на наш взгляд, является наличие или отсутствие предварительных условий о возможностях использования финансирования. Целевой кредит предусматривает, что кредитор вправе осуществлять контроль за расходованием средств и ограничивать должника в возможности направить их на цели, не предусмотренные договором. Если рассматривать международную сторону вопроса, то МВФ практически всегда выделяет кредиты государствам, оговаривая их цели. Полагаем, что долг в большей степени должен характеризоваться как официальный в том случае, если он не обусловлен целевыми условиями, поскольку именно в этом случае государство имеет наиболее обширные возможности реализации своих суверенных прав. Если кредит все же целевой, то имеет значение возвратность средств. Если финансирование предоставляется на безвозмездной основе, не предполагает платы за пользование средствами, то такая ситуация вообще не должна порождать долг как таковой, и представляет собой, по сути, международную финансовую помощь.

Использование частнопроводного механизма при структурировании сделок по кредитованию государств в настоящее время является широко распространенной практикой в международных финансовых отношениях. Такая форма заимствований предполагает размещение долга в виде обращаемых ценных бумаг на открытом рынке. Отсутствие каких-либо существенных различий в процедурах, форме размещения и в требованиях к эмитентам при таком механизме позволяет отнести его к коммерческим сделкам, а следовательно, номинированный долг также будет являться коммерческим независимо от того, суверенным или частным лицом является заемщик. Эту мысль в отношении ситуации с долгом Украины пред Российской Федерацией развивает в своих работах и консультативных заключениях профессор права Джорджтаунского университета Анна Гелперн (Anna Gelpert), специалист по реструктуризации суверенных долгов. В частности, в комментарии для Петерсоновского института международной экономки она отмечает, что «...российский кредитный договор на 3 млрд. долл. — это аномалия, потому что он смешивает категории. По существу это иностранная помощь, которая в норме не может обращаться на рынке, не может быть предметом разби-

рательства в национальном суде и подлежит реструктуризации в рамках Парижского клуба. По форме это частный облигационный заем с листингом на Ирландской фондовой бирже, управляемый английским правом и приводимый в исполнение в английских судах»³.

Также важным является вопрос о возвратности и платности долга. Если предоставление финансирования не основано на данном принципе – тогда можно говорить о международной финансовой помощи в «чистом» виде. Если всё-таки такой принцип изначально заложен в структуру займа, то это свидетельствует о коммерческих правоотношениях.

Однако полагаем, что не всегда присутствие в структуре займа принципа возвратности и платности свидетельствует однозначно о коммерческой природе долга. Существуют «гибридные» ситуации, к которой в частности, относится ситуация с долгом Украины перед Россией. Нередко условия платности за пользования предоставляемыми средствами таковы, что они значительно ниже средних условий, которые сформированы рынком на момент заимствований. В итоге финансирование предоставляется на льготных принципах. Следовательно, в такой ситуации коммерческий долг по форме становится международной финансовой помощью по существу.

³ www.rbc.ru/economics/22/05/2015/555e11e99a7947253cb5432e (Дата обращения - 17.05.2018).

БРИКС КАК МЕХАНИЗМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ¹

Владимир Олегович Крамаренко

*Магистрант кафедры
истории права и государства
Российского университета дружбы народов
Ул. Миклухо-Макляя, д. 6, Москва, Россия, 117198*

Фатима Олеговна Пагниева

*Магистрант кафедры
гражданского права и процесса и
международного частного права
Российского университета дружбы народов
Ул. Миклухо-Макляя, д. 6, Москва, Россия, 117198*

БРИКС представляет собой объединение пяти стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР. В 2006 году был учрежден механизм сотрудничества БРИКС. В 2009 году в городе Екатеринбург состоялся первый саммит БРИК. Далее к сотрудничеству присоединилась ЮАР, в связи с чем возник термин БРИКС в 2010 году.

С 1 января 2017 года Китай начал официально председательствовать в БРИКС. 22 марта в Пекине в одном из университетов состоялся симпозиум аналитических центров стран БРИКС. Обсуждался вопрос по совместному содействию развитию БРИКС и углублению финансового сотрудничества. На встрече так же обсуждались перспективы финансового сотрудничества, вопросы управления глобальной экономикой и роль стран БРИКС. Участники симпозиума сошлись на том, что механизм сотрудничества

¹ Исследование подготовлено при финансовой поддержки РФФИ в рамках научного проекта № 16-33-01005"а2" «Рассмотрение частноправовых споров в странах БРИКС» 2016-2018 гг. (Н.рук. – Е.П. Русакова).

БРИКС будет способствовать развитию стран БРИКС и углублению финансового сотрудничества.

На сегодняшний день успешно реализуется «Стратегия экономического партнерства БРИКС». В существующих условиях БРИКС необходимы новые концепции и механизмы сотрудничества. Доля совокупного объема экономик стран БРИКС в глобальной экономике за последние 10 лет выросла до 23%. Так, к 2016 году вклад стран БРИКС в глобальную экономику достиг 40%.

Страны-участницы БРИКС способствовали реформе экономического управления глобальной экономики. Кроме этого, важным механизмом партнёрства для совершенствования структуры управления глобальной экономикой стал Новый банк развития БРИКС (НБР БРИКС). В 2013 году странами-участницами БРИКС было принято решение о создании Нового банка развития. Через год, в 2014 году, соглашение о НБР БРИКС было подписано. Официально НБР БРИКС стал работать после заседания Совета управляющих банка 7 июля 2015 года в Москве.

Финансирование инфраструктурных проектов, а также проектов устойчивого развития - это основная задача банка. В 2016 году НБР БРИКС был одобрен первый пакет проектов в области экологически чистой и возобновляемой энергетики на общую сумму в 1,5 млрд долларов. НБР БРИКС уже утвердил предоставление первых кредитов, также начал функционировать Пул условных валютных резервов.

Механизм сотрудничества БРИКС усиливает консолидацию участниц БРИКС в международных делах. В российско-китайских отношениях сотрудничеству в рамках БРИКС отведено особое место.

И Россия, и Китай имеют хороший технологический потенциал для участия в развитии инфраструктуры, поэтому дальнейшее развитие сотрудничества в рамках БРИКС является перспективным. Многие специалисты, «изучающие» БРИКС склонны к тому, что БРИКС выступает моделью развития для иных международных механизмов, в связи с тем, что взаимодействие в рамках БРИКС постоянно углублялось.

По мнению экспертов Международного валютного фонда на сегодняшний день решить вопросы относительно развития национальных экономик БРИКС можно через взаимодействия бизнеса и

государства. Расширение финансового сотрудничества стран возможно с преобразованием и поддержкой рынка, стимулированием взаимодействия частного сектора и власти.

Новый банк развития БРИКС имеет возможность на гибких условиях финансировать наиболее важные и приоритетные программы развития. Для оптимизации бизнес – процессов необходимо выделить экономические преференции каждой из сторон, а также определить долгосрочный и краткосрочный (до трех лет) план поддержки развития инфраструктуры, производства продукции, сельского хозяйства, образования, новых технологий и других приоритетных сфер экономики.

Для развития партнерских отношений немаловажную роль играют механизмы государственно-частного партнерства при стимулировании прямых инвестиций, в том числе в рамках проектов «гринфилд» (с нуля).

Как показывает практика, межгосударственная поддержка инвестиций стран – партнёров усиливает роль стран БРИКС в международных экономических отношениях. Государство, используя средства и методы воздействия на экономику (налоги, бюджет, законодательство), отвечает за социальное и финансово-экономическое положение страны. При определении перспектив сотрудничества необходимо принимать во внимание такие особенности поддержки государства.

Одной из важнейших задач стран БРИКС является выработка основных принципов взаимодействия сторон в рассматриваемых направлениях. Развитию экономического сотрудничества стран способствуют совершенствование финансовых отношений, обеспечение совместимости регламентаций в сфере финансов и экономики и т.д.

Странам БРИКС для устойчивого роста необходимо использовать возможности международного экономического сотрудничества, в том числе углубление торгово-инвестиционных связей как внутри БРИКС, так и с другими членами международного сообщества. Сотрудничество внутри БРИКС будет способствовать экономическому росту, укреплению позиции государств в глобальной экономике, будет содействовать решению внутренних социально-экономических задач, в том числе создание рабочих мест. Сотрудничество в рамках БРИКС должно быть ориентировано на рост и

развитие экономики стран, а так же широкое использование возможностей его членов. В процессе взаимодействия государств будут решаться проблем, возникающие в сфере торговли и инвестиций.

Вместе с тем, не стоит забывать, что быстрые и высокие темпы развития экономики не являются гарантией роста благосостояния нации в целом, в связи с тем, что в каждой из стран БРИКС есть расхождение между доходами богатых и бедных слоев населения, что подтверждает наличие в этих странах развитие рыночных отношений.

В настоящее время БРИКС является одним из самых важных и влиятельных механизмов сотрудничества в мире. Но мнения экспертов, изучающих БРИКС, относительно развития сотрудничества неоднозначно: одни считают, что успех, стремительный рост и в экономической, и в политической сферах только ждут БРИКС, остальные же считают, что страны уже достигли пика своего развития, и в дальше их показатели будут уменьшаться.

В качестве основных целей БРИКС можно выделить: открытое международное сотрудничество, разработка обеспечивающих стабильность мировой экономики мер, реформирование международной валютной системы.

В настоящее время страны БРИКС активно участвуют как в экономических вопросах, так и в политических. Но странам следует придерживаться определенных правил для того, чтобы другие государства их воспринимали как законодатели мировой экономики:

Во – первых, принимать участие в проектах, затрагивающих те области, в которых они особенно значимы: в энергетике, экспорте природных ресурсов, индустриальном развитии и др.;

Во-вторых, уже на стадии разработки придавать глобальный характер;

Заявить о реализации таких проектов, осуществление которых ведущие государства не ожидают.

Помимо этого, участницы БРИКС активно решают такие проблемы, как глобальное потепление и экономное использование ресурсов. Отмечается актуальность и приоритетность «зеленой экономики» не только для установления устойчивого развития, о и для искоренения бедности.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ОБОСНОВАННОСТИ ВВЕДЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ САНКЦИЙ В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Полина Павловна Летунова

*Атташе Министерства иностранных дел Российской Федерации
Аспирант кафедры международного права
Дипломатическая академия Министерства иностранных дел
Российской Федерации
polinalet@mail.ru*

С марта 2014 года Российская Федерация подверглась беспрецедентной кампании односторонних политических и экономических санкций, введенных Европейским Союзом и Соединенными штатами Америки в ответ на проводимую Россией так называемую политику дестабилизации ситуации на Украине и присоединение полуострова Крым к территории России, которые имеют целью добиться международной изоляции России и изменить ее внешнеполитический курс.

Введенные Европейским Союзом санкции носят ярко выраженный экономический характер. В этом можно убедиться, проанализировав основные из них, среди которых: введение санкций против крупнейших банков России в виде ограничений на предоставление займов и инвестиционных услуг, запрет организации долгового финансирования некоторых топливно-энергетических компаний России, создание и последовательное расширение санкционного списка российских физических лиц и компаний и многие другие.

Примечательно то, что санкции, введенные Европейским Союзом еще в 2014 году, продолжают действовать до сих пор, при этом их перечень к настоящему времени только расширяется.

Принципиально важным в связи с этим является вопрос о легитимности применения санкций отдельными государствами и интеграционными образованиями в одностороннем порядке.

Поскольку ответственным органом по поддержанию международного мира и безопасности является Совет Безопасности Организации Объединенных Наций (далее Совет Безопасности ООН), то в научной среде широко распространено мнение о том, что именно он является единственным органом, обладающим правом применять санкции в отношении государства, совершившего правонарушение, в соответствии с целями и принципами Организации Объединенных Наций.

Правовую основу для таких суждений составляет Устав ООН¹, обозначивший возможность применения Советом Безопасности ООН мер для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. При этом сам термин «санкции» в Уставе ООН не содержится. Вместо этого он оперирует такими терминами, как «временные меры» (ст. 40), «меры, не связанные с использованием вооруженных сил» (ст. 41), «превентивные или принудительные меры» (ст. 50). К мерам, не связанным с использованием вооруженных сил, относятся следующие: полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений.

При этом перечень таких действий не является исчерпывающим. Более того, в случае если указанные меры окажутся недостаточными, Совет Безопасности ООН уполномочен предпринимать такие действия воздушными, морскими или сухопутными силами, какие окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности.

Между тем, Устав ООН не содержит положений об исключительности полномочий Совета Безопасности по введению санкций. Такая точка зрения, вероятнее всего, опирается на представление о высшей легитимности власти Совета Безопасности ООН на международной арене, нежели чем на конкретные нормы международного права.

¹ Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. 1956. №12. С. 14-47.

Однако в пользу мнения о запрете односторонних действий государств в деле принятия санкций говорят также положения Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета от 21 декабря 1965 года.²

В пункте 2 Декларации, в частности, установлено, что «ни одно государство не вправе применять или поощрять применение экономических, политических и любых иных мер в целях принуждения другого государства для того, чтобы добиться от него подчинения при осуществлении им своих суверенных прав или получить от него преимущества любого рода». Похожая формулировка также содержится в Декларации о принципах международного права³ (принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года).

Кроме того, как отмечает М.В. Кешнер, принцип суверенного равенства государств также исключает возможность правомерного применения одним государством санкций в отношении другого государства в одностороннем порядке (*par in parem non habet imperium*).⁴

В таком случае возникает справедливый вопрос – какое правовое обоснование имеют санкции, принимаемые без соответствующего мандата Совета Безопасности ООН?

Истории известны многочисленные примеры принятия таких односторонних мер по инициативе того или иного государства. Они, как правило, представляют собой инструмент влияния на оп-

² Резолюция ГА ООН. Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета. 21 декабря 1965 г. 2131 (XX). URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/221/44/IMG/NR022144.pdf?OpenElement> (дата обращения: 23 марта 2018 г.).

³ Резолюция ГА ООН. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. 24 октября 1970 г. 2625 (XXV). URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/351/54/IMG/NR035154.pdf?OpenElement> (дата обращения: 23 марта 2018 г.).

⁴ Кешнер М.В. Экономические санкции в современном международном праве М., 2015. С. 45.

понента, имеющий целью изменить характер его поведения. А сами тексты, сопровождающие введение подобных мер, переносятся оценочными категориями и характеризуются отсутствием ссылок на нарушенные международно-правовые обязательства оппонента.

В научной литературе односторонние санкции отдельных государств, в свою очередь, подразделяются на три вида, а именно: санкции, принятые в отсутствие решения Совета Безопасности ООН, санкции, принятые в дополнение к санкциям Совета Безопасности ООН, а также применяемые государством санкции во исполнение санкций Совета Безопасности ООН, но с существенным завышением объема предоставленных полномочий.

Безусловно, наибольшие сомнения в легитимности вызывают те санкции, которые принимаются в отсутствие соответствующего решения Совета Безопасности ООН. Именно такими и являются санкции, принимаемые Европейским Союзом в отношении России с 2014 года по настоящее время.

После завершения присоединения Крыма к территории России 27 марта 2014 года Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция о территориальной целостности Украины⁵. В ней, в частности, отмечалось, что проведенный в Автономной Республике Крым референдум 16 марта 2014 года не может являться основанием для какого-либо изменения статуса Автономной Республики Крым и города Севастополя. Генассамблея ООН призвала государства и международные организации воздержаться от действий, которые могли бы быть истолкованы в качестве признания нового статуса полуострова.

Однако каких-либо мер принуждения Советом Безопасности ООН в отношении России предпринято не было. Это дает основания считать введенные Европейским Союзом санкции односторонними.

В свою очередь правовую основу деятельности Европейского Союза в области введения санкций составляют положения До-

⁵ Резолюция ГА ООН. Территориальная целостность Украины. 27 марта 2014 года. A/RES/68/262 URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/455/19/PDF/N1345519.pdf?OpenElement> (дата обращения: 23 марта 2018 г.).

говора о Европейском Союзе⁶ и Договора о функционировании Европейского Союза⁷.

Так, в соответствии со статьей 29 Договора о Европейском Союзе, являющейся наиболее общей нормой, Европейский Союз компетентен принимать решения, определяющие позицию Союза по отдельным вопросам географического или тематического характера.

Специальной нормой Права ЕС в связи с этим является статья 215 Договора о функционировании Европейского Союза. Она предусматривает возможность введения Советом Европейского Союза (квалифицированным большинством по предложению Верховного представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности и Комиссии) ограничительных мер по полному или частичному приостановлению или сокращению экономических и финансовых отношений с государством.

Стоит отметить, что такие ограничительные меры должны соответствовать принципам, установленным в статье 21 Договора о Европейском Союзе (например, соблюдение принципов Устава Организации Объединенных Наций и международного права), и вводиться только для достижения целей, установленных учредительными договорами, то есть для защиты ценностей и интересов Европейского Союза.

То есть сами ограничительные меры Европейского Союза отражают осуждение деяний третьих стран, не совместимых с ценностями и принципами Европейского Союза, и одновременно направлены на побуждение таких третьих стран прекратить противоправное с точки зрения Европейского Союза деяние.⁸

⁶ Договор о Европейском Союзе (Treaty on European Union). 7 февраля 1992 года. URL: <http://base.garant.ru/2566557/> (дата обращения: 23 марта 2018 г.).

⁷ Договор о функционировании Европейского Союза (Treaty on the Functioning of the European Union). 25 марта 1957 года. URL: <http://base.garant.ru/71715364/> (дата обращения: 23 марта 2018 г.).

⁸ Слепак В.Ю., Трубачева К.И. Средства правовой защиты при обжаловании ограничительных мер Европейского Союза // Lex russica. 2017. № 9. С. 127 – 133.

Таким образом, введение санкций Европейским Союзом в отношении России основывается на его внутреннем законодательстве, на учредительных договорах.

В этой связи примечательно, что с середины XX века наметилась тенденция по неуклонному росту числа национальных законов государств, предусматривающих возможность введения односторонних санкций.

В США, например, такой Закон о чрезвычайных экономических полномочиях (*International Emergency Economic Powers Act*⁹) был принят еще в 1977 году и с тех пор активно применяется. В качестве правового арсенала по принятию соответствующих мер в России выступают Федеральный закон от 30 декабря 2006 года № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах»¹⁰ и Федеральный закон от 8 декабря 2003 года № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности».¹¹

Соответствующие законы существуют в большинстве стран мира, а применение односторонних санкций является частым явлением в международной практике. Это позволяет сделать вывод о том, что само по себе частое использование института односторонних санкций убедительно свидетельствует об отсутствии эффективных институтов международного права, способных противодействовать складывающейся практике.

Вместе с тем Генеральной Ассамблеей ООН неоднократно предпринимались попытки повлиять на складывающуюся тенденцию по распространению использования института односторонних контрмер, которые не санкционированы соответствующими органами ООН. В частности, в издаваемых Генассамблеей ООН резолюциях обращалось внимание на противоречие подобных мер Уставу ООН, а также принципам суверенного равенства, невмеша-

⁹ International Emergency Economic Powers Act. 28 октября 1977 г.

URL:

<http://legcounsel.house.gov/Comps/International%20Emergency%20Economic%20Powers%20Act.pdf> (дата обращения: 24 марта 2018 г.).

¹⁰ Федеральный закон от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах» // СЗ РФ. 2007. № 1. Ст. 44.

¹¹ Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // СЗ РФ. 2003. №50. Ст. 4850.

тельства во внутренние дела государства. Однако, поскольку резолюции Генеральной Ассамблеи не обладают обязательной юридической силой, они выражают лишь пожелания относительно дальнейшего развития ситуации, не позволяя коренным образом повлиять на ее исход.

Непосредственно же нормы современного международного права

не содержат прямого запрета на применение государством или международной организацией односторонних мер, не связанных с какой-либо военной деятельностью, в отношении субъекта правонарушителя. А осуждение их применения Генеральной Ассамблеей ООН в отсутствие обязательной юридической силы ее резолюций не имеет каких-либо правовых последствий.

Как отмечено в заключении Международно-правового совета при МИД России, такие санкции вводятся государствами в пределах их суверенных полномочий или международными организациями в пределах соответствующей компетенции. Они не имеют непосредственного экстерриториального эффекта и порождают юридические последствия только в пределах юрисдикции вводящего их государства или пространственной сферы действия компетенции международной организации. Вряд ли международное право может препятствовать тому, чтобы то или иное государство запрещало ту или иную деятельность гражданам и юридическим лицам, подпадающим под его юрисдикцию.¹²

С другой стороны, очевидно и то, что необходимо различать санкции в качестве меры ответственности за недружественное деяние другого государства, имеющие целью защиту национальных интересов потерпевшего государства, от санкций, выступающих инструментом достижения политических целей государства.

В качестве своеобразных критериев легитимности таких односторонних действий М.В. Кешнер, в частности, выделяет серьезность угрозы, правильная цель санкции, крайнее средство (после

¹² Геворгян К.Г. «Односторонние санкции» и международное право// Международная жизнь. 2012. № 8. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/720> (дата обращения: 24 марта 2018 г.).

исчерпания мирных средств урегулирования), соразмерность средств, сбалансированный учет последствий.

Вместе с тем, как справедливо указано в заключении Международно-правового совета при МИД России, односторонние санкции, вводимые такими мощными игроками, как США и Европейский Союз, по своим политическим и экономическим последствиям сравнимы с санкциями Совета Безопасности ООН. Значит, если они введены в отсутствие санкций Совета Безопасности ООН или их объем выше, чем объем санкций Совета Безопасности ООН против того же государства, то эти односторонние санкции могут отрицательно сказаться на усилиях Совета Безопасности ООН по поддержанию мира и безопасности.¹³

Таким образом, предпринимаемые Европейским Союзом в отношении России меры в настоящее время идут вразрез с действиями Совета Безопасности ООН, что негативно влияет на статус последнего в отправлении его функций по поддержанию международного мира и безопасности.

Тот факт, что большинство стран Европейского Союза несет убытки и отмечает негативное влияние введенных в отношении России санкций на экономики своих государств, но при этом продляет их действие, во-многом говорит о том, что подобные санкции носят политическую окраску.

В этой связи необходимо предпринимать меры по укреплению позиций института санкций, принимаемых Советом Безопасности ООН. М.В. Кешнер справедливо указывает на то, что его ослабление на фоне активно складывающейся практики применения односторонних экономических мер принуждения приводит к подмене действий международной универсальной организации действиями отдельных государств.¹⁴

¹³ Геворгян К.Г. «Односторонние санкции» и международное право// Международная жизнь. 2012. № 8. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/720> (дата обращения: 24 марта 2018 г.).

¹⁴ Кешнер М.В. Вопросы признания государств и применение санкций в современной международной практике// Евразийский юридический журнал. 2015. № 3 (82). URL: <http://www.eurasia-allnews.ru/nauchnye->

Представляется, что предпринимаемые государствами и международными организациями односторонние меры реагирования на противоправные действия других субъектов международного права должны быть детально спрогнозированы и применяться лишь по исчерпанию других возможных способов разрешения сложившихся ситуаций.

Несмотря на то, что такие действия прямо не запрещены нормами международного права, они несомненно наносят урон межгосударственным отношениям и негативно сказываются на их развитии.

Однако И.И. Лукашук указал на досадную действительность: «Знаменательно, что, несмотря на критику практики применения санкций ни ученые, ни международные правительственные и неправительственные организации не требуют отказа от этого института».¹⁵

stati/item/317-voprosy-priznaniya-gosudarstv-i-primenenie-sanktsij-v-sovremennoj-mezhdunarodnoj-praktike.html (дата обращения: 25 марта 2018 г.).

¹⁵ Лукашук И.И. Право международной ответственности. М., 2004. С. 324.

АКТУАЛЬНОСТЬ ТРЕБОВАНИЙ МЕСТНОГО СОДЕРЖАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРАВЕ

Ольга Сергеевна Магомедова

*магистрант Московского государственного института между-
народных отношений (университет) МИД России
olga.magomedova.96@mail.ru*

Требования местного содержания (*local content requirements*, далее – LCR) являются самым распространённым видом инвестиционных мер во многих государствах. Такая популярность обусловлена многочисленными преимуществами и подтверждается успешным опытом некоторых государств. Сегодня весь мир нацелен на осуществление устойчивого развития, поэтому исследование правовой стороны одного из самых эффективных рычагов в экономике представляется крайне актуальным. Какова природа этого феномена?

Противопологая LCR традиционным формам протекционизма, как тарифы и квоты, эти меры исторически относили к категории нетарифных барьеров¹. Тем самым меры LCR ставили в один ряд с усложненными таможенными процедурами, специфическими торговыми стандартами и прямыми государственными субсидиями. Однако меры LCR отличны по своей сути. Все формы протекционизма так или иначе дискриминируют иностранные товары, услуги и инвестиции относительно положения национальных аналогов, тогда как меры LCR нацелены не на принижение конкурентоспособности иностранных производителей, а на национальные преференции.

¹ Hufbauer G. C., Schott J. J. Local Content Requirements: Report on a Global Problem, 2013. P.8- URL: <http://files.publicaffairs.geblogs.com/files/2014/08/Local-Content-Requirements-Report-on-a-Global-Problem.pdf>

Также меры LCR отличаются своим особым измерением, не имеющим финансового эквивалента – некоторый процент «национального» в производстве. В каком-то смысле это система квотирования наоборот. Однако в отличие от тарифов и квот, для введения мер LCR требуется отдельный законодательный пакет, куда, например, может входить государственная программа дорожного строительства, отдельная статья бюджетных расходов, программа финансирования и т.д. Государственные требования местного содержания сопоставимы с региональными правилами происхождения товаров, которые обычно оговариваются в соглашениях о свободной торговле. Ведь по сути эти правила также нацелены на то, чтобы доля беспошлинных товаров перемещаемых между договаривающимися странами производилась именно в обозначенной зоне.

Не следует путать понятия мер LCR и требования национального владения (*local ownership requirements*, LOR), которые можно выделить в отдельный вид протекционных средств. Эту обособленность легко объяснить различием адресатов – если меры LCR стимулируют иностранных предпринимателей к привлечению национальных ресурсов, то меры LOR мотивируют национальных участников торговли к приобретению отечественного достояния. Введение этих двух видов мер также обусловлено разными условиями. Требования местного содержания реализуются лимитировано как по времени (в рамках некоторой государственной программы), так и по сфере действия (определенные сектора экономики). Тогда как меры LOR могут действовать *de facto* и, как правило, касаются стратегически важных отраслей экономики. Так при приватизации государственных предприятий потенциальными покупателями могут выступать только национальные частные лица. Среди многочисленных примеров американская Unocal Corporation, канадская the Potash Company of Saskatchewan, китайская CNOOC².

² Hufbauer G. C., Schott J. J. Local Content Requirements: Report on a Global Problem, 2013.P.10- URL: <http://files.publicaffairs.geblogs.com/files/2014/08/Local-Content-Requirements-Report-on-a-Global-Problem.pdf>

Удивительно, но в международном конвенционном праве известно понятие *local content requirements*, несмотря на то, что определение запрещенных инвестиционных мер в приложении к ТРИМС в точности отражает их содержание: «меры, которые <...> требуют: закупок или использования предприятием товаров отечественного происхождения или из любого отечественного источника». Следовательно, можно говорить о международно-правовых источниках регулирования мер LCR. В то же время соглашение ТРИМС оказывается слабым правовым регулятором в условиях, где гос.закупки подпадают под действие положений ГАТТ только в той мере, которая определена Соглашением ВТО о гос.закупках (*WTO Government Procurement Agreement, GPA*). Это соглашение также входит в пакет документов ВТО, но относится к категории соглашений с ограниченным кругом участников – на настоящий момент соглашение подписали только 47 государств, при чём из числа наиболее развитых. Россия и Китай – в процессе присоединения³.

Отсутствие закрепленного термина LCR в международном праве может вводить в заблуждение относительно природы затронутых интересов членов ВТО в случае возникновения спора. Так, по делу *Canada - Renewable Energy 2013* Апелляционный орган ВТО отверг доводы Японии, характеризующей *Minimum Required Domestic Content Levels* канадской программы льготных тарифов по электричеству, как «прямое перечисление средств» в понимании ст.1.1(a)(1)(i) Соглашения по субсидиям и компенсационным мерам. Зато орган подтвердил мнение арбитров о несоответствии оспариваемых мер положениям ст.2.1. ТРИМС и ст.III п.4 ГАТТ⁴.

Интересно то, как варьируется тип регулирования LCR на уровне региональных интеграционных объединений. Самый жёсткий и бескомпромиссный запрет на обращение к LCR действует в странах НАФТА. Инвестиционным мерам посвящена целая глава

³ Agreement on Government procurement: parties, observers and accessions - URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/gproc_e/memobs_e.htm

⁴ DS412: Canada - Certain Measures Affecting the Renewable Energy Generation Sector, 6.05.2013, the Appellate Body Report WT/DS412/AB/R, WT/DS426/AB/R – para.6.1.a.vi

соглашения, охватывающая 39 статей⁵. Запрещаются, как обязательные меры (art. 1106.1), так и меры обуславливающие получение каких-либо преимуществ (art. 1106.3). Абсолютное большинство двусторонних инвестиционных соглашений США и Канады так же чётко закрепляют отказ договаривающихся сторон от каких-либо инвестиционных требований (*performance requirements*, далее - PRs). Исключения составляют только так называемые соглашения «старого поколения», т.е. заключённые до создания НАФТА. Например, договор США с Заиром (ныне ДР Конго) 1984 года или договор с Турцией 1985 года, по которым стороны должны «стремиться избегать введения PRs».

В ст.32 Приложения №16 к Договору о ЕАЭС (2014г.) также запрещается применение некоторых LCR: «Ни одно из государств-членов не вводит и не применяет в отношении лиц государств-членов, а также лиц, учрежденных ими, в качестве условий в связи с учреждением и (или) деятельностью следующие дополнительные требования: <...> 3) закупать или использовать товары или услуги, государством происхождения которых является государство-член».

В то же время другие региональные объединения только настраиваются на ограничение инвестиционных мер. Стремление государств-членов общего рынка Южной Америки к ограничению LCR хотя бы в одном секторе отражено в соглашении *MERCOSUR Automotive Policy* (MAP, 2001). Страны-участницы АТЭС подняли тему требований местного содержания в 2013 году в рамках рабочей программы Комитета АТЭС по торговле и инвестициям. В то же время другие экономические объединения Юго-Восточной Азии и Африки оставляют тему регулирования инвестиционных ограничений за пределами торговых переговоров, ведь для большинства развивающихся государств LCRs составляют неотъемлемую часть внутренней экономической политики.

Так, в Танзании действует *Mining Act 2010*, по которому в январе 2018 года вступили новые изменения⁶: теперь для участия

⁵ North American Free Trade Agreement 1992, chapter 11 “Investment”

⁶ Tanzania Chamber of minerals and Energy: The mining (local content) regulations 2018 – URL: <http://www.tcme.or.tz/resources/view/the-mining-local-content-regulations-2018>

на рынке иностранная компания должна создавать совместное предприятие с танзанийскими предприятиями, доля которых в итоге составляла бы не менее 20%; с 2012 года в Анголе все нефтяные компании обязываются осуществлять финансовые операции только в местных банках и в национальной валюте (кванза)⁷; в 2010 году в Нигерии принят *Nigerian Oil and Gas industry content development Act*; в 2013 году принят аналогичный закон в Гане⁸. Требования местного содержания могут вводиться также подзаконными актами, как например, в Казахстане, Анголе, Мозамбике⁹. В Малайзии ключевую роль в продвижении национальной нефтяной отрасли исполняет *Petroleum Development Act 1974* года, по которому исключительные права на нефтедобычу на государственной территории получила специально созданная государственная компания Petronas и отныне иностранные частные компании могут действовать в Малайзии только с участием этой компании. В Индонезии функции контроля за иностранным частным сектором в индонезийской энергетике возложены на специально основанный в 2013 году орган *SKK Migas (Special Taskforce for Upstream Oil and Gas Business Activities)*¹⁰. Этот ряд примеров можно продолжать бесконечно. Вывод который отсюда следует сделать, это то, что обращение государства к мерам Local Content requirements это не единичные случаи, а нормальная практика.

Требования местного содержания могут вводиться в любой отрасли, но подавляющее большинство мер о местном содержании принимаются в секторе природных ресурсов. Это объясняется тем, что природные ресурсы ограничены, и ресурсы на территории гос-

⁷ the Law on the foreign exchange regime applicable to the oil and gas sector (Law No. 2/12) of 13 January 2012/ Diario da Republica 13.01.2012 – art.8.1.

⁸ Ovidia JS. Local Content Policies and Petro-Development in Sub-Saharan Africa: A Comparative Analysis. Resources Policy. 2016.P.14 – URL: http://eprint.ncl.ac.uk/file_store/production/223021/D54529F5-403B-4815-B8C0-F4FC0ADEAFA1.pdf

⁹ Tordo S. Local Content Policies in the Oil and Gas Sector// World Bank Study, Washington, DC: World Bank/ S. Tordo, M. Warner, O. Manzano, Y. Anouti. 2013. P.39-40

¹⁰ Oil and Gas in Indonesia: Investment and Taxation Guide/PwC Legal, 2017. P.22 – URL: <https://www.pwc.com/id/en/energy-utilities-mining/assets/oil%20and%20gas/oil-and-gas-guide-2017.pdf>

ударства образуют его «естественные богатства». Суверенное право свободно распоряжаться своими национальными богатствами закреплено во многих международно-правовых документах¹¹. Также накладывается специфика добычи ресурсов: физико-химические особенности продуктов, требование масштабной инфраструктуры. Как следствие, сектор разработки полезных ископаемых – это наиболее монополизированная государством часть экономики, и здесь сложно говорить о какой-либо либерализации торговли в принципе. В то же время вопреки расхожим мнениям, в рамках систем ВТО энергетический сектор подпадает под регулирование общими правилами – секторального соглашения по энергетике до сих нет. Значит, и требования ТРИМС также охватывают эту сферу. Можно ли говорить в таком случае о противоречии норм ВТО реальному положению дел?

На самом деле в западной доктрине понимание LCR глубоко ассоциировано с понятием “*infant industry*”, т.е. введение мер о местном содержании связывается с развитием молодой отрасли промышленности, неокрепшей и нуждающейся во всяческой государственной поддержке¹². Презюмируется, что в достаточно развитых государствах национальные отрасли уже не нуждаются в таких мерах. Поэтому в ВТО только для развивающихся и наименее развитых государств предусмотрены ряд положений, позволяющих спокойно пользоваться наиболее удобными для них средствами. Так, соглашение по субсидиям специально выделяет категорию развивающихся государств и оставляет им большое поле действия. К соглашению ГАТС прилагается перечень специфических обязательств и исключений, оговоренных каждым членом организации в отношении предоставления доступа на его отдельные национальные рынки услуг. В соглашениях ВТО практически не урегулировано положение государственных компаний, явление

¹¹ Прим.автора – GA Resolution 626 (VII), December 21, 1952; GA Resolution 1803 (XVII), December 14, 1962; Международные пакты о правах человека 1966 принятые GA Resolution 2200A (XXI), December 16, 1966; Хартия экономических прав и обязанностей государств GA Resolution 3281

¹² Local Content Requirements and the Green Economy/UNCTAD/DITC/TED/2013/7 United Nations Publication, 2014.P.4

актуальное для ресурсно-богатых государств. Государства, не участвующие в многостороннем соглашении о гос.закупках, также остаются не связанными какими-либо требованиями в этой сфере. И в конце концов соглашения ВТО содержат многочисленные оговорки, называемые положениями об особом и дифференцированном режиме (*Special and Differential Treatment*) для экономически слабых государств¹³.

Что касается членов ВТО, не пользующихся такими льготами, они также могут на правомерных основаниях вводить правила в поддержку национальной экономики, но только те, которые подпадают под категорию общих исключений. Но как показывает практика, это часто приходится специально доказывать в процессе разрешения споров в ВТО. Утверждая, что цель оспариваемой меры входит в число исключительных обстоятельств, необходимо доказать, что эта мера действительно «необходима» для достижения этой цели. Многолетняя практика разрешения споров в ВТО определила понятие «необходимости» и какие элементы его составляют.

В деле *EC-Seal products* Апелляционный орган, указал, что для анализа необходимости меры необходимо «взвесить и сопоставить» (*weigh and balance*) ряд факторов, включая важность цели, значение оспариваемой меры для этой цели, оценить насколько эта мера ограничивает торговлю и есть для неё доступные альтернативы¹⁴.

Первый фактор – это важность интересов и ценностей, на защиту которых направлена эта мера. Как указал Апелляционный орган в деле *Korea – Various Measures on Beef*: «Чем существеннее

¹³ Ramdoo I. Local content, trade and investment: Is there policy space left for linkages development in resource-rich countries?/ Discussion Paper №205, URL: <http://ecdpm.org/wp-content/uploads/DP205-Local-Content-Trade-Investment-Ramdoo-December-2016.pdf>

¹⁴ DS401: European Communities — Measures Prohibiting the Importation and Marketing of Seal Products, 22.05.2014, the Appellate Body Report, WT/DS400/AB/R, WT/DS401/AB/R - para. 5.214

охраняемые интересы, тем выше вероятность, что мера будет признана необходимой»¹⁵.

Второй учитываемый фактор – это значение меры для достижения цели. Как указано в решении Апелляционного органа по делу *Brazil – Retreaded Tyres*, о значении меры для цели можно говорить только если между целью и средствами есть реальная связь (*genuine relationship*)¹⁶. В оценке «значимости» меры третейская группа пользуется свободой действий, которая ограничена только требованиями ст. XX ГАТТ и ст.11 Договора о правилах и процедурах разрешения споров (далее – ДРС)¹⁷. Третейская группа может оценивать «значимость» как в количественных, так и качественных понятиях. Но учитывая то, что сложно оценить меру, когда составляет неотделимую часть определенной системы меры, и требуется время для оценки её действия, то в таком случае третейская группа должна определить насколько такая мера «пригодна» (*apt to contribute to the relevant objective*) в достижении цели.

Третий фактор – это степень ограничения торговли, которую накладывает применяемая мера. В деле *China – Publications and Audiovisual Products* Апелляционный орган указал, что «если государство вводит крайне ограничивающую меру, то он должен быть уверен, что все остальные учитываемые факторы «необходимости» меры смогут «перевесить» такое ограничение»¹⁸.

Четвертый фактор – это отсутствие доступных альтернативных способов достижения цели. В решении апелляции органа по делу *EC-Seal products* указывалось, что возможны обстоя-

¹⁵ DS161: Korea — Measures Affecting Imports of Fresh, Chilled and Frozen Beef, 11.12.2000, the Appellate Body report, WT/DS161/AB/R, WT/DS169/AB/R - para. 162.

¹⁶ DS332: Brazil — Measures Affecting Imports of Retreaded Tyres, 3.12.2007, the Appellate Body Report, WT/DS332/AB/R - para. 145.

¹⁷ DS401: European Communities — Measures Prohibiting the Importation and Marketing of Seal Products, 22.05.2014, the Appellate Body Report, WT/DS400/AB/R, WT/DS401/AB/R - para. 5.210

¹⁸ DS363: DS363: China — Measures Affecting Trading Rights and Distribution Services for Certain Publications and Audiovisual Entertainment Products, 21.12.2009, the Appellate Body Report, China, WT/DS363/AB/R - para. 310

тельства, прежде чем давать предварительную оценку необходимости оспариваемой меры на основе первых трёх критериев метода взвешивания и сопоставления (*weighting and balancing exercise*), следует сначала исследовать предлагаемые ей альтернативы¹⁹.

Следуя этому правилу, в деле *Brazil — Certain Measures Concerning Taxation and Charges* третейская группа для окончательных выводов по бразильским инвестиционным мерам должна была определить, 1) являются ли предлагаемые альтернативные меры объективно доступными для Бразилии (*reasonably available*), 2) являются ли эти альтернативные меры менее ограничительными для торговли, нежели оспариваемые меры, 3) возможно ли с помощью таких альтернативных мер достичь равного или большего успеха в достижении национальной цели. Оспаривая доводы противной стороны, Бразилия заявила, что национальная программа *PATVD* предусматривает множество целей, среди которых – «развития национального потенциала и инвестировании в развитие технологий в Бразилии»²⁰, а альтернативы, предлагаемые стороной-заявителем, не соответствуют этой цели. На что в третейской группе ответили, что одна единственная цель не может иметь приоритета над всеми остальными целями программы. Также Бразилия не доказала, что её меры подпадают под действие положений ст. XX ГАТТ, предусматривающей общие исключения, или что альтернативные меры финансово, технически или иным образом недоступны для неё. На основании этого третейская группа пришла к выводу о несоответствии инвестиционных мер Бразилии нормам ВТО²¹.

Таким образом, отсутствие или наличие альтернативных способов достижения поставленной национальной цели является решающим фактором в определении «необходимости» меры, т.е. допустимости её применения по праву ВТО.

¹⁹ DS401: European Communities — Measures Prohibiting the Importation and Marketing of Seal Products, 22.05.2014, the Appellate Body Report, WT/DS400/AB/R, WT/DS401/AB/R – footnote 1299

²⁰ DS472: Brazil — Certain Measures Concerning Taxation and Charges, Brazil's second written submission - para. 125.

²¹ DS472: Brazil — Certain Measures Concerning Taxation and Charges, 30.08.2017, the Panel Report, WT/DS472/10, WT/DS497/8 - para. 7.621.

Вопреки общей риторике о либерализации торговли государства продолжают разрабатывать новые формы инвестиционных мер, которые бы не подпадали под действие ограничительных норм. Сегодня линейка мер, направленных на задействование отечественных ресурсов, настолько преобразилась, что уже можно говорить о более широком понятии «мер локализации» (*Localisation measures*, LMs). Ряд пополнен такими мерами, как: налогообложение под условиями (*condition tax*) и ценовые льготы (*price concessions*) для местных закупок; финансовая помощь, госконтракты и финансирование экспорта местных поставщиков; особые процедуры лицензирования; резервирование промышленных направлений за отечественными компаниями; требования об анализе и хранении данных на месте; требование об экспертной оценке на месте²². Существенный рост таких мер обусловлен финансовыми сложностями: так например, с ноября 2008 года число применяемых LMs в мире достигло 343²³.

Кроме того, в последние годы стала очень актуальна тема «скрытых национальных преференций». Например, Бразильская программа поддержки альтернативных источников электроэнергии (*Programme of incentives for Alternative Electricity Sources*, PROINFA) действующая с 2002 года, изначально предусматривала требование 60% местного содержания. Сегодня это правило отменено, однако в Бразилии продолжает действовать «*nationalization index*» который определяет доступ к финансированию Бразильским национальным банком развития (BNDES)²⁴.

Парадоксально, но ныне развитые государства, которые в своё время успешно внедряли LCR для развития собственной

²² Evenett S.J. Fritz J. *Global Trade Plateaus: the 19th Global Trade Alert Report*/ CEPR Press, 2016. P.21

²³ Buying local is more expensive than it looks/the Economist journal, 23d November 2017 – URL: <https://www.economist.com/news/finance-and-economics/21731633-local-content-requirements-make-appealing-slogans-bad-policies-buying-local>

²⁴ Local Content Requirements: Cost Competitiveness Vs. 'Green Growth'?/Global CCS Institute- URL: <https://hub.globalccsinstitute.com/publications/global-wind-report-annual-market-update-2012/local-content-requirements-cost-competitiveness-vs-green-growth>

национальной промышленности, как Норвегия, Великобритания, США, Южная Корея, теперь активно поддерживают идею о запрете различных инвестиционных мер. Однако корейский учёный Ха Джун Чхан считает это абсолютно закономерным явлением. Согласно его теории «отталкиваемой лестницы» (*«ladder-kicking theory»*)²⁵, забравшись на вершину экономического процветания по одной «лестнице», государство уже не позволит другим воспользоваться этим же ходом к достижению успеха.

Как показывает краткий анализ актуального положения LCR на различных уровнях правового регулирования, институт не утрачивает свой статус эффективного государственного инструмента. Напротив, он продолжает эволюционировать, принимать новые компромиссные формы. Поэтому в целом можно констатировать гармоничное сосуществование LCR с современными трендами.

²⁵ Ha-Joon Chang „Real“ history of free trade/ Foreign Policy in Focus - project of the Institute for Policy Studies – URL: http://fpif.org/kicking_away_the_ladder_the_real_history_of_free_trade/

ПРОБЛЕМЫ ГАРМОНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН С СОГЛАШЕНИЕМ ВТО ПО ПРИМЕНЕНИЮ САНИТАРНЫХ И ФИТОСАНИТАРНЫХ МЕР

Умед Мулкамонович Мамадамонов

*Старший преподаватель кафедры международного права и
сравнительного правоведения, Российско-Таджикского
(славянского) университета, аспирант кафедры международного
права Российского университета дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6,
tumed@yandex.ru*

Одна из основных задач каждого государства заключается в обеспечении защиты здоровья людей, животных и растений от всевозможных заболеваний. Государством принимаются специальные законы и соответствующие правила для обеспечения защиты здоровья людей, животных и растений. Однако следует отметить что, меры принятие отдельными государствами могут использоваться в качестве протекционистических средств для ограничения импорта пищевых и других продуктов, конкурирующих с аналогичными отечественными продуктами. Для того чтобы ограничить данную негативную практику в рамках Уругвайского раунда в 1994г. было подписано Соглашение по применению санитарных и фитосанитарных мер (далее-Соглашение СФМ)¹.Соглашение СФМ позволяет государствам-участникам создавать необходимые меры для защиты жизни и здоровья людей, животных и растений не допуская использование протекционистических средств. Соглашение СФМ предусматривает для каждого государства-участника обеспечение такого уровня санитарных и фитосанитарных мер, которые необходимы для защиты жизни или здоровья людей, животных или растений. Следует отметить, что в

¹ Вельяминов Г.М. Международное право: опыты. -М.,Статут, 2015.С.783.

Соглашение СФМ подчеркивается о необходимости научного обоснования принятия соответствующих мер.

Присоединение Республики Таджикистан к Всемирной торговой организации способствовало совершенствованию и развитию национального законодательства. В процессе гармонизации национального законодательства с нормами права ВТО особое внимание уделялось соглашению по применению санитарных и фитосанитарных мер, так как данное соглашение рассматривает один из важнейших вопросов для каждого государства-участника: вопрос охраны жизни и здоровья людей, животных и растений.

К числу санитарных и фитосанитарных мер Соглашение СФМ относит все соответствующие законы, постановления, правила, требования и процедуры, охватывающие, в том числе, требования к конечному продукту; методы обработки и производства; процедуры испытания, инспектирования, сертификации и одобрения; карантинные правила, включая соответствующие требования, связанные с перевозкой животных или растений или материалов, необходимых для их жизнедеятельности во время перевозки; положения в отношении соответствующих статистических методов, процедур отбора проб и методов оценки риска; требования к упаковке и маркировке, непосредственно направленные на обеспечение безопасности пищевых продуктов.²

Процесс гармонизации национальных законодательств государств-членов с соглашением по применению санитарных и фитосанитарных мер способствует созданию многосторонней системы правил и дисциплин, регулирующих разработку, принятие и применение санитарных и фитосанитарных мер. Особое внимание в вопросе создания многосторонней системы правил и дисциплин, регулирующих разработку, принятие и применение санитарных и фитосанитарных мер, уделяется рекомендациям и руководствам, разработанными международными организациями, включая Комиссию «Кодекс Алиментариус», Международное бюро по эпизоотии и соответствующие международные и региональные органи-

² Сайт Министерства экономического развития и торговли Республики Таджикистан URL: <http://wto.tj/ru/tj-wto/database/wto-agreement/> (дата обращения: 2 апреля 2018 г.).

зации, действующих в рамках Международной конвенции по защите растений.

В настоящее время Республика Таджикистан является членом: Международного бюро по эпизоотии; Всемирной организации здравоохранения; Комиссии «Кодекс Алиментариус». В Республике Таджикистан применяются стандарты Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) для безопасного и безвредного корма и его компонентов, а также сотрудничает и консультируется с ФАО в вопросах ветеринарии.

В процессе гармонизации национального законодательства с Соглашением по применению санитарных и фитосанитарных мер прослеживались определенные проблемы. Вопросами обеспечения охраны здоровья населения и безопасности пищевой продукции в Республике Таджикистан занимается Министерство здравоохранения и социальной защиты населения. Первоначально вопросы об охране населения регулировались отдельными законами, но после принятия Кодекса здравоохранения Республики Таджикистан от 30.05.2017 года №1413 в соответствие со статьей 222 утратили силу законы Республики Таджикистан: "Об охране здоровья населения" от 15 мая 1997 года; "О частной медицинской деятельности" от 2 декабря 2002 года; "О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах" от 2 декабря 2002 года; "О психиатрической помощи" от 2 декабря 2002 года; "Об обеспечении санитарно - эпидемиологической безопасности населения" от 8 декабря 2003 года и др.

Качество пищевых продуктов, их безопасность, маркировка и упаковка регулируются Законом Республики Таджикистан от 1 августа 2012 года, №890 "О безопасности пищевых продуктов". Пищевые продукты не могут быть реализованы если они плохого качества, имеются подозрения на их контрафактность, не включают предписанных марок или маркировочной информации, вышли из срока годности или же не отвечают действующим стандартам. До 1 января 2013 года продукты питания подлежат обязательной сертификации в соответствии с Законом «О сертификации продукции и услуг», с 1 января 2013 положения данного Закона были отменены с принятием нового Закона «Об оценке соответствия».

До 29 декабря 2017 года Государственная ветеринарная служба при Министерстве сельского хозяйства занималась вопро-

сами охраны здоровья животных в Таджикистане. Закон «О ветеринарии» №674 от 29 декабря 2010 года и Постановление №182 от 3 апреля 2007 года регулируют оказание ветеринарных и других услуг, определяют права и обязанности владельцев животных, устанавливают карантинные процедуры и другие институциональные и правовые вопросы, связанные с ветеринарной службой. Таджикистан продолжит приведение своей политики по животным и продуктам животного происхождения в соответствии с рекомендациями Международного бюро по борьбе с эпизоотиями (МБЭ) и других институтов, разрабатывающих международные стандарты. Например, Таджикистан внес поправки в Закон «О ветеринарии» с целью введения более гибкой системы идентификации животных, которая позволит идентифицировать животных различными способами в дополнение к индивидуальному паспорту животного. Продукты животного происхождения подлежат обязательному ветеринарному контролю на границе согласно Закону о ветеринарии. Ветеринарная служба при Министерстве сельского хозяйства выдает ветеринарные сертификаты на животных и продукты животного происхождения. Ветеринарная служба проверяет статус страны-экспортера в основном на основе периодических изданий МБЭ. Отказ в выдаче разрешения может быть обжалован в вышестоящий орган Государственной ветеринарной службы или в суде. Органы, ответственные за пограничный контроль руководствуются Международной конвенцией по координации условий пограничного грузового контроля от 21 октября 1982 г. Первоначально в процессе гармонизации национального законодательства с нормами ВТО Государственная ветеринарная служба не имела документированную методологию для проведения анализа риска паразитов (АРП), которая была бы доступна для общественности. Заполненные АРП не публиковались и общественно были не доступны. В настоящее время АРП доступны для стран-членов и Республика Таджикистан применяет методологию Международной конвенции по карантину и защите растений (МККЗР) для проведения АРП³.

³ Отчет рабочей группы по вступлению Республики Таджикистан во Всемирную торговую организацию. WT/ACC/TJK/30 от 16 ноября 2012 года.

До 29 декабря 2017 года Государственная служба по фитосанитарии и карантину растений (бывшая Служба государственной инспекции по фитосанитарии и карантину растений) при Министерстве сельского хозяйства осуществляла контроль и организацию мер по карантину растений в соответствии с Законом № 25 «О карантине растений» от 12 мая 2001 г. (замененный Законом № 498 «О карантине растений» от 26 марта 2009 г.). Новый Закон «О карантине растений» принят в соответствии с требованиями ВТО. В настоящее время Таджикистан использует конкретные нормы, регулирующие остатки пестицидов в импортируемых пищевых продуктах, а также продолжает внедрять стандарты «Кодекс Алиментариус», включая перечень международно признанных пестицидов максимального допустимого уровня (МДУ).

В процессе гармонизации национального законодательства с Соглашением по СФМ в перечень ведомствами Республики Таджикистан, ответственными за контроль, инспекцию и утверждение порядка в соответствии с Приложением С Соглашения по СФМ, входили: Агентства по стандартизации, метрологии, сертификации и торговой инспекции при Правительстве Республики Таджикистан; Санитарно-эпидемиологическая инспекция (по фармацевтической и медицинской продукции); Агентство лесного хозяйства при Правительстве Республики Таджикистан, Ветеринарная служба, Государственная служба по фитосанитарии и карантину растений. Агентство по охране окружающей среды и лесного хозяйства несет ответственность за защиту и рациональное использование природных ресурсов, включая растения лесного происхождения, в то время как они являются частью окружающей природной среды. До 29 декабря 2017 года государственная служба по фитосанитарии и карантину растений являлось ведущим агентством, отвечающим за карантинный контроль и лабораторный анализ импортируемых и экспортируемых растений и товаров растительного происхождения, а также любые другие вопросы, относящиеся к международной торговле такими товарами. Положения и основные принципы Соглашения СФМ, которые не отражены особенно или в полной мере в действующем законодательстве Республики Таджикистан, включают: (1) требование об обеспечении прозрачности и создании единого справочного пункта (Статья 7 и Приложение «В» к Соглашению СФМ); (2) требование

о научной обоснованности (Статьи 2.2, 3.3 и 5.2 Соглашения СФМ); (3) положение об эквивалентности (Статья 4 Соглашения СФМ); (4) положение об оценке риска (Статьи 5.1, 5.2 и 5.3 Соглашения СФМ); и (5) положения, касающиеся региональных условий (Статья 6 и Приложение «А» к Соглашению СФМ). Таджикистан принял Закон № 456 «О защите растений» от 4 октября 2011 года, а также Закон № 787 от 26 декабря 2011 года, который внес поправки в Закон № 498 «О защите растений» от 26 марта 2009 года. Кроме того, Правительство внесло поправки в Законы «О качестве и безопасности пищевых продуктов», «Об установлении санитарно-эпидемиологического контроля населения» и приняло Закон о «Защите растений» отвечающий требованиям Соглашения СФМ.

Касательно вопроса эквивалентности, статья 9 нового Закона «О ветеринарии» предусматривает положения об эквивалентности, которые соответствуют статье 4 Соглашения СФМ. Следует отметить, что требования Таджикистана по импорту продуктов из мяса и мяса птицы не всегда находятся в соответствии с рекомендациями МБЭ, к примеру режим Таджикистана в отношении мяса и мясных продуктов, подлежащих размораживанию во время периода хранения; мяса и мясных продуктов, содержащих сальмонеллу или других возбудителей бактериальных инфекций; мяса, содержащего консерванты. Новый Закон «О ветеринарии» №674 от 29 декабря 2010 года предусматривает разработку и принятие ветеринарно-санитарных мер с учетом научных данных, международных стандартов, инструкций и рекомендаций, основываясь на оценке риска и осуществления методологии, разработанной международными организациями, включая МБЭ. Все действующие ветеринарные меры, регулирующие ввоз продукции с биостимуляторами, антибиотиками и гормонами, были приведены в соответствие с надлежащими международными стандартами и будут применяться в соответствии с правилами ВТО. Республика Таджикистан подтвердила в отчете рабочей группы, что с момента вступления в ВТО Таджикистан будет основывать свои санитарные и фитосанитарные меры согласно стандартам, руководствам и рекомендациям «Кодекс Алиментариус», МЭБ и МККЗР в соответствии с требованиями Соглашения по СФМ. Республика Таджикистан подтвердила, что с момента вступления в ВТО Таджикистан будет приме-

нять все свои санитарные и фитосанитарные меры в соответствии с требованиями ВТО, включая Соглашение по применению санитарных и фитосанитарных мер и процедурами лицензирования импорта, не прибегая каким-либо переходным мерам. Республика Таджикистан также подтвердила, что с момента присоединения все существующие санитарные и фитосанитарные меры Таджикистана, в том числе положения, приказы, распоряжения и прочие меры, которые прямо или косвенно влияют на международную торговлю сельскохозяйственной продукцией, будут применяться в соответствии с положениями Соглашения по СФМ. В частности, санитарные и фитосанитарные меры будут применяться только в объеме, необходимом для защиты здоровья человека, животных или растений и не будут более жесткими с точки зрения ограничения торговли, чем это необходимо для достижения надлежащего уровня защиты, применяемого в Таджикистане. Санитарные и фитосанитарные меры не будут произвольными или неоправданно дискриминационными между членами, где преобладают идентичные или сходные условия, в том числе между территорией Таджикистана и территорией других стран-членов. Таджикистан будет гарантировать, что с момента присоединения к ВТО его критерии предоставления разрешения на импорт или обеспечение необходимой сертификации импортируемой сельскохозяйственной продукции будут обнародованы и доступны странам-членам, а также экспортерам. Республика Таджикистан также взяла на себя обязательства и подчеркнула в отчете рабочей группы по вступлению во ВТО, что санитарные, фитосанитарные и прочие требования по сертификации в Таджикистане будут реализовываться прозрачно и оперативно. Таджикистан будет проводить консультации со странами-членами ВТО по их просьбе относительно влияния его требований на торговлю с целью решения вопросов, поднятых странами-членами.

Как справедливо отметила А.С. Смбалян, в Соглашении по применению санитарных и фитосанитарных мер заложен реалистический подход, согласно которому члены ВТО могут применять СФМ, не покрываемые либо не соответствующие междуна-

родным стандартам, что а рiогi не подразумевает нарушения правил ВТО⁴.

Республикой Таджикистан вложено много усилий в процесс гармонизации национального законодательства с требованиями права ВТО касательно применения санитарных и фитосанитарных мер, в настоящее время данный процесс продолжается. В частности, для более эффективной координации деятельности государственных органов в области контроля за соблюдением норм и правил в области санитарных и фитосанитарных мер было принято Постановление Правительства Республики Таджикистан от 29 декабря 2017 года № 595 "О Комитете продовольственной безопасности при Правительстве Республики Таджикистан". На основе постановления Правительства Республики Таджикистан от 27 мая 2017 года за счет четырех структур и служб Министерства сельского хозяйства: Государственная служба по ветеринарному контролю, Государственная служба по фитосанитарному контролю, Государственная служба по племенноводству и Госинспекция по семеноводству образован Комитет по продовольственной безопасности при Правительстве Республики Таджикистан и на базе трех служб Министерства здравоохранения и социальной защиты населения - Государственная служба здравоохранения населения. Республика Таджикистан отстаивая свои национальные интересы, использует требования соглашения ВТО по санитарным и фитосанитарным мерам, стандарты Комиссии «Кодекс Алиментариус», претворяя в жизнь международные принципы обеспечения безопасности пищевой продукции. Республика Таджикистан добросовестно выполняет свои обязательства по обеспечению прозрачности согласно Соглашению ВТО по СФМ, а также получает пользу от этих обязательств.

⁴ Смбалян А.С. Толкование и применение правил Всемирной торговой организации: монография / А.С. Смбалян. –М.: ИНФРА-М, 2017.С.324

БАЗЕЛЬСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И РОЛЬ В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ БАНКОВ

Владимир Владимирович Матвеев

*Магистрант Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации
voldemiks@gmail.com*

«Базельские соглашения» - ряд документов в области банковского регулирования принимаемые Базельским комитетом по банковскому надзору (далее БКБН). Данные соглашения определяют, целый ряд аспектов банковской деятельности, таких как достаточность капитала, степень рисков, процедуры надзора и рыночную дисциплину. Российская Федерация также является участником БКБН.

Составными частями Базельских соглашений считаются:

Core principles for effective banking supervision (Далее основные принцип)¹ (1997 год, пересмотрены в 2006 и 2012 годам);

Basel Accord: International convergence of capital measurement and capital standards (далее Базель-I) (1988)², согласно которому капитал банка для регулятивных целей должен быть подразделен на две категории — капитал первого и второго уровня, а все активы банка для регулятивных целей разделяются на 5 групп в зависимости от степени риска.

¹ Bank for international settlements [Электронный ресурс] Core principles for effective banking supervision. URL: <https://www.bis.org/publ/bcbs230.htm> (Дата обращения: 20.04.2018)

² Bank for international settlements [Электронный ресурс] Basel Accord: International convergence of capital measurement and capital standards. URL: <http://www.bis.org/publ/bcbs04a.pdf> (дата обращения: 20.04.2018)

Basel II: International Convergence of Capital Measurement and Capital Standards (далее Базель II) (принят 26 июня 2004 года)³ — трёхкомпонентный стандарт, вводящий минимальные требования к капиталу (на основе Базель I), процедуры надзора и рыночную дисциплину;

Basel III: A global regulatory framework for more resilient banks and banking systems (далее Базель III) (принят в декабре 2010 года)⁴ — нормативы, усиливающие требования к капиталу и вводящие нормативы требований к ликвидности.

Международно-правовой статус данных актов до сих пор остается неопределенным, однако в большинстве случаев можно выделить два пути подхода к его определению.

Первый подход выражается в признании за Базельскими Соглашениями статуса межведомственного международного договора различных Центральных Банков. Такой подход можно охарактеризовать, как формально-юридический. Однако, данный подход не учитывает отсутствие в данных актах механизмов контроля за исполнением, ограниченность участников БКНБ, чрезмерность регулирования для межведомственного акта.

Таким образом формулируется следующий подход, который можно охарактеризовать, как «доктринальный», данный подход выражается в признании Базельских соглашений нормами мягкого права (*soft law*). Данные соглашения в данном случае выступают нормами наилучшей практики (*best practice*).

Однако, при исследовании норм мягкого права всегда встает вопрос об их эффективности, вследствие необязательности данных норм. Обращаясь к этому вопросу, К. Брамер отмечал, что «в отличие от международной торговли и валютной сферы, где глобальная координация проводится через формализованные международные организации, международное финансовое право происходит из межведомственных институтов (inter-agency

³ Bank for international settlements [Электронный ресурс] *Basel II: International Convergence of Capital Measurement and Capital Standards*. URL: <http://www.bis.org/publ/bcbs128.pdf> (Дата обращения: 20.04.2018)

⁴ Bank for international settlements [Электронный ресурс] *Basel III: A global regulatory framework for more resilient banks and banking systems*. URL: http://www.bis.org/publ/bcbs189_dec2010.pdf (Дата обращения: 20.04.2018)

institutions) с неоднозначным правовым статусом. А договоренности, достигнутые официальными регулирующими органами, участвующими в этих форумах, не имеют обязательной силы»⁵. Однако, невзирая на рекомендательную юридическую силу стандартов, многие авторы относят их к нормам, которые регулируют международные финансовые отношения⁶.

Также важно отметить, что Совет по финансовой стабильности, Международный валютный фонд, Всемирный банк и ООН используют Базельские соглашения в качестве способа оценки финансового сектора государств-членов, вследствие чего их правовое значение продолжает расти.

Международные финансовые стандарты хоть и не столь часто, но уже стали появляться в международных торговых соглашениях. Например, в Соглашение между Европейской Ассоциацией свободной торговли (ЕАСТ)⁷ и Мексикой о свободной торговле в п. 4 ст. 27 «каждая Сторона делает все возможное, чтобы гарантировать, что Основополагающие принципы Базельского комитета по банковскому надзору ... осуществляются и применяются на ее территории»⁸.

Также ссылки на Базельские соглашения встречаются и в договорах ЕАЭС. К примеру, "Соглашение об обмене информацией, в том числе конфиденциальной, в финансовой

⁵ Brummer C. Why Soft Law Dominates International Finance - And Not Trade. URL: <http://jiel.oxfordjournals.org/content/13/3/623.abstract>.

⁶ Sherman H.A. Managing Taxes in the Multinational Corporation // The Tax Executive. Winter, 1977. P.171-181; Smith R.S. Local income taxes: economic effects and equity// Berkeley: Institute of Governmental Studies. University of California, 1972. P. XXIV.

⁷ Free Trade Agreement between the EFTA States and the United Mexican States of 27 Nov. 2000. URL: <http://www.efta.int/content/legal-texts/thirdcountryrelations/mexico/MX-FTA.pdf>.

⁸ Art. 37(4) of the Free Trade Agreement between the EFTA States and the United Mexican States of 27 Nov. 2000. URL: <http://www.efta.int/content/legal-texts/thirdcountryrelations/mexico/MX-FTA.pdf>.

сфере в целях создания условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала"⁹.

Также важно отметить, что ряд авторов¹⁰ указывают на то что Базель I, Базель II и Базель III на данный играют главную роль в процедурах присоединения и составляют обоснование для государства-заявителя и средство оценки соответствия для экспертов ВТО.

Похожая процедура является частью Механизма пересмотра торговой политики (МОТП)¹¹, цели и задачи которого состоят в контроле транспарентности внешней торговой политики и практики государств-членов через надзор и контроль Органа по проведению обзора торговой политики (ООТП)¹².

Доклад о процедурах ООТП и доклад Секретариата ВТО также содержат в себе ссылки на международные финансовые стандарты, в частности на Базель I, Базель II и Базель III, предполагая таким образом их включение в систему общеобязательных правил, которые государства-члены должны соблюдать.

Рассмотрев использование Базельских соглашений различных международными организациями, отражение в международных договоров, влияние на международную финансовую систему, а также принимая во внимание тот факт, что стандарты составляющие Базельские соглашения используются 140 государствами в мире, за исключением стран исламского банкинга и таких стран, как Корейская Народно-Демократическая Республика, Республика Куба, Иран и других. Можно сделать вывод о формировании обычно - правовой природы применения

⁹ "Соглашение об обмене информацией, в том числе конфиденциальной, в финансовой сфере в целях создания условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала" (Заключено в г. Москве 23.12.2014) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 02.11.2016, N 0001201611020005 (Дата обращения: 15.04.2017)

¹⁰ Barr M.S., Miller G.P. *Global Administrative Law: The View from Basel* // *European Journal of International Law*. 2006. Vol. 17, № 1. P. 42-43.

¹¹ Включен в Приложение 3 к Марракешскому соглашению

¹² Luff D. *Le Droit de l'Organisation Mondiale du Commerce. Analyse Critique*. Bruxelles. Paris, 2004. P. 1030-1032.

Базельских соглашений, при смешанной правовой природе самих соглашений, различной для различных стран.

Касаемо положения транснациональных банков, важно отметить, что еще на этапе проектов соглашений между Федеральной Резервной Системой США и Центральным Банком Англии, которые позже легли в основу Базель-I, данные акты рассматривались непосредственно для транснациональных банков.

На данный момент в Базельских соглашениях имеются дополнительные требования к достаточности капитала для "системно значимых глобальных финансовых институтов", то есть крупнейших транснациональных банков, от которых зависит устойчивость мировой финансовой системы. В высшую категорию системно значимых финансовых институтов на данный момент БКБН включены 8 банков - *J.P.Morgan*, *Citigroup*, *Bank of America* (все – США), *Barclays*, *HSBC*, *Royal Bank of Scotland* (все – Великобритания), *BNP Paribas* (Франция) и *Deutsche Bank* (Германия).

Данные требования предусматривают увеличенные требования по капиталу к головным организациям, обобщенные требования к общему капиталу банка, а также правила расчета капитала для всех банковских организаций, имеющих заграничные подразделения в форме дочернего лица.

РОЛЬ АЗИАТСКОГО БАНКА РАЗВИТИЯ В БОРЬБЕ С БЕДНОСТЬЮ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ

Нгуен Тхи Ким Ань

*Студент магистратуры Юридического института РУДН
kimanh.nguyen281293@gmail.com*

В настоящее время Азиатско-Тихоокеанский регион (далее АТР) является самым развитым регионом мира, речь идет о высоком развитии экономики групп новых индустриальных государств такие как, Сингапур, Тайвань, Южная Корея и Гонконг. По мнению Джонатана Андерсона, в последнее время эти государства создают собственную «азиатскую модель развития» для мировой экономики в целом.¹ В соответствии с предварительным прогнозом Всемирного банка, экономика развивающихся стран региона вырастет на 6,2% в 2018 г. г.² Несмотря на быстрое развитие экономики в странах АТР, существуют сильный разрыв в экономическом уровне развития государств, который требует решение. Такие проблемы остро стоят в развивающихся странах региона таких как, Вьетнам, Мьянма, Лаос. Надо подчеркнуть, что 2/3 бедных жителей из общей численности населения мира живут в регионе АТР, так как борьба с бедностью является одной из актуальных проблем для стран данного региона.

Стоит отметить, что борьба с нищетой, в том числе и борьба с бедностью, была закреплена в Повестке дня на XXI веке как «сложная многоплановая проблема, причины возникновения кото-

¹ Джонатан Андерсон. Экономический рост и государство в Китае. URL: <http://polit.ru/article/2008/07/17/china/> (дата обращения: 12.04.2018 г.).

² См.: The World Bank group. Global Economic prospects in January 2018 г. East Asia and Pacific. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/115561512062597137/Global-Economic-Prospect-2018-g.-East-Asia-and-Pacific-analysis.pdf> (дата обращения: 12.04.2018 г.).

рой носят как национальный, так и международный характер».³ К сожалению, не существует страны, способной решить данный вопрос в одностороннем порядке, поскольку он требует силу и сотрудничество международного сообщества. В статье 3.1 Повестки дня на XXI век закреплено: «Все страны несут совместную ответственность за принятие мер по борьбе с нищетой». Чтобы сократить уровень бедности международному сообществу нужно укреплять сотрудничество, создать определенный механизм оказания помощи, а также установить обязанности государств по данному вопросу.

Рассматривая проблему борьбы с бедностью в АТР, нельзя не вспомнить о значительном вкладе Азиатского банка развития (далее АБР) в качестве региональной интеграционной организации. Речь идет о многообразных пакетах помощи АБР в разные сферы, проекты, планы совместных действий развивающихся стран-членов, включая Вьетнам. В АБР создан отдельный фонд по борьбе с бедностью с целью оказания помощи и поддержки государствам-членам Банка.⁴

В 1960-х годах впервые появилась идея создания финансовой организации, осуществляющей сотрудничество в самом бедном регионе мира для содействия социальному и экономическому развитию. Стоит отметить, что причины создания Банка носили как экономический, так и политический характер. Основная миссия АБР состоит в оказании помощи государствам-членам в снижении уровня бедности и улучшении условий жизни населения. 19 декабря 1966 г. Азиатский банк развития (Asian Development Bank) был учрежден. В момент создания в АБР участвовали 31 государство. В настоящее время членами организации являются 67 государств, при этом 48 стран АТР (бенефициары) и 19 стран из

³ Повестка XXI век. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3-14 июня 1992 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21_ch3.shtml (дата обращения: 15.03.2018 г.).

⁴ Poverty Reduction Funds – Official website Asian Development Bank. URL: <https://www.adb.org/themes/social-development/poverty-reduction/funds> (дата обращения: 15.03.2018 г.).

других регионов (доноры).⁵ В соответствии с Уставом, основные функции деятельности АБР представляют собой: регулирование соотношений частных и государственных инвестиций в регионе, оказание финансирования в развитии сельской местности и поддержке продовольствия производства, помощь государствам-членам в осуществлении национальной политики развития, предоставление необходимой технической поддержки и помощи.⁶

Как кредитная межправительственная организация для финансирования различных программ в азиатских странах, АБР играет значительную роль в борьбе с бедностью в странах АТР. С 1999 г. в АБР изменилась теоретическая парадигма деятельности. При этом сокращение масштабов нищеты является основной задачей нового периода наряду с изменением климата, региональной интеграцией, модернизацией государственного управления и другими проблемами. Тем не менее, АБР подчеркнул необходимость в создании конкретного плана и операций действий по борьбе с бедностью в соответствии с изменяющимися обстоятельствами. В этом году Совет управляющих принимал Программу стратегии снижения бедности (The Asian Development Bank's Poverty Reduction Strategy – PRS), чтобы реализовать свою миссию. В ноябре 2003 г. АБР разработал Прогрессивный отчет по осуществлению Программы 1999 г., а также принимал некоторые дополнения и изменения в контексте мировых изменяющих обстоятельств.⁷ Кроме того, АБР разработал «Цели тысячелетнего развития для Азиатско-Тихоокеанского региона» (The Millennium Development Goals in Asia and the Pacific - MDGs), включая снижение уровня бедности в доходном и недоходном плане. На данный момент АБР осуществляет взаимопомощь на основе положений MDGs для конкретных

⁵ Annual report 2016: Members, Capital Stock, and Voting Power (as of 31 December 2016). URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/237881/oi-appendix1.pdf> (дата обращения: 15.03.2018 г.).

⁶ Азиатский банк развития: Опыт стратегического управления. URL: <http://www.veb.ru/common/upload/files/veb/analytics/strman/sm201202adb.pdf> (дата обращения: 15.03.2018 г.).

⁷ The Asian Development Bank's Poverty Reduction Strategy: Lessons and Issues – Progress Report. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/page/59527/files/adf-ix-1st-meeting-adb-poverty-reduction-strategy-draft.pdf> (дата обращения: 15.03.2018 г.).

государств-членов, а также контролирует процесс реализации с помощью собственного метода «управления по результатам». Данный метод способствует повышению эффективности деятельности банка как в организационной, а так и в операционной сфере.

Вьетнам является первоначальным государством-членом АБР. К апрелю 2017 г. финансовая поддержка АБР Вьетнаму достигла 16,0 млрд. долларов. В настоящее время основными направлениями деятельности АБР во Вьетнаме являются следующие: восстановление, развитие и расширение инфраструктуры; реформа государственной экономической политики; мобилизация внутренних экономических ресурсов; оказание социальных услуг; осуществление эффективного государственного управления в сфере экономики; гендерное равенство в проектах и операциях, особенно политических. При этом, последние два направления являются приоритетом.⁸

Рассмотрев совместную деятельность АБР и Вьетнама в борьбе с бедностью, можно отметить следующие особенности. Вьетнам достиг значительных успехов по данному вопросу и может служить примером для других государств Юго-Восточной Азии. За короткий промежуток процент бедного населения значительно снизился с 14,2% в 2010 г. до 4,25% в 2015 г.⁹ Несмотря на достижения в данной области, в ближайшее время борьба с бедностью еще является острой проблемой, поскольку Вьетнам находится в группе стран с доходами ниже среднего уровня.¹⁰ По статистике государства 2017 г., 8% от общей численности населения Вьетнама живут за чертой бедности, в соответствии с этой статистикой 14,35% детей до одного года умирают из-за условий жизни,

⁸ Деятельности АБР во Вьетнаме: Партнер по экономической реформе и в области устойчивого развития. URL: <https://www.adb.org/vi/countries/vietnam/overview> (дата обращения: 15.03.2018 г.).

⁹ Официальный сайт государственной статистики. URL: <http://www.gso.gov.vn/Default.aspx?tabid=217> (дата обращения: 15.03.2018 г.).

¹⁰ World Bank - Country and Lending groups. URL: <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/906519> (дата обращения: 12.04.2018 г.).

уровень бедности в сельской местности выше в 3-4 раза по сравнению с городскими показателями.¹¹

Вьетнам столкнулся с другой актуальной проблемой – социально-экономическим неравенством между слоями населения по многочисленным критериям. Такое неравенство выражается в разнообразных сферах, таких как доходы, потребление, образование, социальное обеспечение, доступ к медицинским услугам. Следует отметить, что неравенство во Вьетнаме также носит гендерный характер из-за исторических, географических и культурных обстоятельств. По общей статистике, в настоящее время женщины достаточно активно участвуют в разных сферах жизни, но они все равно сталкиваются с гендерным неравенством, особенно в трудовой, политической, образовательной сфере. Таким образом, программа снижения уровня бедности АБР во Вьетнаме учитывает не только общие региональные черты, но и особенную социально-экономическую специфику страны. АТБ ежегодно составляет отчет и статистику об уровнях бедности в государствах-членах, а также собирает данные для государственных стратегий и планирования программ.

Рассмотрим конкретный план действий по борьбе с бедностью АБР во Вьетнаме, можно отметить, что создается единый план деятельности, соответствующий между Банком и государством. Иными словами, Банк учитывает общую политику региона и специфику страны, когда разрабатывает план деятельности. Прогрессивный отчет 2003 г. закрепил, что каждый пакет финансовой помощи должен учитывать государственную стратегию и программу снижения бедности; АБР осуществляет периодический контроль деятельности государств; государства-члены обязуются реализовать Цели тысячелетнего развития в Программе национальных действий.

В соответствии с общим планом борьбы с бедностью, АБР работает по следующим направлениям во Вьетнаме: стабильное экономическое развитие, повышение уровня доходов бедных людей, социальное развитие во всех сферах, и эффективное управле-

¹¹ Официальный сайт государственной статистики Вьетнам. URL: <https://www.gso.gov.vn/Default.aspx?tabid=382&ItemID=18667> (дата обращения: 15.03.2018 г.).

ние со стороны государства. Данные направления имеют взаимосвязанные между собой, а также каждое из них играет относительную важность в зависимости от определенного периода развития Вьетнама. В целом, АБР работает по традиционному способу оказания помощи. В большинстве случаев Банк непосредственно предоставляет финансирование для более масштабных проектов на среднесрочные или долгосрочные периоды, обычно речь идет о государственных планах. Кроме того, АБР осуществляет диалог с правительством об экономической и организационной политике, имеющей всеобъемлющее и косвенное влияние на процессе модернизации государственного управления.

Экономическое развитие и снижение бедности – это двухсторонние взаимоотношения. Очевидно, уровень реализации социального, экономического и культурного прав человека зависит от уровня развития и экономической мощи каждого государства. АБР сотрудничает с Вьетнамом, создавая отдельную программу для этого государства, соответствующую его экономическим особенностям. На основе соглашения, государство обязуется создавать благоприятные условия для осуществления частной экономической деятельности, а также сократить все виды дискриминации в сфере труда и экономики. Следует отметить, что частные производства с эффективным механизмом управления со стороны государства играют значительную роль в борьбе с бедностью. Таким образом, через пакет финансовой помощи в области частной экономической деятельности, АБР постепенно меняет внутренние соотношения собственности, при этом сокращается роль государства в экономической деятельности, так как оно выступает в качестве регулятора экономических отношений.

АБР укрепляет систему регионального экономического сотрудничества, чтобы развивать рынок для таких маленьких государств с ограниченным выбором как Вьетнам. В частности, речь идет о таких формах, как Субрегион Большого Меконга,¹² Треугольник развития, Программа стратегии и сотрудничества для

¹² Greater Mekong Subregion. URL: <https://www.adb.org/countries/gms/main> (дата обращения: 13.04.2018 г.).

АТР 2003 г., а также Программа государств-партнеров стратегии.¹³ В каждой программе деятельности, АБР учитывает проблему защиты окружающей среды параллельно в борьбе с бедностью. Говоря о социальном развитии АБР утверждает, что в процессе экономического развития государства-члены должны обеспечивать и поддерживать права наиболее уязвимых слоев населения во Вьетнаме. В соответствии с Целями тысячелетнего развития, АБР создает много программ для данных слоев, обеспечивающих каждого человека права на начальное образование, защиту здоровья и другие необходимые услуги.

С 2002 г. по инициативе Банка, большинство государств-членов, включая Вьетнам, зарабатывает и закрепляет программу борьбы с бедностью в национальном плане развития. В данном процессе, если получает просьбу, АБР непрерывно поддерживает и участвует в диалоге между государствами и другими заинтересованными сторонами для обсуждения данного плана на основе уважения и соблюдения принципа абсолютного суверенитета государства. По общему правилу, Стратегия и программа национального развития планирует в период 3-5 лет с дополнением каждый год. Следует отметить, что государство-член обеспечивает закреплять Стратегия снижения бедностью закрепляется на национальном уровне, а также каждое достижение должно определить в определенном периоде осуществления программы.

На основе перечисленных документов и планов, АБР осуществляет поддержку и финансовую помощь в борьбе с бедностью во Вьетнаме через программу под названием: «Viet Nam: Support to Implementation of Poverty Reduction Program». Данный проект реализуется в три этапа. Первый период с ноября 2004 до сентября 2006 гг. - проект 38392-013 с суммой 6,4 мил. долларов с целью государственного экономического развития, особенно способствовать росту частных и государственных интервенций. Вторая поддержка – проект 38092-023 предоставляется в период октября 2005 до ноября 2007 гг. с общей суммой 15 мил. долларов. для государственного развития и экономической политики. В период сентября

¹³ Viet Nam: Country Partnership Strategy (2016-2020). URL: <https://www.adb.org/documents/viet-nam-country-partnership-strategy-2016-2020> (дата обращения: 13.04.2018 г.).

2006 до декабря 2008 гг. АБР существовал третий пакет финансовой помощи 15 мил. долларов для Вьетнама. Цель данного проекта состоит в переход на рыночную систему на основе сокращения слабости экономики, а также защиту экологии. Стоит отметить, что II и III проекты разделяются на пяти секции: сельское хозяйство, природные ресурсы и развитие сельских районов; образование; финансы; здравоохранение и публичное управление. Государство до получения пакета помощи представляет предварительный план распределения сумм финансирования Банку и должно закреплять в Стратегии и программе национального развития.

АБР осуществляет свою деятельность в борьбе с бедностью под следующими вопросами: гендерное равенство, экологическая безопасность, развитие в сфере частной экономической деятельности, региональное сотрудничество и создание квалифицированных трудовых сил. В течение с 2010 по 2016 гг. стратегия и программа АБР для Вьетнама достигли значительных успехов в области борьбы с бедностью. По соглашению между Вьетнамом и Банком, в ближайшие годы АБР продолжает поощрять отношение между частной и государственной экономикой, а также развивать экономическую систему Вьетнама.¹⁴

В свете указанных положений, можно сделать следующий вывод о том, что АБР выступает в качестве региональной интеграционной организации в АТР – одном из самых бедных регионов мира. С момента создания Банк получил огромные достижения в области сокращения бедности в частности, а также борьбы с нищетой в целом. Надо подчеркнуть, что бедность в ближайшее время не будет решена, особенно в наиболее бедных странах в Азии и Африки.

¹⁴ Results of ADB – Supported Operations: Viet Nam. URL: <https://www.adb.org/countries/viet-nam/results/data> (дата обращения: 15.03.2018 г.).
Viet Nam: Development Effectiveness Brief. URL: <https://www.adb.org/publications/viet-nam-southeast-asias-rising-star-takes-next-step-its-national-development> (дата обращения: 15.03.2018 г.).

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБМЕНА НАЛОГОВОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ДРУГИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

Мария Сергеевна Пекарская

*преподаватель и аспирант
кафедра международного права
Всероссийская академия внешней торговли
PeкарskayaMS@mail.ru*

В последнее время обмен налоговой информацией стал одним из первоочередных вопросов международной повестки дня¹. Обмен информацией по налоговым вопросам является эффективным способом борьбы с уклонением от уплаты налогов и иными правонарушениями в налоговой сфере, затрагивающими интересы многих стран². Данный вопрос актуален и в части заключения двусторонних договоров, посвященных вопросу обмена налоговой информацией. Двусторонние соглашения являются наиболее распространенной формой сотрудничества государств³, в том числе в налоговой сфере. Именно двусторонние договоры позволяют адаптировать международные стандарты в налоговой сфере к особенностям каждого отдельного государства⁴.

¹ P. 50 of G-20 Leaders' Declaration. September 2013. P. 13. URL: https://www.g20.org/Content/DE/_Anlagen/G7_G20/G20-erklaerung-petersburg-en.html?nn=2068780 (accessed date: 10.01.2018).

² Шепенко Р.А. Международные налоговые правила. Часть I — М: Юрлитинформ. - 2012. - С. 399.

³ Пономарева К.А. Правовые проблемы обмена налоговой информацией в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 3 (48). С. 74-75.

⁴ Шепенко Р.А. Международно-правовое регулирование административной помощи в налоговых вопросах // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 6. С.111.

В ряд двусторонних международных договоров, содержащих положения об обмене налоговой информацией, следует включить:

- а) договоры об избежании двойного налогообложения;
- б) договоры об обмене налоговой информацией;
- в) иные двусторонние договоры: договоры о сотрудничестве и взаимной помощи по вопросам соблюдения налогового законодательства, в области борьбы с нарушениями налогового законодательства и т.п.

Российская Федерация является активным участником международного сотрудничества в сфере правового регулирования обмена налоговой информацией. Целесообразно более подробно остановиться на отдельных примерах двусторонних договоров Российской Федерации, посвященных рассматриваемому вопросу.

подавляющим большинством всех двусторонних договоров Российской Федерации, устанавливающих правовые основания для обмена налоговой информацией с иностранными государствами, являются двусторонние договоры об избежании двойного налогообложения. На текущий момент действует Типовое соглашение между Российской Федерацией и иностранным государством «Об избежании двойного налогообложения и о предотвращении уклонения от уплаты налогов на доходы и имущество» 2010 г.⁵ Оно заменило ранее действовавшее Типовое соглашение РФ от 1992 г.⁶ Необходимость принятия в Российской Федерации Типовых соглашений была обусловлена правовой политикой, направленной на адаптацию внутреннего законодательства в налоговой сфере к международным стандартам.

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 24.02.2010 № 84 «О заключении межгосударственных соглашений об избежании двойного налогообложения и о предотвращении уклонения от уплаты налогов на доходы и имущество» // «Собрание законодательства РФ». 08.03.2010. № 10. 1078 с.

⁶ Постановление Правительства РФ от 28.05.1992 № 352 «О заключении межправительственных Соглашений об избежании двойного налогообложения доходов и имущества». – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=515;fld=134;from=162500-17;rnd=180312.6193287135101855;;ts=0180312648092047770269> (дата обращения: 10.01.2018).

Примером международного стандарта в налоговой сфере является Модельная конвенция ОЭСР по налогам на доход и капитал (ред. 2014 г.)⁷. Статья 26 Модельной конвенции ОЭСР посвящена межгосударственному обмену налоговой информацией. Именно Модельная конвенция ОЭСР в редакциях 1977 г. и 2010 г. явилась основой для разработки Типовых соглашений Российской Федерации 1992 г. и 2010 г.

По данным на 10 января 2018 г., Модельная конвенция ОЭСР используется в той или иной редакции в 83-х двусторонних договорах об избежании двойного налогообложения, заключенных Российской Федерацией с иностранными государствами⁸. Анализ указанных договоров свидетельствует о том, что 71 из 83 указанных двусторонних договоров содержат устаревшую версию Модельной конвенции ОЭСР в редакциях 1963 г., 1977 г. или 2005 г. Целесообразно дополнить двусторонние договоры об избежании двойного налогообложения новеллами, отраженными в ст. 26 Модельной конвенции ОЭСР в ред. 2014 г.⁹

Двусторонние договоры об обмене налоговой информацией, в отличие от двусторонних договоров об избежании двойного налогообложения, являются новой и пока не очень распространенной категорией двусторонних налоговых договоров. Данные соглашения заключаются с оффшорными странами, и в их основе лежит Модельное соглашение ОЭСР об обмене информацией по

⁷ OECD Model Tax Convention on Income and on Capital as of 15 July 2014. - URL: <http://www.oecd.org/tax/treaties/2014-model-tax-convention-articles.pdf> (accessed date: 10.01.2018).

⁸ В том числе: с Австралией, Австрией, Великобританией, Германией, Испанией, Италией, Канадой, Китаем, Люксембургом, Мексикой, Польшей, США, Францией, Финляндией, Чехией, Чили, Швейцарией, Швецией.

⁹ Указанные новеллы касаются, среди прочего, необходимости введения запрета на отказ в предоставлении налоговой информации на основании владения данной информацией банком или иным финансовым учреждением или возможности использования предоставленной налоговой информации в целях, не указанных в ст. 26 Модельной конвенции ОЭСР.

налоговым вопросам 2002 г. (ред. 2015 г.)¹⁰. По данным на 10 января 2018 г., на основе Модельного соглашения ОЭСР заключено более 500 международных договоров об обмене налоговой информацией¹¹.

Российской Федерацией на текущий момент не заключено ни одного двустороннего соглашения об обмене налоговой информацией. В 2014 г. Российская Федерация утвердила Типовое соглашение об обмене информацией по налоговым делам¹², в основе которого лежит Модельное соглашение ОЭСР. Россия планирует начать переговоры по заключению соглашений об обмене налоговой информацией с рядом оффшорных стран¹³.

Иные двусторонние договоры Российской Федерации в части обмена налоговой информацией касаются вопросов соблюдения налогового законодательства и борьбы с нарушениями налогового законодательства. Российской Федерацией заключено около 28 указанных договоров. Примерами названий данных договоров являются «сотрудничество и взаимная помощь по вопросам соблюдения налогового законодательства», «сотрудничество и обмен информацией по налоговым вопросам», «сотрудничество и обмен информацией по вопросам соблюдения налогового законодательства», «сотрудничество и обмен информацией в области борьбы с нарушениями налогового законодательства».

Указанные договоры имеют относительно схожие положения об обмене налоговой информацией. Российско-белорусское

¹⁰ Model OECD Agreement on Exchange of Information on Tax Matters, as of 2015. URL: <http://www.oecd.org/tax/exchange-of-tax-information/2082215.pdf> (assessed date: 10.01.2018).

¹¹ A large number of bilateral agreements have been based on the Model OECD Agreement on Exchange of Information on Tax Matters. URL: <http://www.oecd.org/tax/exchange-of-tax-information/taxinformationexchangeagreementstieas.htm> (accessed date: 10.01.2018).

¹² Постановление Правительства РФ от 14.08.2014 № 805 «О заключении соглашений об обмене информацией по налоговым делам» // Собрание законодательства РФ. 25.08.2014. № 34. Ст. 4665.

¹³ Лихтенштейн, Британские Виргинские острова, Каймановы и Багамские острова, Гибралтар, острова Джерси, Гернси, Мэн.

соглашение 1995 г.¹⁴ предусматривает предоставление информации о соблюдении налогового законодательства юридическими и физическими лицами и о национальных налоговых системах и изменениях налогового законодательства (ст. 2). Российско-киргизское соглашение 1999 г.¹⁵ затрагивает вопросы обмена налоговой информацией в целях предупреждения, выявления и пресечения налоговых правонарушений и включает предоставление информации о налоговых правонарушениях и о национальных налоговых системах (ст. 1, 3). В указанных соглашениях подробно прописаны процедурные правила, касающиеся требований к содержанию и форме запроса, порядку исполнения запроса о содействии, содержанию предоставляемой информации, порядку предоставления документов и иных материалов, касающихся сферы действия соглашения, соблюдению конфиденциальности информации и т.п.

В целом, рассмотренные договоры третьей группы нацелены на обеспечение соблюдения налогового законодательства и предотвращение совершения налоговых правонарушений. Обмен налоговой информацией, предусмотренных в них, выступает в качестве одного из эффективных способов достижения указанной цели.

Следует упомянуть о соотношении двусторонних и многосторонних договоров, касающихся обмена налоговой информацией, применительно к Российской Федерации. Основным многосторонним соглашением, имеющим обязательную юридическую силу и затрагивающим вопросы обмена налоговой информацией, является Конвенция Совета Европы и ОЭСР о взаимной административной помощи по налоговым делам (далее - Конвенция

¹⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь «О сотрудничестве и взаимной помощи по вопросам соблюдения налогового законодательства» 1995 г. // Бюллетень международных договоров. № 2. 1996.

¹⁵ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Кыргызской Республики «О сотрудничестве и обмене информацией в области борьбы с нарушениями налогового законодательства» 1999 г. // Бюллетень международных договоров. № 11. 1999.

СЕ/ОЭСР)¹⁶. В зависимости от правового основания, следует выделить страны, с которыми обмен налоговой информацией с Российской Федерацией осуществляется:

а) только на основании Конвенции СЕ/ОЭСР, при отсутствии соответствующих двусторонних договоров – 26 стран. В основном, это оффшорные страны, которые приняли решение о соблюдении международных стандартов в налоговой сфере.

б) на основании Конвенции СЕ/ОЭСР и соответствующих двусторонних договоров – 57 стран. В целом, это большинство стран Австралии, Азии, Америки и Европы, которые следуют современным мировым тенденциям в области международного налогового права.

в) только на основании соответствующих двусторонних договоров – 26 стран. Из них с Арменией, Белоруссией, Киргизией, Кубой, Монголией, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном Российской Федерацией заключено два вида двусторонних договоров – об избежании двойного налогообложения и о взаимной помощи по вопросам соблюдения налогового законодательства.

Представленный анализ показывает, что Российская Федерация осуществляет обмен налоговой информацией на основании двусторонних договоров с 26 странами, не подписавшими Конвенцию СЕ/ОЭСР.

Подводя итог, стоит отметить, что двусторонние договоры, содержащие положения об обмене налоговой информацией, условно подразделяются на три группы. В рамках договоров первой группы Российской Федерации рекомендуется внести изменения в действующие договоры об избежании двойного налогообложения с целью их обновления согласно нормам Модельной конвенции ОЭСР. В части договоров второй группы Российской Федерации рекомендуется заключить договоры об обмене налоговой информацией с оффшорными странами с учетом норм Модельного соглашения ОЭСР. Двусторонние договоры Российской Федерации в рамках третьей группы договоров нацелены на обеспечение

¹⁶ Конвенция Совета Европы и ОЭСР «О взаимной административной помощи по налоговым делам» от 25.01.1988 // Собрание законодательства РФ. 21 марта 2016 г. № 12. Ст. 1586.

соблюдения налогового законодательства посредством использования обмена налоговой информацией. Двусторонние договоры сохраняют свое значение, поскольку являются основанием для осуществления обмена налоговой информацией со странами, не участвующими в многосторонних механизмах данного обмена.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО И ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ И ОХРАННЫЕ КОМПАНИИ

Эмиль Камильевич Сайфуллин

*Магистрант 1 курса Института законодательства и
сравнительного правоведения при Правительстве РФ
emil-vostok@list.ru*

Мировой рынок частных военных и охранных компаний (далее ЧВОК) динамично развивается, растёт и становится всё более востребованным, при этом постепенно забирая у государств одну из главных составляющих их суверенитета - право войны.

Прежде всего необходимо дать определение ЧВОК, а так как не существует международного договора, который хоть сколько-нибудь регулировал деятельность ЧВОК и дал бы понятие этому явлению, то мы обратимся к доктрине. Итак, ЧВОК это «негосударственное юридическое лицо, которое, осуществляя предпринимательскую деятельность, предоставляет на возмездной основе военные и охранные услуги физическим и юридическим лицам»¹.

У человека непосвящённого может сложиться мнение, что это те же наёмники, что устраивали государственные перевороты в 60-80 годах 20 века в странах Африки и Азии. Когда отряды, не больше несколько десятков человек, хорошо вооруженных, но как правило без поддержки тяжелой техники, под предводительством, например, «короля наёмников» Боба Денара брали штурмом президентский дворец какого-нибудь «освободившегося» колониального государства и ставили у власти своего заказчика. Одним словом, герои романа Фредерика Форсайта «Псы войны». Но нет, те времена «военной романтики» давно прошли, это признают и сами «псы войны» вышедшие на пенсию. Сегодня

¹Волеводз А.Г. О перспективах международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий // Международное уголовное право и международная юстиция. 2010. № 2. Страница 6.

найм военной силы это международный бизнес, оборот которого по разным подсчётам в год составляет свыше 200 миллиардов долларов по всему свету. В ЧВОК задействованы сотни тысяч высококлассных военных специалистов на всех континентах, кроме разве что Антарктиды. А экономическая выгода от использования услуг ЧВОК взамен регулярной армии на лицо. Вместо постоянных трат на содержание многочисленной неповоротливой военной машины, набор и обучение новобранцев и самое главное ответственности за их гибель, государствам (США, Великобритания и другие) гораздо легче, да и гораздо дешевле нанимать для выполнения поставленных целей ЧВОК.

И как это не парадоксально, но не смотря на множество инцидентов, связанных с операторами ЧВОК и как, правило негативную окраску их деятельность в СМИ, на международной арене они не смешиваются и не ставятся на один уровень с наёмничеством. Более того, сотрудники ЧВОК и их деятельность, всегда лежит (пусть и декларативно) в рамках правового поля. В отличии от наёмников, которые хоть и существуют по сей день, но оказались вытесненными с рынка военных услуг.

На сегодняшний день существует несколько международно-правовых инициатив по регулированию деятельности ЧВОК. Например, российскими специалистами разработан проект Международной конвенции о частных военных и охранных предприятиях, однако уже на протяжении долгого времени это к сожалению, остаётся лишь проектом. Существует ещё так называемый Документ Монтрё. Он разработан в рамках инициативы Правительства Швейцарской Конфедерации в сотрудничестве с Международным комитетом Красного Креста в целях содействия соблюдению международного гуманитарного права и прав человека, применительно к ЧВОК. Вместе с тем, как указано во введении Документа Монтрё, он сам и «содержащиеся в нем положения не создают правовых обязательств. Каждое государство отвечает за выполнение обязательств, взятых им согласно международным соглашениям, участником которых оно является, с учетом любых сделанных оговорок, пониманий и

заявлений, а также согласно обычному международному праву»². Попытка создания универсального международного инструмента регулирования деятельности ЧВОК не плохая, однако с учетом отсутствия обязательного характера Документа Монтрё, значительная часть ЧВОК лишь декларирует приверженность их принципам, на деле попирая их. Ту же проблему - необязательности, несут всевозможные кодексы корпоративного поведения ЧВОК, к которым присоединяются практически все крупные военные кампании.

В этой связи предполагается, что быстрее всего урегулировать этот вопрос получится через принятие специальной Резолюции Совета Безопасности ООН, которая бы внесла ясность в деятельность ЧВОК, определила бы рамки, в которых бы могли взаимодействовать ЧВОК с государствами и другими заказчиками.

Отказываться от услуг ЧВОК становится все труднее, эпоха диктует свои условия, так что мировому сообществу придется свыкнуться с их существованием, и поэтому остро встает вопрос международно-правового регулирования их деятельности.

²Документ Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта. 17 сентября 2008 года.

URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/ihl-montreau.htm> (дата обращения 14 апреля 2018 года).

ПРОБЛЕМЫ ТРАНЗИТА В КАЗАХСТАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Марат Алдангорович Сарсембаев

*доктор юридических наук, профессор
кафедра международного права и международных отношений
Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Казахстан*

Для начала необходимо привести определение понятию «транзит». Под транзитом (от латинского слова *transitus* - переход) следует понимать перевозки товаров, грузов, пассажиров из пункта отправления в пункт назначения через один и более промежуточных пунктов. Применительно к международному транзиту это понятие можно определить так: международный транзит – это перевозки грузов, товаров, пассажиров из одного государства в другое государство посредством пересечения территории третьего или третьих государств. Следует подчеркнуть, что в сфере железнодорожного транспорта транзит как понятие имеет отношение не только к перевозкам грузов, товаров, но и к поездам и даже к отдельным вагонам. Маршрутные поезда перевозят транзитный груз без переработки через участковые и сортировочные станции. Понятие «транзит» на речном транспорте имеет отношение к перевозкам, которые совершаются при прохождении границ двух или нескольких пароходств, между портами, пристанями одного пароходства. В этих случаях нужно говорить о внутреннем транзите. Говоря о международном речном транзите, нужно иметь в виду, что суда одного государства передвигаются по международной реке, вытекающей за пределы территории транзитного государства. Транзитные перевозки грузов могут совершаться не только одним видом транспорта, но и посредством смешанных сообщений. К примеру, один и тот же транзитный груз может быть доставлен в пункт назначения посредством железнодорожного транспорта, а также речным или морским транспортом. Использование международных транзитных сообщений предоставляет ор-

ганизационные удобства для экспортных и импортных учреждений, освобождая их от излишних перегрузочных операций, от заполнения дополнительных документов, производства лишних расчётов за дополнительную перегрузку товаров и грузов в пограничных портах, пунктах. Надо отметить, что перевозки транзитных грузов между разными странами осуществляют на базе международно-правовых актов между заинтересованными государствами.

Если кто-то думает, что транзитное государство, предоставляя свою территорию другим государствам для перевозки транзитных грузов и товаров, практически ничего не делая и не неся расходов, получает соответствующие доходы, то он ошибается. Если транзитное государство желает, чтобы именно по его автомобильным дорогам другие государства перевозили свои транзитные грузы, то он как минимум должен постараться построить первоклассные автомобильные дороги с соответствующей добротной инфраструктурой. Если таких дорог нет, то эти государства будут перевозить свои транзитные грузы по качественным автодорогам других государств.

Казахстан занимает выгодное для себя геоэкономическое положение, находясь по центру Азии, недалеко от европейского континента. В этой связи страна предоставляет возможности в перевозках транзитных грузов, товаров и пассажиров с севера на юг, с юга на север, с востока на запад, с запада на восток. Именно поэтому Казахстан заключил более 80 международных договоров и соглашений, предоставляющих транзит грузов своим контрагентам по территории республики. Среди них находятся 54 двусторонних соглашения, заключенных между Казахстаном и иностранными государствами, 26 региональных договоров и соглашений Республики Казахстан. Здесь же следует отметить, что вопросы внутригосударственного и международного транзита регулируются примерно 30 стратегическими документами, внутригосударственными законами и иными нормативными актами Казахстана.

Если рассматривать транзит с точки зрения содержания подписанных и ратифицированных Казахстаном договоров и соглашений, то получается следующая картина. 7 транзитных соглашений Казахстана пришлось на соглашения с США, Великобританией, Францией, которым в 2007, 2011 годы нужно было получить

транзитные возможности для перевозки военных грузов, имущества и военного персонала в Афганистан для борьбы с талибанами. Транзит нефти через территорию Казахстана обеспечивают 6 двусторонних соглашений республики. Казахстаном предпринята попытка транзитного обеспечения для авиатранспорта в виде 1 (одного) соглашения. Транзитные проблемы решаются в процессе реализации 7 соглашений Казахстана с другими странами по вопросам карантина растений, животных ветеринарии. Отдельную группу договоров составляют транзитные соглашения Казахстана по вопросам передвижения иностранных граждан, неграждан по территории страны. Эти вопросы получили урегулирование в 11 соглашениях о взаимных поездках, о перевозках пассажиров, о передаче осужденных лиц, о подготовке кадров для обеспечения антитеррористической борьбы. К этой же группе примыкают соглашения о приеме и транзите лиц в порядке реадмиссии. Эти соглашения составляют группу из 26 соглашений о редмиссии. Заслуживает внимания еще одна небольшая группа, которая регулирует вопросы транзита электроэнергии через территорию Казахстана. В составе этой группы находятся 3 международно-правовых акта. Значительную группу соглашений Казахстана составляют договорные акты Казахстана о транзите товаров различного назначения, которых насчитывается не менее 12. Большое значение в русле рассматриваемой темы имеют договоры и соглашения о перевозках грузов и товаров различными видами транспорта, где вопроса транзита уделяется определенное внимание.

Определенный интерес представляют внутригосударственные документы и законы, подзаконные акты Республики Казахстан, которые имеют отношение к урегулированию транзитных проблем. Они имеют преимущественно экономический характер. Об этом можно судить по названиям и содержанию этих договоров и соглашений. К внутригосударственным актам Казахстана, имеющим отношение к транзитным вопросам, можно отнести Кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2017 года «О таможенном регулировании в Республике Казахстан», Указ Президента Республики Казахстан от 19 марта 2010 года «О государственной программе развития и интеграции инфраструктуры транспортной системы Республики Казахстан до 2020 года», государственную про-

грамму инфраструктурного развития «Нурлы жол» на 2015-2019 годы.

Теперь необходимо приступить к анализу наиболее характерных международно-договорных актов, имеющих отношение к транзиту грузов, товаров. Одним из таких актов является Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии об обеспечении транзита военного имущества и персонала через территорию Республики Казахстан в связи с участием Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в международных усилиях по стабилизации и восстановлению Исламской Республики Афганистан, заключенного 27 февраля 2012 года. Подписание этого и других аналогичных транзитных соглашений Казахстана было вызвано тем, что с начала 2000-х годов по настоящее время Афганистан является одним из источников международного терроризма («Аль-Каида» и движение «Талибан»). В этой связи основным элементом политики стран-членов Организации Североатлантического договора (НАТО), а Великобритания является крупнейшей страной-участницей НАТО, был и остается антитерроризм. Поэтому транзитно-договорное обеспечение необходимых военных грузов и военнослужащих стало одним из действенных средств подавления терроризма.

В целом Соглашение соответствует предъявляемым к подобным документам требованиям, как в содержательном плане, так и в плане юридической техники. Вместе с тем, нами вносятся некоторые предложения, которые могли бы способствовать совершенствованию подобного рода транзитных соглашений на будущее.

В соответствии с пунктом 4 статьи 7 анализируемого Соглашения в случае совершения посадки на территории Республики Казахстан, находящийся на борту воздушного судна персонал не может покидать место посадки воздушного судна без согласия компетентных органов Республики Казахстан, за исключением случаев, когда нахождение на борту воздушного судна ставит под угрозу жизнь или здоровье персонала.

Ущерб, который британская Сторона может причинить третьим лицам на территории казахстанской стороны,

возмещается согласно положениям пункта 5 статьи VIII Соглашения NATO-SOFA (Status of Forces Agreement, 19 June 1951). Статья 917 Гражданского кодекса Республики Казахстан гласит: 1. Вред (имущественный и (или) неимущественный), причиненный неправомерными действиями (бездействием) имущественным или неимущественным благам и правам граждан и юридических лиц, подлежит возмещению лицом, причинившим вред, в полном объеме. 3. Вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом и иными законодательными актами. В статье 9 Соглашения заложено ограничение права на возмещение вреда (имущественного и (или) неимущественного), причиненного правомерными или неправомерными действиями (бездействием), что находится в противоречии с нормами Гражданского кодекса Республики Казахстан. Поэтому, думается, что для гарантированности и защищенности прав физических и юридических лиц Казахстана, целесообразно предусмотреть в национальном законодательстве Республики Казахстан правовой механизм возмещения такого вреда государством.

В целом Соглашение довольно широко регулирует вопрос транзитного пролета военных воздушных судов через территорию Республики Казахстан. В этой связи нужно, чтобы в Законе Республики Казахстан «Об использовании воздушного пространства Республики Казахстан и деятельности авиации» этот вопрос регламентировался гораздо шире (в законе этому посвящено лишь несколько положений (выдача разрешения, согласование)).

Другим типичным соглашением является Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Советом Министров Боснии и Герцеговины о международных автомобильных перевозках пассажиров и грузов от 10 марта 2015 года. Таких соглашений, в которых в той или иной мере регулируются вопросы транзита, Казахстан подписал несколько десятков.

В последние годы к международным автомобильным перевозкам было допущено более 20 тысяч автотранспортных средств, в их составе по системе «международные дорожные перевозки» (МДП) были задействованы более 6 тысяч большегрузных автомобилей. Чтобы обеспечивать бесперебойные перевозки грузов Казахстан каждый год участвует во взаимном обмене бланками раз-

решений с 38 странами как Европы, так и Азии. Все эти автомобили в той или иной мере участвуют в перевозке транзитных грузов

Было бы желательно совершенствовать текст анализируемого Соглашения, поскольку это способствовало бы совершенствованию практически все подобных соглашений. В преамбуле Соглашения записано: «Правительство Республики Казахстан и Совет министров Боснии и Герцеговины, в дальнейшем именуемые Сторонами, руководствуясь стремлением к дальнейшему развитию автомобильного сообщения и транзита через территории их государств, согласились о нижеследующем:». В преамбуле рассматриваемого нами Соглашения не указана подлинная цель Соглашения. Смысл, цель Соглашения состоит не в том, чтобы гонять туда и обратно автомобили, а в том, чтобы с помощью автомобилей обеспечивать перевозку пассажиров, товаров и грузов и укреплять тем самым двусторонние культурные и торгово-экономические отношения. Поэтому желательно включить в текст преамбулы Соглашения следующее дополнительное положение: «желая укреплять двусторонние культурные и торгово-экономические отношения между государствами». Текст преамбулы данного Соглашения мог бы выглядеть так: «Правительство Республики Казахстан и Совет министров Боснии и Герцеговины, в дальнейшем именуемые Сторонами, руководствуясь стремлением к дальнейшему развитию автомобильного сообщения и транзита через территории их государств, *желая укреплять двусторонние культурные и торгово-экономические отношения между государствами*, согласились о нижеследующем:».

Статья 3 Соглашения среди приведенных в данной статье Соглашения не содержит терминов: «международные автомобильные перевозки», «транзит», «компетентный орган», «отдельный Протокол», которые также встречаются в тексте данного Соглашения и которые надо раскрывать с учетом особенностей данного Соглашения. Было бы желательно статью 3 Соглашения дополнить этими терминами и дать каждому из них подобающее ему определение.

В статьях 1, 4, 5, 6, 7, 11 Соглашения приводятся некоторые вопросы транзитных перевозок. В приведенных статьях Соглашения вопросы транзита, транзитных перевозок как бы вскользь регулируют этот вид перевозок грузов. Между тем транзит является

важной темой, поскольку между двумя странами находятся земли (транзитные территории) многих государств. Мы полагаем, что было бы желательно в отдельной статье Соглашения в развернутом виде урегулировать разные вопросы и особенности транзитных перевозок.

В статье 3 Соглашения дано определение понятию «разрешение»: «Разрешение - документ, выдаваемый компетентным органом государства одной Стороны и дающий право/возможность транспортному средству, зарегистрированному в государстве другой Стороны, на проезд по/через территорию государства Стороны, выдавшей разрешение;». Разрешение не может быть бессрочным, поэтому отсутствие в определении данного понятия указания на срок действия разрешения делает данное определение неточным, неполным. В связи с этим автор рекомендует несколько уточненное определение понятия «разрешение»: «Разрешение – документ с определенным сроком действия, выдаваемый компетентным органом государства одной Стороны и дающий право/возможность транспортному средству, зарегистрированному в государстве другой Стороны, на проезд по/через территорию государства Стороны, выдавшей разрешение;». Как видим, в этом определении понятие транзита присутствует в достаточной мере.

Статья 7 Соглашения предусматривает: «Разрешения, упомянутые в статье 6 настоящего Соглашения, не требуются для перевозок: ... 5) грузов на автотранспортных средствах, максимально полный допустимый вес которых, включая полный вес прицепа, не превышает шести тонн, или максимально полезная допустимая нагрузка которых, включая полезную нагрузку прицепа, не превышает трех с половиной тонн;». Автор этих строк рекомендует дополнить статью 7 Соглашения нормами, которые регламентировали бы порядок выдачи разрешений на осуществление таких перевозок. По моему мнению, было бы целесообразно статью 7 Соглашения дополнить абзацем следующего содержания: «Стороны определяют порядок о том, как выдаются разрешения на перевозки крупногабаритных, тяжеловесных и опасных грузов по транзитной территории, а также перевозки из/в третьи государства, уполномочивают компетентные органы договаривающихся сторон заниматься выдачей таких разрешений».

Отсутствует четкое урегулирование процесса перевозки опасных транзитных грузов. В тексте статьи 9 Соглашения перевозка крупногабаритных грузов смешана с перевозкой опасных грузов. Их надо разделить и регулировать отдельно. Вряд ли целесообразно опираться на положения Европейского соглашения о международной дорожной перевозке опасных грузов, совершенного в Женеве 30 сентября 1957 года, поскольку не исключается в будущем аннулирование текста Соглашения полностью или в части, не исключается выход государства-участника из состава участников данного регионального Соглашения. Поэтому договаривающимся сторонам целесообразно самим детально урегулировать перевозку опасных грузов с приведением Перечня опасных грузов, для перевозки которых требуется специальное разрешение. Такой Перечень необходим для четкого исполнения данной нормы всеми участниками – исполнителями рассматриваемого Соглашения. Было бы целесообразно в отдельной статье анализируемого Соглашения детально урегулировать процедуры перевозки опасных грузов; Перечень опасных, в том числе транзитных, грузов надо бы привести в качестве Приложения к данному Соглашению, которое могло бы стать неотъемлемой частью данного Соглашения.

Необходимо отметить, что Соглашение предусматривает запрещение осуществления перевозок пассажиров или грузов между пунктами, расположенными на территории государства Стороны. Данное положение будет иметь благоприятное влияние на миграционную политику и экономическую безопасность государств сторон.

Интересны проявления таможенного транзита европейского сообщества во внутренних в внешних аспектах. Установленные нормы транзита ЕС могут применяться не только внутри Европейского союза, но и в тех странах, которые не входят в Европейский союз. Но правовые основания использования транзита в данных государствах разные. Например, Исландия, Норвегия и Швейцария совершают свои транзитные действия на основе Конвенции об общей процедуре транзита 1987 года. Лихтенштейн применяет транзит Европейского союза, руководствуясь нормами Соглашения о таможенном союзе со Швейцарией 1923 года. Члены ЕАЭС (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия) могут изу-

чить тонкости применения транзита на территории Европейского союза и использовать опыт этой европейской интеграции в транзитной деятельности Евразийского экономического союза. ЕАЭС и государства-члены могли бы присоединиться к приведенной выше Конвенции об общей процедуре транзита 1987 года, изучить ее и практику ее использования.

В общем виде предложения по транзиту можно сформулировать в следующем виде: 1)желательно разработать и подписать специализированные двусторонние соглашения о транзите по всем видам транспорта (по авиатранспорту, железнодорожному транспорту, автомобильному транспорту, речному транспорту); 2)было бы целесообразно разработать на уровне ООН и подписать его членами универсальный международный договор о транзите грузов, товаров, пассажиров; 3)было бы желательно в рамках Евразийского экономического союза разработать и принять его государствами-членами договор о транзите в рамках данной интеграции; 4)надо бы более глубоко изучить опыт европейской интеграции по вопросам транзита и транспорта.

РОЛЬ ВТО В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТОВ, НЕ СООТВЕТСТВУЮЩИХ МЕЖДУНАРОДНЫМ СТАНДАРТАМ

Назерке Калмураткызы Сыбанбаева

*Студент магистратуры 5 курса кафедры международного права
юридического института РУДН*

В нынешнее время стремительной урбанизации, непрерывного роста населения меняется образ жизни и их рацион питания, что приводит к трансформации привычных условий производства и потребления продовольственных продуктов. Поэтому неудивительно, одной из главных задач XXI века является обеспечить население продовольственной и пищевой безопасностью.

На Всемирном саммите по продовольственной безопасности прошедшем в 2009 году было так же отмечено об ухудшении ситуации с безопасностью пищевых продуктов, что продолжает представлять большую угрозу. Это ухудшается и тем, что данная угроза представляет риск не только той стране, в которой была нарушена безопасность пищевых продуктов, но и для других соседствующих стран. В качестве примера можно привести загрязнение продуктов химическими, так и микробиологическими путями такими как Сальмонелла, Эбола-Рестон¹. Кроме того, с развитием научных технологий появляются и другие противоречия, связанные с применением антибиотиков, гормонов и других химических веществ в производстве пищевых продуктов.

Одним из главных условий достижения глобальной безопасности пищевых продуктов становится осуществление международно-правового контроля и взаимодействия государств в данной сфере. Решение данной проблемы может быть достигнуто при условии внедрения государствами национального законодатель-

¹ См.: Азходжаева Р.А. Международно-правовое регулирование охраны здоровья в рамках ВТО. М., 2008. С.25-34; 35-64.

ства², основанной на современной практике, в соответствии с международными стандартами и требованиями.

Всемирная торговая организация (далее ВТО) играет основную роль в международной системе обеспечения безопасности пищевых продуктов. За все время существования ГАТТ и впоследствии ВТО постепенно происходило расширение круга ее полномочий начиная от регулирования тарифных к нетарифным методам, и заканчивая увеличением тех сфер, которые касались внутренней компетенции государств. Это отмечается еще и тем, что в рамках ВТО существует большое количество соглашений по вопросам регулирования безопасности пищевых продуктов, как Соглашение по применению санитарных и фитосанитарных мер (далее СФС), Генеральное соглашение по тарифам и торговле, Соглашение по техническим барьерам в торговле. Обеспечение и контроль выполнений вышеуказанных соглашений возложены на определенные органы ВТО, таких как Комитет по санитарным и фитосанитарным мерам и Комитет по техническим барьерам. Споры, возникающие по данным вопросам, передаются в Орган по разрешению споров (далее ОРС) ВТО.

Все государства-члены ВТО заботятся о здоровье своих граждан, в следствии чего, ограничение допуска товаров, небезопасных в санитарном или фитосанитарном отношении на национальные рынки является обычной практикой. Однако, введение таких ограничительных санитарных или фитосанитарных мер может в какой-то мере противоречить правилам ВТО и стать основанием для возникновения международного спора.

В последнее время происходит усиление координационных функций ВТО в сфере продовольственной безопасности, что в свою очередь усиливает сотрудничество и взаимодействие с иными участниками торговой системы и международными организациями как ФАО, ВОЗ, Комиссия Кодекс Алиментариус.

²См.: Моисеев Е.Г. Правовые вопросы сотрудничества государств по обеспечению продовольственной безопасности // Аграрное и земельное право. 2008. № 10. С. 76-82; Моисеев Е.Г. Международно-правовые основы обеспечения продовольственной безопасности // Аграрное и земельное право. 2009. № 8. С. 50-55.

Безопасность пищевых продуктов является одной из основных задач обеспечения продовольственной безопасности всей страны. Поэтому, у всех государств членов ВТО возникает необходимость сформировать какую-то систему обеспечения пищевой безопасности, которая будет способна эффективно защитить население страны от недоброкачественной продукции³. Более того, обеспечивать свою продукцию соответствию международным стандартам.

Для того, чтобы подтвердить качество выпускаемых продуктов питания, производитель проходит специальную процедуру — сертификацию на соответствие требованиям национальных и международных стандартов. Сертификация осуществляется независимыми организациями, после чего выдается специальный документ в письменной форме. Сегодня практически на все продукты питания распространяются требования обязательного декларирования, что является доказательством того, что стандарты качества продуктов питания полностью выполняются. К таким стандартам, в частности, относятся международные стандарты *BRC* и *IFS*.

BRC Global Standard for Food Safety – международный стандарт для пищевой промышленности. Первоначально был выпущен в 1998 году Британским консорциумом операторов розничной торговли (*British Retail Consortium*). В настоящее время действует 5 версия стандарта (*Issue 5*), введенная с 1 января 2008 года. В 2011 г. планируется выход новой версии стандарта.

Стандарт *BRC* направлен на обеспечение функционирования надлежащим образом всей цепочки поставок продукции, контроля над безопасностью продукции на каждом этапе цепочки поставки. *BRC* основывается на сочетании принципов HACCP, систем управления качеством, а также регламентирует применение надлежащей производственной практики (*GMP*).

Требования стандарта предъявляются к торговым сетям, производителям пищевой продукции, предприятиям общественного питания, импортерам и поставщикам в части обеспечения без-

³ См.: Golay C. Droit à l'alimentation et accès à la justice, Thèse présentée pour l'obtention du grade de Docteur en relations internationales (Droit international), Genève, Université de Genève, IHEID, 2009, P.254.

опасности продуктов, включая упаковку и неукоснительного выполнения законодательных требований.

Международный стандарт *IFS* представляет собой инструмент, помогающий торговым сетям проводить оценку своих поставщиков, а именно: предприятий пищевой промышленности и компаний, осуществляющих расфасовку продуктов питания для реализации в розницу. Стандарт *IFS* широко используется в Австрии, Польше, Швеции, Италии и других странах. *IFS* создал единую основу для взаимной оценки продавцов, поставщиков и изготовителей товаров продовольственной группы. Сертификат *IFS* дает наиболее полную гарантию для потребителя, что конкретная пищевая продукция соответствует всем необходимым требованиям по качеству и безопасности.

Стандарты пищевой безопасности *BRC* и *IFS* созданы для обеспечения соблюдения поставщиками всех установленных норм и способности предприятий розничной торговли гарантировать качество и безопасность продаваемых ими пищевых продуктов.

Существуют и другие международные стандарты, которые обеспечивают прозрачность в отношении безопасности пищевых продуктов, как Кодекс Алиментариус. Кодекс Алиментариус разрабатывает международные стандарты на пищевые продукты, руководства и инструкции, которые регулируют безопасность и качество пищевых продуктов, поступающих на мировой рынок, а также обеспечивают соблюдение условий «справедливой торговли». Потребители могут быть уверены в качестве и безопасности продуктов, которые они покупают, а импортеры могут быть уверены в том, что пищевые продукты, заказанные ими, будут соответствовать своим спецификациям⁴.

Стандарты Кодекс Алиментариус являются нормами «мягкого» права, поэтому имеют рекомендательный характер. Тем не менее анализ норм Соглашений ВТО позволяет утверждать, что стандарты Кодекс Алиментариус считаются научно обоснованными

⁴ Food security: concepts and measurement : URL: <http://www.fao.org> (дата обращения 13 января 2018 г.)

ми, и признаны эталоном, в соответствии с которым оцениваются национальные меры и правила государств-членов ВТО⁵.

Следует отметить еще одну из важных составляющих роли ВТО в качестве координатора инициативы обеспечения безопасности пищевых продуктов. К примеру, Орган по разрешению споров в ВТО рассматривал множество дел в отношении нарушения стандартов пищевой безопасности. Решения ОРС ВТО оказывают важное воздействие на унифицированное толкование положений соглашений ВТО, в частности относительно Соглашения ТРИПС и Соглашения СФС. Решения ОРС ВТО помогают государствам-членам выстраивать свою торговую политику таким образом, чтобы не нарушить в дальнейшем положений Соглашений ВТО.

Так же существуют мнения, что имеющиеся соглашения ВТО (Соглашение о технических барьерах в торговле (ТБТ) и Соглашения о применении санитарных и фитосанитарных мер (СФС) не предоставляют должного уровня международной продовольственной безопасности. Серьезную проблему безопасности продовольствия создают новые пищевые продукты, полученные при помощи генетической модификации. Применяемые к этому вопросу положения соглашений системы, ВТО крайне неконкретны и порождают множество разногласий между членами ВТО. На основании вышеуказанного можно сделать вывод о том, что ВТО обязана сыграть важную роль в обеспечении безопасности пищевых продуктов и выступить в качестве международного координатора в сфере безопасности пищевых продуктов, прежде всего, в сотрудничестве с ВОЗ и ФАО. Посредством укрепления связей и сотрудничества с международными организациями, которые непосредственно занимаются разработкой международных стандартов усиливается роль ВТО, а именно координационная функция в сфере обеспечения пищевой безопасности.

⁵ Codex Alimentarius. International food standards. Rome: World Health Organization & Food and Agriculture Organization of the United Nations; 2013. URL: <http://www.codexalimentarius.org/> [дата обращения 24 февраля 2018 г.].

ДОБРОСОВЕСТНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ – УСЛОВИЕ ПОСТРОЕНИЯ ЗДОРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Анна Константиновна Черняева

*Студент 3 курса юридического факультета
ФГБОУИ ВО «Московский государственный
гуманитарно-экономический университет»
Chernjaeva-rg@mail.ru*

Современный период времени характеризуется ростом глобализации в мировом масштабе, и в первую очередь это означает, что экономики разных государств очень плотно взаимосвязаны друг с другом. Открытый рынок глобальной торговли способствует свободному и постоянному перемещению товаров. Этот процесс, конечно, регулируется способами, предусмотренными законодательством конкретных стран, но особенно важным моментом в этом взаимодействии является следование принципам добросовестной конкуренции, которые признаются всеми цивилизованными странами.

Создание торговых барьеров, путем различных схем и программ, пусть даже и под «благородной» идеей – всегда выгодно очень небольшому количеству людей – тем, кто владеет фирмами, производящими товар, который теперь защищен от конкуренции. Но эта выгода – огромная. Примером является программа импортозамещения в России. По сути, это механизм протекционизма, который выгоден тем, кого защищают от конкуренции, и вреден для всех остальных. Например, протекционизм в области сельского хозяйства выгоден владельцам агрохолдингов – и невыгоден всем остальным гражданам¹. Таким образом, можно сказать, что одной из ключевых проблем, препятствующих построению здоровой экономики, является

¹ <https://meduza.io/feature/2017/07/21/net-smysla-izobretat-kakie-to-retsepty-po-ka-ne-otmeneny-kontrsancktsii> (дата обращения: 05.04.2018 г.).

недобросовестная конкуренция, которая затрагивает практически все сферы экономических отношений.

В настоящее время правовые основы добросовестной конкуренции заложены в статьях 5 и 34 Конституции РФ, из которых, согласно толкованию Конституционного Суда РФ, вытекает обязанность государства поддерживать конкуренцию, пресекать монополистическую конкуренцию², предупреждать и пресекать недобросовестную конкуренцию, не допускать ограничение и устранение конкуренции³.

Вопросы конкуренции затрагиваются в таких базовых документах политико-правового характера, как Стратегия национальной безопасности РФ⁴ и Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г.⁵ По большей части данные документы упоминают недобросовестную конкуренцию, которая признается одной из угроз национальной безопасности в области экономики.

Организационно-правовые основы добросовестной конкуренции закреплены в федеральных законах «О защите

² Определение Конституционного Суда РФ от 16.11.2000 г. № 237-О «По запросу Арбитражного суда Костромской области о проверке конституционности положений абзаца третьей статьи 12 Закона Российской Федерации «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»» [Электронный ресурс] // СПС Консультант-Плюс.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.01.2013 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения части 5 статьи 19.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Маслянский хлебоприемный пункт»» // ВКС РФ. 2013. № 4.

⁴ Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (Ч. II). Ст. 212.

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р (ред. от 10.02.2017) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») // СЗ РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

конкуренции»⁶, «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»⁷.

На реализацию конституционных положений о добросовестной конкуренции как условия здоровой экономики направлен, принятый 21 декабря 2017 года Указ Президента РФ «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции»⁸, который утвердил Национальный план развития конкуренции на 2018-2020 годы (далее – Национальный план), закрепил основные направления развития конкуренции, базовые ценности, цели и принципы государственной политики ее реализации и является целевым программным документом.

Для реализации Национального плана развития конкуренции в 2018 году следует разработать более десятка законопроектов. Среди них особенно выделяются изменения законодательства, которые ограничат создание унитарных предприятий на конкурентных рынках и о запрете приобретения государством и муниципалитетами акций и долей компаний, функционирующих в условиях конкуренции. Следующий блок законопроектов затронет сферу тарифного регулирования. Поправками планируется поэтапное прекращение тарифного регулирования в конкурентных сферах. Кроме того, Правительству РФ до 1 июля 2018 г. необходимо утвердить план по переходу отдельных сфер из естественно-монопольного в состояние конкурентного рынка. Отдельным направлением реализации Указа Президента РФ являются отраслевые планы развития конкуренции, в которых содержатся перечни ключевых показателей и ожидаемых результатов.

Федеральная антимонопольная служба России в своей деятельности сталкивается с недобросовестными участниками

⁶ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. - 31.07.2006. № 31 (1 ч.). - ст. 3434.

⁷ Федеральный закон от 28.12.2009 г. № 381-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 2.

⁸ Указ Президента РФ от 21.12.2017 г. № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» // СЗ РФ. 2017. № 52 (Ч. I). Ст. 8111.

гражданского оборота, которые готовы совершить противоправные действия с одной единственной целью – получение преимущества на рынке.

Можно привести некоторые примеры недобросовестной конкуренции.

Так, ФАС России установила, что действия ПАО «Юнипро», которое после аварии, не могло осуществлять поставку мощности, но продолжало получать оплату от потребителей по заключенным договорам, привели к ущемлению интересов потребителей⁹. Тем самым были нарушены положения ч. 1 ст. 10 Федерального закона «О защите конкуренции».

В другом случае, ООО ПК «Фарм-Про» использовала в упаковке товара цветковое оформление, изображение животного и созвучное название, сходные до степени смешения с гематогеном Фармстандарта. Несмотря на наличие отдельных малозначительных отличий, совокупность элементов дизайна упаковки «Ferrum Гематоген» привело к смешению этого товара с гематогеном компании «Фармстандарт», что, вероятно, было сделано намеренно. Такие действия ООО ПК «Фарм-Про» 15 января 2018 г. Комиссией ФАС России были признаны актом недобросовестной конкуренции, запрет на которую предусмотрен Законом о защите конкуренции¹⁰.

На практике встречаются и примеры манипуляции ценами на розничном рынке электроэнергии. Так, в 2017 году ФАС России возбудила дело в отношении АО «Чеченэнерго» по признакам нарушения антимонопольного законодательства. Предметом его рассмотрения стали незаконные действия гарантирующего поставщика по выставлению счетов потребителям за предыдущие периоды. Анализ сведений показал, что общество систематически превышало предельный уровень средневзвешенной нерегулируемой цены выше допустимых значений для потребителей первой ценовой категории в 2015-2016 гг. Такие действия запрещены действующим законодательством, в частности Правилами определения и применения

⁹ <https://fas.gov.ru/news/23696>.

¹⁰ <https://fas.gov.ru/news/23659>.

гарантирующими поставщиками нерегулируемых цен на электрическую энергию¹¹.

В настоящее время можно говорить о формировании таких негативных явлений как «цифровые картели», об установлении «цены за клик», а также о платформах-агрегаторах, собирающих данные о спросе и предложении. Кроме того, иммунитет, который сейчас закреплен на законодательном уровне, от применения антимонопольного законодательства в отношении результатов интеллектуальной деятельности сдерживает конкуренцию в условиях цифровизации¹².

К эволюции конкуренции приводит усложнение производства, все отрасли становятся цифровыми. Товар цифровой экономики существенно отличается от товара рыночной экономики своими свойствами, такими, как нематериальность, неограниченная воспроизводимость, глобальный характер обращения, нулевая стоимость тиражирования и др. Все это приводит к необходимости развития антимонопольного регулирования. Так, в числе вызовов, стоящих сегодня перед конкуренцией называют высокие скорости изменения рынков, иную экономическую модель, размытие границ отраслей¹³.

Действующее ныне законодательство не в полной мере приспособлено к работе в цифровой экономике. В связи с чем, насущной проблемой является изменение понятийного аппарата, корректировка факторов, учитываемых при оценке доминирующего положения, исключение иммунитетов на запреты для действий на интеллектуальную собственность в ст. 10 и 11 Закона о защите конкуренции, а также определение нематериальных активов в качестве критерия контроля экономконцентрации¹⁴.

Следует заметить, что ФАС России являясь уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляет функции по контролю и надзору за соблюдением законодательства в сфере конкуренции на товарных рынках,

¹¹ <https://fas.gov.ru/news/23686>

¹² <https://fas.gov.ru/news/24254>

¹³ <https://fas.gov.ru/news/23450>

¹⁴ <https://fas.gov.ru/news/23450>

защиты конкуренции на рынке финансовых услуг, деятельности субъектов естественных монополий и рекламы. В связи с чем, далее следует рассмотреть основные направления деятельности ФАС России, направленные на развитие добросовестной конкуренции как условия здоровой экономики.

Прежде всего, Приказом ФАС России от 29.12.2017 № 1841/17 был утвержден План мероприятий Федеральной антимонопольной службы по реализации Указа Президента Российской Федерации от 21.12.2017 № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции»¹⁵.

Важным направлением работы ФАС России в 2018 году станет кардинальное реформирование стратегии тарифного регулирования. В рамках реализации проконкурентной тарифной политики ФАС России разработан проект постановления Правительства РФ «О государственном регулировании тарифов на услуги субъектов естественных монополий по транспортировке нефти и нефтепродуктов». Целями данного проекта постановления являются закрепление учета складывающейся конъюнктуры рынков нефти при установлении тарифов на услуги субъектов естественных монополий по транспортировке нефти и нефтепродуктов.

Следует обратить внимание на то, что невозможность удовлетворить потребительский спрос отечественным товаром, а также его низкая конкурентоспособность, стимулируют привлечение на российский рынок иностранных производителей. В связи с чем, возникает необходимость следить за конкуренцией, которая должна быть добросовестной. Нельзя просто «не пускать чужих», а нужно конкурировать добросовестно, чтобы не нарушались права не только отечественных предпринимателей, но и иностранных фирм.

¹⁵ Приказ ФАС России от 29.12.2017 № 1841/17 «Об утверждении Плана мероприятий Федеральной антимонопольной службы по реализации Указа Президента Российской Федерации от 21.12.2017 № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции»» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://fas.gov.ru>. (дата обращения: 25.02.2018 г.).

Так, согласно ст. 18 Федерального закона «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»¹⁶, иностранный инвестор обязан соблюдать антимонопольное законодательство Российской Федерации и не допускать недобросовестной конкуренции и ограничительной деловой практики, в том числе путем создания на территории Российской Федерации коммерческой организации с иностранными инвестициями или филиала иностранного юридического лица для производства какого-либо пользующегося повышенным спросом товара, а затем самоликвидации в целях продвижения на рынок аналогичного товара иностранного происхождения, а также посредством злостного соглашения о ценах или о распределении рынков сбыта товара либо об участии в торгах (аукционах, конкурсах).

Особую важность в данном случае приобретает деятельность ФАС, которая следит и за теми и за другими, примером чего является соответствующая практика.

Так, в 2017 г. ФАС России реализовал комплекс мероприятий по созданию эффективных механизмов борьбы с ограничительными деловыми практиками транснациональных корпораций и нарушениями антимонопольного законодательства, носящих трансграничный характер¹⁷. Так, ФАС России в рамках создания эффективных механизмов борьбы с ограничительными деловыми практиками транснациональных корпораций и нарушениями антимонопольного законодательства, носящих трансграничный характер, продолжил работу над Конвенцией по борьбе с картелями. В 2018 г. также планируется продвижение на международном уровне инициативы по принятию данной Конвенции.

ФАС России создает эффективные механизмы борьбы с ограничительными деловыми практиками транснациональных корпораций и нарушениями антимонопольного законодательства,

¹⁶ Федеральный закон от 09.07.1999 г. № 160-ФЗ (ред. от 18.07.2017) «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 28. Ст. 3493.

¹⁷ Отчет о ходе реализации Публичной декларации целей и задач ФАС России в 2017 году [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://fas.gov.ru>. (дата обращения: 25.02.2018 г.).

носящих трансграничный характер. В этом направлении в августе 2017 г. было рассмотрено дело о нарушении антимонопольного законодательства по жалобе АО «Лаборатория Касперского» на действия Microsoft Corporation. Предметом рассмотрения стали практики Microsoft Corporation, направленные на обеспечение преимуществ собственному антивирусному приложению и побуждение пользователей отказываться от антивирусных приложений сторонних разработчиков. В ходе рассмотрения дела ФАС России выдано 2 предупреждения в отношении Microsoft Corporation в результате исполнения которых создало равные условия для разработчиков антивирусных продуктов не только на территории Российской Федерации, но и на всех территориях присутствия Microsoft Corporation, тем самым обеспечив эффективную конкуренцию на глобальном рынке информационных технологий¹⁸.

Одним из механизмов предотвращения создания условий для ограничения конкуренции является согласование сделок экономической концентрации в антимонопольном органе.

Так, в ноябре 2017 г. ФАС России было рассмотрено ходатайство компании «Байер АГ» (Германия) по приобретению 100% голосующих акций компании «Монсанто Кампани» (США). При оценке влияния сделки на состояние конкуренции на российском рынке ФАС России исходила из того, что объединенная компания обладает высокими возможностями, что может позволить ей быстро и эффективно наращивать свое присутствие на рынке, вплоть до доминирования сразу на всех затрагиваемых товарных рынках и созданию высоких барьеров для входа на соответствующие рынки компаний, не обладающих одновременно всеми ресурсами и возможностями. ФАС России пришла к выводу, что данная сделка создает существенные риски

¹⁸ Отчет о ходе реализации Публичной декларации целей и задач ФАС России в 2017 году [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://fas.gov.ru>. (дата обращения: 25.02.2018 г.).

подавления конкуренции, которые необходимо нивелировать на этапе согласования сделки¹⁹.

Таким образом, в настоящее государственное-правовой механизм обеспечения добросовестной конкуренции, включающий все необходимые правовые и институциональные составляющие, находится в стадии своего становления и развития, основы которому положены Президентским Указом № 618. О том насколько эффективным являются заложенные в данном Указе Президента РФ положения, направленные на обеспечения добросовестной конкуренции, покажет практика его реализации.

¹⁹ Отчет о ходе реализации Публичной декларации целей и задач ФАС России в 2017 году [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://fas.gov.ru>. (дата обращения: 25.02.2018 г.).

ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ИНВЕСТИЦИЯ» В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО АРБИТРАЖА

Ольга Сергеевна Шапошникова

*Соискатель кафедры международного частного
и гражданского права им. С.Н. Лебедева
Московский государственный институт (университет)
международных отношений Министерства иностранных дел
Российской Федерации
olga.shaposhnikova.2016@gmail.com*

Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) в 2015 г. представила Дорожную карту реформирования международных инвестиционных соглашений¹ (далее МИС/ДИД²) (2017 г. – обновленная редакция), где одним из направлений является совершенствование понятия «инвестиции».

Кроме того, уже началась работа по созданию международного инвестиционного суда. Так, по предложению Европейской комиссии³ планируется подготовка Конвенции по созданию мно-

¹ UNCTAD, World Investment Report 2015: Reforming the International Investment Regime: An Action Menu. New York and Geneva, 2015. P. 113, 143.

² Под международными инвестиционными соглашениями (далее МИС) (International Investment Agreements (IIA)) понимаются в том числе двусторонние соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений (далее ДИД) (Bilateral Investment Treaties (BIT)), а также многосторонние инвестиционные соглашения, в том числе соглашения об экономической интеграции, в частности, соглашения о свободной торговле (Free Trade Agreements (FTA)), в которые также иногда включаются положения о защите инвестиций, предусматривающие МИА. Обозначения «ДИД» и «МИС» используются как взаимозаменяемые в том числе в данной статье.

³ European Commission, Recommendation for a COUNCIL DECISION authorising the opening of negotiations for a Convention establishing a

гостороннего суда по разрешению инвестиционных споров (*Convention establishing a multilateral court for the settlement of investment disputes*), которая будет носить универсальный характер, и переговоры по ее подготовке проводятся под эгидой Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) (Рабочая группа III), которая также занимается вопросами реформирования механизма международного инвестиционного арбитража (далее МИА).

При этом сохраняется возможность МИА, в том числе на основе Договора к Энергетической Хартии 1994 г. (далее ДЭХ), первый этап модернизации которого завершился в мае 2015 г. подписанием Международной Энергетической Хартии 87 странами мира⁴. 28 ноября 2017 г. Конференция по Энергетической Хартии приняла решение в отношении возможной модернизации текста ДЭХ с целью совершенствования его положений, в том числе в части понятия «инвестиции»⁵.

Содержание понятия «инвестиции» имеет важное значение при установлении предметной компетенции МИА.

Вместе с тем, как справедливо отмечалось в деле *Salini Costruttori S.p.A. and Italstrade S.p.A. (Italy) v. Kingdom of Morocco* (Салини против Марокко) (2000 г.) на основе ДИД Италия — Марокко 1991 г., для установления предметной компетенции МИА необходимо выполнение двух условий: 1) наличие инвестиции как на основе ДИД, так и на основе Конвенции о разрешении инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами 1965 г. (далее Вашингтонская конвенция); 2) наличие иска, основанного на нарушении ДИД⁶.

multilateral court for the settlement of investment disputes. COM (2017) 493 final. – Brussels, 13.09.2017.

⁴ URL: <https://energycharter.org/process/international-energy-charter-2015/overview/> (дата обращения 22.04.2018).

⁵ Energy Charter Secretariat, Decision of the Energy Charter Conference, Modernization of the Energy Charter Treaty, CCDEC2017. Brussels, 28 November 2017.

⁶ *Salini Costruttori S.p.A. and Italstrade S.p.A. v. Kingdom of Morocco*, IC-SID Case No. ARB/00/4 00/4. Decision on Jurisdiction, July 23, 2001. Para. 36.

Указанный в пункте 2 иск должен быть вызван мерами государства в качестве суверена (*acta jure imperii*) (*puissance publique*)⁷, то есть носителя верховной власти.

Для установления наличия инвестиции необходимо, чтобы заявленные в споре активы подпадали под перечень активов, включенных в понятие «инвестиции», а также отвечали другим требованиям ДИД/МИС, в том числе находились во владении или контролировались инвестором и осуществлялись им правомерно (законно) в пределах территории государства-реципиента инвестиций.

Если требование правомерности (законности) прямо не предусмотрено в ДИД/МИС, то оно считается подразумеваемым. Предлагается дополнить это условие требованием добросовестности (Индия), а также условием соблюдения международных стандартов ответственных инвестиций (ЮНКТАД).

Кроме того, необходимо соблюдение требований ст. 25(4) Вашингтонской конвенции, в соответствии с которой любое государство, участвующее в конвенции, может уведомить Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (далее МЦУИС) о виде или о видах споров, которые оно считает или не считает подпадающими под юрисдикцию МЦУИС.

Сфера действия ДИД/МИС также может быть ограничена. Например, согласно ст. 1(6) ДЭХ «Инвестиция», среди прочего, относится к любой инвестиции, связанной с «Хозяйственной Деятельностью в Энергетическом Секторе». В этой связи возникают некоторые спорные вопросы в том числе при рассмотрении в качестве инвестиций прав требования по денежным средствам (*claims to money*).

Также требуется соответствие – хотя бы частичное, с учетом конкретных обстоятельств дела – специфическим характеристикам инвестиций, прямо не предусмотренным ни текстом Вашингтонской конвенции, ни ДИД/МИС старого поколения, но получившим широкую, хотя и неоднозначную, поддержку в доктрине и практике разрешения инвестиционных споров, а именно: 1) вклад инвестора (вклад денежных средств и (или) каких-либо других активов,

⁷ De Brabandere E. Investment Treaty Arbitration as Public International Law: Procedural Aspects and Implications. Cambridge, 2014. P. 36.

в том числе технологий); 2) определенная продолжительность осуществления инвестиций (минимальные сроки из истории подготовки Вашингтонской конвенции: 2(3)–5 лет); 3) принятие риска (рыночного / кредитного / политического и пр.); 4) вклад в экономическое развитие государства-реципиента инвестиций – тест Салини (*Salini test*)⁸; а также 5) периодичность получения (либо ожидание) выгоды или прибыли – критерий, который не вошел в тест Салини⁹, но также иногда применяется.

Только квалифицированным инвестициям предоставляется международно-правовая защита на основе ДИД/МИС, в том числе в порядке МИА.

Многие ДИД/МИС старого поколения, включая ДЭХ, содержат открытый перечень активов¹⁰, подпадающих под понятие «инвестиции».

Так, согласно ст. 1(6)(с) ДЭХ «Инвестиция» означает все виды активов, находящихся в собственности или контролируемых прямо или косвенно инвестором, и включает право требования по денежным средствам и право требования выполнения обязательств по контракту, имеющему экономическую ценность и связанному с инвестицией» (*claims to money and claims to performance pursuant to contract having an economic value and associated with an investment*).

Однако права требования по денежным средствам могут возникнуть и из обычной коммерческой сделки купли-продажи товаров (оборудования) или оказания услуг (энергоснабжения) или кредитования / займа, споры из которых, могут рассматриваться в

⁸ *Salini Costruttori S.p.A. and Italstrade S.p.A. v. Kingdom of Morocco*, ICSID Case No. ARB/00/4 00/4. Decision on Jurisdiction, July 23, 2001. Para. 52.

⁹ Schreuer C., Dolzer R. *Principles of International Investment Law*. 2nd ed. Great Britain, 2012. P. 75.

¹⁰ Вместе с тем встречаются исключения. Так, ст. 1139 Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА) 1991 г. (North American Free Trade Agreement (NAFTA)) содержит широкий, но исчерпывающий перечень активов, подпадающих под понятие «инвестиции» а также негативный перечень в отношении прав требования по денежным средствам. См.: Dugan C.F., Wallace D., Jr., Rubins N.D., Sabahi B. *Investor-State Arbitration*. New York, 2014. P. 251–252.

порядке, предусмотренном для коммерческих споров, включая международный коммерческий арбитраж, а не посредством МИА, предусматривающим международно-правовую ответственность государства и являющимся в процессуальном смысле слишком длительным и затратным.

В этой связи следует отметить, что соответствующие инвестиционные споры, связанные с правами требования по денежным средствам, могут возникнуть при реализации так называемых соглашений о правительственных закупках (*government procurement agreements*).

Соответствующие договоры, например, могут заключаться в связи с развитием туристической инфраструктуры и строительством гостиниц, дорог (автострад¹¹) (договор концессии), организацией энергоснабжения. Такие проекты могут быть довольно сложно структурированы, образуя целую систему сделок, включая договоры займа (кредитования)¹², заемщиком в которых будет, как правило, заказчик (как правило, государственное предприятие или предприятие, находящееся под контролем государства).

Более того, указанные займы (кредиты) могут браться в том числе путем выпуска государственных ценных бумаг, в том числе векселей, облигаций¹³.

При реализации соглашений о правительственных закупках заказчик в силу различных обстоятельств, в том числе связанных с экономическими проблемами (кризисами) государства, может оказаться не в состоянии выполнять свои контрактные обязательства. Более того, указанные трудности могут сопровождаться принятием соответствующих нормативных правовых актов (*acta jure imperii*), препятствующих исполнению соответствующих денежных обязательств.

¹¹ О деле Салини см.: Ануров В.Н. Право на усмотрение в международных инвестиционных спорах // Третейский суд. № 4(100). 2015. С. 123.

¹² Доронина Н.Г. Семилютина Н.Г. Международное частное право и инвестиции. М., 2012. С. 168–167.

¹³ О делах FEDAX N.V. v. The Republic of Venezuela, Abaclat v. Argentina см.: Schreuer C., Dolzer R. Principles of International Investment Law. 2nd ed. Great Britain, 2012. P. 66, 72; Бородкин С.В. Законодательство об иностранных инвестициях и практика разрешения инвестиционных споров // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 145–148.

Кроме того, в случаях смены правительства и (или) руководителей государственных предприятий или предприятий, находящихся под контролем государства, условия и действительность ранее заключенных контрактов иногда могут пересматриваться или даже оспариваться.

В подобных случаях национальные процедуры разрешения споров, в том числе судебные, могут не приносить успеха (*denial of justice*). Тогда инвестору ничего не останется, как обратиться к международно-правовой защите, в том числе на основе ДИД/МИС, предусматривающим МИА.

В этой связи одним из наиболее сложных и спорных вопросов является вопрос отнесения к инвестициям прав требования по денежным средствам.

Среди споров на основе ДЭХ следует назвать *Remington Worldwide Limited (Gibraltar) v. Ukraine* (Ремингтон против Украины) (2008 г.), связанный с поставкой энергетического оборудования, – арбитражное решение в пользу инвестора; а также споры, связанные с задолженностями по договорам поставки энергоресурсов (энергоснабжения), в том числе *Petrobart Ltd. (Gibraltar) v. Kyrgyzstan*¹⁴ (Петробат против Киргизии) (2003 г.) – арбитражное решение в пользу инвестора; ООО «Энергоальянс» (Украина) v. Республика Молдова (2010 г.) – арбитражное решение в пользу инвестора; ГП «Энергорынок» v. Республика Молдова (2012 г.) – арбитражное решение об отсутствии компетенции.

При рассмотрении прав требования по денежным средствам в качестве инвестиций наиболее эффективным является применение концепции общего единства инвестиционной деятельности (*general unity of an investment operation*), описанной в 1981 г. Лаливом П. (*Pierre Lalive*) в статье, посвященной самому первому инвестиционному спору в МЦУИС – *Holiday Inns S.A., Occidental Petroleum Corporation et al. v. Government of Morocco* (1972 г.)¹⁵, связанному с развитием туристического бизнеса и

¹⁴ Подробнее о деле Петробат см.: Фархутдинов И.З. Международное инвестиционное право и процесс. М., 2010. С. 402–403.

¹⁵ Lalive P. The First 'World Bank' Arbitration (*Holiday Inns v. Morocco*) – Some Legal Problems // *British Year Book of International Law*. Vol. 51.

строительством четырех отелей на территории Марокко, для чего была привлечена хорошо известная американская группа компаний *American group Holiday Inns*, специализирующаяся на гостиничном бизнесе, опыт и технологии которой были так необходимы Марокко. Спор был вызван неисполнением денежных обязательств государственным заказчиком.

Концепция общего единства инвестиционной деятельности неоднократно применялась в арбитражной практике, в том числе в деле *FEDAX N.V. v. The Republic of Venezuela* (Федэкс против Венесуэлы) (1996 г.)¹⁶, а также и в деле *Ceskoslovenska Obchodni Banka, a.s. v. The Slovak Republic* (Чехословацкий Бизнес Банк против Словацкой Республики) (1997 г.), в котором, среди прочего, отмечалось, что инвестиция нередко представляет собой довольно сложную и комплексную деятельность (операцию), состоящую из различных взаимозависимых сделок, и отдельный элемент этой деятельности, рассматриваемый самостоятельно, не во всех случаях может квалифицироваться как инвестиция. Вместе с тем, при условии, что конкретная сделка является неотъемлемой частью общей инвестиционной деятельности, эта сделка квалифицируется как инвестиция¹⁷, – сущность концепции общего единства инвестиционной деятельности.

Кроме того, при рассмотрении в качестве инвестиций прав требования по денежным средствам истцы, ответчики и арбитры для разрешения вопроса о наличии инвестиции прибегали к анализу соответствующих правоотношений и активов в том числе с точки зрения специфических характеристик инвестиций и иногда приходили к противоречащим друг другу выводам.

В некоторых случаях арбитры отказывались применять специфические характеристики инвестиций, мотивируя это тем, что ни Вашингтонская конвенция, ни применимые ДИД/МИС их не

1981. P. 123–162, 159; Schreuer C. Commentary on the ICSID Convention // ICSID Review – Foreign Investment Law Journal. Vol. 11. 1996. P. 350–351.

¹⁶ *FEDAX N.V. v. The Republic of Venezuela*, ICSID Case No. ARB/96/3. Decision on Jurisdiction. Paras. 25, 26.

¹⁷ *Ceskoslovenska Obchodni Banka, a.s. v. The Slovak Republic*, ICSID Case No. ARB/97/4. Decision of the Tribunal on Objections to Jurisdiction, 24 May 1999. Para. 72.

предусматривают. При этом, как правило, ссылались на ст. 31(1) Конвенции о праве международных договоров 1969 г. (далее Венская конвенция), в соответствии с которой «Договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свет объекта и целей договора»¹⁸. Историю Вашингтонской конвенции в этой связи анализировали, прежде всего, исходя из п. 27 Доклада исполнительных директоров Международного банка реконструкции и развития (МБРР) к Вашингтонской конвенции¹⁹, согласно которому договаривающиеся стороны преднамеренно воздержались от принятия какого-либо (экономического или юридического) определения понятия «инвестиция»²⁰, оставив, таким образом, необходимую свободу усмотрения государствам.

В той связи можно возразить, что, вероятно, имелось в виду определение перечня активов, подпадающих под понятие «инвестиции», либо пороговые значения длительности и размера вложений, но никак не сама суть инвестиционной деятельности, которая отражается в специфических характеристиках инвестиций, которые носят объективный характер, хотя и являются лишь индикаторами наличия инвестиций в той степени, что отсутствие одного или нескольких критериев не должно иметь решающего значения для установления наличия инвестиции и компетенции МИА, как отмечается рядом специалистов, в том числе *Schreuer C.* (Шройер К.).

Следует отметить, что при подготовке Вашингтонской конвенции рассматриваемые специфические характеристики инвестиций обсуждались, что нашло отражение в том числе в *travaux*

¹⁸ Так, например, одной из целей ДЭХ является либерализация инвестиций в энергетику и торговлю энергией (шестой абзац преамбулы ДЭХ), что не соотносится с ограничительным толкованием понятия «Инвестиции».

¹⁹ Report of the Executive Directors on the Convention on the Settlement of Investment Disputes between States and Nationals of Other States // ICSID Convention, Regulations and Rules. Washington, 2006. P. 44. Para. 27.

²⁰ *Biwater Gauff v. Tanzania* // *Schreuer C., Dolzer R. Principles of International Investment Law*. 2nd ed. Great Britain, 2012. P. 68.

preparatoires Вашингтонской конвенции²¹ и доктринальных источниках, комментариях к Вашингтонской конвенции²².

В этой связи некоторые специалисты считают, что критериальный подход (*criteria approach*), подразумевающий применение специфических характеристик инвестиций, неприменим при рассмотрении инвестиционных споров без Вашингтонской конвенции.

Однако такое мнение противоречит объективному характеру критериального подхода и мировому значению Вашингтонской конвенции для всей системы международных инвестиционных отношений.

В этой связи следует отметить, что известны арбитражные дела, рассмотрение которых проходило без Вашингтонской конвенции, что, однако, не помешало арбитрам применять критериальный подход, включая критерий вклада в экономическое развитие государства-реципиента инвестиций – критерий, который следует из преамбулы Вашингтонской конвенции.

Например, дело ООО «Энергоальянс» v. Республика Молдова (2010 г.) на основе ДЭХ и ДИД, которое рассматривалось арбитражем *ad hoc* в соответствии с Арбитражным регламентом ЮНСИТРАЛ.

Указанное дело было связано с задолженностью государственного предприятия Молдтрансэлектро (получатель) по трехстороннему договору энергоснабжения, включающему услуги финансового посредника (покупатель), что было необходимо, учитывая строгие правила валютного и таможенного законодательства, для обеспечения своевременной оплаты услуг по договору электроснабжения, предусматривающему поставки электроэнергии на условиях DAF (Инкотермс 1990 г.) с территории Украины до границы Молдавии в течение 1999–2000 годов. При этом финансовый

²¹ ICSID, History of the ICSID Convention. Documents Concerning the Origin and the Formulation of the Convention on the Settlement of the Investment Disputes between States and Nationals of Other States. Washington, 1968. Vol. II-2. Documents 44–146. P. 239, 623, 652–653, 704, 706, 837.

²² Обращение к истории подготовки международного договора при неясности его положений поддерживается ст. 32 «Дополнительные средства толкования» Венской конвенцией.

посредник – *Derimen Properties Ltd. (BVI)* (Дэримен Пропертиз Лтд. (Британские Виргинские острова)) – переуступил свои права требования по денежным средствам по указанному договору поставщику электроэнергии (Энергоальянс), который и выступил истцом. Государство, среди прочего, провело реструктуризацию государственного предприятия Молдтрансэлектро (получатель), в результате чего оно фактически стало неплатежеспособным, хотя средства на погашение долгов также были выделены. Кроме того, попытки разрешить спор в государственных судах к успеху не привели.

Арбитры установили наличие инвестиций, прежде всего, исходя из широкого и неисчерпывающего понятия инвестиций в ст. 1(6) ДЭХ, а также на основе концепции общего единства инвестиционной деятельности.

Кроме того, арбитры проанализировали критерии теста Салини²³ и отметили, что применение специфических характеристик инвестиций, как правило, поддерживает экстенсивное (расширительное) толкование определения понятия «Инвестиции», а также поддержали тезис о том, что единственной объективной характеристикой инвестиций является вклад в экономическое развитие государства-реципиента.

Истец также обосновывал наличие инвестиций на основе теста Салини.

Однако председательствующий арбитр *Pellew D.* (Пеллью Д.) не согласился со своими коллегами – арбитрами, Савранским М.Ю. и Волчинским В.К., в части наличия инвестиций в данном споре и в свое особое мнение обосновал их отсутствие, исходя, среди прочего, также из специфических характеристик инвестиций.

Апелляционный суд Парижа отменил арбитражное решение 12.04.2016, поддержав, среди прочего, доводы Пеллью Д., однако судебное решение было отменено кассационным судом 28.03.2018 в том числе ввиду того, что судом были приняты во внимание

²³ ООО «Энергоальянс» v. Республика Молдова, арбитраж ad hoc, ЮНСИТРАЛ, 2010. Арбитражное решение, 23 октября 2013 г. П. 220; 234–236; 222, 232–233, 237, 240–241.

условия (характеристики инвестиций), прямо не предусмотренные ДЭХ.

Таким образом, несмотря на отсутствие в ДИД/МИС старого поколения специфических характеристик инвестиций, это не помешало их применению в практике разрешения инвестиционных споров.

Позднее некоторые характеристики инвестиций стали включаться в МИС, среди первых соглашений следует выделить Соглашение о свободной торговле США – Сингапур 2003 г. (*US – Singapore Free Trade Agreement (USSFTA)*), типовой ДИД США 2004 г.²⁴, в которые было включено три критерия, в том числе вложение капитала или других ресурсов, ожидание выгоды или прибыли, или принятие риска.

Дорожная карта реформирования МИС²⁵, предложенная ЮНКТАД, отмечает включение в ДИД/МИС специфических характеристик инвестиций, таких как вложение капитала, ожидание прибыли и принятие риска, а также других характеристик инвестиций, в том числе определенная продолжительность инвестиций или, например, «установление длящихся экономических отношений» (ДИД Нигерия – Турция 2011 г.).

Оптимальным представляется использование открытого перечня характеристик инвестиций, как, например, в ст. 8.1 Всестороннего торгового и экономического соглашения между Канадой и ЕС (2016 г.) (*EU – Canada Comprehensive Economic and Trade Agreement (CETA)*): «определенная продолжительность и другие характеристики, такие как вложение капитала или ресурсов, ожидание дохода или прибыли, либо принятие риска».

По данным ЮНКТАД, в настоящее время проводится политическая дискуссия о том, должен ли позитивный вклад в (устойчивое) развитие рассматриваться как дополнительный критерий и какие признаки в этой связи применять (см. типовой ДИД Индии 2015 г.).

²⁴ Dugan C.F., Wallace D., Jr., Rubins N.D., Sabahi B. *Investor-State Arbitration*. New York, 2014. P. 252.

²⁵ UNCTAD's Road Map for IIA Reform. // UNCTAD's Reform Package for the International Investment Regime. 2017. New York and Geneva, 2017. P. 39.

В проекте типового ДИД Индии 2016 г. приводится определение инвестиций через понятие «Предприятия», которое создано и функционирует в соответствии с правом Принимающего государства и которое, среди прочего, имеет свое управление и «реальную существенную деловую деятельность на территории Принимающего государства», которая характеризуется в том числе тем, что Предприятие наняло на работу существенное число работников на территории Принимающего государства, а также внесло существенный вклад в развитие Принимающего государства посредством своей деятельности наряду с передачей технологий knowhow, где это возможно (ст. 1(1.6) и ст. 1(1.2.1 (ii; iv))).

Среди активов, которые могут быть исключены из понятия «инвестиции», ЮНКТАД выделяет краткосрочные, спекулятивные и портфельные инвестиции, суверенные долговые обязательства и права требования по денежным средствам, возникающие исключительно из коммерческих договоров о продаже товаров либо услуг, а также права интеллектуальной собственности, которые не защищаются в соответствии с правом государства-реципиента инвестиций²⁶ (выделение автора – О.С.Ш.).

Ст. 1(1.7) проекта типового ДИД Индии 2016 г. исключает из понятия «инвестиция» в том числе суверенные займы, займы государственных предприятий и предприятий, находящихся под контролем государства, а также права требования по денежным средствам, возникающие исключительно из коммерческих контрактов купли-продажи товаров либо оказания услуг, портфельные инвестиции.

Такой подход направлен на обеспечение права государства осуществлять правовое регулирование (*right to regulate*)²⁷ в чув-

²⁶ UNCTAD's Road Map for IIA Reform. // UNCTAD's Reform Package for the International Investment Regime. 2017. New York and Geneva, 2017. P. 39.

²⁷ Подробнее о *right to regulate* см.: Шапошникова О.С. Международный инвестиционный арбитраж и право государств осуществлять правовое регулирование // В.А. Кабагов, С.Н. Лебедев: In memoriam. Сборник воспоминаний, статей, иных материалов / Науч. Ред. А.И. Муранов, О.Н. Зименкова, А.А. Костин. М., 2017. С. 769–817.

ствительных областях без риска стать ответчиком в МИА. Тем не менее, в данном случае вышеприведенное положение представляется слишком радикальным, поскольку резко сужает понятие инвестиций.

В Дорожной карте реформирования МИС, представленной ЮНКТАД, отмечается, что одной из опций при рассмотрении инвестиционных споров, связанных с финансовыми услугами, которые относятся к чувствительным сферам (*sensitive cases*), является приостановление процедуры разрешения спора между инвестором и государством, включая МИА, и передача на уровень межгосударственного трибунала вопроса о том, является ли соответствующая финансовая мера государства экспроприацией, или она направлена на обеспечение единства и стабильности финансовой системы. Такой подход уже предусмотрен в ДИД США – Китай 2012 г.²⁸

В заключении отметим, что при реформировании МИС следует также разрешить вопрос о концепции общего единства инвестиционной деятельности: соответствующее положение, но более детальное, можно было бы включать в МИС/ДИД, однако это пока не нашло отражения в документах ЮНКТАД.

²⁸ UNCTAD's Road Map for IIA Reform. // UNCTAD's Reform Package for the International Investment Regime. 2017. New York and Geneva, 2017. P. 47.

СЕКЦИЯ

**ИНТЕГРАЦИОННОЕ ПРАВО
В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

МЕСТО МОДЕЛИ ОБЩЕГО ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО РЫНКА ЕАЭС СРЕДИ СОВРЕМЕННЫХ МОДЕЛЕЙ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРGETИКИ

Ольга Сергеевна Белова

Аспирант, НИУ «Высшая школа экономики»

Одной из стратегических целей сотрудничества государств-членов ЕАЭС является поэтапное формирование общего электроэнергетического рынка ЕАЭС (далее – ОЭР ЕАЭС) на основе параллельно работающих электроэнергетических систем, с учётом особенностей существующих моделей рынков электрической энергии (мощности) государств-членов, исходя из принципов рыночного ценообразования, обеспечения развития конкуренции и создания условий для привлечения инвестиций в энергетический комплекс государств-членов¹. Особое внимание к электроэнергетической отрасли обусловлено её беспрецедентной общественной значимостью и технологической спецификой. Не нуждается в обосновании утверждение о том, что «наша цивилизация основана на энергетике, в первую очередь на электричестве.»²

Вопросы международно-правового регулирования формирования ОЭР ЕАЭС заслуживают тщательного исследования в целях выработки модели, соответствующей заданным в Договоре о ЕАЭС целям. Некорректно выбранный правовой инструментарий приведет не к формированию эффективной модели общего рынка,

¹ Статьи 79, 81 Договора о Евразийском экономическом союзе 2014г. (далее – Договор о ЕАЭС)// Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.01.2015).

² М. Ковальчук. Президент НИЦ «Курчатовский институт». Документальный фильм «Русский атом. Новая жизнь». 11.03.2018 // <https://www.1tv.ru/doc/pro-nauku/russkiy-atom-novaya-zhizn-dokumentalnyy-film> (дата обращения: 11.03.2018)

а к выхолащиванию, инфляции идеи, либо к приданию новым формам правоотношений декларативного характера.

Исходя из положений Концепции³ и Программы⁴ можно сделать вывод, что модель ОЭР ЕАЭС определена Программой и Концепцией как организованная (скоординированная) работа национальных рынков с перспективой последующей интеграции, включающая сегменты свободных двусторонних договоров и централизованных торгов. Основания для определения модели ОЭР ЕАЭС:

неопределенность в соотношении ОЭР ЕАЭС и внутренних рынков государств-членов;

отнесение к субъектам ОЭР ЕАЭС субъектов внутренних рынков при условии получения ими доступа на ОЭР ЕАЭС;

множественность торговых площадок, функционирующих в соответствии с внутренним законодательством;

общие правила взаимной торговли на ОЭР ЕАЭС, доступа к услугам естественных монополий, определения и распределения пропускной способности и информационного обмена;

отнесение к структурам управления ОЭР ЕАЭС регулирующих органов государств-членов и инфраструктурных организаций, оказывающих услуги участникам ОЭР ЕАЭС в соответствии с законодательством государств-членов.

Для определения границ международно-правового регулирования в соответствии с целевыми характеристиками ОЭР ЕАЭС и внесения предложений по дальнейшему совершенствованию его правового регулирования рассмотрим современные модели международно-правового сотрудничества государств в целях интеграции энергосистем и место модели ОЭР ЕАЭС среди них.

Комплексный подход к изучению моделей сотрудничества в рамках НАФТА, МЕРКОСУР, Центральной Америки, Южно-Африканского и Восточно-Африканского энергетических объеди-

³ Раздел III Концепции формирования ОЭР ЕАЭС (далее – Концепция), утв. решением Высшего Евразийского экономического совета № 12 от 8 мая 2015 г.

⁴ Программа формирования ОЭР ЕАЭС (далее – Программа), утв. решением Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 г.

ний, Европейского союза предоставляет возможность классифицировать их на следующие основные группы:

1. Модель, допускающая трансграничные перетоки электроэнергии на условиях двусторонних договоров субъектов торговли, не предусматривающая формирование общего трансграничного электроэнергетического рынка. Данная модель реализована в НАФТА⁵, МЕРКОСУР⁶, УНАСУР.

2. Модель, подразумевающая интеграцию в рамках технологического, экономического, правового и институционального элементов, позволяет сформировать конкурентный общий электроэнергетический рынок. При этом соотношение ОЭР с внутренними рынками определяет две основные модели сотрудничества, обеспечивающие формирование ОЭР:

⁵ North American Free Trade Agreement //URL:<https://www.nafta-sec-alena.org/Home/Legal-Texts/North-American-Free-Trade-Agreement?mvid=1&secid=6ac38ba0-fdf1-4e8b-80ae-8957d3528949#An602.3>; North American Free Trade Agreement// URL: <https://www.nafta-sec-alena.org/Home/Legal-Texts/North-American-Free-Trade-Agreement?mvid=1&secid=ed3bd8c9-2d73-45fb-9241-d66364f8037a> (дата обращения: 18.12.2016); Interpretive Guidance On The Requirements Of 10 C.F.R. § 205.322. US Department of Energy, June 2, 2011; Курбанов Р.А. Энергетическая политика и энергетическое право стран – участниц Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА). М., 2014. С.87. North America - The Energy Picture II North American Energy Working Group, Security and Prosperity Partnership, Energy Picture Experts Group. January 2006 // URL: <http://dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a472091.pdf> (дата обращения: 18.12.2016)

⁶ Mercosur Free Trade Agreement // URL: <http://www.worldtradelaw.net/document.php?id=fta/agreements/mercosurfta.pdf>; A. Oliveira. Energy security in South America: the role of Brazil// URL : <http://www.cindesbrasil.org> (дата обращения: 18.12.2016); S.K. O'Neil. Why the Countries Should Embrace Trade—and Each Other // URL:<https://www.foreignaffairs.com/articles/south-america/2016-07-13/argentina-and-brazil-grow-together> (дата обращения: 18.12.2016); J.A.F. Lopes de Lima // International co-operation in Mercosur: Is the “third pillar” more advanced than the “first pillar”? URL: www.asser.nl/.../cms_eaw_id1112_1_mercosur-eaw2.doc (дата обращения: 18.12.2016)

2.1. Модель, предусматривающая сопряжение внутренних рынков. Данная модель реализована при формировании внутреннего электроэнергетического рынка Европейского союза и характеризуется высокой степенью унификации национального законодательства государств-членов, приведением национальных моделей оборота электроэнергии к единым союзным требованиям (внедрение рыночных механизмов, разделение вертикально интегрированных организаций, разделение конкурентных и монопольных видов деятельности), а также передачей регулирующих полномочий от государств на уровень Европейского союза. Модель позволяет участвовать в торговле широкому кругу субъектов, чем повышает результативность общего рынка, при этом значительное влияние на эффективность рыночного взаимодействия оказывает международно-правовое регулирование общего рынка.

2.2. Модель, обеспечивающая формирование рынка, обособленного от национальных моделей торговли электроэнергией, характеризуется преобладающим регулированием на международном уровне и не требует существенной гармонизации или унификации национальных правил торговли электроэнергией. Такая модель позволяет сформировать общий рынок в условиях концептуально отличающихся национальных систем регулирования. При этом характеризуется установлением на международном уровне требований соответствия субъектов правилам общего международного рынка. Данная модель реализована в Центральноамериканской электроэнергетической системе (*The Central American Electrical Interconnection System (SIEPAC)*⁷).

Совокупный анализ целей ЕАЭС в сфере формирования ОЭР ЕАЭС и современных моделей сотрудничества государств в сфере электроэнергетики позволяет сделать вывод о том, что развитие электроэнергетической отрасли ЕАЭС ориентируется в значительной части на опыт ЕС. Говорить о сходстве с моделью Центральной Америки нельзя, главным образом, потому, что Общий электроэнергетический рынок Центральной Америки, в отличие от

⁷ Carlos Meza. A review on the Central America electrical energy scenario// Renewable and Sustainable Energy Reviews, 33, 2014. Feasibility Studies of a Power Interconnection System for Central American Countries: SIEPAC Project// IEEE Power Engineering Review (Volume: 14, Issue: 6, June 1994).

внутреннего рынка ЕС и формируемого ОЭР ЕАЭС является моделью, обособленной от внутренних рынков государств-участников. Сопоставление правового инструментария ЕС и ЕАЭС предоставляет возможность спрогнозировать результаты его применения для регулирования целевых моделей, а также продемонстрировать проблемы рецепции современных моделей сотрудничества государств в сфере электроэнергетики при формировании ОЭР ЕАЭС.

Сходство с моделью внутреннего рынка ЕС выражается, в частности, в следующих аспектах. Во-первых, модель скоординированной работы внутренних рынков с отсутствием признаков обособленности ОЭР ЕАЭС от внутренних рынков концептуально сопоставима с моделью сопряжения внутренних рынков ЕС. Помимо общих правил взаимной торговли, доступа к услугам естественных монополий, определения и распределения пропускной способности и информационного обмена сходство моделей обусловлено отнесением к структурам управления общего рынка регулирующих органов государств-членов и инфраструктурных организаций, оказывающих услуги участникам общего рынка в соответствии с законодательством государств-членов. Тем не менее, правовой инструментарий используемый в ЕС и в ЕАЭС существенно отличаются.

Документами «третьего энергопакета» подробно распределены сферы регулирования между уровнем ЕС и внутренним законодательством государств. Введен также новый вид регламентирующих документов – сетевые кодексы, утверждение которых осуществляется Европейской комиссией⁸. Учреждено Агентство по сотрудничеству регуляторов энергетики (*ACER – Agency on cooperation of energy regulators*)⁹ (далее – Агентство). Цель деятельности Агентства заключается в оказании помощи регулирующим

⁸ Статья 3 Regulation (EC) No 714/2009 of the European Parliament and of the Council of July, 13, 2009 on conditions for access to the network for cross-border exchanges in electricity and repealing Regulations (EC) No 1228/2003 // Official Journal of the European Union (OJ), No: L 211/15, 14/08/2009.

⁹ Regulation (EC) No 713/2009 of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 establishing an Agency for the Cooperation of Energy Regulators (Text with EEA relevance)// OJ L211 of 14.8.2009.

органам государств в осуществлении на уровне ЕС регулирующих функций, выполняемых ими на национальном уровне в государствах-членах, мониторинге сотрудничества между национальными регулирующими органами, операторами системы передачи, функционирования оптового рынка электроэнергии¹⁰, а также контроль исполнения правил развития трансъвропейской электроэнергетической инфраструктуры¹¹.

Проектом Соглашения об ОЭР ЕАЭС (далее – проект Соглашения, Приложение), размещенном на официальном правовом портале ЕАЭС для публичного обсуждения¹², предусмотрено утверждение Евразийским межправительственным советом правил функционирования ОЭР ЕАЭС в составе единых правил доступа к услугам субъектов естественных монополий в сфере электроэнергетики, правил взаимной торговли электрической энергией, правил определения и распределения пропускной способности межгосударственных линий передачи и правил информационного обмена¹³. Учитывая, что проект Соглашения не содержит обязательств государств-членов в отношении конкретных направлений гармонизации внутреннего законодательства, а также указание в статье 16 на то, что этапы развития ОЭР ЕАЭС и сроки принятия правил функционирования ОЭР ЕАЭС определяются решением Совета ЕЭК, можно сделать вывод о рамочном характере проекта Соглашения.

¹⁰ ACER Work Programme 2015// URL:

http://www.acer.europa.eu/Official_documents/Acts_of_the_Agency/Publication/ACER%20Work%20Programme%202015.pdf (дата обращения: 18.12.2016)

¹¹ Regulation (EU) No 347/2013 on guidelines for trans-European energy infrastructure// OJ L 115, 25.4.2013, p.39.

¹² Проект Соглашения об общем электроэнергетическом рынке ЕАЭС // https://docs.eaeunion.org/pd/ru-ru/0102577/pd_29012018 (дата обращения 31.01.2018) (Текст Соглашения об ОЭР Союза размещен 29 января 2018 г. на правовом портале ЕЭК для публичного обсуждения, которое продлится до 18 февраля. После этого документ будет вынесен для рассмотрения на Коллегии ЕЭК, а затем направлен на внутригосударственное согласование в страны-участницы ЕАЭС// <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/31-01-2018.aspx> (дата обращения: 31.01.2018).

¹³ Статья 4 проекта Соглашения

Во-вторых, сходной с моделью ЕС является концепция субъектного состава ОЭР ЕАЭС. Субъектами общего рынка будут субъекты внутренних оптовых рынков государств-членов, предусматривается двухуровневая система допуска на ОЭР ЕАЭС: во-первых, необходимо обладать статусом субъекта внутреннего оптового рынка и, во-вторых, получить соответствующий доступ на ОЭР ЕАЭС. При этом условие Программы и проекта Соглашения о том, что до создания общего рынка газа, функционирование ОЭР ЕАЭС предполагается субъектным составом, уполномоченным государствами-членами ЕАЭС¹⁴, практически обесценивает институт единых требований доступа на ОЭР ЕАЭС, поскольку не влечет каких-либо правовых последствий. В данном случае фактически сохраняется существующая модель трансграничной торговли электроэнергией, основанная на внутреннем законодательстве и двусторонних соглашениях.

Рассматриваемые документы не содержат указаний на соотношение и степень взаимосвязи ОЭР ЕАЭС и внутренних рынков государств-членов, кроме указания на обеспечение на соответствующем этапе интеграции рынков доступа производителей и потребителей электроэнергии на рынки государств-членов с учетом интересов национальных экономик¹⁵. Следовательно, доступ на ОЭР ЕАЭС не предоставляет доступ на внутренний рынок государств-членов.

В свою очередь модель ЕС предусматривает иные последствия получения доступа на оптовый электроэнергетический рынок. В соответствии Регламентом 1227/2011 от 25 октября 2011 г. «О целостности и прозрачности оптового энергетического рынка»¹⁶ прежде чем совершать первую транзакцию на оптовом рынке

¹⁴ Раздел VI Концепции, пункт 2 Решения Высшего Евразийского экономического совета от 8 мая 2015 г. № 12// Решение Высшего Евразийского экономического совета от 8 мая 2015 г. № 12 «О Концепции формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза»// URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ruru/0147677/scd_12052015_12. (Дата обращения 18.09.2017).

¹⁵ Раздел III Концепции.

¹⁶ Regulation (EU) No 1227/2011 of the European Parliament and of the Council of 25 October 2011 on wholesale energy market integrity and transparency//OJ L 326, 8.12.2011, p. 1–16.

участник должен заполнить и представить регистрационную форму в национальный регулирующий орган в государстве-члене ЕС, в котором он учрежден. При этом не требуется повторная регистрация у регулирующих органов других государств в случае осуществления деятельности на территории нескольких государств.

В-третьих, основу создаваемого конкурентного рынка составляет поэтапная трансформация структуры национальных вертикально интегрированных компаний с целью выделения конкурентных и монопольных видов деятельности. Возложение обязательств по обеспечению такого разделения на государства-члены, законодательство которых его не предусматривает, повлечет необходимость концептуального реформирования национальной системы электроэнергетики. Однако это противоречит основному принципу формирования ОЭР ЕАЭС о необходимости учёта особенностей существующих национальных моделей электроэнергетических рынков. В отличие от ЕС и ЕАЭС в рамках ОЭР Центральной Америки установлено иное правило: в случае, если законодательство государства-члена допускает совмещение конкурентных и неконкурентных видов деятельности, для совершения сделок на общем рынке Центральной Америки такое юридическое лицо должно создать отдельное юридическое лицо, соответствующее требованиям разделения видов деятельности.

Подводя итог, можно сказать, что несмотря на определенные сходства, модель ОЭР ЕАЭС не предусматривает системной рецепции правовых механизмов создания внутреннего рынка, применяемых в Европейском союзе. Представляется, что на текущем этапе применение в ЕАЭС опыта построения внутреннего электроэнергетического рынка ЕС в полном объеме не представляется возможным не только ввиду концептуальных отличий указанных союзов, но и в связи с существенной разницей в системе правового регулирования внутренних рынков государств-членов ЕАЭС. Фрагментарное использование правовых механизмов внутреннего электроэнергетического рынка ЕС может превратиться в способ применения новых международно-правовых институтов при сохранении ранее сложившихся правоотношений и не приведет к созданию ОЭР ЕАЭС с заданными целевыми характеристиками. Это связано с тем, что при формальном определении статуса субъектов ОЭР ЕАЭС и наличии единых правил взаимной торговли и

правил доступа к услугам естественных монополий, не буду решены основные задачи, определенные Концепцией, такие как развитие и повышение эффективности рыночных механизмов взаимной торговли электроэнергией между участниками ОЭР ЕАЭС, повышение уровня конкуренции и, самое главное, создание инвестиционно привлекательной отрасли.

Возникает закономерный вопрос о том, какие международно-правовые механизмы могут быть эффективны для того, чтобы модель ОЭР ЕАЭС привела к достижению поставленных целей, устранению препятствий, ограничивающих развитие взаимной торговли электроэнергией, и созданию конкурентного рынка, а не к сохранению существующих условий трансграничной торговли электрической энергией между уполномоченными в соответствии с внутренним законодательством субъектами на основе двусторонних долгосрочных договоров.

Скрупулёзный процесс подготовки государств-членов к формированию ОЭР ЕАЭС свидетельствует о приоритетном значении принципа учёта особенностей существующих национальных моделей электроэнергетических рынков. Особое внимание к минимизации последствий для внутренних рынков выражается как в непосредственном закреплении данного принципа в Приложении № 21 к Договору о ЕАЭС, в Концепции и Программе, а также в особом мнении Республики Беларусь в отношении субъектного состава ОЭР ЕАЭС¹⁷. Применение модели организованной (скоординированной) работы внутренних рынков требует сопоставимости внутренних рынков государств-членов, и четкого определения областей, которые подлежат сопряжению, и которые не подлежат включению в ОЭР. Между тем, внутренние рынки государств-членов ЕАЭС имеют концептуальные отличия¹⁸.

¹⁷ Согласно Особому мнению Республики Беларусь по Концепции формирования ОЭР ЕАЭС до создания общего рынка газа функционирование ОЭР ЕАЭС предполагается субъектным составом, уполномоченным государствами-членами ЕАЭС. Полномасштабная работа ОЭР ЕАЭС на конкурентных началах предусматривается после создания общего рынка газа// Концепция.

¹⁸ Сборник «Электроэнергетика Содружества Независимых Государств 2003-2013». М., 2015// <http://energy->

В качестве международно-правового механизма «адаптации» существующих моделей внутренних электроэнергетических рынков государств-членов к целевым характеристикам ОЭР ЕАЭС предлагается введение переходного периода, в течение которого ОЭР ЕАЭС будет функционировать обособлено от внутренних рынков государств-членов. Длительность переходного периода должна быть обусловлена результатами достижения государствами-членами минимального уровня гармонизации внутреннего законодательства и моделей рынков электроэнергии для соответствия целевым характеристикам ОЭР ЕАЭС. «Переходный» статус создаваемого ОЭР ЕАЭС опосредовано заложен в Концепции, предусматривающей обеспечение на соответствующем этапе интеграции рынков доступа производителей и потребителей электроэнергии на рынки государств-членов с учетом интересов национальных экономик¹⁹.

Проведенный анализ служит базой для определения приоритетов международно-правового регулирования ОЭР ЕАЭС и предоставляет неограниченные возможности для проектирования экономической составляющей общего электроэнергетического рынка в отношении его сегментов, их условий и коммерческих особенностей ценообразования.

cis.ru/wyswyg/file/Gertzen/Сборник%202003-2013-общ.pdf (дата обращения: 05.03.2018).

¹⁹ Раздел III Концепции.

ГРАЖДАНСТВО ИСПАНИИ И ГРАЖДАНСТВО ЕС: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТАТУСОВ

Мария Вальтеровна Вениаминова

*Младший научный сотрудник
сектора теории конституционного права
Институт государства и права РАН
esp.it@ya.ru*

Гражданство Европейского союза (далее – ЕС) было учреждено Маастрихтским договором 1992 г. Отдельная процедура его приобретения отсутствует: этот статус приобретается заинтересованным лицом автоматически с момента получения гражданства государства, являющегося членом ЕС. В соответствии со ст. 20 Договора о функционировании ЕС¹ гражданство Союза дополняет, а не заменяет гражданство государств-членов. Таким образом, гражданство ЕС по своей природе производно от гражданства государства – члена Союза, поскольку все граждане государств-членов автоматически становятся гражданами Сообщества.

В официальном предложении, разработанном Испанией в октябре 1990 года, было дано следующее определение европейскому гражданству – это личный и неделимый статус граждан государств-членов, которые в связи со своей принадлежностью к ЕС являются субъектами особых и специальных прав и обязанностей, реализуемых и гарантируемых непосредственно в рамках границ Союза, но не утрачиваемый в случае выезда за его пределы². По мнению зарубежных исследователей, речь идет о статусе, связанным с участием в гражданской и, в первую очередь, в публичной

¹ См.: Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union // Official Journal of the European Union. Vol. 59. 7 June 2016. P. 1–388. // URL.: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:C:2016:202:TOC> (дата обращения: 18.03.2018 г.)

² Цит. по: Álvarez Rodríguez A. Nacionalidad española. Normativa vigente e interpretación jurisprudencial. Pamplona, 2008. P. 30.

жизни ЕС³. Цель европейского гражданства – обеспечение равенства в обращении между гражданами государств-членов⁴.

Введение гражданства ЕС оказало определенное воздействие на национальное законодательство о гражданстве государств-членов. В некоторых странах ЕС (Австрия, Италия) был введен преференциальный режим в отношении граждан других государств-членов при их натурализации. Такие проекты предлагались и в Испании. В ходе реформы Гражданского кодекса в 1990 г. Баскская националистическая партия и коалиция Объединенных левых предложили снизить ценз оседлости с 10 до 2 лет для граждан ЕС. Комиссия по подготовке поправок в Гражданский кодекс, изучив данное предложение, отклонила его, поскольку в то время аналогичные положения отсутствовали в законодательстве других государств – членов Союза⁵.

Еще одним последствием учреждения единого европейского гражданства стало снижение начиная с 1992 г. числа натурализованных граждан государств – членов ЕС, проживающих в других государствах Союза. Аналогичные процессы наблюдаются и в Испании.

По данным Министерства труда и социального обеспечения Испании в 2014 г. на основании проживания в стране натурализовалось 93 714 человек, из них только 2 611 были гражданами государств – членов ЕС⁶. Столь незначительное число натурализовав-

³ См.: Catalano N., Scarpa R. Principios de derecho comunitario. Madrid. 1988. P. 122–123.

⁴ См.: Elvira Perales A. La ciudadanía europea. El principio de no discriminación por razón de nacionalidad // Comentarios a la Constitución Europea. Vol. 2: Los derechos y libertades / Coord. por V. Garrido Mayol y E. Álvarez Conde. Valencia, 2004. p. 105–131.

⁵ См.: Rubio Marín R., Sobrino I., Martín Pérez A., Moreno Fuentes F.J. Country Report on Citizenship Law: Spain. Revised and updated January 2015 // EUDO Citizenship Observatory. 2015. № 4. P. 14.

⁶ Ministerio de Empleo y Seguridad Social. Portal de Inmigración. Observatorio Permanente de la Inmigración. Estadísticas. Nacionalidad. Concesiones de nacionalidad española por residencia // URL: <http://extranjeros.empleo.gob.es/es/estadisticas/operaciones/concesiones/index.html> (дата обращения: 18.03.2018 г.)

шихся лиц объясняется тем, что статус гражданина ЕС предполагает права практически идентичные с правами испанских граждан, кроме права голосовать на общенациональных и региональных выборах. При этом отсутствие испанского гражданства не влияет на качество жизни граждан государств – членов ЕС в Испании и на возможность проживания на территории страны на долгосрочной основе.

Следующим последствием вступления Испании в ЕС стало изменение традиционных подходов в отношении двойного гражданства со странами Латинской Америки⁷. Во второй половине XX в. Испания заключила 12 соглашений о двойном гражданстве с рядом латиноамериканских государств (Аргентина, Боливия, Гватемала, Гондурас, Доминиканская республика, Колумбия, Коста-Рика, Никарагуа, Парагвай, Перу, Чили, Эквадор).

В этих актах предусмотрена оригинальная система, в соответствии с которой действующим является только один из статусов лица, имеющего гражданства Испании и одного из латиноамериканских государств. В данном случае второе гражданство находится как бы в «замороженном» режиме, но в случае необходимости может быть активизировано по заявлению гражданина⁸. При этом право на двойное гражданство может быть и не реализовано⁹.

Это не двойное гражданство в традиционном смысле этого слова, а скорее ограниченное двойное гражданство. В отличие от классической концепции двойного гражданства в данном случае только один из статусов является актуальным, реальным и дей-

⁷ Стоит отметить, что каждый четвертый эмигрант-латиноамериканец, направляющийся в Европу, «оседает» в Испании, являющейся самой большой латиноамериканской общиной в Западной Европе. См.: Синельщикова И.Г. Иммиграционная практика Испании: риски, масштабы, регламентации. М., 2012. С. 49.

⁸ См.: Fernández Rozas J.C. La reforma del Derecho español de la nacionalidad. P. 219; Álvarez Rodríguez A. Réquiem por la doble nacionalidad convencional // Anuario de la Fundación Españoles en el Mundo. Madrid, 1996. P. 63.

⁹ См.: Viñas Farré R. Evolución del derecho de nacionalidad en España: Continuidad y cambios más importantes. // Cursos de Derecho Internacional y Relaciones Internacionales de Vitoria-Gasteiz 2009. Vitoria, 2010. P. 308.

ствующим, а другой – резервным, «спящим», «замороженным»¹⁰. Следует отметить, что в испанской литературе двойное гражданство рассматривается скорее как аномалия, однако признается его полезная роль в условиях интенсификации миграционных процессов и развития межгосударственных контактов¹¹.

Важно отметить, что во время переговоров о вступлении Испании в Европейское сообщество поднимался вопрос о том, будут ли граждане латиноамериканских государств, которые приобрели испанское гражданство в соответствии с соглашениями о двойном гражданстве, рассматриваться в качестве граждан государств – членов Сообщества и пользоваться правами и свободами, предусмотренными данным статусом. При обсуждении данного вопроса юристы Сообщества настаивали на изменении подходов, которых придерживалась Испания и латиноамериканские государства, заключившие с ней соглашения о двойном гражданстве¹².

При разработке Маастрихтского договора рассматривалась возможность наделения представителей третьих стран гражданством ЕС. Испания вносила предложение о наделении Европейского совета правом принимать меры, связанные с распространением действия положений о гражданстве Союза на лиц, не являющихся гражданами государств-членов (п. 3 ст. 1), однако его не поддержали другие страны. Таким образом, статус граждан ЕС получили только те, кто являлся гражданином государства – члена Союза (п. 1 ст. 17 Договора о Европейском сообществе).

Согласно Декларации о гражданстве государств-членов от 7 февраля 1992 г., являющейся приложением к Маастрихтскому договору, государства-члены могли сделать заявление о том, кого следует рассматривать в качестве граждан соответствующей страны применительно к целям Сообщества. Однако Испания, в отличие от Великобритании, Германии и Дании, не воспользовалась

¹⁰ Aguilar Benítez de Lugo M. Doble nacionalidad // Boletín de la Facultad de Derecho. 1996. №10-11. P. 228; Aguilar Benítez de Lugo M. Intervención consular en Derecho Internacional privado. Sevilla, 2005. P. 34.

¹¹ См.: Marín López A. Op. cit. P. 119.

¹² См.: Pérez Vera E. El sistema español de doble nacionalidad ante la futura adhesión de España a las Comunidades Europeas // Revista de Instituciones Europeas. 1981. N 3. P. 686.

этим правом. Так, Великобритания исключила из числа граждан ЕС жителей своих заморских территорий, а Дания – жителей Фарерских островов. Германия, напротив, сделала оговорку о том, что в качестве граждан ЕС необходимо рассматривать также этнических немцев из стран Восточной Европы. Соответственно, не все лица, получившие гражданство этих государств-членов, автоматически становятся гражданами ЕС.

В определенной степени проблема правового статуса латиноамериканцев, имеющих испанское гражданство, были решена в результате принятия дополнительных протоколов к соглашениям, которые были ориентированы на выравнивание статуса граждан, получивших двойное гражданство в договорном порядке. При этом в одних протоколах предусмотрена возможность отказа заинтересованных лиц от распространения на них действия соответствующих соглашений в уведомительном порядке, а в других – возможность одновременного распространения на заинтересованных лиц законодательства обеих государств, а также получения ими паспорта или удостоверения личности стран гражданства.

Таким образом, вступление Испании в Европейский союз и, как следствие, учреждение гражданства ЕС оказало определенное воздействие на национальное законодательство о гражданстве Испании. Наиболее существенным последствием введения гражданства ЕС для Испании стало изменение специфики понимания двойного гражданства со странами Латинской Америки. Под влиянием права ЕС Испания и страны Латинской Америки, по сути, вернулись к традиционному пониманию двойного гражданства.

ПРИНЦИПЫ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ТРУДЯЩИХСЯ В РАМКАХ ЕАЭС

Наталия Александровна Воронина

Канд. юрид. наук

Старший научный сотрудник сектора прав человека

Институт государства и права РАН

natalia.a.voronina@gmail.com

Руководителями Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины 8 декабря 1991 года было подписано Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (далее СНГ). В Уставе Содружества¹ закреплялось, что СНГ основано на началах суверенного равенства всех его членов, служит дальнейшему развитию и укреплению отношений дружбы, добрососедства, межнационального согласия, доверия, взаимопонимания и взаимовыгодного сотрудничества между государствами-членами. СНГ осуществляет взаимодействие государств в различных сферах межгосударственного общения: гуманитарной, научно-образовательной, культурной, экономической, а также в сфере обеспечения безопасности и в правоохранительной сфере.

В Соглашении о создании СНГ закреплён такой принцип, как свобода передвижения граждан (ст. 5). Примечательно, что данный принцип по своему содержанию является более широким, чем закреплённый позднее в Договоре о Евразийском экономическом союзе (далее ЕАЭС) принцип обеспечения свободы движения рабочей силы.

Концепция формирования правовых основ и механизмов реализации социального государства в странах Содружества, принятая Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ

¹ Решение Совета глав государств СНГ «О принятии Устава СНГ» // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1983. № 1.

31 мая 2007 года, способствовала гармонизации национального законодательства о труде и социальном обеспечении. Концепция содержит рекомендации государствам в области занятости, заработной платы, социального страхования, социальной политики в отношении мигрантов и пр. В качестве одного из основных критериев оценки степени социальности государства в документе указывается критерий соблюдения прав и свобод человека. Концепция исходит из признания и соблюдения всеми государствами СНГ основополагающих международных актов в сфере прав человека и международных стандартов трудовых прав.

Однако несмотря на объединяющий участников фактор – наличие в прошлом единой законодательной базы – советского трудового права – и, как следствие, наличие близких, родственных черт трудового законодательства стран Содружества, СНГ не удалось стать эффективным органом, унифицирующим социальное законодательство государств².

Экономическая интеграция Белоруссии, Казахстана и России началась в 1996 году с создания зоны свободной торговли. 19 сентября 2003 года президентами России, Беларуси, Казахстана и Украины³ было подписано Соглашение о формировании Единого экономического пространства (далее ЕЭП), – экономической и политической интеграции трех государств СНГ. В документе в качестве одного из основных принципов функционирования ЕЭП указывается свободное движение рабочей силы.

В настоящее время процессы международной трудовой миграции стали одним из важнейших факторов, влияющих на международные отношения. При этом, как считает Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В.И. Матвиенко, «основные принципы, лежащие в основе миграционной политики стран СНГ, тотального пересмотра не требуют. Они в полной мере соответствуют реалиям, проверены опытом,

² См.: Евразийское трудовое право: учебник / Е.А. Волк, Е.С. Герасимова, С.Ю. Головина (и др.); под общ. Ред. М.В. Лушниковой, К.С. Раманкулова, К.Л. Томашевского. – Москва: Проспект, 2017. С. 34.

³ В последующие годы Украина вышла из процесса формирования ЕЭП.

достаточно гибко и эффективно регулируют миграционные процессы»⁴.

В рамках СНГ в качестве одного из инструментов, способствующих унификации и гармонизации национального законодательства, широко используется принятие модельного законодательства о занятости, миграции, социальном партнерстве и пр. Так, за последние годы Межпарламентской ассамблеей СНГ было принято 17 модельных законов, касающихся вопросов трудовой миграции. Среди них: модельные законы «О миграции», «О миграции трудовых ресурсов», «Об организованном наборе граждан для осуществления временной трудовой деятельности на территории СНГ»; рекомендации по развитию миграции, осуществляемой с целью обучения и стажировки граждан СНГ; модельные соглашения «Об информационном взаимодействии в сфере миграции». Планируется разработка и основополагающего документа – Миграционного кодекса.

Трудовая миграция представляет собой также важную составляющую экономической политики государств региона. Формирование с 1 июля 2011 года Таможенного союза, в рамках которого были упразднены таможенные границы между тремя государствами⁵, и образование 10 октября 2000 г. Евразийского экономического сообщества (далее ЕврАзЭс)⁶ подтвердили взаимную выгоду государств от участия в интеграционных процессах.

Международные организации, осуществлявшие ранее преимущественно координационные функции, начинают приобретать черты организаций наднационального типа,

Экономическая интеграция невозможна без правовой интеграции. Подписание в г. Астане 29 мая 2014 года президентами Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации Договора о Евразийском экономическом союзе, основанном

⁴ Цит. по: Парламентская газета. от 4-10 декабря 2015 г.

⁵ Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация.

⁶ Договор об учреждении ЕврАзЭс был подписан главами государств России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Таджикистана и вступил в силу 30 мая 2001 года. С мая 2002 года статус наблюдателя при ЕврАзЭс имели Молдавия и Украина, а с 2003 года – Армения. Деятельность ЕврАзЭс и его органов прекращена с 1 января 2015 г.

на кодификации договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства, означало переход евразийского экономического проекта на более глубокий формат интеграции государств-членов. С 1 января 2015 г. Договор вступил в силу; 2 января 2015 года к Договору присоединилась Республика Армения, а с 12 августа 2015 года – Киргизская Республика.

Старт этого проекта пришелся на непростые условия противостояния России и Запада, что определенным образом сказалось на планах и темпах развития в рамках Союза⁷. Тем не менее, Договор о ЕАЭС означал свободу передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Бизнес получил возможность участвовать в перспективных совместных проектах, создавать высокотехнологичные рабочие места.

Как отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин, - «Реализуемый нами интеграционный проект уникален не только по масштабу и содержанию, но и по духу. Он основан на принципах равноправия, доверия, взаимного уважения и учета интересов друг друга. При этом его участники не отказываются от государственного суверенитета и сохраняют свою национальную самобытность»⁸.

Евразийский экономический союз является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью. Союз создан в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития в интересах повышения благосостояния и жизненного уровня населения государств-членов.

Договор о ЕАЭС законодательно оформил регулирование вопросов трудовой миграции на едином пространстве ЕАЭС, объединяющем Армению, Беларусь, Казахстан, Киргизию и Россию. Договором были установлены основные принципы единого рынка труда, права и обязанности иностранных работников, а также определены основные направления сотрудничества стран-

⁷ См. Воронина Н.А. Внешняя трудовая миграция в условиях евразийской интеграции: правовые аспекты // Труды Института государства и права РАН. Москва – 2017. № 1 (59) 2017. С. 101- 103.

⁸ Путеводитель Российского бизнеса. 2015, январь. С. 52.

участниц Союза в сфере трудовой миграции⁹. Формирование единого рынка основывается на четырех принципах: свободном перемещении товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Договор о ЕАЭС означает введение новой, развивающейся правовой категории – права Союза.

Для функционирования и развития Союза учреждена Евразийская экономическая комиссия (далее ЕЭК) – постоянно действующий наднациональный регулирующий орган ЕАЭС, принимающий решения нормативно-правового характера. Трудовая миграция отнесена к исключительной компетенции Союза: решения ЕЭК в части международной трудовой миграции обязательны для государств-членов. Таким образом, это дает основание говорить о принципе частичного верховенства права ЕАЭС над национальным правом государств-членов, ибо право ЕАЭС имеет ограниченный предмет правового регулирования. Что касается других сфер экономики (налогообложение, денежно-кредитная и пр.), то они входят в совместную компетенцию государств ЕАЭС.

В рамках ЕЭК имеется Департамент трудовой миграции и социальной защиты, на который возложена задача унификации документов в сфере социальной защиты трудовых мигрантов и членов их семей и разработка проектов соответствующих подзаконных актов.

В определенной степени можно утверждать, что Договор о ЕАЭС исходит из принципа социальной справедливости – требования того, чтобы государства-члены обеспечивали возможность равной защиты прав трудящихся на территории любого другого государства-члена на питание, здоровье, образование, условия проживания и пр. Ибо эти права и определяют будущее развитие человеческого потенциала, качество рабочей силы, ее соответствие требованиям экономического развития принимающих стран.

⁹ См.: Ивахнюк И.В., Кузьмина Е.М. Свобода передвижения трудовых ресурсов в Евразийском экономическом союзе: выгоды и риски // Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта: Материалы IX международного научно-практического Форума (Москва, 28-29 ноября 2017 г.) В двух томах. – Т. 1 / Под науч. Ред. С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой – М.: Экономическое образование. 2017. С. 52-53.

В целях формирования общего рынка труда Договором о Союзе вырабатывается общая политика в сфере трудовой миграции, зачета трудового (страхового) стажа, социального обеспечения и медицинского обслуживания трудящихся стран ЕАЭС. Идет завершающий этап доработки документов по Договору о пенсионном обеспечении трудящихся государств-членов.

Формирование единого рынка труда ЕАЭС открывает для трудовых мигрантов из этих стран возможность найти работу на более широком профессиональном пространстве, создает условия для профессиональной самореализации, обеспечения достойного уровня жизни, гарантии более благоприятных условий труда, больший доступ к медицинскому и социальному обслуживанию.

Договор о ЕАЭС существенно расширил права граждан государств-членов при осуществлении ими трудовой деятельности на территории Евразийского экономического союза. Договором закреплены договоренности, согласно которым граждане государств-членов имеют право осуществлять трудовую деятельность в любом государстве Союза без получения соответствующего разрешения.

Если сравнить принципы трудового права стран ЕАЭС, лежащие в основе правового регулирования трудовых отношений в этих странах и закрепленные в их Конституциях и трудовом законодательстве, то становится очевидно, что они в целом совпадают: свобода труда; право на заработную плату; право на отдых; право на трудовые споры; право на объединение в профессиональные союзы; принцип недопустимости принудительного труда и др.

Однако имеются и отличия. Так, в Конституции Республики Беларусь закреплено право на труд, в то время, как в Конституциях других стран ЕАЭС – свобода труда. Гарантированное гражданам Республики Беларусь право на труд включает право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом потребностей общества. В Конституции РБ имеется положение о том, что женщинам обеспечивается предоставление равных с мужчинами возможностей в получении образования, профессиональной подготовки, продвижении по службе, создания условий для охраны их труда и здоровья.

В подавляющем большинстве многосторонних соглашений на уровне СНГ и двусторонних соглашений государств Содружества закреплены принципы защиты национальных рынков труда и приоритетного права своих граждан на занятие рабочих мест¹⁰.

В соответствии с Договором о ЕАЭС, в отношении трудовых мигрантов из стран-членов не применяются ограничения, установленные законодательством этих стран в целях защиты национального рынка труда. Трудящиеся имеют право работать во всех сферах деятельности, за исключением отраслей экономики, имеющих стратегическое значение, государственной службы, правоохранительных органов, в соответствии со специальностью и квалификацией, указанной в документах об образовании¹¹.

В настоящее время страны ЕАЭС проходят начальную стадию формирования единого рынка труда, на которой допускаются некоторые ограничения и различия по странам в трудовых правах, социальных гарантиях и др. Странам еще предстоит согласовать комплекс организационных и практических мероприятий, а также мер по формированию нормативной правовой базы в области формирования общего миграционного пространства, интеграции информационных ресурсов.

С точки зрения интеграционных процессов ближе всех друг к другу подошли Россия и Беларусь. В рамках Союзного государства осуществляется гармонизация законодательства по вопросам миграционной политики; проводится мониторинг заключенных договоров и соглашений; осуществляются совместные оперативно-профилактические мероприятия, информационное взаимодействие и сотрудничество в сфере кадрового обеспечения.

В настоящее время в ЕАЭС входят как принимающие мигрантов страны (Россия и Казахстан), так и страны-поставщики трудовых ресурсов (Киргизия, Армения, Беларусь и Казахстан).

¹⁰ См.: Давлетгильдеев Р.Ш. Международно-правовое сотрудничество государств-участников Содружества Независимых Государств в области трудовой миграции на современном этапе // Российский юридический журнал. 2013. № 5. С. 164-172.

¹¹ Исключения касаются трудовой деятельности в медицинской, фармакологической, педагогической и юридической сферах, где требуются процедуры признания документов.

Россия является центром притяжения значительных потоков рабочей силы. К сожалению, точно оценить численность трудовых мигрантов на пространстве ЕАЭС достаточно сложно. Статистика трудовой миграции в РФ основывается исключительно на количестве выданных иностранным гражданам разрешений на работу и патентов. Граждане стран ЕАЭС, освобожденные от необходимости получения этих документов, из статистики трудовой миграции выпадают.

Большое внимание в рамках регулирования трудовой миграции в последние годы уделяется изменению принципов иммиграционного отбора (на основе балльной системы, тестов рынка труда, зарплатных порогов для различных профессионально-квалификационных категорий)¹². Повышаются требования к критериям определения потребности в иностранной рабочей силе, усиливается роль программно-целевого принципа планирования (программы, ориентированные на определенные категории иностранной рабочей силы).

По мнению чл-кorr. РАН С.В. Рязанцева, образование может рассматриваться как важный элемент углубления интеграции в ЕАЭС. Единый рынок труда требует общих подходов в подготовке кадров. Однако на настоящий момент единая образовательная система в ЕАЭС отсутствует. В целях взаимного развития государств-членов необходимо создать благоприятные условия для стимулирования миграции высококвалифицированных специалистов, ученых, студентов и аспирантов посредством развития инновационной и образовательной инфраструктуры¹³.

При этом, в современных условиях развития интеграционного сотрудничества со странами ЕАЭС и рядом стран СНГ и большого объема трудовых миграционных потоков, назревшей задачей

¹² См.: Комаровский В.В. О трудовой миграции в современных условиях // Комаровский В.В., Веденеева В.Т. Феномен трудовой миграции в изменяющемся мире. – М.: ИМЭМО РАН, 2017. – 140 с. С. 6-7.

¹³ См.: Рязанцев С. В. Вступительное слово // Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта: Материалы IX международного научно-практического Форума (Москва, 28-29 ноября 2017 г.) В двух томах. – Т. 1 / Под науч. Ред. С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой – М.: Экономическое образование. 2017. С. 6.

становится синхронизация профессиональных квалификаций. Государства должны проявлять взаимную заинтересованность в повышении качества рабочей силы, развитии знаний и умений работников. Для этого необходимо широкое взаимодействие государств в области создания национальных систем квалификаций, отвечающих интересам государства, экономики, трудящихся.

Процесс внедрения в жизнь принципов евразийской интеграции идет достаточно сложно. Как отмечается исследователями, до сих пор не появилось ни одного общего совместного проекта, объединяющего страны Союза, несмотря на наличие на евразийской таможенной территории ресурсов, позволяющих создавать предприятия полного цикла. Инвесторы, в том числе и российские, по-прежнему предпочитают отрасли, позволяющие получать, так называемую, «быструю прибыль» (например, связь). Российская бизнес-элита предпочитает вести дела в Европе, несмотря на то что 77% территории страны находится в Азии¹⁴.

Однако есть основания утверждать, что страны-участницы ЕАЭС ощутили позитивные последствия свободного движения рабочей силы в регионе. Возросли возможности легального трудоустройства их граждан на территории ЕАЭС в соответствии с имеющимися квалификациями, а также получение медицинского обслуживания и других социальных льгот наравне с гражданами страны пребывания. В 2016 году вырос объем денежных переводов трудовых мигрантов из России в другие страны ЕАЭС, что свидетельствует об упрочившемся положении граждан государств-членов ЕАЭС на российском рынке труда¹⁵.

Сегодня приоритетными направлениями работы ЕАЭС являются дальнейшее укрепление многостороннего сотрудничества

¹⁴ См.: Орлов Д. ЕАЭС: между утопиями и реалиями // НГ_Дипкуррьер от 11 декабря 2017 г.

¹⁵ См.: Ивахнюк И.В., Кузьмина Е.М. Свобода передвижения трудовых ресурсов в Евразийском экономическом союзе: выгоды и риски // Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта: Материалы IX международного научно-практического Форума (Москва, 28-29 ноября 2017 г.) В двух томах. – Т. 1 / Под науч. Ред. С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой – М.: Экономическое образование. 2017. С.53.

стран-участниц, сопряжение интеграционных форматов ЕАЭС и СНГ, а также привлечение новых участников к взаимодействию.

В настоящее время интеграционные процессы на постсоветском пространстве характеризуются в ряде случаев наличием параллельных разновекторных (Россия – Запад) устремлений государств. Созданное в свое время Европейским союзом (далее ЕС) так называемое «Восточное партнерство» - программу добрососедства для постсоветских стран в целях вовлечения их в орбиту своих интересов, не удалось реализовать в полном объеме. Сегодня для усиления привлекательности этой программы ЕС предлагает разнообразные подходы, в частности, возможность государствам выстраивать с ЕС отношения, продолжая при этом интеграционные связи с третьими странами.

24 ноября 2017 года в Брюсселе было подписано Соглашение о расширенном и всеобъемлющем сотрудничестве Республики Армения с Европейским союзом в сферах экономики, энергетики, культуры, образования¹⁶. Соглашение о сотрудничестве РА с ЕС составлено по принципу дополнения и непротивопоставления имеющимся обязательствам Армении перед государствами-членами ЕАЭС. Данное Соглашение не имеет того разрушительного потенциала для национальной безопасности Армении, какое было заложено в Соглашении об ассоциации 2013 года, положения которого оказали бы воздействие на весь спектр внутренней и внешней политики Армении, и в первую очередь ее отношений со своим основным военно-политическим и экономическим союзником – Россией.

Тем не менее, очевидно, что для ЕС важнее не реализовать инициированные Соглашением реформы в социально-экономической сфере с целью качественного улучшения жизни местного населения, сколько расширить в Армении сферу своего влияния.

Пример Армении - интегрироваться в ЕС, сохраняя при этом уже имеющиеся позиции в ЕАЭС, повлиял на Белоруссию, которая выразила готовность проводить политику «открытых дверей» с

¹⁶ См.: Евсеев В. Мост между ЕАЭС и ЕС через Армению отвечает национальным интересам России // Ноев Ковчег. Февраль 2018 г. с. 9.

ЕС. В рамках новой стратегии Евросоюза «ЕС – Центральная Азия» обсуждается соглашение о партнерстве ЕС с Киргизией.

В современных условиях, когда идет массированная атака Запада на Россию, запугивание наших союзников, попытки восстановить однополярную систему управления миром, все более возрастает социально-экономическая и политическая значимость Евразийского экономического союза.

ПОСЛЕДСТВИЯ BREXIT ДЛЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Екатерина Никитична Егорова

*доцент кафедры европейского права
Московского государственного института (Университета)
международных отношений
Министерства иностранных дел России,
кандидат юридических наук
katemgimo@gmail.com*

Постепенное углубление интеграции, достижение провозглашенных целей и задач в учредительных договорах Европейского Союза (далее – ЕС) стало возможным благодаря созданию общего, а затем и внутреннего рынка ЕС. Его основу образуют четыре свободы: свобода передвижения товаров; свобода передвижения физических и юридических лиц (свобода учреждения); свобода предоставления услуг; свобода передвижения платежей и капиталов.

Формирование пространства свободы передвижения товаров, лиц, услуг и капиталов без внутренних границ, как это было определено в Едином европейском акте 1986 г., представляет собой весьма сложный процесс, обусловленный одновременно и социально-экономическими, и политическими нюансами¹.

Договор об образовании Европейского Экономического Сообщества 1957 г. определяет цели общего рынка следующим образом: «Задачей Сообщества является содействие гармоничному развитию экономики на всей его территории, постоянный и равновесный рост, увеличение стабильности, быстрое повышение уровня жизни и установление более тесных отношений между государствами, объединенными в Сообщество, посредством

¹ Егорова Е.Н. Основы трудового права Европейского союза: Учебное пособие. – М.: Издательская группа «Граница», 2014. С. 87-88.

создания общего рынка и постепенного сближения экономических политик государств-членов» (статья 2)².

В Договоре о ЕС в редакции Лиссабонского договора 2007 г. в статье 3 закреплено, что Союз «старается обеспечить устойчивое развитие Европы на основе сбалансированного экономического роста и стабильности цен, конкурентоспособной социальной рыночной экономики, стремящейся к полной занятости и социальному прогрессу»³.

За период своего существования меры по построению внутреннего рынка интеграционного объединения дали весьма положительные результаты. В частности, отменены сотни технических, юридических и бюрократических барьеров для свободы передвижения товаров и свободного передвижения физических лиц между государствами-членами ЕС. Многие компании смогли расширить свою деятельность на территории ЕС, снизилась стоимость мобильных телефонных звонков, тарифов на авиаперелеты. При этом, институты и органы ЕС контролируют поддержание баланса между реализацией установленных свобод и защитой прав потребителей, экологии и справедливых условий конкуренции.

Несмотря на достигнутые успехи функционирования внутреннего рынка, все же остаются и некоторые препятствия. Речь идет о различиях в налоговых системах государств-членов, правилах ведения электронной торговли, наличии сепаратных национальных рынков финансовых услуг, энергетики и транспорта, сложности при признании профессиональных квалификаций для получения работы на территории государств-членов ЕС.

Отдельно стоит отметить работу рынка финансовых услуг. ЕС стремится создать сильный, надежный финансовый сектор, избегая повторения кризиса 2009 г. Реализуется реформа институциональных основ регулирования в финансовой сфере, важной составляющей которой является рынок ценных бумаг. Сделан важ-

² Право внутреннего рынка Европейского Союза: Учеб. пособие: Пер. с англ. К. Знания–Прес, 2004. С. 45.

³ Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями / отв. ред. С.Ю. Кашкин. М., ИНФРА–М, 2008. С. 171.

ный шаг в направлении создания более совершенной архитектуры финансового регулирования и надзора в ЕС⁴.

Территория внутреннего рынка постоянно расширяется с вхождением новых государств в ЕС. Институтами ЕС создана внушительная база актов вторичного права, приняты стратегии развития внутреннего рынка. Казалось бы, есть большой задел для дальнейшего углубления интеграции. Но после финансового кризиса 2009 г., последствия которого ощущаются и сегодня, внутренний рынок потрясает начавшийся в 2015 г. миграционный кризис и возникшая вследствие него проблема охраны и пересечения границ, распределение мигрантов по странам ЕС, возросшая нагрузка на бюджет из-за дополнительных расходов на социальное обеспечение прибывающих граждан из третьих стран. Не решив проблему с нелегальными мигрантами и беженцами, функционирование внутреннего рынка вновь под угрозой – в 2016 г. Великобритания проводит референдум по выходу из состава ЕС.

Правовой основой проведения референдума послужила статья 50 Договора о ЕС в редакции Лиссабонского договора, закрепляющая в пункте 1, что «любое государство-член в соответствии со своими конституционными правилами может принять решение о выходе из состава ЕС»⁵.

Вступив в состав ЕЭС не сразу, а только в 1973 г., Великобритания стремилась максимально сохранить свою политическую и экономическую независимость.

Членство Великобритании в ЕС отмечено некой пассивностью – за весь период она не предложила какого-либо аспекта по расширению компетенции ЕС. Скорее наоборот - всегда выступала с «особой позицией» по ряду существенных вопросов, например, по поводу применения положений Хартии ЕС об основных правах, Директивы о предоставлении «голубой карты» высококвалифицированным специалистам, не участвуя также ни в Шенгенской зоне, ни в зоне единой валюты.

⁴ Касьянов Р.А. Общие тенденции правового регулирования рынка ценных бумаг в Европейском союзе // Законы России. 2013. № 4. С. 97.

⁵ Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями / отв. ред. С.Ю. Кашкин. М., ИНФРА-М, 2008. С. 208.

Факторы, приведшие к постановке вопроса о выходе из ЕС, обусловлены рядом причин.

Во-первых, в силу сложившейся правовой системы, традиций у Великобритании больше точек соприкосновения с США, нежели странами континентальной Европы.

Во-вторых, вопрос обоснованности достаточно большого взноса в бюджет ЕС, размер которого составляет 13 млрд. фунтов стерлингов, всегда вызывал определенное раздражение.

Третьим проблемным аспектом выступает несогласие Великобритании с проводимой ЕС неэффективной сельскохозяйственной политикой, ведущей к завышению цен на продукцию и установлению несправедливых условий конкуренции.

Наконец, «последней каплей» в пользу выхода из состава ЕС стала политика ЕС в отношении приема внешних мигрантов. Давление на бюджет в части социальных выплат, конкуренция за рабочие места, дисбаланс рынка труда, повышение уровня преступности – те аргументы, которые приводились сторонниками выхода из ЕС.

Наибольшую степень негативных последствий выхода Великобритании из ЕС ощутит на себе свобода передвижения физических лиц. Миллионы граждан Великобритании и ЕС пребывают в состоянии неопределенности относительно своего будущего юридического статуса. Около миллиона британских подданных работают на территории ЕС, и три миллиона граждан ЕС работают на территории Великобритании.

Согласно положениям Договора о функционировании ЕС (статья 45) все эти граждане пользуются правом на трудоустройство, проживание, образование на недискриминационной основе по признаку гражданства. Граждане ЕС также пользуются правом на воссоединение членов семьи из третьих стран⁶. Каким образом изменится их положение после выхода Великобритании из Союза? Четкого ответа на этот вопрос пока ни у одной из сторон не проработан.

⁶ Директива Европейского парламента и Совета ЕС № 2004/38 о праве граждан ЕС и членов их семей свободно передвигаться и проживать на территории государств-членов. // OJ L 158, 30.04.2004, P. 77-123.

В настоящий момент прошел уже год с момента официального запуска британским правительством процесса выхода из ЕС.

Изначально было заявлено о двух сценариях выхода: «мягкий», при котором Великобритания оставалась бы участником внутреннего рынка ЕС, и «жесткий» сценарий, подразумевающий возвращение Великобритании полного суверенитета. Рассматривались варианты сотрудничества с ЕС в рамках Европейской ассоциации свободной торговли, или образования таможенного союза и установление общего таможенного тарифа по отношению к товарам из третьих стран, или заключение секторальных соглашений.

Очевидно, что экономика Великобритании уже понесла потери из-за неопределенности, связанной с условиями выхода. В частности, замедлились темпы роста ВВП, выросла инфляция и ослабла национальная валюта. Снижаются и инвестиционные показатели.

Важно отметить, что Великобритания является важным финансовым центром. *Deutsche Bank* предупредил о возможном перемещении 4000 рабочих мест из британских отделений банка, вследствие того, что не сможет противостоять последствиям *BREXIT*. *Goldman Sachs* также предложит 1000 сотрудникам переместиться из Лондона во Франкфурт.

Согласно руководящим принципам ведения переговоров с Великобританией о выходе из ЕС, положения о британском финансовом секторе необязательно должны быть предметом будущих торговых соглашений с ЕС. Однако, многие банки уже стремятся в города еврозоны, обеспечение или продление присутствия в которых означает нахождение под наблюдением Европейского центрального банка, и, соответственно, получение возможности уклонения от негативных последствий *BREXIT*.

В свою очередь, ЕЦБ настоятельно рекомендовал кредитным организациям оперативно подавать заявления на получение лицензии на право осуществления операций не в Великобритании в случае, если они планируют перемещение, так как в данном случае будет работать правило: «первым пришёл-первым обслужен». Около 40 международных банков имеют филиалы в еврозоне, которые управляются из британского финансового центра, другие же банки просто оказывают услуги европейским клиентам напрямую

из Лондона. Но представители ЕЦБ особо отметили, что не будут принимать заявления от банков Франкфурта, Парижа или Дублина, управляемых из Лондона.

Безусловно, нет никаких сомнений в том, что *BREXIT* будет иметь разрушительные экономические, политические и институциональные последствия и для ЕС, и для Великобритании. Звучат призывы провести повторный референдум о выходе, ввиду того, что условия выхода представляются пока неясными. Ни государственный, ни частный сектора не готовы адаптироваться к возможным последствиям.

28 февраля 2018 г. Европейской комиссией был представлен проект соглашения о выходе Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии из ЕС и Европейского сообщества по атомной энергетике⁷. В документе отражены закрепленные позиции Великобритании и ЕС по правам и социальным гарантиям работников, членов из семей, границе между Республикой Ирландия и Северной Ирландией, доступа к внутреннему рынку и Таможенному союзу, исполнению финансовых обязательств Великобритании после ее выхода. Принятие этого соглашения ожидается осенью 2018 г.

Для граждан ЕС будут действовать правила, согласно которым лицам, по состоянию на 29 марта 2019 г. постоянно проживающим в Великобритании на законных основаниях на протяжении пяти лет, будет предоставлена возможность подачи заявления на постоянное проживание и получение статуса переселенца *settled status*. Этот статус позволит им свободно проживать в Великобритании, иметь доступ к социальному обеспечению, а также подать заявление на получение британского гражданства.

23 марта 2018 г. Европейский совет принимает направления ведения переговоров по выходу Великобритании из ЕС⁸, в которых подчеркивает, что эти переговоры должны идти в контексте

⁷ Draft Agreement on the withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community. // 19.03.2018. TF50 (2018) 35. Commission to EU 27.

⁸ European Council (Art. 50) guidelines on the framework for the future EU-UK relationship. // 23.03.2018. EUCO XT 20001/18

идеи «мягкого» сценария выхода с сохранением максимального количества сфер взаимного сотрудничества.

Мишель Барнье, представитель от ЕС, ответственный за ведение переговоров, в своем выступлении в Европейском парламенте в апреле 2018 г. также подчеркнул, что надеется на адекватный ответ Великобритании на вопрос относительно того, какой способ выхода будет выбран⁹.

⁹ Remarks by Michel Barnier at green10 : «Is Brexit a threat to the future of the EU's environment?» - European Parliament. Brussels, 10.04.2018.

НОВЕЛЛЫ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЕДИНОГО РЫНКА ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Рустам Альбертович Касьянов

*канд. юрид. наук, PhD in EU Law (FRANCE), доцент
Доцент кафедры европейского права МГИМО МИД России*

Для Европейского союза 2018 г. стал знаменательным с точки зрения эволюции правовых основ единого рынка финансовых услуг. В январе вступили в силу важные правовые акты Европейского союза (ЕС), которые видные представители западной доктрины квалифицируют в качестве «спинного хребта финансового регулирования»¹. Речь идёт о двух связанных между собой актах вторичного права ЕС – второй директиве «О рынках финансовых инструментов» (*Markets in Financial Instruments Directive – MiFID II*)² и регламенте «О рынках финансовых инструментов» (*Markets in Financial Instruments Regulation – MiFIR*)³.

¹ Bonneau Th. MIF II : aperçu général de la directive et du règlement du 15 mai 2014. // *Revue de Droit bancaire et financier* n° 6, Novembre 2014, dossier 59.

² Директива 2014/65/ЕС Европейского парламента и Совета от 15 мая 2014 года «О рынках финансовых инструментов и о внесении поправок в Директиву 2002/92/ЕС и Директиву 2011/61/ЕС (Directive 2014/65/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on markets in financial instruments and amending Directive 2002/92/EC and Directive 2011/61/EU). // *Official Journal of the European Union* L 173, 12.6.2014. p. 349–496.

³ Регламент (ЕС) № 600/2014 Европейского парламента и Совета от 15 мая 2014 года о рынках финансовых инструментов и вносящий поправки в Регламент (ЕС) № 648/2012 (Regulation (EU) No 600/2014 of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on markets in financial instruments and amending Regulation (EU) No 648/2012). // *Official Journal of the European Union* L 173, 12.06.2014, p. 84–148.

MiFID II заменила первую *MiFID*, которая была принята в 2004 г., но вступила в силу лишь в 2007 г., накануне мирового экономического и финансового кризиса 2008-2009 гг., когда проявились недостатки старого регулирования, что потребовало масштабной ревизии правовых норм, действовавших в тот период. Ведущие институты ЕС (Европейский парламент, Совет ЕС, Европейская комиссия) быстро достигли консенсуса в вопросе о необходимости реформы, которая началась в 2009 г. при активном сотрудничестве с Комитетом европейских регуляторов ценных бумаг (*Committee of European Securities Regulators, CESR*). В период проведения реформы представители институтов ЕС с особым вниманием следили за утверждением проектов документов. В тот день, когда институты ЕС достигли принципиального согласия по реформе (14 января 2014 г.), Мишель Барнье (в тот момент еврокомиссар по вопросам внутреннего рынка и услуг) заявил: «Я приветствую принципиальное соглашение, достигнутое сегодня между Европейским парламентом и Советом по пересмотру правил, регулирующих рынки финансовых инструментов. Новые правила позволят улучшить функционирование рынков капитала в интересах реального сектора экономики»⁴. Результатом реформы стало также принятие *MiFIR*, то есть правового акта ЕС в форме регламента, который в силу его особенностей и характеристик правотворческие институты ЕС избирают для реализации целей унификации права.

Обсуждение *MiFID II* и *MiFIR* растянулось на годы. Фактически с декабря 2009 г. два текста параллельно рассматривались и утверждались в законодательных институтах ЕС, в июне 2014 г. они были опубликованы в Официальном вестнике ЕС. В июне 2016 г. приняты два правовых акта, которые внесли соответствующие изменения в *MiFID II* и *MiFIR*⁵, отсрочив их вступление в

⁴ European Commission, Press Release "Markets in Financial Instruments (MiFID): Commissioner Michel Barnier welcomes agreement in trilogue on revised European rules" (Brussels, 14 January 2014) // MEMO/14/15.

⁵ Директива (ЕС) 2016/1034 Европейского парламента и Совета от 23 июня 2016 года о внесении изменений в Директиву 2014/65/ЕС о рынках финансовых инструментов (Directive (EU) 2016/1034 of the European Parliament and of the Council of 23 June 2016 amending Directive 2014/65/EU

силу на год. Эта отсрочка объясняется тем, что к первоначальному сроку не были реализованы основные задачи, связанные прежде всего с транспозицией многочисленных и в большинстве случаев сложных и ранее незакрепленных правил в национальные правовые системы 28 государств – членов ЕС.

Основное содержание MiFID II и MiFIR

Как правило, любая реформа – это ответ на какие-либо трудности, которые мешают дальнейшему развитию. Начиная с 1999 г., когда был принят первый программный документ ЕС в сфере финансовых услуг – План действий в сфере финансовых услуг⁶ (*Financial Services Action Plan, FSAP*), – Евросоюз планомерно идёт к построению интегрированного рынка финансовых услуг. Поскольку в учредительных договорах ЕС как источниках первичного права никогда не было и до сих пор нет специального раздела, посвящённого правовому регулированию сферы финансовых услуг (включая услуги на рынке ценных бумаг, в банковской сфере и в области страхования), роль основных "проводников" реформы ложится на акты вторичного права – директивы и регламенты.

MiFID II и MiFIR фактически можно квалифицировать в качестве конститутивных основ строящегося интегрированного ев-

on markets in financial instruments). // Official Journal of the European Union L 175, 30.06.2016, p. 8–11; Регламент (ЕС) № 2016/1033 Европейского парламента и Совета от 23 июня 2016 года о внесении изменений в Регламент (ЕС) № 600/2014 о рынках финансовых инструментов, Регламент (ЕС) № 596/2014 о злоупотреблениях на рынке и Регламент (ЕС) № 909/2014 об улучшении расчётов по ценным бумагам в Европейском союзе и центральных депозитариях ценных бумаг (Regulation (EU) No 2016/1033 of the European Parliament and of the Council of 23 June 2016 amending Regulation (EU) No 600/2014 on markets in financial instruments, Regulation (EU) No 596/2014 on market abuse and Regulation (EU) No 909/2014 on improving securities settlement in the European Union and on central securities depositories) // Official Journal of the European Union L 175, 30.06.2016, p. 1–7.

⁶ Сообщение Комиссии от 11 мая 1999 года "Реализация единого финансового рынка: план к действию» (Commission Communication of 11 May 1999 entitled "Implementing the framework for financial markets: action plan") // [COM (1999) 232 final - Not published in the Official Journal].

ропейского рынка финансовых услуг. Это можно сделать по ряду причин, условно разделив их на четыре группы: 1) закрепление важных и в большинстве случаев новых определений ключевых терминов, которые используются на современных европейских финансовых рынках; 2) включение в область правового регулирования новых торговых площадок для торгов финансовыми инструментами; 3) включение в область правового регулирования новых финансовых инструментов; 4) ответ на технологическое развитие в XXI в., которое существенно повлияло на организацию и проведение торгов.

1) *Закрепление важных и в большинстве случаев новых определений ключевых терминов, которые используются на современных европейских финансовых рынках.*

В *MiFID II* даны определения ряда ключевых терминов европейского финансового права: «инвестиционная компания», «инвестиционные услуги и деятельность», «вспомогательные услуги», «инвестиционная консультация», «управление портфелем», «профессиональный клиент». В данном акте закреплены и совершенно новые определения, например «организованная торговая площадка (OTF)» (*organised trading facility, OTF*), что означает «многостороннюю систему, которая не является регулируемым рынком или *MTF* и на которой несколько продавцов и покупателей ведут торговлю облигациями, структурированными финансовыми продуктами, квотами на выбросы или производными, способные взаимодействовать в системе таким образом, что в результате могут быть заключены сделки в соответствии с Разделом II настоящей Директивы»⁷.

Список новых определений в *MiFID II* и *MiFIR* достаточно большой, поэтому остановимся ещё на двух. «Алгоритмическая торговля» означает «торговлю финансовыми инструментами, при

⁷ Директива 2014/65/ЕС Европейского парламента и Совета от 15 мая 2014 года «О рынках финансовых инструментов и о внесении поправок в Директиву 2002/92/ЕС и Директиву 2011/61/ЕС (Directive 2014/65/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on markets in financial instruments and amending Directive 2002/92/EC and Directive 2011/61/EU) // Official Journal of the European Union L 173, 12.6.2014. p. 382.

которой компьютерный алгоритм автоматически определяет индивидуальные параметры торговой заявки: момент времени, когда следует подавать заявку, сроки удержания позиции, цена или объём заявки или как управлять заявкой после её подачи без вмешательства либо с ограниченным вмешательством человека. Данное определение не распространяется на системы, которые используются только в целях маршрутизации заявок на одной или нескольких торговых площадках или для обработки заявок, не предусматривающих определение каких-либо торговых параметров или подтверждение исполнения заявки или послеторговой обработки операций после закрытия позиции»⁸.

Другое важное понятие – «высокочастотная алгоритмическая торговля» – означает «метод алгоритмической торговли. Для него характерны:

а) инфраструктура, предназначенная для минимизации сетевых и других видов задержек, имеющая, по меньшей мере, один из следующих признаков для алгоритмического открытия позиций – совместное размещение (аппаратный хостинг), приближенный хостинг или высокоскоростной прямой электронный доступ на торговую площадку;

б) система определения порядка подачи, создания, передачи или исполнения заявки без вмешательства человека;

в) высокая скорость выполнения действий в течение торгового дня, в том числе подачи заявки, котировки или отмены заявки⁹.

⁸ Директива 2014/65/ЕС Европейского парламента и Совета от 15 мая 2014 года «О рынках финансовых инструментов и о внесении поправок в Директиву 2002/92/ЕС и Директиву 2011/61/ЕС (Directive 2014/65/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on markets in financial instruments and amending Directive 2002/92/EC and Directive 2011/61/EU) // Official Journal of the European Union L 173, 12.6.2014. p. 384.

⁹ Директива 2014/65/ЕС Европейского парламента и Совета от 15 мая 2014 года «О рынках финансовых инструментов и о внесении поправок в Директиву 2002/92/ЕС и Директиву 2011/61/ЕС (Directive 2014/65/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on markets in financial instruments and amending Directive 2002/92/EC and Directive

Благодаря *MiFID II* и *MiFIR* европейские инвесторы и эмитенты, правоприменители и национальные законодатели получили подробно разработанный терминологический аппарат, который хорошо отражает современные тенденции на европейских финансовых рынках.

2) *Включение в область правового регулирования новых торговых площадок для торгов финансовыми инструментами.*

Приведённое выше определение *OTF* отражает новую фактическую и юридическую реальность. *OTF* – это новый вид торговой площадки финансовыми инструментами, которая до *MiFID II* не имела легального определения и правил, регулирующих их деятельность. В настоящее время в ЕС распространены прежде всего регулируемые рынки (*Regulated Markets, RM*) и многосторонние торговые площадки (*Multilateral Trading Facility, MTF*). Отчасти в этом есть заслуга первой *MiFID*, которая регулировала деятельность *RM* и *MTF*. С тех пор их значение растёт: на 1 ноября 2017 г. в ЕС было 107 *RM* и 160 *MTF*. Главное отличие *OTF* от *RM* и *MTF*: инвестиционная компания или любой рыночный оператор, уполномоченный к работе на *OTF*, должны проводить исполнение заявок в системе с изменяемыми правилами, на дискреционной основе. Кроме того, финансовые инструменты, допущенные к торгам на *OTF*, имеют специфические характеристики.

3) *Включение новых финансовых инструментов в область правового регулирования*

В рамках *OTF* осуществляются торги финансовыми инструментами, которые не характерны для других торговых площадок. Основные финансовые инструменты *OTF* – облигации, структурированные финансовые продукты, квоты на выбросы, производные. В Подразделе "С" Приложения 1 к *MiFID II* приведён подробный перечень финансовых инструментов, торговля которыми урегулирована на уровне ЕС. Приведём лишь некоторые примеры: обращающиеся ценные бумаги; инструменты денежного рынка, паи в коллективных инвестиционных предприятиях, опционы, фьючерсы, свопы, форвардные и другие производные контракты на ценные бумаги, валюты, процентные ставки или текущую доход-

ность, квоты на выбросы или другие производные инструменты, финансовые индексы или финансовые показатели, которые могут быть погашены физической поставкой или наличными деньгами, и др.

Кризис 2008–2009 гг. помог выявить ряд мошеннических схем на вторичном спотовом рынке в ходе торгов квотами на атмосферные выбросы. Эти противоправные деяния могли подорвать доверие к схеме торгов квотами, установленной Директивой 2003/87/ЕС Европейского парламента и Совета. В итоге были приняты меры по усилению системы реестров в ходе торгов квотами на атмосферные выбросы и условий для открытия счёта для торгов квотами. На уровне финансового регулирования было решено принять дополнительные меры в соответствии с Директивой 2003/87/ЕС, путём полного включения квот на выбросы в тексты *MiFID II* и *MiFIR*, а также Регламента (ЕС) № 596/2014 Европейского парламента и Совета и Директивы 2014/57/ЕС Европейского парламента и Совета и классифицировать квоты на атмосферные выбросы как финансовые инструменты. Все эти меры должны усилить целостность и безопасность эффективного функционирования этих рынков, включая всесторонний надзор за торговой деятельностью. В целом важно отметить повышение внимание *MiFID II* к торговле производными финансовыми инструментами¹⁰.

4) *Ответ на бурное технологическое развитие в XXI веке, которое существенно повлияло на процедуру организации и проведения торгов*

Особое значение имеют нормы *MiFID II*, регулирующие алгоритмическую и высокочастотную алгоритмическую торговлю. Внимание к этой теме вполне объяснимо, поскольку «торговля, основанная на алгоритме, ранее была полна мистики, но теперь дела обстоят иначе. В настоящее время 75% торгуемых акций и

¹⁰ Кригер А.М. Обзор изменений в регулировании производных финансовых инструментов в соответствии с директивой № 2014/65/ЕС "О рынках финансовых инструментов" // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11. № 2 (42).

40% валютных операций и внешнеторговых сделок зависят от алгоритмических процессов»¹¹.

Наиболее значимый из рисков при алгоритмической и высокочастотной алгоритмической торговле может возникнуть при применении неавторизованных алгоритмов – от чрезмерно чувствительных алгоритмов (чрезмерно реагирующих на события на рынке) до увеличения нагрузки на системы торговых площадок в результате слишком большого числа заявок, генерируемых автоматической торговлей. Для ответа на эти и другие угрозы *MiFID II* вводит следующие правила.

- Инвестиционная компания, применяющая методы алгоритмической торговли, должна располагать эффективными системами управления и контроля рисков, которые соответствуют особенностям бизнеса компании. Это гарантирует устойчивость и достаточный ресурс прочности торговых систем.

- Инвестиционные компании должны предусмотреть механизмы, исключающие отправку ошибочных заявок. Необходимо предусмотреть соответствующие торговые пороги и лимиты, которые позволят гарантировать стабильность рынка.

- Инвестиционная компания, которая применяет методы алгоритмической торговли, должна иметь эффективные системы безопасности, чтобы предотвратить использование торговой системы в целях, противоречащих Регламенту (ЕС) № 596/2014 (противодействие злоупотреблениям на финансовом рынке)¹².

Действующие в ЕС на данный момент правовые акты *MiFID II* и *MiFIR* можно назвать правовыми основами единого рынка финансовых услуг ЕС. Опора на обширный и хорошо разработанный комплекс норм позволит Европейскому союзу сделать важный шаг в построении подлинно интегрированного рынка финансовых услуг.

¹¹ Sheridan I. MiFID II in the context of Financial Technology and Regulatory Technology // Capital Markets Law Journal, 2017, Vol. 12, № 4, p. 419.

¹² Калинина Ю.В. Новый этап правового регулирования противодействий злоупотреблениям на рынке ценных бумаг в ЕС: реформа или революция? // Финансовое право. 2017. № 6. С. 37-40.

О ПЕРСПЕКТИВАХ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕС В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБОРОННОГО СОЮЗА

Сергей Андреевич Костин

*Соискатель кафедры международного и европейского права
Казанского (Приволжского) Федерального Университета
sergey.a.kostin@rambler.ru*

Вторая половина 2017 года ознаменовалась активными шагами в направлении начала работы Постоянного структурированного сотрудничества (*PESCO*): в ноябре 2017 года, в Брюсселе, Министры иностранных дел и обороны 23 стран ЕС подписали пакт по обороне, нацеленный на усиление сотрудничества внутри Союза и представили его в Совет ЕС; в декабре 2017 года Совет ЕС принял резолюцию (*CFSP 2017/2315*) и на саммите лидеров стран Европейского Союза, было провозглашено начало работы Постоянного структурированного сотрудничества, а также определены первые совместные проекты. В начале 2018 года, а именно в марте, Советом была одобрена резолюция, определяющая перечень проектов, которые должны быть запущены в рамках *PESCO*¹.

Международно-правовая основа для запуска работы *PESCO* формировалась поступательно и была заложена в Маастрихтском соглашении. Где говорится, что «Европейский Совет в Маастрихте закладывает основы для политического Союза с созданием общей внешней политики и политики безопасности и начала общей оборонной политики, как второго столпа Маастрихтского договора» и «ставит перед собой задачу по утверждению идентичности на

1 Официальный сайт Совета Европейского Союза - Протокол заключения Постоянное структурированное сотрудничество – Информационный бюллетень // URL: [«https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/34226/Permanent%20Structured%20Cooperation%20\(PESCO\)%20-%20Factsheet»](https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/34226/Permanent%20Structured%20Cooperation%20(PESCO)%20-%20Factsheet) (дата обращения – 28 марта 2018 г.)

международной арене, в частности путем осуществления общей внешней политики и политики безопасности, включая формирование общей оборонной политики»².

В контексте формирования Постоянного структурированного сотрудничества, следует затронуть правовой институт продвинутого сотрудничества государств-членов ЕС, который предполагает «углубленную интеграцию определенного числа государств-членов Европейского Союза в какой-либо сфере с использованием институтов, процедур и механизмов Союза, открытое для всех остальных государств-членов Союза»³. Этот институт придает необходимую гибкость различным интеграционным процессам, в том числе и механизму *PESCO*, что является особенно важным в условиях неравномерного экономического и политического развития стран ЕС. Профессор Шайхутдинова Г.Р., подробно изучая данный правовой институт, считает, что «необходимость продвинутого сотрудничества в рамках ЕС диктуется следующими двумя обстоятельствами. Во-первых, это механизм, способный сохранить Европейский Союз как интеграционное образование; во-вторых, это способ обеспечить суверенитет и национальные интересы государств-членов ЕС»⁴.

Специальные нормы в учредительных документах Европейского Союза, а именно пункт 2 статьи 329 и пункт 2 статьи 331 Договора о функционировании Европейского Союза (ДФЕС), закрепляют возможность применения элементов продвинутого сотрудничества в сфере внешней политики и политики безопасности.

Структура военного управления ЕС состоит из следующих элементов: Европейское оборонное агентство; Комитет по полити-

2 Официальный сайт Совета Европейского Союза – Договор о Европейском Союзе (Маастрихтские соглашения) // URL: <https://europa.eu/european-union/sites/europa.eu/files/docs/body/treaty_on_european_union_en.pdf> (дата обращения – 28 марта 2018 г.)

3 Шайхутдинова Г.Р. Продвинутое сотрудничество государств в европейском праве: Диссертация доктора юридических наук: 12.00.10. — Казань, 2007. 360 с.

4 Шайхутдинова Г.Р. Продвинутое сотрудничество государств в Европейском праве. - Казань: Академия управления «ТИСБИ», 2007. 232 с. ISBN 5-93593-081-1 С.177.

ке и безопасности; Военный комитет; Военный штаб; Гражданско-военная ячейка Военного штаба ЕС; Оперативный центр ЕС⁵. Ключевыми органами в вопросах координации политик в сфере Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) являются Совет ЕС и Европейский парламент, а главным координатором государств-членов на международной арене - Верховный представитель Союза по иностранным делам и политике безопасности. По справедливому мнению Д.А. Дегтяревой: «Деятельность ЕС на мировой арене, особенно внешняя политика ЕС в ее нынешнем виде является не единой, но именно общей, что предполагает координацию и гармонизацию внешних политик, генерируемых различными политическими системами, входящими в ЕС»⁶.

Одной из форм координации действий в области ОВПБ, возможно, должно стать *PESCO*, с ее двухуровневой структурой. Советом, отвечающим за общее направление политики и принятие решений, и, так называемой, проектной группой, которая управляется теми государствами-членами, которые вносят свой вклад в соответствующий проект в рамках *PESCO*. Решения Совета принимаются единогласно. Исключения составляют решения о приостановлении членства и решения о вступлении новых членов. Такие решения принимаются квалифицированным большинством, а в голосовании участвуют только члены *PESCO*⁷.

Согласно решению Совета ЕС (6393/18) от 6 марта 2018г., на базе *PESCO* должны быть разработаны и развернуты семнадцать первых проектов: Медицинское командование ЕС; Защита программного обеспечения, кибер-угрозы и платформа обмена ин-

⁵ Дегтярева Е.А. Консолидационные вопросы в оборонной промышленности Европейского союза: монография / Е.А. Дегтярева. – Москва: РУДН, 2016. 232с. ISBN 978-5-209-06706-1 С. 56-57.

⁶ Маастрихтский договор как веха европейской интеграции: сборник научных публикаций по материалам заседаний круглого стола. Москва, 11 октября 2013г. / сост. проф., д.и.н. М.А. Шпаковская. - Москва: РУДН, 2014. 175с. С. 5.

⁷ Официальный сайт Европейского Союза. Постоянное структурированное сотрудничество (PESCO) - Информационный бюллетень от декабря 2017г. // URL: <[https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/34226/Permanent%20Structured%20Cooperation%20\(PESCO\)%20-%20Factsheet](https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/34226/Permanent%20Structured%20Cooperation%20(PESCO)%20-%20Factsheet)> (дата обращения – 30 марта 2018 г.).

формацией об инцидентах, кибер-группы быстрого реагирования и взаимная помощь в кибербезопасности; Логистика и поддержка операций; Военная мобильность; Обучающиеся миссии ЕС; Учебный центр сертификации европейских армий; Энергетический функционал; Возможность развертывания военных сил в чрезвычайных ситуациях; Морские системы по противоминным средствам; Морской надзор и его модернизация; Стратегическая система командования и контроля; Бронетехника; Пожарная поддержка. Этим же решением определён состав государств-участников каждого из проектов⁸.

Одновременно, 6 марта 2018 года, Советом были утверждены Рекомендации (6588/1/18) с дорожной картой по имплементации механизма *PESCO*. Согласно дорожной карте: «Совету рекомендуется к июню 2018 года принять рекомендацию о последовательности выполнения обязательств по этапам 2018-2020 и 2021-2025 годов и уточнить более конкретные цели, включая обязательства, которые должны быть выполнены до 2020 года». Верховному представителю Союза предписывается предоставлять Совету доклады на ежегодной основе, с описанием статуса механизма развития *PESCO*, включая выполнение каждым участвующим государством-членом своих обязательств в соответствии с его национальным планом. Об установлении общих условий, на которых третьи страны могут принять участие в отдельных проектах, Совет примет соответствующее решение до конца 2018 года⁹.

Эти обстоятельства явно свидетельствуют о том, что на данном этапе механизм *PESCO*, в первую очередь, ориентирован «во внутрь», с целью консолидировать действия государств-членов ЕС в области обеспечения безопасности. Однако, такая динамика и вовлеченность государств-членов ЕС позволяет предположить, что

8 Официальный сайт Совета Европейского Союза - Решение Совета о списке проектов в рамках *PESCO* (6393/18) // URL: <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-6393-2018-INIT/en/pdf> (дата обращения – 28 марта 2018 г.)

9 Официальный сайт Совета Европейского Союза – Рекомендации Совета, касающиеся дорожной карты по имплементации *PESCO* (6588/1/18) // URL: <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-6588-2018-REV-1/en/pdf> (дата обращения – 28 марта 2018 г.)

в случае успешного развития отношений в рамках *PESCO*, он вполне может стать ключевым в вопросах формирования Общей внешней политики и политики безопасности ЕС.

В Европейском Парламенте, в целом позитивно оценивают потенциал *PESCO*. Этому свидетельствует риторика публикаций. Так, в аналитическом издании под названием «Постоянное структурированное сотрудничество: национальные перспективы и состояние игры» говорится, что «двухуровневая структура *PESCO* позволяет добиться соблюдения трех важных составляющих одновременно в трех плоскостях, в законодательной, политической и финансовой. А именно, позволяет выстраивать «автономные возможности», в рамках единого интегрированного европейского оборонного аппарата, среди государств-участников, которые действительно хотят реализовать свои инициативы; имеет место единое начало, которое позволит объединить множество самостоятельных процессов на региональном уровне в рамках единого международно-правового механизма; добровольное участие, которое никак не ограничивает суверенитет государств-участников»¹⁰.

В аналитическом исследовании Европейского парламента под названием «На пути к Европейскому оборонному союзу – «Белая книга» в качестве первого шага», отмечается, что «Европейский союз будет иметь возможность действовать, используя свои собственные возможности и ресурсы, в том числе в сотрудничестве с НАТО и без ущерба для преимуществ этого стратегического партнерства. Авторы призывают не рассматривать это обстоятельство, как сигнал охлаждения отношений, а лишь как идеальный способ признать саму возможность наличия разных путей, которыми может следовать каждая из организаций»¹¹.

Более сдержанной риторикой в отношении *PESCO* придерживаются в научных кругах. Так, французский специалист в области международной безопасности, доктор Пьер Хароше, рассматрива-

10 Permanent Structured Cooperation: national perspectives and state of play // DIRECTORATE-GENERAL FOR EXTERNAL POLICIES (POLICY DEPARTMENT), July 2017 - PE 603.842 European Union, 2017 P. 37

11 On the way towards a European Defence Union - A White Book as a first step // DIRECTORATE-GENERAL FOR EXTERNAL POLICIES (POLICY DEPARTMENT), April 2016 - PE 535.011 European Union, 2016 P. 45

ет напряженность в отношениях между ЕС и Россией в качестве импульса для развития *PESCO*, уточняя при этом, что «если напряженность между ЕС и Россией ухудшится в контексте, отмеченном продолжающимся американским сдвигом в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона, военная взаимозависимость между европейскими государствами может возрасти, что в конечном итоге приведет к усилению оборонного сотрудничества»¹². Схожей позиции придерживается профессор Луиджи Леонардо из Лондонского Королевского Колледжа, полагая, что напряженность в отношениях с Россией есть один из стимулов для скорейшего создания самостоятельного оборонного союза в рамках ЕС¹³.

Риторика чиновников оборонного ведомства Великобритании, напротив, свидетельствует об открытом сопротивлении созданию европейской армии и призывает «активизировать сотрудничество между ЕС и НАТО, избегая дублирования функций»¹⁴. Здесь стоит отметить, что Великобритания, в принципе отказалась участвовать в механизме *PESCO*.

Говоря о перспективах международно-правовых взаимоотношений Российской Федерации и ЕС в контексте появления Европейского оборонного союза, необходимо отметить, что российская доктрина международного права сейчас сдержанно подходит к его оценке. В далеком 2008 году, Н.Н. Емельянова, приводя доводы аналитиков, высказала интересное мнение о том, что «Структурированное сотрудничество в состоянии существенно затормозить прогресс и развитие в направлении военной интеграции ЕС. Ведь, позволяя одним странам развивать политику безопасности и обороны ЕС и соответствующий потенциал в более узком составе участников – это, в то же время, по существу является легализованной возможностью, для других, не участвующих стран, воздерживаться от активной роли на этом направлении. Что еще

12 Independence, asymmetric crises, and European defence cooperation // European security, 2017 VOL. 26 NO. 2 P. 226-252.

13 European Defence Union: Some Legal Considerations by Luigi Lonardo. Geneva Jean Monnet Working Paper 03/2017.

14 Подходы ЕС и его стран-членов к созданию автономного оборонного потенциала. Аналитический доклад [Сетевое издание] / Под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева, М., ИМЭМО РАН, 2017. С. 16-17.

больше усилит политические противоречия и столкновения интересов внутри ЕС»¹⁵.

Косвенно этот тезис также подтверждается высказываем директором Института Европы РАН Алексея Анатольевича Громыко, который пишет, что «политика ЕС, как организации, во многом определяется позициями отдельных стран членов ЕС, которые далеко не всегда совпадают между собой»¹⁶.

Несомненно, темы, связанные с обеспечением международной и региональной безопасности, всегда были и будут крайне политизированными, это касается в том числе и механизма *PESCO*. В этой связи, представлялся, что перед анонсированием начала сотрудничества в данном направлении, государства-участники учли риск возможного «скатывания» механизма *PESCO* в атрибут Североатлантического Альянса. Для Российской Федерации это представляется одним из важнейших рисков в контексте уже имеющих противоречий с Североатлантическим Альянсом. И конечно, надежда на потепление отношений с ЕС есть, поскольку Россия и европейские страны исторически связаны и имеют серьезные международно-правовые основы для сотрудничества.

Резюмируя, важно отметить, что запуск работы *PESCO* - это результат наличия политической воли стран ЕС и поступательной подготовки международно-правовой основы, и хочется надеется, что этот механизм будет только способствовать снятию напряженности в вопросах обеспечения безопасности в европейском регионе.

15 Емельянова Н.Н. Европейский Союз, вооруженные силы и международное право: Монография / Под ред. д-ра юрид.наук, проф. М.Н. Копылова. М., Издательский Дом Пруденс, 2010. – 185С. ISBN 978-5-4255-0001-4 С. 50.

16 Европейский Союз в поисках глобальной роли: политика, экономика, безопасность. Под общ. ред. Ал.А. Громыко и М.Г. Носова. Москва, 2015. С. 9.

ОДНОСТОРОННИЕ МЕРЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ СОВРЕМЕННЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Ольга Михайловна Мещерякова

*доктор юридических наук, профессор
кафедры международного права Юридического института
Российского университета дружбы народов
ot23375@gmail.com*

Вопрос о санкциях в современном их понимании является темой, которая определяет современные геополитические реалии. Ставшие чуть ли не одной из основных тем дня, санкции играют существенную роль в мировой политике как инструмент политического давления, и тем самым способствуют достижению некоторыми субъектами международного права их геополитических интересов, что, в свою очередь, является фактором, указывающим на наметившиеся тенденции к переформатированию мирового геополитического пространства. Кроме того, санкционные режимы, включающие различные торговые ограничения и введение торговых пошлин, нарушают сложившееся равновесие и нормы ВТО.

Несмотря на сложившуюся на современном этапе развития науки тенденцию рассматривать санкции как инструмент политического давления в целях достижения определенных геополитических целей, направленных на переформатирование отношений как в экономической, так и в политической сферах, невозможно не согласиться с тем, что последствия санкций «нельзя считать пропорциональными тому размеру материального ущерба, который был причинен субъектом, в отношении которого они были введены».¹

Поэтому, сложившаяся в международно-правовой науке тенденция рассматривать санкции «как форму нематериальной

¹ См. Василенко В.А. Международно-правовые санкции. Киев, 1982. С.40-46.

ответственности государств» на сегодня подлежит пересмотру.² Если говорить о самом понятии, то под санкциями понимаются меры, которые могут быть применены к субъекту международного права в целях принуждения его к правомерному поведению. Однако в современную эпоху развития международных отношений это понятие наполняется новым содержанием и новым смыслом, т.к. зачастую речь идет о так называемом «санкционном пакете», который включает целый комплекс мер, затрагивающих, и экономическую, и финансовую сферу, а сами санкции (ограничительные меры) зачастую направлены на достижение геополитических целей, способствующих переделу сфер влияния и в конечном итоге переформатированию всего сложившегося за долгие годы мирового геополитического пространства.

Кроме того, использование в мировой политике такого сравнительно нового инструмента как санкции или ограничительные меры связано с укрупнением акторов мировой политики способствует дальнейшей фрагментации международного права. Очевидно, что если еще в восьмидесятые годы двадцатого века само понятие «санкции» связывалось, как правило, с Советом Безопасности ООН, то сегодня интеграционные сообщества могут вводить против одного или нескольких третьих государств такие ограничительные меры (санкции), которые могут оказаться весьма существенными для экономики соответствующих государств.

Таким образом, с понятием «санкции» связан новый этап борьбы за передел геополитической картины современного мира.

Поэтому сегодня вопрос о том, являются ли санкции или ограничительные меры видом ответственности государств или они имеют другую правовую природу отходит на второй план в сравнении с тем, какое влияние они оказывают на мировую политику и изменение геополитических реалий.

Существенное значение на современном этапе развития международных отношений, как уже указывалось выше, имеет образование интеграционных сообществ, которые наряду с достижением определенных учредительными договорами общих целей на международной арене, могут также принимать и совместные ре-

² Суворов В.К. Реторсии и репрессалии по современному международному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. С.38.

шения о введении санкционных режимов против одного или нескольких третьих государств. Именно с таким «ноу хау» в международных отношениях столкнулась Российская Федерация, когда, начиная с последней трети 2014 года Европейский Союз начал вводить ограничительные меры против России, которые с этого момента перманентно пересматриваются на предмет их продления и увеличения объема санкционного давления, а также затрагиваемых ими сфер. Причем решения принимаются в форме регламентов – актов вторичного права Европейского Союза, которые имеют прямое действие и верховенство, а, следовательно, обязательны для исполнения государствами-членами.

На сегодняшний день Европейский Союз как интеграционное сообщество является, если можно так выразиться, «пионером» в вопросах принятия подобных решений, и, следовательно, достижения своих сегодняшних геополитических целей путем санкционного давления. Однако, в дальнейшем не исключено, что подобного рода решения могут последовать и со стороны других интеграционных сообществ, в том числе и в качестве ответных мер на уже принятые решения о санкциях со стороны других субъектов международного права.

Следовательно, вопрос о том, что представляет собой механизм принятия санкций в Европейском Союзе, который на сегодня является единственным интеграционным сообществом, чей правовой механизм позволяет принимать такие решения, должен вызывать оправданный интерес.

Необходимо подчеркнуть, что механизм принятия решений о введении ограничительных мер (санкций), представляет интерес не только с правовой точки зрения, но и с точки зрения заимствования опыта и возможности предпринимать действенные контрмеры, направленные на минимизацию последствий ограничительных мер, вводимых Европейским Союзом, а также Соединенными Штатами Америки.

Следует отметить, что Европейский Союз на сегодняшний день является интеграционным сообществом с настолько большим объемом делегированных полномочий, который позволяет принимать решения о введении санкционных режимов против одного или нескольких третьих государств, опираясь на свое внутренне

право, и обязывать государства-члены Евросоюза соблюдать эти санкционные режимы.

На основании ст. 215 Договора о функционировании Европейского Союза (ДФЕС), в случае, когда Европейский совет принимает решение о введении ограничительных мер, Совет министров по совместному предложению Верховного представителя Европейского Союза по иностранным делам и политике безопасности при участии Европейской комиссии принимает решение о полном или частичном приостановлении или сокращении экономических и финансовых отношений с одним или несколькими третьими государствами.³

Указанный порядок принятия решения о санкциях прописан в отдельной статье, которая является единственной статьей, составляющей раздел «Ограничительные меры», что свидетельствует о важности вопроса и об особом порядке принятия решений⁴. Следует предположить также, что, вероятно, «европейский законодатель» изначально предполагал возможность дальнейшего развития правового регулирования по рассматриваемому вопросу.

Об особом порядке принятия санкционных решений также свидетельствует и тот факт, что в процессе принятия таких решений на каждой из его стадий возможно расширительное толкование решения Европейского совета, что зачастую приводит к значительному увеличению объема ограничительных мер в ходе последовательной работы над проектами санкционных регламентов.⁵

В соответствии с Разделом II второй главы Договора о Европейском Союзе (ДЕС), ограничительные меры⁶ - это последний

³ Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора / отв. ред. С.Ю. Кашкин, М., 2016.С. 325.

⁴ См.: Мещерякова О.М. Санкции ЕС и их влияние на развитие международного права// Юридическая наука, 2017, №5, С.31-36.

⁵ В данном контексте необходимо пояснить, что регламент в праве Европейского Союза – это законодательный акт, который принимается органами Европейского Союза и имеет общее действие. Регламент является обязательным в полном объеме и подлежит прямому применению во всех государствах-членах.

⁶ В праве Европейского Союза применяется именно термин «ограничительные меры», а не «санкции», который обычно используется средствами массовой информации.

инструмент, используемый до непосредственно силового воздействия.⁷

Европейский Союз в рассматриваемой сфере располагает, в первую очередь, компетенцией по введению дипломатических и экономических мер.

На основании ст. 205 Договора о функционировании Европейского Союза, «деятельность Союза на международной арене... проводится в соответствии с общими положениями, которые предусмотрены в главе 1 пятого раздела Договора о Европейском Союзе».⁸

Первым этапом рассмотрения вопроса о возможности и целесообразности введения ограничительных мер является рассмотрение его на заседании Европейского Совета, т.е. на международно-правовом уровне Европейского Союза, где каждое государство-член Европейского Союза высказывает свою позицию и на основании согласования суверенных волей государств принимается решение о возможности или невозможности введения ограничительных мер в той или иной сфере.

На втором этапе рассмотрения вопроса к нему подключается Совет министров Европейского Союза, который, на основании заключения Европейского совета о целесообразности введения ограничительных мер в той или иной сфере, рассматривает вопрос уже детально в формате, соответствующем той сфере, в которой предполагается ввести ограничительные меры.

На этом этапе рассматриваются все возможные последствия такого решения, все «плюсы» и «минусы» для самого Европейского Союза и в том случае, если Совет министров принимает решение о целесообразности введения ограничительных мер, начинается третий этап принятия законопроекта.

Следует отметить, что в том случае, если Совет министров в ходе обсуждения вопроса пришел к консенсусу об ужесточении ограничительных мер, остальные органы Союза работают уже с законопроектом именно в этом «жестком» варианте.

⁷ Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора / отв. ред. С.Ю. Кашкин, М., 2016. С. 200-201.

⁸ Договор о функционировании Европейского Союза // <http://eulaw.ru/treaties/tfeu>. Дата обращения 10.09.2018.

Важнейшим документом, который дал толчок к запуску санкционного механизма Европейского Союза в отношении Российской Федерации является решению Совета № 2014/145/CFSP⁹, которое обосновывает необходимость санкционного давления на Россию и на основании которого в дальнейшем был принят целый пакет «санкционных» регламентов.

Следует отметить, что вследствие близкого соседства с Российской Федерацией и установившихся торгово-экономических связей Европейский Союз не только обладает соответствующими «рычагами влияния», но и располагает достаточно широкой компетенцией для введения ограничительных мер в отношении России, от санкций против конкретных физических и юридических лиц, до полного или частичного приостановления сотрудничества в той или иной сфере.

Вторым этапом, усиливающим санкционное давление на Россию, стало решение Совета Европейского Союза № 2014/659/CFSP, которое направлено против ведущих российских оборонных предприятий и нефтяных компаний, принадлежащих государству, или в которых доля государства составляет не менее пятидесяти процентов прибыли от продаж, а также транспортировки нефти и нефтепродуктов.¹⁰

На третьем этапе вступает в действие законодательная процедура, предусмотренная Договором о функционировании Европейского Союза. На данном этапе принимаются регламенты, так называемые «санкционные регламенты», которые и являются источниками права, обязывающими государства-члены Евросоюза следовать тем ограничительным мерам, которые были согласованы в процессе обсуждения органами Европейского Союза.

⁹ Решение Совета ЕС № 2014/145/CFSP // URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2014:078:0016:0021:EN:PDF>. Дата обращения 10.09.2018.

¹⁰ Решение Совета ЕС № 2014/659/CFSP // URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32014D0659&from=EN>. Дата обращения 10.09.2018.

В этом контексте регламенты Совета № 269/2014 от 17 марта 2014 года¹¹, а также регламент Совета № 960/2014 от 08 сентября 2014 года можно считать документами, положившим начало целой серии санкционных регламентов, конкретизирующих запреты и ограничения, вводимые против России. Указанные документы детализируют порядок введения ограничительных мер в отношении Российской Федерации за совершенные ею, по мнению Европейского Союза, действия, направленные «на подрыв территориальной целостности, суверенитета и независимости Украины».¹² Регламент № 269 также предусматривает запрет на удовлетворение требований, которые связаны с любыми контрактами, исполнение которых прямо или косвенно затронуто замораживанием активов, внесенных в санкционные списки физических и юридических лиц. Это положение распространяется также и на компенсацию убытков или любой другой утраченной выгоды в том случае, если требование исходит от лиц, включенных в уже утвержденные санкционные списки.

В результате принятия этих актов права Европейского Союза санкционные списки были в значительной степени расширены, а также были введены так называемые «секторальные» санкции в отдельных отраслях экономики, а также в финансово-кредитной сфере.

Далее был принят целый пакет санкционных регламентов, скрупулезно детализирующих ограничительные меры в различных сферах.

Таким образом, принятие указанных документов создало предпосылки для появления последующих актов, усиливающих санкционное давление на Россию и увеличивающих объем принимаемых ограничительных мер.

На основе рассмотренного порядка принятия решений были частично или полностью заморожены активы физических и юри-

¹¹ Регламент Совета ЕС № 269/2014 // URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32014R0269&from=EN>. Дата обращения 10.09.2018.

¹² Регламент Совета ЕС № 960/2014 // URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32014R0960&from=EN>. Дата обращения 10.09.2018.

дических лиц, внесенных в так называемые, «санкционные» списки, приняты различные санкционные режимы в различных сферах.

В этой связи следует обратить внимание на то, что в статье 215 Договора о функционировании Европейского Союза (ДФЕС) нет непосредственного указания на то, что государства-члены Европейского Союза обязаны исполнять принятые решения о введении ограничительных мер, однако обязанность исполнять указанные решения следует из тех обязательств, которые государства-члены добровольно взяли на себя, вступив в Европейский Союз, в том числе из обязательства способствовать достижению целей Союза.

РЕФОРМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯМ НА РЫНКЕ ЦЕННЫХ БУМАГ ЕС (2009–2018 ГГ.)

Юлия Владимировна Михаленко (Калинина)

*аспирантка кафедры европейского права
Московский государственный институт
международных отношений (университета) МИД России*

Правовое регулирование противодействия злоупотреблениям на рынке ценных бумаг в Европейском союзе берет свое начало в 1970х годах XX века. На протяжении последующих сорока лет европейский законодатель постепенно развивал и реформировал данную область, расширяя компетенцию ЕС. Однако мировой финансовый и экономический кризис 2007-2008 годов показал слабые стороны правового регулирования рынка ценных бумаг в ЕС в целом, и в частности в области противодействия злоупотреблениям на таких рынках. В связи с этим Европейской комиссией была подготовлена масштабная реформа, в результате которой был принят принципиально новый подход. Р. А. Касьянов характеризует реформу как «один из ключевых элементов политики ЕК [Европейской комиссии] последних лет, которая направлена на укрепление нормативно-правовой базы ЕС в сфере финансовых услуг»¹.

Европейский законодатель рассматривает инсайдерские сделки и манипулирование рынком как две составляющие единого понятия «злоупотребления на рынке ценных бумаг».

Инсайдерская информация в смысле права ЕС – это точная непубличная информация, которая прямо или косвенно относится к эмитенту или финансовым инструментам и может в случае ее раскрытия повлиять на цену, спрос, предложение финансовых ин-

¹ Касьянов Р. А. Основные инициативы Евросоюза в борьбе с рыночными злоупотреблениями (2003– 2014 гг.) // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 4 (37). С. 247.

струментов². Под манипулированием рынком в ЕС понимаются сделки или участие в торгах, которые способствуют распространению ложной или вводящей в заблуждение информации о предложении, спросе и цене финансовых инструментов; поддерживают цены на финансовые инструменты на неестественном уровне; используют обманные и мошеннические схемы; распространение через средства массовой информации, сеть Интернет или иными способами ложной или вводящей в заблуждение информации о предложении, спросе и цене финансовых инструментов.

Европейский союз избрал в качестве метода сближения законодательств государств-членов ЕС в области противодействия злоупотреблениям на рынке ценных бумаг унификацию. Основным актом, регулирующим вопросы противодействия неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию на рынке ценных бумаг, был принят в форме регламента. Регламент 596/2014 от 16 апреля 2014 г. о рыночных злоупотреблениях³ был опубликован 12 июня 2014 года. Среди нововведений на уровне ЕС следует отметить, что неправомерное раскрытие инсайдерской информации было определено в отдельный вид рыночных злоупотреблений. Был расширен перечень финансовых инструментов, на которые распространяется действие права ЕС в области злоупотреблений на рынке ценных бумаг, он является открытым. На уровне ЕС предусмотрены обязанность эмитента раскрывать инсайдерскую информацию и право на отсрочку такого раскрытия в особых случаях. В ходе реформы были уточнены требования к ведению списка инсайдеров, снижено административное бремя и

² См. подробнее Case C-19/11, Markus Geltl v Daimler AG (2012), June 28 2012 // URL: <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?docid=124466&doclang=EN> (дата обращения – 12.03.2018).

³ Регламент 596/2014 от 16 апреля 2014 г. о рыночных злоупотреблениях и отменяющий Директиву 2003/6/ЕС, Директиву 2003/124/ЕС, Директиву 2003/125/ЕС и Директиву 2004/72/ЕС (Regulation (EU) № 596/2014 of the European Parliament and of the Council of 16 April 2014 on market abuse (market abuse regulation) and repealing Directive 2003/6/EC of the European Parliament and of the Council and Commission Directives 2003/124/EC, 2003/125/EC and 2004/72/EC) // URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32014R0596> (дата обращения – 02.11.2017).

увеличена его эффективность. Предусмотрена обязанность менеджмента компаний уведомлять о совершении сделок на рынке ценных бумаг.

В связи с постоянным развитием рынка и информационных технологий перечень манипулятивных практик на уровне ЕС остается открытым. В качестве исключений из манипулирования на рынке ценных бумаг европейский законодатель предусматривает введение в каждом отдельном государстве понятия «принятая рыночная практика», при которой поведение на рынке ценных бумаг не являлось бы манипулированием.

Европейский союз продолжает политику сотрудничества между регуляторами государств-членов ЕС, с Европейским органом по ценным бумагам и финансовым рынком, с уполномоченными органами третьих стран. В значительной степени в ходе реформы были расширены полномочия государственных органов, отвечающих за противодействие рыночным злоупотреблениям: право доступа в частные помещения, прослушивание записи телефонных разговоров, электронных сообщений, конфискация активов, запрет на осуществление деятельности и др.

На уровне ЕС предусмотрена административная ответственность. Уполномоченные органы вправе изъять в доход государства незаконно полученную прибыль, прекратить деятельность компании, наложить временный или постоянный запрет на осуществление сделок, наложить штраф в размере от 500 тыс. евро до 15 млн. евро.

Абсолютным нововведением на уровне ЕС стало принятие единых стандартов в области уголовного наказания за злоупотребления на рынке ценных бумаг. 12 июня 2014 г. была опубликована Директива 2014/57/ЕС от 16 апреля 2014 г. об уголовной ответственности за рыночные злоупотребления⁴. Это первый акт, принятый на основании п. 2 ст. 83 ДФЕС, предусматривающего установление единых минимальных правил, относящихся к определе-

⁴ Директива 2014/57/ЕС от 16 апреля 2014 г. об уголовной ответственности за рыночные злоупотребления (Directive 2014/57/EU of the European Parliament and of the Council of 16 April 2014 on criminal sanctions for market abuse (market abuse directive)) // URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32014L0057> (дата обращения – 02.11.2017).

нию уголовных правонарушений и санкций в определенной сфере, с целью обеспечения эффективной реализации политики Европейского союза⁵.

Уголовное наказание для физических лиц может быть предусмотрено на уровне государств-членов ЕС в виде лишения свободы на срок от двух или от четырех лет лишения свободы за различные преступления в области злоупотреблений на рынке ценных бумаг. Кроме физических лиц уголовную ответственность могут нести юридические лица. Уполномоченные органы вправе в отношении юридического лица накладывать уголовные штрафы, лишать государственных льгот и помощи, помещать под судебный надзор, принимать решение о принудительной ликвидации в судебном порядке и др.

Уголовная ответственность физических лиц не исключает уголовной ответственности юридических лиц. При этом данные меры могут сопровождаться мерами административной ответственности.

Европейский законодатель провел кардинальную реформу, закрепив на уровне ЕС минимальные требования и меры ответственности, предусмотрев право государств-членов ЕС принимать на национальном уровне более жесткие законодательные положения. В результате реформы европейский законодатель устранил все пробелы в регулировании противодействия злоупотреблениям на рынке ценных бумаг, расширил сферу действия европейских законодательных актов, увеличил полномочия национальных органов, предусмотрел более строгую ответственность за правонарушения. Масштабная реформа длилась более 9 лет. По ее итогам было изменено не только содержание нормативно-правовой базы, но и изменен подход европейского законодателя, приближающий к идее наибольшей унификации.

⁵ Договор о функционировании Европейского Союза 2007 г. (Treaty on the Functioning of the European Union 2007), Art. 83 (2) // URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12012E/TXT> (дата обращения – 12.04.2018).

«ГЕО-БЛОКИРОВКА» КАК ПРЕПЯТСТВИЕ НА ПУТИ СОЗДАНИЯ ЕДИНОГО ЦИФРОВОГО РЫНКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Елена Владимировна Постникова

*К.ю.н., доцент кафедры международного публичного
и частного права Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»
epostnikova@hse.ru*

Бесспорно, внутренний рынок представляет собой одно из главных достижений Европейский Союз (далее ЕС). Результаты функционирования внутреннего рынка выражаются, в том числе, в упрощенном доступе потребителей к многочисленным товарам и услугам с более низкими ценами, для предприятий – в преимуществах от рынка сбыта и поддержкой ЕС конкуренции, высоких требованиях к безопасности и защите окружающей среды¹. Однако потенциал внутреннего рынка не используется в полной мере. К тому же правовое регулирование внутреннего рынка должно приводиться в соответствие с реалиями сегодняшнего дня, как например, различные инновационные идеи.

Так, в июне 2017 года Европейский Совет подтвердил значимость должного функционирования внутреннего рынка ЕС и одновременно подчеркнул, что существуют еще пробелы, требующие дополнительного внимания². Это касается, в частности, единого цифрового рынка. При этом Европейский Совет положительно оценил опубликованный в мае 2017 года Среднесрочный

¹ См., в том числе: L'UE en 2015 — Rapport général sur l'activité de l'Union européenne. Commission européenne. Bruxelles, BELGIQUE. URL : <http://publications.europa.eu/fr/web/general-report> (дата обращения 3 апреля 2018 г.)

² European Council conclusions, 22-23 June 2017. Brussels, 23 June 2017. URL : <http://www.consilium.europa.eu/media/31807/22-23-euco-final-conclusions.pdf> (дата обращения 3 апреля 2018 г.)

обзор³ Комиссии об исполнении принятой в 2015 года Стратегии для единого цифрового рынка⁴. Последняя предусматривает принятие ряда ключевых действий для создания единого цифрового рынка в рамках трех опор, одна из которых связана с обеспечением доступа потребителей и бизнес-структур к товарам и услугам электронной торговли в рамках всего ЕС. Частью Стратегии является проведение Комиссией исследования в секторе электронной торговли товарами потребления и цифровым контентом, окончательный отчет по которому был представлен тоже в 2017 году⁵.

ЕС представляет собой один из наиболее крупных рынков электронной торговли. А за последнее десятилетие произошло увеличение роли электронной торговли в экономике ЕС, что, повысило необходимость усовершенствования правового регулирования в данной сфере. По данным Комиссии, процент людей в возрасте от 16 до 74 лет, заказавших товары или услуги через Интернет, вырос в годовом исчислении с 30% в 2007 году до 55% в 2016 году. И большая часть производителей сбывает свою продукцию на территории как минимум 21 государства-члена ЕС и лишь 4 % на территории одного государства-члена ЕС. А по данным Евробарометра на 2017 г.: 75% респондентов считают, что самые

³ Communication from the Commission on the Mid-Term Review on the implementation of the Digital Single Market Strategy. A Connected Digital Single Market for All. {SWD(2017) 155 final} Brussels, 10.5.2017 COM(2017) 228 final URL : <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1496330315823&uri=CELEX:52017DC0228> (дата обращения 11 апреля 2018 г.)

⁴ A Digital Single Market Strategy for Europe - Analysis and Evidence. Commission staff working document. Brussels, 6.5.2015. SWD(2015)100final URL : <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52015SC0100&qid=1523966360372&from=EN> (дата обращения 10 апреля 2018 г.).

⁵ Report from the Commission to the Council and the European Parliament. Final report on the E-commerce Sector Inquiry. COM(2017) 229 final. Brussels, 10.5.2017 {SWD(2017) 154 final} URL : http://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:9d1137d3-3570-11e7-a08e-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения 10 апреля 2018 г.)

последние цифровые технологии оказывают положительное влияние на экономику; 69% ответили, что более быстрое и надежное подключение к Интернету побудит их более активно использовать инновационные цифровые технологии; 63% будут использовать эти технологии больше, если онлайн-услуги будут безопасными и 57% - если больше публичных услуг будет в сети⁶.

Комиссия пришла к выводу, что за последнее десятилетие произошло увеличение объемов электронной торговли, что значительно повлияло на стратегии компаний по распространению своей продукции, а также на поведение потребителей. Однако также было констатировано наличие целого ряда проблем при соблюдении права конкуренции ЕС, одной из которых и является «геоблокировка».

«Гео-блокировка» или иначе «гео-блокирование» (по аналогии с англоязычным термином: *geo-blocking*) или же блокировка или блокирование по географическому признаку (по аналогии с франкоязычным термином: *le blocage géographique*) была признана одним из препятствий создания единого цифрового рынка ЕС и, естественно, реализации единого внутреннего рынка ЕС в целом. Правильнее было бы говорить именно о необоснованной «геоблокировке». «Гео-блокировка» представляет собой дискриминационную практику, которая препятствует потребителям иметь доступ и приобретать товары или услуги через веб-сайты, базирующиеся в другом государстве-члене ЕС.

Почему же понадобился запрет «геоблокировки»? Как показывают исследования, только 15% европейцев приобретают товары и услуги по Интернету в магазинах из других государств-членов ЕС⁷. И именно «геоблокировка» выступает одной из причин такой практики. По результатам одного из исследований, про-

⁶ Special Eurobarometer 460. Report. Attitudes towards the impact of digitisation and automation on daily life. March 2017. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/SPECIAL/surveyKy/2160> (дата обращения 10 апреля 2018 г.)

⁷ Geo-blocking: unlocking e-commerce in the EU / European Council. Council of the European Union. URL : <http://www.consilium.europa.eu/en/policies/geo-blocking/> (дата обращения 10 апреля 2018 г.)

веденных Комиссией, было выявлено, что только 37% веб-сайтов в действительности позволяют потребителям из других государств-членов ЕС при заполнении электронной формы для покупки каких-либо товаров достичь последнего этапа, предшествующего вводу данных банковской карты⁸. Подавляющее большинство поставщиков цифрового контента (68%) ограничивают доступ к своим онлайн-услугам из других государств-членов.

В мае 2016 года был представлен Европейской Комиссией Проект Регламента, касающийся запрета «гео-блокировки». И 28 февраля 2018 года был принят Регламент 2018/302 о противодействии необоснованной гео-блокировке и иным формам дискриминации потребителей в зависимости от гражданства, места постоянного проживания и учреждения⁹ (далее Регламент). Регламент вступил в силу на 20 день после опубликования¹⁰ и начнет применяться через 9 месяцев после его опубликования, то есть с 3 декабря 2018 года.

Сфера действия Регламента, как и иные положения права ЕС, касающиеся свобод внутреннего рынка, не распространяется на «чисто внутренние ситуации».

Регламент не будет применяться:

- в ущерб правового регулирования налогообложения и сотрудничества судов по гражданским делам;
- в сфере авторских и смежных прав, в частности, к услугам по предоставлению доступа и по использованию объектов, защищаемых авторским правом или по продаже таковых в нематериальной форме. Речь идет, к примеру, об электронных книгах, онлайн-играх и программном обеспечении¹¹.

⁸ Geo-blocking / European Commission. URL : <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/policies/geoblocking> (дата обращения 13 апреля 2018 г.)

⁹ Regulation (EU) 2018/302 of the European Parliament and of the Council of 28 February 2018 on addressing unjustified geo-blocking and other forms of discrimination based on customers' nationality, place of residence or place of establishment within the internal market and amending Regulations (EC) No 2006/2004 and (EU) 2017/2394 and Directive 2009/22/EC // OJ L 601, 2.3.2018, p. 1–15

¹⁰ Дата опубликования - 2 марта 2018 года.

¹¹ Однако эти виды услуг еще будут предметом исследования Комиссии.

И, кроме этого, из сферы действия Регламента, как и Директивы 2006/123 об услугах на внутреннем рынке¹² исключен целый ряд услуг (например, такие как, услуги общественного значения неэкономического характера, финансовые услуги, транспортные услуги, аудиовизуальные услуги, услуги частных охранных предприятий, некоторые социальные услуги, услуги, связанные с осуществлением государственной власти).

Но прежде, чем переходить к непосредственно содержанию прав и обязанностей, предусмотренных Регламентом, необходимо дать определение некоторым ключевым терминам.

Так, под «потребителем»¹³ понимается любое физическое лицо, чьи соответствующие действия никак не связаны с его торговой, предпринимательской, ремесленной или профессиональной деятельностью (п.12 ст. 2 Регламента).

В то же время Регламент (п. 13 ст. 2) содержит понятие «заказчик» или (потенциальный – *прим. авт.*) «покупатель», или «клиент» (далее «покупатель»)¹⁴. Это понятие означает потребителя, который является как гражданином одного из государств-членов ЕС, или постоянно проживает на территории одного из государств-членов, так и предприятием, учрежденным на территории одного из государств-членов. При этом такой потребитель получает услугу или приобретает товар, или пытается это сделать в рамках ЕС с единственной целью ее/его конечного потребления.

«Продавец» или «торговец», или «субъект экономической деятельности»¹⁵ (далее «продавец») определяется, как любое физическое или юридическое лицо (частное или государственное), которое ведет свою торговую, промышленную, ремесленную дея-

См.: Geo-blocking: Council adopts regulation to remove barriers to e-commerce European Council. Council of the European Union. URL : <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2018/02/27/geo-blocking-council-adopts-regulation-to-remove-barriers-to-e-commerce/27/02/2018> (дата обращения 11 апреля 2018 г.)

¹² Directive 2006/123/EC of the European Parliament and of the Council of 12 December 2006 on services in the internal market // OJ L 376, 27.12.2006, p. 36–68.

¹³ Англ. яз. – «consumer», фр. яз. - «consommateur».

¹⁴ Англ. яз. - «customer», фр. яз. - «client».

¹⁵ Англ. яз. – «trader», фр.яз. - «professionnel»

тельность или деятельность в сфере либеральных профессий, как самостоятельно, так и при посредничестве другого лица (п. 18 ст. 2 Регламента).

А термин «онлайн-интерфейс» раскрывается как любое программное обеспечение, включая веб-сайт в целом или определенный его раздел, а также приложения и, в том числе, мобильные приложения (п. 16 ст. 2 Регламента). Причем такое программное обеспечение должно использоваться или самим продавцом, или от его имени, и служить для обеспечения доступа потребителей к его товарам и услугам для совершения сделок с последними.

Регламент закрепляет запрет дискриминации покупателей на основании гражданства, места постоянного жительства и места учреждения в отношении:

- доступа к онлайн-интерфейсам электронной торговли;
- доступа к товарам и услугам;
- условий оплаты;
- соглашений о пассивных продажах.

Вкратце охарактеризуем сферу действия этих запретов.

Итак, Регламент включает положения, касающиеся доступа к онлайн-интерфейсам. В ст. 3 закреплен запрет продавцу по причинам, связанным с гражданством, постоянным местом жительства или местом учреждения покупателя:

- во-первых, при помощи технических или иных средств блокировать или ограничивать доступ последнего к онлайн-интерфейсам;
- и, во-вторых, перенаправлять его на другую версию онлайн-интерфейса, нежели на которую он первоначально хотел попасть. Технически такая автоматическая переадресация возможна на основании местоположения покупателя, выбранного им языка или иной характеристики, которая позволяет его выделить как лица иного гражданства, места постоянного проживания или места учреждения. Исключением из этого запрета является ситуация, когда покупатель явно выразил свое согласие на такую переадресацию. И интересно, что Регламент предусматривает обязанность продавца даже в случае явно выраженного согласия покупателя на его перенаправление, например, на другой сайт,

обеспечить доступ и на сайт, на который первоначально он и хотел зайти. Например, ирландский покупатель хочет зайти на итальянский сайт электронного магазина. Нарушением положений Регламента будет ситуация, когда покупатель будет переадресован на ирландский сайт¹⁶.

Однако при всем этом запрет на блокировку и ограничение доступа к интерфейсам, а также запрет на переадресацию не применяются, если подобные действия необходимы для соблюдения определенных требований, предъявляемых к сфере деятельности продавца, закрепленных в праве ЕС или законодательстве государства-члена ЕС в соответствии с последним.

Регламент также закрепляет гарантии на доступ к товарам и услугам.

В соответствии со статьей 4 Регламента продавец не вправе применять различные общие условия для доступа к товарам и услугам в зависимости от гражданства, места постоянного жительства и места учреждения покупателя в следующих трех случаях.

- Во-первых, когда покупатель приобретает товары у продавца и заказывает доставку по адресу, расположенному в государстве-члене, в которое продавец осуществляет доставку или договаривается с продавцом о месте хранения товара в государстве-члене, в котором продавец предоставляет такую услугу (опцию) согласно общим условиям продажи. Например, польский потребитель хочет купить холодильник на немецком веб-сайте. И если согласно общим условиям продажи товар не доставляется в Польшу, то покупатель должен быть самостоятельно вывезти приобретенный товар из магазина или склада продавца
- Во-вторых, когда покупатель получает электронные услуги от продавца¹⁷. К числу таких услуг, например, относятся:

¹⁶ 10 Key Features of the Geo-blocking Regulation / European Commission. URL : <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/10-key-features-geo-blocking-regulation> (дата обращения 11 апреля 2018 г.)

¹⁷ За исключением положений главы 1 раздела XII Директивы 200/112 об общей системе взимания налога на добавленную стоимость (Council

использование облака, хранилищ данных, поисковых систем и интернет-каталогов, а также предоставление брандмауэров и хостинг веб-сайтов. Если венгерский покупатель захочет получить услуги хостинга, предоставляемые французской компанией, то он должен будет получить доступ к этой услуге без дополнительной по сравнению с французскими потребителями платы.

- И, в-третьих, когда покупатель получает услуги от продавца (которые не предоставляются в электронной форме) в месте, расположенном, в рамках территории одного из государств-членов, в котором продавец осуществляет свою деятельность. В числе подобных услуг могут быть услуги по аренде автомобилей или размещению в гостиницах. Примером может являться ситуация, когда семья из Бельгии посещает музей в Испании и вправе получить семейную скидку при покупке билетов так же, как и семья из Испании.

Однако следует обратить внимание на то, что согласно положениям Регламента продавцам не запрещается включать в «общие условия», например, цены, которые бы различались в зависимости от государства-члена или даже в рамках одного государства-члена, если они предлагаются на недискриминационной основе покупателям, находящимся на определенной территории или особой группе покупателей.

Так же, как и в отношении доступа к онлайн-интерфейсам, запрет дискриминации покупателей при предоставлении доступа к товарам и услугам не распространяется на случаи, когда специальные положения права ЕС или законодательства государств-членов ЕС в соответствии с правом ЕС запрещают продавцам продавать товары и предоставлять услуги некоторым покупателям или покупателям, находящимся на определенных территориях (например, запрет продавать алкогольную продукцию лицам, постоянно не проживающим в данном государстве).

Что же касается положений Регламента, которые закрепляют принцип недискриминации по отношению к условиям оплаты то-

Directive 2006/112/EC of 28 November 2006 on the common system of value added tax // OJ L 347, 11.12.2006, p. 1–118)

варов и услуг, то они имеют более широкую сферу действия. Дело в том, что в данном случае запрещена дискриминация не только в зависимости от гражданства, места постоянного проживания или места учреждения покупателя, а также в зависимости от места нахождения платежного счета, места учреждения поставщика платежных услуг или места выпуска платежного инструмента в рамках ЕС. Этот запрет распространяется: во-первых, когда оплата производится в электронной форме посредством кредитного перевода, прямого дебета или использования средства платежа, основанного на банковской карте в рамках одного и того же платежного бренда и категории оплаты; во-вторых, когда соблюдены требования идентификации в соответствии с Директивой 2015/2366¹⁸; и, в-третьих, когда операции по оплате производятся в валюте, которая принимается продавцом.

В Регламенте, однако, закрепляются и гарантии прав продавцов. Так, например, при наличии обоснованных объективных причинах продавец может задержать поставку товаров или предоставление услуг до тех пор, пока не получит подтверждение об должной оплате.

Регламент еще включает ряд норм, касающихся соглашений о пассивной продаже. В Регламенте проводится разграничение между активными и пассивными продажами. Без ущерба положениям Регламента 330/2010 О применении статьи 101 (3) ДФЕС к категориям вертикальных соглашений и согласованным практикам¹⁹ и статье 101 ДФЕС, данный Регламент не будет применяться к соглашениям, ограничивающим активные продажи или соглашениям, ограничивающим пассивные продажи, которые касаются сделок вне сферы действия запретов, предусмотренных статьями 3-5 Регламента. Если положения соглашений обязывают продав-

¹⁸ Directive (EU) 2015/2366 of the European Parliament and of the Council of 25 November 2015 on payment services in the internal market, amending Directives 2002/65/EC, 2009/110/EC and 2013/36/EU and Regulation (EU) No 1093/2010, and repealing Directive 2007/64/EC // OJ L 337, 23.12.2015, p. 35–127

¹⁹ Commission Regulation (EU) No 330/2010 of 20 April 2010 on the application of Article 101(3) of the Treaty on the Functioning of the European Union to categories of vertical agreements and concerted practices // OJ L 102, 23.4.2010, p. 1–7

цов в сфере пассивных продаж нарушать запреты ст. 3-5 Регламента, то они автоматически становятся недействительными.

Регламент также предусматривает механизм контроля за своим соблюдением. Итак, государство-член должен назначить орган или органы, которые будут нести ответственность за надлежащее и эффективное выполнение положений данного Регламента. Кроме того, государства-члены должны разработать правила, предусматривающие применяемые в случае нарушения Регламента меры и обеспечить их исполнение.

Государства-члены обязаны еще назначить один или несколько органов для предоставления практической поддержки потребителям в случае спора с продавцами, связанного с применением Регламента.

Через два года после вступления в силу Регламента, то есть начиная с 23 марта 2020 года, и далее каждые 5 лет Комиссия будет готовить и представлять отчет Европейскому Парламенту, Совету и Экономическому и социальному комитету в связи с оценкой влияния Регламента на внутренний рынок ЕС и трансграничную электронную торговлю, в частности. Такой отчет может быть сопровожден предложением о внесении изменений в Регламент, учитывая изменение правового регулирования, а также техническое и экономическое развитие.

И в заключение приведем отрывок из Среднесрочного обзора Комиссии: «Нет ничего неизбежного в отношении воздействия цифровых технологий. Они будут продолжать менять наше общество и экономику, но то, как они это делают, во многом зависит от того, как граждане ЕС, предприятия и государственные органы решают использовать их и как мы формируем правовую основу для этих технологий»²⁰.

²⁰ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions on the Mid-Term Review on the implementation of the Digital Single Market Strategy. A Connected Digital Single Market for All. {SWD(2017) 155 final} Brussels, 10.5.2017 COM(2017) 228 final URL : <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1496330315823&uri=CELEX:52017DC0228> (дата обращения 11 апреля 2018 г.)

МЕСТО АСЕАН ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Алишер Абдулхаликович Саидмухторов

*аспирант, кафедра международного права,
Российский университет дружбы народов*

Следует отметить, что недавно намеченный акцент на восточный вектор во внешнеэкономической политике Российской Федерации обусловлен не только целым рядом политических трений с европейскими государствами, но и с практическим осознанием экономической значимости и потенциальных выгод от сотрудничества с государствами дальнего востока и азиатско-тихоокеанского региона.

Памятуя о Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, следует особо выделить упомянутую среди перечисленных в ней приоритетных направлений внешнеэкономической политики Российской Федерации указание на использование экономического потенциала Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)¹. Для достижения данной цели предусматривается активное взаимодействие Российской Федерации с данным объединением, что предполагает в свою очередь объективную потребность в обзоре доступных для сторон международно-правовых механизмов сотрудничества.

Среди международно-правовых средств экономического сотрудничества следует особо отметить Договор о дружбе и сотруд-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 10.02.2017) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») // опубликовано на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 15.02.2017

ничестве в Юго-Восточной Азии 1976 года (Treaty of Amity and Cooperation) к которому Российская Федерация присоединилась в 2004 году - важному для данного объединения документу, содержащему принципы, нормы и обязательства участвующих государств по предотвращению возникновения на пространстве объединения угроз политического и экономического характера.

Следующим стоит отметить Соглашение между Правительством Российской Федерации и правительствами государств-членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о сотрудничестве в области экономики и развития 2005 года (Agreement between the Governments of the Member Countries of the Association of Southeast Asian Nations and the Government of the Russian Federation on Economic and Development Cooperation), где положениями пункта 2 статьи 1 предусмотрены обязательства сторон соглашения по осуществлению всестороннего диалога и усилий направленных среди прочего на формирование благоприятной среды для поощрения и развития на взаимовыгодных условиях торговли и инвестиций между Российской Федерацией и государствами-членами АСЕАН и развития сотрудничества в областях, представляющих взаимный интерес включая малое предпринимательство, науку и технологии, энергетику, разработку полезных ископаемых, транспорт, финансы, сельское хозяйство, техническое сотрудничество, туризм, информационно-коммуникационные технологии, защиту окружающей среды и рациональное природопользование, в том числе с целью устойчивого развития, а также ликвидацию последствий стихийных бедствий.²

Данное соглашение, содержащее в себе нормы общего характера и общие направления развития экономического сотрудничества сторон, заложило собой основу для дальнейшего обсуждения новых механизмов развития экономического взаимодействия. Это в частности предусмотрено пунктом 3 статьи 2 этого же соглашения, в котором Стороны договорились на дальнейшее нара-

² URL: http://www.mid.ru/summit-russia-asean/-/asset_publisher/FX0KRdXqTkSJ/content/id/2142276 Дата обращения 03.03.2018

щивание сотрудничества в соответствии с применимым международным правом и законодательством участвующих государств.³

Перед тем как перейти к последовавшим за Соглашением между Правительством Российской Федерации и правительствами государств-членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о сотрудничестве в области экономики и развития 2005 года другим документам из арсенала механизмов международно-правового регулирования экономического взаимодействия государств следует немного остановиться на специфике документов свойственных правовой практике АСЕАН, а также тем из них что имеют место быть в рамках партнерского диалога «АСЕАН-Россия».

История договорной практики АСЕАН позволяет сделать вывод о том, что в отличие от западной правовой культуры государствам Юго-Восточной Азии в целом, и государствам-членам АСЕАН в частности, свойственна правовая практика предпочтения и широкого применения источников мягкого права не акцентирующих внимание на объеме правовых обязательств и последствий неисполнения заявленных норм. Такая практика предпочтения источников мягкого права с их нормами, содержащими зачастую такие формулировки как «принимать меры», «содействовать развитию или осуществлению», «стремиться к осуществлению» и т. д. как подтверждается К.А. Бекашевым является особенностью международного экономического права и отсутствие у таких норм четко прописанных положений о правах и обязанностях государств, не лишает их юридически обязательной к исполнению силы.⁴

Это положение предполагает, что несмотря на кажущуюся условность этой группы международных документов широко практикуемые государствами АСЕАН декларации и прочие виды документов мягкого права играют весьма действенную роль в обеспечении экономического сотрудничества между сторонами.

³ URL: http://www.mid.ru/summit-russia-asean/-/asset_publisher/FX0KRdXqTkSJ/content/id/2142276 Дата обращения 03.03.2018

⁴ Международное публичное право. 4-е изд., перераб. и доп./ Отв. ред. К.А. Бекашев, ТК Велби, Изд-во Проспект, М., 2005, 419 с.

Возвращаясь к обзору международно-правовой базы документов экономического взаимодействия между Российской Федерацией и АСЕАН заключенных с 1996 года, следует продолжить с сопутствующих Соглашению между Правительством Российской Федерации и правительствами государств-членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о сотрудничестве в области экономики и развития Совместной декларацией о развитии и всеобъемлющем партнерстве и Комплексной программой действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии на 2005-2015 годы.

Так в тексте Совместной декларации о развитии и всеобъемлющем партнерстве Российская Федерация и АСЕАН подтвердили свое намерение укреплять диалоговое партнерство с целью обеспечения экономического роста, устойчивого развития, процветания и социального прогресса обеих сторон, в связи с чем далее стороны пришли к соглашению о проведении саммитов Российская Федерация-АСЕАН на регулярной основе.⁵

Комплексная программа действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и АСЕАН на 2005-2015 годы в свою очередь выделяет целый главу вопросам сотрудничества в следующих сферах экономики: торгово-инвестиционной, промышленности, энергетики, транспорта, финансов и малого и среднего предпринимательства.

Завершить обзор международных документов взаимодействия Российской Федерации и АСЕАН стоит «Дорожной картой» торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества России и АСЕАН и Комплексным планом действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии на 2016-2020 гг.

Ценность «Дорожной карты» торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества России и АСЕАН состоит в том, что она обеспечивает стороны практическим руководством по обсуждению и реализации мер, направленных на стимулирование постоянного сотрудничества между сторонами.

⁵ URL: http://www.mid.ru/summit-russia-asean/-/asset_publisher/FX0KRdXqTkSJ/content/id/2142334 Дата обращения 05.03.2018

Комплексный план действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии на 2016-2020 гг. в свою очередь хоть и является логическим продолжением предыдущего плана, содержит целый ряд новых инициатив, направленных на придание дополнительного импульса как в упомянутых ранее торгово-инвестиционной, промышленной, энергетической, транспортной, финансовой сферах взаимодействия России с АСЕАН, так и в таких новых для обеих сторон сферах взаимного сотрудничества как то продовольственная безопасность, сельское и лесное хозяйство, информационные и коммуникационные технологии, туризм, наука, технологии и инновации.⁶

⁶ URL: <http://russia-asean20.ru/load/194249/> Дата обращения 05.03.2018.

МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ И ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Мария Геннадьевна Шилина

*аспирантка факультета права
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
mary.shilina@gmail.com*

Понятие межгосударственного экономического взаимодействия многогранно. «Экономическая интеграция», как один из его видов, может исследоваться через призму международного права, теории мировой экономики, политики и международных отношений. На наш взгляд, наиболее объективное изучение феномена требует сложного многофакторного подхода, в основе которого должен лежать правовой анализ.

В новых геополитических реалиях, проблемы сосуществования и сопряжения различных механизмов межгосударственного экономического взаимодействия активно обсуждаются. В настоящее время, государствами евразийского континента поддерживается направление на экономическое объединение. Проблемой видится фрагментация международного экономического права и правопорядка в Евразии, пространство которой характеризуется многообразием видов межгосударственных связей: действуют международные соглашения (многосторонние и двусторонние), функционирует большое количество форматов сотрудничества (от дискуссионных площадок до организаций глубокой интеграции). Для их гармонизации необходимо наглядное видение вариантов поэтапного регулирования международных экономических отношений.

Поскольку связи между активно развиваемыми мегапроектами в евразийских регионах сложны, считаем, что междисциплинарный комплексный анализ явления эффективен. Более того, в условиях стремительного развития международных экономиче-

ских отношений, именно моделирование (в том числе прогностическое) оптимально использовать в качестве основного научного метода представления феномена.

Использование методов нескольких дисциплин позволило построить новое видение феномена современной экономической интеграции. Нормативный правовой подход - дескриптивный метод правового моделирования - был взят за основу анализа. В дополнение к нему, использованы аналитический, структурный и исторический методы юридической науки. Использование метода юридического прогнозирования позволило сделать научно обоснованный прогноз о будущем правовых явлений и предсказать изменения, которые произойдут в правовых системах. Использование синергетического метода помогло увидеть континентальную интеграцию как организационную систему, порядок ее элементов, переменные явления. Данный набор правовых методов был дополнен прогностическими методами науки международных отношений. Модель выстраивается от первоначальных действий к более глубокому уровню взаимодействия на основе данной методологии.

Первым шагом в создании модели стало определение концептуального аппарата исследования. Мы объединили совокупность исследуемых элементов в термин «система», который применяется ко всему евразийскому пространству (Евразия рассматривается как географическое понятие, также учитываются внеконтинентальные аспекты интеграции). Социокультурные аспекты не включены в модель, так как данная сфера требует отдельного анализа и подвержена быстрым изменениям.

Вторым шагом стало определение цели использования метода моделирования - сформировать абстрактное видение текущего и будущего международного экономического взаимодействия для поиска оптимальных вариантов его международно-правового регулирования.

Затем были определены ключевые переменные и отношения между ними. Элементами модели являются международные экономические организации и ассоциации государств. Мы предлагаем общий термин для них - механизмы межгосударственного взаимодействия (ММВ). Связи между ними в модели основаны на типах регулирования: нормативные (международные соглашения, декларации и др.); институциональные (наличие или отсутствие сов-

местных органов, институтов взаимодействия); экономические (связи между рынками товаров, услуг, капитала); политические (текущие аспекты международных отношений).

Имеющиеся исследования¹ по данной тематике фрагментарны. Нами предложен абстрактный вариант развития экономической интеграции, предполагающий постепенное экономическое сближение Евразии. Представление феномена как поэтапной модели видится главной научной новизной работы. Деление взаимодействия на направления (Восточное и Западное), уровни (в соответствии с природой действующих элементов) и этапы отражают структуру модели, включающую предварительные действия и сами этапы интеграции.

Предварительные действия. Фундаментальный уровень – внутригосударственный. Основным элементом представляются отдельные **государства**, а первый этап предполагает гармонизацию законодательства, создание правовой базы, позволяющей развивать экономическое сотрудничество. Тут важно определить вопросы суверенитета и наднациональности.

Важно, чтобы последующее взаимодействие было не только свободным, но и равным. Так, формат «интеграционная структура-национальное государство» не может быть эффективным в силу неравнозначности участников, что предполагает построение интеграции именно с помощью межгосударственных структур.

Следующий уровень – межгосударственный, предполагающий создание региональных ММВ для встраивания государств в мировую экономику. Основным механизмом выстраивания взаимодействия РФ с внешними акторами видится **ЕАЭС**. Переход на новый уровень может быть достигнут путем создания современной правовой базы данного интеграционного объединения. Особое внимание должно быть уделено взаимодействию юрисдикций и их гармонизации. Развитие конкуренции юрисдикций, наряду с со-

¹ Kadri Liik. Russia's “Pivot” to Eurasia // The European Council on Foreign Relations, 2014; Hsu L. Applicability of WTO Law in Regional Trade Agreements: Identifying the Links // Oxford University Press. 2006; Neufels Nora. Trade Facilitation in Regional Trade Agreements, Traits and Trends, ERSD. 2014; Боклан Д.С. Современное международное право: глобализация и интеграция. Сборник научных статей: ВГУ. 2016.

кращением межгосударственных барьеров («негативная» интеграция), является важным основанием для гармонизации правового регулирования («позитивной» интеграции). В данном направлении первоочередной мерой является внедрение оценки регуляторного воздействия в государствах-членах ЕАЭС.

Оставаясь на межгосударственном уровне, следует переходить в дальнейшую стадию, предполагающую гармонизацию связей между функционирующими на постсоветском пространстве ММВ (в первую очередь, **ЕАЭС и СНГ**). Сферы их действия накладываются друг на друга, и разрыв между экономической повесткой требует поиска эффективных способов взаимодействия, надлежащей институциональной связи. На наш взгляд, необходимо обеспечить представительство стран СНГ в ЕАЭС в качестве наблюдателей. Так, создание исполнительного комитета представителей могло бы способствовать разработке общих решений по торговым вопросам и совершенствованию систем обмена информацией.

Предварительные мероприятия, рассмотренные выше, служат прочной основой для установления качественных отношений на других более высоких уровнях.

Континентальная интеграция. Вопрос о том, какой ММВ использовать в качестве основы построения интеграции, спорен. Предлагаемый вариант создания взаимодействия на начальных этапах рассматривается через призму ЕАЭС как основного инструмента, так как модель формируется на основе текущей ситуации, в которой деятельность проекта является решающей. Однако, поскольку ЕАЭС включает не все континентальные государства, утверждаем, что формирование интеграции на более высоких уровнях модели должно основываться на механизмах Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), чтобы учитывать интересы всех участников процесса. ШОС является развивающейся международной структурой, в которую входят постсоветские страны, Китай, Индия и другие крупные игроки. Более того, организация имеет выгодное геостратегическое положение между Европой и Азией.

Рассмотрим основные этапы модели, начиная с формирования международных экономических отношений ЕАЭС с внешними партнерами. Союз имеет три институциональных формата

установления отношений с ними. Основным форматом являются **соглашения о ЗСТ**; второй формат - не преференциальные торговые соглашения; третий – меморандумы о сотрудничестве. Наличие различных форматов сопряжено с организационными трудностями. Ключевой особенностью этапа является отсутствие институциональных связей, функционирующих после заключения соглашений в форме общих межгосударственных органов, постоянных рабочих групп, создание которых повысило бы эффективность практической реализации.

Нынешняя геополитическая стратегия России отражает необходимость создания незападного геополитического партнерства², в связи с этим, восточный вектор развития сети ЗСТ ЕАЭС развивается. Вьетнам стал первым партнером, а сегодня ЕЭК ведет переговоры с Ираном, Израилем, Индией и Сингапуром.

Стратегическое партнерство **ЕАЭС-Китай** имеет решающее значение для экономического развития континента. Указанный формат взаимодействия укрепляется, и можно утверждать, что практическое формирование данного этапа интеграции завершается: переговоры по торгово-экономическому соглашению заключены, оно будет подписано в 2018 году. Соглашение является основной правовой связью на этом этапе. При этом перспективной стратегией успешного его функционирования может также стать создание отдельного соглашения между ЕАЭС и его членами, которое бы учло приоритеты отдельных стран ЕАЭС.

Переход на более высокий уровень - континентального интеграционного взаимодействия - в рамках восточного вектора предполагает сопряжение **ЕАЭС-ЭПШП**. Проекты взаимодополняемы: первый предоставляет институциональную основу, а второй инвестиционные ресурсы.

² Karaganov S. (2018) China and Russia are quasi allies. URL: <https://blogs.timesofindia.indiatimes.com/Globespottting/china-and-russia-are-quasi-allies-on-strategic-affairs-russia-and-india-have-serious-conversations-only-at-top-level/> (дата обращения 13.03.2018)

Исследователи³ выделяют два возможных типа соединения ЕАЭС-ЭПШП: инфраструктурное (совместные проекты) и институциональное (гармонизация регуляторной практики). В ближайшем будущем первый тип будет развиваться быстрее.

Гибкие институты необходимы для долгосрочного продвижения процесса интеграции. Для систематической и последовательной работы между ЕАЭС и Китаем, необходимо создание сильных институциональных связей, которые исключат противоречивый двусторонний диалог. Сформулировать позицию стран ЕАЭС в отношении Китая возможно на основе специально созданного института. Формат постоянного межправительственного комитета видится оптимальным для обсуждения технических вопросов, что приведет к постепенной гармонизации технических регламентов.

Первая часть соединения ЕАЭС-ЭПШП может стать основой для более амбициозных проектов. Вторая часть соединения должна включать не только Китай, но и иные государства, участвующие в интеграционных процессах. При этом одной из основных задач, которые до сих пор не учитывались, является разработка общей стратегии сотрудничества в Евразии. На наш взгляд, ее можно решить с помощью механизма ШОС.

ШОС нами рассматривается как наиболее перспективный элемент предлагаемой модели, основа для формирования широкого многостороннего партнерства: Индия и Пакистан присоединились к организации. Кроме того, пять членов ЕАЭС входят в число государств-членов ШОС, а восемнадцать стран ШОС являются странами инициативы ЭПШП. Валдайский клуб называет ШОС «основным механизмом»⁴, другие эксперты «инкубатором»⁵.

Формат ЕАЭС-ШОС рассматривается как логичное продолжение континентального партнерства, в то время как считаем, что оптимально сочетать оба проекта - **ЕАЭС и ЭПШП - на основе**

³ Хейфец Б.А. Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства. Вызовы для России. М: Институт экономики РАН, 2016. 86 с.

⁴ Караганов С.А, Бордачев Т.В. К великому океану 3. 2016, 14.

⁵ Ефременко В. Рождение Большой Евразии, Eurasia Research Center Network. 2017.

ШОС, поскольку у ШОС есть необходимые черты для этого⁶. На основе ШОС возможно приведение в единство норм и стандартов.

Преимуществом ШОС как организации является возможность создания постоянных механизмов сотрудничества. Механизм урегулирования споров (новый арбитражный суд) может быть одним из них и защитить права инвесторов, помочь в обеспечении сотрудничества по вопросам труда и миграции, гарантировать свободу передвижения.

В то же время, еще остаются некоторые проблемы: риск снижения эффективности после расширения ШОС и риск конкуренции евразийских экономических инициатив. Построение сети транспортных коридоров и логистических маршрутов и создание банка данных совместных проектов может частично их решить. Деловой совет ШОС видится основным органом взаимодействия в данном направлении.

Также остается нерешенный вопрос о том, какая стратегия развития будет выбрана членами ШОС: продолжение реализации отдельных проектов, либо создание общей стратегии. Считаем, что необходима работа над общей стратегией, поскольку без нее ШОС остается концепцией, а не руководящим механизмом специальной компетенции. «Мягкое право» может быть эффективным юридическим инструментом тут.

Вопрос о том, какие юридические связи использовать на рассматриваемом уровне является актуальным. ЕАЭС и ШОС уже готовят соглашение о континентальном экономическом партнерстве. Однако данный формат не включает некоторых участников ЭПШП. Оптимальной правовой основой в долгосрочной перспективе может стать открытое многостороннее соглашение ШОС по общим экономическим вопросам, которое могло бы решить основные вопросы сотрудничества по направлению ЕАЭС-ШОС-ЭПШП и быть дополнено конкретными соглашениями между отдельными государствами, что позволит им выбирать наилучший вариант достижения экономических целей. Двухуровневое правовое регулирование поможет скоординировать большой объем континенталь-

⁶ Shilina M.G. Interstate Economic Cooperation in Eurasia: Actual Options of Development (International Legal Aspect). *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*, 2017. № 1, 178–186.

ной экономической деятельности, установить правовые связи между широким кругом государств. Механизм, созданный на основе ШОС, может также служить инструментом для взаимодействия с другими форматами ММВ (АСЕАН или ВРЭП).

С глобальной точки зрения ШОС можно рассматривать как организацию, способную объединить интеграционные стратегии. Хотя организация охватывает не все развивающиеся страны Евразии, нет необходимости в значительном расширении ее членства, поскольку существуют различные формы ассоциации с ней. Расширение взаимодействия могло бы эффективно осуществляться в рамках формата **ШОС+**, который мог бы быть нацелен на взаимодействие с иными развивающимися странами и региональными блоками: в западно-арабском мире и на Востоке. Таким образом, **ШОС+** может включать все развивающиеся страны Евразийского континента.

Трансконтинентальная интеграция. Параллельно с развитием континентальной интеграции, необходимо переходить на внеконтинентальные уровни, подключать в процессы БРИКС, АСЕАН и другие блоки. Для этого необходимо создать стабильные финансовые связи, сформировать расширенную платформу трансрегиональной интеграции. Такая структуры может быть создана на основе **БРИКС**, главным преимуществом которой является то, что каждый участник платформы является ведущей экономикой на своем континенте. В настоящее время БРИКС практикует модель взаимодействия «управления в союзе с многосторонними организациями»⁷, трансформируется в формат **БРИКС+**, который обеспечивает институциональные рамки для развития финансовых систем и координации деятельности региональных банков, является структурой для диалога в направлении Юг-Юг. Реализация трансрегиональной платформы может дать новый импульс более широкой экономической интеграции.

Регионализм и связи между элементами модели могут принимать различные формы, но одним из оптимальных является формирование общего для континентальных и трансконтинен-

⁷ Ларионова М.В. Российское председательство в БРИКС: модели взаимодействия с международными институтами // Вестник международных организаций. 2016. Т.11.

тальных соглашений и организаций координационного механизма. Преимущество упрощенного механизма заключается в возможности координации экономических процессов между многими существующими альянсами развивающихся стран: Африканским союзом в Африке, Сообществом государств Латинской Америки и Карибского бассейна в Южной Америке, и ШОС в Евразии. Данный механизм сотрудничества можно назвать **трехсторонним межконтинентальным альянсом (ТРИА)**⁸. В дополнение к БРИКС+, ТРИА может служить широкой институциональной платформой для сотрудничества Юг-Юг, а комплексное трехстороннее соглашение может служить основной правовой связью между блоками. Для успешного формирования платформы, развивающимся странам следует использовать инновационные подходы, новое поколение партнерских соглашений, а также обратить внимание на опыт развитых стран. Есть некоторые препятствия, однако концепция имеет потенциал.

Западное направление. Реализация модели и не может полностью развиваться без участия ЕС. Идея создания Большой Евразии открыта для Европы, аналогичные цели видны в инициативе ЭПШП. Западный вектор предполагает переход на уровень интеграции-интеграций. Первым этапом является установление связей между **ЕАЭС и ЕС**. Для их формирования необходимо решить политический кризис. Следует отметить, что поможет решать кризис специальная международная сетевая структура (объединит неправительственные организации и экспертные сообщества), которая будет создана в мае 2018 г.

Правовые связи на Западном направлении слабы. В дополнение к краткосрочным задачам важно сформировать долгосрочное видение совместных действий. Будущее соглашение видится как «мега-соглашение»⁹. Оно может принять различные формы, вплоть до всеобъемлющего соглашения об экономической и тор-

⁸ Лисоволик Я. Imago Mundi: согласованные действия континентов в направлении «Юг – Юг». URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/soglasovannye-deystviya-kontinentov/> (дата обращения 13.03.2018)

⁹ Vinokurov E. (2014) Mega Deal Between the EU and the EEU. Russia in Global Affairs, №4.

говой политике (СЕТА). ТТП и ТТИП также могут послужить прототипами для соглашения.

Утверждаем, что ШОС+ может использоваться в качестве платформы для формирования всеобъемлющего процесса по созданию интеграции-интеграций, связать два вектора и определить переход к единому экономическому пространству. Теоретически становится возможным соединение ЕС-ЕАЭС-ЭПШП. Платформа, основанная на ШОС+, способна обеспечить гибкость стандартов интеграции при соблюдении принципов инклюзивности и открытости, применении новых подходов. Результатом может стать создание сильного континентального и трансконтинентального экономического сообщества, включающего различные модели развития. При этом согласно типам выделенных связей, необходимо учитывать ряд факторов: в политической сфере: переговоры должны быть открытыми и инклюзивными; в экономической: должна быть взаимовыгодность; в юридическом плане: содержание договоренностей должно соответствовать правилам ВТО, принципам прозрачности и недискриминации.

Моделирование архитектуры интеграции привело нас к следующим выводам:

- ШОС – наиболее значимый элемент предлагаемой модели, а успех и качество интеграции зависят от повышения ее активности. Эффективным является развитие связей между евразийскими и внеконтинентальными государствами на основе механизма ШОС+.

- Создание стабильных финансовых связей на основе БРИКС+ может стать основой для формирования платформы трансрегиональной интеграции.

Модель может иметь практическое значение для политиков, юристов, экономистов и других участников, вовлеченных в процесс экономической интеграции. Систематичная структура может послужить основой для правительственных действий, разработки новейших правовых документов между различными форматами ММВ. Исследование дает импульс практическим действиям и юридическим исследованиям.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие проф. А.Х. Абашидзе</i>	4
--	---

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Приветственное слово Ф.Э. Матоко</i>	10
---	----

<i>Приветственное слово Р. Алуаша</i>	11
---	----

<i>Приветственное слово Е. Угриновича</i>	13
---	----

<i>Карташкин В.А.</i> 70-летие Всеобщей декларации прав человека и ее влияние на развитие международного права	15
--	----

<i>Москалькова Т.Н.</i> Актуальные проблемы деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации	26
--	----

<i>Соловьев И.Н.</i> О некоторых аспектах деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в сфере международного сотрудничества и правового просвещения	36
--	----

СЕКЦИЯ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: НОВЫЕ УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ

<i>Акимов В.С.</i> Международно-правовые вопросы использования химических отравляющих веществ в отношении С. Скрипаля и его дочери в г. Солсбери	44
--	----

<i>Блинков Г.Р.</i> Поддержание международной информационной безопасности в соответствии с международным правом	53
---	----

<i>Жгельская К.А.</i> Международно-правовое регулирование возобновляемой энергетики в туристической сфере на примере государства Доминиканская Республика	57
---	----

<i>Ильяшевич М.В.</i> Актуальные проблемы обеспечения информационной безопасности	63
---	----

<i>Камолов Т.М.</i> Коррупция – угроза суверенитету стран – участниц Шанхайской организации сотрудничества	70
--	----

Козлова А.А. Незаконный оборот человеческих органов как транснациональная проблема современности	76
Масакова А.А. Международный терроризм как глобальная проблема современности	82
Мельшина К.Ю. Законодательные инициативы Соединенных Штатов Америки по противодействию экстремизму через призму современного международного права	87
Орлова А.А. Международная безопасность: проблемы систематизации	93
Аль Али Насер Абдель Рахим. Борьба с кибертерроризмом международно-правовыми средствами	97
Симонова А.Е. Международно-правовое и человеческое измерение проблемы распространения оружия массового уничтожения	107
Степанян А.Ж. Проблемы регулирования сетевой нейтральности в Европейском Союзе и России	112
Тертичный А.С. Инкорпорация международно-правовых норм в систему российского законодательства: сравнительно-правовой анализ	119
Фролов Е.М. Проблемы торговли оружием в международном праве	126
Харегов А.С. Международно-правовые аспекты борьбы с киберпреступностью	133
Холодильникова А.Г. Проблемы ядерного оружия в современном международном праве	140
Черкасов Ю.А. Правовое регулирование деятельности частных военных и охранных компаний: «швейцарская инициатива»	147
Шугуров М.В. Совет Европы и охрана окружающей среды: поощрение международной передачи технологий и знаний в контексте стратегии устойчивого развития.....	153
Язулян Э.М. Нагорно-Карабахский конфликт: международно-правовой аспект	166

<i>Preslav Dimitrov, Nikolay Marin.</i> The Role of the World Tourism Organization at the United Nations in the Development of International Tourism Law	172
<i>Nikolay Marin.</i> New Dimensions for the Diplomatic Service of the EU Member States	175
<i>Yessirkepova M.M.</i> Extremism and terrorism: indigence and counter-measures	180

СЕКЦИЯ ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

<i>Ануфриева Л.П.</i> «Основные принципы» как категория международного права	186
<i>Ашавский Б.М.</i> Проблемы функционирования международного права в современной межгосударственной системе.....	198
<i>Банис П.А.</i> Понятие международно-противоправного деяния в свете работы Комиссии международного права ООН	212
<i>Бирюков П.Н.</i> Борьба с мошенничеством в отношении финансов ЕС: плюсы и минусы.....	221
<i>Визиров И.А.</i> Действия повстанческих движений в свете присвоения международно-правовой ответственности государству	231
<i>Герасимова М.А.</i> Нормотворчество международного права: аспекты теории права	236
<i>Джабборов Ф.Н.</i> К вопросу о понятии международной реки в международном праве.....	245
<i>Зорин В.С.</i> Роль Комиссии международного права ООН в закреплении основ толкования международных договоров	252
<i>Прокудина Ю.Н.</i> Бипатриды и международное право	266
<i>Ромашев Ю.С.</i> Об основных элементах международного обычая	272
<i>Рыбаулин В.А.</i> Спор рационализма и рефлексивизма как основа современной теории международных отношений.....	278

<i>Силуянова К.А.</i> Современное международное сотрудничество в области судебной экспертизы	289
<i>Амиров Д.Р.</i> Содержание понятия «член семьи» работника консульского учреждения в международных договорах и консульской практике государств	294
<i>Luc Thi Ly.</i> The Interaction between Private International Law and Public International Law	301
<i>Victor Serafimov.</i> Jus cogens and the Law of International Treaties	310

СЕКЦИЯ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО

<i>Алексеева А.Б.</i> Вопросы национализации в международных инвестиционных спорах на примере дела «Коноко-Филипс против Венесуэлы»	316
<i>Ботина А.А.</i> Деятельность транснациональных корпораций в свете ответственности за международно-противоправные деяния	323
<i>Володин С.И.</i> Актуальные вопросы международно-правовой защиты прав интеллектуальной собственности	331
<i>Глазатов М.В.</i> Эволюция понятийного аппарата субсидии в международном экономическом праве	337
<i>Журков А.А.</i> Международно-правовое регулирование торговли нефтью: концепция <i>lex petrolea</i>	352
<i>Иванова О.И.</i> Регулирование процесса регистрации товарного знака: международно-правовые аспекты	356
<i>Намойлик Е.С.</i> Особенности рассмотрения инвестиционных споров в МЦУИС: проблемы юрисдикции	361
<i>Кайс Шаабанович Ал-Раджаб.</i> Доктрина «right to regulate» в международном инвестиционном праве	368
<i>Карцхия А.А.</i> Факторы глобализации рынка газа: quo vadis?	378

Коннов В.А. К вопросу о юридических характеристиках официального и коммерческого долга в практике внешних заимствований государств.....	393
Крамаренко В.О., Пагиева Ф.О. БРИКС как механизм осуществления экономических отношений.....	399
Летунова П.П. К вопросу о правовой обоснованности введения Европейским Союзом санкций в отношении Российской Федерации	403
Магомедова О.С. Актуальность требований местного содержания в современном международном экономическом праве.....	412
Мамадамонов У.М. Проблемы гармонизации законодательства Республики Таджикистан с Соглашением ВТО по применению санитарных и фитосанитарных мер.....	423
Матвеев В.В. Базельские соглашения: международно-правовая природа и роль в международно-правовом регулировании транснациональных банков.....	431
Нгуен Тхи Ким Ань. Роль Азиатского банка развития в борьбе с бедностью в Социалистической Републике Вьетнам.....	436
Пекарская М.С. Международно-правовые основы обмена налоговой информацией Российской Федерации с другими государствами	444
Сайфуллин Э.К. Международное экономическое право и частные военные и охранные компании	451
Сарсембаев М.А. Проблемы транзита в казахстанском законодательстве и международном праве	454
Сыбанбаева Н.К. Роль ВТО в сфере обеспечения безопасности пищевых продуктов, не соответствующих международным стандартам.....	463
Черняева А.К. Добросовестная конкуренция – условие построения здоровой экономики.....	468
Шапошникова О.С. Значение понятия «инвестиция» в свете международного инвестиционного арбитража	477

**СЕКЦИЯ
ИНТЕГРАЦИОННОЕ ПРАВО
В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

<i>Белова О.С.</i> Место модели общего электроэнергетического рынка ЕАЭС среди современных моделей сотрудничества государств в сфере электроэнергетики.....	492
<i>Вениаминова М.В.</i> Гражданство Испании и гражданство ЕС: взаимодействие статусов	502
<i>Воронина Н.А.</i> Принципы межгосударственной интеграции в сфере защиты прав трудящихся в рамках ЕАЭС	507
<i>Егорова Е.Н.</i> Последствия BREXIT для функционирования внутреннего рынка Европейского Союза	518
<i>Касьянов Р.А.</i> Новеллы в правовом регулировании единого рынка финансовых услуг Европейского Союза.....	525
<i>Костин С.А.</i> О перспективах международно-правовых взаимоотношений Российской Федерации и ЕС в контексте формирования Европейского оборонного союза	533
<i>Мещерякова О.М.</i> Односторонние меры Европейского Союза как фактор, определяющий современные геополитические реалии...	540
<i>Михаленко Ю.В.</i> Реформа правового регулирования противодействия злоупотреблениям на рынке ценных бумаг ЕС (2009–2018 гг.)	548
<i>Постникова Е.В.</i> «Гео-блокировка» как препятствие на пути создания единого цифрового рынка Европейского Союза	552
<i>Саидмухторов А.А.</i> Место АСЕАН во внешнеэкономической политике Российской Федерации	562
<i>Шилина М.Г.</i> Моделирование международно-правового регулирования региональной и глобальной экономической интеграции	567

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

В трех частях

ЧАСТЬ I

Издание подготовлено в авторской редакции

Дизайн обложки Ю.Н. Ефремова

Подписано в печать 16.04.2019 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 33,83. Тираж 100 экз. Заказ 747.

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41